Г. А. Капанцян

ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

II

ՀԱՍԿ
ԱԿԱԴԵՄԻԱ

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ
Հ. ԱՃԱՌՅԱՆԻ ԱՆՎԱՆ ԼԵԶՎԻ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

Գ. Ա. ՂԱՓԱՆՑՅԱՆ

ՊԱՏՄԱ-ԼԵԶՎԱԲԱՆԱԿԱՆ ԱՇԽԱՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ

ՀԱՏՈՐ II

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱՅԻ ՀՐԱՏԱՐԱԿՉՈՒԹՅՈՒՆ
ԵՐԵՎԱՆ 1975

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА ИМЕНИ Р. АЧАРЯНА

Г. А. КАПАНЦЯН

ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

ТОМ II

348635

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН 1975

Настоящий том содержит труды покойного академика Г. А. Капанцяна лингвистического, исторического и этнографического характера, которые он написал в дореволюционный период и в годы Советской власти.

Эти работы были опубликованы в периодической печати, а некоторые вышли отдельными брошюрами. В данном томе труд „Аштаракский говор" печатается впервые. К изучению аштаракского говора автор приступил еще в 1920 году, по поручению академика Н. Я. Марра, однако по разным обстоятельствам его опубликование затянулось.

Первый том историко-лингвистических трудов Г. А. Капанцяна на русском языке вышел в свет при жизни автора (в 1956 году). Вторым томом завершается опубликование его работ.

Подготовка к изданию
и редактирование
Р. О. КОСТАНЯНА

К $\frac{70101}{703(02)-75}$ 38—75

© Издательство АН Армянской ССР, 1975

ОТ РЕДАКТОРА

Труды выдающегося ученого, известного арменист Григория Айвазовича КАПАНЦЯНА издаются в четырех томах: два тома на русском языке и два тома — на армянском.

В настоящем (втором) томе трудов рассматривается ряд важных лингвистических, исторических и арменоведческих вопросов.

Том состоит из двух частей. В первой части помещены труды, опубликованные автором на русском языке, которые расположены в хронологическом порядке.

Вторая часть охватывает неопубликованные труды автора, которые подготовили к изданию Б. А. Вердян и Л. И. Геворкян. Здесь помещены незавершенные труды: „Аштаракский говор" и „Сравнительно-историческая грамматика грабара".

Настоящим (вторым) томом завершается издание его опубликованных и неопубликованных трудов, изложенных на русском языке, а труды, написанные на армянском языке, будут сосредоточены в третьем и четвертом томах, которые выйдут в свет в ближайшие годы.

Считаем необходимым отметить, что некоторые этимологии автора спорны и неприемлемость его взглядов на вопрос происхождения и характера армянского языка в свое время была отмечена в армянской лингвистической литературе.

Р. О. КОСТАНЯН

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДРЕВНЕАРМЯНСКОГО ԱՄԵՀԻ AMEHI

Этимология др.-арм.[1] слова amehi (с основой на -wo- || -ea-)[2] буйный представляет особый интерес, так как она затрагивает ряд принципиально важных вопросов древнеармянской фонетики и морфологии и, отчасти, потому, что она выдвигает, быть может, новую лингвистическую проблему в области взаимоотношений ирано-армянских языковых миров. Интерес этот усугубляется еще и тем, что точное установление происхождения amehi в значительной степени зависит от состояния выясненности именно возбуждаемых им вопросов.

Оставляя пока разбор материальной части нашей темы по существу, укажем предварительно, в чем мы видим сущность нового фактора в сложной области ирано-армянских языковых взаимоотношений, какие могут быть исторические основы его возникновения, и насколько этимология amehi может лишиться полноты и ясности понимания без достаточной выясненности именно этого обстоятельства. Если взять природный остов классического др.-арм. языка, тщательно выделив все заимствования, то оказывается, что это

---

[1] В дальнейшем термин „др.-арм." при примерах будет опускаться. Транскрипция дается по Meillet, кроме ⱶ=p', ⱷ=t' и ⱸ=k'. [В передаче яфетических форм и слов транскрипция, принятая автором, заменена транскрипцией Н. Я. Марра; в передаче армянских словах и формах, где это оказывалось нужным, транскрипция Н. Я. Марра введена дополнительно, в квадратных скобках. *Ред*].

[2] См. Н. Марр, Грам. др.-арм. языка, стр. 70—71; A. Meillet, Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique, Vienne, 1903, стр. 42—43.

ядро, представляющее удивительное скрещение и компромисс двух совершенно разнородных лингвистических систем — яфетической[1] и арио-европейской, еще и вобрало в себя, видимо уже по завершении своей основной формации, и такие новые языковые элементы, которые подверглись влиянию норм собственной армянской фонетики и морфологии и обнаруживают свойства наибольшей сцепляемости с соседними языковыми группами, будучи в то же время весьма далеки от того, чтобы быть названными простыми заимствованиями. Исторически это, быть может, нужно объяснить тем, что и после переселения арио-европейцев, перемешавших и пе-

---

[1] „Правоверным" арио-европеистам, не изучившим вширь и вглубь ни самих армянских языков, ни соседних, можно указать на такие характерные переживания этой яфетической системы, как морфизация; kutr ‖ ktur или p'uxr ‖ *p'xur (>p'šur) [ṗuqr ‖ *ṗqur>ṗшur] и др. Так, чередующийся разновидности kutr ‖ ktur от трехсогласного корня ktr „резать" дают соврем. арар. kudrag (из *kutrak) 'обрубки, большие куски виноградного куста (в противоположность слову ark'ad „мелкие обрезки лоз"; неточно значение и звуковая передача у С. Аматуни, *Հայոց բառ ու բան*, стр. 363) и др.-арм. *կտուր* ktur: 1) прич. имя „отрезанный разломанный"; 2) сущ. во ми. ч. „стрижка (овец), остриженная (шерсть)· разселина, прореха; ср. также виды этого г'ktr в *կտրել* qtr-el (из *kutr-el или *ktu-rel) „резать", *կտոր-ել* koto-rel „рубить, дробить", *կտոր* ktor „кусок", соврем. арар. kodr-el „ломать". К p'uxr ‖ *pxur (>p'šur) [ṗuqr. ‖ *ṗqur (>ṗшur)] ср. *փուխր* p'uxr [ṗuqr] „рыхлый, хрупкий" (=соврем. p'ux [ṗuq]) и *փշրել* p'šr-el (из *p'ušr-el или *pšur-el) (ṗшr-el) [из *ṗшur-el или *ṗшur-el] „раскрошить", соврем. jarı' и p'šur anel [ǰarə и ṗшur anel] „разбить в дребезги". мокс. p'šur mi [ṗшur mi] „одну крошку; крохотка, немножко" (курдс. p'əšrin есть заим. из арм.),— все от первичного г'*p'k'r [ṗqr] „превращать в порошок крошки" (груз. яз. вместо этого *p'k'r [ṗqr] дает p'k' [ṗq]+чередующиеся сонанты w, r, l и n: ფქვა ṗqv-a „молоть", ფხვიერი ṗqv-ieri „рыхлый", ფშვიერი ṗшv-ieri „сухая мелкая земля"; мингр. ფხურება ṗqur-eba „крошить", ფუშრუჭი ṗшur-uki „кушанье из муки и меда", ფაშარი ṗaшar-i „рыхлый, валеный"; ფშხალული ṗшqal-uli „рыхлый, рассыпчатый" с шq из q; ფხუნა ṗqwn-a и ფშხუნა ṗшqwn-a „крошить", с шq<q. Наконец, любой индо-европеист, изучивший и.-е. элементы арм. языка, должен признать, что такие слова, как *սովորել* sovor-el „учиться", *խորովել* xorov-el [qorovel] „жарить", *կեղեքել* kelek'-el [ke|eq-el] „раздирать; эксплуатировать", *ձեծել* cec-el [ǰei-el] „бить", *ծածուկ* cac-uq [ǰaǰ-uk] „скрытый", *պատել* pat-el „обвить, охватить", *խիղճ* xilč [qilǰ] „совесть" и пр. не могут иметь ар.-евр. вида и отвечать морфологическим нормам этого языка.

рекроивших пеструю этнику исторической Армении, в последнюю продолжали притекать отовсюду различные этнические струи, которые, просачиваясь и претворяясь в основной местной среде, не могли не иметь известного влияния на конечную формацию haioarmen'ской народности, тем более, что этот процесс завершается только к эпохе Артаксия и Зариадра (начало II в. до Р. Хр.)[1]. Последствия этих этнических приливов, вызывавших внутреннее брожение и сопровождавших главный процесс национализации страны, несомненно должны были сказаться в форме переживаний и на живом духовном детище самой нации,— на ее языке. В частности же, привнос Атропатенской окраины (через иранские племена мадов, мардов, гелов, саков и др.)[2] мы усматриваем в следующих элементах языков Армении, долженствующих занять особое положение в кругу их ариоевропеизмов. Пока нам удалось выделить:

√ aw- „неистовствовать; иметь побуждение, влечение; вырываться, устремляться": в a) *աւիմ* aw-im=b) *աւանդիմ*

---

[1] См. Н. Адонц, Армения в эпоху Юстиниана, стр. 395 и сл.

[2] Для оценки армено-семитических взаимоотношений считаем не лишним указать на следующие характерные случаи: a) *պակաս* pakas (нескл. прил. и нар.) „меньший, недостающий; меньше", при арабс. وكس wakasa „он уменьшился, он убавился"; b) *պահակ* paŕak „лядвея, бедро" (на которое ложится свинья) с глаголами *պահակիմ* paŕak-im и *պահկիմ* paŕik-im „ложусь" (=соврем. paŕkel) при арабск. وارك wark-un (Wirk-un) или وارك warik-un „бедро, верхняя часть ляжек" с заимствованным груз. ბარკალი bark-al-i „голень, лядвея, бедро, задняя или передняя нога барана" (груз. ბარძაყი bardaki „ляжка, лядвея" есть заимствование из пехлевиского *barzak, как производного от старо-иранск. основы *barz-, предлежащей и в заимствованном *բարձ* bārj [bard] „голень, лядвея, бедро", нов.-перс. بال bāl „плечо, крыло"?); c) *պահակիմ* paŕak-im „расхожусь (на охоте за дичью)", откуда с учащательным суф. -at-, -t- *պահակատիմ* paŕakat-im и *պահակտիմ* paŕakt-im „расхожусь, разделяюсь, отделяюсь", при арабс. فرق faraḳa „он разделил"; — ср. также *փեռեկիմ* p'eŕek-em [p'eŕek-em] „расторгаю"; d) *փեղկ* p'elk [p'elk] „кусок, часть (дерева, сукна)", *փեղկիմ* p'elkim [p'elk-im] „раздваиваюсь", при арабс. falaḳa-hu „он расколол, расщепил то".

aw-and-im[1] „сумасбродствую, бесную́сь"; c) աւիւն aw-iwn „природное влечение, побуждение, порыв"; d) աւելոց, աւալոց, աւոլոց ելանեմ aw-el-oç, aw-al-oç, aw-ol-oç elanem (aw-el-oθ, aw-al-oθ, aw-ol-oθ elanem) „вспрыгиваю; шарахтаюсь, вспугиваю"[2]; e) աւոզական aw-oł-a-kan [aw-o]-a-kan] „пугливый; без толку прыгающий". Этот √ aw-, имевший в древнейшем своем употреблении общее среднее значение, „стремиться, устремляться", есть точный эквивалент авестийского √ hav- гнать, „понукать, побуждать" („antreihen"; ai. suvâte, sûtaḫ" — см, Chr. Bartholomae, Altiranisches Wörterbuch, стр. 1782).

Հաւ haw „начало" и հաւակ haw-ak „первопричина", означая собственно „зарождение", и „зарождающий", представляются нам вероятными отложениями (via-iraniaca!) и.-е. корня *sew- „рождать" в скр. √ su- (sûtē) „рождать", ав. √ hav- „gebären von daēvischen Wesen" (Altir. Wb., 1782), готс. sunus „сын", литовс. sûnùs, слав. сынъ, греч. υἱος[3], — с удержанием начального h в haw и hawak как и в հին „старый" (=гр. ἔνος, лат. senex скр. sánā, ав. hanō и пр.). Но переживания и.-е. √ *sew- „рождать" можно усмотреть, пожалуй, и в другом слове, отражающем уже влияние „фригийских арио-европейцев, а именно в աւաւտ aw-awt „начало утра" и с предлогом aṙ- в առաւաւտ aṙ-aw-awt „утро", — семасиологически ср. соврем. арар. cēk" (<*cayg) [tēq (<tayg)] „рассвет" и клас-

---

[1] К суф. -and- ср. զահանգիմ z-ah-and-im „страшусь" от աճ ah „страх с предл. z. Видимо этот суф. -and-, как первоначальный форматив для прич. наст. вр., предлежит и в կենդանի kendani „животное" из полной формы *ke-and-an-i, ср. կեամ ke-am „живу".

[2] Здесь aweloç [awelоθ] есть прич. буд. вр. от *awim внезапно устремляюсь в сторону, а awaloç [awaloθ]—от формы *aw-am, если, конечно, в серединном, а этого причастия awaloç [awaloθ], не усмотреть уподобления гласному a в прич. aweloç [awelоθ], как в серединном o формы awoloç [awoloθ]—гласному o последнего слога. (Все эти формы приводит Ручн. сл.).

[3] Отнесение к этим словам также и զաւակ zaw-ak „чадо, дитя" с предл. z (ср. напр. զարմ z-arm „колено, род" и արմն arm-n „пень, нижняя часть ствола, корень") и суф. -ak наталкивается на помеху в грузинском глаголе ზვ33ა zvev-a „рождать, телиться".

сическое ճագիմ cag-im [iag-im] „зарождаюсь, происхожу; начинаюсь; восхожу“ (солнце).

√ am- „пара“ в ամորձիք am-orjik‘ [am-ordiq] pl. tant. „testicuil“ (при որձիք orji-k‘ [ordi-q] id.=гр. ὄρχις, см. Hübschmann, AG, 483) и ամոլ amol (осн. на o) обык. во мн. ч. „пара упряжных“ из am- „пара“+ol=?[1] Арм. am-=ав. (гатск.) yəma- муж. р. „близнец“, скр. yamâ- муж. р. id. (AirWb, 1291—1292). Потеря начального y в am- такого же фонетического происхождения, как, вероятно, и в

ամամ am-am „ввергаю, всыпаю, вливаю“, ամայեմ amayem id., откуда (от √ am-), быть может, и աման aman „сосуд“[2], имея ввиду ав. yāma- муж. р. „сосуд“, ново-перс. jām „чаша“ (см. AirWb, 1264 и 1286), как возможные производные от некоторого старо-иранского √ *yam- „вливать“.

√ yam- „сдерживать(ся)“ в յամեմ yam-em или յամենամ yam-en-am „мешкаю, медлю“, յամր yam-r „косный, медлительный“, յամայր yam-ayr „долгий, длительный“ и յամաւոր yam-aṙ (собств. „сдерживающий“) „упрямый, упорный“= ав. √ yam- „держать; схватывать“ (AirWb, 1262—1263), скр. √ yam- „держать“ (yamáyaṭe „сдерживает“). Что касается сохранения арм. √ yam- начального y, исчезнувшего в двух предшествующих случаях, то это необычное для арм. фонетики явление обычное также для другого корня, тоже несомненном пережитке указанных исторических процессов именно в

---

[1] Быть может это -ol с потерей первоначального w (vl) есть родственное с „вод“ слово, при тождественном же значении? В соврем. диал. amboł „первая пара быков при плуге“ (см. Амат., 27) фонема b есть скорее позднейшее развитие.

[2] Слово aman „сосуд“ сопоставляется также с скр. ámatra—„кружка, чаша, сосуд“, греч. ἀμίς „ночной горшок“, ἄμη „ведро“ и пр. (AG, 416). К суф. -an, как формативу для вмещающих предметов, подобно иранскому суф. -ana-, ср. կայան kay-an стоянка (при կամ ka-m пребываю, стою), հնձան hnj-an [hnd-an] „давильня; место выжимания винограда“ и пр.

[По сообщению Н. Я. Марра, не надо забывать, что с աման a-man, а также г. ქალაბანი qal-a-bani (вульг. ქალაბანი qal-a-bani) „лапти“, букв. „сосуд для ног“, причем ქალ- qal- нога самостоятельно не сохранилось, но, несомненно, с именем этим находится в связи арм. քայլել qayl-el „ходить“, диал. քելել qel-el и քալել qal-el id. *Ред.*].

√ yoyz- „искать, возбуждать", как յուզեմ yuz-em „ищу, разыскиваю; взбудораживаю, возбуждаю, раздражаю" с позднейшим ուզեմ uz-em „ищу, разыскиваю" и соврем. диалект. (арар. и мушск.) uz-el „желать, хотеть", где √ yoyz- восходит к старому *yeuz- или *youz-, соответствуя ав. √ yaoz- (yaozaiti) „двигаться, волноваться", ново-перс. razmyōz „ищущий битвы" и пр. (AG, 199).

Фонетические данные am- „пара", amam „ввергаю", √ yam- „сдерживать(ся)", √ yoyz- „искать; возбуждать" и, с другой стороны, чистых представителей и.-е. периода как լեարդ leard „печень" (=скр. yákrt, ав. yakar-, лат. iecur и пр.) и լուծ luc [luṭ] „ярмо" (=скр. yugám, гр. ζυγόν, лат. iugum и пр.) лучше всего свидетельствуют о двух сосуществовавших течениях в выработке и.-е. части арм. языков,— в одной языковой среде начальный y (+гласный) с течением времени исчезало, в другой же перерождалось в l[1].

արդիւն ard-iwn (осн. на -ean-)[2] обык. во мн. ч. „плод произведения, продукт, доход"[3], как производное abstractum от некоторого √ *ard- „развиваться, расти, преумножаться" (!)=ав. √ arəd- „способствовать преуспению, росту" („gedeihen lasseu" AirWb, 193), скр. √ ardh-(ṛdhnōti) „успевать". Если верно сопоставление этих индо-иранских корней с гомеровским ἄλθομαι „исцеляюсь, заживаю" (AirWb, ib.), то арм. r в ardiwn вместо ожидаемого l еще лучше выдает не „фригийский" источник проникновения этого слова, если,

---

[1] Это фонетическое явление (l < y) продолжается, видимо, и в современных диалектах, ср. заимств. аштаракс. lupka „юбка".

[2] Этот отвлеченный суф. -iwn предлежит и в awiwn (см. выше), ariwn „кровь" (AG, 424), ankiwn „угол" (AG, 419) и продолжало употребляться впоследствии, как բոմբիւն bombiwn „звон, гром", գոչիւն goč̣iwn [goḍiwn] „зов" и др. Непонятно нам значение суф. -iwn в heriwn „шило" (AG, 467). Вероятно, этот абстрактный суф. -iwn входит и в состав сложного -ut'iwn [uθiwn] как մեծութիւն mecut'iwn [meiuθiwn] „величие" от մեծ mec [mei] большой и пр.

[3] Синонимом ему является слово արգասիք argasik' [argasiq] „плод, продукт", который вместе с արգաւանդ arg-a-wand „плодородный", արգանդ arg-and „утроба (матери)" и զարգանամ z-arg-an-am „развиваюсь" предполагает первичную существительную базу *arg „плод",— тоже несомненный пережиток арийского мира, как нам думается.

конечно, что̀ мало вероятно, исключить в данном случае возможность чередования в самом праязыке и.-е. разновидностей „ardh- ‖ *aldh-.

երկնչիմ erk-nč-im [erk-nǰ-im] (аор. erk-eay) „боюсь, трушу“ с производным *երկիւղ* erk-iwł [erk-iw] (Род. -keł) „опасность“ при ав. ərəγant- прил. (в женск. р. ərəγaitī-) „страшный, ужасный; мерзкий, отвратительный (про ад и мух)“ („entsetzlich, abscheulich“, AirWb, 349)[1].

արկանեմ ark-an-em (аор. ark-i) „бросаю, кидаю“=ав. √ harək-„„emittere“: weg, bei Seite werfen, fallen, lassen“ (AirWb, 1788). При независимом друг от друга восхождении к и.-е. древности, чему отчасти мешает их нахождение только в двух, и то смежных языках, корни арм. erk- и ав. ərəγ-, с другой стороны арм. ark- и ав. harək- могут восходить к прототипам „rg(w)- и *serk- (не *serkʷ-)[2].

ժամեմ žt-em (собств. žət-em<*žit-em) „умоляю, неотступно прошу, домогаюсь просьбами“, *ժիտ* žit прич. имя „умоляющий“, при ав. √ gad- „просить“ (основы для наст. вр. jadiya- jaiδya- и для страд. зал. ǰaiδya-, ǰiδya-) с пехлевийским его переводом žāδītan и žastan; гр. θέσσασθαι, др.ирл. guidiu „прошу“ (AirWb, 487). Последние формы указывают на и.-е. √ gʷhed-, а не *gʷhid-, к чему только и могло восходить арм. žit-[3]. Но несамостоятельность этого žit- усиливается еще и тем, что и.-е. начальные *gh и *gʷh перед ē и u (y) всегда предлежат в арм. аффрикат j [ǰ] *(ջ)*, а не ž [ž] *(ժ)*, как в ǰeṙnum [ǰeṙnum] „греюсь“ с ǰer, ǰerm и ǰermn [ǰer, ǰerm, ǰermn] от и.-е. √ *gʷher- „θέρομαι“ (AG, 486), ǰiṙ (ǰił) [ǰił] (ǰił)] „нерв“ от праформы gʷhǐsl- в слав. žila „жила“, прусск. gisło id., лит. gýsla „жила, вена“, и пр.,

---

[1] См. другое толкование: Н. Марр, Яфетич. элементы в языках Армении, ч. III. [Мы остаемся при прежнем толковании на основе яфетической, *Н. М.*].

[2] Об и.-е. *k (не *kʷ), отложившемся в арм. k *(կ)* и его аффрикатах с [ǩ] *ծ* и č [ǰ] *ճ*, будет особо. [И для ark- ‖ ank- у нас есть иная этимология на яфетической почве. *Н. М.*].

[3] Ср. *գտանեմ* gtanem „нахожу“ (egit „он нашел“) или *լքանեմ* lk'anem [lqanem] „оставляю“ (elik' [eliq] „он оставил“) от и.-е. √ √ *wid- и *likʷ- (AG, 437 и 455).

(AG, 486) и еще, как нам думается, в ջին ǰin [ǰin] (осн. на а) „дубина, палка для побоев", относящемся к и.-е. √ *g^{w}hen- „бить, ударять" (ср. др.-арм. գան gan „удар, побои", гр. θείνω „ударяю", скр. hánti „убивает" = ав. ǰaiṇti = ново-перс. zanad „ударяет", скр. ghaná- „дубина, палка" и пр., AG, 431)[1].

Совр. диал. (арар. и ширак.) գոտսել gots-el „бить, колотить кого-либо" (Амат., 148) при заимствованных из иранского — վարսեմ vars-em „ударяю в землю, вбиваю в стену (гвоздь)" и совр. диал.[2] վարսանգ var-sang или վարսանդ vars-and „цепь для молотьбы смоченных зерен пшеницы", предполагающих некоторый старо-иранс. √ *vars- „бить; колотить по чему-либо".

Совр. диал. (арар. и лорийск.) գաղտ gaγt [gaġt] „темя, маковка головы" (Амат., 124) при ав. vaγδana- ср. р. „голова благих существ (человека, верблюда)"; „темя, маковка (головы)" (AirWb, 1336).

ձոժիւն t'ož-iwn (осн. t'oživni-) [ʤoǰɪwn, ʤoǰɪwnɪ] „птенец, щенок, медвежонок" при курдс. tœža, tœžang (уменьш.) „детеныш зверей и птиц" (Егиаз.)[3]. Независимое развитие этих слов от одного общего и.-е. первоисточника должно быть отвергнуто, во-первых, фактом близкого разделения их только двумя соседними языками, затем — сравнительной редкостью фонемы ž [ǰ] в и.-е. элементах арм. языка, кроме разве одного իժ iž (осн. iži-) [ɪǰ, ɪǰɪ] „ехидна" из *éghi- (в

[1] По-видимому, имеются случаи, когда и.-е. *gh и *g^{w}h перед палатальным *ĕ и *i (*y) сохраняют в армянском также и гортанное произношение, т. е. не перебойный вид, сохранившись не в аффрикате ǰ [ʤ] (ǧ), как полагалось бы по норме др.-арм. фонетики, а в твердом g (ġ). Таковы случаи: գեղձք geǰj-k' [geʤdq] „железы" = слав. žleza „железа" из *ghel-gha — (AG, 433) и գեղձամ geǰj-am [geʤdam] „сильно желаю" = слав. želěti· želati „желать" от и.-е. √ *g^{w}hel- (AG, 433). К ним мы присоединяем и գէր gēr „жирный", сравнивая с „жир", — оба от и.-е. базы *gheyr-. Мы склонны в g этих трех арм. слов видеть наследие и.-е. *gh, а не *g^{w}h, о чем будет сказано особо.

[2] Форма varsang встречается по словарю о. Аматуни в селах: Аштарак, Парпи, Ошакан, Вагаршапат и Памбак, а вторая форма varsand в Муше и Абаране.

[3] С. А. Егиазаров, Кратк. этнограф. очерк курдов Эрив. губ. (Записки Кавк. отд. Имп. русск. геогр. общ., Тифлис, 1891, кн. XIII).

ав. aži-, скр. áhi-, гр. ἔχις и пр.), да и то считаемого Bartholomae за заимствование из иранского (см. у Hübschm., AG, 450)[1], далее—необычным для и.-е. праязыка предполагаемым нашими словами видом корня *taug^{w}g-[2] и, наконец, весьма вероятным отнесением арм.-курдс. слов, как производных от обще-арийского корня *tauk- „производить потомство" (!), который только на иранской диалектической почве и может дать форму с ž;—ср. к этому предполагаемому нами индо-иранс. √ *tauk- ав. taoxman- ср. р. „семя, зародыш; мн. ч. родство", скр. tókman- ср. р. „молодой ячменный стебелек", др.-перс. tauma- жен. р. „род" („ob aus uriran. *tauxm°?", AirWb, 623—624). Более чем знаменателен факт созвучия с этим √ *tauk- тюркских: وغمق طوغمق tōγ-mak „родиться; восходить", азербайджанс. دوغمق dōγ-mak id. Суффикс же -iwn в t'ožiwn [ðojiwn] по происхождению такого же уменьшительного характера, как и в *կորիւն* kor-iwn (осн. korean-) „щенок, детеныш зверей; урожай (растений)" при курдс. kuṙ „сын, мальчик",—ср. гр. μόσχος, как уменьш. от μόσχος „теленок, бычок" (=*մոզի* mozi, см. AG, 475)[3]. К арм. o=курдс. ō̆ ср. также *ոզն* još [doǰ] „жердь, шест" и курдс. zōela id. (Егиаз.)[4].

---

[1] Заимствование должно быть признано, по нашему, и арар. *թէժ* t'ež [ðeǰ] „свеже-горячий" (лучи, угли, очаг)=ав. taēγa-, taēža- „острый, острие", скр. tējas- и „острота; огонь, жар, зной; свет, блеск, красота, сила, величие; достоинство".

[2] Ибо избегается стечение в одном и том же и.-е. корне двух конечных согласных, как глухой в начале корня и звонкий придыхательный в конце;—см. Мейе, Введение в сравнительную грамматику индо-европейских языков, перевод проф. Д. Кудрявского, Юрьев, 1911, стр. 243.

[3] Для точного установления этимологий арм. mozi нужно принять во внимание и курдс. moz „годовалый теленок, бычок" (Егиаз.).

[4] К истории армено-курдских языковых взаимоотношений, отражающих уже влияние местного „яфетического" мира на курдский, а также к истории фонетических соотношений арм. и курдс. спирантов,—ср.: a) курдс. suži „сыворотка" (Егиаз.)=ново-армян. (диал.) sičuk [siðuk] d.; где курдс. š есть вероятное развитие из s под влиянием ž; b) курдс. سیلسیل (в сел. Зор, Эрив. губ., по нашему наблюдению „səlsəl") „glaçon qui couvrent une ruvière" (по словарю Justi-Jaba) при соврем. арм. диал.—səłin „льдина, кусок льда в реке" (в сел. Аштарак, Эрив.

√ k'aw- „отстранять, устранять(ся) в *քաւ լիցի* k'aw liçi [qaw liθi] „да отстранится; (перен.) да не будет", *քաւ ի* k'av i [qaw i] предл. с отл. п. „прочь от-, кроме" и *քաւեմ* k'aw-em [qaw-em] (собств. „устраняю, удаляю" resp.) „очищаю(сь) от грехов, отпускаю грехи" при курдс. az de k'awəm „нападаю, впадаю, попадаюсь, бросаюсь, вхожу, влезаю" (по Ерназ.) и осетинском qav-jn, ɣaw-un „склоняться, иметь в виду, намечать, стремиться" („zielen, beabsichtigen, trachthen""—W. Miller, Die Sprache der Osseten, стр. 59). В семасиологическом отношении курдо-осетинские формы предполагают общее первоначальное значение „стремиться, устремляться", что по отношению к арм. „отстраняться" является одним из логических концов одного и того же понятия (в роде соврем. диал. çaw [ðaw] anel[1] „разглашать, оглашать", собств.: „делать разглашенным, оглашенным", и слав. чоүти „чуять, чувствовать", относящихся к и.-е. √ *k^{w}yew-[2]. При чистом же своем индо-европеизме др.-арм. √k'aw- [qaw] вместе с курдс. √k'aw- совместно могут свидетельствовать об и.-е. ряде *k^{w}ew-, *k^{w}ow- и *k^{w}u-, имея

губ., по нашему набл.) и *սխին* sxin „замороженные фрукты" (в сел. Зейба, по слов. Аматуни, стр. 705); c) курдс. شلن šalan „pêtrir, macérer, masser" (по слов. Justi-Jaba) при др.-арм. *շաղել* šał-el. id. (=ашт. šał-ał-el), на что указывается и в словаре Justi-Jaba; d) курдс. شو šiw „baguette, tuyau de pipe" (по Justi-Jaba) при арар. и мушс. *շիւ* šiw [šiw] id. (по Амат.); e) курдс. še „русый" и др.-арм. *շէկ* šek (=ашт. šeg) [šek, šeg] id.; f) курд. خیز xez (xiz) „песчаный" при *խիճ* xič [qič] „щебень"; g) زل zil „tige, liguruette"=совр. арм. cil [jil] id.; и пр.

[1] См. Գ. Պապաճ, Կամուժպիկ. Тифлис, 1878, стр. 27. Это слово и ныне употребительно в селении Аштарак, Эрив. губ., хотя сравнительно редко.

[2] Этот предполагаемый нами и.-е. *k^{w}yew-, как общий корень для армянского и славянского, представляется нам чередующимся двойником и.-е. *k^{k}ew- в ав. (гатск.) √ kav- „предусматривать", скр. â kuvate „он имеет в виду", лат. caveo (AirWb, 422). К чередованию индо-европейских разновидностей *k^{w}yew- ‖ *k^{w}ew- ср. аналогичные *syew- ‖ *sew- „шить" в скр. syūtáh „сшитый", лит. siūtas, др.-слав. шити (из сjыти),—и, с другой стороны, скр. sūtrám нить, лат. sutus (по Мейе, Введение, стр. 140).

в виду, что курд. k' за немногими исключениями[1] всегда восходит к старо-иранскому k; осетинские же q и ɣ всегда исходят из старого g (Die Spr. d. Oss., § 23,8) и в этом отношении не поддерживают армяно-курдских форм.

պակէիմ pak-č-im [pak-ϑ-ım] (аор. -keay) и *պակնում* [pakn-um] (аор. -keay) „замираю от страха и удивления, изумляюсь" при ново-перс. بِاکیدان bākīdan „timere", باك bāk „timor, sollicitudo" (по Vullers'y). Возможно развитие начальных арм. p и перс. b из старого v в роде *պիծակ* pic-ak [piϑ-ak] „оса, ктир, овод, шмель" и перс. بیز biz „vespa" apis, (Ib.) ḥpri курд. vəzek „комар" (ср. семас.—ново-арм. mocak „комар, мошка" и курдс. moz „оса, шмель), и тогда общее с ними происхождение, быть может, разделяет и *վախեմ* vax-em [vaq-em] „боюсь" из *vak-, как те же pakčim [pakϑim] и paknum дают разновидности paxčim и paxnum [paqϑim, paqnum], „страшусь, трепещу, ужасаюсь" или *պաճար* pač-ar [paṭ-ar] „домашний скот" из *pakar, откуда измененные *պաքար* pak'ar [paq-ar] и *պախրէ* paxrē [paqrē] „скот (корова, бык)"[2].

մորմոքիմ mor-mok'-im [mor-moq-ım] „сетую, скорблю", — есть усиленно-удвоенная форма от основы *mok'- [*moq-], к чему ср. ново-перс. موژ (mōž) и موژه (mōža) „maeror, molestia" (по Vull.).

Совр. диал. *մարմանդ* mar-mand (нескл. прил. и нар.) „медленный (течение речной воды); медленный, равномерный (горение огня)" при скр.: manda- „медленный, слабый", mandam (Вин. п.) „медленно, тихо" и усил. mandam mandam или

[1] Эти исключения суть: a) курд. k'âyîn „отрыгать жвачку; жвачка" (Егиаз.)=ново-перс. xāyidan „разжевать" („mandere, manducare"). ав. √ xad- с предл. vī- „раздавить, расщеплять" („auseinander quetschen" AirWb, 531), скр. √ khad- (khādati) „жевать, съедать"; b) курдс. k'ar „осел"=ново-перс. xar, ав. xarᵊ-, скр. khára- id. (AirWb, 532); c) курдс. k'annin (k'anin) „смеяться" (из *kand-?)=ново-перс. xandidan „ridere", *խնդամ* xndam (из *xind-am) [qndam<*qindam] „сильно радуюсь"—ср. չարախինդ čaraxind [ϑaraqind] „злорадный"; d) курд. k'ur „глубокий" при *խոր* xor [qor] id.; e) курдс. k'olan, q'olayîn „копать, рыть" при совр. арар. *խոլել* xol-el [qolel] „ковырять". О природе курдских k' и k, соответствующих и.-е. *kw, *k будет особо.

[2] К этому яфетическому √ *pak- „скот" ср. и.-е. *pek-u- „мелкий скот".

348635

mandamandam „совсем медленно, тихо". Это сопоставление, независимо от линии исхода арм. формы, обусловливается нами рассмотрением морфологической структуры слова marmand как усиленно-удвоенной формации от простого *mand с изменением первой части удвоения в mar- (т. е. *mandmand> *madmand>marmand). Аналогичные формы удвоения и изменения d в r с потерей носового элемента мы видим также в совр. диалектических[1]: հարհանդ harhand (нескл. прил. и нар.) „медленный, спокойный (про движения людей, разговор)" из *hadhand (<*pand-pand-?) и զարզանդ zarzand (нескл. прил. и нар.) „страшный (глубина ущелья, вид лица, моря)" из *zadzand, а также в др.-арм. կաշկանդեմ kaškand-em [kaшkand-em] „туго связываю, завязываю" из старого *kar-kand-em (к rk>šk [mk] ср. կարկառ karkaṙ „груда камней" и կաշկառ kaškaṙ [kaшkaṙ] id[2]. լերկ lerk „гладкий" и լեշկ leška [leшk] id.[3]. Одинаковое с этим marmand и др. положение должно занять, по нашему, и др.-арм. մարմին marmin „тело, плоть" при единственном скр. marman- „обнаженная и уязвимая часть тела" (AG, 473).

Указанной иранской же сферы зарождения[4] и др.-арм. слово amehi „буйный, неистовый", точное генетическое со-

---

[1] Значение и употребление этих marmand, harhand и zarzand даются нами по аштаракскому говору арар. наречия (из личного нашего знания), хотя эти слова довольно богато представлены и другими диалектами,—см. А м а т., стр. 389 и 186.

[2] Грузинское კრეკრი karkari „высокий утес, скат, крутизна", несмотря на семасиологическую разницу, представляет вероятное заимствование из армянского, имея в виду особенно отсутствие диссимиляции двух r, столь излюбленной в грузинской фонетике (т. е. ожидали бы *karkali).

[3] Вспомогательный характер r в marmand, harhand, zarzand и *karkand- проявляется также в таких Intensiv-Iterativa, как բորբոքիմ borbok'-im [borboq-ım] „воспламеняюсь" из основы *bok'- [boq], сохранившейся в перебойном виде в слове բոց boç [boʊ̯] „пламя"; մորմոքիմ mor-mok'-im [mor-moq-ım] „сетую, скорблю" из основы *mok'- [moq] (см. выше), բարբանջեմ bar-banǰ-em [bar-banǰ-em] „болтаю, говорю, чушь, вздор" из простой основы *banǰ- [banǰ], сохранившейся с потерей носового n в բաջագիմ baǰ-aṙ-ım [baǰ-a-ṙım] „пустомелю, говорю вздор, чепуху".

[4] Мы еще будем иметь случай отдельно показать, как на производных формах нескольких корней и.-е. древности своеобразно сказались скрещения влияний двух различных этнических миров.

стояние которого должно находиться в неразрывной связи с выясненностью истинного существа если не всех, то, по крайней мере, большинства вышеприведенных примеров. Что касается этимологии amehi, то основой сравнительного его изучения мы берем устанавливаемое нами его родство, как однородной грамматической величины, с др.-перс. hamiθ^{r}iya- прил. „мятежный, вероломный, отпадающий (про города, страны, народы, личности)" („aufrührerisch, abtrünnig", AirWb, 1777—1778). Семасиологическое их соотношение почти такое же, как и в заимствованных из пехлевийского 𐭮𐭬𐭲𐭯𐭠𐭪𐭩𐭪 stambak „необузданный, озорный" (=ново-перс. sitamba, см. AG, 240) и 𐭠𐭯𐭮𐭬𐭲𐭯𐭠𐭪𐭩𐭪 ap-stamb „мятежник, повстанец", предполагающих некоторый старо-иранс. √ *stamb-! „упорствовать".

Сравнительный же фонетико-морфологический анализ др.-арм. amehi, насколько это дается по известным данным обще-армянской языковой системы, обнаруживает для этого частного случая своеобразное скрещение разнородных переживаний одних и тех же грамматических элементов, а в прямой зависимости от характера этих переживаний должен отчасти находиться вопрос и о самом происхождении amehi, в более тесном понимании—о природности или заимствованности этого слова. В частности, если не принять в учет значение таких факторов, как тождественность данных образований, и то в смежных языках, а также вышеуказанную роль иранских племен в формации арм. языка вообще,—что будет, конечно, весьма произвольным,—то в таком случае имеются данные, которые могут говорить в пользу и независимого развития amehi на армянской языковой почве.

В этом отношении предполагаемый на основании др.-арм. amehi и др.-перс. hamiθ^{r}iya-[1] их общий прототип *sommitriyo- вот насколько может оказаться свойственным др.-армянскому языку:

[1] Bartholomae, рассматривая др.-перс. hamiθ^{r}iya-, как производное притяжательное от hamiθra-, состоящего из префикса ha- (=ham, AirWb, 1772) и miθra-, считает последнее „вероятно родственным" с готс. maidjan. лат. mūtare (ib., 1778). Попытки же Justi найти сомненные к hamiθ^{r}iya- величины в самих иранских языках с предполагаемым к miθra- и пр. исходным корнем *mith- „сочетать"—справедливо оспариваются Bartholomae (см. „Zum AirWb" стр. 202).

Конечный суф. *-iyo-, как форматив для образования и.-е. притяжательных прилагательных и отвлеченных существительных (см. Мейе, Введение, стр. 219)[1], продолжал образовывать в др.-армянском такие притяжательные прилагательные, как *աղի* ałi [ałi] „соленый" от *աղ* ał [ał] „соль", *երկաթի* erkat'i [erkaθi] „железный" от *երկաթ* erkat' [erkaθ] „железо"—*ազգի* azgi—„по нации, по роду", от *ազգ* azg „нация, род" и пр., удерживая в качестве пережитка различие мужской (на -wo-) и женской (на -ea-) основ, соответствующих и.-е. *-iyo- и *-iya- (см. Meillet, Esquisse, стр. 50)[2].

Затем, что касается распространения в др.-армянском и.-е. предглагольного *som- „со-, вместе", засвидетельствованного славянским сж- и индо-иранским sam- (типа слав. сжсед и скр. sam-sad- „собрание"—Мейе, Введ., 130), то оно, видимо, представлено др.-арм. *համ-* ham- или *ամ-* am- в глаголах: *ամփոփեմ* am-p'op'-em [am-ʂoʂ-em] „собираю во что-либо"[3], *համբառնամ* ham-baṙ-n-am и *ամբառնամ* am-baṙ-n-am „поднимаю, возношу" при *բառնամ* baṙ-n-am „поднимаю", *համբերեմ* ham-ber-em „терплю" при *բերեմ* „приношу" и *հանդիպիմ* ham-dip-im (из ham-dip-im?) „встречаюсь" при *դիպիմ* dip-im „сталкиваюсь, случаюсь",—если, конечно, это арм. ham- (am-) не есть такое же заимствование из иранского, как и словообразующее *համ-* ham- „одно-; все-" (типа *համահայր* ham-a-hayr ὁμόπατριος, др.-перс. hamapitar- и *համաշխարհական* ham-ašxarha-

---

[1] Типа скр. gáv-ya-ḥ „коровий", др.-арм. *կոգի* kogi „масло" или скр. áçv-iya-ḥ „лошадиный", гр. ἵππιος и скр. svapn-(i)y-am „сновидение", лат. somnium и пр. (ib.).

[2] Такие существительные, как *քրմուհի* k'rm-uhi [qrm-uhi] „жрица", *թագուհի* t'aguhi [θag-uhi] „царица" и пр., весьма правильно сохраняют только одну женскую основу на -ea- в противоположность другим существительным на -i со смешанным -wo- ‖ -ea- склонением (см. о склонении—Н. Марр, Грам. др.-арм. яз., стр. 65 и 71).

[3] Ср. *սփոփեմ* sp'op'em „утешаю; собираю во что-либо?" из *z-p'op'-em, как и *սրաւեմ* sk-awł-em „закрываю вуалью" из *z-k'awł em (при *քաւղ* k'awł „вуаль"), или *սթափիմ* st'-ap'-im „очнуться, прийти в себя" из *z-t'ap'-im при *թափիմ* t'ap'-em „лью, сыплю вниз" (с усил.-удв. *թաւ-թափեմ* t'aw-tap'-em „от-стряхиваю"). Во всех этих случаях, т. е. в s'op'em, sk'awłem и st'ap'im, мы имеем ассимиляцию первоначального звонкого z следующему глухому (p', k', t').

kan [ham-ašqarhakan] „всемирный, всеобщий“ см. AG. 174—176)[1]. Исчезновение же одного m в amehi вм. ожидаемого *ammehi можно объяснить особенностью др.-арм. фонетики, не терпящей стечения двух одинаковых согласных, к чему ср. также ամեթ amet‘ [amēθ] (вм. *ամէթ *amēt‘ [amēθ] „основательный, устойчивый“ из am- вм. an- „не-“+met‘ (вм. mēt‘) [mēθ (вм. mēθ)] „меняющийся, шатающийся“ = ав. (гатс.) maēθa- „качающийся; переменчивый, изменчивый“, maēθā- жен. р. „колебание, сомнение; смена“, скр. methete „они качаются туда и сюда“, готс. inmaidjan „inmutare“ и пр. (AirWb, 1106, 1107) и ամուլ amul[2] „бесплодная (женщина) из am- вм. an- „не-“ + mul-=скр. múla- ср. р. „корень, начало“[3].

---

[1] Отнесение у Мейе (Введ., 130) арм. ham-, видимо, предглагольного префикса, к и.-е. *s°m- мы считаем неправильным. Производным от этого и.-е. *s°m-, частного вида и.-е. √ *sem- „один, сам“ (Ib.), является только др.-арм. ամեն amēn „всякий“, omnis (см. AG, 416) и, быть может, համայն ham-ayn „весь, totus“ с суф. -ayn как в երկայն erk-ayn „длинный“ (ср. երկար erk-ar Id.) и ունայն un-ayn „тщетный, суетный“. Точно так же случайным недосмотром мы объясняем и отнесение у Мейе (Ib.) др.-арм. ոմն omn „кто-либо“ к и.-е. *som „тот же“ (где -om- не дифтонг), в греч. ὁμός „тот же самый“, готск. sama „тот же“, ирлан. som „он же“, скр. samáh „тот же“ (Ib.). Между тем как др.-арм. omn „кто-либо“, как и իմն imn „что-либо“ предполагают отдельную энклитику -mn (один) из полной формы -man=до-арм. *sm-ān „один“, как производное от и.-е. разновидности *sm-, предлежащей и в սի mi „один“, греч. μία „одна“.

[2] Это слово amul имеет непонятную нам основу на o, т. е. amlo- (собств. aməlo- из *amulo-), тогда как нужно было бы ожидать основу на a.

[3] Ср., быть может, и ամուրի amuri (-wo- ‖ -ea-) „безбрачный“, -ная из -am- вм. -an „не“-+mur-(iyo-)?; или ամայի amayi „необработанный, неудобряемый, заброшенный, втуне лежащий (про землю)“ из am-<an- „не-“ + mayi из *māt(h)iyo- „обрабатываемый“ (!), как производное от и.-е. (*māy- ‖) *mēy ‖ *məy- „мерить“. Такое же удвоенное m должно предполагать и в др.-арм. заимствовании համեստ hamest (осн. на i) „скромный“ из до-иран. *hammaistay- при ав. hamaēstar- муж. р., hamōistri- жен р. „der, die nieder-, zu Boden wirft. unter drückt“ (AirWb, 1774), что считается производным от ав. √ maēd- с предл. ham- „бросать вниз к земле, придавить“ (Ib., 1105) и ав. ha- из hām- (Ib., стр. 1774 и GIrPh, I, § 304, II, 40), как и во многих подобных случаях. Не

Наконец, до-арм. междугласная группа -ṛtr- или -tr- resp. -rə̊r- или -ə̊r- претерпевала, видимо, двоякое развитие, ибо с одной стороны мы имеем перерождение этой группы в -rh-><-h-, что исключительно предлежит в заимствованиях из иранского[1], за редким, быть может, исключением двух армянских слов, как մարհ marh или позднее մահ mah (Род. п. -hu, -huan) „смерть" при готс. maurþr „Mord"" (хотя имеются в виду и скр. mṛtyú- и ав. mərəθyu- „смерть", см. AG, 472) и „иранствующее" բահ bah „заступ" (откуда, т. е. из старого *բարհ *barh, и заимствованное груз. ბარი bari id.) при ново-перс. bēl=курд. bēr „лопата, лопатка, весло",— все от и.-е. *bhṛtr(om) (см. AG, 427)[2], с подтверждением исконности этого фонетического явления отчасти и числительным երիք erek' [ereq] (Род. п. eriç [eri-ə̊])[3]=скр.

маловероятно, чтобы հաւաքեմ hawak'em [havaqem] „собираю", представляло заимствование из иранского через праформу *hav-vak'- из *ham-vyax- при ав. vyāxa- муж. р. „собрание", vyāxman- ср. р. id., хотя к „переходу" -ya- в арм. -a- ср. վագր vagr „тигр", как заимствование из иран. *vyaγra- (*vyaγra-)=скр. vyāghrá- муж. р. „тигр", при невозможном арм. k' [q]=ав. (иранс.) x (см. Airwb, стр. 186 о др.-перс. ataxa- собственном имени одного армянина, восставшего против Дария I, в соотношении к др.-арм. արքայ ark'ay [arqay] „царь").

[1] Заимствования типа աշխարհ ašxarh [aшqarh] (осн. на а) „мир, вселенная; страна"=старо-иранс. xšaθra- ср. р. „imperium, regnum" (AirWb, 542, AG, 101) или վահան vahan (осн. на а) „щит" из ст.-иран. *varθrānām (=Род. п. мн. ч. от *varθra-, производного от √ var- „окутывая прикрывать", AirWb, 1360) при ав. vərəθra- ср. р. „щит", вост.-осет. varṭ' id. и пр.; мы считаем такими же иранс. словами и ճանապարհ čanaparh [ʧanaparh] „дорога", խոնարհ xonarh [qonarh] (<*xᵛan-aθrā-?) „вниз", суф. -ուրհի urhi>-uհի -uhi для имен женс. пола, как t'agurhi [θagurhi] „царица", k'rmuhi [qrmuhi] „жрица" и пр. при иранс. -θri- в сложениях типа ав. barəθri- „беременная, мать"=скр. bhartri- id. (AirWb, 946), где суф. -tri- представляет сложение из нулевой степени и.-е. суф. *-ter- для имен действующих лиц (Nomina agentis) и из женс. суф. -i-.

[2] Ту же фонетическую эволюцию можно видеть и в слове գհ geh „яма, рытвина, пропасть; могила; груда камней; стадо овец" (Ручн. сл.) из праформы *vitr(o)- или *virtr(o)- имея в виду заимствованные формы из некоторого иранс. *viθra- или *virθra- в арм. վիրհ virh, վհ vih „пропасть, бездна". Перерождение же гласного и в е в слове geh такого же характера, как и в слове amehi.

[3] Обе формы ere-k' [ere-q] (Имен. п.) и eri-ç [eri-ə̊] (Род. п. с осно-

trayaḫ „три", гр. τρεῖς, лат. trēs и пр. С другой стороны ясно очерчивается другой фонетический принцип и притом только в чисто армянских словах, а именно—изменение до-арм. *-ātr-, resp. *āti-, в арм. -awr. resp. -awł, притом несомненно, когда за ними следовал гласный элемент. Таковы: արաւր arawr (o) плуг=гр. ἄροτρον, лат. arātrum „орало" (AG, 423); աղաւրի aławri (-wo- || -ea-) „мельница" при աղամ ał-am „мелю" (гр. ἀλέω AG, 414); հաւր hawr „отца"=и.-е. *pətrŏs (AG, 463); մաւր mawr „матери"=и.-е. *mātrós (AG, 462); եղբաւր ełbawr [e]bawr] „брата"=(<*bławr || *brawr)=и.-е. *bhrātrŏs (AG, 411); суф. прич. наст. вр. -աւղ- -awł [aw]] (позднее -ող -oł [o]]=до-арм. *-āti-, где *-ti- представляет и.-е. суф. -tei- для имен действующих лиц, как и слав. -тель (Meillet, Esquisse, стр. 13). Наконец, к отражению арм. -awr старого *-ātr- мы бы присоединили и суф. -աւր -awr в сложном -անաւր anawr, как формативе следующих adverbia loci: աստանաւր astanawr „здесь; в это время" при աստ ast id., անդանաւր antanawr (resp. andanawr) „там; тогда" при անդ and „там" (из *ant, ср. անտի anti „там же, illinc"), ուրանաւր uranawr „где" при ուր ur id. Возможно, что этот сложный суф. -anawr был первоначально самостоятельным адвербиальным выражением в значении „там", имея в виду характеристику третьего лица п (ср. այն ayn „тот", նա na „он", перс. آن ān „тот", слав. он и пр.); во всяком случае он восходит к до-арм. *-(ān)ātră-, соответствуя индо-иранскому -trā (GlrPh, I, § 252, стр, 142) в таких адвербиальных образованиях, как ав. av'aθra „там", ав. a'θrā „здесь; тогда"= скр. átrā, ав. ku'θrā „где, куда"=скр. kútra и пр.; ср. латинские in-tra, ex-tra, ci-tra, ul-tra и др.

Таким образом, возможность независимого развития на армянской языковой почве слова amehi из *sommitriyo- подтверждается только отчасти,—именно: и.-е. суф. *-iyo- имеет в др.-армянском как действительное отложение в

вой eri-) предполагают более старую форму *erey-, как основу; а в имен. п. более правильно было бы писать երէք erēk', [erēq] а не երեք erek' [ereq].

роде прилагательных типа բարի bari (-wo- ‖ -ea-) „добрый", так и живое самостоятельное применение для производств от существительных притяжательных прилагательных (типа ałi, erkatʿı [a]ı, erkaθı и пр.)[1]; свойственность же арм. языку и.-е. предглагольной морфемы *som- „со-, вместе", а также фонетической эволюции группы -rtr- или -tr- в -rh- (>-h-) приобретает довольно условный характер, как было показано выше. Поэтому, принимая во внимание с одной стороны данные местной армянской языковой среды, а с другой— вышеуказанную роль иранских племен при тождественности форме amehi и hamiθriya- в двух соседних языках, мы все же не можем не воздержаться от окончательного решения вопроса о происхождении др.-арм. amehi, хотя и должны оговориться, что влияние Ирана, в данном случае в форме непосредственного заимствования, нам представляется наиболее вероятным.

1916 г.

---

[1] Несомненно, что суф. -ի в наречиях типа կարի kari „очень, весьма, сильно" при կար kar „мощь, „могота"", ձրի jri [d̥rı] „даром" при ձիր jir [d̥ır] „подарок, дар", բռնի brni „насильно" при բուռն buṙn „горсть" и др.—имеет под почвой тот же и.-е. *-iyo-,

ХАЛДСКАЯ НАДПИСЬ РУСЫ I ИЗ КЕЛАНКРАНА

Пользуясь хорошим эстампажем и отливкой из гипса, сделанными в 1926 г. Комитетом по охране древностей Армении (см. об этом в дневнике „Орагир" Комитета, 1927, № 3, стр. 41 и сл.), мы считаем не лишним привести здесь эту халдскую („урартскую") клинообразную надпись царя Русы I в обыкновенной транскрипции латинскими буквами, чем на много восполнится пробел в предыдущих изданиях Никольского, Сейса и др. Эта надпись высечена на скале южного берега Севанского озера между селами Келанкран и Алучалу, на недоступном месте берега, где скала с надписью прямо нависает над водой. Как известно, после многочисленных неудачных попыток (с риском для жизни) только в 1893 г. русскому археологу И. Ивановскому вместе с М. Никольским удалось снять удовлетворительный эстампаж, откуда и получили начало многочисленные издания. Вышеназванный же эстампаж Комитета по охране древностей Армении, сделанный под руководством тов. А. Калантара студентом, а теперь археологом С. Бархударяном, несомненно, лучше и полнее.

Надпись эта в 20 строк, а не в 19, как у Ивановского и Никольского, и имеет приблизительный размер $1^1/_2$ метра в ширину и 1 метр в высоту. Принадлежит она халдскому царю Русе I (Rusa) из Вана, имеет завоевательный и строительный характер, с именами 23 стран, и, в частности, повествует о двух его „приходах" (походах) в этот район.

Идеограммы и детерминативы мы передаем сумеро-аккадскими принятыми терминами, как это делают кунеологи[1].

[1] В халдском также имеется двойное дополнение („комплементование") сумерских идеограмм, как это имеем в хетском. Например, прежнее

В транскрипции обыкновенное ḫ мы пишем через x (у Сейса kh), аспирированное a через ha, а ṣ через ts. Заключенные сверху в полуквадратные скобки знаки плохо читаются, полностью ли, частично ли, а заключенные в целые квадратные скобки суть наши или чужие восполнения.

Надпись в нашем чтении и переводе гласит:

1. ^{d}Xal-di-ni-ni uš-ma-ši-ni EN[1]-si-ni-ni [1]Ru-sa-a-še
(богу) Халду превеликому, господу, Руса,

2. ^{id}Sàr-du-ri-xi-ni-še [a-li-e][1] i-e-še i-ni-[li][1] [1]el-ba-ni-li
Сардура сын, [говорит:] я сии страны

3. šú-si-ni-e uš-ti-ip-ti-ni ma-gu-ú-li[2] [LU][3] bu-ra-áš-tú-ú-[1]
в один поход подчинил, слугой-сделал:

4. KUR A-da-xu-ni KUR ù-e-l[i][1]-[ku][1] [1]-xi[1] KUR Lu[5]e[5]-ru-xi-e
страну Адахуни, стр. Великухи, стр. Луерухе,

„tú-mi-ni" как справедливо заметил еще Сейс, значит „день" (=халдс. ardini), где tu, есть идеогр. UD (=день) на сум. языке, -mi есть аккадс. (семит.) дополнение к нему (от ûmi=день), -ni есть чисто халдское дополнение к этому уже дополненному UD[MI] как окончание халдского ardini (=день). И. Мещанинов в своей рецензии на издание М. Церетели надписей Сардура напрасно приписывает чтение tú-mi-ni (как идеографическое UD[mi]-ni) издателю Церетели: оно сделано впервые Сейсом („Tumini to be excised; we must read the ideograph of ardinis „a day"; см. его The cuneif. inscriptions of Van, дополнит. Словарь).

[1] У Никольского и других отсутствует.

[2] У Никольского и других la-ni.

[3] Восстанавливается нами на основании аналогичного места других надписей (у Никольского и других этого LU нет, хотя знак есть, но плохо читается).

[4] Впервые правильно прочел А. Калантар, у Никольского и других Uelida неправильно.

[5] Знак lu читается отлично, чем отпадает прежнее ku-me.

5. KUR Ar ḳu-ḳi-i-ni 4 LUGAL^{MEŠ}i-na(?)-ni ap-ti [ni] tsu-i-ni-n стр. Аркукини, четырех царей . . приозерных(?)

6. KUR E (?)-bi-me-li[1] [KUR Ṣá-na][2]-tú-a-i-ni
стр. Ебимели, стр. Шанатуайни,
KUR Te-ri-ú-i-ša-i-ni
стр. Териуйшайни,

7. KUR Ru[3] -šú-a-i-ni KUR Zu-a-i-ni KUR A-[kn][4] -a-i-ni
стр. Рушуайни, стр. Зуайни, стр. Акуайни,
KUR A-ma-a[5]-ni
стр. Амани,

8. KUR Ir-ḳi-ma-[i][6]-ni KUR A[7]-la-i-ni KUR E-ri-[e]l-tú-a-i-ni
стр. Иркимайни, стр. Алайни, стр. Эриелтуайни,

9. KUR A-i-da-ma-ni-ú-ni KUR Gu-ri-a-i-ni KUR Al-[zi][8]-ra-ni
стр. Айдаманауни, стр. Гуриайни, стр. Алаирани

10. KUR Tú[9]-ru-a-i-ni KUR Me-la-a-i-ni KUR ù-še-du-i-ni
стр. Туруайни, стр. Мелайни, стр. Ушедуйни,

11. KUR A-ta-za-a-i-ni KUR E-ri-a-i-ni KUR Aza-me-ru-ni-ni
стр. Атазайни, стр. Ериайни, стр. Азамерунини,

12. [19] LUGALpe-i-šá-ni ap-ti-ni tsu-i-ni-a-ni KUR ba-ba-ni-a
[19] царей . . . . . приозерных, из стр. соседних (?)

---

[1] Раньше читали -ni.
[2] Восстановление дается нами по Никольскому.
[3] Раньше читали (Никольский и другие) ri.
[4] Дается по Никольскому.
[5] Читали -ni.
[6] По Никольскому и другим.
[7] Читали e.
[8] По Никольскому.
[9] По Никольскому pi.

13. [k]u[1]-ru-ni-e KUR[2] 23 LUGAL[MEŠ] šú-si-ni MU[MEŠ][3] âš-gú-bi
. . . . вражеских 23 царей в один год я загубил,

14. ha-še [SAL] lu-tú[MEŠ] KUR Bi-a-i-na-di pa-ru-bi me-ši-ni šá-a-li
мужчин—женщин в стр. Биайну я повел, В другой год

15. [nu][4]-na-a-di[5] ši-di-iš-tú-ú-li[6] i-[ni][7] È. GAL[MEŠ]
пришедши, я построил эти крепости

16. [i-nu][8]-ki[8] KUR e-ba-a-ni[ni][9] . . i-e . . [išpu-ú-i-ú-][10]-bi
(и) те же страны . . . . . я упорядочил.

17. [d]IM-i i-ni È.[GAL ba-du-si-e] ši-di-iš-tú-bi [te-ru-bi ti-ni][11]
бога Тейшбы сию крепость прочную я построил, установил имя

18. [d]IM-i[12] URU[13] KUR[12] [Bi-a i-na-ú-e uš-ma-a-še][12]
„Тейшбы-град", — для страны Биайны на возвеличение.

---

[1] Наличная часть знака может читаться „te", но есть место и для „ku".

[2] Знак этот читают „всего": если так, то перевод будет: „вражеских всех 23 царей...".

[3] У Ник. и др. šu-si-ni-i, что неправильно: тут MU (=год) они путают с „i", а знака множ. ч. (MEŠ) у них нет.

[4] Есть наше дополнение.

[5], [6] Наше чтение.

[7] У Ник. и др. [Ru-sa]-a-še неверно.

[8] Наше чтение и восстановление.

[9] Наше чтение.

[10] Наше восстановление, судя по контексту Хорхорс. надп. Арг. I (III колонна, строка 24), где аналогичное повествование.

[11] У Ник. вся строка (d.) Teišbaše i-ni È ba-du-si-e [ši-di-iš-tú-bi] неправильна.

[12] У Ник.: „d.) Teišbaše i . . . . . a-na-i . . . . . ". Восстановленное в квадр. скобках наше, судя по аналог. контексту других надписей (напр. Новобаязетской надписи того же Русы I, см. наше издание).

19. [1]Ru-sa-a-še a li e a-[iu-še i-ni DU]B. TE tú-li-e'[1]
Руса говорит: кто сию надпись украдет

20. [d]UTU . . . . . ti-ni[2] . . . . . .
бог Ардини . . . . . (его) имя . . . . . .

Пояснения к тексту и переводу

1—2-й строки

Начальное [d]Xaldinini ušmašini (без EN-sinini) является наиболее частым вступлением халдских военных и отчасти строительных надписей. Для последнего случая ср., напр., надписи Менуи. [d]Xaldinini ušmašini [1]Menuaše [1]Išpuuinixiniše ini pili aguni [1]Menuai pili tini=Халду всевеликому. Менуа, Ишпуна-сын, сей канал провел, Менуи каналом назвав (или Менуи канал именем)—см. у Сандалджяна № 15, 16. Имеется до 20 и более случаев такого вступления с эпитетом бога Халда „ušmašini (см. нашу работу „Клинообр. надпись из Новобаязеда", Эривань, 1930, стр. 8—10); реже оно применяется в середине надписей (военных), где, наоборот, превалирует [d]Xaldinini alsu(u)išini „Халду вседержителю" (all=весь, suui „захват", ср. suui dubi „я захватил")[2]. При жертвоприношениях (напр. в Мхеркапусинской надписи) имеется также [d]Xaldini ušmašie (или Xaldini arnie), где Xal-

---

[1] Обе строки (19 и 20) впервые даются нами. Знак „надпись" встречается и в других надписях, напр. в большой Сардуровской надписи из Армавира (по изд. Ник., 1910, строка 20), где неправильно прочтено („KA-la tuliie"). Эта же идеограмма имеется и в Макинской надписи Русы II (строка 9)—см. у И. Мещанинова („Халдоведение", фотогр. табл. на стр. 261), что, однако, им не упоминается в своем перечне халдских идеограмм. В нашей Келанкранской надписи хорошо читаются последнее „TE" и от первой части последний вертикальный клин.

[2] Этот эпитет alsuuišini (где -ni оконч. дат. п.) применяется только для бога Халда; для царей имеется то же слово, но без конечного суффикса -ši (т. е. alsuini „вседержителю" с -ni для дат. п.). Не суть ли библ. „вседержитель", греч. παντοκράτωρ, откуда арм. ամենակալ (amenakal „вседержитель") и пр., образования по образцу халдского?

dini—Дат. п. от основы Xaldi- (Им. п. Xal-di-še ‖ Xal-di-iš, Род. п. Xaldiei и пр.), но если к форме Xaldini придается дополнительное „ni", то оно же (ni) придается и к ušma(a)še, подобно как имеем dXaldinie bauše („Халду попечения"?), но dXaldinini baušini. Вступление же, как у нас в Келанкранской надписи dXaldinini ušmašini EN-sinini в других надписях не встречается. В середине одной надписи из летописи Сардура II (III), читаем dXaldinini baušini EN-sinini (см. по изд. H. Марра, Арх. эксп., II_{30}).

Идеограмма EN (=господин) по халдски фонетически передается через e-ú-ri-i- (=euri), что, вероятно, осталось в древне-армянских awri-ord „барыня, девица", awr-ear (из *awri-ear)=awre-ank^c (из *awri-ank^c) „господа" (по Марру „знать") и awr-ēn „подобающий (господину)">достойный, откуда awrēnk^c „этикет, закон, религия, обычай". Нам непонятен -sinini к идеогр. EN; ср. aiusinini—эпитет богов (в Дат. п.), AD-sini (Арх. Экс. VI_2), sini 2 xupadu ^{LU}šeluinie (одной Армавирс. надписи, см. у Санд. № 80, $_{13}$ по чтению Никольского). Это dXaldinini ušmašini EN-sinini не нужно связывать в переводе со следующим „Руса, Сардура-сын, говорит", как сделал в подобной надписи (Новобаязедской) И. Мещанинов („Zu dem almächtigsten Götte Chaldi Rusa, der Sohn Sardurs, spricht", см. его издание Новобаяз. надп. Русы I в немецком „Archiv für Orientforschung", B. VI, H. 6, Berlin, 1931, стр. 278). Есть даже надпись в три строки: dXaldinini ušmašini | ^{I}Menuaše ^{II}išpuuinixiniše | dXaldiie eurile = Халду всевеликому, Менуа, Ишпуина-сын, Халду господу (см. у Санд., № 87). Есть аналогичные вступления-посвящения и в сумеро-семитическом.

2—3 строки

Во фразе „ieše inili ebanili . . . . . bura-aštuuli" великолепно передано соотношение—li множественности и в объекте (inili ebanili) и в глаголе, на каковые примеры в других случаях впервые указал М. Церетели. Перед ebanili мы бы ожидали детерминатив „страна", что, быть может, и есть, но не улавливается (место в этой середин-

ной части надписи смыто дождем?), детерминатив же „Lú" перед bura (pura) плохо читается; у Никольского и др. он (детерминатив) отсутствует. Перевод „в один поход я подчинил, слугой сделал" принадлежит нам: ma-gu-ú-li (не magulani, как читали Ник. и др.) есть такой же глагол, как и bu-ra-áš-tú-ú-li, и, вероятно, синонимы.

Для корня mag- „подчинять" (?) ср. mak-uri в Сардуровской надписи („Арх. Эксп." II_{38-39}); ^{Id}Sardurinili kurili sulu-uštibi siluadi makuri | eirtsi dubi esi haal-dubi mešini pii=Сардуровых врагов я поборол, к покорности подверг(ши), оставил жить там, придал другое имя" (наш перевод). Слово bura (pura) в Новобаязедской надписи передано идеографически через „раб, слуга". Ср. контексты двух надписей: ^{Id}Sarduriiše alie nunabi kanki ^{I}Nidiini | LUGAL KUR Uelikuxi sulu-uštibi ^{LU}bura-astuubi mešini piei haal-dubi („Арх. Экс." V_{20-21}), что мы переводим теперь „Сардур говорит-пошел против меня (ка „против", uki, „меня") Ниди, царь страны Великухи; я поборол (?), рабом сделал, другое имя придал". С другой стороны имеется в Новобаязедской надписи: LUGAL KUR Uelikuxi karubi IR aštubi= царя страны Великухи я покорил, рабом сделал". Мы ставим здесь вопрос, не являются ли все эти конечные —išt,—ašt,—ušt (в сложных глаголах) морфемой причинных глаголов, где гласные „i", „a", „u" скорее относятся к корню (ama-aštubi, bura-aštubi..., nulu-ušfubi, gubu-uštali, ulu-uštabi., šidi-ištubi и пр.) и тогда можно будет установить особый суф.—št для образования халдских causativa от именных или глагольных (средн. зал.) корней.

Слово uštiptini встречается еще в летописи Сардура (Арх. Экс. III_{21}); uštadi KUR Uixiruxiedi | 3 ^{LU}EN, $NAM^{MEŠ}$ šukuri | manuli 3-a esaa | ušti-ip-te zaduubi (строки 18—21) „направившись в страну Вихирухи, трех наместников...". Никольский, а за ним и другие (Марр и др.) переводили это uštiptini || uštipte через „правитель", нам же думается, что контекст надписи говорит о „походе" (ср. ниже 14—15 строки этой же Келанкр. надписи), а этимологически ср. также глагол ušt- „итти в поход, направиться" (uštadi „направившись", uštabi „он направился", где -bi, как выясняет Церетели, а

за ним и Фридрих и др. для 3 л. ед. ч. аориста средних глаголов[1]).

4—5 строки

Идет перечисление „подчиненных и приведенных в услужение" стран Адахуни, Великухи, Луерухе, Аркукини. Несомненно, эти страны главные из всех приведенных, ибо они упоминаются и в сводной летописи Сардура II из ванской ниши[2]. Если по надписи Аргиштия в Ордаклу мы этот район должны считать Кехуни, то по надписи Русы I из Новобаязеда район последнего должны считать Великухи, Луерухи=район села Адамхан, судя по надписи Сардура II, а по надписи того же Сардура из Заг'алу—район последнего есть „Аркукиева страна". Следовательно Адахуни, нарочито отмеченный в нашей надписи на первом месте, есть район южного берега Севанского озера, т. е. обнимает район

---

[1] Ср. в древне-армянском -աւ-aw для аориста 3 л. ед. ч. средних и страдательных глаголов (tes-aw „он был увиден", erew-eç-aw „он показался" и пр.), а халдс. b=арм. w (ср. Biaina=Վան Van, ebani=աւանի awan).

[2] Ср. из третьей надписи („Арх. Эксп.", III$_{47-52}$): Karuali 4 LUGAL^{MEŠ} | KUR Ueduri-Etiunti KUR ebaaniatsie | LUGAL [I]Arguḫiuni | LUGAL [I] Kaamani ui | LUGAL [I]Lueruni ui | =покорил (Халд) четырех царей страны Ведури-Етиуни, краеначальников (?!): царя Аргукида (из рода Аргуки), царя Кама(ни) и царя Луерида (потомка Луери) и" [царя?, кончается строка и не приведено имя четвертого царя]. Ср. также из пятой надписи, где, после похода в Великуиийские страны и, в частности, в страну Великухи, Сардур говорит: ikukaani MU šiištiini | ušiadi [I]Arguḫinie KUR-niedi karubi [I]Arguḫiini KUR-nie [I]Adaxuni KUR-nie [I]Luipruni KUR-nie [I]Ešumuai KUR-ni [I]Kaamniui KUR ebani | KUR ḫuhaalbani KUR Uxunini KUR-nie KUR Teriani KUR-nie 20 É.GAL^{MEŠ} aguauni maanu | gunušaa xaubi 120 URU^{MEŠ} 60 UD^{mi} ašgubi... (Арх. эксп. V$_{21-25}$)=в том же году дальше направившись (походом) в Аргукиеву страну, покорил я Аргукиеву страну, Адах'ову страну, Луипрову страну (ошибка писца вместо „Луер'ову" страну?), Ешумуи (род. п.) страну, Каминуи страну, страну Куалба(ни), Ухунскую страну, Терийскую страну, 20 крепостей укрепленных лично с бою я взял, 120 городов (сел?) в 60 дней я разорил..". Отметим также [I]Lueruni „Луерид" и KUR Lyeruxie Келанкрапской нашей надписи с чередованием -uni | -uxie (=uxe); ср. также [I]Lueriuxie „сын Луери".

нашей Келанкранской надписи. В других надписях эти имена Адахуни, [Великухи], Луерухи и Аркукини имеют детерминативы мужского имени, из чего мы должны заключить, что имена этих четырех стран личного происхождения названы по имени лица, подобно Eriaxi, Abilianixi и другим странам, а в Адамханской надписи прямо говорится: URUTulixuni URU LUGAL-nusi ITsinalibi ILuerixinii[1] gunuša xaubi— город Тулиху(ни), город царепрестольный Тсиналибия, сына Луери, с бою я взял"[2]. Если итти с севера на юг по западному берегу Севана, а затем и на юго-восток, то в халдский период мы имеем следующую топонимику: Кехуни с городом Иштикуни (район Ордаклу), южнее—Великухи (=Новобаяз. район), южнее—Луерухи с городом Тулихуни (=соврем. Адамхан и его район), на юго-западе—Адахуни (=соврем. район Келанкран, Алучалу) и юго-восток—Аркукини (=совр. район Захалу и пр.).

О происхождении „Великухи" у нас уже было сказано в работе о Новобаяз. надписи Русы I (стр. 14). Мы его корень Welik-(uxi) с вариантом Welik-uni (в Сардур. летописи) сопоставливали с др.-арм. Գելաբունի Gelakᶜuni с нормальным для армянского w>g[3]. Армянский язык сох-

---

[1] Нам думается, что в надписи Сардура II (III) из церкви св. Павла в Ване „Lu-e-xu-ú-xi-e" читается неправильно: нужно читать „Lu-e-ri-ú-xi-e". Это место надписи гласит: karuni IMurinuni... karuni ITsinalibini ILueriuxie" (покорил он Мурину, покорил он Тсиналиба, сына Луери"); см. I. Friedrich, Beiträge zu Gram. und Lexicon des Chaldishen, 1931, стр. 56. („Corpus"-а Лемана у меня нет).

[2] Слово gunuša значит „бой, сражение", откуда gunušini „ратник", agun-uni „военный (?)>укрепленный" (город, крепость), ср. др.-арм. gun gorcel усилие производить". Значение gunuša „бой" дано было мной в 1931 г. в работе „Новоб. надп." (стр. 13, прим. 3), что повторяет и Фридрих (см. его работу во втором примечании).

[3] Мещанинов в своем немецком издании Новобаязедской надписи Русы I слово Velikuxi продолжает понимать как Veli-kuxi (как и Velikuni), следуя непритическому изданию летописи Сардура („Арх. экс.", где Veli-Kuxi и пр.). В этом издании Н. Марра неправильно и произвольно также деление имен стран Vixi-Ruxi, Kuha-albani и пр., вместо Vixir-uxi, Kuhalb-ani и пр.: в основе разных этимологических манипуляций прежде всего должно лежать живое органическое изучение самого

ранил только халдские производные на -uni как *Տարուանի, Արշուանի, Սահաուանի, Գեուանի, Գելիուանի... Ալպանուանի, Բզնունի, Վարաժնունի, Սբունի (=Սբունի)* и т. п., производных же на -uxi почти нет (это -uxi свойственно и хуррийскому языку: Xurruxe umini „Хуррийская стр.“). Кроме Welikuxi ‖ Welikuni, Etiuxi ‖ Etiuni, ‖ Eriaxi ‖ Eria(i)ni, Šaxuxi „сын Шах(у)“—Шахид (говорится о мелитийском хеттском царе „Xilaruada“) с вариантом šahuni, сохраненным армянами для области Tsoph-kh šahuni, прибавим еще альтернативные формы у армянских историков *Անձաւիք ձոր* Anjaxi jor („Андзахи-ущелье“) и, с другой стороны, то же место с вариантом *Ընձայնի ձոր* Əncaini-jor. Наконец, страна Wixi-ruxi в третьей надписи из Летописи Сардура также делится на Wixir-uxi с корнем Wixir выражением племени „вехир“-ов, упоминаемых рядом с колхами древнегреческими писате-

---

халдского языка, на основании его же всех материалов, а затем только-путь сравнения с другими „родственными“ языками. Основу Velik- мы сопоставляли в работе о Новоб. надписи (стр. 14) с арм. Gelak-uni а самое основу считали вероятным производным от корня gel-, имея в виду данные арм. историка М. Хоренского об найкиде Геламе, горе Gel и пр. Суф. -ik основы velik- может быть таким же формативом для имен племенного и родственного образования, как имеем в арм. pars-ik „перс“, hnd-ik „индус“, xuž-ik „эламит“ и пр. и, вероятно, в именах эпонимных армянских царей Hayk (из Hay армянин, хай“+ik) и Armenak (с суф.—ак) „арменид“; ср. для этого мало-азийского -ik-ak этрус-ах (Rumax „Римляни“). И. Мещанинов в своей упомянутой работе также говорит об этимологии халдс. Velikuxi к арм. Gel-am и пр., но не упоминает о моей той же этимологии, данной годом раньше его, хотя у него сопоставляется „вторая“ часть (-kuxi), что, конечно, неправильно, ибо, имеется только velik-, а -uxi есть суффикс (ср. кроме welik-uxi ‖ welik-uni также Etiuxi ‖ Etiuni, Luer-uxi ‖ Luer-uni, šax-uxi ‖ *Շահ ունի* šah-uni...), а, кроме того, арм. *ղ* (l) до 7—8 в. (после Р. Хр.) всегда было твердым l в роде русского л. И. Мещанинов также повторяет мой перевод и этимологию edia „там, тут“, как Местн. падеж, что я сопоставлял с хеттским edi „туда“. Халдское -xi (в отчествах), -uxi (resp. -ixi, -axi) в топонимике по значению соответствует слав. -ск: напр. Белин-ск-ий, Волкон-ск-ий,... но и Мин-ск, Смолен-ск, Рыбинск, Уссурийск, Свердловск....

лями (по Латышеву)[1], а за это соседство колхов и вихиров говорит и третья надпись Сардура III („Арх. экс.", стр. 19).

6—14 строки

Из перечня собственных имен стран, „соседних" (ba-ḫania ?) с поименованными четырьмя, мы обратим внимание на сложные образования KUR Erieltuaini, KUR Šanatuaini. Из них eriela- есть нарицательное слово, встречается, напр., в Мелазгердской надписи Менуи и значит „царь", а слово šana есть в Ордаклинской надписи Аргиштия (I ?) с детерминативом „страна" (KUR šana aptini tsuinie"), ср. также имя города Makalt-uni в надписи Сардура у села Даш-Кепри (при Чилдирском озере). Нам думается, что ṭuaini ‖ -tuaini есть нарицательное слово (=холм, горка?) и предлежит в арм. Դուին Duin (есть и село Dəvn-ik на Евфрате, близ. Кеттурс. моста) и в Хеттском городе Τυανα (по греч. передаче). В 12-й строке tsu-i-ni-a-ni читается очень отчетливо, и раньше напрасно тут восстанавливали „[KUR] Ri-du-a-ni". Слово же tsue значит „озеро, море", по многим данным: ср. арм. ծով tsov=груз. ზღვა „море", затем в Кешишгельской надписи Русы (I ?), говорящей о постройке

---

[1] См. у В. Латышева, „Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе" (СПБ, 1890), где приводится мнение Стефана Византийского „Χοί, ἔθνος Βεχείμων ἐγγύς" (—Хои, народ вблизи Вехиров) со ссылкой на древнего историка Гекатея Милетского (жил в VI в. до Р. Хр., до Геродота) из его описания Азии: „ἐς μεν τοῦτο ἡ Βεχειρική, ἔχονται δ'αὐτῶν Χοί" (=до сих пор земля Вехиров, а с ними рядом живут Хои). В этой же книге В. Латышева приводится и цитата из книги Аполлония Родосского, что в переводе гласит: „За островом на противолежащем материке живут Филиры; выше Филиров — Макроны, а за ними многочисленные племена Вехиров; непосредственно за ними живут Сапиры, с этими соседят Визиры (Βῦζηρες), за которыми следуют уже сами воинственные Колхи" (стр. 413). Что сапиры это арм. Սպեր Sper—область по верхнему и среднему Чороху—в этом не может быть сомнения. Но что за таинственное племя Хои? Не суть ли они область Ḫaiaša (=Хayasa) в хетских исторических надписях, где эта Хayasa как раз и простирается к северо-востоку от Каппадокии, а некоторыми приурочивается и к высокой Армении. Быть может, национальное имя армян „ḫay" как раз и есть это хеттское хау-(as—)=греч. хои,

пруда-озера, употребляется это tsue, наконец, в Сардуровской летописи (четвертая надпись по „Арх. Экс")[1] говорится о Кумахской стране, где Сардур берет город Халпа (=Халеб?): URU Xa-al-pa-ni | URU LUGAL-nusi tsu-i-ni-i-ši-ni ma-nu xa-ú-bi (строки 50—51)=город Халпа, город царе-престольный предозерный (ši—пред) лично (manu)[2] я взял". В 13-й строке после MU (=год) имеется как бы лишний знак множ. числа („в один год"), что, быть может, есть повторение того же знака множ. числа LUGAL^{MES} („23 царей в один год я загубил"), а для повторения соотносительных форм имеются и другие данные (ср., напр.-li в объекте и в глаголе, см. выше, о 1—2-й строке). Руса I жестоко обходится с покоренными странами, как вообще показывает стиль всех военных надписей, и мужчин и женщин он гонит в Биайну (=Ван).

14—15 строки

С этого места начинается строительная часть надписи, точь-в-точь как дается в другой (Новобаязедской) надписи того же Русы I: „Халду великому. Руса, Сардура-сын, говорит: царя страны Великухи я покорил, рабом сделал, страну и местности (землю) я подчинил (? tamxubi), наместника там я поставил, Халдовы врата и крепость прочную (*É*.GAL badusie) я построил (šidiištubi, что не значит „восстроил, перестроил" и т. п.), утвердил (ей) имя „Халдаград", для Биайны на величие" и т. п. В обеих надписях

---

[1] Сардур говорит и о столичном городе Колхов „Ildamuša" (=Артануч?), где он поставил надпись. Дешифровка этой третьей надписи у Н. Марра имеет очень крупные дефекты, как и вообще все издание Сардуровской летописи.

[2] Для выражения „собственноручно (лично) я покорил" ср. хетт. „amêdaz ŞU-az tarahhun" и аналогичное место в ассирийских военных анналах. Саргон, поразивший Русу I (в 714 г. до Р. Хр.), читал халдскую надпись на бронзовой статуе Русы в городе Мусасир (=Ардини): „С двумя моими копьями при помощи моего возницы я *своими руками* отвоевал царство Урарту".

Русы I начало имеет завоевательный характер, а конец строительный, с той разницей, что в конце Новобаязедской надписи приводится титулатура Русы с необыкновенным завершением „aluše KUR Biainili nuuilduali („кто над Биайной воцарился"?), а в конце Келанкранской надписи после строительной части идет формула проклятия (краткая).

В 14—15-й строке читаем: „mešini šaali [nu]naadi šidiištuuli i[ni] *É*. GAL^{MEŠ}" и пр., что уверенно переводим через „на следующий год пришедши я построил эти крепости". Тут определенно говорится о двух походах: в начале имеем „я эти (следующие) страны в один (=первый) поход подчинил", а с 14-й строки говорится „на следующий год пришедши" и пр. Значение šali („год") определенное и не вызывает сомнений у халдоведов (в аналогичных контекстах šali заменяется и идеограммой MU „год"); mešini мы предлагаем перевести „другой", основываясь и на такой возможности перевода „mešini pii haaldubi" (=„другое имя я придал"); nunaadi впервые упоминается в этой „деепричастной" форме только тут и, судя по Келишинской билингве, значило „приходить" (скорее „итти, итти против"), обыкновенно имеется nunabi („он пришел"). Фридрих в своей работе („Beitr. zur Gram. d. Chaldischen", стр. 71) теоретически давал форму *nunadi, что, однако, засвидетельствовано в нашей Келанкранской надписи, где для попорченного знака „nu" осталось соответственное место[1].

Конечная часть Новобаязедской надписи Русы I—„кто над Биайной (или „Биайнскими странами"?) воцарился" вместе с нашей Келанкранской надписью может говорить о начальных годах воцарения этого царя.

Примечательно также, что построенную крепость Руса I посвящает богу стихии Тейшбе (=хеттскому Тешупу), высекши надпись над самой водой и назвав „Тейшбы-градом", подобно как в Новобаязедской надписи он выстроенную

[1] В нашем письме к Фридриху мы неправильно сообщили ему о глагольной форме „ši-di-iš-tû-û-bi", доверившись изданию Никольского; на самом же деле имеется ši-di-iš-tû-û-li, что отчетливо читается.

„прочную крепость" посвящает богу Халду, назван „Халдаградом", с продолжением для обеих надписей KUR Biainaue uš̌maaše „(Биайне на величие").

От Русы I к несчастью имеются только эти две надписи (не считая Топзауской билингвы и, быть может, Кешишгельской надписи, где отчества нет), и обе надписи по стилю очень похожи. Прибавление формулы проклятия к Келанкранской надписи, что уверенно теперь читается, говорит о приданий особой торжественности и ценности этой надписи: в Закавказье еще известны четыре такие надписи с формулой проклятия—Звартноцская надпись Русы II (сына Аргиштия), Сарыкамышская надпись Аргиштия I, Армавирская надпись Сардура II (III), откопанная в 1908 г. архимандритом Хачиком (издано Никольским в 1910 г., „Новооткрытая в Эрив. губ. клинообр. надпись") и Ташбурунская надпись Менуи. Следовательно, наша Келанкранская надпись Русы I является пятой такой отличительной надписью.

1931 г.

К ПРОИСХОЖДЕНИЮ ГРУЗИНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ИМЕНИ KHARTHVELI

Этот национальный и общий термин современных грузин представляет очень большой культурно-исторический интерес в своем образовании и значении. Термин этот, как нам представляется, выходит даже за пределы чисто грузиноведческого интереса, охватывая вопросы этнического, социального и вообще культурного порядка, касающиеся всего древнего переднего Востока и в частности Армении и хеттского мира. Здесь могут быть поставлены и вопросы чисто генетического порядка в связи с образованием грузинского этнического коллектива, в связи с миграцией некоторых племен и пр.

Объем значения khartveli, несомненно, зависел от социально-политических и этнических взаимодействий разных частей Грузии, расширяясь от узкого племенного понимания до современного обшенационального.

От корня kharth- нашего термина kharthveli „грузин" имеем также следующие образования: kharth-uli „грузинский" (из *kharth-uri), Kharth-l-i „Грузия" (=Карталиния), а от kharthveli имеем новое образование Sa-kharthvel-o „Грузия" в более общем, национальном понимании. Корень же kharth- многими учеными сопоставлялся с ḳard- (‖ kord- ‖ gord-) в географическом и, вероятно, этническом имени Καρδού-χ-οι, Κορδυ-αῖων, Γορδυ-ῆνοι. Область же кардухов находилась к югу от Армении образуя восточные отроги Таврских гор, к югу от восточного Тигра. Н. Адонц даже в основе kardu- этого географического термина хотел видеть и грузинское kharthu-eli, т. е. признавал за первичность kardu-, kharthu- (с гласным „u")[1]. Н. Марр в одно время

[1] См. Н. Адонц, Армения в эпоху Юстиниана, СПБ. 1908, стр. 398 Такого же мнения, как говорят, придерживался и И. Джавахишвили.

склонен был также kharţu- счесть за первичное образование, где гласное „u" представляло, по его мнению, преобразование—iv, т. е. суффикса множ. числа[1]. Позднее он, видимо, отказался от этого, предложив другое объяснение, а именно kharth-vel-i. Он говорил: „Что касается функциональной частицы слова qarθvel, национального названия грузин, т. е. vel или ver, то она является лишь вариантом man, составной части gar-d-man"[2]. Или же в другом месте: „Мы удовольствуемся указать тот же усеченный вид двухэлементного (AC) образования qar-b в основе национального названия грузин: qarθvel „грузин" (буквально „дети тотема qar—b" при космическом астральном мировоззрении „солнца"), qar—b-ul 'грузинский (язык)' и т. п..." Частицу же vel он понимал в своем „палеонтологическом раз'яснении", как имеющую значение „дитя", „сын", поддерживая ее грузинским словом bel „дитя", в применении к зверям—„медвежонок", „верблюжонок"[3]. Из мнений других ученых нужно отметить трактовку kharthveli как kharth+iber, т. е. двуэтническое сложное слово. Эта точка зрения, насколько нам известно, принадлежит Л. Меликсет-беку. С другими предположениями мы не знакомы.

Перейдем к критике этих высказываний. Первая точка зрения, рассматривающая kharthveli как образование из kharthu+eli (по Н. Адонцу) или из kharthiv-eli (старое мнение Н. Марра), представляет догадку, исторически не мотивированную. Здесь единственная поддержка, это либо форма kardu (gordu) некоего народа и области к югу от исторической Армении, рассматриваемая как первичная и

---

[1] См. Н. Марр. Основные таблицы к грамматике др.-грузинского языка. С-Петербург, 1908 г., стр. 5: „В самом грузинском языке для обозначения грузина nomen gentile с соответственным суффиксом—el образовано от той же основы [kharthu—] в форме не единственного числа, а архаического иверского мн. числа на—iv—qarθ-iv и звучит qarθveli (< qarθiv-e-li)".

[2] См. „Язык и история", изд. ГАИМК, сборник I, 1936, стр. 39 (в статье Грузинский язык").

[3] Там же, стр. 140, в статье „Что говорит язык по истории материальной культуры".

имеющая непосредственное касательство к исследуемому нами термину, либо же подражание сирийской форме множ. числа kasd-im, откуда Н. Марр в одно время производил новую основу kharth- с иверским суф. мн. числа -iv (см. выше). Но уже одна форма Kharth-i-i „Карталиния" противоречит обоим этим предположениям, не говоря об отсутствии веского исторического материала. Второе мнение Н. Марра, формируемое хотя и через свои „элементы", есть, как увидим ниже, шаг вперед, ибо он исходит от правильной постановки анализа kharthveli, как двуприродного образования. Неправильность здесь—в историческом его оформлении и правильном понимании—veli, не говоря уже о неприемлемости деления, ради „элементологии", корня kharth на khar+th. Наконец, трактовка kharthveli, как сложение двух этнических наименований, как предполагает Л. Меликсет-бек, исходя из подобных названий древности, как армено-халибы, сванно-колхи (по данным классических авторов) или егер-сваны (по арм. историку Фаусту Византийскому) и пр., есть, конечно, очень удачное конструирование, но все же витающее в области догадок или формального подражания приведенным двуэтническим образованиям.

Наш анализ термина kharthveli также представляет, конечно, предположение. Но если для этого имеется богатый подсобный материал и то не только в лексиконе грузинского языка, но и других народов древней передней Азии, с учетом общекультурной увязки и в других вопросах, тогда это предположение, естественно, может иметь претензию на бо́льшую правдоподобность и научность. Перейдем теперь к этому анализу и обоснованию.

Исследуемый термин морфологически двуприроден, состоя из kharth-, как корневого и сознаваемого элемента, и из -veli, что сейчас непосредственно не ассоциируется ни с каким реально сознаваемым и подходящим для нашего термина словом[1]. Спора не может быть, что корнем является

[1] Конечно, здесь это -veli не есть древнегрузинское veli, „поле, нива", что́ никакого отношения к нашему термину kharthveli не имеет и родственно, несомненно, с армянским vayr „дикая местность, низ". С дру-

kharth- (а не kharthu), так ясно представленный в kharth-li (<*Kharth-nl?)[1] и kharthuli; ср. также мегрельское khorthu „грузин", сванс. mkhyarth (l). Родственность корня kharth- с kardu- ‖ gordu- не может быть непосредственно доказана,

---

гой стороны, есть груз. суффикс -veli, при помощи которого образуются от глаголов причастия или имена действующих лиц. Внешне этот „цельный" суффикс вместе с однородными -vare, -bari и -ebeli мог(л) бы, пожалуй, первоначально значить „сын", подобно как арм. -ordi „сын" служит формативом таких образований, как čanaparhord „путник", aygord „садовник"... и даже отглагольных gnord „покупатель" (от gnel „покупать"), vorsord „охотник" (от vorsal „охотиться") и пр. Это первоначальное значение для грузинских -vel, -var ‖ -bar, -ebel можно было бы поддержать также этимологией с ассирийским biru „детеныш", груз. beli (id.), мегр. bere „мальчик", и особенно с сирийским bar „сын" (что считается семитологами двойником евр. ben и арабс. ibn). Но однородность этих груз. суффиксов кажущаяся, и они образовались из двух формативов уже на грузинской языковой почве. Есть, напр., m-xedi или m-xedav-i „смотрящий", а отсюда и m-xed-v-eli (id.), m-kithx-a-vi „чтец" и m-kithx-v-el-i (id.), m-bar-av-i и m-bar-v-el-i (копающий землю заступом), ma-khç-ev-i и ma-khç-ev-el-i „разрушитель" и пр., или m-bdvin-av-i ‖ m-bdvin--v-ar-e „дымящийся" или от natheba имеем m-nth-eb-are, а для таких образований, как m-cign-ob-ari „книжник" ср. m-nath-ob-i, cith-l-obi и пр. с формативом -ob., осложнившимся новым -ari (ср. mkvd-ari „мертвец", mkveçari „острый"... или -are в причастных mdeb-are „лежащий", m-din-are „текущий, река" и пр.). Для -ebeli действительного залога есть -ebuli страд. и среднего залога. Так что все эти суффиксы имеют сложный состав. В дальнейшем они становятся как бы более однородными, и многие глаголы образуются непосредственно ими: ср. msaxrvali (<*msaxr-vari) или msaxr-veli „очаровательь", mevervali (<*mever-vari) „окончность", mjvin-vare „лютый", „жестокий", mçxin-vare „ясно горящий", mkmol-vare „дымящийся", gul-naim-obari „сердобольный", meg-obari „друг" и пр., и пр. В грузинском есть и другие сложные суффиксы, также ставшие как бы цельно-однородными, как -ovani (из -ov -ani) или -osani (из -os -ani), напр., xelovani „искусный" (от xeli „рука"), xmovani „гласный, звучный" (от xma), patiosani „честной, почетный" (от pativi), mandilosani „дама" (от греч. mandili „платок шалью") и пр. Ср. такие же сложные суффиксы арм. языка -ner (для множ. ч.) из -n-er, или -erord (в порядковых числительных) из -er -ord, или абстрактные на -uthiwn из oyth-iwn и пр., которые сейчас не сознаются как двуприродные.

Явление это, конечно, есть и в других языках.

[1] Нам думается, что конечное -li получилось из более старого -nl, как суффикса для места, подобно абхазскому -nə, урартскому -na (или ni) и пр., ср. урартс. Xatina „Хеттия", Biaina „биайская страна", Alzini „страна Альзи" (—арм. Աղձնիք Alǰni-kh) и пр.

уж не говоря об этническом термине xald, что значительно удаляется в звуковом отношении. Из истории этнических имен нам известно много фактов, когда племенные названия по внешности схожи, но эти племена не родственны и говорят на разных языках. Хотя бы взять ванских халд-ов и месопотамских халд-еев, или албанцев на Балканах и на Кавказе, или др.-арм. таджик „бедуин, кочующий араб" и соврем. арм. таджик „османский турок", не говоря уже об иранских таджиках в современном Таджикстане. Из языка исторических кардухов нам ничего не осталось, а халдский язык имеет мало общего с грузинским[1].

Научной ценности не может иметь огульное корреспондирование звукового облика слова kharth со всякими возможными перерождениями этого фонетического целого (kolth, kelt, golth, xald...), ибо это было бы произвольным и не историческим подходом. Из топонимической основы Kharthl-i „Карталиния" по данным грузинской морфологии можно было бы произвести новое слово *kharthl-eli „карталинец", чего реально нет, и теоретически трудно было бы через диссимиляцию двух „l" получить отсюда kharth-veli. Последнее имеет не топонимическое происхождение, а этнико-социальное с изначальными реалиями „kharth" и „vel" (<-ver).

Реальный интерес и большое историческое значение приобретает особенно часть vel (wel) слова kharth-vel. Эта часть „vel" из „ver" нами увязывается с аналогичным, также несознаваемым и „доарийским" словом *ber* в непосредственно соседствующей доисторической Армении. Термин этот (ber) родового периода, и, как увидим ниже, имел первичное

---

[1] Схожи: урартс. направительный падеж на -di и груз. -ad., урартс. atibi „десять тысяч" и груз. athi „десять", урартс. §ali „год" (или zali= tsali) и груз. tsali, урартс. §exiri „живой" и груз. çxovari, урартс. duru-bani „время" (?) и груз. dro, урартс. sila „жена" (?) и груз. çola, урартс. ebani „страна" и груз. ubani „участок" (мегр. abani „место"). Эти этимологии—наши. Урартский язык имеет глагольные объективные частицы в конце глагола, а грузинский в начале. Во флексиях склонения и спряжения также не замечается общего.

значение „дом", так что kharth-vel из *kharth-ber „карт-дом" отражает еще родовое или племенное состояние карт-велов—грузин. Переход же „дом"—„род", „племя" самое обыденное и исторически необходимое явление, связанное с родовым строем. Единственная помеха, быть может, это семасический переход, уже на грузинской языковой почве, понятия „карт-дом (карт-род)" в частное и узкое понятие „человека из карт-дома", так сказать „карт-родича". Этот переход может быть объясним отчасти и тем старым миропониманием, когда личность себя еще не отделяла от общеродового коллектива и определяла себя (персонифицировала) именно этим общим коллективным словом. Или, быть может, грузинский язык допускал морфологическо-семасиологический такой переход (карт-род>карт-родич), что представляется нам более вероятным[1].

Корень „ber" в значении „род" продолжает, по-моему, и сейчас существовать в Грузии. Такое, напр., образование, как Kaxaber (ср. „Кахаберская долина" в Аджарии) представляет из себя не что иное, как „Каха-род" (ср. Kaxethi „место или страна кахов": тут же имеется и село Beri. Или, например, в Свании имеется Čwiberi „чвиберское общество" (и перевал), где уже само „ber" сохранило еще это старое значение „общество", получившееся в своем новом классовом понимании из более старого „дом—род". Мы не сомневаемся также, что грузинские некоторые фа-

[1] Ср. такое личное понимание родового имени хотя бы в армянских заимствованиях из грузинского, как Кахабер, Зардмбер, Мирвели и пр. Так в надписи из монастыря Кечарук (*Կեչառուկ*) 1244 года читаем: *Ի Քու. ողղ կամաւն Աստ. եւ Բուբգա. որդի կախայբերին, գնատավ ածի ի սէրն Աստ. ևկի ի սուրբ ուխտս Կեչառուկս եւ կրաւնաւորեցայ ի դրան Աստ. յուսաւորչին եւ անուանեցայ Յովհաննէս*... (см. К. Костанян, Vimakan taregir. 1913, стр. 87). Или в надписи 1155 г. на крестовом камне из села Бананц: *Թվ. ոզ.. ես Մարգարէս, գուստր Ութխիկայ, կանգնեցի զսուրբ Նշանս ի փրկութիւն հոգւոյն Զարգմարիկին ու Զարտագուհին, Մխիթարայ եւ կանանին. որք յաղաւթս յիշէք եւ գԱստ., որ զործող էր խաչիս* (ibid., стр. 30—31). Об имени Мирвели упоминается в севанской надписи 1664 г., внуками которого являются Сулкан и Зал из города Тбилиси... (*...ձեր հարազատ եղբարք Սուլքան, Զալս ի քաղաքէն Տփխոյ ասէն Զքիպանից, որդի Թագայի, որզւոյ Մխրվէլու...*), см. там же, стр. 190.

милии с этим „ber", как Ber-ia, Ber-idze, Ber-itašvili, Gogo-beridze, Mikaberidze и пр. также суть остатки этого старого „ber", и, следовательно, beria или beridze, как слова первоначально нарицательного содержания, должны были первично значить „сын (потомок) рода", „родич", а в понимании феодального строя возможно даже значило „из хорошего рода", „благородный" и пр.[1]. Имя места Saberio должно было значить „(место) для рода".

Перейдем к этому „ber" сперва в соседствующей с Грузией Армении, а потом и в других окружных и культурно общавшихся с ними странах ближнего древнего востока. Этот термин сохранился в именах армянских феодальных („нахарарских") домов или древних областей и данными армянского языка не объясним. Кроме того, эти сложные с „ber" образования связываются только с южной частью исторической Армении, что, быть может, теоретически и поддержит миграцию картов с этих южных районов Армении. Эти армянские феодальные фамилии—*Տաՙբեր* „Тамбер", *Տարբերունի* „Тарбер-уни" и *Քաջբերունի* „Каджберуни", что собственно значило Там-род, Тар-род и Кадж-род, последние с новым суффиксом *-ունի* (-уни) подобно Rštuni, Bagratuni, Arṭsruni и пр.[2]. Корень „кадж" возможно этнического происхождения, в связи с племенем „kaš" -ов, т. е. каситов, упоминаемых также в хеттских надписях („kaš-k ||

---

[1] Основа Berita фамилии Beritašvili. несомненно, своим -ita связывается с Haldita „Халдита", собственным именем одного армянина в бисутунской надписи Дария. Ср. также собств. имя Tirith (у армян), что, несомненно, значило „следователь бога Tir'a (откуда и Tiridat. Tiran, как от имени бога Mihr имеем Mihrdat, Mihran).

[2] Прибавление нового суффикса -uni обусловливалось, по-моему, не пониманием армянами родового происхождения этого ber, подобно как от грузинского („чанского") Mamik-oni армяне образовали новое армянизированное Mamikon-ean. Ср. подобное же явление в фамилии грузинских Orb-eli и армянизированном Orbel-ean. Редкое Tarberuni упоминается у Лазаря Парпского (Тифлис, 1904, стр. 44: *Քաւսէ՛ Տարբերունոյ եպիսկոպոս*) и у А. Тавризского в имени *Տարբերունի գաւառ* „область Тарберуни" (см. вагаршапатское изд., 1896, стр. 425). Карабахские арм. фамилии *Մելունցյան, Գյանձունցյան* и пр. такие имеют двойное суффиксирование (unç-yan) вследствие затемнения первого -unç.

gaš-g); есть сейчас разбойничье племя курдов „кашки" в Сулеймание[1]; ср. этническое происхождение следующих феодальных домов—*Ամատունի* (Amatuni) из племенного имени mada „мидиец", *Մանդակունի* (Mandakuni) из племенного имени manda, упоминаемого в хеттском своде законов (mandak „мандиец"), *Սլկունի* Slkuni из племенного имени sala (salak „салиец"), *Խորխոռունի* Xorxor-uni из имени „хор" (хуррит) и пр. и пр.[2].

Следует отметить и порядок сложения Tam-ber или Kaǰ-ber с грузинским *Kharth-ber, т. е. за этническим, впоследствии феодально-родовым именем следует ber „дом", а не наоборот, как имеется, напр., в сирийском (Bar-ptolomae, Bar-tsuma, Bar-daisan и пр.).

В древнеармянской топонимике, если не считать вышеупомянутого Tarberuni, также сохранились имена с этим же ber „дом", но, видимо, в оформлении множ. числа—beran(i), что также является остатком словотворчества аборигенов Армении, естественно никогда не сознавалось и отражает древнее этническое состояние некоторых мест (южных) доисторической Армении. Таково название обширной области *Տուրուբերան* Turuberan (или *Տարոնբերան* Taruberan), что значит „Тавр(а)-роды" или Тавр(а)-племена, как от ед. ч. Tar-ber „Тар-род" имеем Tarberuni „Тавро-родский". Другое имя—это *Արբերանի* Arberani „Ар-роды", название армянской

---

[1] Может быть даже поставлен вопрос: не является ли арм. *քաջ* kaǰ (khadž) „храбрый" остаток этого храброго племенного названия, подобно как имеем груз. gmiri из „гамир"ского (=киммерского) имени, арм. skay „великан" из имени саков и пр.; см. мою работу Chetto-armeniaca, стр. 37. У армян было и другое слово для понятия храбрый (ari).

[2] Нам думается, что упоминаемое у арм. историка Ст. Орбелян имя области (района) *Քաշունիք* Khaš-uni-kh значило первоначально „кашиты, кашские люди", что перешло и на их месторасположение, подобно как Virkh=„грузины", но и „Грузия", Hay-kh „армяне, Армения" и пр.; ср. древнейшие имена районов Rštunikh, Apahunikh и пр. из племенного либо феодального содержания этих наименований. Историк Орбелян в связи с этим Khašunikh (=поздняя область Barkušat в Сюнии) дает также следующие названия, производные от корня khaš, как, напр., *Քաշաթաղ գաւառ* Khašathal gawar [от Khašathal=квартал khaš-ов]. *Քաշի մարգ* Khaši marg [=нива Khaš'a]. См. История области Сисакан" (Тифл. изд.) 1911, стр. 518, 75, 208, 512, 12.

области к северо-востоку от Ванского озера. С этим Arberani упоминается и местность Աղիովիտ „Али-долина", где ali есть, вероятно, разновидность „ar" этнического имени Ar-berani, а не от армянского աղի ali „соленый", ср. область Էլի или Ալլի, упоминаемую к востоку от Ванского озера, а также село Ալլաբերք (род. пад. Ալլաբերից) в Котайке= „айл-роды" (?) =ныи. Алапарс. В Сюнике было село Ութբրուն („восьмидомный"?) и Բերան.

Следовательно, этимология грузинского национального имени kharthvel(i) неразрывно связана с доармянскими подобными же этническими образованиями, как tamber, khajber, turuber(an), arber(ani), если, конечно, груз. -ver получилось из -ber. Семасиологически можно было бы привести переводное, чисто армянское Անգեղտուն Angeltun „дом Ангел", Պաղնատուն Palnatun, где Paln—название племени и места (ср. bala „балайец", упоминаемое и в хеттских надписях, сохранившееся в арм. Բալահովիտ Balahovit „Балодолина", т. е. долина балайцев)[1], а слово tun есть чисто армянское слово, в туземных (доармянских) передачах заменяемое „ber"-ом.

Доармянские beran „дома, роды" (в Turuberan) и berani (в Arberani) имеют частицу коллективного множ. числа (-an ‖ -ani), что от аборигенов Армении перешло и в армянский язык, как от ji „лошадь" имеем множ. число jian, от ēš „осел"—išan, или с суффиксом -ani имеем azzi „знатный"—azatani „знать", от awag „старший"—awagani, от

---

[1] Нам кажется несомненным, что часть этого племени „бал"-ов переселилась на север, а именно в арм. область Сюник, ибо район современного Кафана в Зангезуре назывался Բաղք Bal-kh, откуда также Բաղաց աշխարհ Balaç ašxarh (страна бал'ов), Բաղաց երկիր Balaç erkir (id.), բաղաչէք bal-açi-kh „балийцы", Բաղաց տուն Balaçtun „род (собств. дом) бал'ов", Բալաբերդ Balaberd „бал-крепость" (=совр. Кафан) и пр. и пр.... Армянский историк С. Орбелян, упоминая об этих местах, само название—корень bal-" выводит из имени некоего Բաղակ Balak (откуда также Բաղակի քար, Բաղակաւ ամրոց, см. у него стр. 12, 13, 335). Слово balak в действительности образовалось от имени bal-, племенного имени этих балайцев, подобно как имеем имена Hay-k, Armen-ak и пр. от этнического имени hay'ев или armen'ов и пр. (см. выше, стр. 10, а также нашу работу Chetto-armeniaca, стр. 3, 115—116).

kin „женщина"—kanani (при нормальном kanaykh) и пр. Этот же суффикс множественности наличен и в грузинском в виде -ni, как kaçi „человек"—kaçni „люди", igi „тот"—igini и пр. и пр. Так что beran или berani в значении „дома, роды", засвидетельствованные сложными Turuberan и Arberani, должны были быть нарицательными и обыденными словами множественного (собирательного) значения от простого ber и свойственны многим „доарийским" языкам исторической Армении.

Отсюда вполне естественно было бы ожидать наличие этого слова и в халд-урартском, единственном письменном языке из этих древних языков доармянского этнического состояния, тем более, что Arberani („Ари-роды") находилось в непосредственном соседстве с Халдией—районом Вана. И действительно, в урартском языке есть слово ibirani, которое, как видим, близко созвучно с berani слова Arberani. В Сарыкамышской надписи Аргишти I (строки 5—6) упоминается „страна Этиуни, страна Ибирани", как объект завоевания. Нам думается, что тут, естественно, не грузинская страна Иберия, как трактовал Сейс, а „страна Ибирани" есть нарицательное имя с детерминативом „страна" для нарицательного „ибирани" (‖ роды, племена), т. е. все должно значить—пришли Этиун(ские) племена" [=Etiunibiran, подобно Turuberan..][1]. Упоминается это ibirani и без детерминатива („страна") в нескольких надписях, но общая конструкция этих мест пока трудно поддается анализу и объяснению[2]. По А. Сейсу ibirani значило „люди" (men?).

---

[1] В ассирийских надписях упоминаются имена 23 напрских стран, из которых одна называется Šinibirani, а в других надписях есть еще имя Ginzibir. Нет сомнения, что тут сложные имена с (i)bir „род" или (i)birani „роды". В частности Šinibirani доказывает правильность нашей конъектуры Etiunibiran(i).

[2] Напр., в надписи села Язлы-таш, около Мелазгерда (к северу от озера Ван), мы читаем, что Утубурш, царь из династии Диау, отдал урартскому царю Менуа золото, серебро, „отдал дань ali LÚ tašmuše bedi-mānu biduni ibiiraani (строки 15—17), что предположительно могло значить „а также (ali) заложников (tašmuše)... вдвойне biduni?) из рода (своего)"? Возможно, что это халдское ibir-ani сохранилось в арм. բեր

Если же взять другие древние языки вокруг исторической Грузии и Армении, то оказывается, что почти везде можно встретить это ber „дом" в разных фонетических оформлениях. Возьмем хеттский язык, где для понятия „дом" существует два слова bir и parnaš. Первое слово имеет впереди детерминатив „дом" и, по-моему, имеет более обширное значение, чем второе слово parnaš. Последнее часто употребляется в хеттском своде законов, где после обозначения меры наказания прибавляется „parnaš-ea šuvaizzi", что значит „дом-же освобождается" (от наказания). Тут понятие „дом", быть может, взято в смысле „фамилии". В таком случае bir будет иметь более обширное значение „дом→род" (часто употребляется между прочим bir šahhan(n)aš, где последнее имеет значение какого-то имущественного порядка). Определение значения bir (pir) „дом" впервые принадлежит Fr. Hrozny (см. его „Die Sprache der Hethiter", стр. 59, 81, 192). Этот же ученый пытался дать также и этимологию этого хеттского bir, сопоставляя со староегипетским pr (=дом), ассирийским pir (id), хотя приводит подсказанное ему Кречмером также „индоевропейское", а именно месапийское Βόριον „жилище, комната" (ibid., стр. 60, прим. 1). В конце этой же книги F. Hrozny приводит и другую этимологию, а именно лидийское birad „дом" (стр. 192)[2]. Прибавим от себя, что есть и курдс. bər (bär) „род", употребляемое и сейчас, если конечно это bər не заимствование из сирийского bar „сын".

Как видим слово bir (или pir) в значении „дом" употреблялось чуть ли не во всей передней Азии, а именно, в Египте, Ассирии, Хеттии, Лидии, Месапии, Урарту (resp. в поздней Армении), не говоря уже о Грузии. Несомненно одно: форма ber (с гласным „е") свойственна была только

---

iwr „свой" и *ɨɯɾɒkɯ* iwrean „себя, себе" с таким семасиологическим перерождением как индоевропейское „свой", „suus" и пр. получились от корня su—„рождать" (ср. „сын", лит. sunaus, гр. hulos), как тюркс. khendi „свой" от khend „село".

[2] См. также перевод P. Kahle и F. Sommer'a этого лидийского слова: aaraλ birak „Hof und Haus" (Kleinas. Forsch., B. I, стр. 70), где лидийское biraλ-k значит „и дом" (-к=„же, и").

Грузии и Урарту—Армении (Tamber, Kalber-uni, Turuberan, Arberan), а у других народов преобладает форма bir (pir), т. е. с гласным „i". Это, несомненно, имеет историко-генетическое значение для точного определения происхождения -vel грузинского kharth-vel.

Нам могут указать на наличие „v" древнего этого vel „дом, род", тогда как ожидалось бы „b", что и имеем в Кахаber, čwi-ber и пр. (см. выше, стр. 9). Этот переход b>v (w) обыкновенен в языках, хотя и примеров для грузинского у меня не хватает (ср. пока сложный суф. „-ob-ar-i" ‖ „v-ari" (>v-ali) или „v-are" (>v-ale), а также Iberia>Iveria, арм. Alvan-kh из Alban). Нам думается, что в грузинском могло быть и диалектическое особое перерождение beri>veri „дом", „род", что, быть может, и сохранилось в таких географических терминах, как Šula-veri „род šula", Çag-veri „Цаг-вери" (=род цаг, т. е. саков?), Uraveli (<Ura-veri), Marveli и пр. и пр., а также в др.-арм. Armavir, „дом Арама" (=арамейцев, resp. армян)[1]. Есть вероятность и суффиксального его употребления (-ieri, eri,. с выпадом v) во многих грузинских прилагательных („—родный"), как, напр., šven-ieri „красивый" (из *šveniveri „красивородный"?),

---

[1] Ср. контекст о постройке Армавира у арм. историков Хоренского и Анонима: *իսկ որդի նորա Արամայիս շինէ իւր տուն բնակութեան ի վերայ ուստ մերձ առ եկեր գետոյն և անուանէ զնա յիւր անուն Արմաւիր* „А сын его [Араманяка] Араманс строит себе дом жительства на одном холме близ берега той реки [Аракса] и называет его [=дом] по своему имени Армавиром" (История М. Хор., кн. I, гл. 12). Аноним же говорит так: *Զկնի Արամանեկայ որդի նորա Արամայիս շինէ իւր ի վերայ գետեզերն տուն բնակութեան և անուանէ զանուն նորա քան անուանն իւրոյ Արամայիր* „После Араманяка сын его Араманс строит себе на берегу реки дом жительства и называет его имя по своему имени Арамаиром" [вместо Армавир"]. В обоих текстах подчеркивается „дом (для) жительства" называемый по имени Арамаиса (=халдское образование Aramaiše „арамеец", как Blainišê „байнинец", Luluiniše „Лулубиец"), так что Arma-vir дословно значит „дом арамейца". Не случайно, что тут в древности было много сирийцев и евреев. Армянское *տուն* „дом" имеет и расширенное значение „область, домен". Ср. такое же расширение значения в груз. saxli (из sa-axli?) „дом, род, семья", мегрельс. oxori „дом", прп арм. *ագխ* alx „черпь", халдс. alxi (id.?), греч. οἶκος „черпь" (хотя другие его связывают с лат. vulgus). Есть и др.-евр. и арабс. ahl „семья" (по еврейс. „дом, палатка".

kadnieri „смелый, дерзский", çbieri „коварный" и пр., хотя лучше было бы это -ieri из *iveri со значением „подобный" связать этимологически с хеттским ivar „подобно, как", т. е. šven-ieri=красиво-подобный, kadnieri=как дерзский, çbieri=коварнообразный и пр.

Нам известно также, хотя бы из др.-армянских источников, наименование др.-грузинского княжества Gardman с одноименным ущельем. Нет сомнения, что это имя, как и однокоренное имя села Gardabani, суть образования из gard-, предлежащего и в kharth-, но с другим придатком, сейчас также непонятным, подобно рассмотренному -beri || -veri (>veli). Придаток -man мы связываем с аккадским (ассировавилонским) umman „люди", напр., ummanmanda „мандалюди" („Manda Leute") как переводят ассириологи, с чем созвучен, а быть может однороден по происхождению, и хуррийское umini „страна" (первоначально „люди"?), как, напр. Xurrūxe umini „Хуррийская страна". Вторая же часть имени места Gardabani, т. е. -abani, есть эквивалент обыкновенного грузинского ubani „квартал, участок", хотя по огласовке ближе стоит к мегр. abani „место" и армянской форме того же слова, т. е. к awan „село" из первоначального *aban=халдскому ebani „страна", с такой диалектической альтернацией как -awri- „господь" (в армянском awri-ord „господская дева", барышня) и халдское ewri (id.), как армянские—erag || arag „быстрый", Erasx || Araks, ełbayr || ałbayr „брат" и пр.

Как видим, этнический корень kharth || gard, во-первых, лег в основу „малоазиатских месопотамских" придатков -ver (<ber) „дом-род, общество", -(u)man „люди, народ", и с урартским -aban „страна" (ср. арм. Naxč-awan „Нахч-страна">„Нахч-село", Erewan<*Eri-aban и пр.), а во-вторых, эти придатки делаются к концу корня, а не к началу, подобно семитическим (напр., umman-manda, сирийс. Bith-Sargis „дом Саргиса", Bar-daisan „потомок дайцана" и пр.). По типу сложения грузинские kharthvel, Gardman, Gardaban примыкают, следовательно, к малоазийским („азианическим") языкам, в том числе доармянским (resp. урартским) и армянским образованиям, как доармянские Tamber, Tar-

ber-(uni), Khaǰber-(uni), Turuberan, Arberani, или арм. Balahovit, Paĺnatun, Naxčawan и пр.

После всего вышесказанного о термине kharthveli, как и о Gardman и Gardaban, необходимо вспомнить и о традиционном толковании термина kharthveli, данном в грузинских летописях — Kharthlis çxovreba „жизнь Грузии". Здесь под этим словом понимается и „город" и „народ" и родоначальник Картлос. Несомненно, что тут с корнем kharth сопоставливали по ложной („народной") этимологии персидское kert „город" (собств. „творение"), перешедшее и к армянам (напр., Тигранакерт), не говоря уже о созвучных город, град, немецк. Garten" и пр., а эта этимологизация не столь древняя. Что же касается значения „народ", вкладываемого летописями в слово kharthveli, то здесь это несомненный отголосок старого veri (<beri) „дом—племя", общество, народ и пр.", входящего во вторую часть национального термина грузин (*kharth-ver || *kharth-ber). Наконец, персонификация этого термина с легендарным Картлосом есть явление, известное из Библии, клинописных текстов и пр. Напр., в урартских надписях Eriaxi, Abilianixi, Etiuxi и пр. имеют либо детерминатив „личность", либо детерминатив „страна", и это на протяжении всего периода урартского царства. Нет сомнения, что здесь имена племен персонифицируются с легендарными личностями, что известно нам и из „Истории Армении" Моисея Хоренского, где разные родоначальники-патриархи, как Hayk, Armenak, Aram, Xor, Baz, Gełam, Ara и пр. суть названия либо племен либо богов.

Наше толкование термина kharthveli и других в связи с малоазийскими и семитическими общекультурными терминами, естественно, может поставить и вопрос об эмиграции с юга этого картского племени. Ведь мы не можем принять изначальным и раз навсегда данным то количественное и географическое расположение родов и племен в Армении и Грузии, из которых (родов, племен) образовались грузинские и армянские народности, как позже думал Н. Марр, отрицая вообще роль миграции в этих образованиях. Так что, теоретически не может быть отрицаема миграция кар-

тов с юга, особенно, когда имеются более достоверные сведения о миграции и других грузинских племен, как, напр., тибаренов и мосхов, живших в Каппадокии (мосхи) и в области Мелитене. При ассирийском царе Тиглатпилисере I (XI век до нашей эры) мушки, т. е. мосохи (мосхи, месхи) до 20.000 человек под предводительством четырех „царей" (точнее было бы „начальников племен"), вторглись в область Alzi „Алзи" (=урартс. Alzini=арм. Alji-kh), но спустя несколько десятков лет были отогнаны. Миграция с юга на север была и в Армении, что находим в движении армян или арменизации этой страны с седьмого века до нашей эры, после известных нашествий киммеров, скифов, фригийцев и пр. Нам кажется также, что племя „бала" („пала"), упоминаемое в хеттских надписях на рубеже территории исторической Армении и хеттского мира (ср. арм. область Balahovit „балайская долина", город Балу, область Палин), отчасти переселилось на север, если иметь в виду область Bałaç ašxarh „страна бал'ов" провинции Сюник (см. выше). Также, быть может, нужно подойти и к толкованию арм. Վայոց ձոր Vayoç jor (=позднему Даралагяз), как „ущелье вай-ев", и это Վայ-ք Vay-kh связать с именем племени bla(y)-, что другие находят в имени Blaina („Blaisches Land" по Фридриху). Наконец, есть весьма солидные данные о переселении части ванских халдов на северо-восток в район современной Лазики[1]. О возможном переселении каситов на север см. выше.

[1] В районе реки Чорох и, вероятно, в Лазике упоминаются у греческих историков макроны, сапиры, визиры (βέζηρες), „воинственные" колхи, „многочисленные" вехири, хои и др. Последнее племя упоминается и в хеттских военных надписях (Hulla-), а племена вехиров и колхов упоминаются между прочим и в летописи урартского царя Сардура (половина 8 в. до нашей эры). Н. Марр неправильно расшифровал и перевел эту III надпись. Наш перевод такой. „Сардур говорит—Я пошел походом в страну Кулха, город Ильдамуша [=Артануч?!], город престольный царя... (и)... страны Кулха-народа, укрепленные с бою я взял, людей сжег, гарнизон, что страны Кулха там был, перебил, памятник из железа (anbar) сделал, надпись в городе Ильдамуша поставил, крепости (и) города я сжег, разрушил, страну я пожрал, мужчин—женщин я увел. Сардур говорит—в тот же год вторично (?) я пошел походом в страну Вихирухи (=вихирскую), трех наместников я послал (?), в трех местах я поход со-

Что касается экспансии слова ber (bir) „дом, род, племя, общество", то мы видели, что подобный корень с этим же значением доходит, по мнению F. Hrozny, чуть не до Египта[1], а с другой стороны распространен по Малой Азии до Лидии включительно. Нам кажется, что этот термин в смысле „община, общество, люди", развившись, конечно, из первич-

---

вершил" и пр. и пр. Н. Марр не только не понял текста, но и пропустил распорядок знаков города Ildamuša, знак ḳu в слове ḳuixa, неправильно делил Uixi-Ruxi, сумерскую идеограмму AN·BAR „железо" передал неправильно через „бог Пар" и пр., и пр. Впервые эти надписи изданы Н. Марром и И. Орбели (см. „Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван", Петербург. 1922, стр. 49).

[1] Ассирийское biru „детеныш" (ср. мегрельское bere, чеченск. ber „мальчик") и др.-груз. beli „медвежонок" не имеют, по-моему, отношения к этому ber „дом" „род". Сирийс. bar „сын" роднят с еврейск. ben, арабс. ibn „сын". Ассирийск. biru употребляется, напр., в идеограмме LU „овца"—biru (детеныш), знача тем самым „ягненок". Нам кажется, что ассир. bir „детеныш" употреблялось и у иранцев в форме vir, что имеем, напр., в имени армянских князей Arša-vir (=частое имя князей Камсаракан, имеющих иранское происхождение). Еще Hübschmann в своем Armenische Grammatik (стр. 27) это Aršavir делил на Aršan-+vira-?, где aršan он считал зендским (авестским) aršan „мужчина", плюс непонятное vira. Мы предлагаем это Aršavir делить на arša- „медведь" +vir „детеныш, потомок" имея в виду наличие arša „медведь" в том же авестском (arəša—осетинск. ars, новоперс. xirs, лат. ursus и пр.). Ср. аналогичное иранское же образование имени албанских царей Ars-val (у армян Արսվաղ), что значит „медведя-детеныш"=медвежонок, где ars- „медведь" ближе к осетинскому произношению чем к персидскому. Это val „детеныш, потомок" наличен и в производном Վաղան Valan (ср. имя Varaz-Valan „кабана-детеныш"), Վաղէն Valen (Varaz-Valen), откуда Վաղինակ Valinak и пр. В хеттском было заимствованное из иранского (?) warwala „семья, потомство", как удвоение от простого корня Vala (n),—см. мою работу Chetto-armeniaca, стр. 76. В древности с любовью давали имена животных людям, особенно имена диких зверей: ср. у армян имена мужчин Արջուկ Arǰuk (собств. „медвежонок"), Ընջուղ ənǰul или Ընձակ ənǰak („барсук"), Գայլաձագ Gaylajag („волчонок", ср. перс. Gurgen-id.), Գառնիկ Garnik („ягненок"), Եզնիկ Eznik и пр., или иранские Վարազդատ Varazdat, Վարազ-Շապուհ Varaz-šapuh и пр. и пр. В связи с Aršavir („медвежонок") возможно иранское происхождение и арм. արհաւիր(ք) arhavir(kh) „ужас(ы)", образованного из простого արհ arh, позднего աճ ah „страх" и иранск. wir „порождение", т. е. arhavir могло значить „страха порождение"? Армянские слова с древним rh (>h) большей частью иранского происхождения; за исключением marh (поздн. mah) „смерть" и nirh „сон".

ного „дом-род", перерос в этническое собственное имя у разных народов Средиземноморья—берберов, иверов, бриттов, бретонцев и пр. Еще и сейчас многие отсталые народности себя называют просто „люди", как банту (от единств. числа muntu „человек"), айносы и др., что становится и особым собственным именем того или другого народа. Зачастую это племенное наименование идет, конечно, и от тотема того или иного племени. Могут быть, конечно, и другие пути такого племенного наименования.

Наша тематика, естественно, конкретная и должна в своем объяснении и изложении исходить непосредственно из близкого исторического окружения. Термин kharthveli (из *kharth-beri)[1], если, конечно, верно наше толкование, *непосредственно* соприкасается, в частности, своим вторым элементом с доармянскими подобными образованиями как tamber, khaǰber(uni) и пр., а затем и с другими языками. Нас, естественно, должен занять вопрос, а не имеют ли грузины в своем лексиконе другие подобные „культурные" слова, в порядке ли заимствования или иных связей, в частности, такие слова, которые подобно ber („дом>род, племя") связывались бы с семитическим или хеттским культурным миром. Этот вопрос, конечно, имеет и общеисторическое культурное значение. Лично нам удалось подметить пока несколько таких скрещений в области распространения этих „культурных" слов. Вопрос природного генезиса грузинского языка—это, конечно, особая проблема, относящаяся и к нашему вопросу. Начальные работы Н. Марра в этой области (грузино-семитические и грузино-армянские взаимосвязи) не потеряли, по-моему, и сейчас своей актуальности.

Кроме рассмотренных ber (в kharth-vel и др.), -man (в Gard-man), и -abani (в Gard-abani) имеются еще следующие слова, связывающие грузинский язык с семитическими или хеттским.

1. Грузинское msaxuri „слуга, служитель". Слово это имеет груз. префикс m- и в своем первичном значении

[1] Ср. также аналогичное новообразование фамилий Megre-veli, Končaveli и пр.

„наемный, наемник", связывается нами с семитическим языковым миром. До сих пор были разные попытки объяснения этого интересного слова (связывали с saxli „дом" и пр.). Н. Марр в своих „Основных таблицах" (стр. 3), считая msaxuri чисто грузинским словом, сближал в конечном счете с семитическим корнем šms „солнце", но и „служить", а само груз. msaxuri выводил из предполагаемого им *smaxver-i, что, как мы увидим, совершенно произвольно и неправильно. Мы предлагаем основу этого m-saxur-i, т. е. saxur в значении „плата" вместе с древнеармянским sxur (ср. šan sxur „плата проститутке", ansxur „бесплатный", sxuran „подушная плата"), считать аккадским словом suxur (пишут suḫur), употребляющимся и в хеттских надписях (ср. SAL. SUḪUR. LAL=иеродула, священная проститутка, собств. „женщина платы сладкой"?). Этот семитический термин известен и в еврейском (səkhara) и в арабском (sakara); [ср. также арабс. saxxara-hu „он заставил его (-hu) служить, работать"]. Армянская форма sxur, т. е. səxur получалась из *suxur, грузинская же форма saxur с гласным „а" отличается от армянской формы, но оба своим спирантным x отличаются от еврейской, а тем более арабской разновидности слова. Несомненно, армяно-грузинские формы заимствованы не непосредственно из Месопотамии. В сирийском этого слова пока неизвестно.

2. Груз. agara или agaraki „поле, пахотная земля, луг; село; загородный дом, дача" (см. Груз.-рус. слов. Чубинова, стр. 4). Хотя Чубинов считал это слово латинским, но это не совсем так. Грузинское слово с армянским тем же словом agarak суть заимствования из Месопотамии, точнее из сумерского agar („A. GAR"). Слово это отражает то социально-экономическое явление, что наименование это впервые было дано известной земельной обработанной единице в феодальном или рабовладельческом обществе южной Месопотамии, а потом уже как культурное достояние это явление вместе с сумерским же словом переходило и за пределы Месопотамии, а именно в страны, имевшие культурные связи с этим сумеро-аккадским миром. Agar как „обработанная (рабами) единица земли" передалась и в греко-

римский мир (ager-„поле"), отсюда и в Германию (Acker) и пр., ср. „akra" как единица земли. Грузино-армянская форма этого слова с суффиксом -ак, как возможным наследием передававших народов южной Армении или северной Месопотамии и Сирии[1], приобрела специфическое значение „обработанная единица земли феодала", ставшая и загородным поместьем. Собственное имя Agarak—частое название сел в Армении (ср. также груз. Agara). Индоевропейские народы свое ager взяли с семитического мира, а не принесли с „прародины".

3. Грузинское çoli „жена" вместе с урартским sila „жена" родственно сумерскому sal „женщина".

4. Гр. uphali „господь" уже другими сопоставлялся с аккадским (вавилонским) „va'al" с тем же значением.

5. Гр. godoli „башня, столб" вместе с арм. kothoł „поставленный камень, стела, обелиск" мы предлагаем сопоставить с вавилонским kudurru „поставленный на границах полей камень с надписью" (т. е. межевой камень с надписью о границах и формулой проклятья). В урартском есть непонятное слово qudula(ni), что, быть может, того же значения?

6. Гр. Arale (Aralo)—название какого-то бога, распеваемого земледельцами с прибавлением iwri или thari. Последнее (thari) есть возможное заимствование с тюркского thangri, впоследствии произносимого и thsri (ср. thari-verdi „Богдан"), и значило „бог" (ср. также сумерское dingir „бог"), а слово iwri—вероятный двойник халдского (и хуррийского) ewri „господь", предлежащего и в армянских awri-ord „господская дочь", awre-ankh или awrę-ar (ore-ar) „господа" и быть может и в слове awrēn ē „подобает (господину?)", а отсюда awrēnkh „приличие, обычай, быт, закон" и пр. Само

---

[1] Такого же семитического (финикийского?) происхождения и арм. aštarak „башня" с неармянским -ак от семитической основы aštar. Быть может, это значение идет от тех грубых обелисков, кои ставились в Финикии в честь богини Иштар „Астарты"). Ср., быть может, и груз. šteri остолоп, болван, зевака", как первично „статуя, окаменелый"? Есть и арм. диалектическое (напр., алашкертское) ՀԻԹԱՐ šithar „болван, сумасшедший, дурак". Нам кажется, что от основы имени богини išt̄ar ‖ aštar-

грузинское Arale, как и народное арм. horolo и (h)aravel[1] мы считаем вместе с др.-арм. Ara, Aralez семитскими названиями божества весны, зелени и произрастания. Слово это в форме Ara, как название бога растительности, обреталось и в хеттском языке, где оно считается заимствованным с аккадского (см. нашу работу „Chetto-armeniaca", стр. 103—109, а также „Общие элементы между урартским и хеттским языками", стр. 53, прим. 3). Этот бог Ar(a), а в ласкательной форме Aral(o), был известен с тем же наименованием и функцией и у восточных славян („киммерон"), у русских—Яръ, Ярило, как бог „весны", и почитался до 19-го века (от этого имени образованы—Ярополк, Ярослав, яровой, яркий, ярый и пр.). Но какими путями этот месопотамско-малоазийский юный бог весны попал к восточным славянам? Ср. от-

---

в применении к ее обелиску—колонне имеем не только арм. aštarak, грузин. šteri, но и греч. στήλη, нем. Stele „колонна" и др., подобно как от имени этой же богини лингвисты образуют имя „звезды" в индоевропейских языках—лат. stella, греч. ἀστήρ, арм. astł, санскр. star-, готс. stairnō „stern" и пр.

[1] Эти слова являются, как и грузинское, припевами к разным песням земледельцев. Армянское horolo из вероятного (h)aralo употребляется, напр., в Лори. Форма же haravel известна, напр., у маназкертских армян, а в виде „gorc. aravel" и у алашкертских армян (см. Эчмиадзинский этнограф. сборник, т. VI, стр. IX и 135—138). Наиболее употребительно horovel(e), что нам представляется образованным из (h)aravel, где „r" может быть и твердое и мягкое. Если лорийское horolo есть вероятная трансформация haralo, предлежащего и у грузин (быть может в качестве заимствования), то более употребительное horovel <(h)aravel не есть непосредственно эта форма, а, вероятно, есть целая фраза из какого-то доармянского языка, быть может из ara-vel „Ара, помоги" („Ара приходи") и т. п. Непонятно нам алашкертское „gorc (=дело) aravel". Ср. также русские припевы к тем же земледельческим песням: „А мы просо сеяли, сеяли | Ой дид-ладо, сеяли, сеяли". Это „дид-ладо", как и в других песнях „Ладо-мое, ладо", образовавшееся, быть может, от корня лад- „хороший, пригожий" напоминает арм. Ara, приобретшего эпитет „красивый", хотя тут может быть и народная этимология в связи с персидским ara-iš „красота". С божеством Ara (le) связывается чаяние земледельца *весной* и, вероятно, осенью эти песни не распевались. Ара является воплощением производительных сил обновления и произрастания, воскрешения из спящего (или мертвого) состояния, мужества (ср. „Ярый"), красоты и пр. Не есть ли индоевроп. глагольный корень ar- или or- „подниматься, воскреснуть" (арм. y-ar-nem, лат. ori-or, греч. ὄρνυμι) образование от этой функции

части такие иранизмы у русских, как бог, собака, хата..., а также версию о построении г. Киева тремя братьями (Кий, Щек, Хорив) с построением арм. гор. Куар(с)'а тремя же братьями Куар, Мелте и Хореан, как сопоставлял Н. Марр.

7. Груз. cwa „сжечь"=хеттс. su- (tsu-) с тем же значением. хотя есть и груз. alanjwa „поджарить мясо" и арм. alanjel „поджарить (зерно)=хеттс. alad(d)-ari „поджаренный" (суф. ari предлежит и в грузинском с аналогичной функцией).

8. Груз. are „окрестность"=хеттс. arha „прочь", arhi „в окрестности".

9. Мегр. orenǰi „приют, место бытия, существования" (см. Кипшидзе, Грам. мегр. языка, стр. 301), что мы сопоставляем с малоазийским (и хеттским?) *ariza „деревня", предлежащим как отдельное слово только в собственных именах городов и сел (ср. Hariza, арм. город Eriza=Эрзинкан). В армянском очень часто употребляется имя деревень Arič, arur, Arinǰ, а также в сложных именах мест—Kuk(a)arič, Kitharič, Bag(a)arič, Mknarič, Xald(o)arič, Arǰoarič и пр.[1]. Эти имена касаются только городов и сел в Западной Армении (ближе к Евфрату). Это восстанавливаемое нами малоазийское ariza (‖ eriza) „деревня", видимо, было свойственно и хеттскому миру, если географические термины Litarariz и Aladalearіz, сохранившиеся у греческих и латинских авторов в районе исторической Хеттии, этимологизировать как

бога Ара? Ср. лат. oriens „восход, восток", арм. yaruthiwn „воскрешение" и пр. и пр. Нам кажется также, что многие имена мест в Армении, как имя горы Aragac, реки Aracani. села Arageč (*Արագէճ*, упоминается в строительной надписи церкви села Мармашен 1020 г.) Argiči (*Արգիճի*, село в районе Гелакуни, по Ст. Орбелян). Arahuc (*Արահուձ*, в Сюнике, по Ст. Орб.), Arahez (*Արահիզ*, в Тайке по историку Асогику), Arates, Aratenkh и пр. суть производные с этим именем бога Ara. Aragac могло значить „пояс Ары" (или „гора Ары". ср. *Մհհոգաձ* Mehogac, имя села в обл. Гелакуни, по Ст. Орбелян, из Mihra+gac „пояс бога Митры"?), Ara-cani „река Ары" (?) и т. п.

[1] Перевод арм. arič „деревня" принадлежит Н. Адонцу (см. его Армения в эпоху Юстиниана, стр. 80). Возможно первичное значение „место". М. Хоренский, говоря об имени места Bagayarič, говорит, что это так звучит „по-парфянски". Он, вероятно, имел в виду первую часть baga-„бог".

хеттское aladdar (из *alandar) „жаренные зерна, хлеб" и ariza „деревня" (все будет „хлеба—село"? в роде евр. Bethlehem, нашего Зерноград). В утийском языке также есть подобное слово для села, а именно alz, что, возможно, получилось из *arlz.

10. Груз. и мегр. xarbi „жадный, завистливый", вместе с редким армянским xarb „жадный, ненасытный, развратник", примыкают к хеттскому harp-uš „враждебный (так переводит I. Friedrich), хотя есть и арабс. xarba „смутян" (против религии, народа), новосирийс. xirba „противный, дурной" (см. Chetto-armeniaca, стр. 86—87).

Об армяно-грузино-хеттских лексических общностях в связи с J̌ax. „разбить", xaz- „чертить" и пр. см. там же, стр. 58, 56, 86.

В нашу задачу здесь, естественно, не входит подыскание всех тех культурных слов, которые бы связали грузинский язык, а следовательно и историю, с южным урартосемитическим или юго-западным хеттским культурным миром. Нам здесь важно только указать на эти культурные слова и исторические связи, не важно количество этих слов и даже точные „прародины" этих слов в роде армяно-грузинского khalakh „город" (из сирийского или ассирийского?) и пр.

При учете именно этих общекультурных и социально-экономических данных древнего ближнего востока мы и предлагаем наше толкование грузинского национального имени — kharthveli, связывая вторую часть „ver-i" (=дом, род) с грузинскими Šula-veri, Çag-veri, Ura-veli... арм. Armavir и пр., как и с „-beri" в Kaxaberi, Čviberi и др., а с другой стороны, с доармянскими Tamber, KhaǰberCuni) и пр., как и с хеттскими, лидийскими и др. терминами, в основном базирующимися на корне bir „дом"[1].

Быть может, можно будет следующим образом разграничить сферу распространения двух терминов для понятия „род", исследуемых в нашей этой работе: ber || bir „дом→

[1] Упоминаемое в Джавахке село Хозабир (у арм. историка Асогика, стр. 106, Петерб. изд.) не значит „свиньи-дом", а есть арм. слово „свиньей-вырыто" от глагола brem „рою" (корень bir).

род, общество, народ, люди" и ver || vir „род, поколение, порождение". Последняя разновидность предлежит: во-первых, в грузинском kharthveli (из *kharthveri). Šulaveri, Çagveri и пр.; во-вторых, в армянском Armavir, а возможно и в нарицательных phesaver „родич зятя" и harsnaver „родич невесты" (=наш уточненный перевод)[1] и в третьих в иранском Aršavir, арм., заимствованном из иранского (?) arhawir, албанском, заимствованном из иранского Viro (в арм. передаче *Վիրոյ*—имя албанского католикоса), арм. заимствованном имени *Վրէն* Vrēn и пр. Вторая же разновидность (ber || bir) свойственна была хеттскому миру (bir), месапийцам, лидийцам (bir-al), доармянам (Tamber, Khaǰberuni, Taruberan и пр.) и грузинам (Kaxaberi. Čviberi, Beri, Saberio, Beria, Beridze...). Сосуществование двух этих разновидностей в армянском и грузинском нужно объяснить либо изначальным их разным происхождением, *что проблематично*, либо вкладом разных племен и родов в грузинский и армянский этнический коллектив, либо же, наконец, что менее вероятно, разновременностью проникновения этих терминов для понятия „род" или „поколение, порождение".

Под конец, не можем не указать, как важно, конечно, точное выявление специфики данного термина на почве своего языка, на базе исторического бытования своей родной почвы и языка. Но когда этот подход замыкается в узких рамках, вне учета и увязки с другими соседними областями общекультурного и исторического мира, не говоря уже о близко-родственных общностях, тогда, естественно, многое может быть половинчатым, а то и неправильно объясненным генетически. Во сто крат прав был покойный Н. Марр, когда заострял внимание грузиноведов, армяноведов, семитологов и др. на эти общие культурные связи и влияния. От этого „национальные" истории культуры и

---

[1] Ручной словарь переводит: *փեսաւէր* (или *փեսաւէբ*) через „друг зятя, глава свадьбы", а *հարսնաւէր (հարսնաւէբ)* через *հարսնքոյր*, буквально „сестра невесты", точнее „родственница невесты". Мы предлагаем писать *հարսնաւէբ* и *փեսաւէբ* (через *բ*, а не *է*, как передает большинство рукописей) и переводить „родич невесты" (harsnaver). Этимологизация phesawer из phesahrawēr („приглашенный зятя"), по-моему, не правильна.

языка только и выиграют. В частности грузино-армянские лексические и вообще языковые взаимности (общности), так блестяще начатые разработкой Н. Марром, не нашли и до сих пор своего доисследования и углубления, касается ли это изначальных родственных элементов в связи с формированиями этих народов, общих ли культурных лексических стяжаний, подобно приведенным в настоящей маленькой работе, или, наконец, заимствований в разные эпохи их этнико-культурного взаимодействия. Наша работа, может быть, послужит новым стимулом в активизации именно такой постановки лингвистических проблем, в частности в области армяно-грузинских языковых взаимоотношений.

1939 г.

ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ТОПОНИМИКИ ДРЕВНЕЙ АРМЕНИИ

В данной работе мы задаемся целью дать общий очерк или обзор истории той топонимики Армении, которую сохранили как доармянские халдские надписи, так и армянские письменные и другие памятники. Обзор этот обнимает те названия мест, которые доступны объяснению и имеют историко-культурное значение. Группирование и сравнительное изучение во многом способствуют успешному пониманию генезиса этих древних имен местностей исторической Армении. А эта сторона имеет огромное значение с точки зрения как выяснения социально-политической обусловленности образования этих имен, так и идеологической, лингвистической и особенно этно-генетической их природы. В общем, мы поставили себе задачей использовать в суммарном виде др.-армянскую топонимику как исторический фактор, как сырьевой материал или источник в деле построения древней истории Армении. Топонимика, как и язык вообще, должны служить именно этой исторической цели, выясняя иногда такие факты, которые не даются письменными памятниками. Особенно нас занимал вопрос отражения этой доармянской и армянской топонимикой взаимоотношения и количества, а то и генезиса многих родов и племен доисторической Армении, т. е., той этно-культурной известной базы, на основе которой в дальнейшем образовался армянский народ.

Работу нашу в таком историко-лингвистическом аспекте мы делим на два основных отдела—родовая и пр. топонимика в халдских (доармянских) надписях и такая же топонимика, сохранившаяся в армянских истори-

ческих памятниках или в современных именах сел, местностей и пр. Армянские данные мы делим, в свою очередь, на отдел, обнимающий, во-первых, родовые термины, во-вторых, на отдел, отражающий влияние древних и поздних религий, в-третьих, на отдел, где многие нарицательные термины культурно-строительного, а то и просто географического порядка, впоследствии стали собственными именами мест, и наконец, на отдел, обнимающий новую топонимическую практику у армян, т. е. топонимические новообразования. Последний отдел мы даем по морфологическому принципу, выделяя специфические служебные слова и топонимические суффиксы.

I

РОДОВАЯ ТОПОНИМИКА ИЗ ХАЛДСКИХ НАДПИСЕЙ

В этом отделе мы будем рассматривать не только те имена мест, которые продолжали существовать и позже в Армении, но и те имена, которые непосредственно не сохранились, но имели большое значение с точки зрения формирования некоторых армянских феодальных княжеств, как, напр., область и племена Etiuni, Eriaxi и пр. Для лучшего понимания и удобства эти и прочие наименования мест мы будем исследовать отдельно и последовательно (не в алфавитном порядке).

1. ABILIANIXI

Это—название страны, служившей частым объектом нападений ванских царей. В анналах Аргишти I она упоминается в первой колонне (строка 17-я) знаменитых „Хорхорских" надписей, имея детерминатив мужского имени[1]. В новооткрытых надписях Сардура, сына этого Ар-

[1] См., напр. у *Сандалджяна*, стр. 318.

гишти I упоминается страна Abilianixi пять раз, причем в двух случаях само это слово имеет детерминатив „страна", а в трех случаях имеет детерминатив „мужс. имя"[1], что говорит о родовом содержании этого имени. В надписи Аргишти I пишется—A-bi-li-i-a-ni-e-xi, что может иметь фонетическое произношение Abilianexi, т. е. „ni-e" вместо „ne", ибо этого знака в урартской графике не имелось. Для нас здесь важно, конечно, не это (хотя у Сардура только Abilianixi или в направительном падеже Abilianixiniedi). В урартском языке суффикс -xi (или в „определенной" форме -xi-ni), как впервые выяснил Сейс, а более обстоятельно доказал J. Friedriech, служил для образования отыменных притяжательных прилагательных, в роде русск. суффикса -ский или армянск. -ալին -ayin или -ական -akan. Бывший перевод этого -xi(ni), как „сын", не точный. Этот суффикс -xi есть и в хуррийском и других малоазийских древних языках[2]. Остается, следовательно, основа (или корень) Abiliani, которая сохранилась позже армянами в форме Աբեղեան Abełean. Эта корреспонденция впервые правильно была дана Н. Марром („Арх. эксп., стр. 58), как и сопоставление халдского Puzuni=арм. Bəznuni, халдск. Apuuni=арм. Apahuni(kh) и пр.

По фонетическим „законам" соотношения звуков между халдским (урартским) и армянским мы скорее ожидали бы вместо урартского „b" армянское „v" (а не „b"), как, напр., в слове ур. abili „прибавление, придавание", что мы родним с арм. awel „больше" (ср. урартс. обыкновенное выражение ebani ebani-ukie abili-dubi „страну к стране моей я присоединил"), ур. Biaina=арм. Van, урартс. суф. аориста 3 л. средн. зал. -abi = арм. одноценному -aw, урартс. ebani „страна" (мингрельское abani „место")=арм. awan „село", урартс. имя страны Zabax-=арм. Dżawax-(kh) и пр. и пр. Во всяком случае, это не сильное препятствие к сопоставлению урартского имени страны Abiliani с армянским Abełean. Армянское „eł", как фонетическая группа, могло получиться из старого -il (ср. арм. Nełos=Нил,

[1] См. Н. Марр и И. Орбели, Археол. эксп. в Ван 1916 г. стр. 66.

[2] См. статью Фридриха в „Analecta orientalia" за 1935 г., № 12, стр. 123—128.

арм. Seibestros = Сильвестр, арм. Barseł = Василий, арм. Ekełeaç (gawaṙ) = Akilisēnē и пр. и пр. Вопрос только в правильном установлении места этой страны Abiliani=арм. Abełean. Эта армянская местность и княжество Abełean вместе с княжествами Hawnuni и Gabełean, как полагал Н. Адонц, „относились скорее к области Ašaruni", а именно близ современного Кагызмана (арм. Kałzovan). Княжества Abełean и Hawnuni находились на левом берегу реки Аракс, а Gabełean—на правом берегу (см. Н. Адонц, Армения в эпоху Юстиниана, стр. 301). По армянской „Географии" область Abełean входит в число 16-ти других „гаваров" провинции Айрарат (Ibid., стр. 299). Придется думать, что и историческое урартское Abiliani находилось в том же месте, т. е. на левом берегу Аракса, близ Кагызмана (этот общий район сейчас называется „Чалдыран"[1].

Имея в виду, что урартское Abiliani имеет большей частью детерминатив „личность", можно было бы его понять как имя, получившееся из имени рода или племени. Конечное -iani часто встречается в урартских и армянских именах мест и княжеских фамилий (подобно груз. -iani), и, следовательно, первичный родовой корень мог бы звучать „abil-". Ср. арм. имя (сокращенное?) Աբելոյ Աբելեանց Abełoy Abełeniç, как имеется, напр., Գաբաղ Գաբելեան Gabał Gabełean.

2. ERIAXI

Это—название страны (местности), находящейся в районе современного Ленинакана, как явствует из надписи в селе Канлиджа (в восьми верстах к северу от Ленинакана). Царь Аргишти I говорит: „Халдовой силой (мощью) я завоевал Эриахи страну, завоевал город Ирданиуни до страны Ишкигулу". В другой надписи (из церкви св. Саак[ч] в Ване) тот же Аргишти I после подчинения страны „Diau-exi" говорит о той же участи в отношении страны Etiuni, затем страны Luša, страны некоего Katarza, Eriaxi-

[1] В армянской „Энциклопедии" это урартское Abilianixi обозначается как страна, находившаяся к северу от горы Арагац, что, как видим, неправильно.

страны, страны Gulutaxi-, страны некоего Widēru, расположенной у страны Apuni. Аргишти подчиняет („делает слугой") царей страны Луша, страны Игани и пр. До этого говорится (строка 28), что бог Халд завоевал эти Этиунские страны, кои он в дальнейшем, согласно традиционной форме изложения, завоевывает уже от своего имени[1], с перечислением подробно всех отдельных „стран" (точнее мелких мест), относимых к этой большой Этиуни. В седьмой колонне своих знаменитых Хорхорских надписей царь Аргишти I говорит: „я пошел походом в страну Этиуни, взял Эриахи-страну, Катарзы-страну, овладел до страны Ишкигулу" (строки 47—49). Сардур II почти во всех своих новооткрытых аннальных надписях упоминает об Эриахи, а иногда рядом с Абилианихи (где некий Мурин Абилианид припадает к его ногам и целует их), при чем Эриахи „одолевается" (?) в один день („šusini UD^{ME}ašgubi") с отобранием 150 затаенных складов-домов и пр. (см. „Арх. экс.", II_{20-39}). В пятой надписи Сардуровских этих анналов Эриахи упоминается со странами Иштелуани, Кадиайни, Апуни, Абилианихи (строки 12—15), или же со странами Этиуни, Куриани и Игани (строки 5—6), а эта последняя, как видно из надписи II_{51-52} (ibid.), принадлежала обширной области Этиуни, ибо Сардур подчиняет некоего Диутсина, из рода Игани, царя страны Этиухи („^{I}Diutsinini ^{I}Iganiexi LUGAL KUR Etiuxi KUR ebaniei", где Diutsinini есть объект, т. е. вин. п. в зависимости от глагола karuni „он покорил"). С последним упоминается страна Руишиани с царем Рашу (ibid).

Имя Eriaxi имеет спереди детерминатив „мужское имя", как в Хорхорской надписи Аргишти I (колонна VII, строка 48) или в его надписи у села Ганлиджа (строка 3). В анналах же Сардура это Eriaxi только раз имеет такой детерминатив собственного имени мужчины, а в шести

[1] Традиционная форма изложения военных надписей такая: „Халд отправился походом (ušiabi), своим знаменем (?) покорил он страну (страны) такую-то, преподнес царю такому-то". Дальше идет изложение уже от имени самого покоряющего царя, от первого лица, с более подробным изложением этих местностей, обстоятельств и пр.

других случаях детерминатив „страна". Имея в виду, что Eriaxi (направит. пад. Eriaxiniedi) производное слово с суф. -xi, которое в других случаях часто заменяется однородным суффиксом -ni (resp. -uxi ‖ -uni), некоторые ученые хотели в имени присеванского города Eriaini видеть разновидность этого Eriaxi, а с этим Eriaini по созвучию сопоставливали современное Erevan[1]. Нет сомнения, что Eriaxi имеет чистым корнем eria-, который первоначально был эпонимом племени eria- (resp. *aria-). Слово Erewan возможно образовалось из eri(a) + awan, т. е. „ери-страна" (ери-место), что должно было по армянской фонетике, с переходом „ia" (>„еа") в „е", стать поздним Erewan. Тогда следует предполагать существование части племени eria в окрестностях современного Еревана, что, конечно, очень проблематично. Одно несомненно: „страна" Eria-xi была в окрестностях современного Ленинакана, обнимая более или менее значительную часть армянского Ширака. Термин этот eria- у армян не сохранился ни в топонимике, ни в номенклатуре княжеских родов этой области Ширак. Однако мы не хотим видеть бесследное исчезновение этого имени и рода eria. Мы предлагаем в eria- видеть чисто халдское (урартское) произношение с протетическим гласным „е" вместо „алародийского" или северо-армянского „а", как в халдском Erimena- при армянском Ar(a)mina-, как в халдском ebani при арм. (и мингр.) *aban>ապան awan и пр.; ср. также Eriza ‖ Ariza, Erasx ‖ Araks, Erast ‖ Arast, eibayr ‖ aibayr, урартс. eurі „господин" при арм. awri-(id.) в слове awri-ord „барыня, барышня" и пр. и пр. Следовательно, если имя страны и рода eria есть чисто урартское наименование с начальным „е", то, возможно, была и его разновидность (а может быть и изначальная) aria, что внешне похоже на название иранцев, точнее одного иранского племени под названием aria „арнец", со-

[1] Так предлагал Никольский, отчасти и Сандалжян, который писал: „il paraît certain qu'un roitelet de la famille des Etiusiens, du nom d'Erias, avait été le fondateur aussi bien de la branche dez Eriahini que de la ville d'Erewan" (см. его „Les inscriptions cunéiformes urartiques", 1900, Venise, стр. 356).

хранившегося в Авесте (arianam vəjo „арийцев местность", откуда позднее Êran>Îran). Мы могли бы назвать и другое племя „ari", сохраненное уже армянами в имени области Արբերան Arberan, что дословно значит „ари-роды" (об этом см. ниже). Уже до нас некоторые ученые обратили внимание на наличие многих иранских терминов в северной Армении, в Айрарате. Известно, напр., иранское происхождение мардов, саков и др. Наше предположение об иранском происхождении племени eria (resp. *aria) мы хотим поддержать и иранизмом того княжеского древнего рода, который был владетелем этого Ширака, а именно князей Камсаракан. Из армянской истории известно, что Ширак был доменом этих Камсараканов, продавших в 8 в. свою область Багратидам. Об иранизме Камсараканов говорят армянские историки (напр. Хоренский, с этимологией kam „недостаточный" и sar „голова" на основании персидского языка). Недаром эти феодалы древнего Eriaxi=арм. Ширака продолжали упорно носить иранские имена (Аршавир, Спандарат, Газавон и др.). Термин Ширак только вытеснил более старое Eriaxi (или возможное Eriani), а его этнический древний пласт („арийцы") и социальное выражение („глава рода") продолжали бытовать у поздних ширакских или ашарунийских армян, этих армянизировавшихся иранцев, и в армянской княжеской фамилии Камсараканов, по происхождению тоже иранской.

3. ETIUNI

Под этим именем в халдских надписях разумеется, видимо, большая страна или государство с федерацией многих мелких областей—княжеств. Самым сильным соперником ванских халдов были эти этиунцы, сумевшие дать зачаток федерации племен. Б. Тураев так говорил об этом политическом значении „страны" Этиуни („История древнего востока, ч. II, СПб. 1912, стр. 46): „В Сарыкамышской надписи Аргишти говорит о завоевании страны Этиуни—наименование это по-видимому было общим для провинции, соответствующей южной части Закавказья". Более

южным сильным соперником было княжество Diau-exi (см. ниже).

Имя Etiuni всегда имеет спереди детерминатив „страна", выступая в разных падежах—вин. п. Etiuni, направ. п. Etiunied! (но и Etiuxinaedi) и пр. Сочетаются основы Etiuni ‖ Etiuxi, т. е. суффиксы притяжательности -xi ‖ -ni, что мы видим и в других случаях. Корень eti(u)- возможно этнического происхождения.

Точного местоположения страны Etiuni, по-моему, нельзя дать. Это имя упоминается и в сарыкамышской надписи, т. е. приурочиваясь к району этого города (=древнее Axuriani), и в эйларской надписи к северу от города Ереван, т. е. современный Котайк, а возможно Алашкертская долина также входила в Etiuni, не говоря уже об особом районе Uduri-Etiuni, находящемся, вероятно, ближе к озеру Севан. Наконец, упоминаются многие страны (Eriaxi, Igani, Iškiguiu и пр.), которые входят в эту Этиунию, как ее вассальные части.

В Сарыкамышской дефектной надписи Аргишти I говорит, что он покорил город Ахурнани, страну рода Аштуа ([1]Aštuaxinlei KUR-ni), прибавляя „-aiuke 'ari šuuini (I)Aštuaxinie xaubi [KUR] Etiuni KUR ibirani (nu)naaii anui... a... MEŠ-ni..... rie badinie [d]Xaldi[e]", что мы переводим — „каждое укрепление (форт), построенное (?) потомком Аштуа („Аштуандом") я взял; этиунские племена пришли, преподнесли... богу Халду" (строки 1—7). Выходит, следовательно, что город Ахурнани (ср. арм. имя реки Арпачай, называвшейся Ախուրեան Axurean), как центр рода Аштуа, находился среди „этиунских племен", которые пришли с повинной и с подношениями, ибо победа над родом Аштуа устрашила эти или соседние этиунские племена [Etiuni ibirani „этиуни-племена"][1].

В эйларской надписи того же Аргишти I читаем: „Халд пошел походом, его знамя (?) покорило страну Етиуни" (стр. 1—2). После этого традиционного вступления с при-

[1] См. мою работу „К происхождению национального имени грузин kharthveli".

писыванием похода и победы богу Халду уже сам царь от своего имени (обыкновенно в первом лице) повествует подробные обстоятельства своего похода с перечислением стран, городов и лиц, связанных с вышеприведенной халдовой декларацией и упомянутой там страны. Аргишти говорит (строки 4—7): „Халдовой славой пошел походом Аргишти Менуевич („сын Менуи"), завоевал (страну) Улуани-страну, города Дара(ни) страну". Это значит, что „KUR Uluaniei KUR ebani URU Daarani KUR-nie", т. е. „Улуани-страну, города Дара(ни) страну", составляют части вышеприведенной страны Этиуни, т. е. район Улуани вокруг города Дара (=соврем. Зар?) был расположен либо в этой Етиуни, либо был подвластен Этиуни. Другого заключения не может быть.

Но, кроме этих двух Этиуни, т. е. района Сарыкамыша и Котайка, приводятся еще два района—Uduri-etiuni и Igani, как этиунские страны. Из них первый обнимал, видимо, южный район озера Севан, а второй район находился между Чильдырским озером и Сарыкамышом. О стране Uduri-Etiuni определенно говорит вторая надпись Сардуровских анналов: ^{d}Xaldini uštabi masinie ^{GIŠ}šuriie karuali 4 LUGAL^{pi} KUR Ueduri-Etiunii KUR ebaani-atsie LUGAL ^{I}Argukiuni LUGAL ^{I}Kaamani ui LUGAL ^{I}Lueruni ui [LUGAL?]= „Халд пошел походом, его знамя (?) покорило четырех царей в стране Ведури-Этиуни—царя Аргукиу, царя Кама с царем Луэру с [царем?]", причем последнее имя царя не написано из-за недостатка места в конце строки (см. Арх. экс., II$_{45-49}$). Такую же диспозицию этой страны дает и Адамханская надпись (южнее Нор-Баязета) того же Сардура, который говорит: „город Тулиху, город царский (=престольный) Тсиналибия, сына (=потомка) Луэри (собств. „Луэрийского") с бою я завоевал (взял); Тсиналиби, царя народа, с женой; овладел до страны Удури-Етини" (строки 3—7). Следовательно, страна (=округ) современного Адамхана, как владение царя Тсиналиби из рода Луэри, входила раньше в более обширную область Удури-Этини; это имя выше передано полнее Ведури-Этиуни. Отец Сардура Аргишти I, как видели, завоевал только Etiuni = ныне

Котайк, о чем он оставил местную надпись в Ейларе. Но об этом же случае он повторяет и в своей Хорхорской большой надписи, где подводит итоги всем своим завоеваниям. В первой надписи или колонне (строки 17—22) повествуется декларативно от имени бога Халда, что последний завоевал страны Абилианихи и Аништируе, принадлежащие Кутурзану и Ултузе ([1]Ku-tur-za-ni-i-ni [1]Ul-tú-za-i-ni), а сам царь от своего имени перечисляет завоевания других стран, в отличие от принятого графического метода, перечисляет те же страны более подробно, от своего имени. Он говорит: „я взял Этиунские страны [KUR Etiunini=страны Этиуни?), овладел до страны..., до страны Удури-Этиунской ([1]Uduri KUR Etiuxini)". Интересно здесь то, что слово Uduri имеет детерминатив мужского имени, которое есть, несомненно, персонифицированное имя родового происхождения, т. е. название рода.

Точно также упоминается Этиуни и к северу от сарыкамышской Этиуни, если род Игани действительно локализируется в этих местах (в районе Карса?). Сардур во второй надписи своих анналов говорит (строки 49—51)— „Халд пошел походом, своим знаменем он покорил (karuni) Рашу, царя страны Руйшиани, покорил Диутсина, сына Игани ([1]Iganiexi=иганского, из рода Игани), царя страны этиуйской (LUGAL KUR E-ti-i-ú-xi KUR ebanie)"[1]. Это же „Игани", но в качестве „страны" упоминается и Аргиштием I в первой своей большой надписи („Хорх". I, строка 11), где в начале упоминается о царе Диауе (точнее о роде Диауе) с упоминанием стран Шериази, Тариуни, Забаха и пр., а в 11-й строке говорится „andani URU Makaltuni KUR Iganini 'aal-dubi", что мы переводим—„городу Макалтуни страну Игани я подверг", а это Макалтуни упоминается в надписи из села Даш-Керпи при Чалдырском озере[2]. Следовательно, город Макалтуни лежал на

[1] Марру не удалось читать знаков „LUGAL KUR E-ti-i-", а слово I-ga-ni-e-xi он читал неправильно I-u-ni-e-xi (см. Арх. экс., стр. 47).

[2] См., напр., у J. Friedrich'a („Einführung ins Urartische, 1933, стр. 37);=Als ich das Land Uximeame (?) einnahm, habe ich auf der Rückkehr auf demselben Feldzuge die Stadt Makaltu(ni) eingenommen...", и пр. Мне

обратном пути от Чалдырского озера к югу. А из предыдущей надписи следует, что этот город и „страна" Игани оказываются смежными, при чем эта „страна" Игани у Сардура превратилась в родовой термин („я покорил... Диутцина, сына Игани, царя страны Этиуйской, см. выше). Значит, где-то в современной Карской области жило этиунское племя „Игани", подобно племени „астуа" в районе Сарыкамыша, также называемого этиунским. Быть может, армянские феодалы из рода Gnuni и имя Gneal происходят из этого корня „Igan", хотя это княжество позднее жило к юго-западу от горы Арагац и к северу от ванского озера (по Н. Адонцу).

Таким образом, имя этиунских племен или их политическое влияние мы видим и в Карской области „Aštua", „Igani-") и к северу от Еревана, т. е. в Котайке („Uluani-" страна с городом Dara), и к юго-западу и к югу от Севанского озера („Udur — Etiuni"). Но экспансия Etiuni этими областями не ограничивается. Вышеисследованные Abilianixi и Eriaxi также входили в сферу этого Etiuni. Так, в первой колонне Хорхорских надписей Халд направляется походом и покоряет Abilianixi-страну, страну Aništirue, (как страны) владетелей Кутурзана и Ултуза (строка 17—18), а сам Аргишти, это же самое повествует от своего имени, говоря: „я завоевал страну Etiuni, овладел до ..., до страны Удури-Этиуни" (строки 21—22). Тут, несомненно извращено писцом, ибо страна Удури-Этиуни не лежит рядом с Абилианихи и пр. С другой стороны, в 7-й колонне этих же надписей читаем: „я направился походом в страну Этиуни, покорил Эриахи-страну, Катарзы-страну, овладел до страны Ишкигулу (строки 47—49); или в Сардуровской пятой надписи читаем: uladi KUR Etruniedi ali aštaadi KUR Etiunia ištinile andani KUR Eriaxi 'aal-dubi salmatxi KUR Kurianini (строки 4—6), что мы переводим— „я направился в страну Этиуни, aliaštaadi (= ?), при помощи страны Этиуни к стране Эриахи я предал („под-

кажется, что знаки „-a -me" в „Uximeame" читаются неправильно, следовало бы читать „I UD" т. е. „1 день", т. е. город Uxume в один день я взял..." и пр.

верг") союзную страну Курнани". Дальше говорится о завоевании страны Игани с царем Мурини.

Но влияние Этиуни и этим не ограничивается. В одной надписи Аргишти I (на таблетке из церкви св. Саака в Ване) читаем (строки 35—39): „я покорил (страну) Лушастрану, Катарзы-страну, Эриахи-страну, (страну) Гулутахи, Видеру-сына-страну, овладел до стр. Апуни; царя стр. Луша я подчинил, стр. Игани я подчинил"[1]. До этого (строки 27—28) эти же завоевания афишируются от имени бога Халда, но с именем страны Этиуни („Халд пошел походом, своим знаменем он покорил страну Этиуни" и пр.).

Но особенно интересно определить Этиуни при царях Ишпуина и Менуа, ибо последний не оставил надписей в районах Закавказья, кроме трех ташбурунских надписей у Игдыря, куда он проник через Чингильский перевал. Естественно, Ишпуин и Менуа не могли говорить об Этиуни в пределах современной Карской области, района Ленинакана (Ширака), Котайка и юга Севана. Но зато они упоминают этиунских „верховных" (коренных) трех царей—Видеру, Луша и Катарза, области которых нам не известны. Так, в надписи из с. Гюсненц читаем: „Халд пошел походом, своим знаменем (?) он покорил Видеру, покорил Луша, покорил Катарза" (строки 5—6, см. у Фридриха, Einl, ins Urart., стр. 52). То же самое нам было известно и из надписи Ишпуина и Менуа на двух фрагментах из церкви св. Петра и Павла в Ване: ...anašii[e]... nubi [1]Uderuuxi [1][Katarzaa] [bur]galali LUGAL[d] KUR Etiuxinili arnuyali uštaabi [d]Xaldini masini [GIS]surie [1]Uderu[xiniedi] [1]Lušainiedi [1]Katarzani[iedi] [KUR] Etiuxinaedi LUGAL[d]-di (см. Сандалжян, № 3, стр. 1—7), что мы переводим: „[города] Анашие... Удеру—сына (потомка), Катарза, верховных царей Этиуйских, arnuyali (=?); направился походом Халд, своим знаменем, против (-di) Удеруида, Лушанда и Катарзанда, этиуйских царей". Дальше уже сами цари от своего имени говорят о том же (строки 9—12): Ишпуин, сын Сардура (и) Менуа, сын Ишпуина, захватили (suui dutu) Видеруида, Лушу (и) Катарзу, верховных царей этиуйских

[1] Собств. „я слугой сделал".

(burgalali LUGAL^{li} KUR Etiuxinli). Спрашивается, где же были владения этих „верховных" царей—потомков рода Видеру, Луша и Катарза. Нам кажется, что эти страны находились южнее Закавказья, за Араратом, в армянской области Багреванд, а именно в Алашкертской долине и южнее по реке Мурад-чай, где раньше была армянская область Apahunikh. Это мы доказываем, во-первых, на основании того, что Ишпуин и Менуа дальше Ташбуруна не поднимались, а сюда Менуа вышел через Чингильский перевал именно из этих „этиуйских" стран царских родов Видеру, Луша и Катарза. Во-вторых, имеем одно свидетельство из надписи Аргишти I (Хорх. надп., кол. I, строки 11—12), где говорится о том, что Аргишти I передал (подверг) городу Макалтуни страну Игани [в Карской области], прибавляя „šiadi ^{l}Eriaxiniedi KUR-niedi uštadi KUR Apuniiedi xaubi URU Urieiuni URU LUGAL-nusi ^{l}Uieruxini" = „я двинулся [на обратном пути?] в Ерахову страну, пошел походом на страну Апуни, взял город Урейуни, город царский [=престольный] потомка Видеру". Следовательно, в области Апуни, соответствующей др.-армянской области Ապահունի-ք Apahuni-kh, была династия из рода Видеру. Приходится думать, что часть этого рода вместе с родами Луша и Катарза господствовали также в Алашкертской долине. Для этого третьим нашим указательным фактом является слово anašie в надписи из церкви св. Петра и Павла (в Ване), что упоминается в связи с завоеванием этих трех районов Видеру, Луша и Катарза. Мы предлагаем восстановить перед этим anašie детерминатив „UPU" (=город), который тут не читается из-за дефекта надписи, и, следовательно, „URU anašie" (=город Анашие) считать главным городом какого-либо из этих трех царств или княжеств. Для этого мы имеем опору в одном фрагменте халдской надписи из Алашкерта, где читается: „^{d}Xaldini uštabe ma-... ‖ ^{d}Xaldini kuruni ^{d}Xaldini ^{GIŠ}šurie kuruni...] ‖ ^{l}Menuani ^{l}Išpuui[niexi...] ‖ [kuṭe]tu pari URU Anašiei... = Халд пошел походом, сво[им знаменем...], Халд милостив (?!), Хал[дово знамя милостиво(?!)... [и] Менуа сын Ишпуина... овладели до города Ана-

шие". Здесь интересно название города Анашие, что мы видим и в надписи Ишпуина и Менуи из церкви св. Петра и Павла, но без детерминатива „город", а затем интересна форма kuṭetu „они овладели", что говорит в пользу того, что эта Алашкертская надпись в крепости „Топраккала" была составлена от имени не одного Менуи, как предполагали до сих пор, а от имени Ишпуина и Менуи. Чтение kuṭetu восполняем мы на основании аналогичной надписи этих царей из с. Гюсненц и Касым-оглу (см. у Фридриха, „Einführung ins Urartäische", стр. 52). На имя города Анашие обратили свое внимание еще Леманн-Хаупт и Бельк, так же как и Н. Марр. Последний даже в части Алаш(-керт) хотел видеть видоизменение халдского Анашие. У армян в древности Алашкерт назывался Valarš(a)-kert (персидск. Valāšgird, груз. Valaškerti, латинск. Vologesocerta)[1]. Быть может, три района в древней Армении—Багревандъ, Цалкотн (Ծաղկոտն) и Коговит, т. е. районы Алашкерта (долина реки Шериан притока Мурад-чай), верхнего течения Мурад-чая и района Баязета, соответствовали этим древним районам родов Видеру, Луша и Катарза. Культурно-политическое значение их продолжалось и в армянский период. Известно, напр., огромное значение религиозного центра—села Багаван (соврем. Учкилисэ) с монастырем во имя св. Иоанна Крестителя, как христианское перерождение более древнего культа в честь бога неба и грома—Арамазда, представленного, как нам кажется, армянским языческим Мажаном „приютодателем" (=арм. Ванатур). Древняя Этиуния отсюда начала распространяться и по северную сторону горного хребта „Армянский пар" (Такалту), охватывая армянские области Ванандъ, Ширак, Аршаруни, Котайк. Это—отчасти те районы, которые входили в провинцию Айрарат. Нам кажется, что в этих этиунских племенах скрываются отчасти иранские племена. Мы уже говорили о возможном иранизме племени Eria(xi), бытовавшего в армянском княжеском роде Камсаракан. Н. Адонц хотел видеть первичный

[1] См. Н. Марр, Фрагмент халдской надписи из Алашкерта, Изв. Акад. Инст. мат. культ., т. I, 8, авг. 1920 г., стр. 56—57.

домен Багратидов в Багреванде и Коговите (см. „Армения в эпоху Юстиниана", стр. 307—308), откуда часть их переселилась в Спер; а род Багратуни, по его мнению, скорее иранского происхождения. Наконец, имена Katarza или Kuturza- имеются и у иранцев, где оно звучит Gōdarz (откуда и арм. *Գոտարզ*); ср. латинс. Gotarzes у историка Тацита, как имя одного парфянского царя (см. у Hübschmann'a, Arm. Gr., стр. 35); ср. также птоломеевское Katarzēnē (имя области). Халдский царь Руса II пишет письмо на глиняной табличке (пока единственной) своему вассальному Шагаштар, области Ишкигулу. А эта область упоминается вкупе с эриахскими и прочими именами, входившими в сферу этиунского влияния. Собственное имя Шагаштар мы предлагаем читать Ša-ú-aš-ar (знак „ga" похож на „ú")[1], что, несомненно, иранского происхождения. Наконец, имя Диутсина из рода этиунских „игани" так же как будто заключает в первой части diu- нарицательное имя бога (ср. иранское dēva „злой дух"), хотя оно скорее ближе к арм. **դիւ-ծին* „бого-родный" (?!), ср. *դիւց-ազն* diwç-azn (Id.)[2]. Быть может, не случайно, что армянские Гнуни аршакидского (парфянского) происхождения, а ведь иранский род Igani, упоминаемый в урартских надписях с расположением в районе Карской области, легко мог переродиться в армянский феодальный род Gnuni, упоминающийся в смежном армянском Ширакe и на его рубеже (у села Мастара)[3]. Фамилия Димаксян (в Ширакe) и в Бухе, близ

---

[1] Это имя известно было, напр., и в государстве Хурри-Митанни, где в 15 веке упоминается царь Šaušatar, как основоположник митаннийской „иранской" династии (см- А. Хачатрян, Ист. Армении в клиноп. периода, стр. 433).

[2] В V надписи Сардура II (III) (строка 7) упоминается иганский царь Ḳapuri (Вин. пат. Ḳapurini), что мч сближаем с арм. *Գաբուռ*, упоминаемым у С. Орбеляна, И. Католикоса и др., как ласкательное имя мужчины. Быть может, это Kapur (арм. Gabur) значит „дворовый пес", что сейчас произносят *գամփռ*? Ср. имена *Խուրս* (перс. сл.) „медведь", *Բոնիք* „пес" (самец), *Ընձուղ* „барсенок", *Արշակ* „медвежонок" и пр. и пр.

[3] Ср. надпись из Мастары: *յամս տեառն Թէոդորոսի Գնունեաց եպսի շինեցաւ տունս.* Ср. также из *«Մովսէսի»* (VI, 15)—*ոմն ի մեծ նախարարացն ի գաւառէն Շիրակայ որ էր միանձնացեալ ի լերինս յորդէն Գնունեաց.* Упоминание Гнуниев у города Арчеша (к северу от Ванск. озера), видимо

Вананда, видимо иранского происхождения. Из мидийских выселенцев, от имени mada „мидиец", образовалось армянское феодальное имя и род Amat-uni, обосновавшийся сперва в Артазе (район города Маку), а позже в селе Ошакан. Южнее горы Арарат и по реке Аракс, от Арарата до Нахичевана, также жили иранские мидийцы и марды (откуда арм. княжества Mardpetakan и Muraçan). Так что, в эпоху урартских клинообразных надписей (9—7 в. до Р. Хр.) в армянской области Айрарат, как надо предполагать, уже жило много иранских или иранизированных племен и родов.

При всей своей политико-культурной крупной роли этого Этиуни или Этиухи, как первично крупного племени, а в дальнейшем и политической федерации, мы все же непосредственно как будто не застаем этого имени в географической номенклатуре у древних армян. У армян могли обе формы сохраниться, как Etiuxi так и Etiuni, в роде того, как сохранились Andzaxi и Əntsaini с одним и тем же значением (см. ниже). Но все же, с известной вероятностью, мы хотим в армянской области тух'ов видеть это Etiuxi. Об области тух'ов *(Տուհաց գաւառ)* говорит историк М. Хоренский, приводя народное стихотворение: „Отколовшись ушел отрок Вардгес из области тух'ов по реке Касаг *(Քասաղ)*... пришел расположился вокруг холма Шреш, (чтобы) кумоваться и свататься с царем Ервандом"[1]. Река Касаг протекает через Апаран и ниже Вагаршапата впадает в Сев-Джур, а эта река в Аракс. Область тух'ов могла быть только за Апараном (древним Нигом), следовательно, к северу от горы Арагац. Эта дорога из Араратской долины в район современного Памбака и Ленинакана была известна еще издревле, служа и сейчас главным шос-

---

относится к той поре, когда арм. аршакиды выселяли побочные линии своего царского рода в Агиовит и Аштеанк. См. у Адонца, Арм. в эп. Юст., стр. 304).

[1] В стихотворении этот последний стих буквально гласит. „Формировать *(կանել)*—тесать двери царя Ервана", что является своего рода народным идиомом, сейчас нам в точности непонятным. Перевод „кумоваться-свататься" приблизительный.

сейным трактом. Приход отколовшегося рода отрока Вардгеса и его дружество с царем Ервандом отражает, несомненно, период разложения родов и образования армянской народности, что отчасти объясняет и уход Айка из Вавилона, как и Санасара и Багдасара из того же семитического мира. Некоторая помеха для сближения армянского „тух" с Etiuxi—это чисто фонетические соображения. Во-первых, в армянском „тух" нет начального гласного (e), а во-вторых, мы могли бы при урартском „t" скорее ожидать армянское th, не говоря уже о дифтонге -iu-, переродившемся в арм. „u". О народце „тух" говорит и армянский перевод грамматики Дионисия Фракийского (см. у Адонца, Дионисий Фракийский и его арм. толкователи, стр. CLXXII), где для имен этнического происхождения приводятся армянские примеры—goderdzakan, tuh, vraçi, т. е. годердзиец, тух, грузин. Последнее vraçi („враци") новый термин у армян, раньше было vir, и потому считается поздним прибавлением к двум изначальным примерам goderdzakan, tuh. Н. Адонц предполагал тут глоссу, т. е. объяснение к слову tuh, что поддержал и Н. Марр (см. его критику книги Адонца в Хр. Вост., стр. 59—60). Нам кажется, что в такое позднее время вряд ли могли сохраниться эти народцы, а во-вторых, почему поздние переписчики не могли эти два примера пополнить третьим примером (vraçi). Оставляем толкование этого tuh как грузинского племени, к чему нет реальных данных[1]. Наконец, большую натяжку мы видим в приурочении птоломеевского Κοταρζήνη к грузинской области Klardž-ethi. Это греческое имя страны есть, несомненно, армянское goderdz-akan, что непосредственно вместе с народцем „тух" передают древние этнические термины клинописных текстов—Katarza (есть и Kuturza-см. выше)[2] и Etiuxi. Есть, между прочим, попытка сбли-

[1] Марровское развитие мысли Адонца примером имени крепости Thuxarisi (в районе Тао-Кларджетия), как из сванского множ. числа thux--ar, ничего нового не дает, не говоря уже о том, что thuxar скорее есть иверское (мегрельское) образование для значения „тухец".

[2] На сходство урартского Katarza с греческим Κοταρζήνη было обращено внимание и другими учеными (см. напр., у Сандалжяна „Les

жения Eti-uni ‖ Eti-uxi, т. е. корня eti- с этническим термином uti (арм. Uti-kh; ср. греч. Ὠτηνοί)[1], что нам представляется маловероятным, хотя утии как будто и жили у Аракса, на границе с Атропатеной[2].

4. VELIKUNI (‖ VELIKUXI)

Это географическое имя, как название определенной страны, лишь недавно было фонетически точно определено и приурочено к определенному району, а именно к окружию современного Нор-Баязета.

Это имя страны трижды упоминает Сардур II. В своих новооткрытых анналах он говорит: „я направился походом с одним отрядом в страну (страны) Великуни-г, захватил Великуни страну, 22 крепости укрепленные с бою взял, крепости разрушил, города сжег, страну „сожрал", мужчин-женщин угнал в Биайну (=Ван). Сардур говорит—пришел (с повинной) ко мне Ниди, царь страны Великухи, упал низ, я сделал (его) слугой (=подчинил), поверг под дань (=сделал данником) для приношения дани Сардуру..." (см. „Арх. эксп. в Ван", V_{16-21}). В другой надписи (из церкви св. Павла в Ване) Сардур говорит: „покорил он (Халд) Мурину, царя страны Великухи, покорил он Тсиналиби, сына Луэху [у писца [1]Lu-e-xu-ú-xi-e вместо ожидаемого [1]Lu-e-ri-ú-xi-e][3], царя города Тулиху-страны, покорил он

---

incr. cuneif. urartiques", стр. 386), хотя дислокация этих областей Katarza, Luša, Wideru и пр. тут давалась совершенно неправильная.

[1] Такое положение защищал С. Бархударян, имея в виду главным образом сходство udur (корень ud-=od- с именем От-ене). Такая этимология для udur в связи с арм. Uti-kh и пр. была дана также Н. Марром (см. Арх. экс., стр. 45).

[2] Н. Адонц говорил: „Из атропатенских земель проникали в Армению отдельные племенные группы. Атропатена и побережье Каспийского моря издревле были населены многочисленными племенами пастушеского или кочевого образа жизни. При Тигране многие из них, бродившие по Араксу, явились к нему на помощь против римлян. Рядом с гелами, кадусиями, амардами упоминаются οὖτοι утии или унтии, с которыми находятся в родстве арм. утийцы. В начале утии жили южнее Аракса, затем севернее, причем река Аракс считалась границей между Отеной и Атропатеной. У Птоломея уже Отена лежит по р. Куре и, значит, совпадает с арм. Утией" (См. „Арм. в эп. Юст.", стр. 420).

[3] Клинописные знаки „r" и „xu" легко могут быть перепутаны.

Ашшурнирари, сына Ададнирари, царя страны Ассирии, покорил он страну Армэ" (см. у Фридриха „Die Inschrift des urart. Königs Rusa I. aus Nor-Bajazet", в журн. Archiv Orient., т. III за 1931 г., № 2, стр. 258). В третьем месте читаем: „я направился походом в Великухинскую страну, захватил вражескую страну, в один день одолел (ašgubi), крепости разрушил, города сжег" (ibid., стр. 258).

Это имя Velikuni или Velikuxi имеется и в надписи царя Русы I из Келанкрана, на южном берегу озера Севан, но читалась (Никольским и др.) неправильно. Благодаря новому хорошему эстампажу теперь это имя точно читается Ú-e-li-ku-xi, а не Ú-e-li-da, как раньше. Это место надписи гласит: „Во славу Халда господа (дословно „через Халдову славу господскую") Руса сын Сардура говорит: я эти страны в один поход победил, подчинил (собств. „слугой сделал")—страну Адахуни, страну Великухи, стр. Луэрухи („Луэрскую"), страну Аркукийскую" (строки 1—5), из коих Адаху(ни)—окружие Келанкрана, Луэру—окружие Адамхана, Аркуки—район села Загалу (юго-восток Севана), а Велику(хи)—район города Нор-Баязет. Все это точно определяется местными надписями: в Загалу (где говорится о стране некоего Аргука), надписью того же Сардура в Адамхане (где говорится о царе Tsinalibi потомка или сына Луэру), приведенной надписью в Келанкране, что есть, несомненно, район древнего Adaxu(ni), а точное местоположение Великуни или Великухи устанавливает недавно (в 1927 г. летом) открытая надпись Русы I из города Нор-Баязет, в которой 2—3 строки гласят—„царя страны Великухи я покорил, слугой сделал (=подчинил)[2].

---

[1] См. наше издание этой надписи: „Халдс. надп. Русы I из Келанкрана", Эривань, 1931,

[2] Вся надпись гласит: Во славу Халда (досл. „Халдовой славой") Руса, сын Сардура, говорит—царя страны Великухи я покорил, подчинил, из страны выгнал (? KUR-ni edini taamxubi), наместника там (туда) я поставил, Халдовы врата (и) крепость прочную (?) я построил, дал имя „Халдоград"; во славу страны Биайны, на страх вражеской стране. Руса, сын Сардура, могучий царь, кто (=который) страны Биайны расши-

Имя страны Velikuni или Velikuxi с чередующимися суффиксами притяжательных прилагательных (-xi ‖ -ni, см. выше об Etiuni ‖ Etiuxi) дословно должно было значить „Великский" или еще лучше, „Великск". Армянская географическая номенклатура преимущественно удерживает халдские производные имена с суф. -ni (resp. -uni, -ani и пр.). Форма Velikuni через измененную или диалектическую (позднюю) форму *Velakuni сохранилась в армянском имени этого же района Нор-Баязета, а именно в Գելախունի Gełakhuni с перебоем древнего v(w) в армянское „g" (ср. арм. ver ‖ ger „верх, над", арм. gini „вино" из *vini, арм. kogi „масло, сливки и пр." из *govio- и пр. и пр.). Эта этимология впервые была дана нами в издании надписи царя Русы из Нор-Баязета (см. его отдельный оттиск, стр. 14), где дается также предположительная этимология самого имени Velik-, как родового имени племени этого района. Velik- или *Velak дословно должны были значить „велец", „родом из племени vel-", что мы поддерживаем сродными образованиями этнических эпонимов, в роде mandak „мандаец" (откуда род Mandakuni), sal(a)k „салиец" (откуда Salkuni, Slkuni), Наук „hайец", „hайид" т. е. из племени „hay", Armenak „арменид, из племени армен", Բալախ Balakh „балиец", „из племени „бал" и пр. и пр. (ср. этрус. Romax „римлянин"). Само племенное имя vel- (wel-) первично на халдской языковой почве могло значить „народ", если, конечно, предположить, что это местное этническое название vel (ср. арм. Geł, Gelam) родственно с урартск. veli „полк, отряд". Многие названия народов (напр., банту, айнос...) первично значили „люди, народ".

Страна Velikuni стала объектом завоевания и данником урартцев только при царях Сардуре (II) и Русе I. Последний в надписи у Келанкрана дает наименование четырех главных „приозерных" (tsuinia) стран—Velikuni, Lueruxi, Adaxuni и Argukini, прибавляя далее 19 названий стран, вероятно входящих в эти крупные области (с общим ито-

рил (?)". См. наше издание этой надписи в „Известиях Инст. наук и искусств Армении", № 4 (1930), с этими исправлениями.

гом 23). Интересны те строки этой надписи, где говорится о дани—meśini šaali nunadi šidištuuli inili É. GAL[?]... = в податной год я пришел, построил эти крепости"; ср. то же самое в Сардуровской 5-й надписи (см. выше), где говорится „для отдавания дани Сардуру". Но все эти четыре „приозерные" более или менее крупные районы, расположенные к западу, к югу и к юго-востоку от озера Севан, в свою очередь, видимо, входили в одну более общую этнико-географическую единицу, а именно в Удури-Этиуни, где ud-uri может значить „удский" в связи, быть может, с этническим термином od- = арм. uti (греч. Ōt-ēnē, см. выше). Сардур говорит—„Халд пошел походом, своим знаменем он завоевал четырех царей из области Идури-Этиуни—царя Аргукиу(ни), царя Кама(ни) с царем Луэруни, с царем (не дописано имя)",—см. Арх. эксп. III$_{45-51}$. Из этих имен цари Луэру (Луэри) и Аргуки и область с этим именем упоминаются и в других надписях (Адамхан и Загалу), с точным обозначением их районов. Имя же царя Кама(ни) нужно связать с областью Adaxuni, а в районе Великуни упоминаются цари Ниди и Мурину (ср. подобное же имя Мурини из династии Abilïani). Нет сомнения, что имя недостающего четвертого царя из третьей Сардуровской надписи—это имя великунийского царя (Нидн или Мурину). Видимо, район вокруг современного Ордаклу, называвшийся Кехуни (Kexuni), точнее „города Кехуни страна"* (xaubi URU Ḳi-e-xu-ni KUR-ni kuṭubi pari URU Ištikuni=я завоевал города Кехуни-страну, овладел до города Иштикуни), не входил в эту общую область Удури-Этиуни. Район села Ордаклу как и Эйлара (=Котайк) был завоеван царем Аргишти I, предшественником Сардура II, а этот последний довершил завоевания вокруг озера Севан. Видимо, эти области отпали от Урарту, если Руса, сын Сардура, снова завоевывает эти четыре страны („я сии [4] страны поборол, подчинил").

5. ḲUṬURLINI XUBI

Из урартских географических имен араратской долины нам известны—„KUR Ḳuturlini xubii" в районе Зварт-

нова (между селами Вагаршапат и Паракар), l'Azani KUR-ni[1]—район современного Армавира, переименованного царем Аргишта I в „Argištihinili", и город Luxiuni (=современ. Ташбурун), принадлежащий роду Erkua. Надпись в Чарбахе, недалеко от Еревана, несомненно, дала бы нам новые географические термины, если бы она не была дефективной: найдено пока два маленьких фрагмента, свидетельствующие о значительности этой надписи (ибо она имела в себе формулу проклятия)[2].

Имя „KUR Ḳu-ṭur-li.-ni xu-bi-i" читается в шестой строке звартноцской надписи Русы II. Здесь знак ṭur начертан почти как знак идеограммы TUR „отрок, парень" и напрасно Леманн-Хауптом понимался как особый новый знак (=ar), непринятый ни в данной надписи, ни в других. Фонетическое чтение этой идеограммы, как ṭur, имеется и в других местах (ср., напр., в V надписи Сардуровской летописи — „ku-lu-ṭur-ši-bi", повторяемое в той же 27-й строке два раза)[3]. Сейс здесь был прав, передавая этот знак как dhur, а что идеограммы, как суммерские слова, служат также фонетическими знаками, так это нам известно и из других случаев (ср. знак „ti" и в качестве идеограммы TI „живой", идеограмму „бог" и как знак „an", идеограмму IM—„бог стихии" и как знак „im" и пр.). Слово xubi мы переводим через „поле, равнина". Все имя KUR Ḳuṭurlini xubii должно значить „Кутурлийская равнина". Форма Ḳuturlini, несомненно, прилагательное с суф. -(i)ni, наличным во многих именах стран и свойственным урартскому языку (напр. Xaldini „халдов", Menuaini „Менуев" и пр.)[4].

---

[1] Это имя мужчины 'Aza упоминается и в Хорхорской надписи (Col., IV, 73) Аргишти I, но как будто в связи со страной Мана (=район юго-западнее озера Урмии). Тут пишется l'Azainie KUR-nie с суффиксом -ini, что в армавирской надписи стало -ni (l'Azani KUR -ni).

[2] Эти фрагменты найдены два года назад и принадлежат Русе II, сыну Аргишти II.

[3] Пишется это ṭur и в имени Ḳu-ṭur-za(ni-i-ni), См. Хорх. надп. Col., I, 18.

[4] Об этом суф. -(i)ni нами впервые было сказано в издании норбаязедской надписи Русы I (см. отдельный оттиск, 1930, стр. 9—10). Более

Основу слова ḳuṭurli мы считаем также не первичным или корневым. Тут -li (возможно из -lli) — такой же суффикс, как в именах городов Menuaxinili, Argištixinili, Rusaxinili и в имени садового (виноградного) насаждения Taririaxinili. Возможно, что это -li (-lli) было признаком множ. числа, известного нам и из урартского языка (inili ebanili „эти страны", как винит. пад. множ. ч., это повторяется и при глаголе: inili ebanili buraštuli = эти страны я подчинил и пр.), что впервые верно ухватил М. Церетели. Таким образом, ḳuṭur-li могло получиться из корня ḳuṭur, что могло произноситься и ḳoṭor, ибо в урартском „o" передается через „u" (как отдельно, так и в слоговых комплексных знаках). Слово же ḳoṭor мы могли поддержать подобными географическими терминами как у армян (ср., напр., Կոտոր Kotor на восток от Васпуракана, на границе с „Персидской Арменией"), так и у грузин и др. (ср. Kodžor, Kodor...). Армянское Կոթեր Kother (как имя сел) может получиться из koth- с суф. мн. ч. er, а koth как отдельное имя сел существует и в нескольких местах (см. ниже).

В своей надписи, найденной в развалинах церкви Звартноц, Руса II говорит, что в этой Которской равнине он земляные (ḳiura-) постройки сделал со стенами (giei). „мне Халд „наставление" сделал, я этот виноградник посадил, ниву, плодовые деревья, лесные (?) деревья здесь насадил, tsišuxi ištini šatuuuli (=?), канал из реки Илдаруни привел, дано было (uniešini) имя всему этому — „Русайни" [=„Русин" от Руса], поля этим каналом чтобы оросить" (строки 10—17, наш перевод). Известно, что в седьмом веке после Р. Хр. армянский патриарх Нерсес III Строитель также привел воду, но из реки Касаг (Քասաղ), для орошения и надобностей района вокруг построенного тогда церкви во имя небесных „бдящих" сил (от арм. zuarthun „бодрый"), как перевод греческого gregorios „бодрый". Сама местность вокруг церкви называется то անապատ aṙaṙaṙ, т. е. безлюдное необработанное место

подробно об этом суффиксе говорил позже Фридрих (см. Caucasica за 1931 год, fasc. 8, стр. 127 и сл.), где он не упоминает нашей постановки этого -ini.

(=турец. ḳir «դիր»), то как «քաղաքու դաշտ» khałakhu dašt „городское поле", что как будто отвечает далекому Ḳuṭurlini xubi „которское поле". Хотя, конечно, географические традиции иногда очень консервативны, но все же трудно настоять на дословной передаче этого «քաղաքու դաշտ» (дословно „города поле" = поле города, городское поле), как переводе с „урартского" Ḳuṭurlini xubi.

6 DIAU(E)XI

Так произносится имя этой страны в халдских (урартских) надписях. У ассирийцев оно известно в форме Dayaêni. Впервые это имя упоминает ассирийский царь Тиглатпилесар I (1108—1080 г. до Р. Хр.) при покорении им двадцати трех наирских стран, а именно—Нимми, Тунубе, Туали, Кинтари, Узула, Унзамуни [что может быть прочитано UN Zamuni = народ Замуни], Андиабе, Пилакинни, Атурзинни, Кулибаринни, Шинибирани, Химуа Пахтери, Уирам, Шурурна, Абасни, Адаени, Кирини, Алба, Угина, Назабиа, Абарсиуни, Данаени[1]. Во главе всей этой коалиции племен („стран") стоял царь области Данаени по имени Сини (Sini), дольше всех сопротивлявшийся, взятый наконец в плен в Ассирию и отпущенный. О стране Данаени, с некоторой дислокацией в долине реки Арацани (= Мурад-су) говорят надписи ассирийского царя Салманасара II (860—825 г. до Р. Хр.), который совершил три нашествия в районы между армянскими Таврами и долиной Арацани до самого Ванского озера (т. е. в северные районы быв-

[1] Это число увеличивается до 60 в той же надписи, что, несомненно, говорит о количестве племен или родов. Напр., имена Кулибаринни и Шинибирани в точности значат „Кули-роды" и „Шини-роды" (ср. урартс. ibirani „роды", арм. Ta(u)ru-beran „Тавра-роды", арм. Arberani „Ари-роды" и пр., см. мою работу „К происх. груз. нац. имени kharthveli", Ереван, 1939, стр. 9—10). Имя страны Пилакинни можно приурочить к современному Белхан, городу, стоящему между Мушарскими горами у Евфрата (близь города Малатия) и городом Харберд. Это Белхан есть птолемеевское Βάλχανις, как полагает Н. Адонц (см. его „Арм. в эп. Юст.", стр. 33). Ср. аналогичное имя в Закавказье—арм. Բկրևանդ (упоминается историком Кир. Гандзакским) = арабс. Байлакан, взятый арабами при халифе Османе (644—656) — см. там же, стр. 422.

шей Наири). Возможность выхода из северной Месопотамии (resp. Ассирии) в долину реки Арацани может быть только по трем направлениям—через Битлисское ущелье[1], через источник Зебене-су, т. е. верховья Тигра, и через Аргана-Гёльджек. Как явствует из надписи в Курхе (в 20 милях от Диарбекира), Салманасар III в первый год своего царствования (860 г.) из района города Хубускиа, что в стране Наири, после разграбления 100 городов (=сел), поднимается к крепостному городу урартского царя Араме по имени Сугуниа (=Битлис?); а затем спускается к Ванскому озеру, где высекает на скале свое изображение и надпись. Сугуниа и 14 окружных городов (=сел) подвергаются разорению. Упоминаются часто вместе страны Хубускиа и Кирзан, что мы считаем районами современного Ширвана (к северу от Сгерда, по реке Кесер) и Хизана[2]. Второй поход (856 г.) в долину реки Арацани начинается из района современного Диарбекира, а именно из „Бит-Замани", через горные страны Намгану и Милиху спускается в страну Инзити, что в стране Исуа [соответствует древней Софене], т. е. в долину современного города Харпута. Здесь, в городе Салуру области Инзите (ср. классическое Anzitēnē =арм. Անձիտ Andzit) Салманасар ставит свое изображение и надпись. Затем он переправляется через реку Арацани в страну Сухми, берет ее крепостной город Вастал, которым владел некий Суа, а затем из области Сухми спускается в страну Даиаини, а отсюда идет к столице урартского царя Араме, к Арзаску, что у гор. Иридиа. Затем через города Арамали и Занзуина он спускается к „морю Наири" (т. е. к ванскому озеру). Третий поход совершается через 15 лет, т. е. в 845 г., когда Салманасар III выходит уже через истоки Тигра (Зебене-су) и страну Тунибу к стране урартийца Араме, города

[1] По этому ущелью шел в 400 г. до Р. Хр. и Ксенофонт со своим десятитысячным войском.

[2] Напрасно ученые это Хубускиа *в районе Наири* („the city of Khupuscia" in the land of Nahri—см. у Сейса, стр. 390) передвигают к реке Заб или урмийскому озеру. Имя царя этой важной страны Какиа, как и слово Хубускиа по-моему субарийского (resp. Халдского) происхождения. Ср. халдс. xubi (=поле), а также хеттское Xubišna (имя города).

которого до „головы" реки Евфрата он разоряет. Тут Асна, царь страны Дананна приносит дары, особенно лошади. В главном городе этой страны Салманасаром ставится свое изображение.

Из вышеприведенного описания походов Салманасара в долину реки Арацани следует, что выше Харбердской долины по северную сторону реки расположена была страна Сухми (Сухме), приблизительно в позднем „Харачор", т. е. в долине речки Берри, впадающей с севера в Арацани. К востоку от Сухми, от района Балу, лежала страна Дайаини, вероятно в долине реки Гюне и восточнее, т. е. приблизительно в позднем Чапахджуре до Мушской долины[1]. За страной Дайаини на восток идет „Урарту" с главным городом Арзаску, а с юга с крепостным городом Сугуния (=Битлис?). Спускается эта страна Урарту к каирскому морю, т. е. к озеру Ван. В 833 г. туртан (маршал) Салманасара по имени Даян-ассур идя из Бит-Замани переправляется через реку Арацани, и сражается с урартским царем Сидури [=Сардур].

В общем, можно сказать, что страна Дайаини, известная нам с XII века, занимала срединное пространство долины реки Арацани. Восточнее и юго-восточнее лежала страна Урарту, которая с половины девятого века начинает возвышаться, распространяться к востоку, переходя за Ванское озеро со столицей в Тушпа (по ассирийски Turušpa), что соответствует современному городу Ван. Урартский царь Сардур, сын Лутибра, в своей новой сто-

[1] Такое же мнение о дислокации страны Дайаини было и у прежних ученых. В частности в словаре у Сандалджяна читаем: „il est certain que le territoire de leur royaume était situé à droite du cours superieur de l'Arsanias". См. его Les inscriptions cunéiformes urartiques, стр. 349. Тождество же ассирийского Dayaini с халдским Diauexi было подчеркнуто еще Сейсом (см. его „The cuneiform inscriptions of Van", словарь, стр. 691: „The Dayaeni of the Assyrians, on the Murad Chai, near Melazgerd". Говоря об Урарту меж Мушом и Битлисом с юга, Арджешом и Патноцом с севера и городом Арзаску с запада (ibid., стр. 399), он прибавляет: „This [Arzascku] touched upon the kingdom of Diaus and his descendants, in which I would recognize the Dayaeni of the Assyrian texts, the accusative of Diaus being Diyaveni". Город Zua он приурочивает к „Язлы-Таш" близ Мелазгерда (ibid.).

лице (Ван) оставил две надписи на асс. яз. Салманасар в 829 г. берет храмовой город бога Халди Мусасир, а его преемник Шамшиадад V (825—812 г.)[1] борется уже с урартским царем Ушпина (=урартск. Ишпуини), распространившим вместе с сыном Менуа свои пределы до озера Урмии и Ревандуза на востоке и юго-востоке, до Басенской и Алашкертской долины на севере, а на западе захватывает Дайаине (=урартс. Diauexi). При этих и последующих царях Урарту (=урартс. Biaina) разросся в большую державу с рабовладельческой социальной формацией и родовыми пережитками в окраинных и горных районах. Несомненно, переменилось и политико-социальное состояние Дайаини, т. е. халдского Diauexi, которое из бывшего союза племен могло раздробиться, расселиться по другим районам и социально переродиться. Подобно позднейшей судьбе халдов-урартцев с их расселением (с VI века) на юго-восток к Кордуэнэ (ср. курдс. племя Халдан), на северо-запад к Черному морю и пр., также племенная организация Diau претерпела подобные расселения и перерождения, двигаясь разными путями и в разное время на север, в позднем арм. Տայ-kh (между реками Олти и Чорохом).

Посмотрим, где помещают урартские надписи страну Diauexi. Интересно, что только надписи Менуи и его сына

[1] Шамшиадад IV, как говорит Б. Тураев, употребил конец своего царствования на возвращение Вавилона. Его жена Шаммурамат была вавилонянкой и занимала необычное для ассирийской царицы положение. Под ее влиянием в Ассирию был введен культ бога Набу. „Шаммурамат, несомненно, прототип Семирамиды. Она—единственная царица с самостоятельным положением и политикой; в ее время были частые войны с мидянами и севером. Мидяне впервые увидали блеск ассиро-вавилонской культуры и у них сложились легенды о Семирамиде, записанные потом уже в позднем виде Ктесием. Точно так же и халды запомнили это имя, и Моисей Хоренский относил к Семирамиде все доармянское в стране" (См. Б. А. Тураев, История древнего востока, СПб, 1912, т. II, стр. 44). Прибавим со своей стороны, что Таририя, жена халдского царя Менуа, современника Шамшиадида, видимо, также занимала почетное место. Это—единственная царица, упоминаемая в халдских надписях. В честь ее царь Менуа посадил сады „Тариринахинили"; ср. воздушные сады Семирамиды.

Аргишти I говорят о столкновениях с этим Diauexi, которое до Урарту и позже было самым сильным племенем или коалицией племен на юге исторической Армении. Можно сказать, что самыми сильными противниками были из „биайнских" стран—Etiuni на севере (Багреванд, Карс, Котайк) и Diauexi на юге, если не считать такие внешние политические единицы, как Манна (на юго-западе от озера Урмия) и особенно Ассирия. Ассирийские надписи упоминают также имена двух диаухинских царей—Сини и Асна, а халдские упоминают имя царя Утупурша (Uṭupurši).

В надписи царя Менуи у города Мелазгерда, а именно у села Язлы-таш (в 13 километрах к северо-востоку от горы Дагар), к северу от озера Ван, мы читаем: „Халд пошел походом, своим знаменем (?), на Диаухини, страну могущественную (KAR Tar-a-i-ú-e-di", что не значит „на страну Тариуни, что также имеется)... Менуа говорит—я завоевал (взял) Диаухи-страну, город Шашилу (Šašiluni), город царский, я взял с бою, страну сжег, крепости, овладел до страны Шешетина (Šešetīnā), до города Зуанна рядом (asuni?) с городом Утуха (Uṭuxāi asuni). Менуа говорит—Утубурш, царь Диауйский, пришел, предо мной упал (?), ноги обнял..., я подверг его дани (=сделал данником), принес он золото, серебро..." В дальнейшем особенно упоминаются в перечне дани—лошади, упряжи, саман(?). В этой же надписи, вероятно в связи с диаудскими родами, упоминаются два „царя" из страны (=района) Балтул-хи (с детерминативом „мужское имя") и из города „Халдириул-хи страны". Этих „царей" Менуа прогоняет и их крепости разоряет (строки 22—28). Вероятно, это были подвластные Утубурше мелкие княжества или племена.

Подобную же победную надпись над династией Диау царь Менуа поставил и на границе Басенской и Багревандской равнины, близ села Дели-баба (у горы Эшак-Эйлаз),

Аргишти I также начинает свои знаменитые „Хорхорские" надписи с похода на страну Диау. Он говорит (Col.. I$_6$):

„я пошел походом на Диауэхини, царя диауйского „вассалом" (-nu, с детерм. „царя") я сделал". Дальше упоминаются страны, которые могут и не относиться к княжеству Диау, как—страна Шериази (Šeriazi), [город] Пути, „salmatxi KUR Biani" (=союзница Биайне?), страна Хуша(ни), страна Тариуни. А дальше (со строки 9-й) уже говорится о стране Забах, что мы корреспондируем с арм. Ջաւախ-ք (Dżavax-kh), о городе Узинабитарне, стр. Ширимутара, городе Макалтуни, стр. Игани, стр. Эриахи и пр. В надписи, что в церкви св. Саака в Ване, Аргишти I специально останавливается на диауидских и этиунских странах (см. у Сейса № 45, у Сандалжяна № 20). Надпись с начала и конца дефектна, видимо, она взята из ниши, высеченной рядом с нишей Сардура II („Хазине-капуси"). Тут читаем—„я пошел походом на страну Диди(ни), на город Зуа. Горяд Зуа диауийский (т е. принадлежащий династии Диау) я сжег, я поставил надпись в стране города зуайцев, города аскалайцев... 3 (эти) страны я разорил, людей присоединил к моей стране—страну Кали—, страну Ашкала(ши), страну Шашилуини...". Затем говорится, что Аргишти подчинил себе двух царей [из этих стран]—Шашки, сына Ардараки, и Балтулхи, сына Каби—(недостача знаков), поставил вместо них наместников, царя из династии Диау подчинил и сделал данником, прибавляя „та дань, (что) Диауид дал (была)—41 мана („мин") золота „tuale", 37 мана серебра, (—) тысяч мана меди, 1000 палаток, 300 быков..." с изложением числа тех же предметов, но в увеличенном виде, на последующие годы. Дальше (27 и следующие строки) говорится об этиуинских странах (Луша, Катарза, Эриахи, Гулута(хи), Витеру близ страны Абуни) с присовокуплением в конце (строки 38—40) „царя страны я подчинил, страну Игани в служение привел" (собств. „слугой сделал"), „чтобы они дали дань Аргишти". В надписи из той же церкви св. Саака (в стене) Аргишти I говорит о подчинении царя Утубурша из династии Диау. Но нам известно, что этот же Диавид упоминается и у Менуа. Вряд ли тут имеется два Утубурша.

Как видим, упоминается много имен городов и стран,

принадлежащих династии Диау или зависящих от нее. Столицей диавидов являются города Зуа и Шашилу(и)ни (или Шашилу), другие же второстепенные—город Ашкала, город Утуха, страна Шешетини (Шешети?), страна Диди(ни).

Быть может, часть племени диау была и на севере, а именно в западной части Басенской долины, если иметь в виду надпись Менуи у горы Эшак-Эйлаз, а также надпись из села Зивин (ср. Zua-ni). Возможно, что эта часть племени диавидов переселилась в позднюю область 𒌷𒋫-𒄿 Tay-kh, ибо основа этого имени 𒌷𒋫𒍑-𒄩 Tayo-ç (Род. пад. мн. ч.), а именно tayo- (ср. груз. Тао), несомненно, связана с древним diau(e)-xi, где -xi есть суффикс принадлежности или притяжательности (-ский, -ид), т. е. diau(e)-xi дословно значит „диау-ский" „диау-ид". Основа diau- (реже diaue-) могла в дальнейшем сократиться в „dao", подобно как от Bia(i)na имеем последующее Van (с „уа">„а"). Звонкое же „d" должно было в армянском предстать как глухое „t", что известно нам и из индоевропейских элементов армянского языка. Так что нет никаких помех для генезиса позднего этнического имени Тао- из древнего diau (т. е. diao-).

Теоретически мы ставим также вопрос: не сохранилась ли державная роль племени диавидов в поздних князях армянского Тарона (первоначально, вероятно, западной его части) и Тайка, а именно в Мамиконидах, как возможных наследниках этого древнего и могучего княжеского рода diao-. Армянские Мамикониды владели как раз этими двумя крайними областями[1]. Эти „тао" уже при Ксенофонте арменизировались, ибо при отступлении десяти тысяч греков „земля *фасианов* и *есперитов*, т. е. саспейров, а также *таохов*, считалась уже Арменией и в отличие от другой Армении называлась Западной" (см. Н. Адонц, Арм. в эпоху Юст., 394).

---

[1] См. у Адонца (ibid.), стр. 309. Мамиконидам в Тароне принадлежала та часть, где расположен замок Олакан (=ныи. Ахкан на Евфрате). При царе Аршаке Мамикониды покинули эту часть Тарона, оставив себе только Тай-к с его крепостью Эрахани (ibid.).

7. Tsupa

Имя этой важной области („страны"), соответствующей армянскому соименному Tsoph-kh (род. пад. Tsopha-ç), упоминается в халдских надписях (в ассирийских нет) только один раз. В надписи урартского царя Менуи, высеченной на скале (у дороги) близ города Балу на восточном Евфрате (Арацании = Мурад-чай), читаем, „Халд пошел походом со своим знаменем, покорил города Путериа-страну, покорил города Хузана-страну, покорил страну Тсупа [Tsu-pa-ni]... Халдовой славой (=во имя халдовой славы) пошел походом Менуа, сын Ишпуина, взял города Путерия-страну (=страну города Путерия), взял города Хузана-страну, взял он страну Тсупа, овладел до страны Хатейна. Халда стелу (=камень с надписью) он написал в городе Путерия, Халда святилище (yarani-) он воздвиг[1] близ (ašuni?) города Путерия, царя Сулеавала (Sulieḫavali), царя мелитийского, он сделал данником (собств. „подверг под дань"='aalduni mešini pii")...". Форма KUR Tsupani (пишется „Tsu-pa-ni" и „Tsu-ú-pa-a-ni") есть винительный падеж на -ni в зависимости от глагола karuni „он (=Халд) покорил" или xauni „он (Менуа) взял" (=покорил), и, следовательно основа имени страны будет "Tsupa-", как правильно установил еще А. Сейс (см. его The cuneif. inscr. of Van, стр. 559, the land of Gupas вместо позже исправленного „Tsupa-s")[2].

Таким образом, Менуа свои завоевания довел до исторической Софены и Мелиты. Город Путерия, где он оставил надпись и святилище (?) во имя бога Халда, есть, несомненно, современное Балу, как полагают и другие, а

---

[1] От глагола осталось только окончание аориста 3 л. ед. ч. „ni", что остаток либо глагола kušuni он „воздвиг", либо zaduni „он построил". В Келишинской надписи Ишпуина и Менуи читаем ia-ra-ni-ni šidištuuni „святилище построили". В надписи Балу для ši-di-iš-tu-ni не могло быть места. Здесь повреждены два-три знака, что, вероятно, = za-du-ni.

[2] Также позже у Сандалжяна—subegit terram Şupam = Նուաճեաց զերկիրն Ջուպայ = soumit le pays de Şupas (см. его „Les inscr. cuneif. urartiques, стр. 35).

„страна города Хузана" есть район нижнего течения реки Пери (=Кеги), где и сейчас есть село Խոզն-գեղ Xozən-geγ „Хозен-село". Страна же Софена в этот урартский период (9—8 века) соответствовала местности между Евфратом и нижним течением Арацани, к западу от Анзитены (района Харпута). Когда Менуа говорит „я овладел до страны Хатейна", так тут объект будет или последняя из завоеванных им стран, а именно Tsupa, или же все три вместе (Puturia. Xuzana, Tsupa).

Если под страной Xateina понять хеттское государство района Мелиты (т. е. древнюю Мелитену), завоеванную окончательно Саргоном II в 718 г. до Р. Хр., то районы городов Путерия и Хузана, расположенные по реке Арацани (=нынешним Чапахджур и Харачор), а также страну Тсупа между Евфратом, Арацани и озерком Гельджук (=арм. Tsov-kh) нужно считать „хеттскими" землями, хотя бы с разными этническими элементами. В другой своей надписи, сохранившейся дефектно и фрагментарно, Менуа говорит, что он направился походом на страну Мана (Минни), которую он „пожрал и сжег", прибавляя— ikuukaani |šaali]e ^{Lú}xuradinili^{pl} kedanuuli xaaituu [^{I}Šada'ali]-exinini KUR-nini URU Šurišili URU Tarxigamani [URU...]-ţurani ^{I}Šada'aliexiniliani aptini [URU...]-liei APNU ķarbie KUR Xatinaaštaani aptini [...]-iue KUR Alzinini 2113 ^{Lú}taaršuani [šaali]-e alike zaašguubi alike TI^{pl} aguubi [meše]-e ali maanu aruubi ^{Lú}xuradinaue^{pl} = „в тот же год войска я снарядил. Они взяли Шада'алехинские страны (страны сына Шада'але= Шада'аловские страны)—город Шуришили, город Тархигама, город ...тура, принадлежащие Шада'аловским (странам), ...из страны Алзини 2113 человек года (т. е. ежегодной поставки) одних я убил, других живьем я увел [дань], что была, я дал (передал) войскам"[1]. Из упоминаемых здесь Шада'аловских городов Шуришили мы приравниваем

[1] Перевод и восстановления наши. Этот камень с надписью вставлен в свод, отделяющий две половины церкви св. Петра и Павла в городе Ване. Надпись состоит из десяти строк и остаток, несомненно, крупной летописи Менуи.

к месту Сирисири к югу от Чапагджура, близ горы Чефтала или Даркош, по левую сторону от Арацани. Имя города Тархигама, несомненно, „хеттского" происхождения, полученная от имени бога Тарху (=арм. Torkh) с придатком -gama (ср. Altagama, Etagama, арм. Pas-gam, как отец Торка, Argam и пр.). Близ этих владений рода Шада'але упоминается одно место с дефектным „—llei karbi", принадлежащее опять-таки хеттскому миру (Xatinašt-ani aptini) что не очень далеко находилось от страны Aizini (=арм. Աղձնիք Ałdznikh). Первоначально, видимо, северные районы Тавра до Сасуна, к северу от истоков Тигра, были хеттскими.

Недаром в этой связи Аргишти I относит к хеттскому миру также страну „Нирибы—равнину", как мы переводим халдское „KUR Niribai xubi". А эта страна находилась в верховьях реки Тигра, т. е. современной Зебене-су, у подножья горы Масиус (ассир. Kašiari), современного Тур Абдин. Имя Niriba соответствует ассирийскому Nirbu, каковое имя, как правильно отмечено еще у Hübschmann'a в его изучении армянской топонимики, сохранилось в современном имени села Нериб на берегу Зебене-су. Аргишти I во второй колонне своих хорхорских надписей говорит: „Халд пошел походом, своим знаменем он покорил страну Хате, покорил Хиларуадскую страну, передал Аргишти... Аргишти, сын Менуи, говорит—предводительствовал Халд (т. е. указал путь), я пошел походом на страну Хатина, взял страну Нирибы—равнину, страну... urmani..., город alini, город царский взял, при помощи силы Халда я пошел походом на середину страны Хатина (Xatina—tsie), Туал'овской стране (ITualaxini KUR-ni) я подверг союзный (salmatxi)[1] город Мелиту, овладел до города Пилай..." (строки 5—17). Дальше идет непонятное место с идеограммой „река" и именами стран „Marmuâni" „Ka...ni". Дальше он сообщает об уводе до 22274 человек и разной добычи. В этой надписи „Хате" и „Хатина" одна и та же страна: первая упоминается в за-

[1] Перевод прилагательного salmatxi через „союзный, дружеский", принадлежит нам.

главной декларации от имени бога Халда, а последняя упоминается самим царем с подробными описаниями тех „городов" и „стран", кои входят в эту политическую единицу—Хатину, т. е. страну хеттов. Тут упоминаются две династии—рода Хиларуада и рода Туала (или Туате), союзный город[1] Мелита, река, вероятно Евфрат, и города Marmua(ni), Ka...ni, из коих первое имя, вероятно по ту сторону Евфрата, сохранилось в современном Мамурака, недалеко от Мелиты (соврем. Малатии).

Как видим, и район истоков Тигра также входил в хеттскую страну. В надписи Менуи из Пагина упоминается страна Urmini(uxi), вероятно в окрестностях этого Пагина. Но из ассирийских надписей нам известно, что народы „kaška" и „urumai" были подвластны хеттам и доставляли им войска. Таким образом, вся поздняя Софена (с большой Софеной), которая с VI века при Юстиниане называлась „Четвертой Арменией", входила когда-то в сферу политико-этнического влияния хеттов. По поздней географической номенклатуре в эту обширную Софену (Четвертую Армению) входили—Софена в тесном смысле (=Хозан, Чмшкатсаг, Мецкерт и район от Евфрата до нижнего течения Арацани), Анзитена, Ангелена, Баловитена и Аштианена, которые у классиков считались „gentes", т. е. народцами, племенами. Нет сомнения, что в этой долине Арацания, от Мушской равнины до Мелиты (т. е. до Евфрата) жило разноязычное население. Тут вторглись когда-то (при Тиглатпилесере I) мушки со своими пятью царями. В андзитской долине, к югу и востоку от г. Харпута, еще в VI веке жили ортайцы (ortae), говорившие на языке, отличном от армянского и сирийского. Все эти народцы (gentes) позже арменизировались, но большую часть населения Софены (=Четвертой Армении) когда-то составляли хетты и хурриты. Область же 𒁀𒀀𒇷𒄭𒊑𒀀𒀀 Balahovit собств. „долина—Бал'а" (ср. город 𒁀𒀀𒇷 Balu) мы связываем с племенем „бала", встречаемым в хеттских надпи-

[1] Перевод прилагательного salmatxi через „союзный, дружеский" или „покорный" принадлежит нам.

сях. Так что арм. Balahovit значило „долина бал'ов" (=балайцев). Несомненно, здесь были и сирийские роды (ср. имя Šada'al с гортанным взрывным)[1].

Когда Аргишти I говорит, что бог Халд „karuni KUR Xāte karuni ¹Xilaruadani KUR-nie teḳuni ¹Argišti-kai" (Col. II_6), т. е. „покорил страну Хате, покорил Хиларуад'скую страну, передал (поднес) Аргиштию", то тут „страна Хате, и Хиларуад'ская страна" нам представляются одной и той же областью. Его сын Сардур II (III) в надписи на Евфрате у сел. Изоглу и Кумурхан также говорит о царе Хиларуаде из рода (династии) Šahu. В начале надписи от имени бога Халда говорится, что последний покорил страну мелитийского царя Хиларуада, сына (потомка) Шаху. В 6—7-й строчках говорится „alxi buranadi tuišti-manu ui ainiei LUGAL ištini uštuuri = народ к служению я привел (?) вместе с одним царем, на помощь пришедшим (?)", но в 19-й строке царским городом Хиларуады он называет URU Nisii = город Ниси. Девять крепостей Хиларуады Сардур опустошает и присоединяет к своей стране (abili dubi KUR ebanakidi „я прибавил к своей стране")—город Xāzāni, город Urāxi, город Тумиски (Tumiški), город 'Aratni (?), город Манину с городом Аруси, город Кульбитаррини, город Umešē(?), город Ankulrai-tašē и город Meluyani. Эти крепости лежали, несомненно, в исторической армянской Софене. Из них Тумиски мы приурочиваем к Харберду, Урах к современному арм. Ուֆեկ Ufek в нижнем течении реки Пери (Кеги), Аруси к соврем. Алус (около Харпута), Анкулрай-тасе должно значить по хеттски „крепость Анкулара" (ср. хеттс. слово tašil—„крепкий", ср. урартс. dXaldini dašie „Халдовой мощи" ?), что мы сравниваем с современным Ангуран на северной стороне Арацания между Балу и Харпутом. Имя же крепости Kulbitarrini мы делим на Kul-bitarini, где вторую часть мы понимаем также как „крепость" (ср. халдс. patari „город", ассир. birtu = арм. berd „крепость"),

[1] Быть может это родовое имя Sada'al, фонетически могущее произноситься и Sada'al, сохранилось в армянском Шатах из *Шатаг' (*Շատաղ), т. е. из древнего Šatai.

что, быть может, соответствует древнеармянскому Կողբերդ Kołoberd, т. е. „крепость Кол", упоминаемому также в этом районе течения реки Кеги[1]. Имя же крепости („города") Meluyani можно приурочить к современному Малиан, что у Капан-маден, на берегу Евфрата.

Таким образом, Аргиштовская „страна Хате, Хиларуадовская страна" и Сардуровское karuni ¹Xilaruadani ¹Šaxuxi LUGAL URU Meliṭa-aixie KUR-nie tekuni ¹Argišti-kai (покорил он Хиларуаду, царя Мелитийского, страну позднее Аргишти) оба вместе говорят об одной и той же личности, т. е. царе Хиларуаде мелитийском, из династии Шаху, и о стране „Хате", соответствующей району на восток от Евфрата и обнимающей названные города-крепости. А ведь эта „страна" хеттов, управлявшаяся царской династией Шаху, и есть историческая армянская область Տոփք Շահունի Tsoph-kh Šahuni или Tsoph-kh Šahēi, сохранившая древнее имя этой хеттской (мелитенской) династии. Как говорит Н. Адонц, форма Софена более старая и обычная, чем Софанена. Софена встречается у Страбона, Плиния, Иосифа Флавия, Плутарха, Аппиана, Диодора, Птоломея и др. Форма же Софанена попадается впервые у писателя II в. Арриана, как об этом свидетельствует Стефан Византийский. Из армянских древних писателей только Фауст Византийский различает Տոփք մեծ Tsophk mec, т. е. „большая Софена" и Տոփք Շահունից Tsophkh Šahunwoç, т. е. „Софена Шахидов" (см. у Адонца, Армения в эпоху Юст., стр. 38—39). Географическая дислокация обоих названий начинается с IV века. „Софанена в новом смысле, в значении армянской Большой Софены, упоминается в первый раз в императорском декрете 378 года на имя Gaddanae ratrapae Sophanenae. Сирийское имя сатрапа указывает на Большую Софену, где сильно было сирийское влияние" (Ibid. стр. 41). Сирийцы, подобно армянам и классическим писателям, также отмечали две Софены—малую („Sōf") и большую („Sōfan-aye"). Как известно, Софена в смысле большой Софены, т. е. Софанены, охватывала все про-

[1] Н. Адонц считает это название реки Кеги (арм. Քղի) родственным с Кол (Կող) имени Kołoberd. См. его Арм. в эпоху Юст., стр. 14.

странство между западным Тигром и Евфратом, доходя до Мардина и Нфркерта и до Екелесены, т. е. обнимала пространство более, чем Четвертая Армения Юстиниана. Нет сомнения, что такое расширение значения маленького Софены, т. е. Софены Шахидской, упоминаемой у халдов еще в VIII веке до Р. Хр., связано было с политической ролью этой области.

В урартский период Tsopha-, т. е. Софена, примыкала к Мелитене, с династией Шаху и с царями Сулезвал при Менуе и Хиларуада при Аргишти I и Сардуре II (III). Этнически, политически, а быть может, и культурно эта область Tsopha- принадлежала хеттскому миру, простиравшемуся по долине реки Мурад-чай до Тарона, т. е. до мушской равнины. Из других племен тут мы отметили „бала" в районе Балаовит, Палин (ср. арм. Паланакан-тун „Паланский дом") и, вероятно, в Палунии (между Аштианк' и Тароном). Часть этих балайцев, вероятно, переселилась в позднюю Сюнию, а о племени „диао" нами уже было сказано, что оно переселилось к северу, постепенно доходя до позднего Тайк' (груз. Тао). Урартцы тоже были не на своем месте; с района юго-восточнее Джезире они к девятому веку (при Ассурназирбале и Салманасаре) переселились, вероятно, через Сгерд и Ширван („Хубускиа"?), через речку Битлиса в современную мушскую долину, к востоку от владений племени Diau, а затем при Сардуре I обосновались к востоку от озера Ван, со столицей в Ване. Позднее же, при разрушении Урарту, часть их („алародийцев", „халдов") переселилась еще севернее и северо-западнее (в Айрарат и Лазику). Сами хетты, начиная с XII века, под влиянием фрако-фригийских нашествий и какого-то внутреннего перелома, постепенно двигались частью на восток (Мелитена, Софена и долина Мурад-чай), а частью на юго-восток (к Каргемишу), где еще в конце VIII века были последние хеттские царства. Первые хетты в большинстве армензировались, последние (у Каргемиша) арамеизировались (стали сирийцами).

В армянский период Софена стала одним из центров политического сконструирования Армении, а именно запад-

ным центром, под политико-культурным влиянием бывшего хеттского мира. Это—часть 13-й сатрапии Дария с местными царями Ксеркс (=арм. Šawarš), Ардаонт, Заре (=Зариадр), Артан. Эта Армения (поздняя, IV) противостояла восточной Армении, где упоминается еще при Кире армянский царь с сыновьями Тигран и Сабар. Эта Армения, образовавшаяся как преемница Урарту, была уже независимой во II в. до Р. Хр. при царе Артаксии, когда царем независимой Армении-Софены был Зариадр. Тигран Великий соединил обе эти Армении в одно целое. Возможно что армянские князья Арцруни были потомками этих софенских армянских царей и только позже, либо при Тигране (по Марквварту), либо при Аршакидах (по Н. Адонцу), переселились из Софены в Албак, т. е. к востоку от Ванского озера (с главным городом Адамакерт = соврем. Башкала)[1]. Столицей западной, т. е. Софенской Армении, был город Каркатиокерта, близ Тигра. Если возможно предположение о происхождении армянского феодального рода Арцруниев, как потомков софенских („тсоп"ских) царей, то не исключается и другая вероятность—происхождение софенских армянских царей от хеттской династии Šahu при городе Мелитене (или от рода Туала, resp. Туате ?, см. выше)[2].

---

[1] См. у Н. Адонца, „Арм. в эпоху Юст.", стр. 415 и замечание. Последний царь Софены Артан погиб от руки Тиграна Великого, объединившего всю Армению. Полководец Тиграна Великого Mithrobuzan, быть может, есть армянский Մհրուժան Mehružan и происходил из софенского царского рода. Он или сын, или брат погибшего Артана, как полагает Н. Адонц (ibid., 414).

[2] Само имя Artsruni (Արծրունի) возможно связать с именем халдского города Artsuu(i)ni, находящегося недалеко от Вана, ибо богам этого города, подобно Тушпе и др., приносятся регулярно жертвы (бык и две овцы), как это явствует из знаменитой надписи на Мгеровских вратах („Meher-kapusi") в горах Зимзим-даг Вана. В одной дефектной надписи из церкви села Сирка, приурочиваемого Сейсом (стр. 502) к этому городу (в трех милях на восток от Вана), читаем—„города Ar-tsu-ni-û-i-ni-e... халдовым вратам bedini (счастья?) за здравие [царя...] ...ziniei urpuli (=пожертвовал)...". Город Артсуниуни, Кумену, Ардини, Тушпа (=Ван) считались основными единицами при образовании урартского государства. Переход урартского Artsuniu(i)ni или Artsüini в арм. Artsruni

8. TARIUNI

Эта страна Tar-i-ú-ni упоминается только в надписях Аргишти I, как объект завоевания. Придется думать, что это—повторное завоевание, ибо царь Менуа, отец Аргишти, уже владел северными и западными районами Ванского озера, ибо отсюда он двигался в область Diaue(xi) и далее на запад к городу Балу („Puteria"), области Xuzana (нижнее течение реки Кеги-Перри) и к области Tsopha-(см. выше). Аргишти I всегда упоминает область Диау (Diauexi), т. е., приблизительно современные районы Чапагджур и Гендж (=древне-арм. Haštiankh), и область Тариуни вместе, как соседние районы. И это действительно так, если под Тариуни понять древне-армянское *Տարօն* Tarōn или *Տարուն(ի)* Tarun(i), т. е. равнину современной мушской казы, мушскую долину. Diauexi и Tariuni позже, т. е. после Аргишти I, в надписях более не упоминаются. Придется думать, что они сохраняли лояльность в федерации Биайны, т. е. ванского (урартского) государства.

с диссимиляцией двух „n" легко может быть допустим. Основа artsun-, несомненно, имела какое-то значение; ср. название столицы урартс. царя Араме– Arts-ask-u (Arza-as-ku может быть прочтено и Ar-tsa-as-ku, ибо знак „za" читается и „tsa"), ср. арм. *Արծկէ* Artskē, на северном берегу Ванс. озера, что Леман считает урартским Artsask(y). Ср. также арм. *Արծն* около Эрзерума (Arzn ar-Rum=Арзрум), *Արծ-ափ* Arts-aph (село-в Багреванде), арм. *Արծնի* Artsni в Котайке (у курорта Арзни). Фамильный историк Арцруниев Фома Арцруни свое родовое имя производил от имени равнины *Արծուխք* Artsukh, но приводит также мнение других, связывавших имя Artsruni с именем местности Arzn (=Arzanena, Xarzan) близ нынешнего Сасуна, где впервые обосновались выходцы из Ассирии, сыновья царя Сенекерима Санасар и Адрамел (см. *Թովմայի վարդապետի Արծրունւոյ Պատմութիւն Տանն Արծրունեաց*, СПб, 1887, стр. 43—44). Интересно здесь то, что род Арцруниев связывали с семитическим миром и первоначальной их родиной считали место к западу от Ванского озера (у Сасуна). Не является ли это отголоском ассирийских переселений на север в Армению (Урарту) или передвижения софенских армянских царей с запада на восток к Ванскому озеру? Во всяком случае, происхождение Арцруниев спорное и возможно двоякое объяснение: местное от имени урартс. города Artsun-(iuni) и миграционное в связи с семитическими или хеттскими княжескими родами.

В первой колонне хорхорских надписей Вана царь Аргишти говорит: „я направился походом на (страну) Диауехини, царя Диауехи сделал „nu"-царем (=вассалом), взял город Шернази.... овладел до г. Питие, союзную (salmatxi) страну Биани (и) страну Хусани и подверг (предал)[1] стране Тариуни" (строки 6—8). В седьмой колонне (строка 74—75) он говорит, что при походе в Тариуни было взято одиннадцать укрепленных замков („11 Ê^{pl}-ria agununi gunušaa xaubi=11 „замков" укрепленных силой я взял", где Ê=дом, с комплементом -ria, в других местах заменено tuluria=дом—замок). В одной дефектной надписи из церкви св. Саака (в Ване) Аргишти I говорит (начало): „.... я овладел до страны Биа(ни) (и) страны Хусани, направился походом в страну Диди(ни), на город Зуаи(ни), город Зуа(ни) рода Диауехини и сжег, поставил надпись...". Тут тоже явствует соседство стран Биа(ни) и Хусани с областью династии Диауехини (=арм. Hašteankh). Следовательно, эти „страны" Биа(ни) и Хусани должны были лежать близ Тарона и арм. Hašteankh. Мы предлагаем в имени современного села Hosanan, что на западе от озерка Назик (к западу от Ванского озера), видеть название урартского Hušani, что фонетически произносилось Hosani[2] (урартс. š почти всегда соответствует армянскому s)[3].

---

[1] Выражение „'aaldubi andani KUR Tariuni" дословно должно значить „я подверг (предал) страну Тариуни". Слово andani, вероятно, значит „на, над", ср. хеттское andan „туда" (hinein). Ср. также выражение 'aaldubi mešini-pli = я предал (подверг) дани, буквально „под дань", где meše значит „дань", -pli „под".

[2] Сардур II (III) в своей второй надписи из сводной летописи (см. Н. Марр—Орбели, Археол. эксп. в Ван, 1916, стр. 47) в начале говорит о походе в страну Кулха, т. е. в Колхиду (Грузию) и упоминает царя Хаха из страны Хuša (KUR Xuša-aixi), что ничего общего не имеет с тариунским Хušani.

[3] Ср. урартс. Ţušpa = арм. Տուշպ Tosp. урартс. šani „котел" = арм. san (id), урартс. суф. -iše = арм. -is, напр. Biainiše „биайниец", Luluiniše „лулуйниец", что соответствует по образованию арм. собств. имени Aramais, собственно = арамеец, resp. армянин.

В седьмой колонне хорхорских надписей Аргишти I (строки 11—13) читаем— ^{d}Xaldini uštabi masinie ^{GIS}šuriie Karuni KUR Tuaraatsinie xu(bi) pari KUR Gurkuue karuni KUR Manani = бог Халд пошел походом, своим знаменем покорил он страны Туарацской долины, до страны Гурку, покорил он страну Мана». Из этого нельзя заключить, что страна Туарацская непременно должна была находиться рядом со страной Мана (Минни) у озера Урмии. Тут говорится только о том, что эти походы совершены в один год, а урартские цари любят приводить в числе покоренных стран иногда очень отдаленные страны, иногда в противоположных местоположениях, на разных концах, вероятно для оттенения могущества Урарту и его царя. Так, напр., в той же VII надписи читаем: «Халд пошел походом, своим знаменем покорил он страну Мана, покорил он страну Этиуни» (строки 33—34), а ведь эти страны лежат в разных широтах и отдалениях от центра Биайны.

Правильно сопоставливает Сандалджян эту страну Tuaratsini с армянским Տուարածատափ Tuaratsataph, т. е. со страной, лежавшей приблизительно в современной Караязской степи, по верховью реки Аракса (в Турции). Сейс, а за ним Сандалджян и другие, стертый знак «bi» слова xubi неправильно восстанавливали через „ṭu“ („dhu“). Тут не может быть сомнения, что имелось „bi“, а не „ṭu“, ибо слово xu-bi (xu-b-i-i) имеется и в выражении KUR Kuturlini xubi (см. выше), KUR Niribai xubi=страны Нирибы равнина, соответствующей ассирийскому Nirib, т. е. имени равнины (ср. у Сейса: Niriba is plainly the Nirib or 'lowlands' of the Assyrians“, стр. 397). Армянское слово տափ taph в географическом имени страны Տուարածատափ Tuaratsataph дословно значит «равнина», т. е. все слово значит «Туарацская равнина», а это выражение, в свою очередь, есть перевод древнего, т. е. доармянского Tuaratsiniei-xubi, т. е. «Туарац'ская равнина». Несомненно, в халдском -atsi есть суффикс, как имеем в ebaniatst, KUR Xatinatsie, urbuatsi и в других, но точное значение этого atsi нам не известно.

Этот суффикс -atsi осложнен новым суффиксом принадлежности -ini, так что корнем будет tuar, что, быть может, связано с именем taur, лежащем в имени гор «Тавры», арм. Та(у)руберан и пр. Сопоставление же халдского tuarats!- с арм. *տուարած* tuarats „пастух; пасение скота" хотя и очень разительное, но может быть и видимое или случайное. При таком последнем объяснении халдское название Tuaratsini(el) xubi, должно дословно значить „Пастушеская равнина". Слово Tuaratsiniel поставлено в родительном падеже, подобно (KUR) Niribai xubi, что значит «Нирибы-поле», «Нирибы-равнина». Соответствие халдского согласного „ts" (сейчас пишут §) армянскому ts мы видим и на всех других примерах, как Tsupa=арм. *Ծոփք(ք)* Tsoph-(kh), халдс. tsue „озеро, море", = арм. *ծով* tsov „море", халдс. Artsuni(u)ni=*Արծրունի* Artsruni и пр. и. пр. Если правильно чтение „страна Gurķu", до которой простирается Туарацкая долина, то это мы могли бы приурочить к армянскому Харк, соответствующему современному Буланыху, но тогда древнеармянскую область Варажпуни(к), т. е. район современного Хнуса, также нужно было бы отнести к одному из них, чтобы они (Туарацкая долина и Гурку) были соседними «странами», как трактует летопись Аргиштия I. Для этого есть также фонетическая помеха, ибо произношение арм. Harkh или Xarkh довольно отличается от халдского Gurķu. Возможно, что имя Gurķu есть арм. *Խարքէ* Kharkhe, имя горы в обл. Haštlankh, близ города Aštišat.

Халдские цари могли проникнуть в Туарацкую долину только из области Харк (совр. Буланых); и сейчас идет дорога из Копа или от Маназкерта (Мелазгерда) через Хозлу—Агверан—в Қараязскую равнину, как наиболее удобная дорога. От района же современного Хнуса (древнее *Խնտնիք>Խնտնիս>Խնուս*) дорога поднимается прямо на север к современному Хассан-Кала, т. е. в древнюю Пассинскую долину (=арм. Басен).

Халдское же слово xubi (xubī) „долина, равнина, поле» существовало, видимо, и в других соседних этнических областях. Напр., «страна Хубускиа», приурочиваемая нами

к Сгердской[1] (Ширван) долине, несомненно, есть производное слово от нашего xubi и значило, вероятно, «равнинная». Ср. также название хеттского города Xubišna. В армянском есть слово hovit (հովիտ) «долина», что, вероятно, одного корня. Турецкое ova, несомненно,—случайное созвучие, а груз. xevi «ущелье» по значению не подходит и образовано от глагола xeva «драть, разрывать».

10. ZABAXA

Это название страны встречается только в одном контексте, а именно в I колонне хорхорских надписей Аргиштия I, где после повествования о подчинении рода Диау («царя Диауида я сделал вассальным царем») и стран Биани и Хусани при Тароне мы читаем: «я пошел походом на страну Забаха (KUR Zabaaxa-edia), я взял страну забахайцев (xāubi KUR Zabaaxaaeue-aešilli), овладел до города Uzinabitarnaa, до страны Širimutara, страны соседней (KUR babani)[2], на город (=городу) Макалтуни страну Игани я предал; я направился (šiadi) к Эриахской стране, пошел походом на страну Абуни (Апуни), взял город Урейуни, город царский Витеруида (рода Витеру)». В этих строках (9—12) Аргиштия I мы видим, что он после подчинения рода Диау, т. е. районов современных Чапахджур, Гендж и севернее (т. е. районов древних Балаовит, Аштианк' и Хордзеанк'), а также мушской равнины (Тарона), направился на страну Забаха, покорив забахайцев, находившихся рядом с городом Узинабитарни и страной Ширимутари. Следовательно, область племени забахайцев находилась севернее от этих диавидских и та-

---

[1] Не есть ли Сгерд ассирийский город Zikartu, что, быть может, значит „башня" (вавил. Zigurat). В хеттском мифе о змее Илуянке (Iluiyankaš) упоминается город Zigaratta, что вместе с другими данными говорит о восточном происхождении этого и греческого мифа о Тифоне.

[2] Это частое прибавление ко многим странам мы рассматриваем не как собственное имя („страна Бабани"), а как нарицательное имя прилагательное с возможным значением „соседний".

ронских земель, если иметь в виду также, что он на севере передает городу Макалтуни страну Игани. А эти местности лежали в современной Карской области, что явствует и из других надписей. Город Макалтуни находился ниже Чилдырского озера, вероятно в армянской области Зарншат, а «страна» Игани, как этнунский район, по нашим предположениям есть северо-восточная часть Карской области, т. е. часть западного Ширака (к западу от реки Арпа-чай). Отсюда уже Аргишти направился через район современного Ленинакана, т. е. через восточный Ширак (халдское Эриахи) на страну Апуни, лежавшую в верховьях Мурад-чай, и занял столицу владетельных князей из рода Витеру, а именно город Урейуни. Не известно только, какими путями Аргишти I из района современного Ленинакана попал в Апуни (=арм. Ապահունիք Apahuni-kh), расположенную между алашкертской долиной и Буланыхом.

Сандалджян в словаре своего сборника халдских надписей это Zabaxa приурочивает к современному Джавах (груз. Джавахетия), т. е. к району города Ахалкалаки. С точки зрения фонетического соответствия тут не может быть никаких возражений. Точно так же эта Джавахия упоминается недалеко от города Макалтуни и страны Игани, которые лежали далеко на севере[1]. Единственной помехой для приурочения урартского Zabaxa- к армянской области Ջաւախք Dżawax-kh и груз. Džavaxethi, т. е. области вокруг современного города Ахалкалаки, это то, что страна Zabaxa упоминается в халдское время недалеко от города Uzinabitarni и страны Širimutari[2]. Имя Uzinabitarni

---

[1] Сейс в своем словаре обозначает это так: „KUR Za-ba-a-kha-a-e-ši-i-li. The district of the Zabakhaians (N. W. of Lake Van)". А форму направительного падежа он передает так: „KUR Za-ba-a-kha-e-hu-e-e-di-ya-The people of Zabakhas". см. у него стр. 722—723. Мы здесь исправили чтение знака „да" в правильное „li", сохранив, однако, формы сложения.

[2] В тексте халдской надписи читается Uzinabitarna и Širimutara, т. е. с конечными гласными „а". Это всегда бывает после глагола kuṭaiadi „я овладел" (kuṭaadi parie URU Uzinabitarna, pari KUR Širimutara), т. е. объекты овладения ставятся в форме падежа на „а".

мы понимаем как сложное образование Uzina-bitarni и переводим «Узина-крепость» в роде Kul-bitarni «Кол-крепость» (см. слово bitarn)[1]. Имя же Širimutara, возможно, значило «Ширину-ущелье». Эти два имени мы видим в армянских Օձնի Odzni, т. е. в имени города на севере от Эрзерума, и Սերեմաձոր Seremadzor «ущелье Серем», хотя было в области Ашаруник и село Շիրիմն Širimn («ի գլուխս Աշարունեաց գաւառին, որում Շիրիմն կոչիւր» по Асогику). Армянское Սրեմաձոր Sremadzor или Սերեմաձոր Seremadzor Н. Адонц сопоставлял с армянским названием горы Бин-гел, а именно с «Սրմանց լեառն» Srmanç leatn, что по комментарию Армянской Географии значит «вершина земли» (Աշխարհքս առ Սրմանց լերամբ, որ կոչի կատար լերկրի, см. у Адонца, Армения в эпоху Юстиниана, 20). Если халдское Zabaxa находился недалеко от «Узина-крепости», т. е. возможного армянского Odzni (ожидали бы «Օձնաբերդ» Odznaberd) и армянских „Srm-anç" горы (Бингел) или ущелья Серем (Seremadzor), то древняя область Zabaxa и современная Джавахия могут по местам и не совпадать. Возможно, что древняя Zabaxa лежала южнее современной Джавахетии, тем более, что местные надписи Аргиштия I свидетельствуют о самой северной границе его походов до Ганлиджа (у Ленинакана) и Кулиджана (к северу от горы Арагац) и Сарыкамыша (южнее Карса). Только сын его Сардур II (III) дошел до Чалдырского озера, судя по надписи в Даш-Керпи, и западнее по Чороху, до страны Кулха (=Колхида), судя по новонайденным его надписям в Ванской нише. Мы предлагаем древнюю область Zabaxa приурочить к армянской области Басен или к району Карса. Форма Zabaxaeve edia свидетельствует о множественном числе Zabaxa (кстати и арм. Ջաւախ-ք Džawax-kh всегда во множ. ч.), ибо суф. -ve ставится в халдском для род.-дат.-падежа множ. числа, подобно Biainave, Šurave, Urmeve и пр., а слово edia («туда») ставится отдельно и отделяется от предыдущего тем, что пишется с новой строки (в халд-

[1] Ср. подобное образование крепости Բոլբերդ Bołberd, которая считалась сильной крепостью в области Басен (см. у Адонца, Арм. в эпоху Юст., стр. 24) и крепости Կօղոբերդ Kołoberd при течении реки Кеги (Перш).

ском одно или сложное слово не терпит переноса). Наконец, zabaxaeši (или возможно zabaxalše) должно значить «забахаец», т. е. человека из племени или местности Забаха (ср. biainiše "биайниец", luluiniše «лулуниец» и пр.), а суф. -li в конце zabaxaešili есть окончание винит. падежа множ. числа, что сейчас определенно установлено. Значит выражение xaubi KUR zabaxaešili (детерминатив KUR «страна» всегда ставится при обозначении стран, и *производных от них имен*) должно значить — «я взял (покорил) забахайцев». Племя же это могло жить в разных местах, судя, напр., по расселению племени (или племен) Etiuni или поздних иранских мардов (у реки Бохтан-су, в областях Мардалия и Мардастан) или матиенов и пр. и пр.

Фонетически нет препятствия для того, чтобы считать халдское Zabaxa поздним Džavax-kh (𒍪𒁀𒀭𒄿), хотя и недостает других примеров с соответствием халдс. z = арм. dž. Халдский звук z передается иногда армянским z (ср. название страны Buzuni и арм. Bznuni, хотя есть и Bžnuni), или большей частью халдс. z = арм. dz (ձ) (ср. Kuturza и Katarza = арм. goderdz(akan), халдс. Aldzini = арм. Ալձնիք(ք) Aldzni(kh)[1], а халдское «b» большей частью передается армянским «v» (напр., Biaina = Van, abili = առավել avel «больше», ebani, «страна» = арм. awan «село, городок» и пр.).

Точное расположение халдского Zabaxa во многом зависит от точного распознавания местоположения крепости Uzina-bilarni и страны Širimu-tari.

II. LIKI

Надпись Сардура на восточной стене новооткрытой его ниши («Хазине-капусы») в 29 строк, как сводная воен-

[1] В армянских заимствованиях из персидского или сирийского также замечается замена звука z армянским аффрикатом dz (арм. ձ). Напр., при сирийском zaitā „олива" имеется арм. ձէթ dzēth „масло" (растительное); при сирийском zifta, арабо-перс. zift „смола" имеется арм. ձիւթ dziwth (id); новоперс. gurz „молот" в новоармянском произносят gurdz; при ново-перс. zāq „детеныш животного" имеется арм. ձագ dzag „птенец" и пр. и пр. Вообще армяне склонны аффрикатизировать простые спиранты (фрикативы). Напр., там, где мы ожидали бы простой спирант на место индоевр. g_1, имеем ts, или на место индоевр. g_1h имеем арм. ձ (dz) и т. п.

ная летопись, повествует о походе царя в Минну («Мана»), где покоряется страна Бабилу, находящаяся рядом со страной Баруатаини. Берутся 3 укрепленные крепости, 23 «города» (=села) в продолжение 60 дней («60 UD^{mi}-ni") и много пленных. Затем, «в тот же год летом» („ikukani MU tatsini») он направляется в страну Этиуни, в страну Ликии („KUR Etiuniedi KUR Likiue edia"), где захватывается царский укрепленный город (в тексте ошибочно «страна») Ediani, принадлежавший некоему Abiani, царский укрепленный город Iruiani некоего Irkua, царский укрепленный город Irmaani некоего Uerda и покоряется, делаясь данником, царь буйнийского города (URU Buiniaixi). Сардур прибавляет: «эти четыре крепости, надобластные («abani atsie" = государственные?) я взял, мужчин-женщин отсюда я угнал» и пр. Наконец, он заканчивает свою летопись так: «в тот же год осенью» („ikukani MU šištini") я направился походом в страну Урмии (KUR Urmeue edia), 11 крепостей я захватил» и пр. В конце дается сумма пленных мужчин, женщин, отроков, а также общее количество захваченных коней, быков и овец, которые он в один год в этих трех странах набрал („3 KUR ebana I MU zadubi" = в трех странах я осуществил») прибавляя в конце: «эти предприятия в один год Сардур, сын Аргиштия, совершил» (inanili arniušinili 1 MU ^{Id}SARduriše ^{I}Argištixiniše zaduni).

Здесь, как видим, описываются три похода в три страны, лежавшие в разных направлениях — на восток в Минну, на север в Этиуни и Лики и на юг (?) в страну Урми (ср. ассир. Arimi). Нас интересует в данном случае местоположение «стран(ы)» Лики, упоминаемой в качестве северной страны вместе с Этиуни. Форма направительного падежа KUR Likive edia «в страну Ликии—туда», точнее «Ликиев» (Род. пад. мн. ч.), подобно KUR Urmeue-edia, KUR Zabaxaeve-edia и пр., говорит нам о множественности мест «Ликии», что, быть может, связано с множеством ликийских родов (племен), подобно соседним этиунским племенам (см. это слово).

Совместное упоминание Etiuni—Liki в одном и том же направлении (север) заставляет нас искать их четыре крепости и родовые имена в одной общей территории.

Если район современного Сарыкамыша, древнего города Axuriani, принадлежал роду (фамилии) Aštua, входившему в союз этиунских племен (Etiunilibirani), то ликийские роды или племена также нужно искать в этих районах. Возможно их местоположение в западном Ширакe, т. е. по западному берегу Арпачая. Упоминаемые этиуно-ликийские крепости («царские», «престольные») — Ediani, Iruiani, Irmaani и Buini, несомненно, лежали в смежных местностях. Из них Irmâni с возможным произношением Ermâni («ir» читается и «er») мы могли бы приурочить к древнеарм. имени ширакского села Արմանի Armani (у Иоанна Катол., Тифл., 304) или Որմանի Ormani и к современному имени села Аламан (южнее багратидской столицы Ани) с церковкой VII века, а крепость Buini, возможно, сохранилась в современном Buik близ Аракса, к северо-востоку от Кагызмана, подобно как этиунский город Ardini сохранился, вероятно, в позднеармянском Արդիկ Ardik. Имя рода Abiani (с крепостью Ediani) мы усматриваем в армянском княжеском роде Haven-uni, ибо халдское фонетическое Abian легко могло стать позже у армян Aven-, а отсюда и Haven (с начальным придыханием, как Andzit > Handzit, Ariza > Hariza, Ani > Hani и пр.). Суффикс же -uni есть армянский придаток княжеских фамилий. Княжеский род Haven-uni вместе с Abiliani(xi)=арм. Abełean также находились в смежной области, по северному берегу реки Аракс, против Кагызмана (где был также род Գաբեղեան Gabełean). Мы уже говорили, что и местности Игани, Эриахи и пр. также примыкали к Этиуни. Мы могли даже в имени Verda видеть армянские Վարդ vard, Վարդայ Vardzay и Որդի (V)ordi. Последняя есть вероятная механическая графическая передача древнего Vordi (армянск. звукокомплекс vo передавали буквой «ո» (о), ибо к этому периоду всякое о начало в начале обозначать „vo"). А это имя Vordi, созвучное армянскому ordi «сын», носили князья Димаксяны, которые как раз и были владетелями части Ширака, быть может, района современного Аламана. Часть Димаксянов была и в западном Вананде (Карской области), так называемые «бухские Ди-

максяны»[1]. Несомненно, что эти армянские Havenuni, Abeiean, Gnuni, Dimaksean и Kamsarakan, а возможно и Aravenian, Araveiean и Gabeiean, суть продолжатели этиунских, resp. ликийских, родоначальников, из коих главными были Камсараканы, влиявшие политически на все эти роды. Между прочим у Камсараканов также было имя Vardza (*Վարձայ*)[2], что похоже на наше родовое имя Verda-, а князья Камсараканы как раз и являлись поздними наследниками этиунских царей, будучи, вероятно, из рода Eriaxi, т. е. арийского =иранского происхождения (Eria-xi || *Ariaxi значит «арийский»); см. у нас об области Etiuni. Был у армян и княжеский род *Վարձաւունի* Vardzavuni, местоположения которых не знаем.

Собственное имя царя Ir-ku-a (Er-ku-a), владетеля города Iruiani (ср. Ureiuni, столицу области Apuuni), упоминается и в одной Ташбурунской надписи в виде E-ri-ku-a-xi «Эркуайский», что фонетически равно Erkua-(xi). Диалектически оно могло звучать и Arkua-. Этого имени позже не сохранилось[3], но возможно, что от имени его «престольного города» Ir-u-i-a-ni или Er-u-i-a-ni образована княжеская фамилия армянских *Առաւենեան* Araveneaп из старого *Arvenian (с Arven- = халдс. Eruian-).

Таким образом, «чисто» этиунскими странами считаются районы города Ахуриани (нын. Сарыкамыш) с родом Астуа (Aštuaxini) и вероятно Калрахи (=Карс?), а также севернее их — область Игани с ближайшим городом Макалтуни. На месте этих и других не известных нам этиунских городов или племен зародились армянские княжества Ванандаци (с древними именами *Զիկ, Թաթիւլ, Առա-*

---

[1] См. Н. Адонц, Армения в эпоху Юстиниана, стр. 301 и 245. См. также у Лазаря Парпского (Тифл., 144)—*«Երանելին Որդի ի տոհմէն Դիմաքսեանից»*.

[2] См. у Лазаря Парпского (Тифл., 86); *«ի տոհմէն Կամսարականաց Արշուիր և Թաթ Վարձայ»*.

[3] Недалеко от Игдыря было село Orkovi, у подножья Арарата, что как будто похоже на это имя, что, конечно, может быть и голой случайностью. Есть и село Orkov на южном склоне горы Арагац.

ատն, Վրէն, Աղգէն и др.) и Гнуни (с именами Гнеал=Гнёл, Атом, Мжеж и др.)[1]. К востоку же от них, в западном Шираке (на запад от реки Арпачай), раньше были этиуноликийские роды и области—Abilianixi (=арм. Արեղեան), некоего Abiani (откуда, быть может, арм. Havenuni) и рода некоего Erkua (*Arkua) при городе Er-u-i-a-ni (*Arviani =арм. Առաւենեան?). Возможно, что Камсараканы не отпрыски армянского царского рода Аршакидов, т. е. не позднеиранского происхождения, а преемники одного из этих этиунских племен (иранского происхождения?), либо потомки эриахских царей, либо же царей из города Buini. Камсараканы также являются одними из владетелей Ширака и Ашаруни (т. е. района к северу от среднего Аракса и к западу от Арпа-чая). Род Димаксян также владел частью Ширака, только неизвестно, к востоку или западу от Арпа-чая. Наконец, род князей Սահառունի Сааруни также был владетелем части западного Ширака, ибо село Сааруник близ монастыря Оромос и городок Мрен на зап. берегу Арпа-чая принадлежали этим князьям (см. у Адонца, 306). Мы ставим вопрос и о этиуно-ликийском происхождении рода Վարդաւառնի Vardzavuni[2].

Об этнической, а вероятно, и политической экспансии этиунских племен в сторону современного Котайка (к северу от Еревана) и южного побережья Севанского озера нами уже было сказано (см. об Etiuni).

---

[1] Переселение Гнуниев к горе Арагац, т. е. к ее западным склонам (при селе Мастара), и к Ванскому озеру, несомненно, позднего происхождения. По историку Фоме Арцруни—город Арчеш (к сев. от Ванского озера) входит в область Гнуниев (см. у Адонца, 304).

[2] В западном Шираке и в Ашаруни известно много религиозных, культурно-политических центров, как Ани, столица Багратидов, Ераздаворс или Ширакаван (ныи. Баш-Шорагял), Мрен, Нахчаван, Аламан (Армани), Оромос, Текор, Хцконк (Խծկոնք) = ныи. Беш-Киписа, Цпни (Ծպնի), Буик, Артагерс (=ныи. Керс), Магасберд (Մագասբերդ), Багаран и др. Все это свидетельствует о большом значении правобережного Ширака в культурно-политической жизни исторической Армении (и до-Армении).

II

АРМЯНСКАЯ ТОПОНИМИКА РОДОВОГО ПЕРИОДА

Топонимика, отражающая родовой строй и сохранившаяся в армянских географических терминах, естественно, не отделима от всей номенклатуры родов или племен, сохранившихся также в именах княжеских фамилий. Первично последнее, а не первое, т. е. от названий родов или племен образуются и названия мест, в роде հայ-kh «армяне», но и «Армения», старо-русское «греки» значило и «Греция» и т. п. Даже в тех случаях, когда не сохранились родовые названия, в именах многих районов древней Армении мы можем теоретически предполагать такие родовые корни. Конечно, не всегда последний случай себя оправдает. Во всяком случае названия мест давались (и даются) только в тех случаях, когда это было необходимо, а в родовой период названия родов или племен служили преимущественной основой для такой номенклатуры. Выделяя все теххические и религиозные термины в особую группу, хотя бы они отражали древнейший быт, мы здесь остановимся только на тех именах, которые непосредственно служили наименованием того или иного рода на территории исторической Армении, насколько это позволяют скудные географические и феодальные поздние термины. Часть их нами была разобрана выше в связи с халдскими (урартскими) материалами. Здесь же дадим остальную родовую номенклатуру, как продолжение и дополнение к первой.

Нам сдается, что на территории исторической Армении как в ее родовой период, так и после, нарицательным именем (названием) для понятия «род» или «племя» было слово *ber*, которое могло менять свое содержание в зависимости от социального положения самого общества. Это «ber», быть может, первично значило «дом», имея в виду хеттское bir «дом» (хетт. pagna- «дом»>фамилия)[1],

[1] См. нашу работу „К происхождению грузинс. национального имени kharthveli", Ереван, 1939, стр. 12—13.

лидийское bir-a «дом», месапийское [illegible] «жилище, комната». Это же ber, кроме значения «дом — род (племя)», могло в дальнейшем получить значение «общество», «село», „люди" и т. п. Кроме армян и до армян этот термин сохранили и грузины: ср., напр., древние — Kaxaber „каха — род", напр., в имени „Кахаберская долина" и в арм. заимствованном собств. имени Կախբերք Kaxaber, затем в имени села Beri, в имени Чвиберского общества в Свании и пр., не говоря уже о фамилиях с этим beri — Gogoberidze, Beridze, Beritašvili и пр.

В халдском языке также было это слово, но в форме множ. числа и с протетическим «i», а именно в имени ibirani, что еще Сейс довольно близко переводил через «люди», хотя и с вопросом. Это халдское произношение было, видимо, свойственно и жителям Тигро-Араканийского междуречия, имея в виду такие географические термины «стран», которые упоминаются в ассирийских надписях Тиглатпиласара I и других (с конца XII века до нашей эры). Тут попадаются следующие наирские имена стран — Šinibirani. Kulibarini. Ginzibir, что, если не исковеркано[2], должно было значить—«син—роды» («шин—роды»), «кули—роды» (племена), «гинз—род» (ср., быть может, имя города Генч на Мурад-чае). В халдских текстах, напр. в Сарыкамышской надписи, попадается только ibirani, иногда с детерминативом «KUR», т. е. страна. Значит, понятие «общество» или «род» воспринимается метонимически и как местоположение этого рода или общества (людей). Выражение Сарыкамышской надписи Аргиштия I — nunali KUR Etiuni[ni] KUR ibirani только и могло значить «пришли этиунские племена (роды), или «пришли Этиунии (род. п.) роды», если последнее «ni» не может иметь места (нужно проверить на камне).

В армянском имеем следующие собственные имена мест и княжеских фамилий с этим термином ber «род» или beran(i) «роды». Понятно, что «род» могло значит и «племя». Таковы:

[1] Мы пользовались только их транскрипцией у Лео (*Հայոց պատմություն*», Тифл., 1917, стр. 220). Имя Kulibarini у него в словнике дается в виде Kulibarzini.

1) Княжество *Տամբեր* Tamber, находившееся на восточных рубежах исторической Армении. Отсюда «князь тамберский» *(Տամբերացի)* и, вероятно, область *Տամբերդ* Тамберд в персидской части Армении, что правильнее писать Тамбер, без последнего «д». Слово Там-бер дословно значит «там-род». В «гаһнамаке» неправильно написано *Մամբերացի* Мамбераци (у Адонца, стр. 250) с 54-м местом.

2) Княжество *Խաջբերունի* Khadžberuni, занимавшее в документе о местах («гаһнамак») 57-е место, образовалось из khaǰ-, что в армянском значит «храбрый», из слова ber- «род» и суффикса -uni (=«ский»). Возможно, что первая часть khadž- имеет этническое происхождение в связи с khaš- «касит», что могло армянами ложно этимологизироваться в связи с прилагательным khaǰ «храбрый», хотя лингвистически не исключается и возможность перехода этнического имени (т. е. существительного) на его свойства. Ср. курдское племя kaškai в районе Сулеймание (в Ираке), известное как разбойничье племя. Семасиологически ср. арм. skay «гигант» и имя saka «сак» (скиф), арм. xoŕ «скупой» и этнич. имя «хор=хуррит», груз. gmiri «герой» и этнич. имя гамиров, т. е. киммерийцев и пр. и пр.

3) Область *Տարբերունի* Tarberuni, упоминаемая синонимно Тарону (=мушская равнина) армянским историком Лазарем Парпским (Тифл., 1904, стр. 44)— *Քասունի՝ Տարբերունոյ եպիսկոպոս* (Касун—епископ Тарберуния)— и историком А. Тавризским (Вагарш. 1896, стр. 425) — *Տարբերունի գաւառ* «область Тарберуни». Дословно это имя Тар-беруни значит «Тар-род-ская» (область), где „тар- получилось из «тавр-».

4) Обширная область *Տարուբերան* Taruberan, имевшая много «гаваров» (16)[1], хотя первоначально под этим именем разумелась страна Тарон и, вероятно, близлежащие с юга страны. Армянская география так и говорит: *Տարուբերան որ է Տարօն* «Таруберан, который есть Тарон». Пишется также

[1] Эти 16 гаваров следующие. Хойт, Аспакуния, Тарон, Аршамуния, Мардалия, Даснавор, Туаратсатап, Далар, Харк, Бажнуния, Бзнуния, Еревар, Алиовит, Апаһуния, Кор и Хорхоруния (см. у Н. Адонца, стр. 308).

Տարուբերան Turuberan. Первая часть tar ‖ tur есть изменение более старого taur-, как заметил еще Н. Адонц (стр. 309) и находится в связи с названием гор Taurus, семит. t-v-r. Вторая же часть -beran есть множ. число от нашего ber «род» (суф. множественности an есть в арм. и груз.), так что все слово значит дословно «тавр-роды», т. е. «таврские роды (племена)». Как видим, здесь этнический термин стал географическим именем места.

5) Область *Առբերան* Arberan или *Առբերանի* Arberani, расположенная к северу от Ванского озера (вокруг Беркри). Дословно значит «Ар-роды (племена)», где ar могло получиться из ari, что, быть может, значит «ариец»; ср. халдское Eria-xi (в Шираке), где eri=*ari- может иметь то же происхождение.

6) В котайкском районе упоминаются села *Այլաբերք* Aylaber-kh с родит. пад. *Այլաբերից* Aylaberiç и с винит. пад. Aylabers (откуда современное Alaphars) и *Ողջաբեր* Oǰaber (Oıdžaber), которые, народно этимологизируясь с арм. berd «крепость», пишутся изредка Aylaberd (у историка Асогика) и Oǰaberd (так произносят и пишут и сейчас). Правильная и в древности единственно засвидетельствованная форма Oǰaber (без «d») встречается на одной надписи из монастыря Гегард (Айриванк) 1283 года, где говорится, что князь Прош из рода Халбакидов (*«Ես Պռոշ իշխան որդի Վասակայ յազգէ Հաղրատայ* и пр.) купил от местных владетелей обитель Гегард „с горами, полями и всеми ее принадлежностями", подарил разные драгоценности, построил церкви, передал этой обители на золото купленные места *«Ողջաբեր»* и *«Բերդաձոր»* и пр. и пр. (см. Г. Овсепян, *Յուդրականք կամ Պռոշեանք*, Вагарш., 1928, стр. 103). Мы не сомневаемся, что многие армянские имена с «berd» суть поздние изменения из нашего ber «род» вследствие непонимаемости последнего. Тут никаких крепостей не было и следа нет. Имена Aylaberkh и Oǰaber дословно значили «Айл-роды» и «Олдж-род". В Сюнике упоминается село *Ութբրուն* Uthbrun, что могло значить «восемь фамилий (родов)» или «восемь домов"?[1].

[1] Двойник этого ber, а именно ver (‖ vir) „поколение" мы видим

Из отдельных собственных имен родов, племен и народностей древнеармянская топонимика и феодальная патронимистика дают нам возможность выявить следующие:

1) ANZA- (> ANDZA- ‖ ANTSA-)

Это первичное родовое имя anz(a)- в армянском передано через andza- или antsa- и сохранилось, во-первых, в названии князей *Ընձայնի* Əntsayni; так дает нам Лазарь Парпский (*«տոհմ Ընձայնւոց»*). У историка Елисея пишется *տոհմ Ընձայնոց*, что правильнее было бы исправить в *«տոհմ Ընձայնւոց»* от имен п. *Ընձայնի(ք)*, хотя у него есть и формы *Ընձայինն, Ընձայինն գունդ, Ընձայեցի Արսենն»* (см. Тифл. изд. 1913 г. стр. 129, 156, 151). Последнюю форму Н. Адонц исправляет в *«Ընձայնեցի Արսենն»* (см. Арм. в эпоху Юст., 317), хотя подобная же форма (без «п») имеется и в „rahнамаке", где читаем *Ընձայեցի*. В «воинской грамоте» имеется очень архаическая с нашей точки зрения форма *Ընձաքին* Əntsakhin, что Адонц считает изменением ожидавшегося *Ընձախին* Əntsaxin = *Ընձահին* Əntsahin (ibid.). Нам думается, что первоначально должны были произноситься *antsayni* или *antsaxi* (последнее «п» в *Ընձաքին* есть определ. член). Тут имеется халдская передача с суффиксами притяжательности— ini ‖ -xi от этнического корня andza- (resp. antsa-), т. е. все должно было звучать по-урартски anzaini или anzaxi, подобно как имеем Etiuni ‖ Etiuxi или Velikuni ‖ Velikuxi. Во-вторых, этот этнический термин мы усматриваем в имени легендарного армянского царя *Ընձաք* Əndzakh, где -akh (или ак) есть суффикс родового происхождения, т. е. Əndzak значит «андзец», как мандак «мандиец», salak «салиец», арменак «армянин» и пр. Корень же здесь не əndz- (ənts-), более старое andza-, что видим в имени района этих князей, а именно в *«ձորն Անձահոյ»*, хотя раз имеется и *«ձորն Ընձայից»* (см. у историка Фомы Арцруни, стр. 223, 264, 271). Это „ущелье Andzahi" (или Andzaxi) как раз и восстанавливает халдское *anzaxi «анзиец, анзийский». Через это ущелье вы-

---

в именах Armavir, Šulaver, Talaver (село у Санаина, см. Vimakan taregirkh, стр. 248), Vałaver (ibid.) и пр.

ходили из Армении на равнину Хоя (в Персии), находившуюся к востоку (*«Ձոր Ընձայից, որ կոչի ընդ գաւառն Հոր գաւառի»*)[1]. Гора на юге Ванского озера *Ընձաքի սար* Əndzakhi образована от нашего əndzakh «андзнец».

Наконец, мы имеем древнюю область Enzite, Andzitēnē =арм. *Անձիթք* Andzith-kh (или позже Handzith, что, возможно, сирийского произношения). Здесь конечно -it есть форматив для имен мест этнического происхождения, подобно грузинскому -ethi (Somxethi «Армения», Rusethi «Россия» и пр.). Так что, этнический термин anz- был весьма распространен и, как видим, на довольно большой территории: на границе современной Турции и Персии (где Котур) и, с другой стороны, далеко на запад, на харбердской долине. Нам кажется также, что армянское княжеское имя *Սրուանձիթ* Sruandzit есть сложное слово из sru «верхний» (?) + andzit. Наконец, не исключена возможность считать одноименным этническим корнем и армянское *Անձաւացի* Andzavaçi (или Andzevaçi), т. е. название княжеского рода на юго-востоке от Ванского озера (ныне «Нордуз»). Это родовое имя Andzevaçi (‖ Andzevaci) мы производим от основы andzu-, т. е. ожидали бы Andzuaçi «ан-андзуец», а не от армянского имени andzav «пещера»[2]; ср. подобное образование князей Vsrdzavuni от личного имени Vardza с наращением в середине согласного v.

2. ŠARA

Это имя, как эпоним, упоминается у армянского историка Моисея Хоренского, как обжора и многодетный. Потому в народе и сказывали, что «если твоя глотка как у Шарая, то у нас не ширакские амбары». Хоренский имя Ширак производит от этого родоначальника Шарая, как область Gugar-kh связывается с именем его внука Гушара (*Գուշար*). Н. Адонц имя Ширак, т. е. район по обоим бере-

---

[1] См. также у Н. Адонца, стр. 317.

[2] Первично значение „теснины", ср. арм. *անձ-ուկ* andz-uk „узкий", рус. уз-кий, лат. ang-ustus, нем. Enge и пр. Этот корень *ang$_1$h- „узкий" индоевропейского происхождения.

гам реки Арпа-чая, генетически увязывает с именем племени seraci, упоминаемого Плинием (VI, 16) рядом с племенем cephalotomi. Страбон называет последних «сарапара» [Σαράπαρα], говоря, что часть их переселилась к границам Мидии (Str. XI, 14, стр. 531=747), а это обстоятельство наводит Адонца на смелую мысль: имея в виду, что сарапара (Sara-para) есть местное имя со значением «голово-отрезанный», как переводили и греки (κεφαλό-τομος), он предполагает переселение части этих бродячих племен в Ширак, связывая фамильное название ширакских князей Kamsarakan с этими «голово-отрезанными», ибо Kam-sar, как объясняет М. Хоренский (*«պակաս գլուխ բոլորաբիւն գագաթանն»*), значит как раз «с недостаточной головой» из иранского kam «мало, недостаточно» (=старо-перс. kamna) и sar «голова», т. е. получаем имя kamsarak, человека племени со значением «имеющий недостаточную голову». Мы прибавим с нашей стороны, что фамилия *Դիմաքսեան* Dimakhsean, родственная с Камсараканами, в армянских рукописях иногда пишется и *Դիմակիսեան* Dimakisean, а это дословно значит «Полуголовьев» («Полуголовин»), от dēm «лицо» и kēs «половина». Не отрицая возможности производства имени Širak от племени seraci (ср. у Страбона: Σιράκων καὶ Ἀορσῶν φῦλα «род сираков и аорсов»)[1], тем более, что эти сираки и аорсы спускались с гор вниз, на юг, «и, постепенно развиваясь, вели торговлю индийскими и вавилонскими товарами, получая их от армян и мидийцев», как говорил Страбон (см. у Адонца, 424), не отрицая возможности связывания имени «Ширакская степь» по реке Алазан с этими сираками (или сераками), тем не менее, мы не должны связывать имя Širak генетически с Šara. Было бы очень большой натяжкой рассмотреть šara. как «шир-ец» (с суф. -ак) от корня šir, а эту разновидность связать с šar(a). Несомненно, в армянском Šara последнее «а» есть особый диалектический на-

---

[1] Н. Адонц производил имя армянской области *Աշոց* Ašoç (у северного подножья Арарата) от имени этого племени ἀορσοι. Мы предлагаем это Ašoç связать с именем скифов „aškuza", которые также наводнили Армению, т. е. aškoй>ašoй>*Աշոց* (Ašoç).

рост, как это имеется и в именах Harma, Ara. Ср. также имя легендарного князя Շար Šar, владетеля области вокруг Ордуата (=ныи. Ордубат)[1]. Несомненно также, что Šar(a)- есть эпоним и персонифицирует в себе имя известного рода или племени. По Хоренскому он haikid, т. е. потомок родоначальника армян Наук'а, а именно сын Арамаиса. Эпитеты же, даваемые Хоренским этому Шараю, как «многорождающий и обжора» стоят, несомненно, с какой-то народной (ложной) этимологией, наподобие его излюбленных манипуляций как Gnuni из gini «вино»+uni «имеет, имеющий», Artsruni из artsiv «орел»+uni, Amatuni как «пришельцы» из перс. âmadan «приходить» и пр.[2].

Несомненно, что термин šar(a) родового или племенного происхождения, для точного генезиса которого недостают материалы. Возможно, что это племя šar(a) сравнительно поздние обитатели области Ширак, тем более, что халдские надписи, столь пунктуальные в описании родов и мест Ширака и соседних областей, ничего не говорят об этом роде или племени.

Армянские историки приводят имена многих горских племен, которые с севера спускались и грабили Армению. Таковы, напр., гунны *(Հոնք)*, леки *(Լեկ-ք)*, чилбы *(Ճիղբք)*, баласджи *(բաղասճիք)*, гаргары *(գարգարք)* и пр. и пр. А Хоренский упоминает и о тюркских народцах «булкар» *(բուլկար)*, которые наводнили когда-то верхнюю Фасиану, т. е. современную Карскую область, и оставили много тюркских географических наименований, в числе которых и Վանանդ Vanand, что едва ли правильно (ср. Haband, Marand и пр. с суф. -and). Хоренский также говорит об аланах, хлынувших в Армению во время персидского царя Хосроя Котака, а от этих аланов, родственников царевны Сатеник, прибывших вместе с ней в Армению, и образовалось армянское княжество Աւաւեղեան Aŕavelean. Послед-

---

[1] См. у Ст. Орбеляна, Тифл., 1911, стр. 22.

[2] Ср. подобную этимологизацию имени народца sodi, упоминаемого Плинием (VI, 26), со стороны арм. историка Орбеляна—*սակս Հանեպաւորդեան բրոց և դառնաշունչ օգոյն կոչեցաւ Սոքդ*.

ние жили скорее в том западном углу, который образуется от впадения Арпачая в Аракс, если иметь в виду, что городом Bagaran (ныне курдс. село Пакран) владели эти князья, а не жили у Ошнака, как полагал Н. Адонц (см. у него, стр. 305). В надписи 631 года на храме Багарана говорится о некоем Буте из фамилии Aṙuełean (*Առաւեղեան*) или Aṙwełean (*Առւեղեան*), построителе этой церкви. Даже можно возбудить вопрос, не есть ли халдское Lik-, название западного Ширака, этническое название горцев «леков» (т. е. лезгин), так часто любивших делать набеги на Армению. Во всяком случае этнический термин šar(a), не восходящий к седой (урартской) древности, скорее всего должен быть позднего и в частности кавказского (горского) происхождения, подобно вышеприведенным горцам.

От этого термина šar(a) мы производим позднее название «Араксового ущелья» (*Երասխաձոր* Erasxadzor), а именно *Աշարունիք* Ašaruni-kh, под чем разумелась впоследствии более обширная территория по Араксу и Арпачаю, совпадая отчасти с поздним «Чалдыран». Писание Ašaruni(kh) древнее чем Aršaruni(kh). В надписях VII века, как, напр., в Аламанской надписи (дважды упоминается это имя[1], в Мренской надписи (*ի տանուտերութեան Ներսեհի Շիրակայ եւ Աշարունեաց տեառն*), в Талинской надписи и в надгробной надписи Артавазда Камсаракана из села Нахчевана[1] везде читается только Ašarunikh. Вставка «r» является поздним явлением под влиянием имен с печальным Arš- (*Արշամ, Արշաւիր, Արշէն, Արշակ...*). Форма Ašar(uni) имеет такое же протетическое «а», как имеем amardoi от имени племени «mard» (откуда область Mardałi, армянское княжество Mardpetakan, вошедшее позже в сферу Арцруниев) или как имеем армянское княжество Amat-uri от этнического имени mada-«мидиец» (Аматуни сперва жили в районе Маку, в древнем Артазе, а позже основались в селе Ошакан).

---

[1] Сокращенно передаем: «...*ի սմա է հանգուցեալ... տէր Արտաւազդ Համատրականն, տպատհիւպատ պատրիկ եւ իշխան Հայոց, որդի Հրահատ պատրիկի Շիրակայ եւ Աշարունեաց տեառն...*». См. Христ. Восток, 1914, т. III, вып. I, статью В. Орбели (стр. 79).

Нет сомнения, что от этнического же имени šar(a) образовалась и армянская область Շարուր Šarur, название долины от горы Арарат до Нахичевани. Некоторая отдаленность области Ašaruni(kh) от равнины Šarur не может служить препятствием для такого генетического толкования, ибо ветви одного и того же племени легко могли расселяться и отдаляться[1]. Для суф. -ur(=«ский») имени Šarur (=Шарская) ср. груз. -uri (somxuri «армянский», lekuri «лезгинский» и пр.), халдское «до-арм. -ur, напр., Sardur (от имени бога Sard), Udur-Etiuni «Удская (=утийская) Этиуни», Ուշկուր (Արծրունիք) Iaškur (Arcruni) и пр.

3. G O G

Это этническое имя (корень) мы видим в областном названии Գուգարք Gugar-kh, классическом Gogarēnē. Последнее лежало по реке Аутануч рядом с Кларджией (арм. Կղարջք Ktardž-kh=груз. Kiardž-ethi). Ниже их помещался Տայք Tay-kh. Владетель Гогарены в царский период Армении занимал особое самостоятельное положение, охраняя эту окранну Армении в качестве «бдешха», в марзпанский же период Армении Гогарена находилась уже вне армянского политического влияния, входя в состав Грузии. Правильно трактовал А. Шанидзе еще в 1916 году[2] (см. его «Два чано-мингрельских суффикса в груз. и арм. языках», Петроград, 1916, стр. 3) происхождение основы Gogar-, как образование из gog+ar, считая это образованае через суф. -ar свойством чано-мегрельского языка; ср. также его примеры — odišari «одишец» (мегрелец), somxithari «житель Сом-

---

[1] У армян даже есть особый для этого термин hatuac, что дословно значит „отделение", т. е. выделение, распадение, раскол. Ср. Հատած գնացեալ Կարգէս Մանուկ ի տուէից գաւառէն и пр. Это слово (resp. глагол հատանեմ) имеет особое социально-родовое содержание.

[2] Он говорил: „В заключение заметим, кстати, что чано-мингрельский суффикс -ar встречается не в одном грузинском тексте: он всплывает еще в одном этническо-географическом термине, сохранившемся в греческой и армянской географической литературе: это греч. Γωγ-αρ-ηνή=арм. Գուգարք Gug-ar-kh „Гугары" букв. *гугцы* или судя по греч. огласовке, *гогцы*.

хит'а (армянин), opizari «опизец», olthisari «ольтисец», vixikari „вихикец" и пр. Мы могли бы эти примеры дополнить и такими примерами, как thux-ar «тухец», tsan-ar «цанец», kangu-ar «кангуец», арм. Gušar «гуш-ец», которые также отражают западногрузинское влияние. Марровское толкование этого суф. -ar как показателя множ. числа, естественно, отпадает.

Этнический термин «gog» мы усматриваем и в древнеармянском наименовании Gogovit (=район Баязида) из gog (o)+ovit «долина», т. е. все должно значить «гогская долина». Пишется и Կոգովիտ Kogovit, а то и Երկիր Կոգայ erkir Kogay «страна Ког'а» (ср. у Фауста: *բնդն Դարաւնից որ է յերկրին Կոգայ*). В округе современного Байбурта, в числе четырнадцати nahie этой казы, упоминается Kokaris, Н. Адонц приравнивает его к историческому Κοκαρίζων, армянскому Կուկայաւիճ Kukayaŧič (=родина епископа Авука—«*Հաւուկ ի Կուկայաւճոյ*», см. у М. Хоренского II, 65, см. также у Адонца, стр. 147). Попадается также село Գուկաւինճ Gukaŧinč в области Soth-kh или село Խոկաւինճ Xokaŧinč в области Гелакуни (см. у Ст. Орбелян, Тифлис, 1911, стр. 513, 514, где aŧinč, как правильно объяснил еще Н. Адонц (стр. 80) значит „деревня")[1].

Нам думается, что этнический термин gog в географических Gog-ar ‖ Gug-ar-[2], в Gog-ovit и, возможно, в Kok-aŧič есть то название народа гогов («Гоги и Магогн»), о котором говорится и в Библии.

MANDA- и ŠALA-

Еще в хеттском своде законов мы читаем, что, «раньше воины Manda, воины Šâla, воины города Tamalki, воины

---

[1] В „Корневом словаре" Ачаряна, составленном намного позже выхода в свет книги Н. Адонца („Армения в эпоху Юстиниана") не отмечено это толкование слова *ապիճ* aŧič, данное Адонцем (*հղեգ ապիճ* „Камышевая деревня"). Не заметил этого и Я. Манандян в своих «*Մանր հետազոտ.*».

[2] Часть этих гогаров („гогцев"), видимо, переселилась из района Гогарены (между Чорохом и Артануч) на север, к району реки Гуджаретис цхали (где Бакурнани и Цагвери), ибо по груз. Gujarethi дословно значит „страна (место) гуджаров", с „dž" из „g".

города Hatra, воины города Zalpa, воины города Tashinia... трудовой (на поле и пр.) повинности не получали (luzzi Ú.UL karpier), трудовой (принудительной) работы не производили (šaḫḫan Ú.UL ešer)[1]. О племени manda, как отчасти о разбойничьем народе, говорят и ассирийские надписи (-Umman-Manda «Manda-Leute», «манда-люди»). Часть этих народцев находилась и в пределах Армении или позже переселилась в Армению из хеттского государства. Потомками этих близкородственных народцев или племен мы считаем армянские княжеские роды Mandakuni и Salkuni. Если отбросить суффикс родовой принадлежности -uni (что урартского происхождения), то остающиеся основы mandak- и sal(a)k- значили дословно «мандиец» и «салиец», где суф. -ак имеет такое же формативное значение для обозначения человека, принадлежащего к такому-то роду, как вышеприведенное западногрузинское -ar (сейчас уже отмершее). Суф. ak или akh существовал во многих малоазийских древних языках; ср. этрусское rum-akh «римлянин», арм. ənd-akh *(ընձաք)* „андзиец", bałakh *(բաղաք)* «балиец», sisak «сисец», armenak или aramaniak «армянин», hay-k «хайец» и пр., при позднем (персидском?) частом -ik в названиях *պարսիկ* parsik «перс», *հնդիկ* hndik „индус", *խաժիկ* xužik „эламит", *ռուզիկ* ruzik „русский", *տաճիկ* tač-ik «бедуин» и пр. и пр. М. Хоренский фамильное имя Salkuni или Slkuni производит от первичного «сурового Slakh'a» *(Սլաք դժնեալ)* народно этимологизируя с армянским *սլաք* slakh «тетива стрелы». Одновременно историк (М. Хор.) mandak народно этимологизирует на mi-andak «не возвратимый» (в связи, видимо, с персидским me «не» +andaxtan „бросить")[2]. Эта двойная княжеских армянских

[1] См. этот текст в издании Грозного („Code hittite", Paris. 1922, стр. 48).

[2] См. его кн., II, § 8. *«Այլ ժառացաք և զդժնեալ Սլաքն անուանեալ այր, զոր ոչ կարեմ հաւաստեալ ասել, ի հայկա՞յ եթէ յառաջագունէից քան զնա եղելոց յաշխարհիս, զոր հին զրոյցքն պատմեն լինել, բայց էր այր քաջ։ Զոր կարգէ վազարշակ սակաւ արամբք պահել զկնառնն և որսալ զթշնն, որք անուանեցան Սկուռնիք [вариант Սգկուռնիք]։ Այսպէս և ի նոյն իրս ե զՄխանդակն անպատնալի և ի սմանէ Մանդակունիքն։*

домов выступает вместе не только у Хоренского, но и в известных документах — табели о подушках (местах=степенях), называемой gahnamak, и в „воинской грамоте", при чем в первом документе 47-е место занимает *Մանդակունի* Mandakuni, а 48-е *Սկկունի* Skouni. В воинской же грамоте 14-й по ряду князь *Մանդակունի* Mandakuni и 15-й *Սալկունի* Salkuni поставляют каждый по 300 человек конных воинов (см. у Адонца, стр. 250—251). Но эта «родственность» обоих княжеских родов имеется и по месту их владений: Mandakuni сидели в области Аршамуния, входившей в одно время в Тарон и находившейся южнее горы Бингель, а Salkuni владели крепостью Олакан (ныне Ахкан) на Мурад-чае. Иначе говоря, Мандакуни находились в районе современной реки Бингёль-су, впадающей в Мурад-чай, а Салкуни—южнее их. Н. Адонц думает, что область Аршамуния, которой овладели Мандакуни, раньше должна была иметь и княжество Аршамуни, образованное от имени Аршам, имея в виду, что на колонне в горах Немруд-даг, на восточном краю Тарона, открыта надпись с именем какого-то царя Аршама. От этого же имени он производит и название города Аршамошат близ Харберда, прибавляя: «По-видимому в древности в долине Евфрата властвовала княжеская династия Аршамидов..., в древнеармянской литературе Аршамуния является только географическим термином, рода Аршамидов тогда уже не существовало, и в V веке их владения находилась в руках княжеского дома Мандакуни» (см. у него, стр. 311).

Независимо от времени обоснования этих княжеских фамилий в Армении, мы их считаем хеттскими выселенцами, вместе осевшими в их исторически поздних местах, к северо-западу от Тарона. Их этническое происхождение от известного народца manda и менее известного šala для нас не подлежит сомнению. Варианты— Šalkuni и Slakh džneay нам дают возможность образовать первичное nomen gentilicum в форме *Salak*[1]. Армянское Slkuni (Səlkuni)

[1] Быть может, „армянин Salak" в сатирах Ювенала означает как раз наше фамильное имя рода Salkuni, хотя может быть и измененнем мужского имени *Ծուլակ* Цолак.

есть редуцированно-изменившаяся новая форма, т. е. фонетически не старая.

5. B A L A-(‖P A L A-)

Народ bala или pala стал известен из хеттских клинообразных надписей. Он имел особый язык, на котором специально произносились особые заклинания (напр., в честь серебра). Их область лежала к востоку от хеттов. Мы предлагаем в армянском географическом имени *Բալահովիտ* Balahovit «долина бал'ов» видеть один из последних доменов этих балов. Эта область приходилась по обоим берегам реки Мурад с центром в городе Балу или Палу. Наконец, рядом с ним при нынешнем селе Палин была область *Պաղնատուն* Paĺnatun «Полина-дом» (т. е. район Палина). У Георгия Кипрского этот Палин или Палан (ср. *Պաղանական տուն* Paĺanakan tun, что реже, чем Paĺnatun) называется κάστρον Παλίως «крепость Пали» без конечного «п» (см. у Адонца, стр. 47). Н. Адонц на этом основании совершенно правильно задавал вопрос: «При наличности Παλι-ώς, т. е. неназализированной формы *Պաղ-ին*, можно ли искать связи между ним и Балу? ср. Палуни *Պալ-ունիք*, „княжеский дом" (ibid.). Княжество Палуни занимало район дальше к востоку от названных мест (Палнатун и Балаовит). Оно приходилось между Тароном и Аштианеной, к югу от Аршамуни, там же ныне село Гуварс (=древнее Куарс) близ Боглана, по речке Менаскат (ibid., 18).

Халдские надписи Менуи в Балу и Пагине (т. е. Палине) и Сардура близ Мелиты (меж Кумурханом и Изоглу, где переправляются через Евфрат), ничего нам не говорят об этом народце Pala или Bala. Придется думать, что эти палийцы переселились на вышеназванные места после восьмого и седьмого века до нашей эры, в связи, вероятно, с давлением с запада киммеров и других. Но нам думается, что движение бал'ов на этом не остановилось и часть их, если не все, переселилась еще дальше, в современный Зангезур. Район современного Капана назывался раньше *Բաղ-ք* Bał-kh, отсюда *Բաղաց աշխարհ* Bałac aš̌xarh „страна бал'ов, *Բաղաց երկիր* Bałac erkir (id.), *բաղացիք* bał-açi-kh

„балийцы", Բաղաց տուն Bałaç tun „дом (=страна) бал'ов", Բաղաբերդ Bałaberd «Бал-крепость» (=совр. Кафан) и пр. и пр. Армянский историк Ст. Орбелян, упоминая об этих местах, само название «bal-» выводит из имени некоего Բաղակ Bałak (откуда также местности Բաղակի քար „камень Балака", Բաղակու ամրոց Bałaku amros „крепость Балака", см. у него, стр. 12, 13, 135). Слово bałak само производное слово от корня bal- с суффиксом -ak для этнической принадлежности личности, в роде Sisak, Mandak, Saţak, Armenak и пр. (см. у нас выше), т. е. baļak значит «бал'ец» (балиец)[1]. Н. Адонц этих «бал»-ов хотел связать с именем Բաղասական Bałasakan, как производное от горского племени բաղասճի-ք baļasči-kh, известного еще из армянского историка Фауста Византийского (см. у Адонца, стр. 423). Между прочим имя сюнийского района Աղահէճ-ք Aļaheč-kh (на реке Hagara) он также считал этническим словом, говоря «Աղահէճք, видимо, выходцы из народцы, остатки которого ныне называются լահիճ [lahič] в южных частях Дагестана» (стр. 424, прим. 1).

Но отрицая факт переселения многочисленных народцев или племен с Кавказа и кавказских гор в Армению, мы, тем не менее, не должны недосмотреть и другого направления, т. е. миграции разных племен и родов с юга (с семитического мира), с запада и востока. В этом аспекте мы предлагаем район той же Сюнии по имени Քաշ-ունի-ք Kḥaš-uni-kh рассмотреть так же как древнеэтническое наименование со значением «кашиты, кашские люди». Это этническое содержание позже было затемнено, не сознавалось, как не сознаются родовые (племенные) термины Rštunikh, Aršamunikh и пр. В историческом труде Ст. Орбеляна, кроме нашего Kḥašunikh (=поздняя область Barkušat) приводятся также местности Քաշաթաի գաւառ Kḥašathaī gawaṙ (где Kḥašathaī значит „квартал kḥaš'ов"), Քաշի մարգ Kḥašī marg (=нива Kḥaš'a); см. в его истории (Тифл., 1911), стр. 518, 75, 208, 512, 12. О каситах в другой

[1] См. нашу работу „К происхождению грузинс. национ. имени kharthveli (1939, стр. 11), а также Chetto-armeniaca, стр. 3, 115—116).

связи (в связи с Khaǰberuni) мы уже говорили в другом месте. Здесь мы хотели бы обратить внимание на имя села Խախտ-ք Xaxt-kh что пишется по другой редакции: Խաղթ-ք Xaɫth-kh. Это село входило в только что названный район Кашуник (см. у С. Орб., 519). Если оно не от арм. глагола խախտ-եմ xaxt-em «нарушаю, сотрясаю», и чтение Xaɫth-kh более точное, то здесь можно усмотреть и этническое имя древних халдов (урартцев); ср. также имя села в Басене, звучавшего Աշորնիք Ašorni-kh[1] в связи с имеем aššur «ассириец». Ср. также ниже-приводимое наше толкование имени Vayoç dzor.

6. V A J

Мы уже имели много случаев привести пример того, как одно и то же племя меняло свое место или, сохранив это место, выделяло ветви из своего племени, отходившие на новые, часто очень далекие местности. Укажем здесь, в связи с нашей темой о «ваях», на несколько таких новых примеров. У Каспийского моря жило иранское племя марды или амарды, откуда позднее видоизменение (с иранс. rd > l, в роде sardar > salar, vard > gul и пр.) Амол, арм. Ամղ Aml (по географии «Хоренского») из *Amarda[2]. Но марды упоминаются в IV веке до Р. Хр. и на реке Кентрите, т. е. восточном Тигре, ибо когда Ксенофонт переходил эту реку, на него напали армяне, марды и халды («Анабазис», IV, 3,4). Когда же в 68 г. по Р. Хр. римский полководец Корбулон отступил из под Арташата к Тарону, то ему пришлось пройти через землю мардов, что совпадает с армянской областью Мардастан или Мардоцек, т. е. страной мардов, расположенной к югу от горы Арарат. Н. Адонц склонен был это имя мардов видеть и в западно-армянском районе Мардалия (Մարդալի), предполагая, что они происходят из тех мардов, которые вместе с халдами набросились на Ксенофонта на реке

[1] См. у С. Орбеляна, стр. 415 (Тифл., 1911).

[2] Как есть марды и амарды, так и есть „Madai" и „Amadai", откуда Н. Адонц производит армянскую княжескую фамилию Аматуни. Это начальное новое „а", как говорит Гоммель, считается особенностью алародийского выговора (см. у Адонца, 419, прим. 3).

Кентрите. Вместе с халдами они передвинулись, видимо, на север и заняли местности, которые назывались соответственно Мардалией и Халдией [=Цаникой]. В армянской же области Мардастан появились марды, вероятно, позднее и со стороны Ирана (см. «Арм. в эпоху Юст.», 417).

Или, напр., племя «ути». Упоминаются они южнее Аракса, затем севернее, и река Аракс считалась границей между Отеной и Атропатеной (по Плинию, VI, 42: Atropatene ab Armeniae Otene regione discreta Araxe), а Птоломей уже располагает Отену на реке Куре, т. е. там, где расположена арм. Ուտիք Uti-kh (см. у Адонца, стр. 420).

Мы уже приводили вехи расселения племени балов— от хеттской области (на востоке Хеттии, точное расположение не известно) далее на восток, в армянской области Bała-hovit, затем на восток в кантоне Палуния, затем на север в Bał-kh (в Сюнии). Ср. также Բաղան-ռոտ Bałan rod или Ռոտ ի բաղս Rot i bała в области Пайтакаран, лежащей в современном Азербайджане. По Алишану река Булгаручай, впадающая с севера в Аракс, называлась также «Бала-руд» (по перс. rōd «река», и есть Бала-рот. Выходит, что часть балов из Сюнии переселилась еще дальше на восток, в пределы современного Азербайджана. Н. Адонц это «бал» хотел вывести из имени племени «балас» Բաղասիճ, Բաղասական գաւառ)..., жившего в Албании[1], в пределах городов Барзанд (=ныне Барзенд) и Вартанакерт (см. у него, стр. 220). Ср. также сказанное нами о происхождении сел Խաղտ-ք Xałt-kh и района Խաշունիք Khašunikh в Сюнии. По Адонцу Мугань-дашт значит «поле муг'ов» (ср. у греков μάγοι, арм. Մսխ-անք mux-ankh) и также этнического происхождения (стр. 425), а это племя muk'ов также обитало в других районах, напр., у Каспийского моря (ср. и Mok-s-ene=арм. Մոքս Mokhs).

Здесь мы предлагаем армянское имя района Vayoç dzor, расположенного также в Сюник'е, понять не как «ущелье воплей» (от арм. vay «увы»), а как этническое имя от не-

[1] По Страбону в Албании жили 26 народцев (см. у Адонца, стр. 408—409).

коего vai «вай», т. е. район Vay-oç (род. п. мн. ч.) dzor перевести через «ущелье вайев», т. е. ущелье народца или племени вайев. Этническое же vai- мы производим от древнего biai-, т. е. от имени народа, давшего свое имя и исторической Biaina, т. е. Урарту-Халдии. В урартских надписях их страна называется Biaina, а столица (современ. Ван) называлась Tušpa (=арм. Տոսպ Tosp, т. е. район Вана). Само имя страны Biaina «Биайна», как сейчас выясняется, представляет образование из корня bia(i)- и суффикса -ina, как от имени племени lulu «лулуби» имеем имя страны Luluina (в халдс. надписях), ср. также Nahar-ina, Palestina[1] и др. J. Friedrich также понимал Biaini (он так пишет) как «биайская страна» («Biaisches Land»)[2]. Если начальное bia(i) перешло в армянское va- (слова Van), то это же bia(i)- дало армянское vay- в имени области Vay-oç dzor. Племя «biai»- было, видимо, оборигенное до прихода халдов-урартцев в Ван.

Географический термин Vay-oç dzor «ущелье вай-ев» есть такое же этническое образование, как Հայոց ձոր Hay-oc dzor «ущелье hайев» (т. е. армян), что могло быть дано не армянами, быть может халдами, когда армяне первыми группами расселялись и арменизировали историческое Урарту-Халдию. «Ущелье армян» (Հայոց dzor) находилось к юго-востоку от Ванского озера, на верховьях реки Хошаб. По форме Vayoç dzor и Հայոց dzor чисто армянские, где Vayoç и Հայոց — родительные падежи множ. числа от единственного числа vay и hay, а дзор «ущелье» также армянское слово. Мы думаем, что тут имеется поздняя арменизация местных халдских и других наименований. По халдски вместо Հայոց dzor я бы теоретически сказал *Haiutar, как имеем халдское Širimu-tar «Ширимское ущелье», ставшее у армян Սերեմաձոր Seremadzor.

7. AYLI-||ALI-

Можно предположить существование племени ayli (ali), исходя из следующих данных. Во-первых, как мы уже

[1] От имен nahru „река" и племени „*филист* имляния" (= арм. փղշտացիք).

[2] Также траковал и A. Götze.

видели, имя села Ayl-a-ber-kh „айл-роды" может засвидетельствовать наличие племени „ayl". Затем, есть область в Албаке по имени * *Աչլի* Ayli, что позже стало называться Куриджан (*«Աչլի որ կոչի Կուրճան»* по Арм. геогр.). Это же место называется *Էլ* Ēl, *Էլի* Ēli, напр., в списке духовных лиц собора 607 г. значится Иоанник Элийский (*Յոհաննիկ Էղոյ*), что историк Ухтанес извратил в *Յոհան Կայղոյ* (вместо *Յոհաննկալ [Է]ղոյ*) или в *Յոհան Կայիլոյ* (вместо *Յոհաննկալ Ելոյ*)[1]. Эта область Ayli или Ēli («стянутая форма» от *Աչլի*, как говорит Адонц) находилась далеко на восток от Ванского озера, в «Персармении», в Албаке (ибо Куриджан был в Албаке). Быть может, область *Աղիովիտ* Aliovit «долина ali» или точнее «aĺi долина» не из армянского *աղի* aĺi «соленый», как думают другие исследователи, а есть скорее этническое образование от имени народца a(y)li или ēli. Тут же был «город» *Աղիորսք* Aliorskh[2]. Ср. также *Ὀλιβερία* у Страбона, как название района Тигранакерта, что, возможно, значило «оли-род».

Трудно, конечно, точно выявить, хотя бы в приблизительном количестве, то количество родов и племен, которые в той или иной степени, долго или на время, оседали в той или иной период истории родовой или послеродовой Армении и до-Армении. Даже в период классовой или, как неправильно говорит Н. Адонц, сословной дифференциации главной массы населения Армении продолжали притекать из разных окраин новые этнические струи в виде того или иного бродячего племени. Последние после переселения в Армению продолжали жить в своих родовых или племенных формациях, внося тем самым некоторую пестроту в социально-экономические отношения населения Армении и до-Армении.

---

[1] См. у Н. Адонца, стр. 334.

[2] Быть может orskh не от ors „охота", а особое слово (ср. *Որսքան*).

Многие географические термины, возможно, были этнического происхождения, но указаний для этого непосредственно нет. Такие имена, как Басен, *Апауни, Бзнуни, Ордуни, Рштуни, Варажнуни и пр., как имена крупных кантонов и областей Армении, возможно, родового происхождения. Историк М. Хоренский выводит Бзнуни от легендарного База, внука Хайка, хотя в халдских надписях упоминается (в VIII в. до Р. Хр. у Сардура) область Puzuni-(Buzuni-), откуда и арм. *Buzun-uni>Bzn-uni. Для эпонима «Баз» скорее подходит область Baž-uni или Buž-uni, которая находится в другом месте. Бзнуни — западное побережье Ванского озера, а Бажуни (или Бужуни) на юго-востоке от Ванского озера, близ Джуламерка. Область Апауни (арм. Ապահունիք) еще в халдский период не имела этнического содержания: в ней жили родоначальники Витеру, видимо родственные этиунским племенам, а само имя Apahuni, подобно Рштуни, Варажнуни, Сиуни и пр., непосредственно не таит в себе этнического словопроизводства. Имя князей Ордуни, владетелей Басена, возможно еще объяснить в связи с именем народца ortai-, жившего еще в VI веке (по Р. Хр.) в харбердской долине; ср. также халдское имя ururda (с детерминативом «род», «люди»). Имя района Խոյթ Хоуth в Сасуне мы можем сближать с именем народа kutî (guti), упоминаемого в ассирийских надписях южнее Наирских племен, т. е. в подлинной Ассирии (ср. также Джебель Джуди, имя горы к северу от Ниневии, где остановился ковчег). Нам думается также, что прав армянский историк М. Хоренский, когда от «hайкида» Хора образует [племенное>] княжеское имя Хорхоруни. Князья Хорхоруни, имевшие первенствующее значение в политической жизни феодальной Армении, а по родовитости чуть не первое место, являются, как нам думается, выходцами из известного древнейшего народа хурритов, жителей государства Хурри или Митанни (за полтора тысячелетия до Р. Хр.). Хурриты жили непосредственно к югу от области Исуа, куда входила и Софена в тесном смысле.

Если постараться хотя бы приблизительно наметить

те большие племена или народы, которые имели касательства к исторической Армении, к ее образованию в родовой и послеродовой период, когда уже сформировалось ядро хайо-армянского народа, то можно будет *на основании нашего схематического и краткого обзора* дать следующую картину этих этносов (до 35—40), почерпанных из клинописных и армянских материалов.

По долине Арацани с запада на восток, до Мушской равнины, жили — *хетты*, а возможно и *хурриты* ближе к Евфрату. Затем *анзиты* или точнее *анзы*, племенная генеология которых не известна. Быть может, они семитического (сирийского) происхождения. Далее имеем в харбердской долине, хотя бы в сравнительно поздний период, *ортай*цев, говорящих на особом языке, отличном от армянского и сирийского. Далее тут отмечается много наирских наименований родов и племен, поименованных в надписях Тиглар Пилесера I и др.— как *ginzibir* «род гинзи» (=Генч?), роды (племена) *Šini*, *Kuli*, *Daiae(ni)=Diau* и пр. Позже тут застаем и племя (народ) *bala* или *pala*. В Мушской равнине (Тароне) жили многие *«таврские роды»* (Taur-ibirani = арм. *Տարոնիներ*). *Урартцы* или *алароды (халды)*[1] также жили первоначально в этой местности, только к IX веку до Р. Хр. переселились полностью или частично на восток от Вана. От них, вероятно, тот остаток халдов, которые были к западу от Ванского озера, близ восточного Тигра, и напали на Ксенофонта вместе с мардами и арменами. Юго-восточнее Кентрита (т. е. этого Тигра) есть гора «Халди-даг» и курдское племя Халдан (по А. Хачатряну). Часть халдов, как сказано, переселилась позже в Цанику, т. е. прибрежье Черного моря от Трапезунда до устья Чороха, а возможно, что некоторые роды (дома) переселились и в Сюнию (ср. имя села „Xalt-kh").

К северу и востоку от Ванского озера мы можем проследить племя *ari* (ср. Ari-berani = ari роды), «племя *ali* или ayli (ср. Ali-ovit и область Ayli), древнейшее племя

---

[1] J. Friedrich оспаривает этническое наименование „халд", как „национальное" название урартцев.

или народ *bia(i)*- (в «Biaina» и «Vayoç dzor»), народец *andza*, resp. *andzav*- (?) (в именах Andzaxi и Andzaini, Andzavaçi), *hai*-ев, т. е. армян в «Hayoc dzor» «ущелье армян» (в халдскую пору?). К северу от Ванского озера по Арацанию жили *витерские* люди (в Apahuni), к востоку *марды* (иранс. племя), выше у Арарата и к Араксу до Нахичевани и восточнее этого района жили *мары*, т. е. мидийцы (ср. княжество Мароцан=Мурацан=Мароцек'). По Араксу же бродили когда-то *утийцы* и др. кочевые племена, переселившиеся в дальнейшем к северу, к Куре. В Айрарате жили *этиуны* в Багреванде?, в Вананде, в Котайке; затем *эриа* (=ариа, т. е. арийцы?), в районе Кумайри-Ленинакана, *игани* (этиунс. род) в районе Карса и северо-восточнее, *абилиани* (хи) и *ликийцы* в Шираке и Ашарунии. Позже, в похалдский период тут видим племя *шара* и тюркское племя *булкар* (в Вананде). В районе Армавира господствовала фамилия (род) царя *'Aza*, у Ташбуруна—род царя *Erkua*. При Севанском озере известны племена или роды *velik*- (=арм. Gelakuni), *argug*-, *adax*-, *vedur*-ских этиунов и др.

В области Сюния отмечаются племена *sodi* (в арм. Ծոփքացի «повдеации» и в Սոթք- Soth-kh), *vai*-ев (в Vayoç dzor), *khaš*-ов (в Բաշխնիք), *bal*-ов (в Բաղք Bal-kh и пр.), *lahič*-ов (в Աղահեճք), *sis*-ов (в Сисакан=Сиспан?), *sak*'ов (ср. «Зок») или *Šak*'ов (ср. Шакашена в Арцахе)[1]. От имени sak мы производим имя легендарного арм. царя Skayordi «потомок (собств. «сын») сака» и арм. skay (>hskay) «великан». Область Ման(ան)ացի Man(an)atsi свидетельствует о народе *mana*, образовавшем когда-то государство Minni

---

[1] Н. Адонц, на основании слов Страбона, говорит следующее о саках: „Рассказывают, что из среднеазиатских равнин саки надвинулись на соседнюю Бактрию и заняли область, называемую по их имени Сакастан, ныне Сеистан. Часть их направилась на запад и через Армению вышла к понтийским берегам. Остатки саков в Армении утвердились в наиболее плодородной области, известной с тех пор под именем Сакасены"; см. Армения в эпоху Юстиниана", стр. 421 и ср. слова Страбона (Str. XI, 8, 4, стр. 511—стр. 718): Σακαι... τὴν Βακτριανὴν κατέσχον καὶ τὴν Ἀρμενίαν κατακτήσαντες τὴν ἀρίστην γῆν ἣν καὶ ἐπώνυμον ἑαυτῶν κατέλιπον τὴν Σακασηνήν.

(Manna) у озера Урмии; область Մարդաստան Mardan и княжество Mardpetakan говорят об иранских *мард*-ах.

Вокруг армянских земель упоминаются — халибы, катаоны, моссинойки, мосхи, саспейры, иберы, (колхи), тайцы, гогары, кларджи, «забахи», (=джавахи), гардманы, албаны, гаргары, уитии, персы, мидийцы, кардухи, корчеи (=курды), сирийцы (напр., в области Тморик) и др.

Арменизация идет по долине Арацания, начавшись предварительно в «Малой Армении» (в «Haiasa»), затем обнимает Тарон и южнее (в сторону Диарбекира), где армяне сталкиваются с войсками Дария (конец VI в. до Р. Хр.). Позже, к четвертому веку (до Р. Хр.) арменизация обнимает уже районы за Ванским озером и по северным районам течения Арацания (Багреванд), по области Басен, а далее уже и на запад (Спер) и север (Айрарат) и т. д. Многочисленные доармянские (т. е. до VII в. до Р. Хр.) и поармянские племена и роды либо исчезли бесследно, либо же завещали свои имена родным географическим областям и местам, а также феодальным и княжеским родам. В углубление и уточнение нашего анализа родов и племен в доармянский период большое значение будут иметь новые клинообразные надписи (халдские), которые еще могут быть найдены[1]. Некоторое уточнение может дать и новое лучшее издание и проверка географических терминов в ассирийских надписях. В чтении этих географических имен сейчас многое меняется, уж не говоря о новооткрытиях, не нашедших себе места в арменоведческих исследованиях.

III

ТОПОНИМИКА ИЗ КУЛЬТОВЫХ ТЕРМИНОВ

Есть некоторое количество слов религиозно-культового содержания, которые стали географическими названиями. Эти термины отражают даже древнейшее языче-

[1] К несчастью, недавно найденная надпись в Чарбахе, будучи дефектной, не сохранила имени „страны" и фамилии владетеля этой местности.

ское состояние и кончаются христианскими новообразованиями. Несомненно, эта «культовая» топонимика может служить материалом и для истории Армении, в частности для степени внедренности и популярности того или иного бога или христианского святого.

Нам удается проследить такую культовую топонимику в зависимости от имен богов Ara, Xaldi, Tiri, а возможно Mihr и Anahita, что, конечно, характерно и для истории языческого верования у армян. Довольно много слов с иранским baga «бог» и христианским vankh „монастырь". Не прослеживаются, к несчастью, другие нарицательные термины (жертва, капище...), хотя, возможно, что они также входили в топонимические образования.

От имени бога весны и произрастания Ар(а), распространенного в Малой Азии, у восточных славян (Яр, Ярило) и греков (Арей, что был сперва богом весны, а потом войны), мы имеем следующую топонимику в Армении *Արագած* Aragac—название горы (=Алагяз), что первично, возможно, значило «Ары трон» (ср. сумерс. guza «трон»). Затем имеется название сел *Արահեզ* Arahez (в Тайке, см. у Л. Парпекого, стр. 110) и *Արահուց* Arahuc (Arahuts), напр. в Сюнии, в кантоне Аlahёč (см. у Ст. Орбеляна, стр. 516). Точное значение этих сложных слов нам не известно, ибо не знаем значения -hez или -huts. Есть еще и село *Արագեճ* Aragёč, упоминаемое в строительной надписи 1029 г. Вахрама Пахлавуни на церкви Мармашена (=ныне Канлиджа в 8 в. от Ленинакана). Подобно образованию горы Aragac имеем и *Մեհոգաց* Mehogac, как название села в районе Гелакуни (в Сюнии, см. у Орб, 513). Это имя Mehogac, возможно, образовалось из *Mehagac<*Mehragac со значением «gac (=трон?) Михра», а Mihr был иранским богом солнца. Для имени Aragёč мы можем указать на близкосозвучное нарицательное *արագոճ* (в Лори, Карабахе), что С. Аматуни переводит через «наяву» (*յարմար, արհնարքան մեջ, արքան ժամանակ*, см. его словарь, 685). Быть может, тут ara-goč, в связи

[1] Семасиологически ср. Тахт и Сулейман, Шахтахты и пр.; ср. также греч. Areopag „холм Арея", арм. *Արու Նահատակ*.

с тем, что бог Ага был также богом бодрствования, просыпания (от зимы, спячки), но тогда непонятна часть -goč. В слове Aragēč последняя часть -gēč созвучна с армянским գէճ gēč или գէչ gēl «мокрота». Не есть ли армянское արահետ arahet сложение из ara+het со значением «полевая (весенняя) дорожка»? Упоминаются еще географические имена Արաժին Aražin, Արազինդա Arazinda, которые могут и не иметь отношения к Ага. Имя наместника Вавилона армянина Arahi дословно значит «Араид, арайский», как имя его отца Haldita значит «халдянин, приверженец бога Халда".

От имени халдского главного бога Xaldi имеем географический термин, имя села Խաղտոյ ախճ Xałtoy ałič, что дословно значит „Халда-деревня", «Халда-местечко». Есть еще имя горы «Халдан-даг». Вряд ли в этом xald имеем этническое имя „Халд-урартец". Аналогичные образования с именем «бога» в первой части имеются и в других образованиях.

От имени иранского бога Tiri имеем имя села Տիրաճխ Tiraič, существовавшего в области Багреванд (см. у Иоанна Катол., Тифл., 1912, стр. 63). Дословно это слово значит «Тира-деревня», «Тира-пристанище», и не образовано от арм. tēr „господин", «господь». Быть может, село Տրէտուք Trētukh в Сотк'е (см. у С. Орб, 514) значит «Тировский дар» из T(i)reay- +tukh?

В Сюнии, а именно в районе Кашуник было село Անատայ ձոր Anatay dzor, что, возможно, восходит к Anahtay dzor, а следовательно значило «ущелье Анаиды». Это может говорить в пользу культа богини Анаиды в древней Сюнии. Но возможно искажение Anatay dzor из Anapatay dzor, от слова anapat «место отшельников» (вообще anapat=пустыня).

От имени иранского baga «бога» и bagin «капище, идол» имеем следующие географические имена: Բագաւան Bagawan или Բագուան Baguan, имя городка в Багреванде, известного своим монастырем в честь св. Иоанна Крестителя (св. Карапета). Это слово дословно значит «бога-село», «бога-место». Турки его также называли религиозным термином Учкилисе «три церкви». Есть и село Բագարան Baga-

ган (в Шираке), что значит «бога место». Также значило Բագաթիճ Bagaťič или Բագայ-աթիճ Bagay-aťič (в области Держан). Недалеко от багратидского Ани было село Բագնայր Bagnayr, что значит «пещера идола».

Быть может от имени 'aali (или ḫali)[1] «жертва», имеющегося, напр., в халдском (урартском) языке, образованы такие географические имена как Հալիձոր Hali dzor[2] «Hali-ущелье» как первоначальное «жертвы-ущелье»?. Пишется это имя и Հալէձոր Halē dzor (см. Vimak. tar., 150). Наконец, имя села Որջնհատ Orǰnhat в Чорохской долине не значило ли «коровы-жертва» (ср. мингр. oriǰi, арм. eri(n)ǰ, ărǰ-aťi)?. Было и простое имя села Հալէ Halē в кантоне Haband (в Сюнии, см. у Орбеляна, 255, 256, 517). Напомним, что М. Хоренский имя села Յաշտիշատ Jaštišat (в Тароне) объяснял как յաշտից տեղիք yaštiç tełikh «жертв-места».

В христианский период наиболее часто образует географические термины слово վանք vankh «монастырь», как напр., Զագավանք, Նորավանք, Ղօշավանք, Այրիվանք, Գնդևանք (ныне «Гндеваз»), Յոհաննու վանք, Սազմոսավանք, Կարմիր վանք, Մակարավանք, Մարտիվանք и т. п. Нет имен с եկեղեցի ekeleçi «церковь», зато очень много тюркских собственных имен с этим словом (по тюркски «килисэ»), как Учкилисэ, Беш-килисэ, Каракилисэ и пр. От слова Astuac «бог» имеем имя сел Astuacənkal (в Апаране), Astuacašēn (у Вана). Отдельно мало употребляется vankh, как собств. имя места; ср. имя двух сел Vankh, по реке Тортум. Грузинское Vani, как название сел, напр. на реке Супсе (Озургетс. район) и северо-восточнее (на речке, впадающей в Рион), есть тождественное с армянским vankh «монастырь» слово, но, видимо, в более древнем значении «местечко, деревня», если их считать заимствованными с др.-перс. āvahana 'Flecken' oder 'Dorf (см. у Hübschmann'a Arm. Gr., 112), с чем напрасно сближают арм. ան awan «село, городок», как заимствование с иранского. Но для

[1] Раньше транскрибировали ha-a-li „жертва", как у Сейса и др. Теперь же начальный слог передается с гортанным взрывным.

[2] См. у Ст. Орбеляна, етр. 542, 543, как имя села в Сиснане.

арм. awan с первичным значением «место, местечко» (из прежнего «страна») есть возможность и другого этимологического объяснения. Такие названия, как Bagawan, Idževan. Othevan и пр. говорят за первичность значения awan= =место, местечко (см. ниже).

ТОПОНИМИКА ИЗ СТРОИТЕЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ

IV

Имеются разные термины строительного и прочего характера, которые существуют или существовали в армянском, халдском и других языках в качестве нарицательных имен; в дальнейшем, в связи с известными социально-культурными переживаниями, а также как природные (натуральные) термины, они стали употребляться в особом и частном применении, став там и сям также географическими наименованиями. Вообще, конечно, собственные имена первично были нарицательного происхождения, став только в дальнейшем собственным именем лиц, местностей и пр., в качестве их «клички», для обозвания особо одного предмета от схожих с ними других предметов. Географические наименования из строительных и подобных терминов могут представить, конечно, и исторический интерес в связи с прежними культурно-производственными и строительными средствами древнеармянского и доармянского общества, resp. государства. Из таких наиболее ценных терминов отметим следующие:

AGARAK

Слово это известно у древних армян и грузин в качестве нарицательного *ագարակ* agarak «поле; владение; село» (по Ручн. Слов.), груз. agaraki, agara «поле, пахотная земля; луг; село; загородный дом, дача» (см. Груз.-русск. слов. Чубинова, 1887 г. стр. 4). Это слово—сумерийского происхождения и связано с известным социально-экономическим явлением (фактом) в развитии классово-

го, а именно рабовладельческого и феодального общества. Первично значение agar «земля». Но это сумерское слово для такого естественного предмета как «земля» приобрело при первых классовых обществах новое социально-обусловленное содержание, как особый экономическо-производственный институт. Под этим именем, как нам думается, разумелась „*определенная*" земельная, а именно пахотная территория, которая обрабатывалась *принудительным* трудом рабов или крепостных» и принадлежала, следовательно, рабовладельцу или помещику-феодалу. Это уже не просто «земля» (>страна)[1], а обработанная, культивированная земля и на базе массово-принудительного труда. С этим социальным содержанием, как совершенно новое культурное достижение, это agar переходило в дальнейшем из Месопотамии в те соседние и далекие страны, в которых постепенно развивались новые социальные отношения, а именно классовые (рабовладельческие, рабовладельческо-феодальные, феодальные) с массовой эксплуатацией и принудительным трудом. Эти страны от Месопотамии на восток были малоазийские страны, Греция, Рим, а в дальнейшем и европейские новые страны. Потому-то термин agar с таким социальным содержанием передался к этим странам и народам в виде «ager», «akra», нем. «Acker» и пр. Армяне и грузины брали, конечно, не непосредственно от сумеро-вавилонян, а через другие древние, классово-дифференцированные культурные страны (хурритов, халдов и др.). Суффикс -ak в обоих языках как бы говорит за эламское (или сирийское) посредство. Термин этот к грузинам перешел через Армению (via armeniaca), ибо сомнительно, чтобы грузинские племена на территории Армении и Малой Азии непосредственно смыкались с южным семитским или хурритским (эламским) миром.

Термины agar или agarak могли в дальнейшем стать особым мерилом земельной территории, подвергаемой об-

[1] Ср. семантически халдс. ʂiura ʂira „земля" >арм. erkir „страна" (но и „земля", напр. erkragorc „земледелец", erkir anbaɯ „необраб. земля").

работке, а в дальнейшем и без этого последнего назначения, как чистая единица измерения поверхности земли в роде гектара, десятины и пр. Такое значение приобрело слово ager у немцев и других (ср. «акга» или «Acker» как единицы меры). Семасиологически сравнить эволюцию от имени финского mu «земля» к китайскому mu «одна шестнадцатая гектара».

Нарицательное имя рабовладельческой и феодальной Армении и Грузии стало во многих их районах также собственным именем. В Армении можно встретить до двух десятков сел или деревень с именем Агарак (у турок и татар стало Эгерек). В Грузии также имеются села с этим именем. Ср., напр., Agara у Сурамского перевала, получившееся, конечно, из Agaraki с потерей-ki (подобно как при арм. danak «нож» имеем груз. dana).

AŠTARAK

Это собственное имя нескольких сел в Армении получилось из нарицательного *աշտարակ* aštarak «башня», что употребительно и сейчас. Известен Aštarak в районе Арагацотна на реке *Քասաղ* Khasał (с базиликой V в. и церковкой «Кармравор» VII в.), затем Aštarak(kh) в области Багревand и Aštarak в Сюнии, в кантоне Ковсакан гавар (см. у Ст. Орбеляна, Тифл., 1911, стр. 520).

Генетически армянское aštarak «башня» вместе с армяно-грузинским agarak нами увязывается с южным семитическим миром. Оба слова, несомненно, прошли через одну и ту же лингвистическую среду, где получилось наращение первичных aštar и agar суффиксом -ак, что, по-моему, не есть непосредственно армянское (или грузинское) -ак, как, напр., в словах hasak „возраст, рост», tesak «вид» и пр. Возможно, что арм. aštarak «башня» свое это значение получило от основы *Aštar*-(ath), сиро-финикийской формы имени богини Иштар. В Финикии в честь Астарты ставились большие обелиски (довольно грубой работы), которые и могли называться по имени своей богини; ср. у греков камни (тумбы) по имени «герм» от имени бога Гер-

меса. Быть может, и грузинское šteri «остолоп, болван, зевака» первично значило «статуя, окаменелый». Вместе с этим мы возбуждаем вопрос и о семитическом происхождении греч. στήλη, немец. Stele «стела» (=колонна из камня), подобно как ученые производят от имени Иштар имя «звезды»—лат. stella, греч. ἀστήρ, арм. astł, санскр. star-, готс. stairno = немец. Stern и пр.

ANGŁ

Это имя в армянском пишется Անգղ Angł с родит. падежом Անգեղ Angeł. От этого же имени происходит район Անգեղտուն Angeł-tun, т. е. «дом-Ангел», что классики называют Angelena, Ingelena (Ἰγγλήνη). Как говорит Н. Адонц, „[армянским] Аршакидам необходимо было приобрести опорный пункт на юге, в том районе, который играл столь большую роль в римо-персидских столкновениях; они утвердились в крепости Ангел, чем и было положено основание для образования особого кантона Ангелены, по имени «Крепость». Под нее отошла часть Софанены вокруг замка Ангела, омываемая речками Зибана и Аргана. Развалины знаменитого замка Ангела лежат при местечке Агиль, удержавшем древнее название. Сирийцы произносили Egīl или Agēl; напр. у Исуса Столпника говорится, что персидский царь «Кавад опустошил Agēl, Sūph [= арм. Ծոփ-ք Tsoph-kh] и Armenia, см. у Н. Адонца, Армения в эпоху Юстиниана, стр. 41—42.

В районе Ծաղկէոտն Tsałkēotn или Ծաղկոտն Tsałkotn, находившемся за Араратом, при горе Ала-даг, где сейчас городок Диадин, известен был в древности замок Անգղ Angł, местоположение которого тут в точности не известно (по Адонцу «ближе к Ала-дагу», т. е. южнее Диадина). У Прокопия (Pers. II$_{25}$) этот замок пишется Ἀγγίων. Историк Себеос говорит: *ի Ծաղկոտանն, ի գիւղն՝ որ կոչի Անգղն* (стр. 74), а у Парпского читаем (стр. 60): *ի գաւառն որ կոչի Ծաղկոտն, մերձ ի բերդն ամուր զոր Անգղն անուանեն* (см. у Адонца, стр. 306).

Упоминается между прочим Անգղ Angł и в районе города Вана. Есть в Сюнии и село Անգեղակոթ Angełakoth,

Таким образом, в разных местах Армении упоминается Angł, как название сел и замков.

Нарицательное значение имени Angl в исторический период армянской топонимической практики, естественно, не сознавалось[1]. Быть может, оно в древнейшее время и бытовало у жителей Армении и армян. Для нас нет сомнения, что Ang(e)l было нарицательное имя со значением «крепость, замок», что как будто в затемненном виде и оставалось в объяснениях *«ամուր բերդ»* (сильная крепость) и т. п. Первоначально это слово звучало без «n» т. е. agel или egil, как у сирийцев. В аккадских текстах из Богазкея, представляющих политические трактаты, заключенные между хеттскими и митаннийскими царями, мы читаем имена разных богов обоих стран, а также bēlāt ekali что значит «владыки крепости» (resp. крепостей), после чего идет «гор, рек (Тигра и Евфрата), неба и земли, ветров, облак[2]. Аккадское слово ekal, что, возможно, звучало ekhal в значении «замок, крепость», и есть наше egil ‖ agel. В конечном счете все эти аккадо-сирийские ekal или egil (agel) идут от сумерского egal, что первоначально значило «палата» (E. GAL буквально значить «дом-большой»). Так как царские палаты строились и для самоза-

---

[1] У историка Ст. Орбеляна попадается одно место, где как будто еще сознавалось значение слова angł „крепость". Когда часть армянского войска после поражения Вардана Мамиконяна хотела спастись в область *Վայոց ձոր*, а отсюда и в область *Արձախ*, то персидское войско под начальством Аташхуда настигло их в первой области между реками *Եղեգիք* и *Մոզան* и вырезало их. Другая часть армян убежала, но персы преследовали и этих и, настигши их у подножья *крепостной скалы* при узком ущелье, вырезали, коих главой был некий Мартирэ, от этого и место назвалось *Անգեղձոր* Angełdzor (см. Орб., стр. 69, Тифл., 1911: *«Եւ ինքեանք պղտիցան դէտ այլոցն, և հասեալ կիսոք յատորտ Բերդաքարի միոյ ի նեղ ձորակի ոմն՝ կոտորեցին, որոց գլխաւորին անուն Մարտիրէ. որ և տեղին կոչեցաւ Անգեղձոր»*. Последнее имя буквально значит „крепости ущелье" и было дано позже, т. е. в пятом веке, после восстания В. Мамиконяна. Это есть как бы новая передача нарицательного *«Բեբրքաքար մի»*, т. е. одной крепостной скалы, как выражается сам Орбелян (подчеркнуто нами).

[2] См. А. Хачатрян, История Армении в клинописный период. Эривань, 1931, стр. 482—483.

щиты, т. е. как замки, то, естественно, было изменение значения из первичного «палата» в новое «замок, крепость». В халдских (урартских) надписях сумерская идеограмма É. GAL уже значила только «замок, крепость», как правильно впервые указал хеттолог и халдовед Иоанн Фридрих.

Первоначальная сумерская форма egal, сохранившаяся с огласовкой «е» и в ассиро-вавилонском ekal и у сирийцев (egil), через семитов была передана жителям исторической Армении. И вот в этой разнородной этнико-лингвистической среде egil дало новую форму agil, с огласовкой „а", как имеем арм. Եկեղեաց Ekełeaç и греческое Akilisenē, Enzite ‖ Anzite, Eriza ‖ Ariza, Ermina ‖ Armina и пр. и пр.

Армянская форма angł «крепость» была воспринята, видимо, и грузинами, если в имени Manglisi видеть первоначальное m(a)-angl-isi, т. е. корень angl со значением «крепость, замок». Это заимствование, несомненно, относится к седой древности, во всяком случае ко времени до нашей эры. Быть может, упоминаемое в Тайке имя местности Ոքողէ Okhołē приурочиваемое к современному Тортуму (на границе арм. Šalagom)[1] и упоминаемое у Лазаря Парпского Ոքաղ Okhał (имя села) есть иверская огласовка более древнего akhal в значении «крепость»?

BERD

Часто имеем географические имена сел и деревень с этим berd «крепость», как, напр., на северном побережье Ванского озера Բերդաղ Berdał (с суф. -ał), к северу от города Ольти имеется Բերդիկ Berdik (с уменьш. суф. -ik), недалеко от Пенека, затем имеем Բերդակ Berdak на реке Мурад-чай (близ города Харберда), также к западу от Асанкала (у Эрзерумских болот) и к югу от Вана, а в надписи 1210 г. на монастыре Агпата (Հաղբատ), написанной от имени Šahanšah'a (сына Захаре), читаем, что «бог дал в руки двух родных Захария и Иванэ наш собственный замок

[1] См. у Лео, Арм. история, стр. 189.

Berth» (см. К. Костанян, Vim. tar., стр. 50). Мы уж не говорим о тех многочисленных сложных географических именах, которые образуются с этим «берд» (=крепость), в роде *Կողբերդ, Անբերդ, Բողբերդ, Քաբերդ, Բաղաբերդ* и пр.

Армянское слово berd считают заимствованием с ассирийского birt-u («крепость»). Но мы уже в своем месте показали, что это слово, в несколько ином виде, бытовало и у доармянского населения исторической Армении, в частности по нижнему течению Арацания (Мурада) было Kul-bitarni, что значит «Кол-крепость» (=арм. *Կողբերդ*), и на севере Армении, вероятно, в районе Басена или Вананда был город Uzina-bitarni, что значит «Озна-крепость». Слово bitarni (конечное ni, как особый клинописный знак, здесь фонетически=n) может быть производным от простого bitar, что лежит в основе многих доармянских и малоазиатских имен городов и крепостей, как Pitar (близ Диарбекира), Petra близ Батума (=Батум?); ср. Πατάρα, Πάτρα в Ликии, Ликаонии, Исаврии-Киликии и др., а Petra упоминается не только в Лазике, но и в Аравии в византийскую эпоху[1]. Мы уже не говорим о городе Puteria, соответствующем, вероятно, современному Балу и упоминаемом халдским царем Менуа. Возможность родства этих Pitar, Pteria, Puteria, Petra, Patara и пр. с урартским нарицательным словом patar «город» (напр. Tušpa-patar «город Тосп»=Ван) была взыскана еще Леманн-Хауптом. Мы предложили рассмотреть patar как производное от √ pat- «окружать» и следовательно patar понять как «окружение, изгородь» наподобие «град, город» и «городить, изгородь», немец. Garten «сад» и пр., тем более что в хеттском есть глагол pit- ‖ pat- со значением «скручивать», а в армянском корень pat-(‖ phath-) «охватить, обводить». Первоначально могли быть формы *pitar* и *patar* «изгородь, защищенное стенами место». Из них развились все эти Petra, Pteria и пр. Доармянское bitar через *betr(a)>*bert(a) могло стать и армянским berd

[1] См. нашу работу „Общие элементы между урартским и хеттским языками", 1936, стр. 49.

и ассирийским birt (<*bitr<*bitar). Вопрос о заимствовании армянского berd с ассирийского birtu нужно пересмотреть в свете приведенных нами исторических материалов. Скорее вопрос может быть обратного порядка—заимствование ассирийцами своего birt из какого-то «алародийского» языка. Метатеза из «tr» в «rt» (*betr> bert = berd) скорее специфически армянское фонетическое явление, ставшее как бы навыком национальной произносительной базы (ср. *քիրան* <*swidr-os, *արտաւտ-(ը)* из *trasu=греч. θαχύς, лат. lacru-ma и пр). А постройка городов с городскими стенами или окружение холмов и гор несколькими рядами каменных стен скорее подстать горным местам, чем равнинной Ассирии. Ассирийские цари часто упоминают о наирских городах, обнесенных несколькими рядами стен, как и о их недоступности на горах.

К востоку от города Эрзикан (Эрзинджан) на дороге в Мамахатун на карте отмечается село *Բթախիճ* Pthaĥič, что образовалось скорее от Ptar+ič, чем от Bəth+aĥič. Слово Ptar-ič могло иметь уменьшительное значение «крепостца», а суф. -ič (=арм. *-իճ*) нам известен из хеттского языка (-iz, напр. karaīz «песок», armizzi «алмаз»?) и армянского языка (kav «глина»—kavič «мел», lu «блоха»—luič «блоха на растениях», bu «совя»—buič (id.) и пр.). У подножья горы Алагяз (*Արագած*) с юга сейчас есть село Патриндж, что получилось из Patr-ič и значит «крепостца»[1]. Как видим, на территории исторической Армении в древнейшее время были в употреблении две фонетические разновидности от pitar‖patar, а именно= *bitar(n)*, откуда армянское berd, и patr- или ptar-, откуда Patrič и Ptarič. В араратской области скорее была patr- чем -ptar, что зависело, конечно, от ударения. Если ударение было на первом слоге, то pitar или patar легко могли стать pitr>birt (‖ berd) и ptar (откуда Patrič). Ударение на первом слоге слова и сейчас свойственно некоторым селам араратского армянского наречия (например в Аштараке, где слабое ударение на

[1] Мне говорят, что вокруг этого села и сейчас есть старые городские стены.

первом слоге). Если же ударение ставилось на втором слоге, то от pitar или patar легко могло получиться сокращение ptar (‖ pter), как Pteria. Греческое ptolis «город» из *p(o)tor-(is), видимо, также малоазийского происхождения, как хочет понять это Леманн-Хаупт; от этого ptol-is получается позднегреческое polis «город». Что в Араратской области в древнейшее время было patr (а не ptar), как дает слово Patrinj, так это мы можем видеть и на примере имени села Եղիպատրուշ Ełipatruš или Եղապատրուշ Ełapatruš, имени одного из сел древнего Нига (=соврем. Апаран). Это Египатруш приурочивается к современному селу Тамджрлу. Имя Ełipatruš мы принимаем как сложное из eli-patruš, понимая первое слово как вероятное «верхний» (?), а второе, т. е. patruš, как производное от patr «крепость», т. е. как «крепостца» (подобно Patrič). Первое слово eli- «верхний» мы видим и в другом доармянском слове—имени села Եղիւարդ Eli-ward, что возможно значило «верхняя вода», «верхний ручей» (от ward‖werd «вода» =хеттс. watar‖widar «вода», арм. urd «ручей»[1]; для ward‖werd ср. также Լաստիվերդ Lastiverd (родина писателя Ар. Ластивердци), Շաղուերդ Šałwerd—имя речки меж Ошаканом и Воскевазом («Кзл-Тамур»), что быть может значило «большой ручей» (ср. хеттс. šala «многий» и арм. Շաղագոմ Šałagom, շաղակրատել, շաղաշրթն...); ср. также Թաղավարդ Thałavard (недалеко от Шуши) «нижняя вода»(?) и проч.

ERIZA‖ARIZA

Первая разновидность имеется в именах города Երէզ Erēz, в древнем наименовании позднегс Երզնկայ Erznkay (=нын. Эрзинджан, на Евфрате), а также в имени села Երէզ Erēz, находившегося в кантоне Аршамуния (см. Н. Адонц, Арм. в эпоху Юст., 18). Ст. Орбелян упоминает и село Երէզ Erēz в кантоне Сотк (см. его «История дома

[1] Это Եղիւարդ (Եղիվարդ) находится недалеко от Аштарака (в 8—10 верстах). Есть Եղիվարդ и в Сюнии, где оно звучит также Ղուկասի. Вероятно, это имя было и в других районах Армении.

Сисакан», стр. 514), но и Երիգիայք или Երիգիայք (ibid., стр. 513), как села кантона Гелакуни. Вторая разновидность имеется в частых названиях сел Առիճ Arič или с носовым „n" — Առինջ Arinǰ. Есть и Հառիճայ Harič'ay (= фонетическ. Hariča) с начальной аспирацией и конечным «а». Видимо это имя *ariza, как нарицательное слово, было и за пределами Армении, если в хеттском Litarariz или Aladale-ariz[1] видеть сложение из существующего в хеттском слове (a)laddar «зерно, хлеб» и ariz «село, деревня» (в роде «Зерноград»)[2]. Как вторая часть подобного сложения это arič часто применяется особенно у армян — Մաղասարիճ, Մկնարիճ, Արջոյ արիճ, Կիթառիճ, Բագ(այ)արիճ, Տիրարիճ и пр. и пр. Этимологически это армяно-хеттское ariza мы связываем с мегрельским oreni (из orej<*areǰi), что Н. Кипшидзе переводил через «приют, место существования" (см. его «Грам. мегр. яз., стр. 301) и производил, вероятно, от корня ar- «существовать» (ср. груз. v-ar «есмь»). Есть и утийское aiz «село», что, возможно, взято из малоазийских языков (из ariz). Н. Адонц впервые дал перевод армянского արիճ arič в смысле «деревня» (см. у него, стр. 80: Եղէգ արիճ Eleg arič «тростниковая деревня»), что не было известно ни Ачаряну, который не внес этого толкования в свой «Корневой словарь», ни Я. Манандяну, приписавшему перевод arič «деревня» впервые Ачаряну.

AWAN

Нарицательное имя աւան awan в значении «село, городок» считается заимствованным с персидского (есть только древнеперсидс. āvahana «село, пригород»). Как собственное имя оно известно нам в имени села Աւան Awan на южном склоне Арагаца (у Коша), а также с уменьшительным -ik существует деревня Աւնիկ Awnik (из Awanik)

---

[1] Эти географические имена упоминаются классическими писателями (греч. и римс.) в местностях, которые раньше входили в историческую Хеттию.

[2] Ср. также образование Βαγαιόβαρσα — одной из 75 крепостей, построенных Митридатом Понтийским (см. у Страбона, XII, 3, 28—29).

к югу от Кеприкей в Басене (близ села Թաւոնց Thawonç). Это awan входит во многие сложные имена, как Նախճաւան, Շիրակաւան, Կաղզուան, (< Կաղզաւան), Երեւան (<*Երեւաւան) и пр., а также в нарицательные — խշեւան, օթեւան и т. п. По этим образцам сейчас продолжаем составлять— Степанаван (бывш. Джалалоглы), Арташаван (бывш. Иланчалан в Апаране) и пр.

Это awan (avan) «село, городок» мы считаем природным доармянским, точнее халдским словом, а не персидским. Оно получилось из халдского ebani «страна» с таким фонетическим переходом халдс. «b» в арм. «v» («w»), как Biaina=Վան Van, как окончание 3 лица прошедшего времени непереходных глаголов *-abi (-abe)*, напр., uštabi, (uštabe) «он пошел походом», nunabi «он пришел» и пр. и его армянское соответствие -աւ -aw (մնաւ, հիմնադրաւ и пр.), как халд. Zabax-=арм. Ջաւախ- Džawax- и пр., хотя есть и bitar(n)=Բերդ, Abuni или Apuni=Ապահունի и др. Помеха для такого генетического увязывания арм. awan «село» с халдским ebani «страна, район» заключается только в разных их содержаниях. В армянском имеется сужение значения, подобно как Biaina, имя государства («страны») стало у армян именем города Ван. Обыкновенно в древности страна или район (округ) определялись именем их центра (села, города) — KUR URU Xattuša «страна города Хаттуша» (=Хеттия). Этот переход «страна (район)>село» (resp. город) связан с определенным древним миропониманием. В армянском теоретически от халдского ebani могли бы получиться *ewan || awan, подобно как eriza || ariza, Erasx || Araks, ełbayr || ałbayr «брат» и пр. Что халдское ebani=арм. awan имеет действительное историческое оправдание, бытовало на местной доармянской и армянской социально-политической почве в связи с определенным мировоззрением, а также приобрело широкое распространение, так это мы можем доказать на примере соседней с Арменией грузинской «практики» этого древнего социально-политического термина. У грузин есть слово უბანი ubani «улица, квартал» (по Чуб, 1236), хотя приобретает и значение «околоток, село», напр. в сложных

Kaxthubani, Vardisubant, Hurlathubani и пр. Но было и «abani», т. е. с огласовкой «а», как в армянском, как, напр., в имени села Gardabani, что буквально должно было значить «гард(ское) село», а по-армянски звучало бы *Գարդաւան *Gardawan. Но лучше всех это халдское ebani «страна» сохранилось у мегрельцев, где abani значит «место», т. е. по значению не очень отдалилось от значения „страна, район". Армянское awan «село, городок» ближе по огласовке к мегрельскому abani, чем к картскому (грузинскому) ubani. Напомним, что это ubani по огласовке ближе как будто к хурритскому umini «страна» (напр. Xurruxe umini «хуррийская страна»). Мы можем даже поставить вопрос образования ubani, umini, халдс. ebani и пр. от семитического аккадского umman «люди», ибо первично возможно было вместо места назвать населяющих. Заимствованность арм. awan (avan) из персидского, тем более, что есть *только* др.-перс. āvahana, исторически не обоснована. Приводимые нами доводы в пользу местного (халдского) происхождения этого арм. слова вкупе с грузинскими ubani и abani в их реальном историческом, точнее социально-политическом бытовании и распространении, должны по-моему заставить вообще бросить переоценивать иранское влияние. Сам Hübschmann в своей книге Armenische Grammatik говорит, что от персидского āvahana в армянском мы ожидали бы avahan («Man sollte im Pehlevi āvahan und danach im Arm. avahan erwarten, da h=urspr. s im Persischen zwischen Vocalen nicht schwindet", см. Arm. Gr., стр. 112).

KARBI

Это—географическое имя некоторых сел или местечек в Армении и отчасти Грузии. Так, напр., есть имя села Карби *Կարբի* в области *Արագածոտն* Aragacotn, недалеко от нынешнего Аштарака (в четырех верстах к северу). Но это слово, видимо, в древности, по крайней мере до средних веков, имело какое-то нарицательное значение, сознаваемое армянским населением. Так, в перечне сел и мес-

течек у сюнийского историка Ст. Орбеляна упоминаются— *Ուռեակարբն* Uŕakarbn в кантоне Сотк', *Շիկակարբն* Šikakarbn в кантоне Гелакуни, *Կարբն* Karbn (близ монастыря Ванаван в Гелакуни)[1], на берегу Севанского озера, затем есть два Karbn в области Haband— *Կարբինք վերին* Karbinkh verin и *Կարբինք ներքին* Karbinkh nerkhin (см. у Ст. Орб., стр. 514, 517, 182). В Грузии также есть Karbi к северу от города Гори. Но что значило это karbi? Быть может, оно значило «земля, грунт». Особенно следует отметить Šikakarbn „серая karbn" (=земля?) от арм. *շէկ* šēk «багряный» (*«կարմրի և դեղնի միջ դուրը»* по Ручн. сл.). Есть в кантоне *Բաղք* Baŕkh и селение Šikahoł, что как будто переименование нашего Šikakarbn (где karbn=hoł «земля»); ср. также имя села *Շաւառնահող* Šawarnahoł «камышевая земля» (от *«շաւառն»*, *«շաւառն հղէգ»* см. Ручн. сл. стр. 633). Кроме Uŕakarbn «ивовая земля» (=земля с ивами), есть еще *Ուռիաց տափ* Uŕeaç taph „площадь (ровность) с ивами» (Орб., 174 в обл. Гелакуни), но и *Ուռոյ քար* Uŕoy khar в районе Vayoç dzor (Орб. 235).

Слово Karbi или Karbn (с род. пад. Karbin) с возможным нарицательным содержанием «земля, почва, грунт» встречается и в урартском языке. Напр. в Макинской надписи Русы I (строка 4—5) читаем: karbi salzi manu ui giei ištini šidauri «землю навалив (?) стеной тут я обвел». Говорится о постройке городка «Руса-град». В I и III надписях Аргишти I на ванской скале при описании захвата городов Uriani и Tairtsubi (I Col., строки 25—26) прибавляется: garini karbi agununi-manu gunuša xaubi «окружную (?) землю, укрепленную, силой я взял». То же повторяется при захвате Mana, Buštu и пр. (см. Col. III, строки 60—63). В надписи Менуи из церкви св. Петра и Павла в Ване (на соединительной арке двух церквей) читаем: «войска я собрал, они захватили Шада'аловские страны—город Шуришили, город Тархигама(ни), город... -турани, Шада'аловские-под-

[1] См. у К. Костаняна, стр. 152 и у Ст. Орбеляна, стр. 182 (*«Եւ ետու հինգ գնդաց սահման՝ կոթաքարն, Ազարոյ վանայ, Շաւառնահողն, Գետամէջն, կիանոցն, Գետավանաց ծովն, 260 գրամ ի կոթաքարէն, 330 ի Բրանենացն, 660 ի Ազարոյ վանացն ծովէ, 990 ի կարբին և ի նաւերէնն»*).

чиненные, [город?)... liei ABNU ḳar-bi-e KUR Xatinaštani aptini (см. у Санд. № 7=Сейс XXXII, строки 4-7). Последнюю часть можно будет переводить — [го́рода]... ili (род. пад.) камень (и) землю, стране Хеттии принадлежащие (подчиненные)», т. е. они (войска) взяли также го́рода... ili камень-землю, принадлежащие Хеттии. До сих пор думали, что идеограмма «ABNU» (=камень) является детерминативом для следующего ḳarbie, что потому-то и переводили «камень». Мы предлагаем идеограмму «ABNU» понять именно как таковую, т. е., как самостоятельное слово «камень» рядом с последующим ḳarbie со значением «земля».

Между прочим во всех перечисленных вышеприведенных надписях Аргиштия I и его сына Русы I нет нигде детерминатива «камень» перед словом ḳarbi. Наконец, в сходных конструкциях других надписей часто читается „ḳiurani ḳuldini manu ni giei ištini šidauri, что приблизительно может значить—землю навалив стеной здесь я обнес. Значение слова ḳiura «земля» твердо установлено, ибо ḳiura заменяется в других случаях и идеограммой KI (=земля).

Выражение же «(я захватил) *камень (и) землю*" тако-

---

[1] Выражение ni giei ištini šidauri употребляется и в других комбинациях. Напр. в двух надписях царя Менуи из церкви села Шушаниц (близ Вана) читаем: [Menuaše Išpuinixiniše... E. GAL badusie šidišituni URU šidišituni ui giei ištini šidauri = Менуа, сын Ишпуина, эту крепость прочную (?) построил, город построил (со) стеной его обнес. В одной из этих двух надписей в начале, в числе объектов построения значится также Ê. ṭulurini, после чего идет Ê. GAL badusie и пр., а в конце царь повторяет: Менуа сын Ишпуина šidišituni e'a Ê. GAL e'a URU (=построил и крепость и город). Этот „город-крепость" есть, несомненно, современное село Шушаниц. Надпись вырезана вокруг одной разбитой колонны (см. у Сейса под № IX), и вокруг одного круглого камня, находящегося во дворе церкви села Шушаниц (у Сейса, № XII, у Сандаладжяна, № 11, 12). Ср. также надпись Ишпуина из церкви села Каладжик (в $^1/_2$ километрах от Вана): Ишпуин, сын Сардура, святилище (burganani) построил. Халдовым промыслом (чрез Х. промысел = опеку) Сардур Ê ini šidišituni inuki badusini [ui] giei šida[uri] = дом этот построил, этот прочный, стеной обнеся (см. у Сейса, № III, у Сандаладжяна, № 55—33*).

то-го города является, как нам думается, древним особым идиомом (словесным выражением») для обыкновенного нашего понятия „пространство", а конкретно и «область, окружное пространство». Ср. такой остаток старого выражения (и миропонимания) в аштаракском «քար ու հողը» (khar u hoγə), что значит дословно «камень и земля», но фактически есть единственная форма передачи для понятия земельной пространственности (Ես քարուհողը չեմ ուզում «не хочу его владения», լիրկրի քար ու հողը („пространство земли»)[1]; ср. аналогичное выражение հողով ջրով կորավ (напр. в Ахалкалакском говоре) «бесследно он погиб», т. е. не оставил после себя потомства, но дословно значит «(вместе со своей) землей—водой он погиб», где «земля и вода» есть синоним собственности или владения, т. е. земной связи человека (где понимается метафорически и поколение человека).

ARNIS

На берегу северо-восточного выступа Ванского озера, между городками Аканц и Беркри, есть маленькое село Арнис (Արնիս). Такого же названия село имеется и в районе верхнего течения реки Аракс, рядом с селом Зогни, недалеко от большого села Чавурма (Չաւուրմա), в современном турецком районе Текма (Թեքմա). Есть село Արնիս (Арнис) и в верховьях реки Բդի в Турции, в древнем районе Խորձեանք Xordzeankh (судя по карте А. Абегяна).

Если это имя Arnis не есть форма с винит. падежом множ. числа, как имеем, скажем, в Гутемнис, Варденис, Карс, Агулис, Толорс и пр. и пр., то здесь мы можем видеть слово халдского происхождения со значением «постройка, строение». В халдском есть arniušini, а в форме вин. падежа множ. числа arniušinili. Фонетически основа произносится arnius(in)-, как Tušpa=арм. Տուշպ, как халдс. šani «котел»=арм. սան san (id.) и пр. Кроме того, в халд-

[1] Странно, что такое выражение не нашло себе места в диалектических словарях Ачаряна и Аматуни.

ском, как видимо позднее явление, наблюдается изменение звукокомплекса «iu» (iw) в новое «i», напр. ḳiura „земля", но и ḳira, arniusinili, но и arnišinili (см. также J. Friedrich, Einfuhrung ins Urartäische, Leipzig, 1933, стр. 4, где он переводит ḳiura через „Erdboden", а arniusinili через „Taten").

Халдское arni(u)šini употребляется в двух типах надписей—военных и строительных. В военных надписях цари после описания походов, как завершение, прибавляют inanili arniušinili šusini šāie (=šaie) zadubi =эти предприятия (по Фридриху «Feldentaten») в один год я совершил». Но в строительных надписях, обыкновенно после насаждения виноградников, рощ и пр., прибавляется— arniušinili ištini duuli, что мы переводим через «постройки здесь я сделал» (так написано в Кешишгельской надписи Русы, строки 18—20). То же самое читаем и в «Сардарабадской» надписи Аргишти I, когда после построения Аргиштихинили (=Армавир) и обведения его стеной, он говорит, что (строки 8—10) «из реки ручьи(?) šanue[1]) я провел, виноградник и деревья я посадил, zadubi arnišinili ištini (=сделал постройки здесь). Что тут имеется специальный термин „постройка, строение», а не «дела» или «предприятия» как переводит И. Фридрих, так на это указывает аналогичная конструкция в Мхер-капусинской надписи, где (27—28 строки) читаем: Испуин, сын Сардура (и) Менуа, сын Испуина (GIŠ) uldie šuxe teruni, [d]Xalte luueše, (GIŠ) tsaari šuxe teruni ui giei ištini šidauri =виноградник-сад посадили, в честь luueše (=?) Халда, деревьев-сад посадили, стеной тут (его) обведши".

Корнем слова arniušini—будет arni(u)-; ср. iniriaše „мужество» от iniria- ušmaše «слава» от ušma (ср. семитич. корень šm «слыть, слышать»). ulguše «здоровье» от корня ulgu=ар. olǰ «здоровый», alsuiše «величие» от alsui- «великий» (ср. обыкновенное [1]Menuani LUGAL alsuini- «Менуа царь великий» и пр.)[1], pitsuše «радость» и пр. Есть от-

[1] Ср. полную титулатуру, напр., Сардура—„Сардур, сын Аргиштия, царь могучий [DAN.NU = халдс. tarale], царь великий (alsuini), царь

дельное халдское слово arni «высокий, высота» (?), напр. «быка и двух овец ^{d}Xaldini arniie (=халдовой высокости)[1], быка и двух овец ^{d}Xaldini ušmašiie (=халдовой славе)» и пр.— см. Мхер-капусинскую надпись Ишпуина и Менуа (строка 17); есть и сложное ^{d}Xaldini arni ušmaše «халдовой высокой славе» (дат. пад. в зависимости от «жертвовать»). Есть и бог Arni (в дат. пад. «быка и двух овец ^{d}Arniie), а позже у армян гора Арнос (=нын. Арнос-даг, к югу от Ванского озера), что дословно должно значить «высокая». Трудно только объяснить семасический переход от понятия «высокий» (arni(u)-) к понятию «сооружение, строение» (arni(u)šini-li в строительных надписях), а отсюда и к понятию «предприятие» (arniušinili в военных надписях).

Армянские географические имена сел Արնիս Arnis, несомненно, немые свидетельства халдской культуры и языка.

* * *

Вообще говоря, трудно учесть остаток древнейших нарицательных имен, будь это культурные, технические или религиозные (культовые) термины или же имена природы («гора», «река», «поле» и т. п.). Урартский лексикон нам, конечно, очень помогает в «палеонтологическом» анализе происхождения многих географических названий на территории исторической Армении, но, с другой стороны, тут издревле было и много других политических объединений, культурных влияний (хеттских, хурритских, семитических и пр.) и языков, отличных от халдо-урартского культурно-лингвистического материала.

В халдском, напр., были такие строительные и культовые термины, как ṭuluri «замок, крепость», 'ari «форт, башня», burgana «святилище» yarani «храм» (?), urbuatsi «место для возлияния» (?), susi «ворота», xubi «поле»[1] и

страны Шура (Сирия?), царь страны Биайна, царь царей, владетель (aiuusie) Тушпы-града", см. эту надпись (на скале у села Арнис, близ Арчеша), строки 9—11, у Сейса (LI, Col., III или у Сандалджяна (№ 49).

[1] Наш перевод.

пр. Из них, быть может, сюнийское имя села Տոզոր Tolor или Տոլոր, Tolor, а возможно и Տեղեր Teler (на южном склоне Арагаца), если последнее не из арм. տեղ tel «место», могут восходить к урартскому tuluri, что могло читаться и tolor

Если взять географическую номенклатуру армянского происхождения, то тут имеются большие возможности для анализа этих имен. Здесь можно взять отдельно нарицательные армянские слова, которые почти без изменения переходят в собственные географические названия сел, городов, ущелий и пр., а с другой стороны, важно просмотреть ту географическую словотворческую практику, которая установилась в древней, отчасти и современной Армении. Вторую часть мы рассмотрим в конце отдельно. Относительно же перехода нарицательных имен в географические названия, помимо уже приведенных до сих пор (см. Agarak, Aštarak, Berd, Avan и пр.) мы отметим еще следующие.

Ձոր *Dzor*, как имя сел (в ущельях), имеется в нескольких местах: к югу от Игдыря (произносится Zor курдами) с развалиной древней базиличной церкви, на реке Чорох (выше Ишхана), наконец в Сюнии была область Ձորք գաւառ (см. Орбелян, 12, 521). Это слово—нарицательное армянское ձոր dzor «ущелье». Этимологически арм. dzor и tsortsor (id.) мы можем связать с халдским tar(a) «ущелье», к чему близко созвучно и тюркское dara.

Դաշտ *Dašt* имя села у города Балу (на Мураде), южнее последнего, и Դաշտակ Daštak в Дерсиме. Упоминаются как топонимика—Ագուլեաց Դաշտ Aguleaç Dašt, Գոլթնեաց Դաշտ Golthneaç Dašt. Тут имеется такое же ограничение нарицательного դաշտ dašt «поле» (заимствовано с иранского), как имелось в древности—Kuṭurlini xubi, Niribai xubi, Tuaratsiniel xubi.

Աղբերիս (գիւղ) *Alberis* (giwł) упоминается как село

---

[1] Это слово входит, как уже сказано, в такие древние географические имена, как имя страны Xubuškia, имя хеттского города Xubišna, халдс. Tuaratsiniel xubi, Kuṭurlini xubi, Niribai xubi и пр.

в одной надписи на монастыре Нораванка (Сюния). Нам думается, что и село Haxveris около Игдыра также армянского происхождения и первоначально звучало *Աղբերիս* Ałberis, а позже ложно этимологизировано тюрками в hax «возмездие» и veris (от √ ver- «дать»). Слово это конечно армянское нарицательное *աղբեւր* ałbewr «источник, ключ», с производным новообразованием на суффикс *-ի(ք)*-i(kh), т. е. Ałberikh, откуда вин. пад. Ałberis. По С. Орбеляну, кроме *Աղբերիս գիւղ*, было и *ագարակն Աղբերիս* «пашня Агберис» (см. у него, стр. 357).

Դոզս Dołs—имя села близ Вагаршапата. Происходит от армянского глагола *դողալ* doł-al «дрожать». Название это, видимо, сейсмического происхождения с первичным значением «тряска» (есть и *դող* doł «дрожание; дрожь при малярии»). Dołs есть вин. пад. мн. ч. от Doł-kh.

Երեր(ն) Erer(n) или *Երերոն Ererōn* (в области Vayoç dzor), *Երերունք* Ererunkh (ibid.), *Երերուք* Ererukh (в области Гелакуни) и *Երերուք* Ererukh (в Шираке)[1]. Эти села упоминаются С. Орбеляном (стр. 404, 411, 512, 514), за исключением Ширакского Ererukh'a, где имеется, между прочим, древняя армянская базилика (ныне село «Кизил-Куле»). Корень всех этих образований — армянский глагол *երերիմ* erer-im «шатаюсь, колеблюсь». Эти географические имена сел, как видим, землетрясительного порядка, подобно приведенному Dołs. Было и село *Աւերք* Awer-kh (собств. «разрушенное») в Сюнии (с. Орбелян, 519), также *Աւերակի* Aweraki (село «развалин»)—ibid. (С. Орбелян, 523).

Գոմ-ք Gom-kh, название двух сел в Сюнии — в области Vayoç dzor и в области Гелакуни (см. у Орбеляна, 513, 514), что дословно значит «хлевы». Есть и *Գոմեր* Gom-er (где -er для множ. ч.) с тем же значением в области *Ծղուկ* Tsłuk (С. Орбелян, 510), а также сложное Gomadzor „хлевное ущелье", как имя села (ib., 174).

---

[1] Н. Марр неправильно восстанавливал от род. падежа *երերուաց* Ererуaç имен. пад. Ereroykh. Если бы имен. пад. был так, т. е. Ereroykh, то род. пад. был бы Ereroyiç (ср. *խնջոյք—խնջոյից, պէսոյք—պէսոյից, գահոյք—գահոյից* и пр.), а от правильного *արտասուք* имеем род. пад. *արտասուաց, ծորուք—ծորուաց* и т. п.; следовательно и *երերուք—երերուաց*.

Եղեգ-ք *Ełēg-kh*—городок *(գիւղաքաղաք)* в районе Vayoc dzor (ibid., 68, 69, 179 и пр.) со сложными Եղեգեաց ձոր Ełegeaç dzor (ibid., 139, 258, 259) и Եղեգնաձոր Ełegnadzor (ibid., 512). Ср. также Եղէգաւրճ Ełēgaṙič, имя села, неправильно передаваемое итинерарием Tabula peutingeriana через Elegarsina (см. Н. Адонц, Арм. в эпоху Юст., 79—80). Все эти географические имена происходят от армянского եղէգն elēgn «камыш».

Խնձոր *Xndzor*—село на реке Бингёл-су, недалеко от ее впадения в Мурад-чай (судя по карте А. Абегяна). Ср. Խնձորեսկ Xndzoresk и Խնձորուտ Xndzorut—имена сел в Сюнии (Орб. 516, 513). К северо-западу от гор. Эрзинджан также было село Խնձորեկ Xndzorek. В основе всех их лежит арм. խնձոր xndzor «яблоко» (взято с сирийского xazzura).

Կոր *Koth*—городок в области Гелакуни, в Сюнии (Орб., 177, 180, 513). Есть еще села—Կոթաքար Kothakhar (ibid., 182), Մառակոթ Maṙakoth (ibid. 520), Բռնակոթ Bṙnakoth в Сюнии, в районе Տղուկ (Орб. 510), что пишется и Բռնակութ Bṙnakuth. Есть в Сюнии и село Անկեղակոթ Ankełakoth (ibid., 511, 528). По дороге из Кульп в Кагзван лежит село Պառնակուտ Paṙnakuth (по карте), есть и Մախուրկուտ Maxurkut в долине реки Чорох (в районе Хотрджур). Нам не понятно происхождение основного имени Koth, которое, конечно, нарицательного значения и, видимо, «кавказского» происхождения с возможными значениями «камень, скала» и т. п. (ср. груз. kedi «камень» или ср. быть может хетте. kutti «сторона, район, окружие»)[1]. Кроме того, в Казахе есть село Kothi geγ *(Կոթի գեղ)*, а при городе Мамахатуне (на Евфрате) в древности было село Կոթէր Kothēr (=соврем. Kotur), что имеет суф. множ. ч. (?)[2] на -էր -ēr (так пишется у Арист. Ластивердского), если, конечно, это

[1] См. Hrozny, Die Srp. d. Het., стр. 34—35 (Kutti „Seite, Umgebung"=аккадс. Šaḫâtu.

[2] Имеются, конечно, и древние географические имена с частицей -er или -ear для множ. числа, как Gomer („хлевы" против Камаха (=древн. Ani) на Евфрате, Տեղեր Tełer—село на Арагаце (есть Տեղ Teł или Տեղի Tełi в Сюнии), Տափեար Taphear „низины" (от Taph) и пр.

er не получилось из арм. աւր ayr «пещера» (ср. Քոբաւրի, Կումայրի...). Не нужно смешивать с именем Կոտոր Kotor или Կոտորք Kotorkh (ի բերդն Կոտորոց ի ձորն Անձախոյ — у Фомы Арцруни, стр. 271, хотя пишет он и գամուրն Կոտոր ի ձոր Ընձալից, стр. 233), что мы родним с древним именем поля вокруг Звартноца (у Вагаршапата) — с халдским Kotor-li-ni xubi «Которское поле» (где Kotorli множ. ч. ?); ср. также грузинское Kodori, Kodžori. В ассировавилонском было слово kudurru «камень на границах земель» (=межевой камень) с надписью о границах и с формулой проклятия, что быть может и лежит в основе этих kotor и др.

Բլուր *Blur* — название нескольких сел, напр., в Басене (недалеко от Асанкала, древнего Валаршакерт или Болберд), в Араратской долине близ Игдыря, затем в Сюнии в обл. Ճահուկ (см. у Орб. 522) и пр. Получилось от армянского нарицательного имени բլուր blur «холм». Семасиологически ср. квартал Еревана «Конд» от арм. կոնդ kond „холм".

Վժան *Vžan* — село у подножья Арагаца (=нын. Уджан), Վժանիս Vžanis и Վժնաբերդ Vžnaberd (в Сюнии, см. у Орб., 315, 516), Վիժան Vižan — село к югу от Мамахатуна или, как говорит Адонц „Вижанá"... лежал в середине между Феодосиополем и Ерзингяном и ничто иное, как армянск. Вижан, существующее поныне селение на берегу Евфрата, там, где Екелесена граничит с Маналией» (см. у него, стр. 144). Корень всех образований — несомненно арм. глагол vižel «исторгаться» (говорится о воде), что видим и в именах сел Ջրվէժ, Ջրվշտիկ.

Конечно, в древности больше бывало собственных имен разных мест, сел, городов и пр., которые повторялись во многих районах Армении и большей частью еще не потеряли своей связи с обыкновенными нарицательными словами и значениями. Позже этого не сознавалось. Напр., у халдов был свящ. город Ardini (=Мусасар у ассириян), но есть и город Ardini в обл. Etiuni и гора Արտին у Талина (по Ананию Шир.); упоминаются несколько Ակոռի Akori; два села Ովալք (в Котайке и в Сюнии); два села

Որկովի Orkovi; *Դուին* Duin («Dvin») на Араксе и *Դաւնիկ* Dəwn-ik у Евфрата (=село недалеко от Котурского моста на Евфрате, между Мамахатуном и Эрзингяном); несколько *Կոդր* Koib; два *Նախճաւան* (на Араксе и Шираке) и *Նախջաւանիկ* (в Сюнии, 513) и пр. Для Duin ср. урартск.—ţuaini в сложных именах «стран»—Ereituaini, Šaanaţuaini, а также ср. хеттское Tuana[1]. Для Koib — ср. имя страны Ku'alb-ani (в надписи Сардура II), упоминаемой близ Севанского озера, с таким звукопереходом древнего ua>o, как древнее Kuaš>позднее Koš.

Есть контакты или совпадения географических терминов, встречающихся в Армении и в Грузии. О некоторых мы уже говорили (Karbi, Kodori. M-angi-isi, Agara(ki) и пр.). Здесь прибавим еще, что сисианское *Գորու* Göru (у Орб. 517) =ныи. Goris, вероятно одного происхождения с груз. Gori (ср. груз. gora «холм»); сюнийское *Թմոկ* Thmok (имя села, см. Орб., 513, ср. и *Թմկաբերդ* у поэта Ов. Туманяна в поэме «*Թմկաբերդի առումը*») созвучно с груз. Thmogvi (откуда С. Тмогвели); селения Kerčanis (*Կիրճանիս*) на юго-востоке от Ванского озера (между Башкале и Шивелан), на западе от Евфрата (в Малой Армении) между Эрзингяном и Шапин-Карансаром, есть и в Грузии (Крцаниси у Тбилиси); село Tekor (*Տեկոր*) в Шираке и село Digor в Грузии (на реке Поцхов, к югу от Ахалцих) и т. п. Ср. также арм. село Narek (откуда был Григор Нарекаци) и хеттский священный город Nerik.

IV

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ НОВООБРАЗОВАНИЯ

В этом последнем отделе мы будем рассматривать ту топонимику, которая служила образцом для новообразований. Сюда входят, следовательно, все сложные образова-

---

[1] Н. Адонц имя Двин генетически увязывал с именем Dabana, городом в Малой Армении, с нарицательным значением „деревня", что имеется в груз. daba (id.) из основы daban- (ср. daba—род. пад. dabn-is-a); см. у него, стр. 222.

ния и особенно производные имена, т. е. те, которые образуются от разных корней или слов с прибавлением разных суффиксов. Тут мы должны, естественно, брать все производные (и сложные) образования, независимо от того, продолжали ли они в своей морфологической-словообразовательной практике существовать и сознаваться или перестали быть такими. Специально можно отметить и иранское влияние в известной географической номенклатуре, в связи с -apat, -kert и -šat. Для лучшего разбора и ориентировки мы эти суффиксы и формативные слова помещаем отдельно. Начнем сперва с персидского вклада в армянскую практику этой географической номенклатуры.

1) -APAT

Это формативное слово—иранского происхождения с первичным значением «водное место», а отсюда и «населенное место» в противоположность an-apat «пустыня» (собств. «не населенное место»). Из армянских географических имен с этим -apat отметим — *Վաղարշապատ* Vałarsapat, *Աստապատ* Astapat (у Нахчевана). *Ներսեհապատ* Nersehapat (в области Артаз), *Վոսկանապատ* Voskanapat и пр. Вообще говоря, этот -apat был не очень продуктивным и сложных с ним географических имен немного.

2) -KERT

Это формативное слово также иранского происхождения с первоначальным значением «дело, стройка» (от перс. karta «сделанное», где корень kar- «делать»). Собственных имен с этим -kert весьма большое количество и эта географическая практика (с -kert) распространилась отчасти и на Грузию. Отметим, напр., Tigranocerta=арм. *Տիգրանակերտ* Tigranakert, Karkatiokerta — столица софенских армянских царей, Vałaršakert (=нынешнее Hasan-kala в Басене), *Ծոլակերտ* Thsolakert=*Ձողկերտ* Dzołkert (у Арарата, из Thsolak-a-kert), *Փառաժնակերտ* Phaŕažnakert (село в Ниге =Апаране, из Pharažn «Славнородный» +kert), *Հադամակերտ* Hadamakert (=нын. Албак, столица Арцруниев), *Մարակերտ* Marakert (у Арарата: от mar «мидиец» +к.), *Վաղակերտ* Va-

345—11

sakert (вместо Vasakakert), Vardanakert, Ervandakert и пр. и пр. И сейчас, судя по карте, много сел с этим -kert, напр. Սոսկերտ Soskert (к сев.-зап. от Ленинакана), Հոդկերտ Hoǯkert (в Тайке), Ալաշկերտ Alaškert (из *Vałaršakert), груз. Okhrobakert (в долине р. Имерхеви, из груз. okroba<окро «золото»), Մեսազկերտ из Մանազկերտ Manazkert (к северу от Вана), Փանասկերտ Phanaskert (на верховьях р. Ольти, в области Тайк)[1], и пр. и пр. И сейчас мы продолжаем это словотворческое географическое направление, ср. новое Stephanakert в Карабаге (вместо старого Minkhend). История Ст. Орбеляна, которая является бесценным свидетельством географической живой номенклатуры и практики у древних армян, дает следующие имена для Сюнии— Վասակակերտ Vasakakert (в обл. Ծղուկ), Դաստակերտ (из нариц. дастакерт «рукой-построенное»=владение или село, выстроенное каким-л. князем-феодалом), Արկադուկերտ Arkadukert (в обл. Վայոց ձոր)[2], Մատրակերտ Matrakert (в обл. Ագահէջք), Վասակակերտ Vasakakert (ibid.), Զարեր(ի)տա(ս)կերտ Zarerita(s)kert (в обл. Բաղք), Երուանդակերտ Eruandakert (в обл. եմիւս Բաղք=Ճաշունիք), Դնակերտ Dṙnakert (в обл. Գուգաստան գաւառ), Ընջղակերտ Ənǰłakert (в обл. ձահուկ), Վասակակերտ Vasakakert (ibid.). При таком обилии образований с -kert Орбелян почти не дает имен сел с -apat, если не считать Սափչանապատ Saphčanapat (в обл. Սոթք), что, видимо, из Saphč+anapat («пустыня»); пишется и Սափիանապատ (Saphianapat), что быть может=«пустыня Софии»? Но на востоке, в Иране и окружных магометанских странах это kert нигде сейчас не практикуется в словообразовании, да и в древности оно было в слабой степени, а образования с -apat (=ныне -abad), наоборот, очень

---

[1] Несомненно, Phanas-(kert) образовалось из Pharnavaz-kert как Manazkert образовалось из Manavaz-kert, от личных имен Pharnavaz и Manavaz.

[2] Упоминаемое в Гелакуни село Սկերտ Skert мы считаем вкладом Месопотамии (вавилонской культуры) и приравниваем по образованию к Zgerd (на Тигре), Zigarata (хеттов) и пр. из аккад. zigarat „башня".

распространены, ср. Ašxabad, Sardarabad..., а ныне и Kirovabad и пр.

3) -Š A T

Это — иранское слово со значением «радость, довольство» (=новоперс. šād «веселый, радостный», пехлев. šāt, др.-перс. šiyāti =авест. šāiti «покой, довольство, радость, счастье»). Встречается в определенном количестве географических имен (городов), образовавшихся от имен царей или князей, как Artašat из *Artaš-a-šat (=Artaksata, основанная в 180 г. до н. э.). Ervandašat, Vardanašat (у истор. Елисея) Šamšat (=Σαμοσατα) ср. Arsamosata у классиков;— см. Hübschm., Arm. Gr., стр. 211. Мы прибавим и частое Զարեհշատ из Zarehašat[1], т. е. город («радость») Зареха. Встречающиеся в Сюнии Barkušat и Xoranašat образованы от арм. շատ šat «много». Географическая практика с иранским šat замерла еще в древности.

4) -Š E N

Слово šēn (շէն) есть обыкновенное армянское имя для значения «построение, стройка», но и «деревня», откуда šinakan «крестьянин». Считается иранским словом— ср. авестийское šayana „помещение, жилище» (от глагола ši- «жить», откуда šiti «жилище». anašita «нежилой, пустой» и пр. — см Hübschmann, Arm. Gr., стр. 213—214). Эта заимствованность арм. շէն šēn, образованного от глагола շինել šin-el «строить», не может быть принятой как по разному содержанию (иранс. šayana «жилье» от ši «жить», а арм. šēn- «строить» — «деревня»), так и фонетически. Если так сближать, то пожалуй можно связать и с русским (слав.) «сени».

Как собственное имя места арм. šēn мало известно, есть с суф. -ik (Šinik), а большей частью входит вторым элементом в сложные топонимики—Vardašēn, Norašēn, Va-

---

[1] Есть и Զարեհշատ Zarišat в Сюнии, в обл. Սոթք Sothkh (см. у Орб., стр. 513).

hanašēn (у Баберда), Marmašēn (из *Marmarašēn=ныи. Канлиджа) Աղբնայ շէն (Орб. 216) и пр. и пр. Ср. в Грузии Axalšeni, Xodašeni (в Кахетии) и др. У С. Орбеляна приводятся — Արմաւաշէն (в обл. Ճահուկ), Ամառաշէն (в области Երնջակ), Տատենգիւշէն или Տաթենգիւշէն (в обл. Բագք), Նորաշինիկ (ibid. и в обл. Ճահուկ), Նափակաշէն (в обл. Հարանդ), Արտաշէն (ibid.), Վերին շէն (в обл. Ագահէջ), Վատակաշէն (в обл. Մոթք), Շինիք (ibid.), Բարձր շէն (в обл. Վայոց ձոր). Эта «географическая практика» со словом -շէն -šēn, как второй единицей географических собственных имен, и сейчас может иметь место, т. е. быть продуктивной и сейчас (ср. Sovetašen, Davithašēn и т. п.)

5)—A W A N

О слове awan «село, городок», ставшем и географическим именем (Avan, Av(a)nik...) и входящим во многие образования (Կարճաւան, Քոռնաւան, Շիրակաւան, Նախճաւան, Երևան и пр.), у нас уже было сказано (см. стр. 89—91). Слово это мы считаем не персидским заимствованием, а местным — халдо-хурритским, вошедшим и в грузинский язык (ср. Gardabani, Huriathubani, Kaxthubani и пр., также нарицательные—картвельское ubani и мегрельское abani).

6)—A R̂ I Č

См. выше о слове eriza‖ariza (стр. 88—89). Нам думается, что слово ariza (=eriza) «село, местечко» могло иметь вместо конечного -iš также uč. Эти суффиксы очень часты в армянском и хеттском языках (в хеттском особенно -uzzi). Вид aruč сохранило имя села Առուճ Aruč.

7)—B E R D

См. выше (стр. 85—88) слово berd «крепость», входящее во многие собственные имена (Բերդն Berd-n у Орб., 509, Բերդքն գիւղ ibid. 174, затем Berdik, Berdak..., и сложные с -berd: Բակաբարերդ, Անբերդ, Բագրեւրդ и пр.). Слово berd мы считаем не ассирийским birt-u, а связываем с доар-

мянским bitar(n) ‖ pitar, что есть разновидность халдского patar «город» из первичного «загороженное, обнесенное стенами (место)», от корня pit ‖ pat- «обводить, охватить». К приведенным примерам на Petra нужно прибавить и современное «Petra-kala» близ современного Tiriboli (между Керасуном и Трабизоном, на берегу Черного моря).

8)—K O T H

См. выше (стр. 143). Прибавить *ձակվթ* или *ճապկթ* (в обл. *Բաղք—Բաշունիք*, 519) и *կութն* Kuthn (село в обл. Сотк, см. у Орбеляна, стр. 514), что, возможно, из Koth с определ. членом «n».

9)—O V I T (—HOVIT)

Как самостоятельное слово это ovit (hovit) употребляется только в нарицательном применении и в сложениях, в частности и в географических сложных образованиях: *Կաղանովիտ, Արճիշակովիտ, Արգաւտովիտ, Բալահովիտ, Կոգովիտ, Աղիովիտ* и пр. (см. это слово).

10)—P H O R

Известно много географических названий в сложении с этим phor «ущелье» (в армянском *փոր* phor «живот»), напр. в Тайке имеем *Բերդաչփոր* Berdaçphor (=нын. Пенек, Таускеар), *Պարթիզաչփոր* Partizaçphor (=нын. Ольти, Партус), *Ազորդաչփոր* Azordaçphor (нын. Нариман и части Тортума). *Ասեաչփոր* Aseaçphor (нын. Пархар), а в области Гугарк имеются— *Ձորափոր* Dzoraphor, *Ծոբոփոր* Tsobophor и *Կոթբափոր* Kothbaphor—места которых не определены (в «Сомхетии»?). Имя Koth—(в Kothbophor и отдельно) говорит о распространенности в древности этого имени из какого-то нарицательного имени.

11)—D Z O R

Об этом имени уже было сказано; см. стр. 96—97. Как видим, на западных и северо-западных границах исторической Армении в значении «ущелье» употреблялось

преимущественно «phor[1], что сохранилось только в сложениях (см. выше), а в других районах в той же роли видим чаще армянское dzor, сохранившее это значение («ущелье) и сейчас. Географических образований с этим -dzor очень много. Так, у Орбеляна упоминаются в Сюнии следующие имена с этим dzor — *Վայոց ձոր, Քորք գաւառ, Վարդանաձոր* (в обл. *Արևիք*, 521), *Ոզաձոր* (в обл. *Կոխտան*, 510), *Տանկաձոր* (в районе *Բաշենիք*, 519), *Անատաձոր* (ibid.), *Հիւնեաց ձոր* (в обл. *Բաղք* 518), *Արձանաձոր* (ibid.), *Արկանիձոր* (ibid.), *Բահիդաձոր* (в районе *Հաբանդ*, 517), *Քաղաձոր* (ibid.), *Ինդաձոր* (в районе *Աղահէջ*, 516), *Քաղացաձոր* (в районе *Սոսք*), *Բերդաձոր* (ibid.), *Աղբևրաձոր* (ibid.), *Ունջիձոր*, что пишется и *Ունջիձոր* (ibid.), *Գոզձոր* или *Գոզաձոր* (в районе Гелакуни, стр. 513), *Ոխնաց ձոր* (ibid.), *Կամրջոյ ձոր* (в обл. *Վայոց ձոր*), *Ագարակի ձոր* (ibid.), *Ընկնձաձոր* (ibid.), *Ուղիձոր* (ibid.), *Սաղատի ձոր* (в районе *Այլախ*), *Սապատաձոր* (в обл. *Ծղուկ*), *Մշկաձոր* (ibid.), *Մեծաձոր* (ibid.). Как видим, образования с -dzor весьма многочисленны, подобно географическим сложным образованиям со второй частью — berd «крепость».

12)—В А К

Столь же часто практикуются новообразования на *-բակ* -bak, что как нарицательное слово значит «округ, район» (теперь же bak значит «двор»). Как собственное имя местности известно оно только в форме множ. числа на -ear, а именно *Բակևար* Bakear в области *Ծաւշառա*. Обыкновенно это bak — вторая часть новообразований, как *Թևջրաբակ* TheJrabak (село в Котайке). Особенно ср. у Орбеляна=*Տկոլաբակ* или *Դգոլաբակ* (в обл. *Սոսք*), *Ոնթիակաբակ* (ib.), *Որսաոնաբակ* (ib.). *Դաշտաբակ* (ib.), *Վաշէի բակ* (ib.), *Գնատաբակ* (ibid., ср. *Գնատաբակ* в обл. Арцах), *Ատրմևդնատաբակ* (ib.), *Դպրաբակ* (ib.), *Մահակաբակք* (ib.), *Գնդամաբակ* (ib.), *Բակափոր* (ib.), *Վարդանաբակք* (ibid., есть и в с. Аштараке, у

[1] Хотя ср. в Сюнии, а именно в области *Ոզք* имя села *Բակափոր* Bakaphor (см. у Орб., 514), *Ամեռափոր* Ameŕnaphor (ibid.), *Կոռոշափոր* Koŕosophor (в обл. *Այլախ*, стр. 511).

Арагаца, сады, пространство которых носит старинное имя *Վարդանաբակեր)*, *Համամաբակք*, *Նորաբակք*, *Արևիսաբակ* или *Արաւիսաբակ* (ib). Как видим, все эти имена сел обретаются только в области (районе) *Սոթք*, т. е. в районе к югу и юго-востоку от озера Севан. В надписях 12—13 веков упоминаются еще *Մոխրաբակ*, *Ոսկեբակ*, *Հաւաբակ* (см. К. Костанян, Vim. taregir).

13)—S A R

От этого нарицательного *սար* sar «гора» имеем сложные географические имена — *Գանձասար*, *Զիսասար* (Орб., 516), *Սեւասար* (ib., 86), *Մանկասար*. Как видим, сложных имен с этим sar немного.

14)—K H A R

Нарицательное *քար* khar «камень» не фигурирует в качестве собственного имени сел, но в сложениях встречается довольно часто: *Սեւ քար* (в Шамшадине), *Փարաքար* (между Ереваном и Вагаршапатом), *Ամբրաւաքար* (Орб. 331), *Գևաքար* (Орб., 337), *Ցախացքար* и *Քարկոփ* (в обл. *Վայոց ձոր* (Орб. 339—340), *Կոց քար* (ibid., 336), *Կոթաքար* (ib., 182), *Մրկաքար* и *Բոլորաքար* (в обл. *Հաբանդ*, 516. 294), *Սառնաքար* (в обл. *Ծղուկ*? Орб. 206), *Որբոքոլքար* (в обл. *Աղահէջք*, Орб., 516). Упоминаются еще *Որձաքար* в одной надписи 1345 года в селе *Հերհեր* (в Сюнии, см. К. Кост., Vimakan taregir, стр. 168) и село (?) *Քարհատ* в надписи 1231 г. на монастыре Оромос (ibid., стр. 74). Может быть имеем имя с этим «*քար*» в применении каких-либо участков или пунктов того или иного села, напр. *Ծակուտ քար* (Орб., 491), *Գոլոշիին քար* (ib., 261), а не целого села.

Ограниченное (участковое) значение дают и taph «низина» (площадка), напр. *Ոռնակաչ տափ* (в надписи 1061 г. в Санаине), *Կամրջատափ* и *Շեղջատափ* (в надписях 13 в. см. у Костан., Vim. tar., за 1241 и 1242 г.), хотя *Տանձատափ* (село в области Сисиан, см. у Орб., 543), *Դարատափ* (в обл. Ковсакан, Орб., 215) и *Տափեար* (в обл. *Բաղք* и в обл. *Արևիք*, см. у Орб., 518, 521) имеют значения деревень.

15)—T H A Ի(K H)

От этого нарицательного *թաղ* thał «квартал» Орбелян приводит следующие имена деревень: *Քաշաթաղք* (в обл. *Աղահէջ*, стр. 516), *Ինձի թաղք* (в обл. *Գնդաքանի*, 513), *Գևեննաթաղք* (в обл. *Հարանդ*, 517), *Շաթխթաղք* (ibid.), *Մաւրաթաղք* и *Հաւսաթաղք* (в обл. *Սոթք*, стр. 514). Тут вначале было ограниченное местоположение; дается и более обширное применение этого thał в смысле района вместе с *գաւառ* «область», напр., в *Քաշաթաղ գաւառ* (см. Орб. 12: *«Աղահէջ գաւառ, որ այժմ կոչի Քաշաթաղ և Մաժոտաբերդ»*). От *Քաշաթաղք* образуется и имя крепости *«Քաշէթաղուց բերդ»* (Орб., 13). Есть в Сотке и село *Շապհաթաղ* (Орб., 515). Ср. и село *Հալաթաղ* > *Հալթաղ* недалеко от Вагаршапата.

16)—T U K H

Входит в сложные географические имена с первичным значением „дар, приношение". Ср., напр., у Орбеляна: *Տրէտուք* (в обл. *Սոգք*, 514), *Մաղձնատուք* (в обл. *Քաշունիք*, 519), *Հաւտատուք* (ib.), *Տատատուք* (ib.), *Շատատուք* (в обл. *Կոմսականն* 520), *Վաժնատուք* (ibid.), *Զամոտուք* (ibid.), *Նորատուք* > *Նորատուս* (вин. п.); есть и село с этим именем и монастырь в области *Գնդաքանի* (см. у Орб., стр. 181, 194 и 298). Народная (ложная) этимология это Noratus переделывает в Noraduz «новая равнина» (от татарского duz «ровный» и арм. *նոր* nor «новый»).

17)—G I W ł

Это—обыкновенное нарицательное слово *գիւղ* giwł „село», становится и собственным именем села, но в производном виде (с суф. -ik), а также в сложениях, как *Գիւղիկ* Giwłik (см. Лаз. Парпский, стр. 136 *«Մարգն բնակէր մօտ ի գիւղն որում անուն էր միւսին Գիւղիկ և միւսումն Վարդաշէնն»*), *Գոչագիւղ* (в обл. *Հարանդ*, Орб., 517), *Նորագիւղ* (в районах *Ճահուկ* и *Բագք*, Орб., 522 и 521), *Աղբնագիւղ* (=ныне *Արնագիւղ* в Апаране), *Գնդի* (в районе *Զորք*, Орб., 335),

Դևղէ (Орбелян, 399), *Ջորագետ* (квартал Еревана)[1], *Թազագետ*, *Օրթագետ* и пр., не считая такие описательные образования как *գետ Կովսական*, *Կոթի գետ*, *Դևղոյ վանք* (от *գետ* „красота»?) и пр. и пр.

Можно, конечно, продолжать эти словообразования, хотя самые главные нами уже отмечены; см. также вышесказанное нами о Karbi и его сложениях *(Շիկակարբ, Ուռուկարբ* и -kor *Լուսկոր և Հոյնոցկոր*), а также о многочисленных сложениях с именем *վանք* vankh «монастырь». Попадаются и незначительные топонимические образования с ջուր *džur* „вода" (*Ճապաղջուր, Բողոտիջուր, Ջրվէժ* и пр.), с այր(ի)*ayr(i)* (от ауг «пещера»), как *Բոբայր, Հոռոմայր, Կումայրի* (=нын. Ленинакан) и др., со словом հող *hoł* «земля» *(Շիկահող, Ծիրանահող, Շաւառնահող)*, -մայրի *mayri* „лес"— *Թաղամայրի* (в обл. *Արևիք*, Орб., 521), *Արձախամայրի* (в обл. *Կովսական*, Орб., 520), *Բերդիմայր* (в обл. *Վայոց ձոր*, Орб., 512), *Դից մայր և Լաց մայրի* (Орб. 520), *Ըշակամայրի* (в обл. *Ծղուկ*, 510), со словом վայր *vayr* «низ, местность», как *Տանձամայր* (в обл. *Քաշունիք*, 518), *Բարեբայր* (в обл. *Բաղք*, 518). Таким образом, имеется до 22 формативных слов, образующих либо самостоятельно, а большей частью в сложениях, разные географические термины.

Из суффиксов топонимических образований отметим следующие:

1) -աւ -*aw*, как—*Կճաւ* Kčaw (село в Моксене) из kič+aw с первичным значением «щебнистый»; *Ձիրաւ* Dziraw (село и поле в Багреванде) из dzir («коренья»?)+aw (ср. грузинс. dziri «корень», аштаракс. заимств. mərzi -id.); *Սուկաւ* (имя горы на «Армянском паре»=хребте) из suk-(«гриб»)+aw (ср. груз. soko=арм. sunk «гриб»): *Որդնաւ* Ordnaw (село в Лори) из ordn «червь» + aw (т. е. Ordnaw «червистый», семасиологически ср. имя села *Որթնիկ* в Сю-

---

[1] Упоминается *Ջորագետ* и в одной надписи 1300 г. на монастыре *Ծոհաննավանք* (в пяти верстах к северу от Аштарака), см. Vim. tar. стр. 140.

нии (Орб., 515); *Գարտաւ* Partaw (=тополистый? от арм. barti «тополь»), с. *Կոկաւ* Kokaw (=?); с. *Երիկաւ* Erikaw (=?) в области Арберани; *Աղեաւ* (Орб., 511) «солевой» (от *աղ*?). Ср. груз. Thelawi, что по-моему значит «имеющий много вязи» от груз. thela «вязь»=арм. *Թեղի* theł (id.), т. е. Thelawi равняется по смыслу арм. частому *Թեղուտ* Thełut (имя сел в разных районах Армении); ср. также груз. Цуртави из çurd—род тернистого растения, имеющегося и в арм. языке *ցրդի* çrdi (в Зейтунс. диал.) и *ցրդնի* çrdni (в Карабахе) «можжевельник», есть и в др-арм. языке (по Ручн. слов.—*ցրդնի, ցրդի=ցիրդ* (по турец. «saphan ağaǰə, mekhvēm, čalə čərphə"). Это çird или çərdi (из çirdi) есть и в ассирийском[1].

2) *-օնք -ōnkh* (реже *-օն -ōn*)—*Կաճկոնք, Բաւոնք* (и *Բաւօն*), *Շահապոնք* (>Šahapus, ныне Шахбуз в Ордубадс. районе), *Փշոնք, Գագկոնք, Ինկոնք, Ցրոնք, Ծորոնք, Արկղոնք* (=ныне Башкенд), *Բևռնոնք, Կարոնք, Ամեղոնք, Մարաշտոնք, Դարոնք* (и *Դարիւնք*), *Արամոնք* (ныне Арамус) и пр. и пр.

3) *-ունի(ք) -uni(kh)*, *Բգնունի(ք), Ինանիք* (>*Ինանիս* >*Ինաս*), *Նռնունիք* (>*Նռնունիս*>*Նռնաս* в Котайке), *Բնունի(ք), Իշտունի(ք), Ապահունի, Ա(ր)շամունի* и пр. Ср. у Орб.: *Ինանունիք* (522), *Ծռոտատունիք* (ib.), *Ապրակունիք* (ib.), *Բևկրատունիք* (или *Տիրեկունիք*—ib.), *Վաժունիք Գնդաբունի* (518), *Կաչկունիք* (514), *Տորունիք* (510), *Տիւնիք* (ib.), *Ծողունի* (510).

4) *-ուտ -ut* для мест растений и деревьев—*Ցրդուտ, Ցարքուտ* (ср. Карабахское нарицательное *ցարուտ* «тернистое место» из *ցաքի* «терние»), *Շլորուտ, Ինձորուտ, Ուռուտ, Կաղնուտ, Թեղուտ, Մանանխուտ, Լորուտ, Կեչուտ, Ծամուտ, Տանձուտ, Մամխուտ, Կեղևնուտ, Վարդուտ, Ճլուտ, Օդնուտ*, и пр. и пр.; ср. нарицательные (напр. в Аштараке)—*Ժաուտ* „роща", *Ճկուտ* («болотистое место»), *Թփուտ* (от *Թուփ* „куст") и пр., как имена ограниченного района.

---

[1] См. заметку Fr. Hrozny в Bogh. St., III, стр. 71, прим. 10: „*si-ir-tum* ist in den Bogazköi-Texten ein in Gärten wachsender Baum, dessen Öl nicht selten erwähnt wird; es dürfte somit der Ölbaum sein. Man beachte, dass bei den Assyrern der Ölbaum *şirdu* geheissen zu haben scheint (s. Meissner, Assyriol. Studien, V, 19*).

5) -եաի -eni (в вин. п. мн. ч. -enis): *Վարդենի (и Վարդենիս), Մշենի, Յարենի, Բոխենիս, Թեղենիս, Բրաենիս, Մոխրենիս, Բղենիս, Բղենի, Մորենի...*;

6) -եան -ean: *Հաշտեանք (>Հաշտէնք), Թառձեանք (>Թառձէնք), Խորձեան(ք), Բասեան (>Բասէն), Ախտրեան, Հերեան, Կոստեանք* и пр.; ср. фамилии феодалов—*Դիմաքսեան, Մամիկոնեան, Աբեղեան, Առաւեղեան, Առաւենեան (Առաւանեան)* и пр.; ср. халдские—Abiliani, Uškiani, Kuriani, Axuriani и пр.

7) -ճի-ni (=суф. множ. ч.)—*Բջնի, Պարնի, Զոգնի, Մուղնի, Օձնի* (?), *Գառնի, Շիրնի, Տորթնի, Բերքնի, Ցրցնի, Ոպնի (<Ոփնի)* и пр.[1].

8) -ոդ-oł в именах: *Բարդող* (имя горы), *Զիթող* (село у Ерзерума), *Շնող* (село в районе Аллаверди), *Տրշող* или *Տշող* (в обл. Рштуник).

9) -ք -kh (суф. мн. ч.)—*Նորք* (есть и *Նորիք*), *Հագք, Դալք, Համուլք, Հորք, Մարդք, Ծանձք, Աղցք, Պրակք* и пр.

10) -ի(ք)-i(kh), в вин. п. -is—*Ոփիք, Որթնիք, Եղեգիք (Եղեգիս), Շինիք, Նորիք* (и *Նորիս*), *Նետիս, Ոտոգիք, Հացիք* (ср. род. п. *Հացեաց աղբիւր*), *Ուռիք, Փշատիք, Կածիք, Սրևիք* и пр.

11) -այ-*ay* (=фонет. а)—*Ցղնայ, Զուղայ, Ականայ, Ազատայ, Մաստարայ, Արգինայ, Հաւրճա, Խորժայ, Ծաղկայ, Սրփա, Զաղայ, Խորձայ, Շաղատայ, Շոշուագայ, Հեծանայ (Հեձանայ), Բարանա* (ср. *Բերան* в Сюнии и *Բերնա* при Карсе), *Խարձայ, Վարանդա*;

12) -եար-*ear* (суф. мн. ч.)—*Տափեար, Բակեար* и пр., но и -ևր-er (ср. *Տիղեր, Գոմեր, Կաւեր...*);

Нами тут не указываются местоположения этих сел и деревень. Они взяты из Vimakan taṛegir (изд. К. Костаняном), из истории С. Орбеляна и других, а также мной использованы данные карты (по изд. А. Абегяна).

---

[1] Ср. окончание -ni (из -ani?) в надписи Тиграна Honenца в Ани (1215)—*...ժինդուկն ի քաղաքին, հայրենիք բաղնեցին ու միչն ի Մոդանին, խանապարն կուզպակնորի ու համարեակաչ ժինդուկն ու մարագն հետ բազնեցին, աէր Սարգսի ախոռն ու Մարագն, զոր գնեցի կալն. և երկու ակն ձիթհանքն և ախոռնի և մարագնի վանիցս ի դռանս վանիցս առջև պահէզն ու լանջն ինչուրվի Գլիձորի դուռնէ* и пр. и пр. (см. К. Кост., Vim. tar., стр. 58—59).

Географические термины могут иметь сходство, зарождаясь во многих районах, смотря конечно по их содержанию. Но бывает, что этот термин связан только с одним определенным местом, зародился вначале только в одном месте, а в дальнейшем люди, благодаря, вероятно, частичному переселению с их бывшего места, основывают новое село или город и повторяют имя своей бывшей родной местности. Может даже первоначальное наименование не остаться. Напр., армяне переселились на северный Кавказ и основали город Армавир, тогда как бывший Армавир, древнейший культурный центр Араратской долины, уже больше не существовал у армян (на месте древнего Армавира было село «Тапа-диби»). Армяне, переселившиеся из Турции, сейчас у нас основывают села с названием своих родных мест («Нор-Арабкир», «Нор-Себастия», «Нор-Малатия» и пр., ср. «Нор-Баязет», «Նոր կոդր» в Vim. tar. и пр.) Ст. Орбелян упоминает имя села Գետախունի Getakhuni в Сюнии, в районе Բաղք Balkh, т. е. в районе современного Кафана в Зангезуре. Нет сомнения, что это позднее повторение более древнего Գետախունի Getakhuni, района к западу от Севанского озера, образовавшегося из Velikuni урартских надписей. На этом основании мы ставим и вопрос о второобразности и отраженности имена села Արքոլքայ Arkhoykhay, находившегося в районе Ձաղկ (=район близ соврем. Нахичевани на Араксе), см. у Орб. стр. 523. Это Arkhokha мы сопоставляем с именем района «Argukini ebani) (Arḳukini ebani) «Аргукиева страна», упоминаемого в клинописных урартских надписях вокруг современного села Загалу на юге Севанского озера. Как видим, и географические специфические имена не стабильны раз навсегда, хотя в начале и бывают связаны с одним определенным местом. Но, с другой стороны, исторический конкретный подход тоже бывает затруднительным вследствие отсутствия последовательного материала. Мы это видели на примерах топонимики родового или племенного происхождения. Для историко-линг-

вистического анализа топонимики древней Армении весьма большую услугу оказало бы предварительное собрание всего материала, взятого из всех источников, и его классификация. Нам здесь пришлось как бы проделать обе работы. Естественно, это может быть пополнено.

Для истории древней Армении сия работа может сослужить известную службу, ибо мы старались весь топонимический сырой материал вкупе с феодально-родовой номенклатурой (и идеологическим культовым отражением в этой топонимике) анализировать и трактовать в аспекте исторического их бытования и эволюции. Как ни сух на первый взгляд весь этот материал, но нельзя просмотреть или недосмотреть важности этого материала для древнейшей истории Армении. Любой фрагмент или пробел должен быть использован и, естественно, с точки зрения материалистического понимания истории армянского народа во всех своих богатых и разнообразных проявлениях.

1940 г.

ОБ ОДНОМ ХЕТТСКОМ МИФЕ В СВЯЗИ С ЖУРАВЛЕМ И БОЖЕСТВОМ ВЕСНЫ

Подобно тому, как открытие и чтение клинообразных надписей положили со второй половины XIX в. прочную основу для изучения истории, культуры и языков древней Месопотамии, Элама, Персии и Урарту, в параллель тому же значению иероглифов Египта, точно так же открытие и чтение хеттских клинообразных надписей в первой четверти XX в. внесли коренной переворот в дело изучения исторического прошлого древней Малой Азии. Этот вопрос касается в некотором отношении и прошлого судеб армянского народа, армянской культуры, армянского языка, что отчасти рассмотрено в некоторых моих монографических трудах.

Вообще же говоря, наличие этого нового эпиграфического (т. е. клинописного) материала имело еще то крупное теоретически-методологическое значение, что освободило ученых от довлеющих над ними уз и некоторой фетишизации данных Библии и греко-латинских писателей. В этом понимании должно существенно перестроиться и арменоведение в отношении, конечно, своих древнейших источников. Данных классических писателей мы, естественно, не должны переоценивать, особенно когда есть материалы и из более древних малоазийских этнокультур, не говоря уже о переживаниях в родной армянской среде, в ее исторических письменных документах и в живом быту.

Хеттские же клинописные материалы представляют большой научный интерес, богаты многообразным содержанием и написаны на восьми языках, главным образом на „хеттском". Эти документы (до 10 000 надписей) в большинстве случаев раскопаны трудами Гуго Винклера в 1906—1907 и 1911—

1912 гг. из архива хеттских царей. Позднее же, начиная с 1931 года, археолог Курт Биттель возобновил эти работы в городе Хаттуса (нын. село Богазкей, в Турции, недалеко от Кесарии) и в продолжение восьми лет открыл еще другие новые надписи (до 6000, а в одном только 1936 г. ему удалось найти 280 печатей с хеттскими иероглифными надписями). Содержание хеттских надписей довольно богатое: тут есть и политические документы, договоры царей, военные надписи—летописи с описаниями завоеваний и пр., свод законов, гимны, молитвы (напр., молитва от малярии царя Муршила), гадания, предзнаменования (omina), эпические отрывки, как, напр., известное сказание о Гильгамеше в хеттском переводе (дефективно), затем миф о боге Инаря и драконе Илуйанка, ритуал хеттского жреца Папаникри и т. д. и т. п.

Меня здесь специально заинтересовал один хеттский миф, изданный в 1926 г. в Берлине Переднеазиатским отделом Государств. музее („Keilschrifturkunden aus Boghazköi, Heft XIV—XVII). Пользуюсь передачей содержания этого дефектного, но содержательного мифа по рецензии Ферд. Зоммера в журнале „Kleinasiatische Forschungen", Weimar, Band I, Heft 2, стр. 345). Мой интерес в частности усугубляется еще тем обстоятельством, что в этом мифе затрагивается культ божества весны с его символикой в лице журавля, а эта или подобная сторона вопроса не чужда и другим народам, в частности и армянам. У последних культ весны в ее синкретическом аграрно-натуралистическом понимании и символизации в образе быка, аиста и рыбы выступает, как это мной доказывается, в лице легендарного Ара Прекрасного (см. ненапечатанный мой труд «Культ Ара Прекрасного у древних армян»). Данные этого армянского мифа всецело идут навстречу точному определению содержания хеттского божества Телибину и птицы «харана», как главных фигур хеттского мифа. Тут целенаправленность и мотивировка как бы совпадают в обоих мифах: одинаковые идеологии, одинаковые фигуры, одинаковая символика. В отношении интересующего нас здесь хеттского мифа эта сторона дела дается, главным образом, в описательной части самого мифа. Но

этого мало. Мной добавляется интерпретация самих имен «героев» мифа, если так можно выразиться. Этимология, которая здесь предлагается для божества Телибину и птицы «харана», полностью устанавливает вышеопределенную целеустановку или направленность, связанную с культом бога весны. В этом деле нам помогают не только одни этимологии и интерпретации, но и некоторые параллели в армянском.

Перейдем к описанию самого хеттского мифа так, как описывает Ф. Зоммер в вышеприведенном журнале. К несчастью, он дает только голое описание, без комментариев и без приведения текста на самом хеттском языке. Наличие самого текста мне помогло бы в выяснении и уточнении некоторых подробностей, в частности в уточнении существа птицы «харана», которая будто бы может нырять, как переводит Зоммер.

Судя по описанию Зоммера, хеттский миф излагается в четырех клинописных колонках, причем каждая из них имела до трех или четырех десятков строк. Ф. Зоммер так описывает содержание этого мифа: «Существенное содержание первой колонки это то, что бог Телипину в гневном состоянии удаляется, и тогда начинается большая нужда (недостаток), под влиянием которого даже сами боги страдают от голода. «Большие и малые» боги ищут выхода из положения. Его отец, бог грома, посылает птицу ḫarana, как вестника, за ним и, наконец, на совещание направляется сам МА [=нем. erhaben, «высокий, возвышенный»]. Этот эпизод непосредственно напоминает нам подобные же поиски за богом солнца по таблице Юзгата. Во второй колонке следуют заклинания богу. В конце ее (33-я строка и сл.), видимо, возвращается Телипину, громыхая в облаках. Камрушепа замечает его, птица ḫarana снова выныряет из воды (остальное разбито). В третьей и четвертой колонках сам Камрушепа жертвоприношениями и заклинаниями испрашивает возвращение бога Телипину. Начиная с 20-ой строки четвертой колонки бог [Телипину] снова исправляет свою должность, и все идет к хорошему» (см. Kleinasiatische Forschungen, B. I, H. 2, стр. 345).

Разберем роль главных фигур нашего мифа, как и этимологию их имен, выясняющие их содержание и функции.

Прежде всего нас должно интересовать, конечно, само божество Телипину, гневный уход которого, как видели, вызвал голод среди людей и богов. Несомненно, он бог весны (Frühlingsgott) и плодородия, как на это обратили внимание Э. Форрер и А. Гётце. Мои комментарии в связи с параллелью подобного культа у армян и символикой аиста подтверждают облик хеттского бога Телипину, как бога весны и плодородия. Коснемся распространения и происхождения самого слова. Имя Телипину пишется и Телепину, а также изредка и Телибину (resp. Телебину). В хеттском пантеоне он играл видное место, судя уже по тому, что он много раз упоминается в договоре царя Суппилулиума с митаннийским царем Маттиуаза, где заклинается бог Телипину городов Тавинья, Турмитта и Ханхана. Еще в XVII в. упоминается под таким же именем один хеттский царь, хотя, как заметил П. Кречмер, у хеттов не наблюдается, чтобы цари носили имена богов и наоборот (см. в том же журнале, стр. 13—14). У ликийцев также упоминается подобное же имя. Напр., по данным греческих писателей, в ликийском городе Патара был tēléphios dēmos «телепский народ» и tēléphu krēnē «источник Телепа». Точно также на одной ликийской монете читается по-ликийски Telebehiha, как и в одной надписи — Telebehi. Ученый П. Кречмер предполагает, что на найденном в Западной Малой Азии, в долине реки Кайкос, рельефе супругом или другом богоматери нужно считать Telepinu или Telepi, т. е. известного нам хеттского бога. Это имя перешло и к ахейским грекам чрез их малоазиатские древние поселения. У них оно звучало Tēlephos, что народно этимологизировалось с лучем, как сын глаза и пр. У хеттов женой бога Телипину считалась Išhara (Ишхара), которая, по мнению П. Кречмера, заменяла вавилонскую Иштар. Сыновьями Телипину и Ишхара считаются Tarchon (=хеттскому Tarḫu или Tarku=армянскому Տարխ Torkh) и, вероятно, tyrrhenos (=этруск). От этого малоазиатского Tarku через этрусков получилось римское имя царей Tarquinius.

Перейдем к этимологии слова Telipinu. Несомненно, что оно производное образование от простого telepi, на что

указывают греческое tēlephos, ликийское Telebehi и Telebehi, а также в самом хеттском приводимое «telepi—боги», название каких-то простых богов. Суффикс -inu в слове Telepinu, видимо, имел ласкательно-уменьшительный характер, как это я вижу и в имени хеттского бога Hatebinu, если его сравнить с халдским богом Atbini, где ini есть чисто халдское окончание. Как увидим ниже, данные армянского языка также поддерживают изначальность и, видимо, нарицательное происхождение хеттского бога весны Telipinu от простого telepi, означавшего вид каких-то богов низшего ранга. А. Гётце это имя Телипину видит и в протохеттском Talipin, а корень talip сравнивает с латинским talpa «крот».

Оставляя эти попытки найти изначальное значение и происхождение корня имени Телипину, что едва ли доказуемо, я здесь должен снова оттенить его значение и роль в хеттском пантеоне. Уже было сказано, что Э. Форрер и А. Гётце предлагают в нем видеть весеннего бога, основываясь на данных одной хеттской надписи (Bo 2303)[1]. Мне неясно, является ли надпись, исследуемая здесь, надписью, повествующей о Телипину, птице харана и пр., или это другая надпись. По приводимым хеттологами данным, Телипину по своему положению или рангу стоял наравне с богом солнца, ибо обоим преподносились одинаковые явства. Я думаю, что в рельефной сцене «Язлы-кайа», где дается ритуал шествия богоматери навстречу свите какого-то мужского бога, последний должен быть нашим Телипину. Точно также, известное изображение бога с колосьями и виноградными гроздьями должно быть символом нашего бога весны и плодородия. Пред ним, как известно, стоит молящийся с поднятыми и вытянутыми вперед руками. Данные нашего мифа говорят также о том, что Телипину как бы подчинялся небесному богу грома и молнии, т. е. хеттскому Data, что заменяет субарийского и халдского Тешупа и вавилонского Адада.

---

[1] Об этом см., напр., в статье П. Кречмера в Kleinas. Forsch., B. I, H. 1, стр. 13, а также в статье „Хеттская проблема" П. Ушакова, напечатанной в „Трудах" Тбилисск. унив. за 1941 г. (стр. 111), где он ссылается на мнение А. Гётце.

Мне непонятным остается роль и имя Камрушепа. Женская ли это фигура или мужская? Переводчик Ф. Зоммер не приводит для этого никаких данных. Камрушепа своими заклинаниями и жертвоприношениями как бы способствует возвращению Телипину. Само имя кажется мне сложным и хеттским. Первую часть Kamr (из Kamar) я бы сопоставил с хеттским kammar, что значило, по И. Фридриху, первоначально «луч», «свет», «воздух», а помоему, вероятно, значило «воздушное пространство», «небесный круг», «свод», имея в виду греческое kamarē («свод», «сводчатое»), иранское kamar (kamarā «пояс»), лат. camera, нем. Kammer и пр., видимо, заимствованные из малоазиатского хеттского мира (см. у меня в «Chetto-armeniaca», стр. 67).

В нашем мифе выступает также бог грома и молнии, который посылает за богом Телипину вестника, а именно птицу харана, и, наконец, отправляется лично на совещание с этим богом, видимо, чтобы убедить его возвратиться. Ф. Зоммер об этом говорит следующее: „Sein Vater, der Gewittergott, sendet den Ḫarana-Vogel als Boten nach ihm und zieht schliesslich auf den Rat der MAḪ selbst aus". Последняя часть формально может относиться и не к богу грома и молнии, хотя, по контексту, отправляющийся на совещание этот «великий», «высокий», т. е. то, что означается этой сумерийской идеограммой MAḪ (по-немецки переводят «erhaben»), может быть только сам бог молнии и грома, отец бога Телипину.

Наконец, выступает в нашем мифе птица ḫarana, что для меня представляет особый интерес. О ней говорится два раза. В первый раз она посылается за вестью к ушедшему и разгневанному богу Телипину, а во второй раз, с возвращением этого бога, птица харана, видимо, для приветствия и из-за радости снова появляется на поверхности воды. Из этого следует, что она, во-первых, водяная птица и, во-вторых, является вестником, не говоря уже о том, что она может быть тем самым и символической фигурой самого бога весны. Спрашивается, какая же это птица, приносящая весточки и радующаяся возвращению бога весны. Немецкий ученый Ф. Зоммер совсем и не пытается перевести ее хет-

тское имя ḫarana и в немецком переводе мифа он оставляет это хеттское название („Ḫarana-Vogel"). Попытаемся перевести это слово, основываясь как на данных самого мифа о том, что она водяная птица, связанная в народном поверье с приношением вестей, так и особенно на данных этимологии самого имени. Последнее обстоятельство, как будет сказано немного ниже, говорит о том, что эта птица—журавль. Эта точно устанавливаемая мной этимология слова ḫarana, как названия журавля (resp. аиста), удачно разрешает много проблем, относящихся как к данному мифу, так и к другим сродным мифам или поверьям у других народов. Если придержаться только интересов данного хеттского мифа, то значение ḫarana, как журавля или, быть может, аиста, определенно говорит в пользу того, что Телипину—бог весны, как это явствует и из других мифов или поверий: например, у армян при боге весны выступает аист. Во-вторых, эта птица не может «вынырнуть» (auftauchen), как переводит Ф. Зоммер хеттский глагол текста, мне неизвестный. Этот хеттский глагол, несомненно, означает «появляться на поверхности воды», а не «вынырнуть из воды», как это может делать, скажем, утка. Журавль или аист не ныряют, хотя они и болотные или водяные птицы.

Теперь дадим самую этимологию этого слова. Ḫarana—это латинская транскрипция хеттской клинописной передачи из трех клинописных знаков для ḫa-ra-na. В первом слоговом знаке звук ḫ большей частью в хеттском звучал, как обыкновенное придыхание, подобно немецкому или латинскому h. Но в хеттском есть случаи, где это ḫ передает или отображает и густой придыхательный звук, а именно—заднеязычный фрикативный (спирантный) x, как это произносится, напр., в русском. Так, напр., само национальное название хеттов начиналось с этого твердого «x», судя по изменению корня xat(t) в корень kat- или ket- в именах Kataonia, Katpatuka (Каппадокия), в гомеровском имени народа keteoi, арм. khetaçi (խեթացի), взятом из Библии, (=греч. χετταῖος) и пр. Имя бога Tarḫu писалось уже в самом хеттском также через Tarku, что свидетельствует также в пользу твердого произношения согласного h, не говоря уже об этрусском Tarchon,

арм. Torkh (*Տրք*) и пр., где это х (kh) также твердое. Наконец, в хеттских текстах выступает и название ахейцев с этим твердым произношением (aḫḫala). Эти и подобные примеры говорят в пользу того, что писание ḫ отражает и звук х (в семитическом, т. е. в вавилонском писании это нормативное явление). Следовательно, хеттское название птицы ḫarana правильнее было бы писать «харана». Мы можем даже поставить вопрос, а не звучало ли это слово с начальным звонким фрикативом, т. е., как ɣarana. Ведь в клинописной передаче нет соответствующего знака и, следовательно, не исключается и такое произношение графически переданного ḫ. Корень же харана или ɣarana сохранился во многих индоевропейских языках со значением журавля, как имеем в бретонском garan, галльском garan—в сложном trigaranus «с тремя журавлями», древнеангл. cran, древневерхне-нем. chran-uh (=нын. Kranich), греч. geranos и арм. krunk. Не нужно думать, что этот общий корень garan- или харан- чисто звукоподражательный и, следовательно, сравнительно лингвистической ценности не имеет. Это было бы ошибочно, ибо тот же корень в другом видоизменении gru-(=лат. grus, рус. журавль и пр.), выступает и у других индоевропейских народов, и, следовательно, независимо от первично возможного звукоподражательного характера, это garan или харан приобрело специфическое оформление только и только в определенных языках и с определенным точным значением „журавль".

К каким же результатам мы приходим. Во -первых, у хеттов журавль является в роли вестника, а это фольклорное олицетворение продолжает существовать еще и поныне, напр., у арабов, турок, армян и др. Припомним хотя бы следующую строчку из армянской народной песни «Журавль», где покинувший родные пределы обращается к журавлю и вопрошает: «Журавль, о нашей стране весточки не имеешь»? Во-вторых, это отношение журавля к весне[1] и ее обожест-

[1] Ср. обработанный Ов. Туманяном народный стих:

Կը՛ս կը՛ս կռկռան
ԿռուՆկՆերը հա քոան
ԿռուՆկՆերի քեվ տակ
Նկավ գարուն մեր գոան։

вленному культу. У нас в Армении, Малой Азии и прилегающих странах журавль является только перелетной птицей и летом не остается. Следовательно, он только вестник весны, подобно аисту, который, хотя и остается летом, но также является вестником весны. Выяснение значения хеттского ḫarana, как названия журавля, ее функция вестника и связи с богом Телипину, по моему, определенно говорят в пользу того, что этот последний бог и действительно олицетворяет весну; и в этом отношении правы были Э. Форрер и А. Гётце, впервые указавшие на это. Возможно, что этот древнейший бог с половины второго тысячелетия постепенно вытеснялся или заменялся другим богом с тем же значением, имея в виду, что у хеттов же было божество поля и зелени (ārа), выступающее у ряда и других народов с тем же названием (Er, Ar, Ara) и значением. Символом его является в Армении и, видимо, в долине Чороха птица аист, с которой связывается и плодовитость, а может быть и идея воскресения, что является неизбежным атрибутом вообще бога весны, как носителя идеи возрождения, плодородия и пр.

Вообще же говоря, хеттский миф о журавле и боге весны Телипину имеет не только чисто местное значение. Я здесь хочу оттенить специальное значение этого мифа особенно для армянских культово-фольклористических и отчасти этнокультурных интересов.

С этой точки зрения я уже отметил некоторую близость мотивов и олицетворяемости между хеттским мифом и сродным ему сказанием и культом армянского бога весны Ара с символами аиста, рыбы и быка, как синкретического отображения функций этого Ара—*весны* (resp. воскресенья) и *зелени*, *воды*, т. е. ирригационного земледелия, *пастбища*, *размножения*, о чем подробно будет сказано в другом месте.

Здесь же мне хочется указать еще и на другую возможность, для полноты выяснения этимологии и значения хеттского бога весны—Телипину; эту возможность я вижу в лексических данных армянского языка. Уже в начале мной было отмечено, что название бога Телипину есть производное образование от простого telipi, которое служит основой для

греч. Telephos, ликийского telebehi и пр. В самом хеттском есть нарицательное «telipi—боги», как вид простых духов или божеств низшего порядка. А. Гётце в этом корне tel(i)p или talp (имея в виду протохеттское Talipin) предлагал видеть латинское talpa «крот», откуда, мол, и получается своеобразное отображение и изменение облика этого хеттского божества. Я здесь предлагаю другое, более близкое объяснение, основываясь на данных армянского языка.

Основа интересующего нас слова звучала у хеттов telipi (telip), причем «p» изредка заменяется и звонким «b». У ликийцев эта основа изменяется в teleb, а у греческих ахейцев, заимствовавших это слово у теутранийцев Мизии (в долине реки Кайкос), где telep было как бы эпонимом этого племени („Stammvater" по Кречмеру, см. Kleinas. Forsch., стр. 13), этот корень преобразился в teleph (telephos), с приобретением своеобразного нового значения («далеко светящий», «луч», как сын глаза) на данных какой-то народной этимологии. Армянский же язык сохранил этот корень в виде thepl со значением «злой дух», не говоря о приведенном Ксенофонтом в «Анабазисе» имени арм. реки Teleboas. Следовательно, хеттское нарицательное имя telepi в значении каких-то богов („telepi — боги")[1] в армянском представлено метатезированно, т. е. с изменением места звуков lp на pl, хотя в армянской исторической фонетике ожидалось бы thelp, т. е. неизменяемость хеттской формы. Это армянское слово сохранилось, во-первых, в древней магическо-астрологической книге «Ахтарк» (*«Ախթարք»*), где даются *թհպղ* thepl или *թպղա* thpla со значением какого-то злого бога в образе человека с длинными волосами и рогами. Это слово упоминается вместе с другим подобным же именем низшего духа *ալ* al (или *ալք* alkh), см. у Алишана *«Հին հաւատք»*, стр. 221. Но это же армянское слово сохранили и современные армяне города Марсуан в глубине Малой Азии, т. е. исторической Хеттии. Тут оно звучит *թպղի* thpli в зна-

[1] По этому поводу П. Кречмер говорит: „Dr. Ehelolf machi mich freundlichst auf die kurzere Namensform te-li-pi KBO. IV, 13, aufmerksam, die durch den unveröffentlichten Text Bo. 5728,5 bestätigt werde, der te-li-pi ḪI. A= „die Gottheiten *Telipi*" biete" (см. там же, 13).

чении какого-то духа, душащего новорожденных детей (см. у Ачаряна «Արմատական բառարան», хотя это же слово стало обозначать и самое болезнь детей, у которых в горле нарастает опухоль величиной в зерно, которое, разрываясь, умерщвляет дитя (см. у Ачаряна же «Բարբառական բառարան», стр. 381). Я, конечно, оставляю разные несуразные объяснения или этимологию этих Թևպղ, Թպղա или Թպղր, что основательно отмечает и сам Ачарян, как ложные объяснения. Древне- и новоармянские формы, т. е. thepl(a) и thpli, говорят в пользу более старого thepli, что в точности соответствует хеттскому telipi, звучавшему, несомненно, как thelipi, т. е. с придыхательным th (в хеттском аспираты особо не обозначаются). Но что значили в хеттском эти «телипи—боги», были ли они добрые духи или злые, как у армян? Точно также неизвестно применение этого имени у ликийцев, где имеются производные telebehi, telebehtha. Если бы даже изначально эти «телипи—боги» были добрые, как, скажем, у хеттов или ликийцев, что, конечно, трудно установить, то ничего трудного не представляет переход имени доброго духа или гения от одного народа или племени к другому, скажем, недружелюбному, в виде злого духа или гения. Напр., индоевропейское dhev значило «бог» в хорошем смысле слова, что еще сохранилось у индусов, но у иранцев, а отсюда и у армян, этот dev означает уже злой дух. У армян al, как и у грузин, обозначает злого духа, но в слове Tsovi-al „моря дух", как имени матери богатырей Санасара и Багдасара, это al означает, несомненно, доброго духа, заменяемого в этом сложном имени большей частью словом nar (Ծովինար Tsovi-nar), что, по моим данным, означает «нимфу, русалку» (см. мои «Хеттские боги у армян», стр. 42—48). Армянский согласный r в слове thepl(a) или thpli нормативно должно восходить к более древнему, доармянскому звонкому h, так что армянские формы слова говорят в пользу древнего произношения t(h)elibi, что находим у ликийцев, а иногда и в самом хеттском клинописном правописании. Ср. также Teleboas (река в Армении).

В связи с данными мною разъяснениями генезиса имени и значения хеттского бога Телипину считаю нелишним при-

вести из работы П. Ушакова «Хеттская проблема» (в «Трудах Тбил. Унив. за 1941 г. стр. 111) то место, где затрагивается аналогичная проблема. В связи с находками ценных золотых и серебряных предметов из раскопок в Цалкинском районе Грузии автор говорит: «Среди предметов, обнаруженных при раскопках могил цалкинской культуры, особое внимание привлекает хранящийся ныне в Музее Грузии серебряный стаканчик с изображением ритуальной сцены: вереница людей с лисьими хвостами, головы которых скрыты под масками стилизованных кротов, направляется с дарами к сидящему на троне божественному владыке. Картина этой сценки выдержана в хеттском вкусе. Одеяния нарисованных фигур хеттские. По-видимому, этот погребальный сосуд изображает сцену поклонения богу весны (и воскресения) Телипинусу, на протохеттском языке именовавшемуся Талипин[1]. Этот древнейший бог у протохеттских племен Грузии мог играть роль владыки подземного мира, т. е. царства мертвых. Талипин, как протохеттский бог, хорошо известен по несит-ским и протохеттским надписям архива в Богазкее. От его имени, по всей вероятности, и произошло наименование животного подземного мира—крота (латинское talpa). Независимо однако от толкования ритуальной сцены на этом цалкинском стаканчике, наличие за 14—15 веков до н. э. в Грузии высокой культуры связывает древнейшее ее население с передовыми народами хеттского круга, и приходится допустить, что уже до гибели Хаттусаса и хеттского царства хеттские племена были представлены в бассейнах рек Куры и Аракса».

Конечно, трудно согласиться с наличием протохеттских племен в Грузии, в долинах Куры и Аракса, где фигурировал бы бог Телипину (Талипин). Наконец, проблематичны толкования сцен на стаканчике в связи с этим богом и кротообразными людьми с лисьими хвостами и пр., а также в связи с латинским talpa «крот», что может быть совершенно случайным, не говоря уже о трудности переходов семасически-ри-

[1] П. Ушаков ссылается на A. Götze, Kleinasien (Kulturgeschichte des Alten Orients, Munchen, 1933), стр. 123, 126. 134—136.

туального порядка и взаимосвязи непосредственно с этим латинским миром. Правда, в лексическом отношении наблюдаются некоторые более близкие встречи в хетто-латинском лексиконе, чем у других, но это нас не обязывает непременно принять вышеприведенное толкование.

Мне думается, что приведенные вначале объяснения имени и отчасти значения хеттского бога Телипину так, как это отчасти выявляется благодаря работе П. Кречмера и отчасти моей, данной в настоящем маленьком исследовании, совместно свидетельствуют о первичности имени telipi (=арм. thepli) в значении названия каких-то богов или духов низшего порядка и, вероятно, с положительными (добрыми) функциями, хотя армянский пример говорит об обратном значении. Вообще же я должен подчеркнуть, что многие теоретические подходы, исследования, штудии, этимологии и пр., трактующие проблемы хеттской культуры и особенно языка, во многом и часто будут лишены полноты и точности, покуда к ним не будут присоединены данные культуры и языка и восточной части Малой Азии, а также Закавказья. Особенно я бы отметил богатые возможности армянского языка. Мной уже было указано, что армянский язык сохранил не менее одной сотни слов, сродных по значению и фонетическо-точному облику с соответствующими хеттскими словами, не говоря уже о наличии также общих словообразующих и грамматических частиц—формативов. Точно также мной было особо отмечено наличие в армянском некоторого количества имен богов, определенно тяготеющих к Западной Малой Азии, в частности к хеттскому миру. Так, помимо еще указанного Н. Марром соответствия арм. astuac «бог» фриго-фракийскому Savazios (или Suazios), как собственному имени их верховного божества, мы указали с нашей стороны на соответствия—арм. *Ara*=хеттскому Ara (памфильскому Er); арм. *nar* (в словах Tsovinar, Oskinar, Helinar и *narin> nurin «нимфа»)=хеттск. Nara (греч. Nereus и пр.); арм. *Torkh* =хеттск. и малоаз. Tarku (Tarxu, «Tarchon»); арм. *hpit* «неженка», «обольстительница», «кривляка»=хеттск. и хурро-мит. Hepit (верховная богиня с эпитетом mušni «прекрасная»?); арм. *Mažan*, как имя верховного жреца Ор-

музда, впоследствии обожествленное=лидийск. Masan-es, т. е. богу неба; арм. *čivaĵ*.—«чудовище»=хеттск. Zavall (с тем же значением).

В этой работе я указал также на соответствие арм. thepli, как названия особого злого духа, хеттскому имени, вероятно, подобных же богов telipi, откуда образуют и имя бога весны Telipini. В порядке научного предложения я бы здесь указал и на возможность объяснения второй части имен двух богов из хеттского и хурро-митаннийского мира, а именно хеттского отца богов Kumargi и хуррийского Naparгi, считающегося божеством подземного царства[1]. Эта вторая часть argi, возможно, значила «небесный свет» или просто „свет", имея в виду арм. arph или arphi со значением небеснего света. Но тогда что бы значили первые части Kum- и Nap-? Для последнего я бы предложил значение либо «бог», имея в виду эламское пар «бог» (следовательно, Naparгi=божественный свет), либо же это пар- сопоставил с сум. паар «небо», хеттск. пер-is «небо», рус. небо, лат. nebula, арм. amp «облако» и пр., т. е. понимая это хурритское Naparгi как «небесный свет». Возможно, что и имя хеттского бого-отца Kumargi также имело подобное же сложное значение, т. е. *Kum* значило «небо» и т. п. (ср., быть может, и груз. γm-erthi «бог», где последнее erthi немного сходится с urta в имени вавилоно-сумерского бога (Nin-urta)[2]. Нужно предполагать, конечно, что в этих языках,

---

[1] В древнейших клинообразных текстах боги Naparгi и Партахи отождествляются с Нергалом (см. у П. Ушакова „Хеттск. проблема", стр. 92, ссылающегося на книгу Артура Унгнада „Subarthu", стр. 67).

[2] В надписи хеттск. царя Муршила о походе в страны Барга и Каргамиш (см. Bogh. Studien, III, стр. 138 и сл.) упоминается полуидеографически имя царя города Яруватта страны Барта, по имени EN-ur-taš, что, вероятно, равносильно фонетическому Ninurtaš. Для urta ср. -utra в имени Ksis-utra (=Atra-xšiš).

По Иосифу Флавию в армянской области Софена (*Σωφηνη*) был царь Адразар, сын Арая, что по-моему есть осмысление и перестановка из Zariadr, любимого имени софенских армянских царей. Вероятно, Adra- ‖ utra- в словах Zariadr(a), Ksis-utra и т. п. есть и в семитическом имени Adra-melex, сыне Синахериба. Значение этого adra мне не известно.

особенно в армянском, сохранились и другие сравнительно лингвистические, фольклористические и иные возможности, касательно их генезиса с древнемалоазийскими («азианическими») языковыми и этнокультурными элементами, но пока, за неимением точных данных, бо́льшего вскрыть не удается. В этом отношении неправильно поступают европейские филологи, когда почти не используют богатых возможностей живых представителей этой древней малоазийской культуры.

К каким же результатам приводит нас это исследование хеттского мифа? Какие частные и общие выводы можно сделать?

Во-первых, имя водяной птицы-вестницы нужно читать xarana или ɣarana и на основании наличия этого корня в некоторых индоевропейских языках (кельтских, германских, греч. и арм.) нужно перевести через «журавль». Вследствие этого хеттский глагол, переводимый Ф. Зоммером через «вынырнуть» (auftauchen), нужно исправить в переводе через «показаться на поверхности воды". Роль вестника для журавля свойственна и фольклору других народов.

Во-вторых, бог Телипину не только связан с плодородием, согласно мифу, но и с весной, имея для этого своим символом вестницу весны—журавля, являющегося для Малой Азии только перелетной птицей. Мнение Э. Форрера и А. Гётце о характере бога Телипину подтверждается еще тем, что подобную же связь мы видим между божеством весны у армян Ага и водяной птицей аистом.

В-третьих, этимология имени Телипину с суффиксом, вероятно, уменьшительно-ласкательного характера -inu из простого telipi, представленного в хеттском («телипи—боги»), греческом и ликийском языках, точно определяется данными армянского thepl или thəpli, имевшего значение какого-то злого духа. Наличие в армянском до десятка имен разных божеств западно-малоазийского происхождения, помимо дру-

---

Едва ли -erthi в грузинском ɣmerthi „бог" и -urta в имени семитического бога Ninurta тождественны по значению со словом aora в Adra-zar, Adramelex и др.

гих, не менее веских данных, свидетельствует о малоазийском происхождении армян.

Наконец, изучение нашего маленького, хотя и дефективного, но очень содержательного хеттского мифа выходит за пределы чисто хеттского культурного интереса и многими своими сторонами и мотивами соприкасается и с другими аналогичными поверьями соседних и дальних народов. Недаром на одном камне на южном склоне Саянских гор (около села Туран) выведены фигуры аистов, а камень-стела, видимо, поставлена для бога весны.

В заключение хочется коснуться и характера этой работы, ее актуальности. Конечно, затронутая мной тематика далека от непосредственной современности, хотя многие стороны этой темы продолжают бытовать и сейчас в живом фольклоре нашего и других народов. Несмотря на всю сухость изложенного мною материала и его исследования, я все же должен подчеркнуть, что любой древний фрагмент или штрих должен быть использован, подобно тому, как можно вывести из сырого материала древнеармянской топонимики свидетельства былых этнических, религиозно-идеологических, технически-строительных и других отношений, не сохранившихся у древних писателей. Нужно выжать из подобных, хотя и отживших, материалов все то, что способно более или менее осветить прошлое судеб нашего народа, особенно на заре его исторического становления.

1944 г.

ОБ УРАРТСКОМ БОЖЕСТВЕ ADARUTHA

Это божество, неизвестного до сих пор значения, упоминается в знаменитой сакральной надписи урартских царей Ишпуини и Менуа, высеченной в конце девятого века до нашей эры на скале под современным именем «Зимзим-даг», недалеко от города Ван[1]. Надпись, как известно, помещается, на гладкой поверхности громадной каменной двери, называемой армянами «дверьми Мхера» (Մհեր դուռն), и состоит из двух текстов, основного в 31 строку и параллельного в 63 строки, причем этот последний является дублированием предыдущего текста, помещенного сверху. Некоторая разница между ними замечается только в фонетической клинописной передаче. Параллельный нижний текст страшно пострадал. Надпись повествует о построении этих дверей вышеупомянутыми царями, затем приводится пантеон урартских богов, коим надлежит погодно и помесячно приносить то или иное количество жертвоприношений быками, овцами, телятами.

---

[1] Чтение „бог a-da-ru-ta-a", установленное всеми расшифрователями, точно проверено нами по фотоснимку надписи, хранящемуся в „Историческом Музее" Армении (в Ереване).

[2] У местных армян сохранилось поверие, что в день Вознесения Мхер (=иранск. Mihr<Mithra) выходит из этих дверей, иначе говоря, освобождается из нутра этой скалы (горы), а все это дескать завидела одна новобрачная невеста. Насомненно, что здесь мы видим отголосок древневосточного сказания об умирающем и воскресающем боге, в частности того варианта, когда герои или боги вынужденно укрываются в этих скалах или горах, ожидая удобного момента для освобождения. Невеста же служит в данном случае символом возлюбленной этого бога заточения (смерти) и освобождения (воскресенья), подобно древним образам Иштар, Кибелы и др. Ср. также армянское сказание об Ара Прекрасном и Семирамиде, где сохранился тот же мотив.

По этому количеству, как и порядку перечисления, можно познать ранг этих божеств, как главных, так и второстепенных.

На строке девятой главного текста упоминаются три божества, которым надлежит принести в жертву одного быка и двух овец. Эти божества следующие: Adarutā, Irmušini и бог „aluše urulive šiuali".

Последнее божество передано описательно и по-моему значит «кто души переводит». Слово aluše «кто» часто встречается в урартских надписях, особенно в «формуле заклятия» («кто эту надпись разобьет, кто повредит..., преступника боги Халд, Тешуп, Ардини и прочие боги да предадут наказанию, а его родню, inaini (=?) и семя земле да предадут»). Глагол же šiuali встречается в военных надписях, где при угоне пленных и животных в город Ван (=Biaina), упоминается в форме аориста šiubu «я погнал», вместо частого parubi или agubi с тем же почти значением. Существительное uruli упоминается во второй части формулы проклятия, где arḫi-uruliani «родня» мне представляется сложным словом из arḫi «вокруг» (есть подобное же слово и в хеттском) и uruli «душа, личность» (приблизительно), к чему близок арм. *սրտ* uru, *սրտ-ական* uru-akan «призрак». Так что это третье божество, как видим, передано описательно, а не по имени.

А что обозначают предыдущие два божества — Adaruta и Irmušini?.

О последнем я говорил в своем труде «История Урарту» (стр. 47). Его корень irm- несомненно родственен с хеттским irma «болезнь», irm-ali «больной», а суффикс -uše (-iše, -aše) имеется в многочисленных производных словах (ср. ulguše „здоровье", „жизнь", pišuše «радость», gunuše «бой, сражение» и пр.), так что irm-uše должно было значить «болезнь», а новопроизводное Irmušini значило бы «к болезни относящийся» (с обыкновенным урартским суф. -ini), т. е. dIrmušini =бог, имеющий отношение к болезни (к исцелению), бог болезни.

Как видим, из трех божеств— Adarutā, Irmuštni и бога, переводящего души, последние два имеют отношение к бо-

лезни и смерти. Бог Irmušini видимо спасает от болезни, а последний безымянный помогает душам уже после смерти.

Спрашивается, а какое назначение могло иметь божество Adaruta? Вероятнее всего оно было близким по функции к этим двум богам болезни и смерти (resp. спасения души). В предыдущих строках (7—8) упоминаются разные божества, коим также приносятся в жертву бык и две овцы, но они большей частью трудно определимы. Эти божества следующие — Anapsa, Diduaini, SIN, Халдовы оружия, Atbini, Kuera, Elipri, Ḫairaini (что читают теперь и Tarraini). Из них понятны «Халдовы оружия», что фактически не есть особое божество, затем SIN передано в основном тексте этим вавилонским идеографическим знаком (△△△), что значит «луна», а в параллельном тексте передано клинообразным, т. е. фонетическим урартским ši-e-la-ar-di (= Šelardi), что значит «ночи солнце» (Ard-ini «солнца», ср. также имя бога Šinuiardi «звезда»?). Из остальных имен перечисленных божеств Anapsa походит на хеттского бога Napsara, Atbini сходен по корню с хеттским же ^{d}Ḫatebinu (с уменьшительным суф. -ini, ср. ^{d}Telep-inu), Ḫairaini с хеттским ^{d}Ḫallara. Но что все они значили? Значения самих хеттских богов Napsara, Ḫatebinu и Ḫallara нам неизвестны. В перечне же божеств девятой строки (Alaptušini, Erinā, šiniri, Uninā) только последнее имя Uninā можно с большой натяжкой связать с именем вавилонского Onnes (Oannes), так передаваемого Беросом. А этот рыбоподобный бог, как известно, вышел из моря и учил людей письму, искусствам, земледелию. Урартское Uninā можно читать On(i)na, имея в виду, что двойной согласный звук в урартском обыкновенно передается одним, а в данном случае раздвоенно (вроде арм. manana «манна» или имя области Mananaii вместо Mannaii); писание же знаком «u» может передать и гласное «o» (ср. урартс. Tušpa = арм. Tosp, греч. Thòspitis и пр.).

Тем не менее божество Adaruta в свете приведенного «божественного окружия» не поддается непосредственной смысловой ориентировке. Как будто оно ближе к божествам той же девятой строки (к богу болезни и к богу, проводнику душ). Оставляя пока трактовку значения, обратимся к имею-

щимся возможностям объяснения по данным звуковой внешней схожести, по данным этимологии, что подчас нам более помогает в понимании эволюции значения[1].

Само урартское имя Adaruta фактически произносилось Adarutha, т. е. имело аспированное th, а не простое t, для чего клинопись имеет особое обозначение, транскрипционно передаваемое через ṭ.

К этому Adarutha фонетически примыкают разные вариации имени сирийско-арамейской богини Atargatis, предлежащего позже и в виде Derketo. Во-первых, имеем писание Ἀτταργατις или Ἀταργαττις, а еще чаще Ἀτάργατις (Strab. 16, 748. 785. Arcad. 36, 18)[2]. Эта же форма передается и Плинием (Nat. hist. 5, 81) в латинской передаче Atargatis. Храм этой богини находился в городе Иераполь (Hierapolis) на берегу Ефрата, где она изображена была как обыкновенная женщина, тогда как под сходным названием Derketo она изображалась в храме у Дамаска (в Аскалоне) как русалка, т. е. с нижними оконечностями рыбы. Храм этот находился непосредственно у глубокого озера с многочисленными рыбами, которые были посвящены этой богине Derketo. Сохранилась монета от 332 г. до нашей эры, которая происходит из города

---

[1] Например, у вавилонян упоминается полубог Urra вместе с героем Isum. Этот Urra считается героем богов, получает разрешение у бога Ану, делает набеги во все стороны и производит разрушения. В одном месте (Gressmann, Altorientalische Texte und Bilder, Tübingen, 1911, I, S. 71—72) говорится следующее: „О герой, оставил ты город и в образе собаки вошел в палату, едва тебя увидели воины, как оружия упали из их рук". Urra описывается как кровожадное, буйное и злое существо (см. об этом у А. Матикяна, Ара Прекрасный, стр. 183—184). По-моему для точного понимания этого вавилонского полубога Urra следовало бы не упускать из виду его этимологию, его возможное происхождение от сумеров, у которых ur значит „собака" (ср. также сумерс. urmaḫ „лев", т. е. собств. „собака большая"). Потому Urra и является в образе собаки. В халдском (урартском) пантеоне богов на „дверях Мхера" (строка 12) также упоминается бог Ura, что вероятно является привносом вавилонской культуры. В урартском двойные согласные не сохраняются, а изменяются в один согласный, потому и вавилонское Urra передано урартским Ura с тем же вероятно значением (=жадный до завоевания и разрушения герой-полубог в образе собаки?).

[2] См. у А. Матикяна, Ара Прекрасный, Вена, 1930, стр. 208.

Иераполя[1]. Здесь также читается имя богини в форме Atargates. Страбон и Плиний говорят, что Atargates или Atara то же самое, что у Ктесия Книдского Derketo (Страб. 16, 1, 27, Плиний, Натуральная История, 5, 12)[2]. Известный ученый Т. Нёльдеке предлагал имя Atargates этимологизировать как Athar+Hathe, из которых первая часть есть арамейская форма Иштара (Ištar~Ašthar>Athar), а вторая часть есть малоазийское Atis, т. е. имя известного фригийского бога. Так что все слово должно было значить «Иштар Аттиса», т. е. та Иштар, любимцем которой является Атис (см. The Syrian Goddess, H. Strong and I. Gastrang, p. 27; см. у Н. Адонца, там же, 79). По-моему это Athar-hathe скорее должно было значить „Иштар хетта", т. е. хеттская Иштар, тем более, что хетты (ḫatt-i), или, точнее, хатты, когда-то имели большое культурное и этническое влияние на Сирию, где даже в позднее время (в VIII в. до н. э.) сохранились хеттские мелкие государства (напр. в Каргемише).

Хотя Atargat- (или *Darkat- || Derket-) в своей этой основной форме, как сложное или производное образование, и не сохранилось в ассирийских клинообразных надписях, но первая часть Atar-(Athar) к счастью сохранилась. В ассирийских надписях Atar или Attar часто обозначается как арамейско-арабская богиня. Например, в надписях Ассурбаниапала фигурирует богиня Atar-šəmain «Атар неба» почитаемая каким-то северно-арабским кочующим племенем или родом[3]. Для ученых сейчас нет никакого сомнения, что форма Athar (Atar) возникла из более старого Aštar (=Иштар), для чего сравни также сабейское Ath-tar, хананское Astor и с суф-

---

[1] Эта монета хранится в парижской национальной библиотеке.

[2] Об этом см. Н. Адонц, Мировоззрение древних армян, журнал „Айреник", Бостон, ноябрь 1926 г., стр. 79.

[3] Так передается у H. Zimmerna (см. KAT³, S. 434): „Attar, Atar wird in den assyrischen Inschriften wiederholt aufgeführt als aramäisch-arabische Gottheitt. So in den Inschriften Assurbanipal's, wo ein nordarabischer Nomadenstamm als Verehrer der Göttin Attar-šamain, d. i. der „Attar des Himmels" bezeichnet wird, also eine Hummelsgottheit". Эту справку любезно дал мне Ерв. Тер-Минасян, чем я ему весьма обязан.

фиксом -et для женск. рода—Astoret, откуда греческое Astarte.

Но в сирийских текстах сохранилась и сложная форма Atargates. Во-первых пальмирские надписи сохранили нам 'Athar'atheh или 'Athar'athe, где гласная «а» в середине имеет сначала перерыв голоса. Возможно, что этот «айн» (ע) в других местах заменялся мягким придыханием. Во всяком случае армяне этот звук передавали спирантом h, приноравливая этот айн к своему национальному произношению. Так, напр., в переводах из книг Ефрема (I, 225, II) армяне пишут Թարհաթայ Tharhathay как имя одной сирийской богини, а то пишут и Թարահաթայ Tharahathay, Թարահաթա Tarahatha, хотя у М. Хоренского имя этой богини написано без «h», т. е. Թարթայ Tharathay (кн. II, § 27)[1]. Приводя эти армянские заимствования, известный арменист и иранист Hübschmann (см. его Armen. Gramm., стр. 293), считает эти формы передачей сирийского הלעהא Tar 'aθa, попадающегося у Philipsa (Doctrine of Addai, 24, 18), приводя также греч. Ἀταργατις (по Страбону, 785). В связи с этим хотел бы я обратить внимание на неправильное толкование Н. Адонцем окончания -atha в армянской форме Թարթա Tharatha, как частицы женского рода, тогда как здесь -atha есть сокращение из -hatha сложного Tharhatha или Tharahatha, а это есть передача сирийского Thar'atha, что греки, также приноравливая к своему произношению и письму, передавали через Derketo или Atargat(is), т. е. вместо гортанного взрывного '(айн) они писали k или g.

Возвращаясь к нашему урартскому богу Adarutha, я считаю его заимствованным из семитического мира, точнее из той группы арамейско-сирийских языков или диалектов,

---

[1] Говорится о постройке сирийским царем Абгаром города Эдессия, куда из Мцбина (=совр. Нисибин) он переводит идолы богов Набога, Бела, Батникала и Тарата. Это место по-армянски гласит: *Յայնժամ շինէ [Աբգար] քաղաք գեղի պահպանութեան գնդին Հայոց, ուր յառաջագոյն գգուշանային եփրատու ի կասսիոսէ, որ կոչի Եդեսիայ, և փոխէ ի նա զբնակչսն որ ի Մծբին, և զամենայն կուռս իւր, զնաբոդ և զԲէլ և զԲաթինիքատ և զԹարաթայ, և զմատեանս մեհենից վարժարանին, և միանգամայն զգիւտս թագաւորացն* (см. кн. II, § 27, по Тифл. изд. 1913 г. стр. 114).

где женские формы имели суффиксом -uthā, к чему прибавляли и конечное ā (в сирийском), хотя последнее, т. е. прибавление с конца ā могло быть свойственным и самому урартскому языку[1]. Следовательно, основой или точнее корнем урартского Adaruthā нужно считать Adar-, предлежащее в сабейском и арамейско-арабском Atar или Attar. Во всех семитических формах, кроме Derketo, дается эта основа с глухим t или th, только в урартском (Adarutha) и сирийском (Derketo) имеется звонкое d. Следовательно возможна была первичная форма Ašdar, а не только Ašt̄ar (Ašthar), как передача сумеро-вавилонского имени богини Иштар. Из основы Athar имеются как само это имя, т. е. арамейско-арабская и сабейская форма этой богини, так и сложное Athar-gat(is), название той же богини в Иераполе, откуда с падением начального «а» имеем сирийское Thar'atha (> арм. Թարշաթա Tharhatha). Из основы же Adar- образованы урартское Adaruthā (пишется A-da-ru-ta-a) и сложное Derketo вместо *Adarkato (ср. Athargat-is) с выпадением начального «а» как в сирийском же Thar'athā. Что могла быть огласовка с «а» вместо «е» (т. е. Adarkat- вместо Derket-), так на это указывает помимо грекоримской передачи Atargatis'a, сирийского Thar 'atha, также и форма Darkia в одной легенде о походе ассирийского царя Ниноса в Армению. Здесь форма Darkia считается уменьшительно-ласкательной. При учете точного происхождения и установления путей проникновения к урартцам богини Adarutha следует, конечно, иметь, во-первых, в виду эти Derketo (вм. *Darkato) и Darkia со своими звонкими d в противовес формам Attar (Athar), Atar, Atargatis и пр., где имеется глухое t (или th). Во-вторых, урартское Adaruthā имеет окончание женского рода -uthā, (=ūthā) которое подобно -ithā только и свойственно ара-

[1] Ср. обилие конечного „a" в именах урартских царей — Menua, Inušpua (сын Менуа), Tariria (жена Менуи), Rusa, Erimena, а также в именах богов — Teišeba (ср. субарийское Tešup без конечного „a"), Silla, Adiā, Talaphurā, Adarutā, Erinā, Uninā, Kuerā, Anapsā, Ar'ā и др. Армянские Harma, Amasia, Ara и т. п. своими конечными „a" как будто стоят в связи с этим урартским, а еще лучше сирийским (или сиро-урартским) влиянием.

мейско-сирийским диалектам, хотя им свойственно и женское окончание -ath, как это имеется в еврейском, арабском и др. семитических языках (см., напр., H. Zimmern, Vergleichende Grammatic der semitischen Sprachen, Berlin, 1898, стр. 25)[1]. Все это заставляет нас считать урартское Adarutha несомненным заимствованием из северных арамейских диалектов, считая последнее гласное «а» по происхождению спорным, ибо не во всех арамейских диалектах это конечное а обязательно в (сирийском это нормативно), а в самом урартском, как уже нами выше было указано, весьма распространена такая концовка (с гласным а), подобно хуррийскому (субарийскому) языку.

Очевидно случайным нужно считать внешнее сходство нашего Adarutā с арабским 'uṭārid (=Меркурий, Гермес), перешедшим в виде заимствования и к армянам (*otarit*), ибо арабское слово обозначает божество (и планету) мужского начала, не говоря уже о начальном гортанном 'айн-е, что впрочем может быть и поздним явлением, не имеющим генетического значения.

Каково же точное значение урартской богини Adarutha, считаемой нами арамейско-сирийским вкладом в урартский пантеон, как производное семитическое же образование от основы Adar- с специфическим женским суффиксом -uth(a)?

Концептуальное определение, хотя бы и приблизительное, для имени нашей богини Adarutha уже не представляет больших затруднений. Здесь нужно иметь в виду значения простых или производных — сабейской Athar, арабско-арамейской Atar (Attar), ханаанской Astor (Astoret), фини-

---

[1] Этот арамейский суфф. женск. рода -uthā наличен и в некоторых армянских заимствованных из сирийского языка, напр. в арм. *խանութ* xanuth „лавка"=сир. xanuthā „taberna" (откуда арабс. ḫanut), арм. *գաղութ* gałuth „колония"=сир. gālūthā „exilium" (см. Hubschm., Arm. Gr., 301—302, 304), арм. *աթոռաթայ* athuthay „буква"—сир. aḏuthā (id.). По-моему имя *Խանդուտ* Xanduth (женск. имя), возлюбленной героя арм. эпоса Давида Сасунского, также арамейско-сирийского происхождения. Возможна первичная форма *Xadd-uthā („блестящая"?). Этот арамейский суф. -uthā не нужно смешивать с общесемитическим -uth для абстрактных имен (напр. в аккадском šarru „царь", по šarrutu „царство"), что я вижу в арм. суф. -*ութ*. oyth (напр. *բնութ* „натуральное свойство", *երևոյթ* erewoyth „явление" и пр.), что напрасно силятся вывести из индоевропейских языков.

кийской Astarta и пр., а с другой стороны значение сложного имени Atargat-, сохраненного в формах Atargatis, Derketo, Athar'athâ, Thar'athâ и Tharhathâ (Παρσαφάτ) и пр. Значение всех этих божественных форм одного и того же имени Atar (<Astar) или Adar (<Aštar) несомненно одинаковое: это —богиня любви, плодовитости, размножения и пр., что имеется и в сумеро-вавилонской богине Иштар, которая вдобавок покровительствует роженицам, изображаясь с младенцем на груди, но и имеет также военные склонности, будучи также возлюбленной бога Таммуза.

Имея в виду роли этой одноименной богини у семитов, как и особенно помещение урартской Adarutha рядом с богами болезни (resp. исцеления) и смерти (с переводом души), я считаю значение этой урартской богини более или менее уточненным и очерченным, а именно как богиню рождения. Следовательно в упомянутой надписи Ишпуини и Менуа (9 строка) приносятся жертвоприношения богам — рождения, болезни (исцеления) и смерти (с перенесением души). Упомянем даже одно сведение, исторически доподлинно засвидетельствованное и относящееся к богине Иштар, которая исцеляет от болезней: митаннийский царь Тушратта по просьбе египетского фараона Аменописа III посылает последнему идол Иштар, чтобы она исцелила больного фараона (Knudtzon, III, Nr. 6, Taf. 23. S. 179—181).

Значение и влияние урартской богини Adarutha видимо было сужено только ее отношением к рождению (родам) и размножению, а может быть и к исцелению. Но едва ли она была богиней любви в том большом культурно-общественном понимании, как это придавалось, скажем, Иштар или Кибеле. При таком высоком положении урартская богиня упоминалась бы в первых рядах после Халда, Тейшебы и Арднни, т. е. божественной урартской троицы. Здесь мне можно сделать одно веское возражение, а именно жена верховного бога Халди по имени Bagbartu (т. е. богиня Барт-у) даже совсем не упоминается в урартском пантеоне богов, перечисленных в вышеназванной надписи царей Ишпуини и Менуа, и об этой богине узнаем только из надписи ассирийского царя Саргона. Но конечно этим еще не доказывается отсутствие женских бо-

гов у урартцев. Например, в вышеприведенной же надписи (строка 21) упоминается божество Aia, что мной отождествляется с вавилонской богиней Aia (или Aa), считающейся «матерью лесов», а первоначально просто значило «зеленый». Конечно могут быть и другие случаи женского божества в приведенном перечне урартских богов. Вообще же говоря, женское начало не доминирует у урартцев, и в этом отношении у урартцев преобладал патриархальный строй, т. е. мужское начало, как отчасти у семитов. У хеттов же богиня города Аринна, а именно Hepit (у греков Hipta), стояла во главе хеттского пантеона, подобно отчасти другим древним малоазийским народам (ср. у фригийцев роль Кибелы, у понтийцев роль Ма, т. е. великой матери богов и пр.), что отчасти передалось и армянам (ср. роль богини Anahita), ликийцам (Artemis) и др.

Армяне, как культурные и политические наследники древних урартцев, казалось бы, должны были сохранить хотя бы некоторое количество урартских божеств. Но мои исследования показывают скорее другое, а именно большую связь в этом отношении армян с хеттами или фригийцами и вообще с древним малоазийским миром, чем с урартским, хотя и влияние урартской государственности и культуры возможно и сказывается в сказаниях об Айке и Беле, Арае и Семирамиде, где Бел и Семирамида, конечно, месопотамского происхождения. *А вообще придется думать, что армяне еще до освоения Урарту уже явились сложившимся народом с определенным языком и мировоззрением, которое имело сильное религиозно-культовое содержание.*

Армяне переняли и некоторые древнесемитические (аккадские) божества, как, напр., *Անգել*, Angel, *Հնգլա* Angla, *Նար* Nar «нимфа» и др., отсутствующие в урартском пантеоне, как и много ассиро-вавилонских слов (до шести десятков), а все это еще раз доказывает, что подобный вклад скорее произошел через посредство народов или племен южной части исторической Армении (областей Софена, Туруберан, Алзник и др.), чем непосредственно через ванцев-урартцев.

Это маленькое исследование об урартском божестве Adarutha выявляет одно из таких звеньев в цепи культурно-

исторического влияния древнего семитического, в данном случае арамейско-сирийского мира, на доармянское население исторического Урарту. А значение такого точно определяемого факта, хотя бы и маленького, как происхождение этого божества Adarutha, с определением путей его проникновения к урартцам, имеет в конечном счете то большое значение, что способствует выявлению и выяснению вообще многих культурно-исторических проблем как во время самой урартской государственности, так и сравнительно позже, уже при армянской действительности, очень много обязанной этому же древнесемитическому миру.

1944 г.

К ПРОИСХОЖДЕНИЮ ЛАТИНСКОГО СЛОВА MALUM «ЯБЛОКО»

Индоевропейская лингвистика выявляет два названия для слова «яблоко» (resp. «яблоня»). Первое употребляется в балто-славянских, германских и кельто-италийских языках. Общий корень этих слов звучит abul-, что наличествует в др.-слав. аблъко (рус. яблоко), литовск. óbulas «яблоко», obelis «яблоня», др.-в-нем. apful (=нем. Apfel) «яблоко», др.-ирландс. aball «яблоко». В италийских древних языках этот корень сохранился только в собственном имени Abella, что находится в Кампании, т. е. в области оскского языка и значит «город яблок». Виргилий называл этот город Абеллу «malifera», т. е. «яблоконосная». Однако это слово (abul- ‖ abel-) и в Италии было вытеснено словом, в дорийском диалекте известным в виде μᾶλον (откуда лат. malum), заимствованным из неизвестного языка; это слово (mālon) обозначало культивированное яблоко. Здесь обнаруживается результат появления средиземноморской и эллинской цивилизации на месте северноевропейской, которая была первоначально и культурой латинов и оско-умбрийцев. Такой обобщенный результат об имени и культурных путях распространения термина для яблока (resp. яблони)—abul и mālon дается в книге знаменитого французского лингвиста А. Мейе «Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков» (М.—Л., 1938, стр. 399).

Следовательно, по данным индоевропейских языков есть только два названия для яблока: одно (abul) распространено в северных и западных индоевропейских языках (т. е. в балто-слав., герм., кельто-итал.), а другое (māl-um, μᾶλ-ον), служащее для обозначения культивированного вида, проник-

ло, как говорит Мейе, из какого-то неизвестного языка к грекам, а отсюда и к италийским народам, в частности латинянам, использовавшим до тех пор abel-, как северно-индоевропейское слово.

Я в своей работе «Chetto-armeniaca», напечатанной в 1931—1933 годах (Ереван, Госиздат), также остановился на имени лат. mālum и осветил его происхождение из Малой Азии в связи с хеттским maḫla (ib., стр. 61). Не знаю, почему моя эта этимология не удостоилась внимания индоевропейских лингвистов. Ведь моя этимология латинского (как и греческого) слова как раз и идет навстречу тому научному предположению, что греко-латины, под влиянием средиземноморской (следовательно и эгейской) и эллинской цивилизаций, переняли из какого-то *„неизвестного языка"* греч. mālon>лат. mālum. Моя этимология в точности дает ответ на этот средиземноморский источник слова, если принять древне-малоазиатский хеттский культурный мир частью этого средиземноморского мира, хотя нам известно и обратное, т. е. влияние малоазиатской культуры на средиземноморский—эгейский мир. Навстречу предположению индоевропейских лингвистов о том, что malon (>mālum) является *культивированным яблоком*, говорит сам свод хеттских законов, относящийся к четырнадцатому веку до нашей эры и гласящий в интересующем нас месте следующее: Si d'une vigne cultivée des pommes quelqu'un vole..." (см. Code hittite, изд. Ф. Грозного, Париж, стр. 107). Слово культивированный, предположительно переводимый Ф. Грозным, основывается на данных контекста. Там, где говорится о краже яблок из «taggalianda» сада, т. е. из культивированного сада, штраф полагается в 10 (или 6) серебряных сиклов, а там, где говорится о краже яблок из «U. Ul-ma taggalianda» сада, т. е. из некультивированного сада (U.Ul есть семит. слово «не»), тогда штраф платят уже в три серебряных сикла.

По данным морфологии хеттского языка и сравнения армянского языка корнем хеттского слова taggalianda я взял tagg (takk)[1], имея в виду, что -anda является обык-

[1] В хеттском глухие и звонкие взрывные всегда смешиваются, а двой-

новенным хеттским суф. причастия средних или страдательных глаголов, а суф. -ali—частицей для образования отыменных прилагательных. Так что taggali должно было значить «рассадниковый», как от хетт. irma «болезнь» имеем irmali «больной»..., а глагольная форма taggalianda значила бы «рассадникованный», имея в виду наличие хетт. имени tagg (или takk-) в арм. слове tunk «посаженный куст (дерево)». Эта моя этимология и перевод хетт. taggali «рассадниковый» также идет навстречу предположительному переводу Фр. Грозного хетт. слова taggalianda „cultivée", а вместе с тем и проникновению хеттского культивированного яблока (maḫlan) на Эгейские острова и в Грецию. Мы здесь не хотим вообще приводить доказательства о влиянии хеттского (т. е. азианического) культурного мира на греческий, что уже достаточно указано другими, как в области собственных имен мест, богов и т. д., так и нарицательных слов.

Если взять чисто лингвистическое взаимоотношение между хетт. и греко-латинским словами, то хеттская основа maḫla- (пишется ma-aḫ-la-an, как форма вин. пад.) имеет как будто лишнее ḫ в середине слова. Я сейчас не могу доказать, является ли эта форма первичной с дальнейшим видоизменением в mala- или же наоборот. Если принять также мое объяснение происхождения грузинского vaśli «яблоко» из хеттского maḫla-, т. е. с изменением «m» на «v»[1], а

ной согласный gg (или кк), подобно многим другим случаям, мог получиться из простого g (или к).

[1] Переход же древнего m на груз. v имеем и в грузинском viri «осел», что я считаю семитич. словом (ср. аккадское, т. е. ассиро-вавилонское слово imêr-u с тем же значением). Доказательством южного (месопотамского) происхождения или, точнее, проникновения животного осел на север служит, по-моему, и арм. ēš «осел», что есть несомненно изменение сумерского anše (anšI), а это уже проникло и в другие языки — сравни лат. asinus, греч. onos (из osnos), герм. Esel, слав. осел и пр. Ср. также груз. akhmeli «верблюд», лат. camelus и др. из аккадс. gamallu (id.), т. е. тот же семитический сумерский культурный мир для проникновения некоторых животных и их названий на север и запад. Из Малой Азии проникли термины, напр. ponticus (арм. պնդակ, перс. findik) от имени Понта (область прибрежных районов вокруг Трапезунда), или напр., keras- «черешня» от имени города Керасунд (западнее Трапезунда) и т. п. Русское черешня, т. е.

серединного хеттского ḫ на груз. š, что имеем и в словах хетт. maḫḫan «когда» и груз. mašin «тогда» и пр., то первичным малоазиатским словом для яблока будет maḫla- и следовательно греко-латиняне это слово переняли (возможно через малоазиатских ахеян?) в форме mala-, т. е. без серединного h[1].

С другой стороны, в хеттском есть случаи, когда в середине слова развивается лишнее ḫ, напр. там, где греч. имеет πῦρ (род. п. πυρός), умбрийск. pir, немецк. Feuer, древненем. fiur из старого fuir, все со значением «огонь» (арм. hur из pur), хеттский дает paḫḫur «огонь» (с род. п. pahhuen-as, pahhun-as, ср. -арм. hun «огонь», готс. fōn, род. п. fun-ins, старо-исл. fine, прусск. panno- «огонь»). Так что трудно сказать, каково было изначальное произношение древнего малоазийско-эгейского слова для яблока (или яблони): было ли оно первично maḫla с поздним изменением в mal- в греко-латинском mālon mālum, или же наоборот, т. е. первоначально было mala-, а потом из него развилось хеттское maḫla-. Академик М. Туманян обратил мое внимание и на тюрко-татарское alma «яблоко», что несомненно через перестановку (метатезу) звуков «m» и «l» можно было бы выводить из amla, а это уже непосредственно примыкает к предполагаемому древне-малоазиатскому или эгейскому mal-a-. Конечно, в таком случае нужно еще исторически доказать пути проникновения культуры яблони из переднего востока в Закаспийский мир, т. е. в область уралоалтайских народов.

Армянский язык стоит как будто в стороне от этого термина. Армянское xəndzor хотели-было считать заимствованным из семитического мира, имея в виду сирийское xazzūrā с тем же значением. Но, как говорит Гюбшманн, «Das syrische Wort ist nicht echt syrischen also aus dem entlehnt» (см. его «Arm. Gramm.», стр. 305). Этого же мнения придерживается и акад. Р. Ачарян. Но мне думается, что оно

корень *череш-*, получилось от кереш- (арм. կերաս keras-) с изменением «к» в «ч» перед гласным «е».

[1] Не значит ли хетт. непереводимое hūšeli- (из свода законов, 106) «груша», имея в виду груз. m-sxal-i (id.) из *(m)-xsal-i?

ошибочно, ибо имеется оставшееся неизвестным этим лингвистам и древнее ассировавилонское ḫašḫurr-u с тем же значением «яблоко», а это слово уже близко звучит с сирийским xazzūr-ā, т. е. если писать клинообразной транскрипцией— ḫazzūrā.

Моя этимология, выясняющая происхождение «культивированного» яблока в греч. mālon, лат. mālum (в связи с перенятием из хеттского māḫla- и тюркск. alma?), может быть уточнена в своих путях проникновения только историческими, а еще более растениеведческими конкретными данными. В этом отношении лингвистика может очень помочь и ботаникам, коим принадлежит, конечно, последнее решающее слово.

1944 г.

К ПРОИСХОЖДЕНИЮ АРМЯНСКОГО ЯЗЫКА

Введение

Изучение какого-либо языка, если он имеет письменное прошлое, совершается в своих отдельных исторических периодах (фазах), а затем во всех этих периодах, вместе взятых, начиная с древнейшего письменного и до последнего живого состояния этого языка и диалектов. В первом случае объект исследования ограничен в своем времени и подвержен как бы методу статического описания во всех своих фактах. Во втором же случае рамки для обследования языковых материалов весьма раздвигаются, обнимая периоды даже тысячелетий. Здесь сравнительным методом изучается древний письменный период с последующим, а этот с более новым и т. д., выводится их общее и различие, влияния диалектов, иностранных языков, нововведений и т. п. Такой методический подход нам дает возможность воссоздать историческую «грамматику» данного языка, начиная с первых его письменных документов.

Но есть возможность для некоторого проникновения исследовательской мысли и в дописьменный период или периоды развития данного языка, когда из древнейших родоплеменных языковых истоков начинает как бы синтетически накапливаться новый народный язык с начальным возобладанием одного, а иногда и нескольких языков, что бывает реже. Такое заглядывание пытливой языковедческой мысли далеко за письменный период изучаемого языка несомненно даст нам меньше материалов и сравнительно имеет более теоретический характер, чем данные из материалов данного языка в его пописьменный период. Сравнительный метод, применяе-

мый для изучения и для письменного, и для дописьменного состояния данного языка, для этого последнего случая является как бы единственным возможным методом. Тут мы берем древнейший письменный вид данного языка с его грамматикой, лексикой и фонетикой и сравниваем с теми языками, которые бытовали в его окружении, или с теми языками, которые могли оказаться в далеких географических широтах, будучи «родственными» и имея более древнее письменное состояние.

Сравнительный метод изучения дописьменных состояний (или состояния) данного языка, хотя и является ограниченным и несовершенным, тем не менее он нам дает некоторые достижения, которые вполне реальны и зачастую позже оправдываются новыми находками, а, следовательно, вполне оправдывает себя и пока единственен в своем применении. Конечно, такое сравнение совершается на строгих фонетических закономерностях, а не преднамеренно и произвольно, когда пренебрегают временами, исторически возможными связями и языковыми инвентарями в систематике изучаемых языков, фетишизируя даже современное звуковое состояние, умозрительно деля язык на элементы, стадии и т. п., из-за всеобщего в языках не видя конкретную жизнь данного языка в его историческом бытовании, окружении, условиях и т. п.

Ф. Энгельс заострял внимание на конкретно-историческом развитии языков (а за «историчность» он даже хвалил индоевропеистов-лингвистов) и в своем «Анти-Дюринге» говорил: «Материя и форма родного языка только тогда могут быть понятыми, когда прослеживают его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если оставить без внимания, во-первых, его собственные омертвевшие формы и, во-вторых, родственные живые и мертвые языки»[1]. Отсюда ясно, что в этом сравнительном изучении родственных языков, т. е. в применении сравнительного метода изучения для близких (родственных), а я бы сказал и для неблизких (неродственных) языков, Ф. Энгельс не видел ничего специфи-

[1] См. Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, изд. 6-е, М., стр. 233.

чески буржуазно-концептуального, что так часто декламировалось некоторыми любителями общего языкознания.

Наконец, что касается понятия «родственности» языков, на что также любят косо зариться, то нужно предварить здесь, что, во-первых, между двумя и более языками могут действительно установиться общие элементы (слова и отчасти частицы) и не только искони, т. е. в период исторического взаимообщения, смешения или родоплеменных взаимопроникновенностей этих языков, как новых этнокультурных качеств, но и как позднее заимствование, начиная с этих древних и более поздних эпох. Эти заимствования также имеют ценность. Но скорее в порядке установления влияния более сильных культурных соседей, чем для определения генезиса языка данного народа, если, конечно, этот язык целиком не заимствован. Во-вторых, родственность между двумя и более языками может быть близкая и дальняя, смотря по количеству и характеру наличных их общих элементов (корней, частиц). Так, например, русский язык, как славянский, более родственен с украинским и белорусским, чем с польским или чехословацким, не говоря о южных славянских языках (болгарском, сербо-хорватском и пр.). Все же эти три группировки славянских языков вместе имеют большую близость к балтийским (литовскому, латышскому и вымершему прусскому), чем к германскому, кельтскому, латинскому, греческому, индо-иранскому и др., которые вместе с этими балто-славянскими языками составляют индоевропейскую большую группу родственных языков. Так обстоит дело и в других родственных языках (семитических, урало-алтайских, угро-финских и пр.). Термин «родство» языков фигурирует и у К. Маркса и Ф. Энгельса, а последний написал даже маленькую работу о генетическом состоянии франкского диалекта среди прочих германских диалектов и языков. Естественно, нужно отметать непринятые учеными, даже буржуазными, те ненаучные попытки или презумпции, что язык может иметь связь с расой или происхождением (с цветом кожи, с содержанием крови...). Урало-алтайские болгары позже стали говорить на Балканах на славянском языке, евреи у Махач-Калы говорят на отменном

иранском диалекте и т. д., и т. п., а армяне и в расовом и в языковом отношении имеют весьма сложный генезис, выступающий, главным образом, на этнокультурном субстрате древней Малой Азии.

ГЕНЕТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ АРМЯНСКОГО ЯЗЫКА

Приступая к схематическому изложению генетического содержания армянского языка, т. е. совокупности его генетически выявленных элементов (слов-корней, частиц, звуков, технически-формальных приемов и пр.), считаю нужным вначале вкратце предварить историю такого генетического изучения интересующего нас вопроса. Оставляя фантастические бредни некоторых ревностных армян о первородности армянского языка, как божественного дара после потопа, а также некоторых европейских «ученых» о родстве армянского языка с турецкими (т. е. урало-алтайскими), остановлюсь только на четырех теориях, отражающих последующий прогресс в изучении генезиса армянского языка в связи с позднейшими достижениями и открытиями.

Первая концепция, выдвинутая Петерманом, Виндишманом, Гоше, Фр. Мюллером и Лагардом, состоит в том, что армянский—индоевропейский язык и принадлежит к иранской подгруппе. Эта точка зрения в корне ошибочна, потому что те слова армянского языка, которые имеют иранский (персидский) облик, оказались все заимствованными, числом до 1405, и указанные ученые не сумели отделить их от чисто армянских корней, грамматических норм и фонетических закономерностей.

Вторая точка зрения, выдвинутая Гюбшманом, оказалась более передовой, рассматривала вышеназванные иранизмы как чистые заимствования, а другие индоевропейские лексические и грамматические элементы как вклад особой индоевропейской группы или ветви, являвшейся вполне самостоятельной. Некоторые хотели в эту родственную с армянским группу включить и фрако-фригийские языки, поскольку греческие писатели (Геродот, Евдокс и др.) подчеркивали род-

ство этих двух народов или языков. Но такое предположение, судя по наличным данным фракийского и фригийского языков, совсем не оправдалось и сейчас не признается Гарагашяном, Ташяном, Марквартом, Ачаряном и другими[1]. Установление отсутствия такого родства между фрако-фригийским и армянским осталось неотмеченным в книге акад. Я. Манандяна «Критический обзор истории армянского народа» (стр. 12—16). Недоказуема также родственная связь индоевропейских элементов армянского языка с древнейшими иллирийскими языками Балканского полуострова, вследствие недостаточности материала. Такого мнения придерживался и А. Мейе, хотя Маркварт подчеркивал родство арм. manr «мелкий» и suin «штык» с иллирийскими словами manu и sibyna с теми же значениями. По теории сторонников индоевропейского характера армянского языка «армены» являются эмигрантами из блаженной индоевропейской прародины, переселились через Балканы в Малую Азию по северному черноморскому берегу, где есть несколько топонимических имен, связуемых с термином «армен», затем передвинулись в Малую Армению, а позже завоевали и территорию государства Урарту, смешавшись с местными народами, вследствие чего и армянский индоевропейский язык подвергся сильному влиянию этих местных языков. Следовательно, эти древнейшие языковые материалы хаясцев, балайцев, хеттов, хурритов и др. являются такими же заимствованиями, как слова, позже взятые из сирийского, греческого, персидского и других языков.

Третья теория по генезису армянского языка принадлежит моему покойному учителю Н. Марру, который уже к 1903 году сумел оформить свое научное отношение к этому генезису, основываясь на лексических и некоторых грамматических встречах между армянским и грузинским. Марр это считал в армянском не заимствованиями, как трактовали такие неиндоевропейские элементы Гюбшман, Мейе, Ачарян и другие. В своей «Грамматике др.-арм. языка» (Петерб.,

[1] См. Ачарян, История армянского языка, стр. 131—133.

1903, стр. XXXI) Н. Марр говорил: «Одно выступает ясно: он [арм. язык] весьма характерный образчик мешаного языка. Речь, конечно, не о богатой примеси в нем явно заимствованных слов, легко выделяемых и в значительной степени уже выделенных. Я имею в виду ядро реального армянского языка, возникшего на почве исторической Армении. Само ядро двуродное». Н. Марр продолжал на этой точке зрения стоять и позднее, издавая даже серию своих этимологических изысканий армянского корнеслова на данных «яфетических» языков (см. его «Яфетические элементы арм. языка», I—XII). Несомненно, подход Н. Марра был правилен, хотя не все его этимологии нужно принять. «Яфетические» его языки в начале были как бы количественно ограничены со включением грузинских и других кавказских языков, местного (неиндоевропейского) слоя армянского языка, а также урартского и некоторых других, и находились мол в дальнейшей генеалогической связи с семитическими и хамитическими, как ветвями „ноэтического" праязыка. Это походило, конечно, на концепцию индоевропейских лингвистов с их праязыком, прародиной и пр. Если бы такой подход Н. Марра развился *с учетом генеалогических конкретных проблем, как фактической общности*, то тут можно было бы использовать некоторое его здоровое историческое зерно. Но когда Н. Марр в круг „яфетических" языков начал вводить языки, ничего общего между собою не имевшие, например, языки не только этрусков, басков, вершиков (на Памире), эламитов, всех кавказских аборигенов и пр. и пр. но и доисторические языки Афревразии, и когда позже, отказавшись от генеалогического ограниченного учета языковых связей, стал *только и только* на морфологическо-стадиальной универсальности с так называемыми четырьмя вездесущими фонетико-морфологическими всезначущими элементами, и ими обусловленной «палеонтологией», то, понятно, он тем самым отказался от бывшей своей концепции насчет генеалогической группировки или классификации языков, а тем самым и от яфетической ветви ограниченного числа языков. Единый глоттогонический процесс, но, конечно, без «элементов», не исключает, а основывается на выявлении конкретных исторических закономерностей, идео-

логии, конкретно-исторических взаимоотношений данных групп языков в их особых условиях, генетически-родственных связях, особых формальных и лексических данных и пр.; генетическое существо армянского языка не может быть трактуемо умозрительно, основываясь особенно на формальной типизации языков («аморфные», «агглютинативные», «флективные»), а на конкретных исторических данных.

Наконец, новую установку генезиса армянского языка, которая по характеру приближается к первой концепции Н. Марра, предлагаю я, хотя подробного и окончательного изложения еще не завершил. Здесь мной дается суммарный и схематический набросок, не считая некоторых описаний армено-урартского и армено-хеттских языковых взаимоотношений, данных мной в других моих работах. Надеюсь все это собрать и восполнить в работе под названием «Древний период истории армянского языка». Подробно и обстоятельно изучив генезис армянского языка на данных этнокультурного и языкового субстрата древней Малой Азии, поскольку это выявляется по последним данным урартского, хеттского, хурритского и других малоазийских («азианических») языков, я пришел пока к тому заключению, что армянский язык своим превалирующим генетическим содержанием стоит в середине между хурро-урартским, хетто-лувийским и грузинским языковыми группами этих азианических языков, куда входят по новейшим изысканиям также ликийский, лидийский и этрусский языки[1]. Нужно иметь в виду, что грузинский—главным образом кавказский (южнокавказский) и родственен с вымершим албанским и современными живыми языками Северного Кавказа (черкесский, убыхский, абхазский, чечено-ингушский и языки Дагестана), хотя одной слабой ногой стоит и на почве малоазийских языков. Армянский же сильно насыщен индоевропейскими язы-

---

[1] С ликийским языком армянский связывается суффиксом -ացի -açi или -եցի -eçi для определения происхождения. Ср. ликийс. Suriezi «сириец» (арм. siriaçi), spartazi «спартанец» (арм. spariaçi) и пр. Ср. также лик. пег, что вопросительно переводят через «сестра» и арм. ներ «невесты двух братьев» в отношении друг друга.

ковыми элементами, придающими этому языку на вид смешанный генетический характер.

ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ АРМЯНСКОГО ЯЗЫКА

Чтобы получить точное, хотя и общее впечатление о генетическом существе армянского языка, в противоположность претенциозной индоевропейской концепции, считаю нужным проанализировать те три возможные стороны генезиса армянского языка, которые в совокупности и определят его генетическое существо или содержание. Эти три генетические стороны следующие: стадиально-палеонтологическая, формально-техническая и языково-материальная, иначе говоря, инвентарная (корни, частицы). Конечно, каждая такая сторона не с одинаковой полнотой может быть рассмотрена.

I. СТАДИАЛЬНО-ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКАЯ СТОРОНА

Эту сторону можно было бы назвать и содержательной или концептуальной. Ее выявление в стадии исторического мышления и идеологии может иметь не только общелингвистическое значение и ценность, но и конкретно историческое значение для определения сравнительной связи армянского языка с другими древними языками, имевшими то или иное отношение и связь с армянским. Так что эта языковая концептуальная сторона становится тем самым сравнительно-языковым фактором или средством, подобно формально-технической и инвентарной (корни, частицы) сторонам.

Здесь мы можем взять, напр., значение тех не заимствованных слов, которые относятся к средствам производства, к металлам, домашней утвари, прядению-шитью, цветам, скотоводству, земледелию, охотничеству, семейным или родовым отношениям и т. п. Все это может дать некоторое представление о быте и культуре до армян и самих армян, а в известной части относиться и к соседям как к компонентным племенным или этническим источникам образо-

вания армянского народа. А это, несомненно, отражается и на генезисе самого армянского языка, факты которого в своем возникновении и развитии не могут быть всецело понятыми без этого материальнобытового общего субстрата древней Малой Азии и Урарту.

Затем, если взять чисто лингвистические сравниваемые элементы, то в этой концептуальной стороне языка я бы подчеркнул, например, состояние эволюции так называемых грамматических (морфологических) категорий, напр., числа и рода. Древнеармянский язык не имел двойственного числа, хотя некоторые усматривают в армянских диалектах такое наличие дв. числа с суф. -wi (aç̌wi „глаза", otwi „ноги", dzeŕwi „руки", ənkhwi «брови»...), и в этом отношении армянский отходит от системы семитических и индоевропейских языков, где имеется это двойственное число. В урартском, хеттском и, вероянто, хурритском не замечено пока наличие двойственного числа. Его нет и в грузинском. Также обстоит положение и с категорией рода, хотя его слабые пережитки сохранились в хеттском[1].

Далее я бы подчеркнул наличие местоименных энклитик (частиц), наряду с самостоятельными местоимениями, что как будто свидетельствует, как пережиток, о двух формах синтагматики (синтетическом и аналитическом), как вероятном отображении более старого конкретного мышления или точнее переходе от одного к другому. Ср., напр., арм. tun-s и im tun с одинаковым значением «мой дом». Но эти местоименные частицы имеют в древне-армянском не только личное, указательное и притяжательное значение при соединении с существительными (ср. арм. hajr-s «я отец», «этот отец», «мой (наш) отец»), подобно самостоятельным местоимениям, но и указывают при аффиксации с глаголом на отношение действия к объекту, не говоря о субъективных частицах, наличных в глаголах и других языков (семитических, индо-евр., урало-алтайских и др.). По суффигированию местоименных энклитик с существительным и прочими

[1] Ср., напр., хурритское zalamši šinniperuḫe šeni-wuš arien „одно изображение из слоновой кости мой брат даст».

именами армянский язык примыкает к малоазийским и семитическим. Грузинский же не применяет этого явления, чем резко отличается от них. Ср., напр., хетт. kišri-mi „(в)моей (-mi) руке (kišri)", урартс. ebani-ukie „стране моей", равнозначущее по конструкции арм. erkri-s; ур. Xaldis- me «Халд-мне» (при самостоятельном šuki «мне»), хурр. šeni-wuš „брат-мой"; семитич. (аккад.) abu-ka «отец-твой», kudurr-i «пределы мои» и пр. Местоименные энклитики суффигируются также в глаголе этих языков: хеттс. kuenzi-uš «убивает-их», uppi-warat-mu «пошли-то-мне», урартс. aru-me (из arun-me) «он дал мне» (но šuki Xaldiše ubardu duni «мне Халд повеление сделал» с самостоятельным или акцентированным šuki «мне»), семитич. (арабск.) katala-hu «он убил его» и т. д. Армянский и в этом случае примыкает к азианическим и семитическим: or greçaw-n „то (-n), что написано было» (=написанное), z-or asemkh-s «то, что говорим здесь (-s)», or phophoxin ew šarži çe ēakan „то (-n), что (or) меняется и двигается—не существенно» и т. п. Грузинский же применяет в глаголе местоименные энклитики только в начале глагола после субъективных частиц: w-s-cer cignsa „я (v-) ту (-s-) пишу книгу», а, следовательно, и этим отделяется от малоазийских (азианических), как и семитических. В индоевропейских же языках вообще нет местоименных энклитик ни при именах, ни при глаголе, и, следовательно, *армянский в этом важном формально-структурном, как и стадиально-палеонтологическом конкретном случае, примыкает к азианическим языкам.*

Наконец, я бы хотел обратить внимание еще на одно конструктивно-концептуальное явление, сближающее древнеармянский язык с азианическим. Это своего рода конгруэнция, когда несогласованное определение вместо нормального родительного падежа ставится в падеже определяемого имени. В хеттском такой случай известен, напр., в конгруэнции этого родительского с винительным падежом прямого дополнения (Gilgamešan alaman šamnēr «Гильгамеша статую сделали» вместо Gilgamešaš, т. е. род. п.)[1]. В урартском

[1] Ср. также в своде законов: «кто свободной личности» (или раба—

имеется „я помолился богам (DINGIR^{pl} aŝte) Биайны (Biainaaŝte), вместо ожидаемого род. п. мн. ч. Biainaue. Ср. подобное явление в др.-армянском srtiw barkutheamb «сердцем гнева», т. е. разгневанным сердцем, вместо ожидаемого srtiw barkuthean с нормальным barkuthean в родительном падеже, но это несогласованное определение (в род. п.) переключает свою форму в форму творительного падежа слова srtiw (от слова sirt «сердце»), т. е. определяемого им слова. Древнегрузинский язык также имел подобное явление, но с удержанием определителя как своей формы род. падежа, так и формы определяемого, чем и отличается от языков азианической группы, в том числе и армянского. Напр. neba-j mamisa çemisa zeçathaisa) «воля отца моего небес» (небесного), где последнее слово zeça «небо» при форме род. п. мн. ч. zeçatha („небес") присовокупляет также форму своего управителя в род. п. ед. ч. mamisa çemisa „отца моего", т. е. -isa, а далее и знак «j» определенного имен. п. слова nebaj от neba «воля»[1].

Имея в виду все вышесказанное, определенно можно сказать, что *армянский язык своими многими типологически-конструктивными и стадиально-идеологическими проявлениями или свойствами, несомненно, более роднится с древними малоазийскими (азианическими), чем с индоевропейскими языками.*

2. ТЕХНИКА СЛОВООБРАЗОВАНИЯ И СЛОВООТНОШЕНИЯ

Для анализа генетического состояния армянского языка мы используем не только концептуальную сторону слов в их древнем идеологическом бытовании, т. е. палеонтологически, с их категориями и формами взаимосвязи и т. п., как видели выше, но и саму технику словообразования и выра-

---

рабыни) ногу (руку) сломает», где «личности» (раба, рабыни)", стоят в вин. п. вместо род. п. (см. у Hr., Code hit., стр. 8—10 и др.).

[1] Ср. в хурритском: DINGIR^{pl} -na uminivena Ḫattenivena duriḫḫina «боги страны Хатти мужские» (umini «страна», duruhhi «мужской»), где -na знак мн. ч., -wi (или -we) для род. п.

жения грамматического содержания (т. е. категорий). Вообще в языках существует до семи таких формальных способов—сложение двух разнородных корней, повторение корня, придача частиц, перемена места слова (диспозиция), ударение, внутреннее звукоизменение корня (удлинение звука, его перестановка, выпадение, чередование...), а также роль формальных (служебных) слов. Для характеристики морфологического такого генезиса мы естественно должны брать самые распространенные из них, бытующие в одних и тех же специфических проявлениях в армянском и родственных с ним языках.

Возьмем форму сложения из двух разных корней. Армянский применяет этот способ в весьма разнообразных сочетаниях и формах: существительное с существительным, прилагательное с прилагательным, существительное с прилагательным и обратно и т. д. Даже может сочетаться глагол с глаголом, напр., քննադատել khnnadatel «критиковать", из քննել khnnel „исследовать" и из դատել datel „судить", կշռադատել kšřadatel „взвесить, поразмыслить" из կշռել kšřel „взвесить" и դատել datel „судить"[1] и т. п. Такие сочетания бывают как через посредство соединительного гласного «а», подобно русскому языку (с соединительным о, е), так и без них. Мы знаем, что в семитических языках почти нет сложения из двух слов или корней в качестве нового слова. Там целые предложения могут стать как бы новыми словами, в роде, напр., Sinaxerib=Sin axē erib „Син (= бог луны) моих братьев умножил», Nabu. kudurr-I usur (=Набугодоносор) „Набу, мои пределы сохрани"!, но такие комбинации еще не составляют сложных имен или слов в вышеупомянутом понимании. Грузинский язык ограниченно применяет формы словосложений, которые столь богаты и разновидны в армянском, персидском, немецком. В армянских сложных словах первый компонент почти всегда служит объяснителем (детерминативом) ко второму, являясь для

[1] Ср., напр., mardateaç «человеконенавистник», sosanuēr «преданный соснам», geleçkatesil «прекрасновидный», daštabnak «в поле проживающий» и пр.

него дополнением, определением, обстоятельственным словом[1]. Только в таких сложениях, как hajr и majrə „отец и мать", т. е. „родители", или aɫutur „торговля" (из aɫ „бери" и tur „дай"), или gišer-çerek „сутки" (собств. „ночь-день») и т. п. имеется как бы качественное равновесие между компонентами. Армянские composita determinativa по качеству скорее имеют индоевропейский характер, хотя есть случаи, где первый компонент превалирует по значению над вторым. Так, напр., աչագեղ aç̌agel «прекрасноокий» вместо нормативного գեղաչեայ gełaçeay или ամանոր amanor «новый год» и пр. скорее приближаются к хеттскому, грузинскому, но и греческому сложениям. Ср. хетте. pittarpaiḫis «крылоширокая» (птица) из pittar «крыло» и paiḫis „широкий», грузинск. tvaɫšavi „око-черный" (=чернооκий), phexmravali «ногомногая» (=многоножка) и пр., но греческий язык также имеет подобное явление, как metropolis „матерь-град» (откуда арм. перевод majrakhałakh «столица»), philologos «любящий слово» (=словолюбец) и пр. Хеттские и грузинские типы приведенных выше сложений считаются не индоевропейскими (см. Joh. Friedrich, Die heth. Bruchst. d. Gilg.-Epos, стр. 36). Мне думается, что армянские сложения без соединительного «а», а их очень много, особенно в диалектах, идут из малоазийского источника. В урартском мне удалось найти пока только два сложения, как garabxubi, что я перевожу через «песчаное поле» (ср. garbi «песок, камень»? и xubi «поле»), arxi-uruliani „родня" из arxi „близ, около» и uruli «душа»).

Вообще, армянское словосложение носит явно разнородный или смешанный характер, как видно из его сравнения с хеттским, грузинским, урартским и индоевропейскими языками.

Если взять редупликацию корнеслова, как способ образования нового слова с усилительным или множественным значением, то армянский язык богато использует этот древний морфологический прием. По количественному и технически дифференцированному разнообразному применению армянский язык особенно приближается к малоазийскому хеттскому. Если, напр., хеттский может повторить

самостоятельное слово (как и другие языки), напр. lammar lammar (=?), kišan kišan «это и это», то армянский кроме голого повторения (рагар-рагар «праздно-препраздно», meç meç «много-много» и пр. применяет и их дифференциацию, т. е. морфологическую, а еще лучше—лексическую диссимиляцию, говоря рагар-sarap, manr-munr «мелкий премелкий», „aṙkhow-pharkhow «славно-преславно» и пр. Армянское удвоение, иногда через соединительное гласное, выступает и как *одно сложное слово* с одним ударением и с разнообразными звуковыми изменениями либо в первой части, либо во второй. Напр., имеем phorphorel «раскапывать» (от phorel „копать"), ǰaxǰaxel „сокрушать» (от ǰaxel—id.), kharkharut «каменистый» (от khar «камень») и пр., но и vazvzel «побежать, разбежаться» (от vazel «бежать»), khaškhšel «затягивать» (от khašel «тянуть»), mazmzuk «ворсинки, волосинки» (от maz «волос») и пр., но и hastamest «толстый-претолстый» (от hast «твердый, толстый»), šogmog «льстивый», xaǰtabłet «пестрый-препестрый» (от xaǰt «пятно»), но и haǰtaǰthel «раздобывать, ǰandzandzel «печься, заботиться», xabebaj «обманщик» (от xabel «обмануть») и пр., но и phaphagim «вожделею», papandzim «умолкаю» и т. д., и т. п. Ср. в хеттском вариации: partipartiskizi «щиплет» (ср. арм. pherth «кусок»), ḫulḫuliavar «рассечение, поражение» (от ḫul- «поразить»), laḫlaḫḫia «терпеть духовное стеснение».., но имеем и с выпадением согласного —ḫandandātar (с суф. -ātar) «забота» (ср. арм. jandzandz-em с тем же корнем и значением), vevak- «просить» (от простого vek- с тем же значением), memal «мука» (от корня mal- „молоть"), kukkurš- «отрезать», pāprātar „загрязнение" (paprizzi «загрязняет», papranza «загрязненный», ср. арм. phər-phur «пена, накипь») и т. п. В урартском имеются: xarxaršubi «я разрушил» (от несохранившегося простого xarš-), murimuriaxini, что Сейс переводил через «повстанцев» (вин. п. мн. ч.).

Грузинский язык, как и индоевропейские, мало применяет редупликацию. Среди индоевропейских некоторые (индоиранские, греческий и латинский) повторяют при пер-

фекте глагольный корень, как лат. momordi «я укусил» (от mordeo «кусаю»), tetigi «я коснулся» (от tango «касаюсь»), cucurri «я побежал» (от curro «бегаю»), греч. pepaideuka «я воспитал» (от peideuō «воспитываю»), leloipa «я оставил» (от leipō «оставляю») и пр. Древне-армянский сохранил такую же форму от глагола anem «делаю»—arari «я сделал» с повторением корня ar- «делать».

В общем, определенно можно сказать, что *по количеству и типам редупликации армянский язык, как древний, так й особенно новый (с диалектами), явно тяготеет к азианическим языкам*, судя по богатому свидетельству этого морфологического явления в хеттском и сравнительно более редком применении в грузинском и индоевропейских.[1]

Если же учесть, наконец, роль и значение частиц в качестве сравнительно-лингвистического морфологического фактора для определения генезиса армянского языка, то одно выступает определенно: *армянские частицы склонения и спряжения, как и местоименные, по характеру своего суффигирования более приближаются к хеттскому и урартскому, в смысле агглютинации*. Это явление особенно сильно в новоармянских диалектах: ср., напр., араратское tən-nə-ner-um-s «в наших домах», подобно турецкому ev-ler-imiz-dä. В хеттском и урартском, подобно армянскому, при склонении и спряжении приставляются флексии *только с конца*. В грузинском же, как и в семитических, бывают также *„предфлексии"* спряжения. Напр., груз. v-ar «есмь», x-ar «еси» (но ar-s «есть»), minda «хочу» (собств. «мне хочется»), ginda «хочешь» (собств. «тебе хочется»), unda «хочет» («ему хочется») и т. п., подобно как имеем в аккадском (ассиро-вавилонском) языке—akšud «я завоевал», takšud «ты завоевал», ikšud «он завоевал» и пр. Я уже говорил о суффигировании местоименных частиц в армянских

---

[1] Бедность редупликации в индоевропейских отмечается многими лингвистами. См. общий очерк о редупликации в труде проф. М. Немировского «Удвоение как «архиархаический способ слово- и формообразования», см. в «Трудах каб. имени Н. Марра, № 1, Ереван, 1945, стр. 127—173.

и азианических именах, что отсутствует в грузинском. Но в агглютинации специальной морфемы для множественности наблюдаем армяно-грузинские общности: ср. арм. govem «хвалю», govemkh «хвалим», подобно груз. v-akheb «хвалю»—vakhebth «хвалим», где арм. -kh для множественности эквивалентен груз. -th. Армянское kh агглютинируется и в склонении: am «год»—amkh «годы», amaw «годом» (твор. пад.)—amawkh «годами» и пр. Подобное же явление есть и в ново-груз. и ново-арм. в склонении, причем для множественности приставляется у армян -er (-ner), а у грузин -ebi, а флексии склонения остаются те же, как это имеется, напр., и в урало-алтайских языках. Следовательно, если по характеру флектирования армянский приближается к азианическим, не отделяясь и от индоевропейских, то по агглютинации частиц множественного числа он приближается к грузинскому, отдаляясь от последнего применением в спряжении только флексий с конца. Я привожу только общее о роли частиц словоотношения, не давая конкретных парадигмов армянского, малоазийского и грузинского склонения и спряжения.

Считаю также излишним остановиться на роли частиц словообразования, ибо эти частицы отчасти перечисляются ниже, если они имеют для нас генетическое значение. Здесь разве можно подчеркнуть только то, что словообразовательные частицы (аффиксы) в армянском более приставляются к концу, чем к началу слова. Я и в этом усматриваю влияние азианических языков, тогда как в индоевропейских существует как бы равенство в применении суффиксов и префиксов. Вспомним это признание бедности префиксов арм. языка у арменистов-грекофилов, введших искусственно в древнеармянский язык много префиксов, продолжающих частично бытовать и поныне.

Считаю неважным для генезиса армянского языка останавливаться на морфологическом факторе армянского ударения, которое, как экспираторное, во-первых, играет мало роли, в противоположность индоевропейским языкам, а во-вторых, качество и роль ударения в азианических языках пока мало поддается определению. Морфологический же

фактор внутреннего звукоизменения армянского слова еще недостаточно изучен и по-моему большого пока генетического значения не имеет.

Если подытожить все данные техники армянского словообразования и словоотношения (т. е. выражения грамматических функций слова), то приходится сказать, что эти формальные возможности или способы со своими вариациями и разнородными проявлениями носят определенно смешанный характер в своем генетическом содержании и истоках. А все это вместе с другими данными подобного характера еще раз свидетельствует о превалировании азианического лингвистического субстрата в армянском языке.

3. ЯЗЫКОВОЙ МАТЕРИАЛ (ЗВУКИ, КОРНИ, ЧАСТИЦЫ)

Звуки

Звуки, как и звуковые или, точнее, произносительные навыки, даже в родственных языках могут довольно сильно различаться между собой. Но если звуки одного языка в своих качественно-физиологических и количественных (длительных) сторонах в древности имели тот же близкий или одинаковый характер, что видим и в древнем родственном или соседнем языке, имевшем с первым языком и другие общеязыковые элементы, то можно уже утверждать, что сродный фонетический феномен этих двух языков имеет не случайное значение, а скорее генетическо-историческое. Например, армянский язык широко использует аффрикаты tš (ճ), ts (ց), thš (չ), ths (ց), dž (ջ), dz (ձ), что столь характерно также для кавказских и отчасти семитических древних языков, но в индоевропейских древних языках они отсутствуют, не говоря уже об их пресловутом «праязыке». Несомненно, что армянский язык при формировании своего консонантизма, особенно в отношении названных аффрикатов, имел благоприятную почву не только в окружающих кавказских (грузинских) и семитических языках, но и азианических, чья клинописная графика к несчастью не дает

нам возможности точно определить тонкости произношения этих сложных согласных.

Затем мы знаем, что армянский язык в своей исконной (незаимствованной) части не имеет слов с начальным r (ր) или ṙ (ռ), если не считать слова ռունգն ṙungn „ноздря», возможно взятого с греч. rūnxos (id.). Но подобное же явление было свойственно также всем азианическим языкам, а именно—хеттскому, хурритскому, урартскому, ликийскому, лидийскому и этрусскому, тогда как индоевропейские, кавказские (напр., грузинский) и семитические языки имеют очень много природных корней или слов с этим начальным сонантом r. При заимствовании слов с этим начальным r армяне к началу прибавляли гласную a или e, напр., сумерское rūda «руда» через иранцев перешло к армянам в форме arcuyr (արճուր) «латунь, бронза», индийское ragh- «быстрый» стало в армянском arag или erag и т. п.

Кроме того, армянский язык избегал стечения двух согласных звуков в начале слова, за исключением sp, st, sk, šp, št, šk и прочих подобных комплексов с начальным s или š. Потому иранское xšaθra „имение" стало у армян aš̌xarh «страна» с протетическим a, или, напр., из индоевропейского *trasu- «слеза» (греч. dakrū, лат. lacruma, нем. Trähne и пр.) получилось арм. artasu-kh (при им. п. ед. ч. artawsr), из индоевр. *bhratēr получилось арм. ełbayr или aṙbayr, из индоевр. *bhrewr (ср. греч. phrewar) получилось арм. aṙbewr «ключ, источник» и пр. Даже имя фригийского верховного бога Sawazios через его позднюю форму Swaz(ios) перешло к армянам с начальным протетическим «a» в виде astuac «бог», где «t» вставной новый звук.[1] Избеганием на-

[1] В армянском имеются протетичные a или e (>i) также в словах araṇç «мужей» (род. п. мн. ч.) из основы anar-, atamn «зуб», anun «имя», inn (из *enn) «девять», astł (р. п. astł) «звезда» и др., чему вторит и греческий язык в формах anēr «муж» (фриг. anar), odous (осн. odont-) «зуб», onoma «имя», ennea „девять", aster «звезда». Ср. также армянские anōthi ‖ nōthi „натощак", anōsr ‖ nōsr „редкий, нетесный" и пр. Индоевр. nar «муж, самец» в хеттском представлен с протетичным i (=inar), что есть и имя бога, перешедшее к индийцам в виде Indra (у хурритов Indara).

копления согласных, хотя бы двух, в начале слова армянский язык скорее приближается к азианическим или семитическим, чем к индоевропейским или кавказским. Из последних грузинский весьма широко прибегает к накоплению согласных (до пяти) в начале слова.

Таким образом, и звуковой феномен армянского языка с его артикуляционными навыками определенно тяготеет к малоазийскому (азианическому) языковому субстрату.

Частицы

Частицы армянского языка, как словообразовательные (аффиксы), так и словоотносительные (флексии), генетически весьма смешаны: здесь сильны и как бы уравновешены как частицы индоевропейского происхождения, так и азианического.

Индоевропейские частицы:

-mn, напр., geɨmn «руно», jermn «жар», sermn «семя» и пр. из и.-е. *mn (-men); ср. рус. -мя (пламя, семя...), лат. -men и пр.

-i в прилагательных свойства, напр., ati «соленый», erkathi «железный» (от erkath «железо»), jri «водянистый» (от jur «вода») и пр. из и.-е.-*ijo.

-ust- ‖ *-est* ‖ *-ist* в производных phax-ust «бегство», hag-ust «одежда»., aru-est «искусство», ut-est «питание», hang-ist «покой» и пр.; ср. рус. -ость (юность, милость..) и хетте. -asti (dalugasti «длина», palḫasti «ширина» и пр.).

-iwn в производных awiwn «порыв», ardiwn «плод работы»..., goč'iwn „крик", mecuthiwn „величие", karstuthiwn „богатство, династия» и пр.

-wor, напр., thagawor «царь» (собств. «венценосец»), zinuor «ратник» (собств. «вооруженный»), aɨewor «седой» и пр., хотя некоторые арменисты склонны это -wor считать иранским.

-taj в провинциальных словах: camnataj, bnataj, camkotēn, cēratēn и пр., обозначающих упряжи разных мест у

телеги. Здесь -taj значило «связь, нить, упряжь» (ср. также др.-арм. sametikh) и встречается в других индоевр. языках (см. Hübschmann, Arm. Gramm., стр. 488).

-awł в причастных прилагательных cn-awł (=cnōł) „родитель", grawł (=grōł) «пишущий, писатель» и др. из индоевр. -ātl, для чего ср. рус. -(а)тель (создатель, податель...) и хеттс. -atallas (напр. ḫalugatallas „посланец, вестник»). Но так как славянский суффикс может быть и -итель (напр. носитель и пр.) и -етель (свидетель и пр.), сообразно с тематической гласной формы настоящего времени (создать, подать, водить, носить, видеть...), то армянская форма на -awł из -ātl более близка по огласовке к хеттс. -atall(as).

an- обыкновенный отрицательный префикс, напр. antun «бездомный» и пр. =рус. не-, лат. in-, греч. a- (из n̥) и пр.

t- отрицательный префикс в t-kar «бессильный», t-has «недозрелый», t-geł «некрасивый», t-dzew «бесформенный» и пр., где арм. *t* (=tə- из tu-) соответствует индоевр. *dus* (ср. напр. санскр. dus-, dur-, авест. duš-, duž-), напр. авест. dušmanah «злоумышленный» (=санскр. durmanas), греч. dūs- (напр, dūsmenēs), готс. tuz- (напр. tuzvērjan „сомневаться") и пр. Армянские dž- (džgoh, džbaxt...) и tž-(tž-goyn «бесцветный») являются заимствованными из иранского.

-b как флексия для твор. п., напр. awur-b «днем», dster-b „дочерью", andzam-b «личностью, лично» и пр. получилось из индоевр. -*bhi(o).

-s флексия вин. п. мн. ч. (get-s «реки», mkun-s «мышей» и пр.), получившаяся из индоевр. -*ns.

-s флексия местного п. мн. ч., внешне не отличается от предыдущей, но разного происхождения, и получилась из индоевр. -*su (слав. -*xъ*).

-m в дат. п. (s-ma или ays-m «этому» и пр.), что я сравниваю с рус. се-*му*, ко-*му*, че-*му*..., ср. также фриг. se-mum «этому».

-m в спряжении первого лица наст. вр. (напр. grem «пишу», bazmim «восседаю», ertham «иду», lnum «наполняю»,

gom «существую»), что есть во многих индоевр. языках.

-s в спряжении второго лица наст. вр. (напр. gres «пишешь», bazmis «восседаешь» и пр.), что только и наличествует во втором лице индоевропейских глаголов.

-j в спряжении третьего лица наст. времени (напр. gre-j>grē «пишет», kardaj «читает», go-j «существует»), что могло образоваться либо из индоевр. -ti, либо же скорее получиться из хеттского -i (-j), напр. хетт. vaštai грешит, совершает преступление», pai «дает», išpanti „возлияет", laki «выбьет» (зуб) и пр., хотя хеттский имеет и флексию -zi из индоевр. -ti.

-n флексия 3 л. мн. ч. (ta-*n* «дают», gre-*n* «пишут» и пр.), возможно получилась из индоевр. -nt, как арм. слово hun «брод» получилось из *ponto- «мост», т. е. конечное арм. -n из старого -nt, но такая же флексия 3 лица мн. ч. есть и в грузинском (напр. arian «суть», stven «ткут», xadian «зовут» и пр.). Жалко, что неизвестна флексия 3 л. мн. ч. настоящего времени хурритского и урартского языков.

-ç для темы (основы) прошедшего времени, напр. kardaçi «я прочел», greçi «я написал» и пр., чему соответствует индоевр. -s (=слав. *х*: дах, писах).

-ç для будущего времени, напр. içem „буду", taç „я дам", grelo ç «долженствующий писать или быть написанным» и пр. из индо-евр. -*sk.

-l для инфинитива и причастия прош. времени, напр. grel «писать», greal «написанный», что находит соответствие только в славянском (несль, читаль...) из общего -*lo.

-j (=dž) для 2 л. буд. вр. повелительного наклонения, напр. tesjir „увидишь", tesjikh «увидите» и пр., что получилось из индоевр. *-dh(i); ср. слав. виждь (=смотри), гр. keklū*thi* «услышь» и пр.

-e аугмент в 3 л. ед. ч. прош. вр. совершен. вида (etes «он увидел», eber «он принес»...), что есть в греческом (e-phere=арм. eber) и в арийских (=санскритс. ábharat он «принес»).

Частицы индоевропейского происхождения едва ли превышают три десятка. Но в армянском можно найти столько же частиц, если не более, которые по своему генезису сближаются с азианическими языками, будь эти частицы для словообразования или для выражения грамматических функций.

Азианические частицы

-uni, напр., в родовых фамилиях Bagratuni, Arcruni, Sahaŧuni и пр., как и в нарицательных словах (прилагательных) areguni «солнечный» (сторона), pahuni «сохраняемый» (на зиму), viruni «дикий» и пр., сохраненных в диалектах. Ср. урартские Velikuni (при однородном Velikuxi), Etiuni (при однородном Etiuxi), как названия районов в Закавказье, или урартское имя города Arcniuni как конфедерата Урарту, что сохранилось у армян в форме Arcruni (с диссимиляцией первого «n»). Ср. также груз. -ani (Dadiani, Dadeškellani...).

-eł, напр. hameł «вкусный» (от ham «вкус»), zōreł „сильный» (от zōr «сила») и пр.

-ełēn, напр. kapačełēn „зеленое" (=зелье), hrełēn „огненный», mardkełen «человеческий» и пр., где -ełēn есть сложение из предыдущего -eł и нового суффикса -ēn, самостоятельно не представленного (ср. следующее -arēn || erēn). Суффикс -eł вышел из старого -il (ср. фонетически арм. Nełos=Нил, Barseł=Василий, Sełbestros=Сильвестр и пр.), а этот суффикс -il есть и в хеттском, урартском, грузинском.

-arēn || erēn, напр. Junarēn «по-гречески», Činarēn „по-китайски», phoxarēn «взамен», hajerēn «по-армянски» и пр., где это -arēn или -erēn несомненно есть сложный суффикс из -ar (или -er) и -ēn, входящего и в вышеназванный сложный суф. -ełēn. Первая часть -ar или -er суффикса -arēn || erēn мне представляется окаменелым древним азиано-кавказским суффиксом происхождения, подобно русскому -ский (и -ски: по-русски, по-армянски...), что имеется в мегрельском языке, напр. odišarI

«одишец», olthisari «олтисец», opizari «опизец», somxithari «житель Сомхити» (т. е. армянин) и пр., где -ari есть лазо-мегрельский эквивалент груз. -eli (по Н. Марру). Ср. также хеттское -ili, напр., ḫattili «по-хеттски» (=протохетте. hatteri), ḫurlili «по хурритски», luili «по-лувийски», palaumnili «по-палайски» (по-балайски) и пр[1].

-arim ‖ *-erim* в таких производных как ḫawatarim «доверенный, верный», mterim «интимный, единомышленный» и т. п., от ḫawat «вера» и mit «мысль». Здесь наличествует также сложный суффикс из -ar, или -er, о чем сказано выше, и суф. -im.

-iš ‖ *-uš (-ḫš* ‖ *-mš)*, напр., в kawiš «мел» (от kaw «глина»), kariš «скорпион»., parkuš «шелуха, гильза», thaikuš «комок волос от чесания», aphuš «мяч» и т. п. Суф. -iš ‖ -uš очень часто применяется в хеттском языке для имен сосудов и приборов (špantuzzi «сосуд для возлияния», išḫuzzi «клубок», kattaluzzi «порог», duppuzzi «таблица» и пр.) и урартском (ср. armuzi «род, фамилия»).

-açi ‖ *eçi* напр. khałakhaçi «городской, гражданин», giwiaçi «крестьянин» (собственно сельчанин), Kolbaçi «Кольпский», Xorenaçi «Хоренский», vaneçi «ванец» и пр. Ср. ликийское suriezi «сирийский», spartazi «спартанский, спартанец» и пр.

-awn(‖ *ōn*) в отглагольных именах ktrōn «отрез», gorcōn «фактор», krčōn «объедки» и пр. (от ktrel «резать», gorcel «действовать» krčel «жевать»). Есть -on и в производных собственных именах места, напр., Bawon, Taron, Aramonkh («Арамус»), Šahaponkh („Шахбуз") и пр., что несомненно из урартского: ср. урартск. Tarauni=арм. Taron и др.

-iwl в отглагольных именах erkiwl «боязнь» (от глагола erknčim «боюсь, страшусь»), əndziwl «отросток, отпрыск, ветка» (от əndzuim „исторгаюсь, отрастаю, про-

---

[1] Название городе Ḫattarina (в хурритских текстах) я объясняю из ḫattari «хаттец, т. е. хеттит» с суф. -ar(i) и суф. -ina.

израстаю» или от ənculm «исторгаю лучи»). Ср. хеттское -ul в производных waštul «проступок, вина» (от √ vašt «повредить, совершить проступление»), takšul «соглашение», «договор» (от √ takš- «связать, соединять»), išḫiul «союз» (от √ išḫia- «связать») и пр. В хеттском -ul имеет долгое û в им. п. ед. ч.

z- усилительный префикс в глаголах, напр. zgetnem «повалить наземь, zkcem «загрызать» и пр., что существует и в урартском языке, напр. dubi «я сделал», по zadubi «я построил», ašgubi «я помучил», zašgubi «я убил» и пр.

-ojth напр. в zajrojth «гнев, досада», bnojth «природное свойство, характер», hasojth «достижение, добыча, стяжание, доход» и пр. Это арм. -óǰth, что в безударном своем состоянии произносится -uth, я сравниваю с семитическим -uth, напр. аккадское šarr-uth-u «царствование» от šarr-u «царь» и т. п.

an- «на, над, для». Этот арм. префикс малоупотребителен, хотя диалекты больше сохранили. Имеются напр. ankoł̌in «постель» (от koł «ребро, бок»), andzeł̌oç или andzeł̌oçik «салфетка» (собств. «для рук»), диалектические anbahi «надзаступник» (предмет, надеваемый на заступ для давления ногой), anoł̌i „ремень, одеваемый на животное сзади» (oł̌ «зад») и пр. Это an- есть в семитических языках: напр. в аккадском (ассиро-вавилонском) предлог ana с существительным дает значение дательного падежа (dativus commodi), напр. ana Abimarda «для Абимарды» (=Абимарде). Обыкновенно ana переводят через «на, к, для» (nach, zu, für). Но есть и префикс ana- в индоевропейских (ср. греч. ana- «вверх, по, посредством», готское ana- = нем. an «близ, над», санскр. ana- и др.).

-in в отыменных прилагательных verin «верхний», storin «нижний», anhoł̌in «безземельный», anhnarin «невозможный» и пр. Ср. урартское -ini (=in-), напр. Xaldini «халдов, халдин», Menuaini «менуев», Alzini (имя страны) от простого Alzi и пр. Ср. также хурр. *-ini.*

-ajin в отыменных прилагательных отношения или притя-

жательности, напр. daštajin «полевой», erknajin «небесный» и пр. (от dašt «поле», erkin «небо»). Это самый распространенный суффикс, подобно -akan (заимствован из иранского), и несомненно состоит из предыдущего -in с соединительным «a» (серединное «j» новый звук).

-ur в немногочисленных отглагольных прилагательных thaphur «оставленный, пустой» (от thaphen), lesur-kh „стертые места» (от волн) от lesum «растираю, изнашиваю» и пр., что видим и в урартских причастиях ušturi «пришедший (с походом)», manuri (=?), makuri (=?), šidauri «построенный» и пр. В ассирийском переводном тексте с урартского и подобных оборотах также имеется причастная форма.

-aw в собственных именах места: Ordnaw («червивый»), Kčaw («известняковый»), Dziraw («с кореньями») и пр.; ср. грузинские Thelawi (от thela «карагач»), Curtavi (ср. арм. çird, çrdi вид куста), Partawi («тополистый»?) и др.

-al-i для отыменных прилагательных обилия: hiwthali «сочный» (от hiwth «сок»), šnorhali «благодатный» (от šnorh- «благодать»), karōtail «желанный» (от karōt «желание, нужда»), jərali «жидкий» (от jur «вода») и пр., ср. хеттс. прил. ginzualaš «милостивый» от ginzu «милость», irmalaš «больной» от основы irm-[1].

-wi в наречиях для мн. числа— aċwi «глаза», otwi «ноги», dzefwi «руки» и пр., что принимается некоторыми за древнее окончание двойственного числа, но ср. грузинское -ebi, что теперь служит для обыкновенного множественного числа.

-ç есть флексия для род., дат. и исх. п. мн. числа в древнеармянском языке. Ср. ту же функцию груз. -th (kaçtha «людей, людям»), как на это указывал еще Н. Марр.

---

[1] Ср. также хеттс. spantuzzialas «возлияющий» (жрец) от spantuzzi- «возлияние». В арм. есть и другие суффиксы обилья, напр., -ot (kharot «каменистый»), avēt (hotawēt), -eł (zōreł) и пр.; суф. awēt я считаю иранским, ср. др.-иранс. -awaiti (женс. р.) при -awand (для муж. р.), что также заимствовано армянами (ср. sarawand, daravand и пр.).

Для фонетического же соотношения груз. th=арм. ç *(ʒ)* я бы привел пример груз. thixa «грязь» и арм. çex *(ʒʰɸ)*. Индоевропейцы это арм. ç хотят вывести из индоевр. суффикса -sk (ср. рус. -ский, нем. sk> š, скандин. sk, румынск. -sk и пр.).

-ç в современных северных диалектах употребляется для исходного падежа: khałakhiç «из города», voskuç „из золота» и т. п. Это ново-армянское ç Марр сравнивал с груз. ith(a), что в древности имело и значение исходного падежа, а позже только творительного падежа (ср. др.-груз khalakitha khalakhad «из города в город»). Ср. также -it в хеттском склонении имен для творительного падежа.

-r употребляется в глаголах, как флексия второго лица: tur «дай», dir «клади», lur «услышь», teser «ты увидел», tesar «ты был увиден» и пр. Ср. урартс. turi «разбей» (при tulie «разобьет»)[1].

-ut в именах разных насаждений; caŕut (от caŕ „дерево"), thəput „кустарник", eɬewnut „сосняк", Theɬut (ср. груз. Thelawi) от theɬi „карагач, вяз", Uŕut („ивняк") от uŕi «ива» и пр.

-eni в именах растений, напр. thəzeni „фикус", ənkuzeni «ореховое дерево», но и в обыкновенных словах— hajreni «отцовский», majreni «материнский» и др.

-ni или *-ani* для множ. числа: awagani «старшие», т. е. знать, kanani «женщины» (но и «гарем»), šorni (диал.) „платья" и пр. Ср. также собственные имена мест Bəǰni, Parni, Muɬni, Pətəɬni и пр. Суф. -ni для мн. ч. есть и в грузинском (igini «они», kaçni «люди» и пр.). Ср-хурр. -па.

---

[1] В формуле проклятия Келишинской двуязычной (ассирийско-урартской) надписи урартских царей Менуи и Ишпуина ассирийское выражение *alik xipi* «иди разбей» заменено урартским эквивалентным *uli turi* (=ul tur), причем turi (в других местах tu-ri-e) есть повелительная форма с -r (-re) и образована от корня tu- «разбить», наличного и в форме настоящего-будущего времени tu-li-e (=tule) «разобьет» той же формулы проклятия («кто разобьет эту надпись...»). См. статью A. Götze, «Zur Kelischin Stele», напечатанную в Zeitschrift für Assyriologie (ZA), V, 1929, стр. 122—123.

-kh обыкновенная древнеармянская частица множ. числа, напр. am «год»—amkh «годы», amaw «годом»—amawkh «годами», utem «ем» —utemkh «едим» и т. д. Зарегистрировано в древнейших именах мест этнического происхождения как Taoxoi, Karduxoi и пр., что дословно значит «тайцы», «кардуйцы».

-ear > *-er* частица множественного числа, особенно в современных диалектах. Имеются др.-арм. ōrear „господа, знать», berdear «крепости», vanear «монастыри», bardziknear «подушки» и пр. В новоармянском -er в односложных словах, а -ner в многосложных (в средне-армянском -er). Есть в кавказских «r» как примета множественности: в сванском звучит -ar или -ăr. Есть также в этрусском (-ar ‖ -er).

-ti для множ. числа собирательного значения. Ср. др.-арм. mankti «детвора», phoroti «внутренность», oskroti „кости», но еще более применяется в современных наречиях — axpertinkh «братья», khuertinkh „сестры", kənktikh «женщины» и т. п.

-aw флексия 3 л. ед. ч. прошедшего совершенного времени страдательного и среднего залогов: tesaw «он был увиден», čogaw «он ушел», koreaw «он пропал» и т. п. Ср. урартское -abi для 3 л. ед. ч. для непереходных глаголов (для переходных будет -uni): uštabi или uštabe «он пошел походом», nunabi «он пришел» и пр., а урартское «b» почти всегда предлежит в арм. «w» (ср. Biaina = арм. Van, ebani = арм. awan, abili „прибавление» = арм. awel «больше» и т. п.).

-a- глагольная тема для средних глаголов. Напр. zgam «чувствую», gnam или ertham «ухожу», mecanam „увеличиваюсь», phokhranam „уменьшаюсь..., в звукоподражательных məkəkal, təzəzal, xəšəšal и т. п. И сейчас еще чувствуется среднее (не активное) значение этой тематической гласной «a» в противополаганиях — thəvel „считать", но thəval „казаться", səxel „курить", но səxal «дымиться» и пр. В урартском «a» является такой же темой для средних глаголов, напр. teru- «класть»,

но tera(i)- «быть положенным» (см. A. Götze, «Zur Kelischen Stele», ZA, V, 1929, стр. 115).

В этой эскизной работе не место, конечно, разбирать генетическую сторону всех частиц армянского языка, древнего и современных диалектов. Не всегда также можно дать точные корреспонденции в других сравниваемых языках—индоевропейских или азианических. Во всяком случае мной здесь приведено большинство таких частиц, будь они словообразовательного порядка или грамматического (функционального), и этот краткий обзор отнюдь не говорит в пользу генетического превосходства индоевропейских частиц над азианическими. Конечно, есть частицы как позднего образования, так и частицы искони местные («хайасские»), стоящие особняком и не находящие корреспондируемых двойников в соседних или родственных языках, что вполне естественно.

Корнеслов

Еще более характерна генетическая сторона армянского корнеслова в том отношении, что здесь *количество точно установленных слов индоевропейского происхождения составляет не более десяти процентов. Следовательно вся остальная масса незаимствованных слов, которые в большинстве, несомненно, исконно армянские, должна считаться местной азианической по происхождению.* А ведь исследовался только тот корнеслов, который наличествует в письменных памятниках, начиная с пятого века нашей эры, и следовательно многотысячная лексика наших живых наречий не принята в расчет. При учете и этого последнего обстоятельства, т. е. при прибавлении и диалектных армянских корней, отсутствующих в письменных документах, количество общеармянского лексикона не индоевропейского происхождения еще более увеличится.

По «Корневому словарю» Р. Ачаряна в армянской древней литературе употреблено 10772 корнеслова, из которых 713 индо-европейского происхождения (слов 909), 4016 заимствованных слов, 152 звукоподражательного ха-

рактера, которые естественно в генетический учет не принимаются, 123 слова (корня) искажены или неверны, и следовательно остается 5572 корнеслова, происхождение которых неизвестно. Часть их по мнению Ачаряна должна быть заимствована армянами у урартцев (халдов)[1].

Еще за тридцать лет до начала печатания первого тома (всего семь) вышеназванного сводно-этимологического труда Ачаряна в 1897 г. в Лейпциге появилась такая же работа известного иранист и арменоведа Гюбшмана (Hübschmann) под названием „Armenische Grammatik" (т. I), где дается в алфавитном порядке происхождение собственных и нарицательных слов, заимствованных армянами у иранцев (персов), сирийцев, греков, арабов и др., а также помещается (в конце) список тех нарицательных армянских корней, которые учеными предположительно считались за индоевропейские. Почтенный ученый, руководствуясь точной и весьма строгой методологией в сравнительно-лингвистическом анализе языковых фактов, в том числе корнеслова, приходит к тому выводу, что из помещаемых в этой «Грамматике» 428 армянских слов лишь около 298 можно считать индоевропейским, и то многие из них с большой натяжкой и оговорками. Часть этих этимологий принадлежит самому Гюбшману.

Быть может, не лишне будет перечислить здесь наиболее точные из всех этих индоевропейских корней армянского языка:

Aganim „одеваюсь" и aganim „остаюсь на ночлег" (оба из √ aw.); ali-kh „волна, седина"; acem „привожу"; acux (acuł) „уголь"; akn „глаз"; aɫ „соль"; aɫam „мелю"; aɫbewr „источник"; aɫuēs „лиса"; am „год"; amaɫn „лето"; amb-oɫj „весь"; amēn „всякий"; amis „месяц"; amp „небо"; ajl „другой"; ajc „коза"; ajr (основа aran-ç из anar-) „мужчина"; ait „щега" (ajtnum „пухну"); ajrem „жгу"; ajç „искание"; an- „не-, без-"; dr-*andi* „дверной косяк"; ankanim „падаю"; ankiwn „угол"; andzuk „узкий"; anun

[1] См. Р. Ачарян, История армянского языка, ч. I, 1940, Ереван, стр. 185.

„имя"; anur „ключица"; arnem „делаю": arnum „беру"; aṙu „ручей"; aseɨn „игла"; astl „звезда"; asr „руно"; atamn „зуб"; ateam „ненавижу"; arōr „плуг"; arbaneak „помощник, слуга"; arbenam „напиваюсь, пью"; argelum „отвожу, запрещаю"; ard „сейчас"; ard „украшение"; arew „солнце" (заим. с индийского?); ariwn „кровь"; arcath „серебро"(?); arciw „орел"; armukn „локоть"; arǰ „медведь"; artōsr (основа artasu-) „слеза"; awcanem „мажу"; awdz „змея"; awr (осн. awur-) „день"(?); √ ba- „баять, говорить" (ср. bay, ban „слово"); bardzr (осн. bardzu-) „высокий"; bekanem „ломаю"; berem „приношу"; buc „ягненок"; bucanem „питаю"; gan „побои"; gaɨn „ягненок"; garun „весна"(?); gelum „кручу"; geɨdz-kh „железы"; geɨmn „руно"; get „река"; gin „цена"; gišer „вечер"; gitem „знаю"; glem „катаю"; gom „существую"; gorc „дело"; gtanem (√ git-) „нахожу"; dal или daǰl „первое сваренное молоко"; dalar „мягкий, свежий"; darbin „кузнец"; dedewim „колеблюсь"; dizanem (√ dēz-) „нагромождаю"; dnem (√ di-) „кладу"; du „ты"; duɨn „дверь"; dustr „дочь"; durgn „гончарное колесо" (заим. ?); ekn „он пришел"; eɨbajr „брат„; eɨewni „ель"; eɨn „олень"; em „есмь"; erg „песня"; erek „вечер"; ere-kh „три"; erēç „старший"; erkan „жерновa"; ew „и"; ewthn „семь"; ephem „я варю"; z-genum „надеваю"; z-erç „отстраненный"; ənderkh „лоно"; thandzr (осн. thandzu-) „густой"; thaṙamim „вяну, сохну"; iž „ехидна"; indz „барс"; inn „девять"; iam „плáчу" (?); iajn „широкий"; iandž „грудь"; iaw „хороший" (?), ieard „печень"; ieżu „язык"; ii „полный"; iizem „лижу"; ioganam „моюсь, купаюсь"; iojs „свет"; iu „блоха"; iu (isem) „слух"; iuanam „мою"; iuc „ярмо"; iucanem „отвязываю, разрешаю, растворяю"; iusan „рысь"; iuçanem „сжигаю"; ikhanem (√ iikh-) „оставляю"; caɨr (осн. caɨu-) „смех"; can-eaj „я узнал"; cer „старый"; cin „рождение"; cnawt „челюсть"; cunr „колено"; cuɨ „кривой"; kaɨin „жолудь"; keam „живу"; keɨ „опухоль (?); ker „еда"; kin „жена, женщина"; klanem „проглатываю"; kogi „молочное" и kow „корова"; ku „навоз"; kṙunk „журавль"; hajr „отец"; han (hani) „бабушка"; handart „спокойный"; hast „твердый"; harkanem „ударяю" (?); harsn „невеста"; haçi „ясень"; haw „птица"; haw „дед"; henum „опира(юс)"; heɨ

„строптивый"; heŕi „далекий"; het „след, дорога"; hêŕiwn „шило"; heru „прошлый год"; hin „старый"; hing „пять"; hoviw „пастух"; hot „запах"; hum „несваренный"; hun „брод"; hur „огонь"; dzalk „побои (прутьями)"; dzeŕn „рука"; dzet „зад"; dziwn „снег"; dzukn „рыба" (?); malem „мельчаю"; mah „смерть"; maithem „молю"; majr „мать"; manr (осн. manu-) „мелкий"; mard „человек"; mec „большой"; meŕ„вина"; meŕk „слабый, мягкий"; meŕr (осн. meŕu-) „мед"; meŕanim „умираю"; merdz „близь"; mēg „мгла"; mēz „моча"; mēĭ „середина, между"; mi „один"; mi „не"; mis- „мясо"; mit „мысль"; mnam „остаюсь, жду"; mozi „бычок"; moŕanam „забываю"; mukn „мышь"; mundž „немой"; mrdžiwn „муравей"; mawru-kh „борода"; jaŕnem (j ari-) „встаю"; jōraj „отчим"; jisun „пятьдесят"; neard „нерв"; net „стрела"; nist „сидение"; nor „новый"; nu „невестка"; šun „собака"; o ‖ ov „кто"; ozni „еж"; otb „вопль"; oĭ „целый, здоровый"; of „задница"; oskr „кость"; ost „ветвь"; otn „нога"; orb „сирота"; orcam „рыгаю"; ordz „самец, мужское яйцо"; uth „восемь"; unajn „пустой, тщеславный"; unkn „ухо"; us „плечо"; usanim „учусь"; utem „ем"; çor-kh „четыре"; çu „движение, переселение"; džeŕnum („džeŕ, džermn) „греюсь"; džiŕ „жила"; ŕungn „ноздря"; sameŕi-kh „упряжь"; saŕn „лед"; sastem „принуждаю, застращиваю"; sar „вершина"; siseŕn „горох" (?); sirt „сердце"; siwn „столб"; sin „пустой"; sxal „ошибка"; skesur „свекровь"; sun „пища"; sut „неправда, ложь"; spas „ожидание"; stanam „раздобываю"; steĭn „палка, отпрыск"; sterĭ „бесплодный"; stin „грудь" (у женщин); stuar „толстый"; srun-kh „икра"; sphŕem „расстилаю"; ver „над, верх", veç „шесть"; tam „даю"; tajgr „дверь"; tasn „десять"; tesanem „вижу"; tewem „длюсь"; tiw „день"; tun „дом"; çelum „разрываю"; çir „рассеянный"; çtim „разрезываюсь"; phojth „спешка"; khaiçr (осн. khaiçu-) „сладкий"; khan „сколь"; khaŕ „четыре"; khirtn „пот"; khojr „сестра"; khun „сон"; khsan „двадцать".

Многие даже из этих корней вызывают большие возражения, и потому многое поставлено под вопросом, а многие даже здесь не приведены. Напр., marmin «тело» имеет корреспонденцию в санс. marmana «обнаженная часть те-

ла», или arew «солнце», соответствующая санс. rawi и т. п. У меня есть данные, что многие арм. слова, как arag „быстрый", arew „солнце", indz „барс", dzi „лошадь", marmin «тело», erg «песня» и пр. заимствованы у древнемалоазийских индийских племен, у которых многое переняли и хурро-митаннийцы (напр. имена богов) и даже хетты, не говоря даже о таких сложных словах как у хеттов aika-wartana „однократный", pančawartana «пятикратный», sattawartana «семикратный» и др. Эти заимствования в хеттских текстах отмечаются маленьким клином (или двумя), поставленными к началу слова. Между прочим, индийские слова армянского языка не находятся в иранских языках, ни в древних, ни в современных, что также говорит в пользу независимого заимствования древними малоазийскими (и, в частности, армянским) языками многих индийских слов в самой Малой Азии, у самих индусских племен. С такой же легкостью возводят к индоевропейскому «праязыку» такие слова как арм. ťungn «ноздря» (только во мн. ч. ŋgunkh) и греч. ῥῖνxos, арм. durgn «кончарное колесо»=греч. τροχός (и древне-ирландск. droch), арм. mozi «бычек» и греч. mosxion (от μόσχος) и т. п., тогда как здесь может быть только перенимание или распространение (ср. также греч. κόσμος «построение, вселенная» и арм. kazm „состав"). Если же получаются такие лексические встречи, как, напр., арм. tiz «клещук» и нем. Zecke (англ. tike, tick), то тут опять-таки нечего сразу возводить к праязыку. Это подобие могло быть и случайным, тем более, что опосредствующих примеров в других языках мы не имеем. Совсем несерьезно звучит и ставка на праязык, когда, напр., арм. dzi «лошадь» вместе с санскр. háya (лошадь) должны вывести из *g'hei- чтоб получить «праязычное состояние», тогда как лошадь там звучала *ek'uo-, имея корреспонденции в лат. equus, греч. ἵππος, авест. aspō, санс. âçvaƀ и др.

Я уверен, что к тремстам индоевропейских корней армянского языка впоследствии могло быть придано еще приблизительно сто или сто пятьдесят, но не более, и

следовательно максимум не должно превышать 450 индоевропейских корней. Ачарян это число доводит до 713, уклоняясь в анализе предлагаемых учеными этимологий армянских слов от строгой методики Гюбшмана. Конечно, если стать на плоскость преднамеренности и не очень считаться с фонетическими закономерностями и семасиологией, то число армянских корней «индоевропейского происхождения» можно довести не только до 713, но более, а ведь это составит $^1/_3$ общего количества корней и.-е. праязыка (по двухтомному словарю Walde-Pokorny их насчитывается до 2223). Оставляя к другому месту[1] подробную критику индоевропейских этимологий армянского корнеслова в послегюбшмановский период, я здесь еще раз хочу подчеркнуть, что какие-нибудь четыре или даже пять сотен индоевропейских армянских корней в общей массе 5572 незаимствованных древнеармянских слов составляют менее десяти процентов, а это отнюдь не характеризует генетическое качество армянского лексикона в пользу претенциозной индоевропеистики, столь мешающей своей предвзятостью и «благородством происхождения» чистой науке. Я уж не говорю о том, что к генетически невыясненным 5572 словам древнеписьменного армянского языка нужно придать еще несколько тысяч новоармянского лексического материала из наречий, качество которого отнюдь не говорит в пользу индоевропейского генетического источника. А это обстоятельство должно снизить количественное наличие индоевропейского лексического элемента вероятно до пяти процентов всех армянских корней, как древних, так и современных вместе взятых. Конечно, нужно учитывать возможность заимствованных слов или корней, что пока невозможно выделить при наличной известности языков древней Малой Азии и Урарту. Если не считать влияния семитических языков, что приблизительно выяснено (сирийских слов 209, по Ачаряну,

[1] Это составит один из отделов подготавливаемого мною „Древнего периода истории армянского языка".

ассиро-вавилонских до 70)[1], так же как и иранизмы (до 1400 слов), то остается учитывать заимствования в более древний период за счет малоазийских и урартских языков. Но тут встает вопрос: а почему они должны находиться вне чисто армянского лексического арсенала? Ведь племена и их группировки не только менялись, но и смешивались, а затем эти племенные группировки перерастали в этносы, т. е. народы (народности) уже с классовыми прослойками и отношениями по месту, по оседлости (а не происхождению или роду). Этнокачественное перерождение и распространение армян, начиная с их древнейшего домена Хайасы четырнадцатого века до нашей эры (таково мое мнение) и завершение этого процесса к 7—3 векам естественно вело за собой и языковое оформление, ибо господствующая языковая единица хайев не могла не подвергаться изменению и обогащению за счет поглощаемых других языков территории Урарту—Армении. В этой плоскости я и рассматривал хеттизмы армянского языка. В моих работах «Chetto-armeniaca» и «Хеттские боги у армян» я доказываю наличие по крайней мере одной сотни хеттских слов (корней) и грамматических форм в армянском. Невозможно их счесть за голое заимствование, особенно словообразовательные и словоотносительные морфемы; ср., напр., окончание исходного падежа хеттских местоимений для мн. ч. на -ēnza, как šumēnza «от вас», apēnza «от них», и древнеармянское -ɬ‰ēnJ в той же функции как mēnJ „от нас", dzēnJ „от вас". То же самое нужно взять в отношении других языков, как известных (напр., официального языка Урарту), так и неизвестных (напр. языка пала или бала), которые вошли в армянский языковый организм как лексически, так и грамматически. Стремление доискаться до первичных языковых пластов какого-то племени или рода, что считалось бы чисто армянским первичным этническим и языковым ферментом, мне представляется совершенно невозможным, не-

[1] См. „Ассиро-вавилонские слова армянского языка, напечатанные мною в „Известиях", № 3—4 Академии наук АрмССР за 1945 г.

нужным, и я бы сказал, совершенно ненаучным. Такого пуританизма за два-три тысячелетия до н. э. нельзя искать, да и самих армян не было в настоящем понимании.

Если взять языковый материал хеттов и урартцев, то исходя из того, что из наличных тысячи хеттских корней или слов в армянском есть до сотни, а из наличных урартских четырехсот слов или корней в армянском их имеется до 20—25 (см. мою работу «История Урарту»), можно сделать заключение, что вообще до 10% хеттских и урартских слов или корней вошло в армянский язык, а ведь живых таких слов было тысячи. Официально надписи хеттских или урартских царей носят большей частью трафаретный характер и могут нам дать только приблизительное представление о богатстве этих языков. Ведь если принять наличное количество слов скажем в три-четыре тысячи, то в армянском должно оказаться до 300—400 хеттских и столько же, если не более, урартских слов, а ведь это количество приближается к числу индоевропейских корней (400—450). Так почему же характерными для решения вопроса о генезисе армянского языка считать только эти индоеввропейские корни и формы. Часто говорят, что армянские термины родственных отношений (patronomica), как и армянские числительные (numeralia) индоевропейского происхождения, а это мол служит доказательством возобладания индоевропейского начала в формировании языка и народа армян. Но тут забывают, что если такие термины как отец, мать, брат, сестра, деверь, золовка, невеста и др. индоевропейского происхождения, другие термины—азианические, напр., ner (жены двух братьев в отношении друг друга), что есть, напр., в ликийском (переводят предположительно «сестра») и ничего общего не имеет с лат. ianitrix и пр. Ср. также неиндоевропейские — *gbɣ* çel «род, племя», что я сравниваю с утийским çil „семя, потомство», есть z-arm *(զարմ)* «поколение», что есть в урартском armuzi; aner «тесть», zokhanč „теща", kheri „дядя (по матери"), thoṙn „внук", tharathotkh „челядь", что несомненно урартского происхождения (ср. ур. thara «много» и tauthuxi «толпа»?), pap «дед», tat «бабушка»

и т. д. Здесь не место останавливаться на всем этом, но если, напр., в числительных действительно превалирует индоевропейское влияние, то тут могут быть специфические причины, нам неизвестные (между прочим, hariwr «сто» кавказского происхождения, как выяснил Н. Марр, а hazar «1000» и biwr «10 000» взяты из иранского).

В вопросе выяснения генезиса армянского языка нужно исходить из состояния его генетических элементов, как они есть, будь это формально-техническая, фонетическая или же лексическая и морфологическая стороны. Все это *в совокупности* только и может определенно решить генетическое содержание исследуемого нами языка, дать его качественное состояние уже в древнее время в период формирования армянского народа на месте своей исторической родины. Таков был мой подход, и в этом отношении первоначальное критическое отношение Н. Марра к генетическому состоянию армянского языка, что он рассматривал как бы равномерно смешанное (индоевропейско-яфетическое) целое, во многом мне помогло в точной постановке и оценке генетического существа нашего языка, особенно когда впоследствии были выявлены большие языковые материалы, благодаря раскопкам в Малой Азии. Систематическое изучение этих малоазийских и урартского языкового материалов, как и критический подход к «ура индоевропеизму» наших и европейских арменистов, заставляет меня определенно сказать, что *армянский язык вышел из малоазийского „(азианического" по терминологии П. Кречмера) языкового субстрата, с первичным бытованием где-то между хеттским, хурро-урартским и грузинским этническим миром и языками.* Индоевропейский же слой армянского языка, установившийся преимущественно в связи быть может с киммеро-скифскими, кельтскими (галатским), ахейским (греческим) вторжениями, есть побочный, хотя и важный генетический вклад, что, конечно, не исключает влияний и других индоевропейцев (арийцев, фригийцев и др.). Наконец этнологический тип армян также малоазийский („арменоид"), не говоря уже о том, что древнейшие имена божеств и де-

монов также тяготеют к этому же культурному миру (ср. божества Ага, Torkh, Mažan, Hepit, Čiwai, Thepii и др.).

Прав был в свое время известный индоевропеист и арменист А. Мейе (A. Meillet), когда в конце своего исследования сравнительной грамматики древнеармянского языка в 1903 году говорил: «Но, вообще, фонетическая и морфологическая система армянского языка глубоко отличается от той же системы индоевропейского языка»[1]. Я здесь мог бы прибавить, что лексическая сторона армянского языка еще более подтверждает это критическое заключение А. Мейе. Правда, этот крупный представитель социологического направления в лингвистике не всегда был точен и постоянен в генетическом окрещении армянского языка, называя его формой развития индоевропейского праязыка, подобно латинскому, греческому и другим (см. напр. его «Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков»), но доля правды не могла ускользнуть от его пытливого взгляда.

Армянский язык, в основе азианический, не мог избегнуть сложной истории своего народа. Его языковое целое имеет для нас не только лингвистическое значение, но и историческое: многочисленные его факты, как живые свидетельства и поныне, дают большой материал по изучению древнейшей культуры Малой Азии и особенно ее языков. Культурным и языковым субстратом армян была восточная часть этого полуострова в живом общении не только с хеттами, хурритами и др., но и с культурными семитами, имевшими торговые фактории в самой Малой Азии (в Каппадокии). История армянского языка с его генезисом не может быть хорошо понята и обоснована без учета этих исторических событий и обстановки, начиная с половины второго тысячелетия до нашей эры. Но об этой стороне вопроса в связи с «царством» Хайаса у меня будет сказано особо.

1946 г.

---

[1] „Mais dans l'ensemble, le système phonètique et morphologique de l'arménien est profondément distinct de celui de l'indo-européen" (см. его „Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique", Vienne, 1903, стр. 111).

АРМЯНСКИЙ АРА И СЛАВЯНСКИЙ ЯР (ЯРИЛО)

В моих исследованиях о сущности армянского бога *Ара* Ага, которого еще в восьмидесятых годах прошлого столетия английский ученый А. Сейс считал за солнечное божество, всплыло новое точно устанавливаемое содержание этого Ага, как армянского представителя древнемалоазийского Аг или Ага. Этот бог у хеттов считался олицетворением пашни и полей (Flurgott), был почитаем и у ликаонцев (ср. их собств. имя Aramuwa «дух Ара»)[1], фигурирует в урартском пантеоне (Ar'a), упоминается в «Республике» (X, 13) Платона, как сын армянина, который падает на войне и воскресает после битвы, спустя 12 дней, на костре. У фракийцев март месяц назывался Aras, не говоря уже о греческом Аресе, как боге войны.

В древнеармянской народной легенде, сохраненной у историков Моисея Хоренского и Анонима, Ара с эпитетом «Прекрасный» выступает как легендарный царь-герой, в которого влюбляется ассирийская царица Семирамида, жена Ниноса. Когда Ара отвергает любовь этой царицы, то она идет войной на Армению, дает бой войскам Ара. Последний погибает, но Семирамида при помощи «аралезов», т. е. собакообразных существ-божеств низшего ранга, воскрешает павшего в бою Ара для удовлетворения своих чувств.

Армянский Ара в данном случае выступает как своеобразное отражение древнего бога смерти и воскресения, что представлено также в египетском Озирисе, сумеро-вавилонском Таммузе, финикийском Адонисе, позже также в Хрис-

[1] Как имеются у хеттов IŠTAR-muwa „дух (сила) Иштари", „Tarku-muwa дух (сила) Тарку" и пр.

те и т. п. Но армянский Ара был в более древнем своем синкретическом состоянии также божеством весны, плодородия, размножения, воды, аграрного язычества, всхода растительности и т. п. Он олицетворялся в очень древнее время в виде громадных каменных стел, изображавших быка, у которого из рта течет вода (для питья, орошения), а также рыбу, как символ размножения, как это видим и у сумеров, где древнейший клинописный знак, с острым характером начертаний, изображал понятие «расплодиться» и был похож на рыбу. В христианскую пору армянский Ара уже выступает под другим именем, в образе «святого Саргиса», т. е. Сергия, который приобрел военные замашки, похищает во время масляницы гречанку (или грузинку), садится на коня, который своим копытом надавливает на муку, приготовленную для яства «похиндз» на масляницу. А по одной версии, сохраненной у греков, армянский святой Саргис ходит по селам и городам и пропагандирует свое ученье. Предварительно, еще накануне, посылает свою собаку по этим местам, чтобы жители приготовились к следующему утру встречать Саргиса. Но вот однажды он приходит в какое-то место, и жители не вышли к нему навстречу. Оказалось, что собака была съедена на дороге волками, и потому жители не могли знать о приходе Саргиса. Последний погоревал и ввел как бы почитание этой собаки, за что греки обвиняют армянскую церковь, почитающую св. Саргиса в предмасляничную неделю. В этой греческой легенде св. Саргис есть несомненно отражение языческого бога Ара Прекрасного, которого воскрешает собакообразный аралез, представленный в греческой этой легенде в образе предвестницы-собаки, как вестовой св. Саргиса.

Отсылая читателя к специальной моей работе, напечатанной на армянском языке («Культ Ара Прекрасного», стр. 167, изд. Ак. Наук Арм. ССР, 1944 г.), я здесь хочу остановиться на связях этого божества со славянским Яром или Ярилом, имевшим приблизительно однородное с армянским Ара содержание.

У восточных славян этот Яр (Ярило, Ярила) сохранился в почитании еще в XVIII веке. Судя по «Большой Сов. Энци-

клопедии» (том 65), «Ярило или Ярила, по мнению ряда исследователей (Афанасьева, Ефименко, Фаминцына и др.), имя древнеславянского божества солнца, весеннего плодородия и любви. В древних памятниках отсутствует указание на подобное божество и название Яр применяется к восточнославянскому земледельческому празднику, являющемуся одним из пережитков аграрной языческой религии, а также к обрядовому олицетворению этого праздника, обычно в виде соломенного чучела. Первое упоминание об Яре, как боге, относится ко второй половине XVIII в. (в „Слове" 1765 г. епископа Тихона Задонского). Земледельческие обряды, связанные с Яром (совершаемые или ранней весной, или вскоре после «троицы», в «всехсвятское заговение», или чаще всего в день Ивана Купалы 24 июня,) совпадают с купальскими обрядами. В праздниках и обрядах, связанных с Яром, следует видеть остатки аграрного культа умирающего и воскресающего божества растительности наподобие греческих адоний».

Я должен прибавить к этим словам БСЭ, что в Белоруссии Ярило представлялся в образе молодого мужчины, сидящего на белом коне с окровавленной человеческой головой (в правой руке) и с пучком колосьев (в левой руке). Здесь празднуют первой сошкой 27 апреля, а девки идут хороводом, нарядив одну Ярилой и поют: Ярила ходит по нивам, растит рожь, приносит новорожденных и пр. В других местах Ярилой рядят парня, в третьих старика, хоронят с плачем и смехом соломенное чучело, едят на базаре пироги, рыбу, пьют сладкие квасы и пр. (см. «Толк. словарь» Даля). В конце июня хоронили чучело с мужскими органами, сперва оплакивали, а потом играли и танцевали. При вакхическом характере этих празднеств бога Ярило был также обычай поневестывания (см. в энц. словаре Брокгауза-Эфрона слово «Ярило»).

Меня в данном случае интересует содержание этого славянского бога Яра—Ярило в сравнении с армянским Ара. Оба они *красивы*, что видим в армянском эпитете этого бога Ара, звучащем у армян *Գեղեցիկ* Geɫeçik, т. е. прекрасный, а раз передано и термином *պատկերաճոխ* patkeračox (собств.

«обильно-видный»); ср. русский термин «яркий» от имени бога Яра. У армян Ара является вожделенным существом для женщин, которых он сводит с ума, что М. Хоренский передает в эпитетах для Семирамиды (*փափաղուտ, շամբուշ, բրբռիկ-ատաք*)...; ср. славянское „ярь", „яриться", „ярый" и пр. В связи с этим Яр делается и воинственным, восполненным с весны новыми силами и т. п. Отсюда у славян (белоруссов) образ Ярило, сидящего на коне с окровавленной человеческой головой. То же самое видим и в армянском святом Саргисе, сидящем на коне подобно грузинскому св. Георгию (божество того же характера). Армянский Ара или памфильский «Эр-армянин» (по Платону)—герои, погибающие в бою, но позже воскресающие.

От славянского Яр имеем термины «яровой», т. е. весенний, что говорит о весеннем характере Яра—Ярило. Ара на своих древних каменных стелах (на горах озера Севан) рядом с изображением быка есть и изображение двух аистов, служащих вестниками весны как подобное явление видим в одном хеттском мифе о боге весны Телибину и о его Харанаптицах, т. е. журавлях (о чем у меня было сказано особо), хотя сейчас ḫara (па) переводят через «орел».

У славян Ярило ходит по полю, растит рожь и т. п. То же самое было у армян, судя по нарицательному имени *արահետ* arahet, что первоначально значило (по Р. Ачаряну, см. его «Армянский корневой словарь»)—«тропинка, узкая дорога». Это слово я этимологизирую из армянского имени бога Ага и из простого het «след, дорожка».

При празднествах славянского Яр—Ярило был обычай поневестывания. То же самое при вознесении, когда у армян поются песни о цветах („джан-гюлум") и совершается почитание св. Варвары в пещере горы Ара (недалеко от горы Арагац), а также совершается этот обычай поневестывания через гадания, что так удачно передано в опере «Ануш» Армена Тиграняна.

Если при празднествах Ярило в первый базарный день на первой неделе Петровок едят на базаре пироги, рыбу и пр., то у армян во время Масляницы, когда чествуют св. Сар-

гиса, т. е. бывшего Ара, готовят также специальное яство из муки жареной пшеницы в смешении со сладким сваренным соком винограда.

У армян почти все древние народные легенды позже позабылись, но сказание об Ара и Семирамиде продолжало долго сохраняться. Много сохранилось также собственных имен от этого имени. Ср. хотя бы имя горы Арагац, что, собственно, значило «Араев-трон». Есть также гора «Араилеарн», село его имени (сейчас развалины) у подошвы этой же горы. Славянское божество Яр также было очень распространенным в народе, судя по именам—Ярополк, Яропуй, Ярослав, Яруй, Ярыга, Ярыща, Яриловичи.., Ярилово поле, Ярилова роща, Ярилова долина и пр. Ср. также чешское имя Яромир.

Знаменательно, что русские исследователи, не зная об имени бога Ар или Ара у древних малоазиатских народов, в том числе у армян, очень точно охарактеризовали содержание этого весеннего бога плодородия, аграрного культа и воскресенья. Кроме того, древней начальной формой эти исследователи считали *Ар, что позже стало (через йотирование)[1] уже Яр, а суф.-ило (-ила) такого же порядка, как видим в словах Добрило, Гостило, Чурило и т. п. Корень же ar-(рус. ар-) сопоставляли с греческим airō «поднимаюсь», но еще лучше, по-моему, сопоставлять с греч. ornumi, лат orior, арм. j-ar-n-em «поднимаюсь» (повел. накл. arī «встань»), хеттс. arā(i) «подняться» и др. Нет сомнения, что к этим глаголам нужно прибавить и греко-лат. arō «пашу», слав. орать (ср. оратай, орало), арм. arōr «плуг» (=лат. aratrum, греч. arotron). Иначе говоря, эти нарицательные глаголы со значением «подниматься, воскреснуть», а с другой стороны «пахать», являются семантическими производными от функций бога Ара, с которым связывается пахота, урожай и пр., но и воскресенье (т. е. пробуждение после зимы).

---

[1] Сравни подобное же йотирование начального „а" в словах: агн-ец, ставшего „*ягн*-енок.", слав. *аз* „я", ставшего „*яз*", а потом „*я*", слав. *яблоко* из abl (ср. нем, Apfel, литовск. abul и др.), *ягода* из индоевр, глагола aug- „расти" и пр. и пр.

Что культ весны, пробуждения, аграрного язычества, ирригации и пр. должен был существовать у разных народов в однообразных натуралистических и производственно-общественных условиях, при общем и однообразном мировоззрении, в этом не может быть сомнения. Это же явление мы видим и в образах героев сказок, былин и т. п. Но меня в данном случае интересует имя вышеназванного бога Ар (Ара), его этимология и возможные пути проникновения.

Ученый Г. Эхелольф в одной своей статье о хеттском божестве ār (Kleinasiat. Forsch., I, стр. 143) этимологизирует его в связи с вавилонским ār «роща», «лес» (ср. русское «Ярилова роща»), хотя есть и албанское ar «поле». Что родина этого имени слав. бога Яр, арм. Ара и др. была изначально в Малой Азии, это для меня вне сомнения. Но тогда придется славянское имя Яр считать заимствованным отсюда. Это я могу приписать киммерам и скифам, которые в VIII—VI веках до н. э. совершали нашествия (через Кавказ) в Малую Азию, Мидию, Урарту и Месопотамию, принимали участие даже в разрушении Ассирии. В частности через них нужно объяснить проникновение армянского слова—knikh «печать» (взято у ассиро-вавилонян) к восточным славянам в форме «кънига», что независимо друг от друга объяснено многими. Я думаю, что и русское колдовать (колд-ун) также идет по этому же пути, если иметь в виду заимствованное армянами слово khald-eaj «халдеец», что у армян значит также «звездочет, гадальщик» (ср. «цыган» в этническом и переносном значении «гадальщик»). Если бы славяне непосредственно взяли корень *колд-* от семитов, то он звучал бы *холд. Я считаю подобным же заимствованием и имя бога Яра. Более того, имя *Даж*-бога также можно сопоставить с вавилонским Adad и хеттским Data, обозначавшими бога грома, дождя. Если бы была возможность древней формы Верес вместо Велес, то она легко была бы сопоставлена с иранским Varaz «кабан», а ведь по мнению араба Ибн Даста славяне «пасут свиней на подобие овец» (см. у Покровского, т. I, стр. 14). У финских племен (мордва и др.) почитался *Таунсяй* как бог свиней (см. у Ключевского, т. I, стр. 373). «Русская Правда» из восьми статей, относящихся к жи-

вотным, три посвящает свиньям (ibid.), а все это говорит в пользу возможной этимологии славянского Велеса (из Верес) в связи с иранским Varaz «кабан». Укажу также на слова «собака» из мидийского *spaka*, «хата» из иранск. *kata* «бог» из иранс. haga, «ради» из иранс. *radiy* и т. п.

По Штакельбергу до 50 иранских обыкновенных имен и глаголов бытует у уральских финнов, следовательно, подобное же явление могло быть и у славянских племен. Обратим, наконец, внимание на сходство фабулы и имен при постройке города Киева тремя братьями Кий, Шек и Хорив у русских и при постройке армянского города Куара братьями Куаре, Мелти и Хореан, передаваемого армянским историком Зеноб Глаком, что впервые было отмечено Н. Марром.

Мною уже давно было высказано мнение, что первый венценосный царь армян Паруйр Скайорди и его сын Hrač̣eay (т. е. «огненноглазый») в своих образованиях отражают скифское (=сакское), иначе говоря и киммерское влияние на политические судьбы армян. Слово ska (позже hska) в данном случае значит «сак», т. е. скиф, как это сохранило и библийское aska-naz (клинописное aškuza), сложное арм. ska-ordi значит «сака-сын», т. е. сакид. Имя же Паруйр я образовываю из имени скифского вождя Prototios (по Геродоту) = Partatua (по клинописи), причем Protot или Prodod через слияние двух od должно было дать Prōd (с долгим ō), что в армянском перерождалось в Projr (ср. сумерское rōda «руда»>арм. aroǰr «латунь»; иранс. Bagadata>арм. Bagarat и пр., т. е. долгое остановилось дифтонгом «oj», а согласное ð (d)>арм. r (рус. р), для чего имеется более десятка случаев. В армянском есть и однокоренное слово ska>hska «великан», что быть может говорит о большом росте скифов, подобно как грузины сохранили национальное имя кимеров в форме gmiri со значением «герой» (у ассирийцев это kim(m)er-oi произносилось gimirra). У армянского историка Моисея Хоренского говорится, что армянский царь Паруйр получил венец от мидийского царя Варбака за помощь, оказанную ему Паруйром при взятии столицы Ассирии города Ниневии (в 612 г.). Дело не в том, что М. Хоренский или точнее его источник сириец Мар Аба Катина (живший мол в половине III века до н. э.)

тут многое путает и вместо мидийского исторического Киаксара упоминает неизвестного нам Варбака, а в том, что огненноглазые и русые кимеры и саки, вторгшиеся в Переднюю Азию с конца VIII в. до н. э. оказали сильное влияние на историческое становление армянского народа, распространившегося, по-моему, с территории районов между Чорохом и Верхним Ефратом (из страны Хайаса) на восток по Араксу и на юг и юго-восток по Ефрату (в области Софена, Тарон), когда Урарту уже перестало существовать как политическая единица (в начале VI в.).

Не может быть сомнения, что среди этих киммеров и саков, двигавшихся с юга России по Кавказу в пределы Малой Азии, Урарту и пр., были славянские племена. Во всяком случае возвратившаяся отсюда в южные пределы России часть этих скифов—саков могла многое усвоить за это время (VII—VI века) у местных древних малоазийцев или иранцев, о чем у меня было уже сказано. В средние века славяно-русские племена или дружины также побывали в Закавказье, ибо армянские историки (напр. Киракос Гандзакский) упоминают о походе рузиков (=русских) против города Партава (=нынешнее Барда в Азербайджане) и др.

Связи народов Закавказья, а также древних армян, т. е. хайев, со скифо-славянами зародились, как мы видели, на заре подлинной армянской истории, когда Хайк и Ара, имевшие также свои светила на небе[1], были как бы божественными и астральными символами существования и борьбы армянского народа против поработителей Запада (Рим, Византия) и Востока (иранцы, арабы, тюрки...). Хайк—это отображение защитного бога своего племени, а Ара—идеология борющегося за развитие, расцвет и возрождение армянского народа, который подобно этому юному богу весеннего возрождения всегда выходил из неволи и угнетения («смерти») победите-

---

[1] Звезда „Хайк", по мнению арменистов,— это сосведдие Ориона, а про звезду Ара говорится, что подобно как луна меньше солнца. Сириус меньше луны, также звезда Ара меньше Сириуса (=Արուսեակ Aruseak). См. Н. Адонц, Дионисий Фракийский и армянские толкователи, Петроград, 1915, стр. 278.

лем. Ара для армян не только армянская вариация ближневосточного древнего бога смерти и воскресенья, но он также национальный герой и дух, символ многовековой борьбы. Потому и легенды о нем пережили все другие древнеармянские сказания, в том числе и о Хайке и Беле.

Но порой ослабевали и силы нашего Ара Прекрасного, особенно в борьбе с кочевниками Турана, Монголии и Аравии. Это оружие борьбы, однако, переняли другие племена и народы, которые подобно нам, также были почитателями бога весеннего пробуждения Ара, жили его славой (Ярославы), были многочисленны (Ярополки), проникались средой Яра (Яромиры). Эти славянские ярочтители, столь связанные с нашим восточнокультурным миром и его народами, не оставляли нас и в средние века («рузики»), когда высоко сияло в Киеве их «Красное Солнышко». Но они не оставили нас и в новое время, когда Новый Владимир еще выше воссиял на горизонте пробуждающегося человечества и не дал гаснуть символу нашего бытия—светилу Прекрасного Ара, столь нуждавшегося в горячих лучах для своего нового возрождения, новой весны.

1946 г.

О КОНЦЕПТУАЛЬНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ СТОРОНЕ НЕКОТОРЫХ УРАРТСКИХ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

В своей работе „История Урарту" (на арм. яз.) я в общих чертах дал описание военной и религиозной стороны урартских надписей во всех их проявлениях, как господствующей идеологии. Точно так же я разбираю там внутреннюю сложную жизнь самого общества, иерархию отношений классового и сословного порядка, всю наличную в надписях терминологию и т. д. Такое расследование урартских терминов, слов и оборотов, которые отражают типичное для данного времени содержание, имеет конечно значение не только для урартоведения, но и, вообще, исторической науки.

Конкретно я там (стр. 109—112) остановился на обороте *buraštubi mešini-pii 'aaldubi* „я подчинил, данью я обложил", buraštubi где форма глагола *buraštubi*, написанная раз и полуидеографически IR-aštubi (в надписи царя Русы I Нор-Баязета), как впервые было мной установлено, должна была значить «слугой (рабом) я сделал, я поработил», т. е. *„я подчинил"*[1]. Но как мы знаем, характер служения, т. е. политической зависимости покоряемых стран, зависел от общественного строя самих классовых древних государств. В урартских надписях это понятие «я подчинил» большей частью имеет дополнительное продолжение — объяснение *mešini-pii 'aaldubi*, что И. Фридрих переводил «я сделал (его) данником» [ich machte (ihn) tributpflichtig], хотя точное значение будет «под *(-pii* или

[1] Независимо от меня, значение *bura* или *pura* „раб" было установлено и И. Фридрихом (см. Caucasica Fasc., VIII, 1931, стр. 150). См. мое издание Нор-Баязедской клинописи Русы I, Ереван, 1930, стр. 16—17: LUGAL KUR Velikuḫi karubi IR-aštubi = царя страны Великухи я поразил, слугой сделал.

-piei) дань *(meš-ini)*[1] я наложил *('aald-ubi)*. После этого идет перечисление вида и размера этой дани в десятках мин меди, серебра, золота и пр. В надписи из села „Язлыташ" (около Маназкерта) царь Менуа требует от Утубурша, вассала из племени Диау, также лошадей, ратников (войско), хлеба (?) и пр., что, видимо, также входило в обязанности подчиненных. Следует отметить, что отношения подчиненных племеновождей к суверену Урарту, несомненно, отличались от отношений феодалов к таким же монархам поздней эпохи, имея и общие черты. Выражение «я подверг под дань» (ср. русское «подданный») продолжало напр. удерживаться в феодальный период у армян, судя по выражению *ənd harkaw* (или *harkavkh*) *arkanel* «под дань бросить» у древних писателей. У последних фигурирует также объяснительное выражение *hark caṙajuthean* «дань служения», из чего вообще видно, насколько изменилось значение слова «слуга, служения», сообразно эпохам и их социально-экономическим формациям. Ср. также рус. слуга, служба, служить, лат. servus, servitio и пр.

Точно так же, когда урартские цари говорят — «крепость я разрушил, города сжег, страну с'ел, мужчин (и) женщин погнал в Ван», — то глагольное значение «я с'ел» *(at-ubi)*, заменяемое два раза идеографическим знаком для еды (пищи), раз с прибавлением окончания 1 л. ед. ч. аориста на -bi[2], имеет тут особое применение, известное, как замечает И. Фридрих, и в других древних языках. Но когда с этой лексической бравадой грабительских древних эпох сравним мирное выражение размельчавшегося феодализма средних эпох у армян— «и отныне властен ты, отец Давид, епископ Сюнии... это село

---

[1] В урартском слове *me-e-še* или *me-še* основой будет *meš-*, что видим и в форме творительного или исходного падежа *meš-ini*. Это *meš-* „дань, подать", несомненно, родственно с древнееврейским *mas* с тем же значением. В библии ему соответствует греч. φόρος „подать, дань" (особенно с подчиненных стран).

[2] Это значение at-ubi „я съел" правильно объяснил М. Церетели по соответствующему месту изданных им Сардуровских летописей. Урартское at- (=ath-) „есть, кушать" походит на хеттское at-//et- (az-//ez-) с тем же значением.

Нораширник есть и пользоваться . . . продавать и в заклад положить» (см. у историка Ст. Орбеляна, История дома Сисакан, Тифлис, 1911, стр. 210 и ср. подобное же выражение на стр. 219 и 270), то тут термин «есть, кушать» (арм. ut-el) имеет новое социальное содержание, свойственное только феодальным порядкам, как это видим и в русском термине «кормление» того же феодального периода.

Здесь же, в этой статье, я хочу в том же древнеидеологическом аспекте подробно рассмотреть три следующих урартских выражения или слова — *maani ^{d}UTU-ni pieini, surie// GIŠ šurie, ḫašial-me.*

1. maani ^{d}UTU-ni (=ardinini?) pieini.

Это выражение входит составной частью в так называемую «формулу заклятия» (или «проклятия»), помещаемую в конце надписей. Обыкновенная форма ее изложения такова: «Кто эту надпись (=камень) разобьет, кто повредит . . . кто другого побудит (и) скажет «иди разбей», кто другой скажет «я этот дом (или крепость) построил» (или «я такой-то город, напр., Лухиуни, завоевал») . . ., виновника (turinini, вин. п.) Халди, Тейшеба, Солнце, боги, *ma-a-ni ^{d}UTU-ni pi-e-i-ni*". Часто к этому прибавляется также — „и родню *(arḫi-uruliani)*, и имущество *(inaini* или реже *inani)*, и *nara* (=?) да уничтожать"[1]. Конечно, в поименованной форме изложения бывают и отступления в подробностях как в части описания условий повреждения надписи, так и во второй части (т. е. в главном предложении). Нас в данном случае интересует именно эта

[1] По-урартски эта часть гласит: mei arḫiuruliani mei inaini mei nara awie ululie. Начальное mei переводили раньше через „его". И Фридрих и М. Церетели предлагают перевести „и", что, по-моему, правильнее. Сложное слово arḫiuruliani, пишущееся иногда на двух строках (arḫi в конце и uruliani в начале следующей строки), должно приблизительно значить „близкие души" (ср. хетт. arḫa- „граница", arḫi „близ", а для uruli „душа", ср. др.-арм. uru „привидение", арм. диал. ura „предчувствие". Есть и урарт.: *бог который души переводит* (DINGIR aluše yruliwe šiuali). Слово awie, вероятно, значит „прочь" (ср. хетт. awan „weg"), *awie ululie* „прочь пошлет". Для последнего оборота ср. также *awiei iptulie* из формулы проклятия Хорхорской надписи (Col. VIII, стр.

последняя часть, где выступает форма проклятия, т. е. главное предложение.

Здесь в начале стоит слово *tú-ri-ni-ni* (=фонетическому *turinin*), что не есть глагольная форма, как думал было Н. Марр (с переводом «да разгневаются»), а существительное в форме вин. п. ед. ч. на *-n* от основы *turini-* (корень tur-, по-моему, значит «обязывать», ср. turubi „я обязал"[1]). Сейчас это слово переводят „разрушитель" или «преступник», что лучше будет передать более точным «виновник» (из первичного понятия «obligé, обязанник»?). После этого слова идет название троицы богов (Халди, Тейшеба и Солнце), как применителей наказаний против этого виновника. За этой троицей следует «боги», что либо относится к ним, либо же означает «(и прочие) боги», как переводят сейчас. Эти имена богов стоят в активной (эргативной) форме на *-še*, как форме подлежащего, а объект turinini в форме вин. п. на *-n* (знак *ni* тут есть фонетическое *n*).

В интересующей нас второй части формулы проклятия бывают и некоторые отступления от вышеприведенной общей нормы. Во-первых, вступительного объекта turinini может и не быть, как это видим в Зуартноцской надписи Русы II, в Келишинской надписи Ишпуина и Менуи и пр. Затем, вместо этого turinini раз застаем me-i-ni, как его заместителя,— это в надписи из церкви Петра и Павла в Ване (ClCh. 13), где читается meini ^{d}Ḫal[diše] [^{d}]M-še ^{d}UTU kuulituni

---

13'): Кто стену с этих мест перенесет (šiulie), awie iptulie (прочь выбросит?!).

[1] В одной надписи Сардура („Арх. экс.", VI надп. на задней нижней части стены ниши) три раза читается глагольная форма turubi, в связи с чем идет перечисление разных поставок (оружия, людей, продуктов и пр.). Я предлагаю этот глагол перевести через „я обязал, наложил" и т. п. Примеры: KUR Šuraani edini turubi „для страны Шура я обязал (доставить)", LÚ A. SI^{meš}-mani edini turubi „для войска я обязал и LÚ Ururdani edini turubi „для людей Урурда я наложил". Нужно заметить, что страна Шура (=Šupria?) не враждебна урартцам, ибо их цари называют себя „царь Биаины и Шуры" (=по ассир. Наири) и, следовательно, неправильно было KUR Šurāni edini перевести „из страны Шура", как делает И. Фридрих. Основа turini- так образовалась от корня tur-, как имеем имя išpuuini и глагол išpuuiubi „я распорядился" (мой перевод), бог Ḫutuini

(или «то его») бог Халди, бог Тейшеба и бог Солнце да предадут». Далее вместо этой троицы богов выступает раз только бог Халди, как это видим из надписи в церкви св. Георгия (из села Кохбанц, около Вана): turinini ^{d}Ḫaldiše maani ^{d}UTU-ni pieini. Наконец, вместо этой последней фразы (maani ^{d}UTU-ni pieini) в Макинской надписи Русы II читаем — turinini ^{d}Ḫaldiše ^{d}IM-še ^{d}UTU-niše DINGIR^{meš}-še mekuul tini *manuni* ^{d}*UTU-ni kai*.

Как видим, во всех этих надписях вторая часть формулы проклятия, выражающая главную мысль о возмездии за повреждение, вполне закончена. Сказуемость этой мысли я вижу в *maani* ^{d}*UTU-ni pieini* большинства надписей, замененного *manuni* ^{d}*UTU-ni kai* в Макинской надписи. Несомненно, эти слова, следующие за троицей богов (или одним Халди), содержат в себе осуждение или проклятие. Сравним с этими главными предложениями, т. е. второй частью формулы проклятия, одну вариацию из надписи CICh 29, где эта часть (без вступительного turinini) гласит: ^{d}Ḫaldiše ^{d}IM-še ^{d}UTU-še ḳiuräše DINGIR^{meš}-še [x-]ru tinieini maani e'a zilbi ḳiuraani edini «Халди, Тейшеба, бог Солнце (и) земные боги ... имя его (=его самого) предадут, как и семя (его), земле». И. Фридрих переводит ḳiurāni edini „vom (?) Erdbogen weg (?)", думая, что сказуемое скрыто в стертых начальных знаках десятой строки (см. Caucasica, Fasc., 8, стр. 139, прим. 4). Мне же думается, что *maani* (или *manuni* Макинской надп.) как раз и выражает это сказуемое со значением «дать, предать, отдать». Выражение *maani... ḳiurani edini* «да предадут земле» в других случаях передается равнозначущим ḳiuraidi kulietuni (в Зварт. надписи) или ḳi(u)ra(e)di kuludie (Келиш. надп.) при ассир. ina muḫḫi kaḳḳari liḫalliḳušu (или luḫalliḳšu). Слово ma-a-ni (реже ma-ni) еще со времен Сейса переводят «его», что особенно как бы явствует из Изог-

---

и глагол ḫutiadi „я обратился с мольбой" и пр. Для корня tur- (фонет. thor-) ср. хеттск ое tur- „запрягать, связать", арм. torn (род. п. toṙin) „веревка". Быть может, из имени племени (?) ururda, произносившегося *ororda, мы через аплологию имеем имя племени or.a, живщего в VI в. в Софене, откуда и армянское имя феодалов Ord-uni?.

линской надписи Сардура, когда после прихода Мелитейского князя Хиларуада и предоставления золота, серебра и пр., что Сардур посылает в Ван, говорится еще (строка 26): maani 'aaltubi meešini piei «его я обложил данью». Но и это место можно перевести «чтобы предоставил он (=для предоставления) я подверг дани», т. е. для ежегодного принесения я сделал его данником. Форма mäni «чтобы отдал, на отдаст» (есть и сродное ma-ni-ni)[1], по-моему, сюбжонктивная (сослагательная) от корня ma- и не нужно смешивать с существительным глаголом manu («быть, пребывать, стать»). Между прочим, в надписи на скале Караташ (или Иланташ) у села Арджиш (севернее оз. Ван) в связи с посадкой виноградника говорится SE-ni-ni ú-i-du-še su-su... (строки 8—9), где идеограмма SE значит «давать», и возможно, все

---

[1] Это значение *manini* „да подаст" выступает, напр., в надписи Менуа: „Для Халда (Элипуры, Хутушни) господа, Менуа Ишпуиниевич эту стелу дал написать, manini ^{d}Ḫaldini bedini (или же ^{d}Ḫaṭuinie b., ^{d}Elipurie b.) ^{I}Menua... ^{I}Inušpua... ulguše pisuše aisuiše „да подаст Халдово попечение (? милосердие) Менуе... (и) Инушпуе... жизнь, радость (и) величие". То же и в надписи на „двери Мхера" (строки 24/76—77). Слово be-e-di или be-di в значении „опека", „контроль" может быть усмотрено и в „bedi-manu" что, по-моему, значит „опекаемый, подопечный, гарантированный"! Ср., напр.—ali ^{Lú}tašmuše bedi-manu biduni ibirani „также заложника для гарантии он возвратил...?". Это следует за принесением золота, серебра... и наложением дани диаухского Утупурша (см. надпись Менуи из „Язлыташ", у Сейса № 30, строка 17). Есть и имя бога Arṣi-bedini (надпись на дверях Мхера, строка 12/51), сложенное из arṣi- и bedini (ср. имя бога Arsi-mela, там же, строка 6). Непонятна мне форма bedišani (там же, 25/81 — ^{d}Ḫaldini ḳapḳarinili).

Подобно *manini* (из **ma-anini*) „да подаст" сослагательное желательное (optativus) наклонение с окончанием—anini для 3 л. ед. ч. я вижу и в глагольных формах *tan-anini* (adulie šišulie tananini „с вином обряд да совершат"?), *terdil-anini* (esini terdilianini „места да установят"?). См. М. Никольский, Новооткрытая в Ерив. губ. клинообразная надпись, строки 10 и 12. Корень tan- известен нам и в форме tanuli (см. „Мхер-капуси", стр. 30: ^{GIŠ}uidi tanuli „лозу поднесет" и в одной дефектной Армавирской надписи—bidi suuili tanului), причем его значение имеет ритуальный характер. А для глагола terdil- (anini) я бы сравнил параллельное terdul-ini других надписей (terdulini inukaani esini или же terdulini esii см. Сейс, № 21, стр. 5* и № 54, стр. 7*).

слово есть обыкновенное фонетическое manini. В этой надписи в формуле проклятия отсутствует maani во второй части (turinini ^{d}Ḫaldiše ^{d}IM-še ^{d}UTU-še DINGIR^{meš}-še ^{d}UTU-ni pieini), что недосмотр писца.

Если в слове maani второй части формулы проклятия нужно усмотреть сказуемое этого главного предложения и с вероятным значением «отдавать», то что же значит конечное *^{d}UTU-ni pieini* или *^{d}UTU-ni kai?* Они, несомненно, созначущие выражения. Слово послелог kai значит «перед», известное в разных контекстах (^{l}Argišti-kai, ^{l}Menua-kai, .., kai-uki(e) «перед мной», ^{d}Aldi-kai = ассир. ina pan ^{d}Ḫaldie «перед Халди» и пр.). А слово pieini есть обыкновенное pii или piei «под» с прибавочным -ni (его?), известным нам из выражения *'aaldubi mešini-pii*. Так что ^{d}UTU-ni pieini значит „перед богом Солнца», а ^{d}UTU-ni kai «под богом Солнца». Следовательно, основная мысль второй части формулы проклятия следующая: «виновника Халди, Тейшеба, бог Солнце (и прочие) боги да отдадут (представят) перед (под) богом Солнца». Смысл выяснится, если вспомним, что в надписи Сардура у села Изоглу, что на восточном берегу Евфрата (против Малатии), вместо поименованной фразы *maani ^{d}UTU-ni pieini* сказано (строки 38—39) — *maani ardinini pieini*, т. е. слово ^{d}UTU-ni, «(бог) солнце» заменено нарицательным и фонетически написанным *ardinini* с падежным суф. *-ni*. На это впервые обратил внимание А. Сейс. Основа ardini имеет суф. -ini (ср. ^{l}Išpuuini, turini «виновник», bedini «опека» и пр.) от корня ardi «солнце» и входит, по-моему, и в имена богов ^{d}Šelardi «луна» (собств. «ночи солнце») и ^{d}Šinulardi.

Таким образом, боги Халди, Тейшеба и Солнца отдают «под солнце» или представляют «перед солнцем» виновника в разрушении надписей, уносе, бросания их в воду и пр. Тут, конечно, «солнце» употреблено в переносном смысле «суд», «осуждение».

В этом отношении нам на помощь приходит функциональное отображение понятия «Солнце» в древнем миропонимании также у других народов. В первую очередь я должен привести аналогичное конкретное применение этого слова в формуле заклятия из хеттских текстов, где говорится об угро-

зе наказанием за преступность, за нарушение одного договора. Это место гласит: «кто его (договор) нарушит, тот должен (перед) Тешупом, моим господином, моим повелителем, солнечной богиней из (города) Аринна, моей госпожей, всеми моими богами быть (т. е. предстать) *человеком суда* (*LÚ DINIM*, подчеркнуто мной)[1]. Для меня нет сомнения, что урартское «представить перед Солнцем» равносильно «представить перед судом», отдать под суд, осудить» и, следовательно, ardini, как нарицательное слово «солнце» в древности значило также «правосудие», «суд», «справедливость», но и «осуждение» и пр. У хеттов бог солнца творит ежедневный праведный суд, он видит насквозь всю нашу натуру, деяния и пр. (см., напр., E. Tenner, Zwei hethitischen Somnenlieder, Kleinas, Forsch., Weimar, 1930, стр. 390 и сл.). У вавилонян Шамаш («Солнце») как бог, является верховным судьей как на небе, так и на земле. Свод законов царя Хаммурапи преподносится Шамашу. Даже у древних армянских писателей можно найти выражение aregakn ardar «солнце праведное», не говоря об общеармянском arew «солнце», которое и в древности и сейчас в диалектах часто употребляется вместо понятия «жизнь» и т. п. В этом аспекте, быть может, не лишне будет этимологически связать арм. *ard-ar* «справедливый», груз. *m-arth-al-i* (*id.*) с урартским *ard*-(ini) «солнце» (подобно арм. собственному имени Arphiar от арм. arphi «светило»).

Вероятно, с этим *ard* -(ini) случайно созвучно староиранское arta «правильный», оссет. ardäg «прямой», санск. ṛtá и пр., из чего индоевропенисты готовы вывести и арм. ard-ar «праведный», как общее слово из блаженной «прародины» блаженного «праязыка». Возможно также, что имя урартского города *Ardini*, соответствующего *Muṣaṣir*-у ассирийских надписей, не есть наше *ardini* «солнце», а скорее хурритское *arti* «город» (ср. хурр. DINGIR meš-na artiniwena URU Ḫattiniwina «боги города Хатти»[2]).

---

[1] См. F. Sommer, Heth. II, стр. 5.

[2] О хурритском *arti* „город" впервые говорил фон Бранденштейн в предисловии к KUB, XXVII, стр. III и сл.

2. šú-ri-(e) или ^{GIŠ}šú-ri-e

В урартских военных надписях, в виде введения, читаем: «Халди пошел походом, свое šurie (или giššurie) поразило страну А..., указало (teḳuni) пред Аргишти (Менуа, Сардуром)»[1]. Если объектов завоевания несколько, то глагол teḳuni может иметь и форму teḳuali с суф. ali для множественности объекта. Этим вводным словам затем часто придается ^{d}Ḫaldi kuruni ^{d}Ḫaldini giššuri kuruni, а один раз и ^{d}Ḫaldili ku[runi] DINGIR^{meš}-na kuruni, как самодовольное или благодарственное Халду восклицание. Интересующее нас слово (giš)šurie встречается, кроме этих частых применений, еще два-три раза опять-таки в военных контекстах, как и в форме giššurgi(ni).

Три раза имеем писание šuri(e) в начальной части разных надписей. Раз в надписи Аргиштия I, — из села Кулиджан (северо-восточное города Ленинакан): ^{d}Ḫaldini uštabi masini šurie karuni ^{I}Ḳuuliaini KUR-ni «Халд пошел в поход, его (свое) šurie поразило Кулиеву страну», т. е. страну некоего Кулиа (-ini суффикс)[2]. Также в надписи Сардура у

---

[1] Выражение „*указало пред А*" равносильно „*указало перед) походом А*" или „*для похода А*". Собственно, Argišti-kai значит „перед Аргишти". Перевод teḳuni „он(о) указал(о)" мой. Другие его переводили как „он(и) передал(и)" или „он(и) представил(и)" перед А и пр. Если субъект есть šurie „стрела", то перевод „она (=стрела) поразила (и) представила страну такую-то перед (царем) А" мне представляется невозможным". Лучше—„указало царю А на эту страну". Ведь Халди „готовит путь", его стрела наперед летит, поражает то и то, указывает на эти объекты царю, а уж последний их завоевывает, захватывает, для чего применяется глагол ḫauni „он захватил". Стрела поражает (karuni), а царь затем при предводительстве бога Халди уже завоевывает. Предлагаемый мной перевод корня teḳ- „указывать" может быть поддержан и хеттским tekušnu- с тем же значением. Урартс. teḳ- произносился theḳ- с таким соотношением к хеттс. tek-, как урарт. ath- к хеттс. at- „есть".

[2] Глагол *karuni* почти всегда (за исключением Нор-Баязедской надписи) связывается с šuri(e), что я перевожу „стрела". Следовательно, перевод этого karuni как „он победил" (er bekämpfte), как предлагает И. Фридрих, или как „он покорил", как переводил И. Мещанинов и я, мне представляется неточным. В хеттских анналах Муршила, как указывается мной здесь, божья стрела также „поражает" или „ударяет" (ко-

села Загалу (юго-вост. озера Севан): ^{d}Ḫaldini uštabi masini šuri karuni karuni ^{l}Arḳuḳini KUR-ni „Халд пошел походом, его (свое) šuri поразило Аркукиеву страну». Ср. также CICh, 129, d 1 (таблица XXXI), 18, šuri.

Это слово šuri(e) (e) предлагали читать šU-rie, где šU- мол идеограмма для понятия «множество», фонетически передаваемое частым giššurie = ассирийскому gišru «сильный, могучий», арабс. ǰasur (<gasur) «доблестный». По этому неправильному пути пошел и я, предлагая урартское giššuri сопоставить с хеттским kišar «рука» (см. Общ. элементы между урартским и хеттским языками, Ереван, 1936, стр. 24—25), хотя там же (стр. 50, прим. 1) я предложил лучшее толкование этого слова, понимая под знаком giš идеограмму (GIŠ «дерево, деревянное изделие»), а само šuri(e) перевел через «знамя, сигнал, стандарт». И. Фридрих в giššurie видел подлежащее, что, конечно, правильно, но предлагаемое им для этого слова значение (с оговоркой «ganz provisorisch») «отряд, толпа» (Schar) мной будет здесь оспариваться. Он считал возможным лучший перевод при условии появления лучших примеров, кроме вышеприведенных шаблонных штампов. Он даже сомневался в графической описке или ошибке формы šuri(e), как думали раньше, принимая, что начальный знак giš может быть и детерминативом (см. его Einführung ins Urartäische, Leipzig, 1933, стр. 47).

Считаю нужным здесь обосновать многочисленными фактами высказанное мной еще в 1936 г. мнение о чтении названного слова (GIŠ šurie или точное GIŠ šurie) с уточнением его значения, принимая, следовательно, giš за детерминатив.

Во-первых, несколько раз написанное šuri(e) нельзя считать ошибкой писца с пропуском знака giš, ибо это выступает в разное время (при Аргишти и Сардуре) и, несомненно, тут были разные писцы. Во-вторых, урартская клино-

---

рень *walḫ-*) и пораженный царь страны Арзава заболевает, ложится в постель. Синонимом урартс. *karuni* я считаю глагол *badg-* (в форме *badgulubi).* В Нор-Баязедской надписи Русы I глагол *karubi* „я поразил" относится к Русе („я поразил царя страны В").

писная графика, насколько мне известно, никогда и нигде не применяет двойную согласную (consonne géminée), и потому имя страны Манна пишется Мана, стечение двух согласных в морфологии заменяется одним, как, напр., от корня šid- «строить» (ср. šip-išt-ubi «я построил» и др.) при аористе 3 л. мн. ч. с прибавлением флексии — (i)šu и отношение к объекту множественного числа с суф. -li мы имеем šituli из *šid-šu-li- (> *šittuli > šituli). Точно так же имеем zatu-me «они сделали для меня» вместо *zad-šu-me (> *zattu-me zatu-me) от обыкновенного корня zad- «сделать, строить» (ср. zadubi «я построил», zaduali «они построили» и пр. формы). Единственный как будто случай писания двойного согласного имеем в имени бога dTar-ra-i-ni-e надписи на дверях Мхера («Мехер-капуси») у Вана, как в CICh, вместо прежнего dḪal-ra-i-ni-e ибо знаки tar и ḫal очень похожи и их легко спутать. Чтение Ḫalrainie можно было бы поддержать наличием божественного имени Ḫallara у хеттов, почитаемого в городе Dunna (Дунна). У меня под рукой нет фотографии этой надписи, и, наконец, тут возможна не графическая передача двух «гг», а одного с более сильным дребезжанием, как имеется, напр., у армян (ср. арм. tar «уноси», но taṙ «буква», ber «принеси», но beṙ «ноша» и т. п.).

Наконец, мое чтение GIŠ šurie и его значение я хочу поддержать, так сказать, семантической палеонтологией общего религиозного мировоззрения древних народов и этимологией самого слова в зависимости от специфики изготовления самого предмета из GIŠ «дерево». Для идейной стороны вопроса я имею в виду соответствующую роль хеттского бога грома и молнии (Datta) с его регалией kalmišana- при описании десятилетних походов хеттского царя Муршила II. В третьем году своего царствования он говорит о походе в страну Арзава. Приводим интересующее нас место: «Когда я двинулся (в поход)[1], когда я достиг горы Лаваша, то бог грома-

[1] В форме jaḫḫat „я двинулся" основу jaḫḫ- Гётце переводит через „маршировать, быть в походе", но, по данным армянских слов с основой jah- или jax- (ср. jaxuṙn- „стремительный", jaxort „дерзкий" и пр.), как заимствований, правильнее будет переводить „двигаться". В хеттском

молнии (dU), герой, мой господин, опеку (мощь божью?) высказал, выпустил (наджал) GIŠ Kalmišanan. И это GIŠkalmišanan мое войско увидело, страна Арзава также его увидела, GIŠ kalmišanaš пошло [=полетело] и страну Арзава поразило..." (см. 2 BoTU, 48). Божественный этот предмет kalmišana- Э. Форрер переводил как «громовая стрела» (Donnerkeil), чего придерживается и А. Гётце в своем издании и переводе поименованных надписей (см. у него «Die Annalen des Muršiliš", Лейпциг, 1933, стр. 46—47).

Как видим, в контексте хеттских надписей царя Муршила II последнему в походе помогает бог грома и молнии, своей громовой стрелой он поражает неприятеля и пр., как это делает dHaldini GIŠ šurie урартских военных надписей. Если у хеттов оружие под названием kalmišana изготовлено из дерева (куста и пр.), как показывает его детерминатив GIŠ (=akkag. išu), так то же самое выступает и в урартских надписях, где слово šuri(e) за некоторыми исключениями имеет тот же детерминатив. Не может быть разницы в тождестве значения этой хеттоурартской божественной регалии, приписываемой верховному богу на определенной стадии верования, при тогдашних технических возможностях в изготовлении оружия из «дерева». Еще в 1943 году, исходя из вышесказанного, я предложил в хеттском *kalmišana-* видеть оружие, изготовленное из камыша, имея в виду сходство корня *kalm-* с греческим καλάμη «стебель», κάλαμος «камыш, тростник», арабс. kalam «перо из камыша», герм. Halm «стебель» и пр.[1]. Корень этот, по-моему, не индоевропейский, ибо есть и груз. calami «обрезка лоз» (но ср. также calamuri «свирель из камыша», подобно как греч. ἐλεγεία «элегия» производится от напева на *камышевой свирели* фригийского происхождения, в связи с арм. ełegn. „камыш"). Да и в самых

есть текстуальные места, где военного характера этого iaḫḫai совсем нет, а значит просто „я двинулся, устремился". Мне думается также, что iaḫḫ- напрасно производят от первичного индоевр. корня i- „итти", ибо деривация с суф. -aḫ(ḫ) всегда бывает от именных основ.

[1] Русское (слав.) *солома из слама<салма* говорит за индо-европ. двойник *salm-* при *kalm-* западной группы инд.-евр. языков.

индоевропейских древних языках не могло быть сочетания двух сонантов *lm* (в kalm-) или полногласия (kalam-). А что касается происхождения стрелы и даже копья из камыша, не говоря о посохе или тросте (из тростника), так для этого имеются и другие лексические свидетельства. Взять хотя бы древнеармянское слово *šuaṙ-n* (во множ. ч. šuaṙ-unkh) „дубина или шест в игре; тетива стрелы, копье всадника». Но есть и подвид *šawaṙ-n* «стебель пшеницы; особого рода камыш; польская трава, из которой добывается масло». Есть даже в Армении (в Сюнии) местечко Šuaṙnaho‡, что дословно значит «Камышевая земля», т. е. земля с зарослями этого растения šuaṙn. А далеко ли от этого армянского слова по звучанию и само образование урартского šurl (šure). Этимологически, фонетически и производственно нет препятствий, ибо из šuar легко получится šur с переходом значения «камыш>стрела» (копье, тетива и пр.), как это видим и в хеттском *kalmišana-* «стрела» из kalm (или kalam-) «камыш». В хеттском этом слове интересно и чисто лингвистическое его образование с конечным *-(i)šana*. В начальном -š (=s) имеется древнемалоазийский (западнее Евфрата) притяжательный суф. -ši (пишется -šši), как от ḫila «портик или притвор храма» имеем имя бога Ḫilašši- (KUB, IX, 28, Col. III, 4), от witt- «год» (ср. wittanza «год», witti „в году") имеем witašši- «годовой» при синонимном iugašši- «годовалый» (животное) от iuga- «год» и т. п. (см. у меня «Суффиксы и суффигированные слова в топонимике древней Малой Азии», Ереван, 1948, стр. 15), что хотят считать лувийским суффиксом. Суффикс же -an(a)- в нашем kalmiš-ana- делает прилагательное kalmiš(i)- «камышевый» существительным «камышевое», т. е. «изделие из камыша».

При первой моей попытке (1943) идеолого-лингвистического анализа вторящих друг другу хеттского GIŠ kalmišana- и урартского (GIŠ) šurle и их этимологий, я не имел других лексических свидетельств для kalmišana-, кроме греческого сродного κάλαμος, лат. calamus и пр. Но теперь мое предположение вполне подтверждается новыми материалами из самой хеттской лексики, ибо в других местах упоминается

GIŠ kalmišeneš («камыши») касательно зажигания его в очаге. Сродное с ним GIŠ kalmiš, встречающееся только в формах вин. п. ед. ч. GIŠ kalmin и множ. ч. GIŠ kalmieš, также может сжигаться. А. Гётце их переводит «полено для зажигания» (Holzscheit zum Verfeuern), на основании соответствия акк. alallu хеттс. дефектному kal-ma-a[n-]...[1]. По-моему, тут имеются камышевые обрезки для зажигания, подобно щепкам дров. На востоке это обычно, и для топки вообще применяются сухие стебли разных растений, за неимением дров.

Что оружие (стрела, копье и пр.) могло быть приготовлено из толстого камыша, так на это указывает и армянское слово *net* «стрела», сопоставляемое справедливо с санскр. *nadá-* «камыш», древнеиранс. *nad* и новоперс. *nai* «камыш» (см. Hübschmann, Armen. Gramm., стр. 478). Я уж не говорю об обыкновенной идеографической передаче понятия «оружие» в клинописи и через GIŠ KU (=IŠ KU), с детерминативом «дерево».

Преследование стрелой врага, приписываемое богам Тешупу (у хеттов) и Халди (у урартцев), взято, конечно, из боевой практики обыкновенных людей и, прежде всего, царей. Так, напр., в надписи на призме Тиглат-Пилесера I читаем: «60 царей стран Наири, вместе с теми, которые на помощь им пришли, *моей стрелой* (ina mulmulli-ia) до моря верхнего (т. е. до озера Ван) я преследовал».

В аспекте вышесказанного выступает, следовательно, то древнее общее поверие, что верховный бог племени или государства перед походом царя идет впереди войска (uluštaibi «шел впереди» у урартцев), как бы являясь предтечей. Его стрела, изготовленная из камыша, выпускается (хеттс. šijait «он натянул, наджал») и летит (хеттс. pait «пошел»), поражает врага и его города (хетт. walaḫta «он ударил»=урартскому karuni «он поразил, он сразил»), а затем уже указывает царю на эти объекты завоевания (урарт. teḳuni «он указал») и тем самым начертывает ему путь (урарт.. zatu-me

[1] См. его „Die Annalen d. Muršiliš". стр. 212—214. а также: E. Sturevant, Hittite glossary, 2. ed., Philadelphia, 1936, стр. 68.

ḫarie // KASKAL «он приготовил мне путь»). А уже после этого сам царь идет по этому предначертанному пути, но с водительством бога Халди, и завоевывает уже от своего имени указанные пункты, как штампованно передается в урартских военных надписях.

Возвращаясь к урартскому šuri или šurie (=šure) «стрела, я должен отметить его присутствие не только в частых выражениях *masini šurie* (или GIŠ šurie) karuni KUR A., KUR B ... «его (своя) стрела поразила (сразила) страну А., стр. В.» и пр. или ^{d}Ḫaldi kuruni ^{d}Ḫaldini GIŠ šuri kuruni, о чем было сказано выше, но еще в двух отдельных случаях: 1. 50 GIŠšuri gunušini šatubi gunušinini bidiadi badgulubi (Изоглинская надп. Сардура, строка 17) «50 стрел боевых я взял (и) воинов всех (?) я поразил» и 2. „Сардур говорит — all LÚUN^{meš} GIŠšurgini-kaini kuluṭuršibi šatuni KUR Uškiani KUR Bamni badgulubi zašgubi alipi kuluṭuršibi ^{d}TEIŠEBA-še GIBIL-ni «что людей перед (-kaini) стрелами (под стрелы) ... он взял, (их) страну Ушкиани, страну Бамни я ударил (и) истребил, некоторых же (alipi) ... бог Тейшеба сжег»[1]. Смысл обоих выражений Сардуровских надписей в том, что царь собственноручно истребил стрелами стоящих перед ним, быть может связанных (kuluṭuršibi?!), воинов неприятеля. Вместе с тем отметим, что GIŠ*šuri gunušini* «стрела боевая» (от gunušе «бой) Изоглинской надписи передано полуидеографически в Сардуровской надписи на стене ниши в Ване (у Марра VI надп. см. его «Археол. экспедиция 1916 г. в Ван», Петроград, 1922), где читаем (9-я строка): 2114 BE. LI gunušinie, 1332 ḲAŠTU = «2114 стрел боевых[2] (и) 1332 луков».

---

[1] Форма *šurgi* мной рассматривается как собирательное мн. число с суф. -g(i), что видим и в *ebanigi* „страны" (от ед. ч. ebani). Ср. также *targi* при простом *tarale* „могучий". KUR Išteluanigi. KUR Velikunigi и прочие имена стран (при простом KUR Velikuni). Это место дает открытая И. Орбели в ванской нише Сардуровская надпись на пьедестале стелы (строки 26—28). Транскрипция и перевод даются мной.

[2] Слово gunušini „боевой", ратный" употребляется и с детерминативом LU „человек" (синоним LÚ*ḫuradini* „воин") напр.: 25.000 LÚ*wedia*-i 6.000 LÚ*gunušini* 2.500 ANŠU.KUR. RA^{meš} *parubi* (см. у Сейса,

Под конец хочется еще указать на случайное созвучие с нашим *šuri* «стрела» армянского sur «меч», древнеперс. sūra-s, судя по греческой передаче этого слова, курдс. šjur (šjur) и пр.; они сделаны из железа, имея значение «меч, кинжал» и т. п. и, следовательно, тут не может иметь место переход значения от «стрелы» к «мечу», т. е. того, что мы называем функциональной семантикой.

3. ḫašial-me DINGIR meš

Идеология военных надписей хеттов и урартцев, эвентуально и других, выявляет и другие схождения в оборотах и выражениях, кроме вышеприведенных. Напр., в урартских этих надписях очень часто сказывается, что «я помолился (ḫutiadi) Халду господу, Тейшеба, Ардини (и) богам Биайны, (их) господним величием *aliabadi* (я был защищен?), *ḫašial-me* боги». К этим обыкновенным словам иногда прибавляется также «приготовили (боги) мне путь» (zatu-me ḫārle‖zatu-me KASKAL), в связи с чем стоит и предводительствование в походах со стороны бога Халди (uluštaibi ^{d}Ḫaldini «шел впереди Халди»).

В хеттском мы видим подобное же: «мне богиня солнца из города Аринна, моя госпожа, бог грома и молнии, герой (храбрый), мой господин, Мезулла и прочие боги пошли навстречу» *(piran ḫuweir)*[1]. Последние слова дословно значат «вперед побежали» и мне думается, что урартское ḫašial-me приблизительно должно значить то же самое. Глагол этот непереходный, судя по -ali окончанию третьего лица мн. ч. аориста, а корень ḫašī- я связываю этимологически с арм. has-anel «достигать» (аорист hasi «я достиг»). Переходно

№ 42) „25.000 работников(?), 6.000 воинов и 2500 колесничих (собств. „коней") я увел". Для ^{Lú} *gunušinili* ср. также *šuri gunušinili*, *Ḫaldini šuri*, *masini šuri*. Везде при šuri имеется определение с суф. *-ini*, как прилагательное.

[1] Немецкие ученые переводят „(sie) standen bei, zu Hilfe kamen". Хеттский глагол *ḫuw-* „бежать" (фонетическое *how-*) сохранилось и у армян: apahow (пишется apahov) „защищенный, обеспеченный" из *apa* (=хетт. *appa*) „назад" и how- „побежавший". Конечно, арм. слово-заимствовано.

этот армянский глагол значит и «помогать»: ср., напр., *eragahas surb Sargis* «быстро приходящий (на помощь) святой Саргис».

Заканчивая статью, я должен подчеркнуть, что кроме уже отживших оборотов или представлений, понятных в свое время, могут быть и такие, которые продолжают существовать и сейчас, или же сохранились сейчас, но непонятны нам в своем образовании, созидающей идеологии.

Например, урартские тексты говорят, что пришел такой-то царь, пал ниц *(suluštibi)*, схватил ноги *(šatuali kuruli)* и т. п., но то же самое встретим и во всех прочих надписях древности. Ср. хетт. *GIR^{meš} katta ḫaliat*, аккадское *GIR^{meš} iṣbat* «ноги он схватил» и пр., хотя такое же выражение не чуждо и более новым эпохам. Или возьмем урартское выражение — такую-то страну (город) *badgulubi zašgubi* (см. «Археолог. экспед. 1916 г. в Ван», III, 22—24, V 27), что значит «я ударил убил)[1], — выражение, существующее и в хеттских анналах Муршила II (ср.: врага *ḫullanun nan-kan kuenun* «я ударил и его убил», или равносильное *tarauḫḫun nan-kan kuenun*). Оборот «ударить — убить» хотя и древен, но он не чужд и позднему новому мышлению.

Но, с другой стороны, могут сейчас сохраниться и такие слова и обороты, которые отображают седую старину и ее разные проявления в жизни. Не говоря уже о таких словах, как понятия *„защищать"* в зависимости от «щит» (ср. *защитить* инем. schützen от лат. scut-um «щит», груз. pharva «защищать, защита» от phari «щит»), *„состязаться"* от «стяг» (знамя)..., *„товар"* от тюркомонгольского duar «крупный рогатый скот» (ср. лат. taur-us, слав. *тур* и пр.), нем. *Schatz* «сокровище» из старого skat = рус. скот и т. д. и т. п., я бы обратил внимание и на армянское современное (и древнее) выражение majr mətnel из старого *i majr mətanel*, что значит «заходить» (о солнце), но дословно значит непо-

---

[1] Урарт. badgul- интенсивная форма (ср. dulubi, terulubi, ḳapḳarulubi и пр.) от простого badg- „ударить". Глагольная же форма zašgubi „я убил" есть и в выражении *aliki zašgubi aliki šeḫtri (TI.LA) agubi* „одних я убил, одних живьем я увел".

нятное сейчас (да и в древности) «в мать войти». Это выражение можно объяснить в свете тех представлений и поверий, которые, напр., существовали у древних египтян, когда восход и заход солнца объясняли ежедневным рождением от женщины и вхождением снова вечером в нее (в рот).

Интересно как понятие «умереть», в зависимости от разных побуждений и подходов, отображалось в глубокой древности и в современном мире. У хеттов, напр., употреблялось выражение «стать богом» в смысле «умереть», как впервые это выяснил Фр. Грозный (ср. в надписях Муршила «когда мой отец стал богом», т. е. умер), но, несомненно, только цари и высшие лица могли удостоиться соседства на том свете с богами, хотя еще при земной жизни строили им храмы. В современном же цивилизованном обществе уже из других побуждений это понятие «умереть» подвергается эвфемизму, чтобы смягчить тяжелое представление смерти и, напр., французы при обыкновенном mourir «умереть» имеют также его замены — périr «погибнуть», passer «пройти», trépasser (id.), décéder „удаляться", s'endormir „почить", rendre son âme „отдать свою душу" (старое выражение), partir или s'en aller „уйти" и пр., как у немцев при sterben (умереть) имеются—vergehen „пройти", erblassen или erbleichen „бледнеть", verbleichen (id.), dahingehen „проходить, уходить" dahinscheiden „разлучаться" и пр. и пр.

Как видим, при изучении древних текстов концептуально-идеологическая сторона в развитии значения (семантики) многих слов и выражений приобретает большую ценность для истории, мышления и языка, социологии и истории культуры вообще.

1919 г.

ХУРРИТСКИЕ СЛОВА АРМЯНСКОГО ЯЗЫКА

Переселившиеся с VII в. до н. э. из древнего государства Хайаса-Аззи (Хайаса=место хаев, т. е. армян), совпадающего с поздней Малой и Высокой Арменией, племена или народы *хаев* и их западных соседей *пала (бала)* засели главным образом на юго-западных просторах Урарту; они двигались сперва на юг (Тогарма и Мелитена), а затем на Софену и Арзанену, т. е. в сторону верховьев Тигра и районов Таврских гор, особенно в области Арме и Шуприа. В Шупритисе (=Шуприа) помещает армян и Страбон, считая их исходным пунктом Акилисену, т. е. центр бывшей Хайасы. Часть же хайасцев и палайцев двинулась на восток и северо-восток по течению Аракса до современного Карабага и Зангезура. Есть данные, что эти племена отчасти проникли и в современную Грузию.

В районах верхнего Тигра, в частности в областях, обозначаемых в клинописях как Арме (Ариме) и Шуприа, в это время, несомненно, еще обитали *шубары* (откуда Шуприа) или *хурриты*, отчасти араменизованные, а позже и армянизованные. Недаром эти районы упоминаются у Фауста Византийского как древнейшие домены армян. Район «Ангелдом» (арм. Argel-tun), совпадающий с древним Арме, по Фаусту Византийскому считался *„столицей* (=доменом) *армян давным-давно"*, а в районе соседнего с востока Шуприа позже была основана столица Тиграна II—Тигранакерт, нынешний Муфаркин.

Новый топонимический термин Armina своим -ina так образовался из Arme, как Ḫattina из Ḫatti (=урартс. Ḫate) „страна и народ хеттов", Luluina „страна лулубеев", Biaina «страна племени биа», Palestina «страна филистим-

лян» и т. п. Пришлые хаи ассимилировали аримов и соседних же хурритов, имя которых в клинописи упоминается вплоть до VIII в. до н. э. В персидском тексте Бехистанской надписи Дария I (521 г. до н. э.) область расселившихся хаев (так называют себя армяне) еще называется по старому *местному* имени Армина, а отсюда и персидское производное образование arminiya «арминец» (т. е. из области Armina), а отсюда и грецизированные armen-os «армянин» и Armenia. Но ассиро-вавилонский переводный текст той же Бехистанской надписи дает уже старое *политическое* наименование «Урашту» (=Урарту), по функции бывших владетелей, т. е. урартцев, столь известных этим ассирийцам по политическим и военным обстоятельствам. Различное наименование одного и того же народа или племени со стороны их соседей нам известно и во многих других случаях.

Переселившиеся под киммерийским давлением хайасцы (вместе с близкими к ним палайцами) этнически, политически и лингвистически взяли верх над всеми местными племенами и языками Урарту, обогащаясь в словарном отношении и сохраняя в общем свой грамматический строй. Местные языки и их диалекты, естественно, не все целиком поглощались. Они могли все же удержать свои особенности, как в словаре, так и грамматике (что реже) и их такая дифференцированная арменизация (точнее «хайизация»), естественно, отразилась в формировании территориальных армянских диалектов.

Нас в данной работе интересует вопрос, какими своими элементами (корнеслов, формы) хурритский язык юга Армении (районов Таврских гор) отложился в общеармянском языке, как новое напластование, подобно хеттскому, урартскому и грузинскому вкладам в древнейший язык хаев-армян, в период их племенного объединения, в противоположность поздним заимствованиям из иранского, сирийского, греческого и прочих языков, когда армяне уже в качестве государственного народа, обладающего письменностью, имели совершенно иную ситуацию, качественно отличную от прежней.

Этнико-историческим отголоском смешения субарийского (шуприйского), resp. хурритского, народа Ар(и)ме с при-

шлыми хайасцами является упоминание армянским историком М. Хоренским одного из родоначальников армян — патриарха Хора (Հոռ Хор), сына Хайка, откуда и влиятельная армянская княжеская фамилия (род) Хорхоруни с титулом «малхаз» (откуда и Малхазуни). Быть может, бытовым реликтом того же этнического начала является и арм. нарицательное слово «хор» (խոր хор) в значении «скряга, скупой», подобно грузинск. «гмири» в значении «герой» от имени киммеров или арм. «ска» (=великан) от имени саков и т. п. Видимо, хурриты-субары, как торговый или негостеприимный народ, оставили на пришлых хайасцев неблагоприятное впечатление.

Хурриты занимали довольно обширные пространства Северной Месопотамии (столица Ассирии Ниневия основана ими), Сирии, южной Армении, возможно Киликии и пр. и имели, как сейчас принимается всеми, разные наречия. Между прочим, сами термины *хурри (=хорр)* и *субари (шубари, шубриа)* считаются диалектными наименованиями. Хурриты не сумели объединиться в одно большое государство и образовать единый язык. Только в продолжение двухсот лет (1400—1200) они сумели создать одно сильное политическое объединение — Митаннийское государство в долине реки Хабур, официальным языком которого является письмо царя Тушратты, написанное египетскому фараону Аменхотепу III. Это письмо в 496 строк (начальные семь строк, как торжественное приветствие, написаны на аккадском языке) и до сих пор служат лучшим связным текстом простого и народного хурритского языка. Найденные в архиве хеттских царей из Богазкея (=хеттское Хаттуша) хурритские документы приблизительно в тысячу строк современны «Митаннийскому письму» (т. е. письму Тушратты), носят ритуально-мифологический характер, за исключением фрагмента из эпоса Гилгамеша, и отличаются в языковом отношении. Мало помогли пониманию указанных текстов и сравнительно недавно открытые в Рас-Шамре (древнее Угарит в Сирии, к югу от Антакии) стихотворные тексты, из которых самый крупный имеет 62 строки (разделено на 17 параграфов) и служат воззва-

нием к богам, не считая отдельного листа с именами богов. Их клинопись дает только согласные звуки и потому трудна для понимания. Найденный в этом же месте сумерохурритский словарь, дающий перевод 135 хурритским словам (частично испорчен), более способствовал прогрессу в знаниях хурритского языка, но и он, как видно из сравнения с другими хурритскими словами, отражает особый диалект. Я уже не говорю о диалектном характере четырех хурритских надписей из области Мари (район современного Тель-Харири, где впадает Хабур в Евфрат), как и о собственных именах хурритов из аккадских текстов города Нузи (=совр. Йорган-Тепе близ Керкука), которые также отображают диалектные различия.

В этом аспекте нужно подходить и к хурритскому языку к югу от армянских Тавров, в частности языку хурритов областей Ар(и)мэ и Шуприя. А ведь в этом «Шупритисе» помещают греки армян, как «фригийских выселенцев», после временной локализации их в Акилисене (—арм. Экели-к «равнина», с родит. падежом Экелеац, совр. Эрзнкайская равнина с городом Эрзнкан, из Эризакан), resp. в Малой Армении, бывшей Хайасе (Страбон, кн. XI, гл. 12, 14).

В своей работе «Хайаса—колыбель армян» (Ереван, 1947, стр. 209—234) я привел достаточное количество общих слов между армянским и хурритским языками. Но так как хурритский и урартский языки обнаруживают большое генетическое родство между собою, то подчас трудно бывает решить происхождение армянского слова, общего и хурритскому и урартскому языкам. Грамматических общностей между армянским и хурритским мною не замечено, что говорит в пользу того, что хурритское влияние было не столь сильным, если конечно хурриты Ариме-Шуприа имели ту же морфологию, что и жители Митанни, говорившие на языке письма Тушратты. Особенно нужно отметить множество собственных личных имен, проникших в армянский язык из хурритского.

В этой работе мне хотелось бы обобщить, уточнить и особенно дополнить все то общее, что пока можно видеть как

хурритский языковый вклад в армянский. Не сомневаюсь, что в будущем эта задача будет полнее разрешена. Многие этимологии мною даются чисто теоретически, пока не выяснится точное значение и произношение данного слова. Приведем подробно эти общие лексические встречи.

1. SAL *ne-e-ra* „жена деверя"

В четвертой колонне письма Тушратты (IV, 62) читается ne-e-ri-iw-wu-ú-la-an (= nēr-iw wu-la-an) с детерминативом SAL «женщина». В слове ne-e-ra первый знак фактически есть *ni*, как и стоит во всех изданиях, но Борк, имея в виду следующее гласное *e* и неприменение особого знака для *ne*, пишет не ni-e-ri-, а ne-e-ri-, т. е. дает фонетическое его значение, что, конечно, принимается всеми, но не пишется. Что же касается детерминатива «женщина», то это не значит, что перед нами собственное личное имя женщины, а обыкновенное нарицательное имя женщины, как еще отметил Кнудтзон, а за ним и Пензен, Мессершмидт, Борк и др.[1]. Пензен предлагал в этом ni-e-ri-ip-pu-ú-la-an, как транскрибировали раньше, часть nēri- перевести «тетя» (Tante)[2]. Борк же предлагает под вопросом перевести через «спутница, рабыня»[3].

Установлению точного значения этого nēra- помогает нам как самый контекст, так и особенно древнеармянский язык и современные его южные диалекты.

В хурритском тексте, в «абзаце» 58′—68′ четвертой колонки, говорится о том, что Тушратта отдал свою дочь в жены египетскому фараону, как было решено (58′—59′), но в дальнейшем текст плохо понимается, хотя и хорошо сохранился. Немного более понятен текст из середины и конца. Тут речь идет о двух женщинах, как это явствует из 62-й строки и из конца (строки 67′—68′), где говорится о Тадухепе и Ведуки-

---

[1] У Фридриха в Kleinasiatische Sprachdenkmäler это слово, видимо, принимается за собственное — SALNi-e-ri-iw-wu-ú-la-an, что неправильно.

[2] См. у Мессершмидта, Mitanni-Studien, стр. 92.

[3] Mitanibrief, стр. 96, „Begleiterin (?), Sklavin (?), хотя на стр. 81 он пишет: „für meine nēra-Frauen".

те. В середине читаем (62′—63′): šinē-lla-man šatā-lla-an SAL nēr-iwwu-la-an etita apsūša iša-lla-an apsušau-lla-man... «касательно (etita) же (-man) помощи (šatā)- двум (šine-) этим (-lla) моим (-iwwu-) «нера» женщинам он позаботился (apsūša?), и (-an) я (iša-[š]) о них (-lla) также позаботился (apsušau-)...» Тут глагол aps- перевожу предположительно, а энклитические *-an* или *-man* («же, и; но») без нужды повторяются. Упомянутые две *„нера"—женщины* несомненно — Тадухепа, дочь Тушратты и жена Аменхотепа, и Ведукита, видимо жена Тушратты.

Разрешение вопроса об этих двух высокопоставленных женщинах в связи с nēra- дает древнеармянский язык, где имеется ner или nēr со значением «жены двух братьев в отношении друг к другу», иначе говоря «жена деверя», но также «жена в отношении другой жены мужа»[1]. В хурритском nēra- последнее «а» перед местоименной энклитикой -lwwu «мой» отпадает (nēr-iwwu-), как и в слове šēna- «брат» (но šēn- iwwu «брат мой»). Его значение следовательно будет «жена деверя», понимая под двумя братьями царей Тушратту и Аменхотепа III.

Индоевропеисты-арменисты и в отношении этимологии арм. ner, пренебрегая всеми звуковыми закономерностями и в особенности местными азианическими (хурро-урартские и др.) возможностями, насильственно предлагали связать его с праязычным (?!) *jeneteri в лице санскр. yātar, греч. ernatéres, лат. janitrix, лит. jentere и пр.[1], хотя Мейе арм. ner ставил в скобки, видимо он и сам не верил в его индоевропейское происхождение (см. его «Введение», рус. перевод 1911, стр. 333, и 1938, стр. 392). Чувствуя всю натянутость этой этимологии, я в 1946 г. предложил арм. ner связать с ликийским ner, что вопросительно переводят через «сестра» (см. мою работу „К происхождению арм. языка», Ереван, 1946,

[1] Это слово *ner* употребляют и сейчас армяне из Ахалциха, Акна, Харпута, Эрзерума, Хемшина, Нахичевана на Дону, Себастии, Муфаркина и др. В северных новоармянских диалектах (Араратском, Карабахском, в Сюнии и пр.) этого слова нет,

[2] См. у Ачаряна, История арм. языка. Ереван, 1940, стр. 66; а также у А. Мейе, Введ. в сравн. изучение индоевр. языков 1938, стр. 392.

стр. 10, прим. 1). Рад, что моя этимология арм. пег на базе азианических языков теперь оправдалась вторым примером, взятым из хурритского языка, с уточнением его значения по данным армянского слова.

2. *ḫind-u* „серьга"

Хурритское слово *ḫind-u* (во множ. ч. *ḫindena*) известно нам из списка (=описи) даров, присланного Тушраттой Аменхотепу III (см. Knudtzon, Die El-Amarna-Tafeln, Leipzig 1915, напеч. в серии Vorderasiatische Bibliotek. 2). Тут конечно имеется в виду приданое принцессы Таду-Хепа. Это ḫind-u в помянутом «списке даров» встречается несколько раз (EA 25 II 12, 31, 37) и стоит в имен. падеже аккадского языка (на -u) хотя само слово хурритское[1]. Примеры: 4 ḫintena ḫuraṣu (стр. 12), 4 ḫintena ḫuraṣu uḫḫuzu (стр. 31), 4 ḫindu ḫuraṣu (стр. 37). Оба аккадских слова ḫuraṣu и uḫḫuzu нам известны и значат: первое «золото», а второе «покрытый», т. е. оба вместе «золотом покрытый». Но что же значит ḫind-u? Я не читаю его перевода в помянутом месте. Нет сомнения, что оно значит «серьга» (отметьте также их четное число «четыре»), и это опять-таки дается при помощи армянского языка. Здесь слово gind (или реже gint) значит «серьга», так что в хурритском тексте говорится о четырех серьгах из золота и четырех серьгах, покрытых золотом. Армянское слово несомненно азианического происхождения, быть может непосредственно не взято из митаннийского хурритского, а из какого-то диалекта, ибо мы ожидали бы тогда xind или hind (x=рус. x=нем. ch). В армянских заимствованиях из аккадского имеется большей частью соответствие начального ḫ армянскому *x* (реже *h*) и только два раза ḫ>арм. *k* (но не *g*), как аккадск. ḫabātu «грабить» (ḫabtu «ограбленное») при арм. kaput «грабеж», акк. (и сир.) ḫassinu «топор»=арм. kacin («кацин»)-id. Индоевропеисты армеисты арм. gind

---

[1] См. у J. Friedrich'a, Kleine Beitrage zur churritischen Grammatik, Leipzig, 1939, стр. 3, прим. 2. Также хурритским было слово zallawe, но что оно значило? Изготовлялся этот предмет (=украшение) из бронзы.

опять-таки хотят вывести из фиктивного праязыка, из праформы *wendha, представленной в санс. vandhura «кузов экипажа», умбрийс. uendo «повернутый», др.-верхн.-нем. uuindinga «женское украшение, серьга», как впервые предложил Лиден[1], но мои вышеприведенные факты этому противоречат.

3. *šarr-(šar-) ‖ zarr-(zar-) „раб, слуга"*

В хурритских текстах из Богазкея в Турции (KUB XXV, XXVII) имеется много нарицательных слов с основами šarri- или šarra- и их производных, как šarri, šarrena (мн. ч), šarribi, šarribina, šarra, šarrašti, šarrašḫinibini и пр., так и много собственных личных имен из Нузи с этим же словом, как Šartešup, Šartilla, Paišar, Enšaru, Ewrišarri и т. д., значение которого не установилось. То думали, что это есть аккадское šarr-u «царь», заимствованное хурритами, то считалось божественным эпитетом, ибо это šarr- обожествлялось, точнее имело детерминатив «бог» (что есть скорее идеограмма), то производилось от хуррит. šar- «вытребовать» и, наконец, уже в новейшее время, благодаря сумеро-хурритскому словарю из древнего Угарита, считается эквивалентом сумерс. nam-gar-ra, синонима nam-ri (nam-ra) и аккадского šallatum. tum. Переводят либо через «уводимое из покоренных городов население» (A. Gotze, Die Annalen des Muršiliš, Leipzig, 1933, стр. 228), либо же через «пленный» или «раб, колон» (ibid.).

По идеологии образования имени Šartešup «раб бога Тешупа», Enšaru «раб бога», Ewrišarri «раб царя» (властителя) и др. вторят аккадским Wardištar «слуга богини Иштар", Waradteia (ласк. от Warad-Tešup), Waradkubi «раб подземного бога Куби» и др., заимствованным хурритами Нузи, или походят на касситские Melešipak=Melemarduk (слу-

---

[1] См. его „Armenische Studien", стр. 5—7. Корень этих слов обозначал мол „круглый; свернуть, оборотить" (герм. wenden ‖ winden), что для значения армянского gind „серьга" не реально и искусственно. Названия материально-вещественных изделий у древних армян должны быть местные, древневосточные, а не принесенные из обетованной индоевропейской прародины и языка.

га Мардука), Meleš̄ibarru «раб бога Шибарру» и др. в роде арабского Abdullah, Abdalmelek и др.

В одном месте из Богазкейских хурритских текстов (KUB. XXVII, 42, II, 14′—15′) говорится о боге Тешупе, почитаемом у рабов (šarraššiḫinibiš) и царей (ehrišš̄ḫinibiniš). В этих же текстах есть формы šarrinaša, šarriuša, šarrinašta и др., перед которыми стоит детерминатив «бог», что по-моему скорее идеограмма, обозначающая, «бог служения» или «бог служитель», подобно как у Тешупа были, служители бога в качестве небесных быков (^{d}Ḫurriš, ^{d}Šerriš), или, напр., служанки-богини Нината и Кулитта у богини Хепит (resp. Шаушка) и т. п.

В хурритских письменных источниках из Митанни (письмо Тушратты, I, 89′—90′), из Чагар-Базара (к югу от Мардина) и северной Сирии (напр. из Рас-Шамра) имеются писания zarr- вместо обыкновенного šarr-, что может свидетельствовать о фонетическом ṣarr- (‖ čarr-), ибо в zar-ri знак zar в обыкновенной клинописной аккадской графике передает также ṣar, как имеются gaz ‖ gaṣ, zip ‖ ṣip, zur ‖ ṣur, za ‖ ṣa и т. д. Эта форма ṣarr-(‖ čarr-) сохранилась у армян в слове čaṙa (=tsaṙa) «слуга, раб», где «а» в конце возможно отражает арамейско-сирийское влияние, и у грузин мегрелов, где имеется измененное čkor-i «раб» из старого *čor-, сообразно образованию «децессивных» čk или çk (из старого č ‖ ç) čk‘ или ck‘ (из č ‖ c), čx или cx (из č ‖ c) и т. п.[1]. Возможно, что из старомегрельской формы *čor- имеем и производное čort, что у армян значит «прислужник, крепостной» (с X в.), а у грузин-картов «статуя из камня» (позднее слово, отсутствующее в древней литературе), судя по словарю Чубинова, а по словарю С. Сулхан-Орбелиани оно значит «крепостной с отрезанным одним ухом». Мегрельское *čor- могло быть более старым *čorr-, ибо грузины вообще избегают двойного согласного (consonne géminée), а формы с гласным «о» в мегрельском отражают прежние формы с «а» (напр., картс. kaci

[1] Графема Č соответствует рус. Ч, англ. CH, нем. TSCH, а графема C соответствует рус. Ц, нем. Z. В звуках для Č (арм. ճ) и Ç (арм. ց) нет аспирации.

«человек»>мегр. koči, картс. dzaɣi «собака»>мегр. džoɣori и т. д.). Так что мегрельское čkori «раб» (ср. также Gegečkori «раб Георгия») вышло из *čor-<*čorr<*čarr-, что соответствует арм. čar-a и хурритскому šarr- || zarr- || šarr- „раб, колон".

4. *ašt-* „женщина; жена"

Значение этого слова «женщина, жена» точно установлено хурритологами и налично во многих формах и производных образованиях как нарицательных, так и личных имен. Таковы: aštiš (имен. п.), aštin (вин. п.)..., как и личные имена Ašte, Ašten, Ašdeia...; от основы ašta- имеем личные имена Aštaḫuta, Aštakanza, Aštakina (из документов в Нузи); ср. также aštu(ḫ)ḫi или ašdu(ḫ)ḫi «женский», aštuzzi — род одежды. В армянском языке этому хурритскому корню *ašt-* «женщина, жена» соответствует *ast-* в значении «жена». Это редкое армянское слово было два раза употреблено в армянском переводе «Печать веры» Тимофея Эйлура (стр. 168, изд. в Эчмиадзине в 1914 г.) в форме ast-el «жениться», откуда astoł (стр.283) «жених». Несомненно переводчик армянского текста происходил из южной Армении, из бывшего хурритского (аримо-шуприйского) мира[1]. Точная форма и значение армянского слова даются в «Корневом Словаре» Р. Ачаряна (том I, стр. 566—567).

5. *pap-* или *pab-* „гора"

Значение его точно установлено «гора», откуда и производные papni, paraḫḫe «горный», но и «восточный», что стало и географическим термином в форме Paranḫe или Babanḫe. Ср. и географическое Paḫḫi или Babḫi в урартских военных надписях. В хурритском есть и личные мужские имена — Papante || Babante, Ar-baba („дар горы"), Arip-papni (id. ?), Tatip-papni, Zilip-papni и пр., а также женское имя Papaia. Известный ученый Иоаннес Фридрих с этим хурр. pap-(||bab-) справедливо сравнивал урартское производное babani «горный», чистую непроизводную основу которого

[1] [У арчешцев и мушцев имеется astvor mətnel „жениться"].

сохранили армяне в редком слове baba «холм» (по арм. словарю Еремии Мегринского). К хурритской же форме pap «гора», по-моему, принадлежат, во-первых, papp (у арм. историка Матфея Эдесского), что предположительно значило «место, откуда сводят вниз», а это думают, что было «кафедра», что, конечно, неправильно[1]. Затем имеется частое ap'ap'a (=aphapha) «недоступные горные скалы» с арамейским-сирийским конечным «а» и с непонятным начальным «а». Быть может сюда же относятся и слова p'ap (=phap) или p'ap' (=phaph) «обрыв» в имени села Phap(h)-šen на склоне Битлисского ущелья, как имеем мегрельское p'ap'ala (=phaphala) «обрыв, обрывистость». Есть и арм. p'ap или p'apar «расселина в скалах». Наконец, имеются и имя горы P'amp' (откуда P'ambaki dzor «ущелье Памбака», Памбакское ущелье) и личное мужское имя P'apak, подобно вышеприведенным хурритским личным именам Papante, Papaia и пр.

6. *kanzu* или *kanza*—род куста (=камыш?)

Слово kanzu (ka-an-zu-ú) упоминается как какое-то растение с детерминативом šammu «растение» в одном листе синонимов (KUB XXVII 38 iii 13), как читаем в „Nuzi personal names» (стр. 233). Это растение несомненно было или пахучим или же стройным, ибо становится также женским именем, как это явствует из тех же Нузийских документов. Здесь имеются: Qanzu, Kanzaia (ласкат. имя), Ḫašipqanzu, Qanzušalla („канзу-девочка»), Allaiqanza („сударыня-канза»), Aštaqanza («женщина-канза») и пр. Семасиологически сравнить женские имена у нас на востоке, как Salbi, Fidan и пр. в связи со стройностью, или Šušan, Manušak, Jasmik и пр. в связи с пахучестью этих растений. Хурритское слово kanzu или

---

[1] Это papp, несомненно, развилось из прежнего pap. В армянском papp вместо pamp употребляется только раз у М. Эдесского *«Արար ի բլոր կոնթխալ՝ բնկճյին գնա ի պանդկէն ի մէջ բազմամբոխ խուխայինն»* (см. *Աբմ. բառ.*, V, стр. 833).

kanza, в которых начальное k ‖ q неаспированный согласный, в армянском фонетически было бы представлено в виде *kanč (*կանճ) или *kanç (*կանձ). Но в армянском имеется только производное от этого корня слово kančox или kandžux со значением «шест, трост, посох», где последняя часть есть известный хурро-урартский суффикс -uḫi (=-ux), обозначающий прилагательные притяжательности (принадлежности), как aš-uḫi «женский», duruḫḫi «мужской»..., урартс. Wîḫiruḫi «Вихирский», Welikuḫi «Великский», Urmeniuḫi «Урменийский» (Орменийский), Etiuḫi «Этийский» и пр. Хурритское слово kanzu или kanza, как указывает армянское производное kandžux (‖ kančux) «трост, посох», собств. „тростниковый (продмет", несомненно значило «камыш, тростник» и все женские имена хурритов с этим корнем kanz- указывают на стройность, на сравнение женской грации со «стройностью тростника. Между прочим имя «камыш, тростник» образует в языках не только слова со значениями «стройный», «дудка, свирель», «посох, трост», но и «стрела», как на это указывает перс. nai=арм. net «стрела» (из староиранс. nadu); урартс. šuri «стрела»=арм. šuaṙn «камыш» и пр[1].

7. *tuldi*—род растения

Это слово также растительного мира, имеет спереди детерминатив или идеограмму šammu «растение» (šam tuldi), с объяснением, что оно растет в стране Шуприа (ina Šubari «в Шубари»). Было и женское имя Duldu, но и мужское имя Dulduqqa (‖ Tuldukka), — см. NPN, стр. 268. Нет сомнения, что «растение tuldi» соименно с армянским tułt (տուղտ), что существует и в современных диалектах в значении althaea pallida WK (см. Р. Ачарян, Корневой Словарь, VI, стр. 971). Грузинское tuxti «mauve rose, althée ordinaire" (ibid., стр. 972), как справедливо указывает Ачарян, заимствовано с ар-

[1] См. мою статью „О концептуально-идеологической стороне некоторых урартских слов и выражений", напеч. в Archiv Orientální, посвященной 70-летию Fr. Hrozny („Symbolae Hrozny", I, 1940, 360—373).

мянского, ибо груз. tuxti вместо tuɣti (tuɣdi) передает средневековое (9—11 в.) и новое армянское произношение tuɣt (tuɣd) вместо древнего tuɬt, с изменением древнего ɬ (сонант, вроде русск. ль) в новый фрикатив ɣ.

8. *ḫinzur* „яблоко"

Это хурритское слово известно нам в разных формах как нарицательное имя в хеттском архиве из Богазкея—ḫinzurilaš ḫinzurulaeš, ḫinzurinna, ḫinzurinna, ḫinzuruganna, затем из раскопок в Мари (Тел-Харир у впадения в Ефрат притока Хабур) в форме ḫinzuruš (см. NPN, стр. 217). Наконец это слово фигурирует уже в качестве собственного женского имени из раскопок в Нузи в формах — Ḫinzurala (ласкат.) и Ḫinzuri, хотя упоминается еще ḫinzuri как имя месяца (ibid.). Значения этого ḫinzur хурритологами не дается, но нет никакого сомнения, что оно обозначало «яблоко», как это имеется в армянском сонменном xəndzor «яблоко». Это общеармянское слово в средних веках служило и собственным именем женщины в формах Xəndzor и Xəndzorik (уменьш.), как видим в «Словаре личных армянских имен» Р. Ачаряна (II, стр. 515). В одно время армянское xəndzor хотели было считать заимствованным из сирийского ḫazzūrā «яблоко», хотя Гюбшман принимал обратное заимствование (сирийское с армянского). Теперь же, как видим, точно устанавливается происхождение армянского слова.

9. *Pai*—какое-то мифическое человекоподобное существо

Такое приблизительное определение хурр. *Pai*, входящего в состав многих личных имен, дается мною на основании однозвучного древнеармянского paj, что обозначает некое мифическое существо, происшедшее из человека и пасущееся с дикими животными. Это воображаемое существо имеет как будто и генетическое отношение к козлам и оленям, наподобие греко-римскому пану или фавну. В хурритских личных именах имеются следующие мужские имена

Pai-šarri «Пай-служитель», Pai-teŝup «Пай бога Тешупа», Pai-šina (‖ Pai-zani) «Пай бога Сина», Pai-tilla «Пай бога Тилла», Paikku (ср., арм. pajik с тем же значением paj). Pai(k)-gerḫe(=?), Paip-purni «Пай-служитель» (с касситским purn «служитель», ср. урартское pur(a)- «слуга, раб»), что дается и в обратном сложении Purna-paia с тем же значением, как влияние касситского мира (NPN 242, 247). Мы знаем, что, напр., бог Тешуп имел у себя служителей-богов в лице быков Ḫurri и Šerri. Знаем также, что у известной богини Шаушка (Хепит) были богини-служанки Кулитта и Нинатта. Известны также вестовые у богов в виде птиц (орел, аист, ворона) или обожествленной радуги Ириды у греков и т. п. Так что возможна была такая же роль на ближнем востоке этих человекокозлиных паев у богов Тешупа, Сина и Тилла. Не исключается переосмысление заимствованного русского слова «чорт», как служителя подземного бога, в связи с армяно-грузинским čort «слуга, прислужник, крепостной». Следовательно нет препятствий, чтобы мифическое существо «пай» стало прислужником богов.

В армянском есть и имя мифического существа Pajapi-s (род. п. Pajapeaj) с эпитетом k'aɫeaj «козлиный» (М. Хоренский, кн. 1, гл. 14), в котором суффикс -api такого же происхождения, как и в хурритских личных именах Aninapi, Umbinapi, Waḫrapi и др. (NPN 201).

10. *Tiranna*—обожествленная радуга

Слово это сумерского происхождения; имеются личные имена, сложенные с ним из Ниппура и Сузы, а в хурритских именах из Нузы зарегистрировано только имя Ar-tiranna «Дар-Тиранны» (NPN № 267). Пишется ^{d}Tir-an-na, что видимо, эквивалентно урартскому имени бога ^{d}Turani в надписи на «Мхеровских воротах» у Вана.

Мне думается, что tiranna «радуга» было распространенным словом также у северных хурритов и, в частности, на верховьях Тигра, в местностях Ариме и Шуприа, откуда и вошло в несколько измененном виде (čiran- ‖ čiran-) и значении в армянский и грузинский языки.

Имея в виду, что древнее согласное t зачастую в армянском позже меняется на ç (ʦ), как хетт. tuḫḫuis „дым" >арм. çux (id), имя города Tūros>арм. Çur, trorim>çrorim „разлагаюсь", tatanim>çaçanim «колыхаюсь, колеблюсь», keit „грязь">keiç „нечистый, фальшивый", ḫa-part „горделивый» и parçim «горжусь» и пр., не говоря о сродном переходе t'>ç (t'orim>çorim «сочусь», t'ek'em>çek'em «наклоняю» и пр.), я предлагаю в армянском çirani «красно-желтый, багряный, золотистый, пурпурный (море), синий (голубой), фиолетовый» видеть производное прилагательное с суф. -i (ср. jur „вода" — jəri «водяной», aɫ „соль" — aɫi «соляной», erkat' «железо»—erkat'i «железный» и пр.) от некоего *çiran «радуга», а не от арм. çiran «абрикос», как предлагает проф. Р. Ачарян (см. его Корн. словарь, III, стр. 782). Армянское çiran и груз. ჭeram «абрикос» не имеют отношения к интересующему нас слову çirani, в котором как будто представлены все цвета радуги, никак не могущие развиться от одного оранжевого цвета абрикоса. И не напрасно современные армяне Константинополя, Ново-Нахичевана и Асланбека под названием Cirani göti понимают радугу (дословно «радужный пояс»). К счастью это *çiran- «радуга» сохранилась и у грузин (via armeniaca?) в слове ჭirano „орбита (круг) вокруг луны» (по Чубинову) как арм. çiaçan значит «радуга», но и «орбита вокруг луны». Следовательно, груз ჭirano первично обозначало «радуга». Армяне отобразили цвета радуги, а грузины ее дугообразность.

11. *Ḫašuntarḫi*—имя бога

Это собственное имя бога и упоминается в Богазкейских текстах вместе с хурритскими другими божественными именами Piša(i)šapḫi, Tarpantuḫi, Šuru(ḫ)ḫi, и др., которые являются обожествлением (деификацией) растительных имен, подобно тому как Bitenḫi стало обожествлением воды, от основы witen- из watar «вода», как имеется в хеттском языке (имен. п. watar, род. п. witenaš или wetenaš), твор. п. wetenit и т. д.), т. е. хурризованное имя бога Bitenḫi (=Witenḫi) формально и по значению адекватно русскому „водя-

ной". О суффиксе -uḫi или -hi я уже говорил выше. Следовательно, в имени бога Ḫašuntarḫi нас должна интересовать основа ḫašuntar-. что неотделимо от армянского нарицательного xašəndeł *(խաշընդեղ)* «ревень, rheum», как растения, применяемого при родах и запоре. По образованию, как сложное слово, и по форме армянское слово xašəndeł так относится к хурритскому ḫašuntar-, как армянское čakəndeł „свекла" к персидскому čugundar, афганскому čugundar и пр., причем грузинская форма čakundela и эти иранские čugundar проф. Р. Ачарян готов был считать заимствованными с армянского, ибо в последнем есть и простое (без -deł) čakən с тем же значением. Второй компонент deł в армянском значит «злак, трава», как и «яд, отрава» (ср. deł-el «отравить», как русское *(трава—отравить)*, что полностью соответствует иранскому dar в именах čavdar «рожь», gendumdar «пшеница» и пр. Хурритская форма ḫašuntar показывает, что все эти злаки с элементом -tar или -dar первичны, а в армянских xašəndeł, čakəndeł, kapəndeł (из kapundar-?) „ligusticum levisticum и т. д. второй элемент -del есть народно этимологизированная новая форма из общего -dar (по Ачаряну). Хурритское ḫašuntar- может указать на азианический, а не иранский источник всех этих имен злаков.

Хурритское имя бога Tarpantuḫi я также вывожу из растительного мира. Если отбросить его суффикс -uhi, то основа tarpant- неотделима от греческого terebinthos, известного дерева-куста, из разрезов которого сочится терпентин, т. е. жидкость «скипидар», почитавшийся в Сирии и, как видим, у хурритов. Скипидаром терли свое тело от холода и солдаты Ксенофона, когда они проходили по Большой и Малой Армении, близ страны халибов («Анабазис», кн. IV, гл. 4, §§ 12—14). По своему происхождению греческое terebinthos своим суффиксом -inthos, как и слова labyrintos, Korinthos и пр., выдает свое малоазийское происхождение, подобно многочисленным греческим именам богов. Хурритское имя бога Šuru(ḫ)ḫi я сопоставляю с именем отборного *черного* винограда sorek (еврейское слово), что близко созвучно с армянским диалектическим sorok (в Нор Баязете) или

sorekh (в Буланыхе), означающим растение с узкими и длинными листьями, желтыми цветками и *черными* зернами, из которых добывается терпкое масло (см. С. Аматуни, Hajoc baf и ban, стр. 508 при слове šalki).

12. *ḫurr-* „хуррит, хор"

Племенное имя хурритов писалось по-разному: ḫur-ri или ḫuur-ra, как и имя бога Ḫu-u-ur-ra, ḫurruḫe „хурритский», ḫuria- «хуррит», Ḫuriaša—имя бога, ḫurlili „по-хурритски» и пр. Ср. библейское ḫori и греческое χοῤῥαῖοι «хурриты» при арм. Xoŕ (=внук или сын Хайка). Но, как было сказано, в армянском было и нарицательное слово xoŕ «скупой», что раз употреблено у писателя XIII века Васила Чона (см. его «Толкование евангелия по Марку», Константинополь, 1826, стр. 81), что обнаружил проф. Р. Ачарян. Я этимологизирую это слово от имени хорритов (т. е. хурритов), как часто случается с именами племен: ср. груз. gmiri «герой» (от имени киммеров, ассир. gimirrai), арм. ska «великан» (от имени саков-скифов), груз. kerketi «стройный» (от kerket- «черкес»), арм. parthev «стройный» (от имени парфян) и т. п. Армянскому звуку ŕ в слове xoŕ соответствует клинописное rr (два графических r) слова ḫurri, как и в соответствии арм. çaŕa (tsaŕa) хурритскому zarr-. Возможно, что это клинописное два rr писалось вместо одного твердого (раскатистого) ŕ.

13. *Šauška* или *Šawuška*—известная богиня

Эта известная богиня хурритов равна по положению семитической Иштар, напр., в письме Тушратты (III, 96)—URU Ni-i-nu-a-a-we Ša-uš-ka-a-a-we «города Ниневии богини Шаушка» (род. п.), т. е. говорится о Ниневийской Иштар. Даже пишется ^{d}ÉŠ-DAR-pu-ušga, где последние фонетически написанные звуки отражают (Ša)-wušga с идеограммой Иштар. В угаритских документах согласными написано Susk или Swsk, рядом с Ḫpt-d «к Хепит, для Хепит». Если Хепит властвует в Малой Азии (особенно у хеттов), в Север-

ной Месопотамии и даже южнее, то Шаушка упоминается в Митанни, Угарите, т. е. у хурритов этих стран. Несомненно она была почитаема и южнее территории исторической Армении, т. е. возможно на верховьях Тигра в областях Ариме и Шуприа, подобно употреблению zarr- (а не šarr) «раб» в тех же областях. Отголоском почитания в этих местах богини Šauška я вижу в значении армянского глагола šošokel «жеманиться, кривляться, рисоваться», šošak-ans aŕnel «жеманство или кривляние делать", что проф. Р. Ачарян напрасно исправляет в šošok-ans (см. его «Корн. Словарь», V, 401), особенно если иметь в виду у Еремии Мегринского šošak-eal или šušok-eal «провозглашенный» (армянские писания ճոշակեալ или ճուշակեալ—описки). Это показывает, что нужно писать šošak-ans (а не šošok-ans), как правильно дается в армянском Ручном Словаре. Эти редкие слова приводятся в армянских переводах из Иоанна Златоуста и Филона еврея. В греческом переводе из речей последнего имеем ἐγκαλλωπίζομαι «рисуюсь, чванюсь», на месте армянского šošak-ans aŕnem. Мне думается, что армянский глагол šošak-el (откуда имя šošak-ank') «кривляться, рисоваться, чваниться» есть отображение черт образа богини Шаушка, которая в представлении древних имеет те же стороны или проявления, как и Хепит (Ḫepit), от имени которой сохранилась у армян же həpit (чаще hətpit из *həppit) «проказница, кривляка, искусительница, наряженая", откуда глагол həpt-im или xəpt-im „наряжаюсь, искушаю» и т. п. Богиня Хепит вошла в Армению вероятно через государство Хайаса, в пантеоне которого она фигурирует идеографически („Иштар") Вошедшее же с юга Шаушка у армян преобразилось в нарицательное šošak-el или šušak-el вместо первичного *šošk-el или *šušk-el, изменившегося под влиянием многих слов с суффиксом -ak. Слово это не может быть и звукоподражательным, как видно из его значения «жеманиться, кривляться, рисоваться».

14. *Šanta(l)lu(q)qan*—имя бога

В хурритских текстах из Богазкея имеется божество Šantaluqqan (KUB, XXVII 1 il 26) или Šandallugan, что

в форме Šantalluk известно и из документов в Нузи как личное мужское имя. Как правильно замечают ученые, это слово произведено от имени известного божества Šanta или Šanda с суффиксом -(a)lluk или -(a)luk, что имеется и в личных именах из Нузи—Nutalluk, Timaluk (ср. Ar-ti-maluk). Божество Šanta, в греческой передаче Sandon, было могучим богом южной Малой Азии, подобно вавилонскому Мардуку. Сравнивали и с индоиранским Varthragna (>арм. Vahagn), и нужно думать, что в функции этого Šanta у хурритов входила и молния с грозой, что входило в функции и Тешупа. Как впервые заметили Jensen (см. в арм. журнале Handēs amsōreay, 1904, стр. 184) и Roth (ibid., 1927, стр 744), имя этого Sandon, как божества воздуха и особенно молнии, нужно отожествить с армянским нарицательным словом šant' «молния» (пишется и šand). Но по-моему это божество Sandon, т. е. древнее хурритское Šanta, не есть обожествление первоначального имени šant' «молния», а скорее это армянское слово есть отображение главной функции древнейшего хурритского бога Šanta или Šanda. Подобное же явление мы видим и в имени армянского женского божества Çovinar или Çovian, что буквально значит «моря богиня» (nar «богиня реки, нимфа», ar «бог»), фигурирующее и как личное женское имя. Но в некоторых армянских диалектах это слово сейчас понимается только в значении „молния".

От южных и юго-западных хурритов к армянам проникли не только Šauška, Šanta, Tarku (=армянское Tork', почитавшееся в провинции Angelenē, арм. Angel-tun)[1], но, вероятно, и хурритское божество Nupatik, которое как будто связывалось с почитанием гор, судя по имени армянской горы Npat (*Նպատ*), близ Алашкерта (в Турции)[2], на скло-

[1] Мне думается, что бог Торк из города Ангел, проник к армянам из Киликии и вообще с юго-запада Армении. Писание *Տոռք* в некоторых рукописях М. Хоренского, возможно, извращено переписчиками из *Տորք* (т. е. буква ո превратилась в ու), что очень часто происходит, хотя есть и греческая форма Τροκκάρις, как местность в Киликии. В хеттском даются две формы Tarku, Tarhu. В ликийском trq значит вообще „бог".

[2] Были и горы *Нифат* против горного хребта Загрос.

не которой построен знаменитый армянский монастырь Багаван («обитель бога»), у турок «Уч-килисе» (=три церкви), вероятно на месте языческого храма.

Что же касается перехода собственного имени бога в его аттрибут, то, помимо приведенного арм. Çovinar (Çovian) «богиня моря», но и «молния», Šauška и арм. šošak-el рисоваться, жеманиться, кривляться», Ḫepit и арм. həpit «кривляка, наряженая, соблазнительница, ряженая», я бы указал и на фригийское имя бога Аттиса (Attis, но и Attin), который оскопил себя от преследований Кибелы, в связи с чем есть и арм. at'in-eal «лишенный мужества, импотент" от некоего глагола at'in-el. Затем от имени иранского бога Mithra (индийс. Mitra) имеем заимствованное арм. amehi «буйный», соответствующее староиранскому hammitria с тем же значением. Наконец, укажем на хеттский глагол tarkua- «беситься, буйствовать, танцевать" ('rage, be furious, be mad; dance', см. E. Sturtevant, Suppl. to Hitt. Gloss., Philadelphia, 1933, стр. 42) от имени известного бога Tarku. Ср. «паника» от имени бога Пан. Оставляю подобные семасиологические переходы из собственных имен людей в нарицательные, как—царь (кесарь, цесарь), король, хулиган, монпасье и др.

15. *puḫ-* „менять"

Хурритский глагол puḫ-, как точно установлено, значил «менять» и, вероятно, произносился p'ox- (=phox-), т. е. с гласным «о», подобно арм. p'ox-el «менять». Хурритский этот корень известен как в нарицательных словах pu-ú-ḫu, puḫizzaru, puḫukara с частью -kara (как имеются в письме Тушратты tadukara-, piddukar-, agukar- глагольные образования), так и в Нузийских личных именах—Puḫi, Puḫisenni или Puḫašenni («заменитель брата»), жен. имя Puḫumenni „заменительница невесты" (?) и т. д. И сейчас у нас на востоке существует обычай, после смерти кого-либо новорожденному дать имя Badal («заменяющий»), что, как явление, существовало, как видим, за пятнадцать веков до н. э. Хотя и существует ассировавилонское (аккадское) сло-

во pûḫu «менять», этимология которого нам неизвестна, однако армянское p'ox-el «менять» скорее нужно считать перенятым непосредственно от хурритов Ариме-Шуприа, чем из аккадского языка, как полагает проф. Ачарян (Корн. слов., VII, стр. 189).

16. *pal-* „выпросить, просить"

Этот глагол част в письме Тушратты со значением «просить, выпросить» (невесту). В Угаритском сумеро-хурритском словаре pali-šu переводится, однако, таким сумерским словом, которое эквивалентно акк. iqbî «он сказал». Мне думается, что значение «выпросить» будет более правильным, как переводили Мессершмидт, Борк и др. Я имею в виду также арм. глагол paɫ-at-el «умолять, просить», где суф. -at применен для усиления, подобно как имеем kətr-el «резать» и kətr-at-el «часто резать, разрезать».

17. *pâli* или *pâla* „ложь, извращение"

Значение этого хурритского слова точно установлено всеми хурритологами (Мессершмидт, Фридрих, Спейсер и др.) как антоним к слову urḫe- «правда, истина», что особенно явствует из одного места письма Тушратты (II, 106):... urḫen pâla gulia-ma, pâli-man urḫa gulia-ma «(если) правду за ложь не (-ma) говорит, а (-mân) ложь за правду не (-ma) говорит». Значение √pâl «ложь» могло первоначально означать как «извращение», и этимологически я бы сопоставил его с арм. baɫ-ajk' (множ. ч.) «кляуза, ложное обвинение», с глаголом baɫ(a)baɫ-el «ложно обосновать, обвинять», откуда baɫbaɫ-ajk' или baɫbaɫ-ank'=baɫ-ajk, где основа baɫ-aj-. Единственное препятствие в сопоставлении арм. √baɫ- с хурр. pal- чисто фонетическое, ибо хурр. «р» в армянском сохраняется (ср. хурр. par- или pab- «гора» и арм. ap'ap'a, P'apšen и пр., см. выше). Но может быть армянская форма произошла из какой-то диалектической среды, где произносили baɫ- вместо paɫ-, как это мы видели и на примере хурр. par- или pab- «гора» при армянском baba «холм», сохраненном армянским лексикографом Еремией Мегринским.

Конечно, не исключается и урартское опосредствование, через которое тот же Е. Мегринский сохранил с опиской арм. Մեհարդ (Meɫard) «луна» вместо правильного урартского Սեհարդ (Seɫard), что клинописно, в надписи на дверях Мхера близ Вана, передано ^{d}Šeɫardi, а в параллельном тексте идеографически через ^{d}SIN (=луна). Армянские лексикографы (Мхитаристы, Ачарян) хотят арм. bał-aj-k' связать с арм. преф. *b*ał «со, вместе» (т. е. bał-aj-k' «сплетни, кляуза», из первичного мол значения «сочетания, сплетения» и т. д.), существующем и в виде *p'a*ł-. Сам же корень ɫaɫ- выводится из названия вьющегося растения bałeɫn, с чем связывается и глагол z-bał-im «занимаюсь, резвлюсь».

18. *šir-* „приятный" или „приятность"

Этот корень представлен в форме širan (вин. п.) в письме Тушратты (III, 14), širiennan (III, 34), širašše (IV, 33) и пр. Для последнего примера читаем: aštin šēniwwue arušau šēniwwuenien tišanna širašše «жену (в жены) брату моему я дал, (как) брата моего сердца приятность» (см. также E. Speiser, Introd. to Hurrian, стр. 117, с переводом širašše «pleasing»). Формы на -še (или -šše) в хурритском и урартском показывают отвлеченные имена, как, напр., хурр. erwišše «повинность господину» (от ewri>erwi «господин»), damkaršі «коммерция»..., урартс. pişuše „радость", ušmaše „слава", alsuiše „величие" и пр. С хурритским корнем šir- я сравниваю арм. sēr «любовь», sir-em «люблю». В хурритском для понятия «любить» есть корень tat- или tad-, с которым, быть может, стоит в связи арм. мужское имя T'at'ul «возлюбленный» (?), с хур. суффиксом -ul, как в именах Gilgamišul, Sinul и пр. (ср. и арм. имя Garĵul из рода Хорхоруни).

19. *paš*(š)- „посылать"

От этого обыкновенного хурритского глагола имеются и производные образования, как pašitḫi «посланник», paš(š)-ar-«послать» (pašariwaen или paššariwaen «может не послать»

при paššia-ma «не посылает») и пр. Быть может арм. pašar «съестное на дорогу» (ср. груз. sagzali „съестное на дорогу" от gza «дорога») произошло от хурр. paš(š)ar-, где -ar является таким же суффиксом, как и в армянском satar „пособник» (satar-el «пособить»), xangar-el «помешать, повредить", xat'-ar-el «испортить» и пр. В армянском есть и чисто арм. суф. -ar в глаголах, что произошло из арм. глагольного корня ar- «делать» (ar-n-el «делать», ar-ar-i «я сделал») как zard-ar-el «украшать», meç-ar-el „возвеличить" и пр. от zard „украшение", meç «большой» и т. п.

20. *šalardi* „ветвь, ветка" (?)

В хурритских надписях из Мари приводятся слова šindi šalardi (см. E. Speiser, Introduction to Hurrian, стр. 27), из которых первое šindi (пишется ši-in-di) значит «семь». Имеются и писания šinda и šitta «семь», как переводят Potratz, Friedrich, Brandenstein (см. у Speiser'a, там же, стр. 82). Но что значит хурритское šalard-, оставляемый всеми без перевода. Мне думается, что это слово значит «ветвь, ветка», имея в виду арм. salard или salart' «ветвь с листьями, лист». В армянском есть и два других слова с суффиксом -ard, каковые также нужно считать хурритскими заимствованиями. Это—makard «закваска» и t'akard «западня». Быть может к ним нужно прибавить и арм. xaławart или xałwart «опухоль», где окончание -art, а не -ard. В хурритском имеются многие слова с этой частицей (-ard ‖ -art), как attardi «свадебный дар для отца», elardi «дар для сестры», zugettartiaš и пр. Это -ard или -art хотели сопоставить с урартским ardiše с предполагаемым значением «дар, приношения», имея в виду глагол ar- «давать», наличный в хурритском и урартском (ср. также арм. j-ar-im «придаюсь, примыкаю) с преф. j<i). Но A. Götze предлагает в этом хурритском -ard видеть простой суффикс для отвлеченных предметов (см. у Speiser'a, стр. 203). Армянские salard, makard и t'akard имеют, однако, не отвлеченные понятия, а скорее означают конкретные понятия для разных вещей, так что суф. -ard как раз и придает словам такое значение. Как видим, армяне заимствовали хурритские имена с суффиксами -ard (о хурр. суф. -ar см. ниже

при слове kirai «длинный»). В урартском языке возможно этот суф. -ard наличествует в именах богов—^{d}Šelardi и ^{d}Ṣinuiardi, представленных в сакральной надписи на «Мхеровских воротах».

21. *kirai* „длинный"

Хурритское kirai или kerai значит «длинный», судя по сумеро-хурритскому словарю (IV, 28). Конечное -ai, что в других случаях пишется чаще -ae, образует прилагательные и наречия, как, напр., nirae «легкий», paḫirie «хороший», tubue «сильный» и пр. (см. у Speiser'a, стр. 118—119). От корня *kir-* (ai) ‖ *ker-* (ai) имеем и другие производные— kiraše ‖ keraše «длина», kirar- (с суф. -ar) в формах kirara, kirariaš, kirarinna, kirarinnilam и др. (см. NPN, стр. 225). Суф. -ar имеется также в глагольных дериватах ḫašarinni от глагола ḫaš- «слышать», tatarae от tat- «любить», paš(š)ariwaen „да не пошлет" от paš- «посылать», urbarinni «режущий» (мясник) от √ urb-, существующем в urbumma (с акк. epēšu «делать», т. е. urbumma epēšu „содрать кожу»>«зарезать»), при урартском LÚ urbikaše «режущий, закалывающий» (жрец), urbulini «они зарезали то». В документах из Нузи имеются имена с kerar, как, напр., Kerar-Tešup, Kerar-Tilla. По-моему, армянские erkar и erkajn «длинный» неотделимы по происхождению от хурр. корня kir- или ker- «длинный». Быть может, вышеприведенные хурритские слова произносились krai, krar, kraše и пр., ибо в клинописной графике два начальных согласных иначе и не могли быть переданы. Метатеза же kr>rk в армянском—обычное явление (послесогласное r перескакивает вперед), так что krar стало *rkar, с протетическим «e», ибо армяне с двух согласных, да еще с начальным r (rkar), не могли произносить. Есть и мегрельское rikali «длинный», что, быть может, взято с арм. древнего *rkar, хотя возможен и иной путь проникновения. Менее подходит для арм. erkar и erkajn «длинный» этимология их с аккадским 'rk «удлинять», 'arku «длинный», ибо в аккадском «k» нужно видеть аспират kh, что армяне в своих заимствованиях с аккадского всегда сохраняют (= арм. ք=kh).

22. *ewri* „господин"

Упоминается это хурритское слово в документах из Богазкея, в письме Тушратты и в одной иероглифической «хеттской» надписи из Каргемиша в форме iwrina «принц». В таблицах из Нузи большей частью наше слово представлено метатезированно—erwi. Но нормальное ewri «господин» существует и в урартском языке в частом выражении ^{d}Ḫaldie eurie «Халду господу», а раз и ^{d}Ḫaldie eurieukie „Халду господу моему». Нет сомнения, что это хурро-урартское ewri вошло и в армянский язык в форме awri- того же значения в сложном awri-ord *(աւրի որդ)* «господина дитя», позже «барыня, барышня». Есть и арм. awrear или чаще orear, а раз и awreank' (мн. ч.) «господа». Н. Марр переводил через «знать», а Н. Адонц как „княжеская дружина». Есть и сложные—azatorear, swagorear, çeṙajorear и пр., что дало повод армянским монахам-мхитаристам и проф. Ачаряну (в Корн. словаре) переводить это orear через «люди». Если первые сложения действительно говорят о «свободных господах», «старших господах», то çaṙajorear означает «слуги-господа», т. е. слуги (рабы), сделавшиеся господами.

Армянское awri- своим начальным «а» при хурро-урартском «е» отражает общую тенденцию северноармянских диалектов к той же альтернации. Ср., например, не только ewri- ‖ awri-, но и хурр. en «бог» при арм. an «бог» (в диалектном слове çovi-an «моря бог», Anberd «Бога крепость») и пр., но и Er ‖ Ara «бог Ара», Eriza ‖ Ariza (имя города, первично «поселение»), Erwand ‖ Arwand ‖ Orwond (имя мужчины), Erasx ‖ Arak'c (имя реки), erag ‖ arag «быстрый» и пр. Такая же альтернация в начале слова происходит и перед твердым ł (напр. eṭinǰ ‖ aṭinǰ «крапива», eṭṭiwr ‖ aṭṭiwr «лужа», eṭbair ‖ aṭbair «брат» и т. д.). Подробнее см. мою работу в «Вестнике древней истории», 1945, № 3, стр. 10—13.

23. *tiwe* „слово: вещь"

Слово tiwe (мн. ч. tiwena) может терять свою тематическую гласную «е», как, например, в соединениях tiwi(w)wan, tiwaïlān, tiwattan (см. у Speiser'a цит. раб., стр. 226—227),

подобно такому же явлению со словами nĕra «жена деверя» и šena «брат», становящимися в сложениях nĕr- и šen-. Основное значение tiwe «слово», т. е. корневое tiw- значило несомненно «говорить». Если теоретически возможна была альтернация форм tiw- || tow- в хурритском или в сродных диалектах, то разновидность их tow- «говорить» я могу видеть в древнеармянском повторе t'ot'ovem „лепечу, говорю отрывисто» и его простом виде t'owem «очаровываю, обвораживаю». Семасиологически ср. русс. *говорить* и *заговорить*, хеттс. uttar или uddar (род. п. uddanaš) «слово, дело, магическое изречение» и глагол uttania- «ворожить, колдовать», старослав. *гадать* «говорить» и «гадать судьбу», *обаять*, «говорить, разговорить» и «очаровать, обворожить», латинс. ōrō «говорю» и oraculum «пророчество, заповедь», латин. cantō «пою» и англ. incantation «чары, колдовство» и т. д. Проф. Р. Ачарян арм. t'ov- «говорить (отрывисто), очаровать» этимологически хочет связать с индоиранским древним stu- «хвалить» (санс. stu-, авест. stav-, stu-), в религиозном смысле «хвалить-благословить» и пр., возводя все эти формы (арм. t'ov- и индоиран. stu-) к индоевропейскому праязычному *tou- (см. Корн. слов. II, 1281—1282), что более чем сомнительно, ибо других индоевропейских представителей этого stou || stu- нет, а армянский tov-(tow-) не может быть заимствованием из этого индоиранского мира ни по форме, ни по значению. Хурритское происхождение армянского слова более чем возможно, особенно если оправдается чередование tiw- || tow-.

Нет сомнения, что хурритских (субарийских) слов сохранилось в армянском больше, чем вышеприведенные два десятка. Невыясненность их значения пока не дает возможности сравнения с армянскими. Тем не менее, для некоторых хурр. слов я предлагаю следующие значения и этимологии.

Потенциально, напр., я бы дал хурритскому глаголу ḫai- значение «смотреть», имея в виду др.-арм. haj-im «смотрю» (ср. сасунское haj-n-al «смотреть, взглянуть» с аористом haj-c-a «я посмотрел»). Хурритское предложение в письме

Тушратты (III, 30)... šukkanni ešeni ḫaienilen šeniwwuš я бы перевел «на далекое небо да взглянет мой брат» (чтобы снарядить посольство, как явствует из следующих строк).

Или, напр., очень распространенное хурр. слово gelu (‖ kelu-) от корня gel- ‖ kel- переводят «благополучный», имея в виду gelti (kelti) «благополучие», как хурритскую замену аккадского šulmu, šulmānu, šullamu. Но ведь может же хурр. gel- (kel-) и не иметь морфологического отношения к этому gelti (kelti). Я предлагаю gel- (kel-) или gil- (kil-) переводить «красивый», имея в виду арм. gel «красота», gelani или gelecik «красивый». Следовательно, хурр. geluš будет значить «красота», что есть и в собственном имени женщины Geluš Ḫepa «красота богини Хепы» (=Хепит), для чего ср. обыкновенное Ḫepit mušni «Хепит чудесная». Есть и имена Gilu-Tešup «Красивый Тешуп», Gelip-erwi «Красивый мой господин», Gelia «Красивенький» и пр.

Точно так же редкое арм. слово hoj (в сложениях hojakar «великослаженный», hojanun «величаво-именный») я хочу видеть в хурритских личных именах из Нузи: Ḫul Tešup «величавый Тешуп», Ḫui-Tilla «величавый бог Тилла», Ḫuip-erwi «величавый мой господин». Есть и нарицательные слова из Богазкея: ḫuue (KUB VIII 60, obv. 8) ḫuiššita (KUB X 63 ii 11)[1] и пр. Наконец, есть и отдельное мужское имя из Нузи, звучащее Ḫula, что вполне соответствует армянскому личному имени легендарного правителя Hoj, наследовавшего Базуку (см. у М. Хоренского, кн. I, гл. 20-я), также имеющемуся в числе хурритских мужских имен (см. ниже).

* * *

Обратимся теперь к этим хурро-армянским личноименным соответствиям, независимо от источников проникновения

---

[1] От ḫuišše „величие" с суфф. -šše (обыкновенно -še), образующем отвлеченные существительные, как kiraše „долгота", geluše „красота", erwiše „царственность" и пр.

этих имен к самым хурритам, будут ли они аккадского, касситского или иного происхождения.

Хурритские имена я беру из «Nuzi personal names» (изд. в Чикаго, 1943 г.), сокр. NPN.

1. *Akitta* (Akitti, Akitte)=арм. Akit', имя монаха, по арм. «вардапет» (см. «Письмо Ваану Мамиконяну» Л. Парпеци, Тифлис, 1904, стр. 196). Часть -i(t)ta видим и в хурритских именах Ennita, Ḫupita, Ikita, Miššita, Ukkita и Zikita.

2. *Arditi* (Artiidi. Ardiidi)=арм. Artit', имя епископа из области Басен; ср. также *Artitēs* у М. Хоренского (Тифлис, 1913, стр. 99 и 219). П. Пурвес в NPN (стр. 203) это хурритское имя этимологизирует из Ar- «дар» и -titi, что вызывает сомнения у И. Гельба (там же, стр. 35). Несомненно, корнем будет ard- (ср. урартс. ardiše «дар» от ar- «давать») с суффиксом -ith, что видим и в армянских Akit' (=Akith), Artit, Asit' (из рода Мамиконян, см. у Ф. Арцруни, стр. 147), Brit', Zuit' (=сирийскому Zuit'ā, Zebeda), Gnit' (епископ в Деркссне, арм. Derǰan, по М. Хор., стр. 335, 340), откуда имя князей Gənt'uni.

Bazi (Pazi) или *Baza*=арм. *Baz*, имя внука Хайка, эпоним князей Bznuni. Само же хурритское имя (Pazi, Bazi) было очень распространено не только в Нузи и Гасуре, но и в документах из Ниппура, Анатолии и пр. и считается «хурро-анатолийским» (NPN, 244).

4. *Pazaku*, сын некоего Arzizza (NPN, 112), что вместе с именем Pazazi (Bazazi) и Pazia (уменьш. от Pazi || Bazi) свидетельствует об их производном характере. Ср. арм. *Bazuk*, имя легендарного правителя Армении по М. Хоренскому (кн. 1, § 19). Упоминается среди ряда правителей Terç, Arbun, Bazuk, Hoi, Jusak, Kajpak, которые, по-моему, хурритского («ариме-шупритского») начала, после чего упоминается Скаорди, т. е. Сакид, сакского (скифского) начала VII в. до н. э.). Арм. имя Bazuk, как хурритское заимствование, своим суффиксом -uk представлен и в следующих личных именах из Нузи: Ḫašuk, Dašuk, Kizzuk (при Kizari с суф. -ari), Kaltuk, Taiuk, Siluk (ср. Селевк), Zarduk и др.

5. *Pata* или *Puttu (Pudda)* = арм. But' имя главного жреца, или *But*, имя из рода князей Аравелян. Видимо, это же хурритское имя входит и в сложное женское имя Putu-Ḫepa (или Pudu-Ḫepa), что буквально значит «служанка богини Хепа» (т. е. Хепит) и в других местах пишется полуидеографически ERUM-ḫe ‖ ḫi-pa „servent of Ḫepa" (см. NPN, 248). Ср. также грузинское мужское имя *Budu*, что своим последним гласным «u» столь близко хурритскому Puttu (Puddu) или putu (pudu) «служитель». Проф. Р. Ачарян в своем «Словаре личных имен» (кн. II, стр. 425) армянское But' (или But) считает сирийским bud «церковный надзиратель». По-моему, армянские и грузинские имена независимы от сирийского bud, которое само, видимо, такого же хурритского происхождения, а значение «служитель» уже наличествует за полторы тысяч лет до н. э. в хурритском Pudu-Ḫepa «служанка Хепы», не говоря о мужских именах Puta или Puttu (Puddu).

6. *Dada* (Dadā) субарское имя времен третьей Урской династии (см. J. Gelb, Hurrian and Subarian, Чикаго, 1944, стр. 95, 109) = арм. *Dadē* или *Dadiu*. Упоминается также некий хуррит Dada из города Arziza (ср. арм. Arčeš ?), как и в Нузийских таблетках имена Tata, Tatala, Tatti, Taddu, Tadunna, Daduni и пр. (NPN, 150). Ср. также грузинские Dadiani, Dadeškeliani (фамилии). Есть также имя бога Datta (в хетте. клинописи) или Tatta (в «хеттских» иероглифических надписях, см. J. Gelb, Hitt. hierogl, III, стр. 48), что быть может наличествует и в армянском имени городка Datvan[1], буквально значущего «обитель Дата». Бог же Datta у хеттов и лувийцев замещал известного Тешупа, бога грома и молнии.

7. *Dudukaia* своим *Dudu-* = арм. Dudu. В хурритском частица -kaia считается осложненной из -ka и -ia и налична также в именах Ḫanukaia, Ḫerrikaia, Innikaia, Kanukaia, Pallakaia и др. (NPN, 222). Есть и армянское мужское имя *Tuta* и сложное Tutē-ordi («сын Туте»). Быть может, хурро-армянские все эти слова семитического происхождения, ибо есть божество Dûdu и личные мужские имена Dûdu, Dûdu abi-

[1] Этот городок находится на юго-западном берегу Ванского озера.

šu „Дуду его (-šu) отец", известные из Нузийских табле-ток как имена хурритов. Э. Шрадер в своей книге «Die Keilinschrift und das Alte Testament" (Берлин, 1902, стр. 483) семитическое имя бога Dûdu выводил из семитического корня dâd, dîd, dûd «любимый» (NPN, 303).

8. *Zaza* = арм. *Zaza*, имя нескольких Захаридов в XIV—XV веках. Есть и ласкательное арм. Zazik (см. Ачарян, Словарь личн. имен, II, 163). Хурритское мужское имя известно нам не только из Нузи, но и из «Каппадокийских таблеток», т. е. как имя туземцев древней Каппадокии (см. F. Stephens, Pers. names of Cappatocia, 70, 85) — Zazia, Zaz, Zaza (имя бога), Zazuni (по окончанию ср. арм. Arbun, хурр. Tatuni...). Армянское имя Zaza употребляется даже сейчас, и в моем родном селе Аштарак и поныне есть фамилия Zazenc, местность Zazi duz «равнина Заза».

9. *Zige* или *Zik* мужское и женское имена, известные из Нузи и Каппадокии (см. у Стефенса, 70) = арм. *Zik* мужское имя, что проф. Ачарян считает заимствованным с персидского («Слов. личн. имен», II, 208). Но, как видим, хурриты также носили это имя во втором тысячелетии до н. э., а сами иранцы перенимали даже нарицательные имена у малоазиатов (ср. перс Vitakša из Bitiaxša, см. ВДИ, 1949, № 3, стр. 11—13).

10. *Ḫinzuri, Ḫinzuraia* женские имена (из Нузи) = армянским Xəndzor, Xendzorik, которые образованы в средних веках, как женские имена «Яблоко, Яблочко», независимо от хурритских однокоренных собственных имен. Тем самым отпадает заимствованность армянских этих слов, а самый корень xəndzor «яблоко», как выше уже было указано, не есть сирийское ḫazzūrā «яблоко», если не обратное заимствование (по Гюбшману), хотя наличие аккадского ḫašḫurru «яблоко» может говорить за семитическое, resp. месопотамское происхождение армянского, сирийского и хурритского слов для яблока.

11. *Ḫušuše, Ḫušušaia* (ласкат.) женские имена = арм. *Xašuš* женскому имени, применявшемуся в средних веках. Несомненно хурритское имя есть повтор из простого корня ḫuš- с утратой начального ḫ при втором компоненте, как на

то указывает женское же имя Ḫušḫušu. Утрата ḫ имеется и при повторении обыкновенного хурр. глагола ḫaš- «слышать, слушать» в форме ḫašaš- (id.).

12. *Ḫutta (Ḫutti, Ḫutaia, Ḫutia)* = арм. *Xut'a*, который был одним из Сасунских владетельных князей и вместе с братьями Смбат, Мушег и Нерсес, по приказанию византийского царя Маврикия, пошел помогать изгнанному персидскому царю Хосрову (см. Ачарян, Словарь личных имен, кн. II, стр. 555).

13. *Ḫuia (Ḫuuia)* кроме документов из Нузи, упоминается и как Каргемишский князь в надписях из Богазкея (KB$_0$, III, 3, Col. III, Vs. 2) = арм. Hoj, имя легендарного арм. правителя (см. у М. Хоренского, 1 § 19), упоминаемого с другими правителями, носящими также хурритские имена. О возможном нарицательном значении этого Hoj (хурр. Ḫuia) в связи с арм. hoj- «величавый, славный» см. выше.

14. *Ḫambizi* или *Ḫaburzi* (<Ḫabbur- ^{d}Sin «отпрыск бога Син) = арм. Hambuž в имени княжеского рода Hambužean, занимавшего в «документе о местах» (Gahnamak) сорок первое место (см. Н. Адонц, Армения в эпоху Юстиниана, СПб, 1908, стр. 250). Эта фамилия в «военном документе» написана *Habužean* (ibid., 252), а в житии св. Нерсеса (в псевдогахнамаке) написано *Habuçean*. Здесь имеем фонетическое соответствие хурр. ḫ армянскому h, как и в имени Ḫuia (Ḫuuia) и армянском Hoj, в других случаях хурр. ḫ = арм. x. Хурритское Ḫaburzi заимствовано из аккадо-сумерского. В последнем (сумерском) ḫabburu значит «ветвь, отпрыск» (см. NPN, 305), а имя бога Sin (бог луны) в сложениях часто видоизменяется и сокращается в -si, -zi, как второй компонент. Пишется также Zi-ni, Zi-i-ni. Быть может, перс. имя Камбиза также видоизменение от этого же Ḫa(m)burzi?, Есть также ассирийское мужское имя Kambuzia (см. Kn. Tallqvist, Assyrian Personal Names, 1914, стр. 274), с которым близко созвучно названное персидское имя Камбиза.

15. *Kuari* (Ku-a-ri, Ku-ú-a-ri) по Нузийским документам мужское, а иногда и женское имя (NPN, 89) = арм. Kuari.

Последний будто был сыном индийских князей Гисане и Деметре, в области Тарон, строит село Куарс по своему имени, а вместе с братьями Хореан и Мелти ставит в нем идолы.

16. *Warašama* известно по Нузийским документам (NPN, 171) и близко звучит с армянским именем Varšam, сравнительно поздно употребляющимися. Возможно индоарийское их происхождение (см. NPN, 275).

Возможны, конечно, и другие встречи между хурритскими и армянскими именами[1]. Но иногда трудно бывает настоять на путях проникновения. Напр., армянские князья часто носят имя *Atat* (A. Xorxoruni, A. Gnuni и пр.), которое, несомненно, семитического (ассирийского) происхождения, где Adad—имя бога грома и молнии. Употребляется в сложных именах и у хурритов, напр. Adad uballiṭ „Адад дал жизнь", Adad naṣir «Адад—покровитель», Zupradad (<Zurbadda) «коготь Адада» и пр., но отдельного имени Adad у хурритов пока не зарегистрировано. Или, напр., касситское имя бога Ḫarpa (|| Ḫarbe), эквивалента Энлиля, у хурритов стало личным именем в форме Ḫarpa или Ḫarme (ср. также в сложениях Ari-ḫarpa || Ari-ḫarme. Ḫaš ḫarba || Ḫaš-ḫarme и пр. в документах из Нузи), что, быть может, передалось и армянам в имени легендарного айкида Harma, столь похожего по внешности и на греческое имя бога Гермеса (Hermēs).

Наконец, есть хурритские личные имена, которые как будто детского или лепетательного характера (Lallwörter), хотя и они могут иметь интерес для сравнения. Таковы хурритские Ḳakki или Gakki, Ḳakkia, Ḳakku, Ḳakkuia, Ḳakkuzzi (Gakuzi), Ḳuku или Gugu, Ḳukkuli и пр.; подобные имена имеют и туземцы Каппадокии, как Gaga (имя бога), Gagia, Gakii и пр., оставляя ассирийские Gagii, Gagu (см. у Стефенса в его «Pers. names of Capp., 82—83). Ср. арм. имена Gag, Gagik, Ḳuk и пр. Между прочим в этой же книге (стр. 58) приводится и туземное имя семитического происхождения, пишущееся Me-šû-rabi или Me-šar-rabi, из которых

---

[1] Напр., при хурр. имени Atikka имеется армянское соответствие At'ik *(Ատիկ)*, что, возможно, значило „отец" от хурр. a(t)ta „отец". Семасиологически ср. арм. имя Hajrik от нарицательного hajr „отец".

первое столь напоминает армянское (заимствованное) имя Mesrop, который изобрел армянский алфавит. Но мы вправе были ожидать от Mešurabi армянское *Mešrap, а не Mesrop. Имя Mešu-rabi, возможно, значило «дар великий».

Мое исследование, как видим, выявило до двух десятков нарицательных и столько же собственных личных имен между хурритским и армянским языками. В числе собственных имен нужно считать и несколько имен богов, также представленных в том или ином виде в армянском (Tarku, Šanta, Šauška, Tiranna, Nupatik, Pal...), тогда как более близкий по времени к армянам урартский корнеслов и имена лиц и богов в армянском мало представлены. Это как раз говорит в пользу того, что арменизация территории Урарту шла из областей Ариме и Шуприа, т. е. с верховьев Тигра, через Тавры на Туруберан-Тарон и севернее, оставив Васпуракан, т. е. районы восточнее озера Ван, где еще в конце пятого века жили халды, дававшие армянам наемные войска, согласно свидетельству Ксенофона.

Но мое это лингвистическое исследование не говорит о морфологических встречах между хурритским и армянским языками. Я не нашел ни одной флексии хурритского языка, которая была бы в армянском. Склонение хурритского имени дает в эргативном (имен.) падеже -š, род. -we, дат. -wa, направ. — ta или -da, местном -a. Спряжение имеет в I лице -au, II л. -u, в III л. ia/a (во мн. ч. неизвестно), а для прош. времени прибавляется частица -uš, после чего те же окончания (:ar-uš-au „я дал", ar-uš-u „ты дал", ar-uš-a „он дал»), а для будущего прибавляется частица -et или -ill (:kat-et-au «сообщу». gipan-et-a «пошлет») или обе частицы (:kat-ill-et-a «сообщит» и т. п.)[1]. Структуре хурр. языка свой-

[1] Этот суф. *-et* для образования будущего времени я вижу и в урартском языке в виде -it или et глагольной формы ari-eț-a или ar-iț-a- „он даст" от корня ar- „дать". Имеются эти примеры только в летописи царя Сардура, раскопанной в 1916 г. Н. Марром и И. Орбели в нише Ванской скалы. Фразеология совершенно одинакова: LUGAL-ni URU Buinialḫi

ственна сильная агглютинация, напр., ḫašušau-n pisandušitta-ān «я выслушал (ḫašušau-) его (-n) и (-ān) он образовал (pisanduši-) меня (-tta)". Или, напр., šen-iwwušš-an ašti šaruša... undu-mān arušau-n (и (-an) брат (šen-) мой (-iwwu) ее (-šš-) в жены (ašti) попросил (šaruša), затем и (undumān) я дал (arušau-) ее (-n)». В древнеармянском глагол мог принять к личным формам и прибавление местоименных энклитик для отношений и для объекта, что было и в хеттском и в урартском (напр. от p'op'oxi-*n* „*mo*, что меняется", от grecaw-*n* „*mo*, что было написано", zor asemk'-*s* «то, что говорим здесь" (-*s*) и т. д.). Даже не наблюдаются общие основообразовательные аффиксы между хурритским и армянским языками, если не считать суффикс -it' (*=ith*), как хурритские Ennita (есть и Ennia), Ikita, Miššita, Ukkita, Likita (есть и Lik) при армянских личных именах—Artit', Manitt, Mardit, Tirit', Gnit' и пр., или же суф. *-uk* в хурритских Dašuk. Šušuk, Ḫašuk (жен. и.), Kaltuk, Kizzuk, Naḫaruk... при армянских Arǰuk (собств. „медвежонок"), Hawuk („дедка", „дедушка"), Sewuk (собств. «черненький»)..., подобно нарицательным gaṙnuk «ягненок» (от gaṙn), xozuk (от xoz «свинья») и пр.

Отсутствие хурритских грамматических форм в армянском нужно объяснить тем, что сами хурриты в VII веке до н. э. были этнически и лингвистически очень слабы и отчасти смешались с сирийцами. Следовательно, если они и сохранялись кое-где (напр., в нагорных районах Тавра), то сильного влияния на пришлых хайев из Хайасы не могли оказать и подверглись ассимиляции, дав уже организованному грамматически этому хайскому языку много своих хурритских (су-

---

[LU]buraštubi mešini-pi 'aaldubi meše-[md]Sardurie arieta „царя из города Буини я поработил (подчинил), под дань вверг, (чтобы) дань Сардуру он дал" (см. надпись „Хазине Капуси" в „Арх. эксп. 1916 г. в Ван", стр. 42, строки 17—18). То же самое читаем в пятой надписи на постаменте (ibid., стр. 53, строки 20—21): [LU]buraštubi mešini-pei 'aaldubi meše [md]Sardurie ariḫa (говорится о подчинении и наложении дани на царя Ниди из области Великуха, района современного города Нор-Баязет у озера Севан). В урартском этим -et образуется буд. вр. желательного накл., а в хурр.—изъявительного наклонения.

барских) слов, как нарицательных, так и собственных, как отчасти показывает настоящая работа.

Конечно, общности в хурро-армянской лексике были в большей мере, чем нам удалось выявить здесь. Ведь сама хурритология еще не на много пошла вперед после первого крупного исследования Мессершмидта, хотя позднейшие раскопки дали солидный лексический материал и даже небольшой сумеро-хурритский словарь, как у меня было в начале подчеркнуто.

Тем не менее, армянский язык служит одним из хороших источников для понимания или уточнения значения многих хурритских слов, как было у меня отчасти доказано. Ведь армянский язык с его огромным накоплением из разных этноязыковых источников, как живое детище культурного субстрата аборигенов древнего ближнего Востока, его азианического мира, таит в себе сотни и тысячи таких лексических этимологий и влияний, которые отчасти здесь даются.

Эти и подобные примеры из разных языков, бытовавших либо на территории бывшего Урарту, либо на его границах, еще раз подтверждают ту мою научную установку в проблеме этногенеза армян, согласно которой многочисленные племена бывших хеттских конфедератов Ḫalaša-Azzi и Pala (Bala), начиная с конца восьмого века до н. э., под давлением пришлых киммеров, передвинулись со своих насиженных мест, районов Понт—Верхний Евфрат в сторону Арацани (Мурадчай) — верхний Тигр, где были бывшие Ариме и Шуприа, поздние домены исторической Армении с «древнейшей столицей" (по Фаусту Византийскому) в крепости Ангел, а затем в Тигранакерте. Другой ветвью эти же хайасцы, пала и др. двинулись по течению Аракса на восток, вплоть до страны «балов» в Сюнии, не говоря уже о kara-bala «племена балов», нынешний Карабах. Часть этих племен, видимо, двигались и по Куре и по Черноморскому побережью к абхазам, где упоминаются племена achai oi у классических писателей (ср. также «бала диалекты» у сванов), не говоря уже о том, что грузинский древний фольклор считает своим патриархом-царем легендарного Азо, этого эпонима племен Azzi, в хеттской

клинописи смешавшихся с хайасцами, со страной Ḫaiaša. Несомненно, и многие грузинские племена в тех же VIII—VII веках, под влиянием тех же киммеров, передвинулись к среднему течению Куры, в более обеспеченные районы современной Мцхиты и далее. И не даром грузины и армяне виновников этой грозной поры новой политической жизни, этих воинственных киммеров, а заодно и соучаствующих скифов (саков), воспомнили, с одной стороны, в грузинском слове «гмири» (=герой), буквально «кимер» (ассир. «гимиррай»), ставшем у армян «гмир» (=«могучий»), а с другой стороны, в армянском слове «ска» (=великан), с арамеизированным конечным «а», как отражении имени саков (скифов),—термины, иногда путаемые в древних документах.

Как показывает эта наша маленькая работа, данные древнеармянского языка, как и живых диалектов современности, могут дать очень много ценного не только для выяснения истории начального становления и образования армянского народа и языка, в частности для вопросов мифологии (с именами божеств южного происхождения), социальных отношений (ср. термины *çata* «раб», *ner* «жена деверя» и пр.), культурного влияния (ср. собственные армянские имена хурритского происхождения), этнического состава армян и пр., но и имеют большое значение для самой хурритологии, особенно хурритского (resp. субарского) языка, где выясняется точное происхождение и значение многих его слов.

1951 г.

К УСТАНОВЛЕНИЮ ХУРРИТСКОГО ТЕРМИНА ŠAPP- ‖ ZAPP—В ЗНАЧЕНИИ «СЛУГА, РАБ» ПО ДАННЫМ АРМЯНСКОГО И ГРУЗИНСКОГО ЯЗЫКОВ

В хурритских текстах из Богазкея (Турция) и Нузи (совр. Порган-Тепе близ Керкука) встречается много слов, нарицательных и собственных, имеющих в своем составе корень šarr- ‖ šar, чему в других местах вторит писание zar(r). Это слово употребляется и отдельно, и так как по внешнему виду оно одинаково звучит с аккадским šarr- и «царь», то отсюда легко заключили, что хурритское слово того же значения и заимствовано с семитического[1]. Правда, были и сторонники хурритского происхождения занимаемого нас слова, как, например, Вейднер, Густавс, П. Пурвес и др., но значения его не уточняли проверкой на всех примерах. В сравнительно недавно открытом (в 1931 г.) сумеро-хурритском словаре из древнего Угарита (совр. Рас-Шамра в северной Сирии) имеется в соответствие сумерского nam-gar-ra хурритское šar-ri (Kol. III, 31), а само сумерское это слово в других случаях заменяется обыкновенным nam-ri или nam-ra, что является синонимом аккадского šallatum «уводимое из покоренных городов население». Другие же переводят это сумерское nam-ra через «пленный, раб, колон» (см. A. Götze, Die Annalen des Muršiliš, Лейпциг, 1933, стр. 228).

Для нашего šarri ‖ šar в богазкейских текстах (KUB XXV и XXVII) имеются следующие образования: šarri, šarrena (множ. ч.), šarribi, šarribina, šarrinibi, šarra, šarraš, šarrašti, šarrašiḫinibi, šarrašiḫinibiniš, šarrašibinašuš, šarrašiḫinibinašuš и т. д. и одно собственное мужское имя в одном

[1] См. Nuzi personal names, стр. 251, авст П. Пурвесл. Чикаго, 1943.

старохурритском тексте — Šarkabšarri[1]. В нузийских же таблицах на аккадском языке даются только собственные имена, как Šartešup, Šartilla, Šarmull (Šarramull), Šarmušti..., или с обратной расстановкой — Tešupšar, Tiliašar, Paišar, Akipšar, Enšaru, Ewirišarri и пр.

Мне думается, что перевод встречающегося во всех этих собственных и нарицательных словах элемента šarri или šar через «слуга, раб» вполне подходит. Например, Šartešup = раб бога Тешупа, Šartilla = раб бога Тилла, как и их обратное расположение Tešupšar = Тешупа раб, Tiliašar «Тиллы раб» и т. п. Точно так же — Enšar «бога раб», Ewrišar «господина (царя) раб», Paišar «фавна раб» (ср. арм. pai «пан, фавн»), Duršar (ср. урартс. Sardur) „стены служитель", т. е. служитель храма, как имеем акк. Dur-ili-šu «стена его бога», Aḫlipšar «рода моего слуга»[2] и т. д. Эта теофорная ономастика сообразно времени и подавляющего влияния религии встречается и у других древних народов, как, например, у ассиро-вавилонян: Waradtašmetu «раб бога Т.», Wardkubi «раб (подземного бога) Куби», Waradduri «слуга стены», Wardištar «слуга (раб) богини Иштар», Urdidiglat «слуга (раб) реки Тигр» и т. п. Имеем также у касситов — Melešipak || Mele — ^{d}Šibarra, Melesaḫ (слуга Солнца), Melešugab (слуга бога Шугаба = Нергала) и пр., где mele «слуга». Ср. подобное и у поздних арабов — Абдуллах, Абдалмелек, Абдулмессия и т. п., где начальная часть абд значит „раб".

В богазкейских хурритских текстах есть также формы šarrinaša, šarriuša, šarrinašta и пр., перед которыми стоит знак «бог», что признается многими за детерминатив и как будто подтверждает аккадское происхождение хурр. šarr-, в значении «царь», как его обожествление. Мне же кажется, что этот знак «бог» скорее является идеограммой и, следовательно, следует эти формы понять как «бог служения» или

---

[1] См. J. Friedrich. Kleinasiatische Sprachdenkmäler, стр. 35, Berlin, 1932.

[2] См. J. Friedrich, Kleinastische Sprachdenkmaler, стр. 35, Berlin, 1932

«бог служитель». Ведь такую роль играли служанки-богини Нината и Кулита в отношении хурритской (субарийской) Иштар, т. е. Хепит или Шаушка из городов Хаттарина, Кулиушна, Анкува, Таменика (KUB XXVIII, I 46', 48'—50'). К этому я бы прибавил и следующую фразу из одного старохурритского текста[1]: „au ^{d}Ḫidam ewerne luttilae ^{d}Kumarwenes šarra 'смотри на бога Хидам, владетеля преисподни (?), Кумарпского слугу', а Кумарпа, как знаем, является главным богом этого подземелья у хурритов (по образованию ср. имя другого бога Напарпи с общим элементом -арпи).

Есть графические данные, которые говорят за то, что в пространстве к югу от исторического Урарту, а именно на территориях вокруг современного Чагар-базара (к югу от Мардина), древнего Митанни (бассейн реки Хабур), северной Сирии и пр. хурритское šar-ri звучало zar-ri, не говоря уже о том, что клинообразный знак для „šar" мог произноситься и sar.

Например, в письме митаннийского царя Тушратты, посланном египетскому фараону Аменхотепу III (=греч. Аменопис, 1413—1377), мы читаем (I, 84'—90'): «И твой брат Ниммурна, египетский царь, статую (идол) большую сделал и в город Ихипени, город бога Шимиги, он прибыл и для Шимиги, своего бога, своего отца, он доставил. Из отцовских же даров все эти статуи (taše), очень и очень красивые, и со служителем (zar-ra-mān) твоего брата в (свою) страну напоказ (šiuši?) эту статую он отправил...» (мой перевод). Здесь форма zar вместо ожидаемого zarr имеет окончание комитативного (Comitativus) падежа на га-, показывающего совместность («вместе с, со с"), так что писание zar-ra может отражать и ожидаемое zarr-ra. В текстах из Чагар-базара имеется вместо слов с „š" писание его через «z». Наконец, в алфавитно переданных писаниях из древнего Угарита (совр. Рас-Шамра) имеем z (ž) там, где силлабическая клинопись дает š, например, 'Ewrzr = Ewrišarri, Zmgnd = Šimiginidi (направ. падеж от имени бога Šimigi) и т. д.

---

[1] Там же. Перевод приведенного отрезка (строки 20—21) мой. Вместо Кумарпского слугу" лучше было бы сказать: (что) Кумарпский слуга.

Имея все это в виду, можно смело принять такое же произношение zarr или zar и у хурритов на верховьях реки Тигр, там, где горные районы Арме или Ариме (вокруг позднего Ангелены, севернее совр. Диарбекира) и Шуприа (вокруг совр. Муфаркина) продолжали сохранять последних хурритов-субаритов (шупритов). Последние с седьмого века до н. э. начали смешиваться с пришлыми хаями из Хайаса-Аззи (на верхнем Евфрате, совр. Карасу) и тем самым передали им и много хурритских слов, в том числе и интересующее нас слово zar-ri. В этом слове применялось два знака, одно для zar, а другое для ri. Последнее могло выражать и одно согласное, ибо у клинописи нет другого способа передачи обыкновенного согласного, а знак zar в обыкновенной аккадской графике заменяет также чтение šar как имеются знаки, обозначающие gaz || gaš, zip || šip, zur || šur, za || ša и т. п. Так что zar-ri могло передать и произношение šar-ri, т. е. šarr. Это šarr- передалось армянам в форме čaṙ-a (tsaṙ-a «слуга, раб» с наростом в конце гласного «а», вероятно под арамейским (сирийским) влиянием. Такое же соответствие клинописного š армянскому č (=ts, близко к русск. ц, но без придыха) мы видим и в следующих примерах: урарт. šue «море, озеро»=арм. čov (и груз. zγue) «море», урарт. šari (zari) «дерево»=арм. čaṙ «дерево», тогда как хурр. и урарт. š передается армянским s, например, хурр. ašti «женщина, жена» при арм. astem «женюсь» (astoł «жених»), урарт. Tušpa при арм. Tosp (район совр. Вана), урарт. šani «котел» при арм. san с тем же значением. В других случаях, между прочим, клинописное z передается армянским č (=tš, что близко к русс. ч, без выдыха). Нужно заметить также, что хурритское двойное гг слова šarr- (zarr-) передано в армянском одним твердым (рокочущим) ṙ, что не нужно смешивать ни с двойным гг, ни с одним простым («мягким») г, что в армянском разно отражается на значении, например, aṙ «буква» при tar «унеси» (но tarr=tarər «стихия») beṙ «ноша» при ber «принеси» (но berri «плодородный») и т. п.

Если клинописное šarr- в армянском представлено через čaṙ-a, а zarr могло дать и арм. *čaṙ-a, чего нет, но зато

его «окающая» форма представлена в западно-грузинской языковой группе, а именно в мегрельском, в форме ǯkori (ճկորի) «раб», развившейся из первоначального *ǯor-. Эта общегрузинская тенденция фонетического развития первоначального „ǯ" в новые ǯk, ǯk', ç в новые çk, çḳ, c (=рус. ц) в новые ck' (=ckh), cx, č (=рус. ч) в новые čk', čx, ǰ (рус. дз) в новое ǰɣ, J (=рус. дж) в новое Jɣ и пр. развилась очень давно, задолго до пятого века н. э., когда у грузин появилась письменность.

Армяне того же пятого века сохранили корни, родственные с грузинскими, уже без этих «децессивных рядов», как называет Г. Ахвледиани, напр., при груз. çk'ali и мегр. çk'ari «вода» армяне имеют более старое çar-aw «жаждущий пить» (с суф. -aw, как имеются xon-aw «сырой», имя села Ordn-aw «Червивый» от ordn «червь», имя горы Suk-aw от sunk «гриб» и пр.), при груз. zɣue «море» имеем урартс. şue и арм. çov (id.), при груз. Jɣon „подарок"—арм. jon (id.), при груз. sçavla „учить"—арм. sovor-el (id.) и т. д.

Наконец, мегрельское ǯkori «раб» (ср. также Gekeǯ-kori «раб св. Георгия» paton-ǯkorala «крепостничество») для своего старого вида *ǯor имеет поддержку и в армянском слове ǯort (с суф. -t) «прислуживающий мальчик, слуга», а позже и «крепостной крестьянин», письменно засвидетельствованный с десятого века. Быть может это слово заимствовано было в связи с институтом крепостничества из грузинского языка, но имеющееся там слово ǯori, в письменности раньше также незасвидетельствованное, значит «каменная статуя, камень холма» (по Чуб.), но по С. Сулхан Орбелиани значит «крепостной с одним отрезанным ухом». Н Марр предлагал было в одно время с ними связать и русское «черт» (раб подз. бога?!) хотя другие лексические армено-русские связи вообще не отрицаются[1].

---

[1] См. у меня „Хайаса—колыбель армян", Ереван, 1947, страницы 151—153. Возможно, что и русское крамола есть арм. слово kaṙamol, что дословно значит „идолопоклонник", откуда и современное kaṙemboł „упрямый, эгоист, толстоголовый". В армянском это слово сложное: kuṙ-

Мегрельское *çor-, как старая форма, может отражать и более старое *çorr-, соответственно хурр. şarr- или zarr-, ибо, как известно, грузинская языковая группа с древних времен, подобно армянскому и урартскому языкам, не терпит двойных согласных (consonne géminée). И сейчас даже такие слова как коммунист, масса, Савва и пр. пишутся и произносятся у грузин комунисти, маса, Саба и т. д. Даже там, где морфологически требуется совместность одного согласного, т. е. двойной согласный, и тут также упрощается, вроде слова cameti «тринадцать» из ath «десять»+sami «три»+meti „больше".

Спрашивается, а какими же путями хурр. şarr- или zarr- перешло к мегрельцам в форме *çor или *çorr-, а возможно и армянам и грузинам в форме çort, если, конечно, в последнем примере «t» является суффиксом. Тут могут быть два пути: либо через армян с юга, либо же через урартские племена доармянского освоения исторического Урарту.

Вопрос о посредстве армянского языка маловероятен, ибо арм. слово çaŕa (tsaŕa) „слуга, раб" не представлен своим конечным гласным в этом мегрельском *çor или *çorr. Шипящее («чокающее») произношение в армянских южных районах также могло быть, вроде çawaket' «дитя» женского пола (с семитическим -et' для женских имен) при обыкновенном арм. zawak «дитя» (без отношения к полу), но это, во-первых, очень редко представлено, а, во-вторых, «окающая» форма мегрельского языка не может быть доказана на основании армянского языка. Можно было бы допустить, что в восточной (картской) группе у грузин когда-то была форма *çar-, давшая закономерно мегрельское *çor-, как, например, карт. kaci «человек»=мегр. koči, карт. jaγli «собака»=мегр. ǰoγori, карт. suli «душа»=мегр. šuri и пр. Но это будет пока голым предположением, ибо у грузин-картов есть только m o n a «раб» неизвестного происхождения.

---

kh „идол, истукан" и глагольный корень mol-im „беснуюсь в почитании, рьяно почитаю". Слово к р а м о л а, вероятно, проникло в Москву при помощи армянских купцов.

Вопрос о посредстве официального урартского языка также отпадает, ибо для понятия «слуга, раб» в урартском существует только слово bura или pura, оставляя сомнительное wedia[1].

Мне думается, что мегрелы с лазами, или как их сейчас называют «заны», непосредственно переняли слово *čor(r)— «раб» от халдайев или точнее халдов, которые за несколько веков до нашей эры передвинулись с пространств к западу от Ванского озера к современному Эрзеруму, где имеется село Kałd-arič (из арм. Xałd--ałič) и далее к берегам Черного моря в современную Лазику («Халдию»).

Подобное же передвижение с юга на север мы видим у хайоарменов в VI—III веках до н. э., но и у алародов, в сторону современной Араратской и Алашкертской долин, как и у мосхов по долине реки Чорох и др. Греческое писание Χαλδαι(οι) отражает семитическое xald-ai «халд, халдянин, халдец» с семитическим суффиксом -ai для этнического происхождения, как kossai-oi, ortai-oi, korduai-oi и пр. с прибавлением греч. -oi для множ. числа. Слова xaldai, aššurai и пр. могли обозначать вообще и халдочтителя, ассурочтителя и пр., т. е. любого разноязычного подданного Урарту или Ассирии, которые признавали своим верховным божеством Халда и Ассура. Даже сейчас к северу от Сгерда есть более двух десятков курдских сел под общим названием Халдан. Несомненно, что и лазские халдаи были не урартцами в собственном смысле этого слова, а особые племена с примесью видимо хурро-урартских, а может быть и семитических языковых элементов. В их языке могли бытовать как раз слова, вроде čorr, которые и передались заннам (чаномегрелам).

В этой связи я хотел бы обратить внимание и на воз-

---

[1] Значение bura „раб" впервые было установлено мною на основании обыкновенного фонетического buraštubi в соответствии с полуидеографическим ERU-aštubi „слугой сделал, я поработил" в Норбаязедской надписи царя Русы I (см. „Клин. надп. из Норбаязеда", отд. отт., Ереван, 1930, стр. 17). Независимо от меня то же самое установил и J. Friedrich (Caucasica, Fasc., 8, 1931, стр. 150).

можное сходство между мегр. p'ap'ala «обрыв» (с суф. -ala, как kazaxala, čkorala и т. д.) и хурр. pap «гора» при урартском baba «гора», арм. baba «холм» (у лексикографа Еремии Мегринского), pamb «возвышенное место» (у арм. историка Матфея Едесского), название горы Памп (откуда совр. Памбак и Памбакское ущелье), село Папшен (на склоне Битлисского ущелья) и пр. Затем, мегрельское seri «вечер» со своеобычным частым изменением старого «l» на новое «r» возможно стоит в связи с урартским (resp. поименованным халдским) словом šell «ночь» в урартском — šel-ardi «луна», собств. «ночное светило» [в словаре Е. Мегринского имеется Selard «луна» с изменением лапидарного арм. *U* в *U*]. Наконец, груз. čirano «круг (орбита) вокруг луны» с мегрельским («чокающим») своим видом вместе с древне-армянским čirani «багряново-красный, фиолетовый, синий» (откуда и одежда такого цвета) являются «палеонтологическим» реликтом от хурр. tiranna «радуга» (как обожествление)[1], заимствованного с сумерского Tiranna, при урартском обожествленнном Turani. Звукопереход t > č (или č) нормален в грузинском и армянском. Я уж оставляю о семитических словах (аккадских) в подобных же передачах, подобно арм. čah-ič или čax-in «болото», груз. ča(h)-oba и акк. zaḫ-i или, например, груз. čpexa. мегр. čpexa и арм. čenš-el „давить" при акк. šanak-u „давить, прижимать" и т. д.

Более того, в мегрельском сохранились легенды, в которых имена героев звучат совсем не по-кавказски или грузински, а идут из хурро-урартского мира.

Например, в одной легенде говорится о боге Ant'ari žini, воспоминание которого совершается в день заговения великого поста. Хозяин дома, как бы принося жертвоприношение, разрезывает себе часть особо приготовленного кукурузного хлеба с конусообразно вырезанным куском сыра в середине и, раздавая другим остальные части хлеба и сыра,

---

[1] В хурр. было и мужское имя Ar-tiranna „дар (бога) радуги", см. NPN, 267.

молится и просит этого бога об увеличении скота (см. И. Кипшидзе, Грам. иверского языка, Петербург, 1914, стр. 194—195). Для этимологии первой части имени этого бога тут предлагаются разные другие слова: груз. antari «обезьяна», арабс. aẅr «избранный, самый предпочитаемый», абхазские aʒt'ari «бог, покровитель скота и хуторского хозяйства» или anca, ançwa «бог». Вторую же часть žini И. Кипшидзе отождествляет с мегрельским žini «верхний», хотя против этого, по-моему, говорит то обстоятельство, что это прилагательное всегда предшествует определяемому существительному, как, например—žini boria «верхний ветер», žiniši Ort'a (назв. села), žino-skua «благородный», žin-malu „высоко летающий» (ястреб). Тут, по-моему, неправильны этимологии обоих компонентов и все это имя бога Ant'ari-žini целиком идет с юга. Так, например, при ассирийском царе Адад-Нирари I (1310—1280) упоминается, как эпоним, имя некоего Andari-sini, что ученый фон Зоден хочет считать индийским, наличным в имени Indra-sena. Для первого компонента есть и имена хурритов Antarati, Antare, женс. имя Andareše (см. Nuzi personal names, авторов И. Гельб, П. Парвес и А. Макрай, Чикаго, 1943, стр. 201), к чему с своей стороны прибавлю и имя урартского правителя Andaria при ассирийском царе Ассурбанипале (конец VII в.). Второй элемент žini имени мегрельского бога Ant'ari-žini я вижу не только в поименованном эпониме Andarisina и индийском имени Indra-sena, но и в многочисленных хурритских именах из Нузи, как Paišina, Paizana, Purnazini, Bir(i)azina, Ultazina, Ambizina и др. (ibid.), к которым я бы присоединил и имя этнунского царя Diušini из рода Игани (Iganeḫi), судя по летописи урартского царя Сардура (см. Н. Марр и И. Орбели, Арх. эксп. 1916 г. в Ван, Петроград, 1922, стр. 47, колонна II, строка 51, где ошибочно I-u-ni-e-ḫi). Этот компонент -šina (-šini) или zina(-zini), как вероятно и имя диаухского царя Sini (XII в. до н. э. при Тиглатпилесере I) несомненно звучал žini или žina, что и предлежит в имени мегрельского Ant'ari-žini, народно этимологизируемого с мегр. ži= груз. ze «наверх», žini «верхний», žiše «сверху».

Упоминается в Армении (в Сюнии) топонимическое Aŕa-žin, происшедшее видимо из имени бога Ага и того же слова žin («герой» «бог»?!).

Вторая мегрельская легенда касается некоего героя Арам-хуту (Эрам-хуту), известно своими смелыми набегами на мегрельское село Джвари, Зугдидского района (см. у Кипшидзе, стр. 196). Но в конце концов, при помощи местных икон святых Георгия и Кириака этот герой побеждается джварцами, его голова и оружие преподносятся этим иконам, особенно громадная дубина Арама с железным набалдашником, которая мол и сейчас хранится в местной церкви во имя св. Георгия. На самом деле в этой церкви находится обыкновенная палка, которую носят местные горцы. И как говорит И. Кипшидзе, «вообще личность Арам-хуту легендарная, никто не знает точно, кто он был: он—то алан [карачай-болкар], то черкес, кабардинец, то абхазец».

Хотя в этом имени Арам-хуту и хотят видеть мегрельское местное начало, имея в виду личное имя Хету или Хуту, а отсюда и имя села Хетуш-мухури или Хутуш-мухури, тем не менее мне сдается, что обе части этого имени Арам-хуту южного происхождения, привнесены халдами из Урарту. Общеизвестен урартский царь Араме, упорный соперник ассирийского царя Салманасара III, жившего в девятом веке. Об Араме сохранились легенды и у армян, у М. Хоренского, который даже имя армян производит от него. Слово же хуту также налично в урартском, судя по термину ḫuṭutuḫe «власть» (?) в военной надписи Аргишти I на ванской («Хорхорской») скале, где (VII надп., 15′—15′) читаем: «Халд мне дал мужество (UŠ) и власть (ḫuṭutuḫe) и силу (gunuše)». Есть и божество Ḫuṭuini.

Как видим, пришедшие с юга (Хурри-Субари, Урарту) некие племена, почитавшие бога Халда, привнесли к «занам» на берегу Черного моря разные свои легенды, из коих до сих пор сохранились две, но с большими изменениями, приноровительно к христианству и соседящим народам, но все же с сохранением древних имен Антари-жини и Арам-хуту.

Эти исторические легенды, как и определенный лекси-

ческий материал, который следует проследить и дальше, дают нам твердую уверенность, что мегрельское čḳori (из *čori) «раб» вместе с армянским çaŕa «слуга, раб», а возможно и čort «прислужник, крепостной крестьянин», вполне подтверждают значение их источника, а именно хурритского šarr- (šar) или zarr- (zar) «раб, колон», как это видно из сопоставления сумерского nam-gar-ra с хурритским šaŕ-ri.

1951 г.

О КАМЕННЫХ СТЕЛАХ НА ГОРАХ АРМЕНИИ

В 1907 г. русскому археологу Я. И. Смирнову удалось найти на Гегамских горах, южнее озера Севан, громадные каменные стелы, которые местные армяне называют «вишап» (т. е. дракон), а курды «аждаха». Число их потом дошло до 27 как в цельном виде, так и в кусках. Обнаруженные стелы были изданы Я. Смирновым и Н. Марром на русском и французском языках (Les vichap, Leningrad, 1931). Этим стелам посвящена брошюра Б. Пиотровского[1]. Изучением этих стел занялся и армянский ученый М. Абегян в книге «Стелы, названные вишапами, как статуи богини Астгик-Деркето»[2]. Интересовался этими памятниками также арменист Н. Адонц (см. в моей работе «Культ Ара Прекрасного», стр. 130—137, на армянском языке).

Длина этих каменных громадин доходит до пяти метров, толщина более полуметра, а ширина не менее метра. Все они обнаружены в лежачем положении; в их верхней части имеется барельефное изображение быка или барана (?) с передними расслабленными ногами, а иногда с изображением пары аистов (журавлей). Кроме того, сохранились стелы, похожие на рыбу «мурза» или сома. Все они были открыты Я. Смирновым и Н. Марром на Гегамских горах, к востоку от селения Гарни. Сейчас эти местонахождения стел называются *Аджаха-юрт*, *Тохмахан-гёл*, *Гёл-юрт*, *Имирзек*. После этих находок я имел счастливый случай при моем «археологическом обходе» восточной части горы Арагац на-

---

[1] Б. Б. Пиотровский, Вишапы (каменные статуи в горах Армении). Ленинград, 1939.

[2] Изд. Армфана, Ереван, 1941.

толкнуться на одну такую стелу в местности (кочевье), которую курды называли «Юрт Топал-бро», где не было ни озерка, ни родников. Стела была обнесена низким забором из несвязанных между собой камней и почиталась курдскими женщинами. Одна часть стелы входила в землю (см. мою работу на арм. яз. «Несколько памятников древности», напеч. в журнале «Арарат» за 1914 г.). Позже, в 1927 г., Комитетом по охране древностей Армении были найдены на том же Арагаце на левом берегу реки Архашан, вблизи Анберда, еще три стелы. Это место называется «Юрт Джехангир-ага» и находится на дороге от Бюракана к Алагязской высокогорной метеорологической станции. Подобные стелы, хотя и в худшей внешней отделке, были открыты также в Грузии: одна в селе Мурджахет (около города Ахалкалаки), другая в селе Гандза (у реки Тапараван) и третья в селе Шипек-Саномер (у реки Храм).

М. Абегян в первой части своей книги, пользуясь брошюрой Б. Пиотровского, подверг резкой критике точку зрения Смирнова и Марра о том, что эти стелы, называемые народом „вишап" или «аждаха», были изначальными статуями добрых существ — демонов («вишапов»). В противоположность им, он доказывал, что, по данным армянского фольклора, легенд и верований вишапы, как демоны, не были покровителями плодородия и воды, им не приносили даяний зернами на гумнах, что они атмосферного происхождения, олицетворяли бурю, тучу и гром и всегда являлись олицетворением злого начала, но не добрыми сперва существами, перевоплотившимися в злых под влиянием христианства, как твердили Я. Смирнов и Н. Марр. Затем он утверждал, что эти демоны, приостанавливающие, по армянскому народному верованию, источники вод, не имеют отношения к птицам и рыбе, не могут быть божеством плодородия и воды, а их современное народное название «вишап», «аждаха» (=великан) имеет целью дать представление об их величине[1].

---

[1] Н. Марр еще в 1891 г. в Зап.-вост. Отд. Русск. арх. общ., т. V, стр. 219 и 220—221 также подчеркивал вообще такое переносное значение слова „вишап", используя „Вопросы и Ответы" Вардана.

Это все правильно. Правильно также подчеркивал М. Абегян, что «для исследования исходным пунктом нужно иметь не современное народное название этих статуй, которое может изменяться с исчезновением старого и появлением нового, а то, что остается с самого начала до наших дней, т. е. статуи со своим местоположением и изображением» (см. цит. его раб., стр. 70).

Так как стелы расположены недалеко от родников, озер и искусственных водохранилищ и вообще вблизи оросительных систем, то всеми учеными эти стелы признаются за божество, а Абегян, решительно подчеркивая водный характер этих разнообразных стел, предлагал в них видеть символ армянской богини Астгик (Astłik), адекватной сирийской Деркето. Но было бы неправильно одинаково относиться ко всем стелам, ибо они не одинаковых начертаний и изображений, а разного содержания, хотя и являются продуктом одного и того же мира, близких концепций.

Чем оперировал М. Абегян, когда наши стелы приписывал богине Астгик-Деркето? Оснований для этого у него два: наличие рыбоподобных статуй у соседних южных народностей, главным образом для сирийской богини Деркето (=Atargatis), а также армянские народные и письменные данные о культе воды.

Этого недостаточно для подобного утверждения, хотя здесь, несомненно, имеются элементы положительного характера.

По первому вопросу Абегян говорит: «Деркето—богиня плодородия и воды. По Лукиану ее храм был построен на том месте, где воды потопа стекались в Подземелье. Ее священные животные в Финикии и Сирии—голубь и рыба. В Аскалоне (у Дамаска), который был известен храмом Деркето, ее фигура была изображена в форме рыбы, т. е. рыбоподобной, храм был построен у рыбообильного священного озера (пруда). В Иераполе, священном городе Сирии восточнее Евфрата (позже называвшемся Мабуг, ныне Мембидж), дважды в году и на два дня со всех сторон стекалась масса богомольцев, и большая их процессия приносила воды из моря в ее

храм и окропляла. Дважды в году при богомолье статую богини уносили к реке или к морю» (там же, стр. 71—72). Со своей стороны я бы подчеркнул отношение Деркето к рыбе в известной легенде о наущенной ей любви к ее жрецу, о рождении Семирамиды и о том, как гонимая стыдом Деркето бросается в пруд, где она становится рыбой. Сумерская Нина (resp. Иштар, Деркето) также имела отношение к рыбам, ибо из древнеаккадского периода, за 28 веков до н. э., была найдена таблетка с сумерским гимном в честь богини Нины, где говорится и о ее рыбах (см. статью В. Шейля в «Revue d'Assyriologie", 1915, стр. 127, под заглавием «La déesse Nina et ses poissons»)[1], а мы знаем, что древнесумерские Нина, Иннина, Аннунит и подобные богини сливаются позже с Иштар.

Укажу еще на одно интересное явление из начальной фазы развития клинописи еще у сумеров, когда это письмо не приобрело еще в своем стиле острого характера клина. Идеограмма для понятия «рыба» имела тогда начертание, похожее действительно на рыбу, но с острыми оконечностями, как бы похожими на острие меча (по аккадски «gunu»). Эта идеограмма «рыба» выражала понятие «плодородие» и «размножение"[2].

Эта древнейшая ассоциация с рыбой функций плодородия и размножения пережиточно сохранилась даже сейчас, как это видно у грузин (имеретин и мегрелов), триалетских «уруми» (вышедших в 30-х годах XIX в. из Эрзерумского вилайета Турции), у осетин, черкесов и других[3].

---

[1] См. Б. Тураев, Классический Восток, Москва, 1934, стр. 275.

[2] См. у Бруно Мейснера в его книге „Die Keilschrift" (Berlin—Leipzig, 1922, стр. 19): „Das gunu-Zeichen des Fisches, das als Symbol der Fruchtbarkeit galt, bekommt dann den Begriff „sich ausdehnen, sich vermehren". Как видно, символ рыбы имел значение плодородия, а затем и размножения, совершенно независимо от какой-либо богини. Вид этой идеограммы был .

[3] См. А Робакидзе, К вопросу о некоторых пережитках культа рыбы. „Сов. этнография". 1948, № 3, стр. 120—127. По собранному здесь материалу, урумы Цалкинского района Грузии употребляли форель, как оплодотворяющее начало при бездетстве замужних женщин. Молоди фо-

Прав был М. Абегян насчет отождествления армянской Астгик и сирийской Деркето, как богинь любви, плодородия, воды и ее связи с символом рыбы, как символом размножения. Но всякое проявление почитания воды не нужно связывать с этой богиней. Например, при засухе армяне приносили воду и разливали вокруг поля, особенно из источника у монастыря св. Якова, что у подножья горы Арарат, затем брали камень и, делая надрезы, бросали в воду, переносили мощи разных святых из одного места в другое, при празднике «Вардавар» поливали друг друга водой и т. п.

Такое почитание воды мы видим и у разных народов, а у армян это явление не нужно непременно связывать с Астгик, которая своим именем «звездочка» есть позднее переводное отражение этой сирийской Деркето-Атаргатис, чья статуя в Иераполе была обвенчена звездой (сир. kākabtu), что является также и эмблемой Иштар. В Армении были другие демоны воды, как, например, выясненное мной водное божество *nar* (из вавилонского nār-u), выступающее в женских именах Çovinar «нимфа моря» (от çov «море»), Oskinar «нимфа-золото» (=золотая нимфа), Hełinar «нимфа воды» (собств. «жидкости, ливня»), Nurin (из *Narin). У армян Араратской низменности был обычай наряжать чучело nurin в женское платье и поливать его водой, что, якобы, должно было вызвать дождь при засухе. Быть может, слово Čoli (Tšoli) карабахских армян в этой же функции связано с именем хеттской реки Zulia, под которой разумели и богиню продуктов, источников и пр. с первичным значением «вода»[1].

рель после сушки на огне или солнце и давали кушать и т. п. При прекращении или уменьшении молока кормили тоже форелью, сваренной в воде без соли. Нижнее женское белье у карталинцев, называемое „шеидиши", орнаментировалось рыбным рисунком. Мегрелки носили на животе части рыбы с целью облегчения родов и т. п. Сохранились даже божества рыб: у имеретин оно называлось Ларса, у осетин—Донбетер, а у черкесов—Кодес („бог воды"). Особенно примечателен был пруд с табуированной форелью у церкви села Голианк (Цалкинский район), напоминавший такой же бассейн с рыбой у храма богини Деркето.

[1] Фонетически хетт. z почти всегда соответствует в сродных словах армянскому č (=tš), так что соответствие хетт. zulia армянскому čoli вполне правильно. Возможно, что было в северо-восточной Малой Азии

Наконец, сама богиня Астгик не была всеармянским божеством, а почиталась лишь на юге, у сирийского мира. Наибольшее количество топонимических, да и фольклорных свидетельств об Астгик имеем из Тарона. Здесь, недалеко от города Муш, часть Таврских гор носила имя богини Астгик. Западнее Муша находилось местечко Astəlberd (крепость Астгик), а восточнее—Astəlnaberd. В Аштишате таронском также почиталась Астгик вместе с Вахагном. Почиталась она и в области Андзевацик, западнее современного Башкала, на верховьях реки Зав. Но, по мнению М. Абегяна, она почиталась и севернее, в Алашкертской долине, при празднестве «Вардавар» вместе с Арамаздом, как его жена, но под именем Афродита (в греческой передаче).

Во всяком случае богиня Астгик не исконная, не древняя, не повсеместная богиня в Армении, где существовали и другие водные божества или культы обожествления воды, уже не говоря о том, что наши каменные стелы куда более древнего происхождения, чем занесенная под влиянием сирийцев в южные районы богиня Астгик, эта сирийская Деркето, тоже сохранившаяся по-моему в южно-армянских народных песнях под именем Дерко или Дерико. Этим я не отрицаю, что в рыбовидных стелах выступает женское начало с отображением водной функции плодородия, размножения и т. п.

М. Абегян затрагивает вопрос и о высокогорном местоположении наших стел. Эту позицию стел многие связывают с искусственным орошением, ибо источники его находятся на горах. Конечно, нельзя отрицать фактора искусственного орошения (ирригации) в деле оформления и распространения многих культов (Озириса, Таммуза и др.). Однако М. Абегяну хотелось бы эту ирригацию связать с Астгик («статуя богини, покровительницы воды, как раз и должна была нахо-

---

диалектное слово čol- „вода", родственное с грузинским çkal- „вода", образовавшимся, по мнению грузиноведов, из *çal, где çk из ç. Лазомегрельский вид был бы čol; ср. также груз. čal-ak-i „кустарник на берегу реки, островок", где -ak суффикс, и новоармянск. диалектное (в селе Аштарак) čalkut „топь, заболоченная местность".

диться на этом месте», см. цит. его раб., стр. 87), хотя двумя страницами раньше он отмечает, что о связи Деркето с искусственным орошением, ручьями и водными бассейнами (запрудами) ему ничего не известно. Тем не менее, он хочет и это водостроительство связать с культом Астгик-Деркето, имея в виду, что дочь Деркето, знаменитая Шамирам-Семирамида, по армянскому народному преданию, построила «Шамирам-су», знаменитый канал у города Вана. Но ведь не только этот урартский канал царя Менуа, но и все постройки Вана вместе с клинописью народ приписывал той же Шамирам, как передает армянский историк Мовсес Хоренаци. Кроме этой ирригационной обусловленности высокогорного нахождения наших стел, и то в связи непременно с богиней Астхик (resp. Деркето), М. Абегян это горное расположение обосновывает и одним народно-армянским обычаем в связи со стихийными бедствиями. Ссылаясь на армянского фольклориста-этнографа Гарегина Срвандзтяна, что армяне ставят так называемые «кресты гнева» вне города и большей частью у монастырей, сел, вокруг полей на холмах, чтобы умилостивить бога и просить его защиты от стихийных бедствий, от града, саранчи, засухи и т. п., почтенный арменист к этому прибавляет: «По этому древнему обычаю, до христианства, ставили статуи богов, которые при христианстве заменены были крестными камнями (=арм. хачкар «крестный камень»). Рыбообразные стелы представляют собой именно такие «камни гнева» против засухи (цит. раб., стр. 88).

Всего этого, по-моему, еще недостаточно для реального доказательства происхождения и высокогорного местоположения каменных стел Армении. Даже те современные фольклорные данные, которые приводятся Г. Срвандзтяном, да и то бытовавшие, несомненно, лишь у южных армян исторической Армении (у жителей Араратской равнины это явление мне неизвестно), непосредственно не могут выявить нам идеологические предпосылки появления этих стел. Я не отрицаю, конечно, что культы могут пережить и те древние представления или идеологии, которые их создали, и могу согласиться, что «неугомонный ангел» или «гневный бог», причиняющие на-

роду бедствия засухой, градом и т. д., сохраняются как ипостаси древних языческих богов. Но, конечно, крестных камней, как христианского символа, не могло быть в эпоху создания этих языческих стел. По-моему, армянские «хачкары» скорее развились из урартских стел («pulusi»), на которых писались царские надписи и на которые они столь похожи по внешнему виду со своим шипом (для вставления в пьедестал). Урартские стелы найдены повсеместно в Армении, начиная от Келишина на юго-востоке, по дороге из Урмии в Ревандуз (у села Сидекан), и кончая Звартноцской стелой у нынешнего Эчмиадзина. Таким образом, повсеместно в Армении был прообраз для этих поздних армянских крестных камней, а иногда на этих урартских «пулуси» высекали христианские кресты.

Изучаемые нами стелы на горах Армении, особенно с изображением рыбы, возможно и имели отношение к культу воды в связи с поливным земледелием и виноградарством, а также пастбищами и кочевьями на горных плато, но не могут, однако, в своем происхождении быть выведенными из того случайного и частного обстоятельства, как засуха, которая вредит скорее полевому или равнинному хозяйству, чем нагорным или подгорным районам, не говоря уже о высокогорных пастбищах, где как раз и находятся эти стелы. Сомнительно также, чтобы эти стелы, имеющие длину до пяти метров, первоначально были в стоячем положении, как это полагал М. Абегян. Эти стелы находятся в лежачем положении не только у нас в Армении, но и в соседней Грузии (Ахалкалаки, Гандза, Тапараван), на что обратил внимание и Л. Меликсет-Бек. Невозможно было бы в древности, задолго до нашей эры, и то в высокогорных кочевьях, суметь поднять вертикально эти громадины из камня. А ведь рыбовидным стелам тем паче не стоило смотреть на небо, меняя свое нормальное горизонтальное положение рыб. Неубедительна также аргументация М. Абегяна, когда он из «камней гнева» выводит «стелы Астгик».

Рыбовидными стелами Армении заинтересовался и Н. Адонц. Он говорил о воспоминаниях относительно фригий-

ского бога воды, якобы оставшихся в древней Армении и имевших связь с легендой о потопе, местные версии которой были известны во Фригии.

Но мне не известно, какие же это «воспоминания о фригийском боге воды», которые, мол, остались в Армении и связываются с легендой о потопе, не говоря уже о самостоятельных ее версиях во Фригии и Армении? Мне думается, однако, что сказания о потопе должны были проникнуть в Армению (Урарту) скорее с юга, чем из Фригии. Нет сомнения, что жители страны Ариме и Шуприа, участвовавшие в образовании армянского народа, скорее должны были сохранить идущие из Ассирии и Вавилонии, вообще из древней Месопотамии, разные версии преданий о потопе, об Арарате—Масисе, о «водах жизни», или о «живой воде», о ковчеге, который сперва остановился на горе Гургур, но получил от нее совет отплыть к более высокому Масису (Арарату). Были у армян и разные духи или демоны, также идущие из этого месопотамского мира, как — angła (через сирийцев?), apuŕ-k' (эти Сцилла и Харибда), nahang, nar- «русалка, нимфа» и другие.

Западного, малоазиатского происхождения вероятно празднество Вардавар, точнее само это слово, что я связываю с хеттским миром (из vadr- «вода» и arr- «мыть», а возможно и «поливать»), а не с фригийским. Я не отрицаю, конечно, влияния фригийцев, но это было позже: ср. арм. astvaç (из *aswaç) «бог»=фриг. Sawazios (верховный бог), как установил впервые Н. Марр, арм. Mažan—имя жреца и обоготворенное лицо с его всенародным празднеством, соответствующее фриголидийскому Masanes, остатки культа бога Аттиса у средневековых армян понтийской области (в связи с оскоплением и пр.), возможно и культ луны фригийцев в лице Men ‖ Ман в армянском имени пещеры Mana-ajr (в Малой Армении), где преставился Григорий Просветитель. Тем не менее я считаю, что Н. Адонц преувеличивает влияние фригийцев, исходя очевидно из прежних ошибочных предположений об этническом и языковом родстве армян с фрако-фригийскими народами, как повествуют Геродот, Евдокс и др.

Однако Н. Адонц ограничивается только рыбовидными

стелами Армении, а о других стелах, не имеющих этой формы, он ничего не говорит: видимо, они были ему неизвестны. Н. Адонц, в отличие от М. Абегяна, подчеркивает рыбовидность также у мужских демонов или божеств, имевших в нижней части вместо ног рыбий хвост. В Библии уже говорится о том, что филистимляне имели бога рыбы Дагона (Кн. судей, 16.23; Сам. 1, 5. 2—5), который был известен вавилонянам под именем Одакон. По Евсевию Кесарийскому, пользовавшемуся книгами Бероса, этот Одакон появляется из моря и учит людей письму, законам, наукам и земледелию. Аполлодор Афинский (170—110 до н. э.), который, подобно Евсевию, также пользовался Беросом, как об этом свидетельствует Синцелл, говорит, что было шесть человеко-рыб: первый—Оанн, следующие четыре—Аннедоты и последний—Одакон. Н. Адонц упоминает и о сыне Деркето, который назывался «Рыба» (по гречески Ἰχθύς). Кроме всего этого, вспомним и о сумерском боге Эа, боге водной стихии и отце Таммуза, изображавшемся также в образе человека-рыбы (см. у Рошера в его «Лексиконе», т. III, стр. 578). Такое же изображение мужчины-рыбы было и у богов хурритов (см. A. Goetze, Churriter und Assurer, Oslo, 1936, стр. 82).

Как видим, все ученые заинтересовались почти исключительно только нашими рыбовидными стелами, а о других стелах отмечалось, что на них имеется изображение быка или барана (у Марра и Смирнова), с истечением изо рта воды, как жертвенное животное с расслабленными передними ногами, иногда вместе с изображением рыбы, и отмечалось присутствие аистов. Отмечалась, особенно Абегяном, связь рыбоподобных стел с армянской богиней Астгик и ее отношение к воде и рыбе, подобно Иштар, Деркето, Семирамиде, а аисты на других стелах (нерыбоподобных) он считал стилизованными голубями, также относящимися к богине Астгик, resp. Деркето.

Из всего этого ясно видно, что здесь у всех выступает разрозненный и случайный подход, выхваченный и односторонний, без рассмотрения всех вместе взятых изображений на стелах. Явно утрируется значение армянского фольклора

(Абегян, Марр), который берется в отрыве от общей возможной концепции, могущей быть выраженной на всех этих стелах, сообразно с древневосточной идеологией, выступающей также у соседних с армянами народов. Чувствуется формальный и неисторический подход с возобладанием местного и частного, я бы сказал даже чисто армянского, когда самих армян не было в Араратской долине.

Мое же изучение высокогорных стел Армении, Грузии и других мест, по совместному комплексу всех их мотивов и в их древней, наираспространенной идеологии, приводит к тому заключению, что в этих стелах скорее мы имеем древнейшее выражение содержания *весеннего божества зелени, вернее культа озеленения природы, обилия, плодородия и земледелия, быть может в связи с ирригацией.* Если мотив рыбы, как символ «размножения», достаточно уже был выявлен другими, как и мной, то о других изображениях — *аисте, быке* — как совместных свидетельствах или символах богатого образа нашего весеннего культа-бога, мало или почти ничего не было сказано.

Это божество у армян позднее выступало частью в образе Ара Прекрасного, олицетворявшего умирающую и воскресающую природу. Об этом независимо друг от друга было сказано Н. Адонцем, А. Матикяном («Ара Прекрасный», 1930, Вена) и мной. Но, конечно, это уже другая тема, которая должна выяснить истоки армянской легенды об Ара при образовании армянского народа в VII—III веках до н. э. Возможно, что разные племена, начиная с Хайасы и до племен Араратской долины, также оказали свое влияние на мифотворческий образ Ара, как это отчасти выяснено мною в работе «Культ Ара Прекрасного» (на арм. яз.). *Концепция или идеологическое содержание наших стел предшествовало этому армянскому образу. Оно непосредственнее, древнее и как бы разностороннее.*

Рассмотрим отдельно мотивы аиста, быка и священного дерева («Древа жизни»), которые ясно выступают на нерыбовидных стелах.

МОТИВ АИСТА

На каменных стелах, найденных в нагорных местностях Имирзек и Тохмахан-гёл (Гегамские горы Армении, около 1600 метров над уровнем моря), в верхней части изображена рогатая голова, выполненная в высоком рельефе, со свисающими по сторонам безжизненными ногами, а в средней части стелы, ниже головы, изображены две длинноногие птицы, друг против друга, в стоячем положении. Эти птицы считаются либо аистами, либо журавлями. По-моему, они только аисты. На каменном столбе из селения Мурджахети, в 4 километрах южнее Ахалкалаки, также имеются в верхней части рельефные изображения, среди которых можно различить две птицы и двуглавую змею. На таком же памятнике из села Гандза, на реке Тапараван (соединяющей тапаравanское озеро с озером Туман-гёл), в средней части стелы имеется диск и под ним две птицы, стоящие друг против друга подобно таковым из Имирзека и Тохмахан-гёла. Отмечается также стела, найденная около села Туран на южном склоне Саянских гор в Северной Монголии, где фигура с рыбьим глазом и жабрами имеет в нижней части фигуры птиц: три больших аиста, стоящих на одной ноге один под другим (см. у Пиотровского, «Вишапы», стр. 7—17). По-моему, все эти аисты являются как бы вестовыми весны, первыми прилетными птицами в пробуждающейся природе. Полоса этих каменных стел идет от Гегамских гор и Арагаца в Армении к озерам у Тапаравана в Грузии, где также сохранились подобные стелы, и простираются отсюда до долины реки Чорох с озером Зиарет, где, как передают, также имеются до 25—30 каменных стел с изображением змеи, ящерицы, буйвола (быка) и головы других животных.

Аист как в древности, так и позже связывается с весной и размножением потомства. Этого вестового весны у нас в Армении не убивают, и народ называет его «братом весны», «несущим признак весны» и т. п. У европейцев, как и у средневековых армян, аист был как бы символом размножения (resp. плодородия), как бы заменяя в этом отношении

рыбу у сумеров и семитов. Известны, например, многочисленные сказания у европейских народов, что аист приносит новорожденных малюток либо на крыльях или клювом, либо же течением воды и т. п.

О заботах аиста к сохранению и размножению потомства, с намеком даже на воскресение невинно погибшего супруга, сохранились у армян некоторые интересные сказания, записанные в средних веках.

Так, например, в одной притче, приписываемой Вардану (см. Н. Марр, Сборник притч Вардана, II, стр. 223—225), говорится, что аист после смерти друга снова вступает в брак ради размножения потомства, тогда как горлица этого не делает, оставаясь верной своему погибшему другу. Привожу эту притчу по переводу Н. Марра: «Аист с великим влечением вступает в брак по воле бога, чтобы размножаться, так как любит оставаться чистым, а горлица (не сближается ни с кем и) не садится на зеленую ветку, если умирает ее супруг. Этот пример показывает: люди, любите чистоту и целомудрие и вступайте в брак для деторождения, а не для порока» (там же, I, стр. 415).

Но аист не только ревнитель размножения потомства, но в связи с этой функцией он является также и поборником супружеской верности. Армянский ученый монах Алишан («Древнее верование», стр. 211) приводит следующее народное сказание у вардапета (монаха) Ванакана (XIII в.): «Случилось, что в монастыре Хлата, что на берегу моря (озера Ван), аист построил гнездо. Шалун в него положил яйцо, когда аиста не было вблизи. Она (самка) высиживала его (яйцо) вместе со своими и вывела птенца. Самец увидел и разгневался, отлетил и привел 200 белых и одного черного аистов. И как судьи расселись вокруг около трех дней. Черный же аист ежедневно поднимал птенца из гнезда и показывал, как бы говоря, что это ты сделала? Потом они напали и убили, растерзали на куски ее и ее гнездо, а самца взяли (с собой) и ушли». Интересна и заключительная сентенция самого Ванакана: «Если бы и для птиц было воскресение, то воздаяние получила бы эта невинная покойница (погиб-

шая из-за козней лукавого». Подобную же версию о невинно погибающем аисте сообщил уже самому Алишану (жившему в XIX веке) заслуживающий доверия очевидец, «...относительно расправы с наседкой, под которую мальчики подложили два гусиных яйца». Гнездо этих аистов было на высоком дереве, у мечети города Бруссы.

Мотив аиста выступает, как уже было сказано, также на двух стелах из южной Грузии и на одной стеле из далекой Монголии. Так, на каменном столбе из с. Мурджахети имеем рельефное изображение двух аистов и двуглавой змеи, а на стеле села Гандза имеются два круга друг под другом, а ниже их две птицы, стоящие друг против друга, подобно стоящим на одной ноге длинноногим птицам на стелах из Имирзека (в Армении). Нет сомнения, что эти птицы—аисты, а змея, возможно, является символизацией идеи обновления после зимней кажущейся смерти. О подобной роли змеи говорит и одна лидийская легенда, по которой некий герой Тилон, сын Зевса, во время прогулки на берегу реки Гермес был смертельно укушен змеей и умер, а его сестра Мира обратилась к помощи великана Дамасена, который напал на змею и убил. Другая змея, самка первой, откусывает от травы Зевса по имени «цветок», кладет на губы убитой и оживляет ее. Сестра Тилона, наблюдая эту картину, со своей стороны берет ту же траву, кладет в рот своего умершего брата и воскрешает его[1].

Чтобы исчерпать образ и назначение аиста в древнем мифологическом понимании, в связи с его функцией вестового весны, ревнителя увеличения потомства и размножения, я считаю не лишним подчеркнуть роль также других вестовых птиц—орла и коршуна, но в качестве вестовых у богов. Вспомним роль орла в хеттском мифе об исчезновении бога весны Телибину, последствием чего был голод у людей и богов. Отец Телибину посылает за ним орла, затем пчелу и, в конце концов, возвращает его к себе, и жизнь снова входит в нормальную колею.

---

[1] Эта легенда очень стара и исходит от историка Ксанта Лидийского, как сообщают Плиний (Historia naturalis, XXV, 14) и Нонн (Dionisiaca, XXX, 451–551).

Орел этот по-хеттски звучит ḫara или ḫarana. Не зная о первой форме, я в одной статье[1] предлагал ḫarana переводить через „журавль", имея в виду его формальное, внешнезвуковое сходство с греч. geranos, бритским garan (и галльское trigaranus), др. англ. cran, др. верхнем chranuh и арм. krunk, все со значением «журавль». Но теперь уже стало доподлинно известно, что первичная форма в хеттском есть ḫara, в которой «h» — новый звук, а корень ar(a) со значением «орел» присутствует во многих индоевропейских языках (слав. орьлъ, лит. erẽlis, готс. ara, нем. Aar и др.).

Укажу также, что арм. angł «коршун» еще Бётлих и Лагард предлагали связать со скифским ἄγλο «лебедь», хотя это angł можно сравнить и с лат. aquila «орел», ибо арм. «n» может быть новоразвитым звуком (подобно однозвучному Angł «крепость»—как собственное имя—при аккадск. ekallu и сум. egal, сир. Agil). Н. Адонц предлагал и арм. angł „коршун" и скифское ἄγλο связать генетически с греческим ἄγγελος «ангел, вестовой, вестник» и перс. ἄγγαρος «царский посыльной» (см. Revue des études arméniennes, 1927, VII, стр. 187). Так что сами имена этих вестовых птиц могут позже значить просто «вестник, вестовой», если принять эволюцию греч. «ангел» и перс. «ангер» из имени «лебедь» или „коршун"[2].

МОТИВ БЫКА

На большинстве стел Гегамских гор и на всех четырех стелах горы Арагац мы видим в их верхних частях рельеф быка или барана с полукруглыми рогами и очертаниями глаз. Сбоку безжизненно свисают две передние ноги, а изо рта как бы течет вода. Все ученые, заинтересовавшиеся этими рельe-

[1] См. „Об одном хеттском мифе", напечатано на арм. яз. в „Трудах" бывшего кабинета им. Н. Марра при Государственном университете Армении, т. I, стр. 173—187.

[2] Ср. также попытку Н. Марра аналогичным образом объяснить этимологию арм. karapet „предтеча", сравнивая с армянским kagar „лебедь". Но это неправильно, ибо, во-первых, нет в армянском языке в других случаях суф. -et, затем это слово, по-моему, персидское, сложенное из kāra,- „народ, войско" и pati (=арм. pet) „начальник", т. е. арм. karapet „предтеча" раньше значило „предводитель племени" (народа).

фами, приходят к выводу, что здесь имеется жертвенное животное: особенно отмечаются безжизненность передних ног и линия шкуры, как бы накиданной на тело. Не отрицая возможности жертвенного характера или выражения этой фигуры, хотя вытекающая изо рта вода что-то не клеится с этим, я тем не менее хочу подчеркнуть культовый или символический характер образа этого быка. Последний скорее отображает земледелие, ибо на Ближнем Востоке при пахоте и молотьбе применяется бык, а не лошадь, а если правильно наблюдено истечение воды изо рта этих фигур, то это может подчеркнуть важность воды (ср. и выражение рыб на других стелах), ибо у нас немыслимо бахчево-огородное, как и садово-виноградное хозяйство без орошения, не говоря о том, что во многих местах Армении и сейчас существует только поливное земледелие. Даже урартские цари проводили специальные каналы для орошения полей, как это особенно выявляется в Араратской долине (ср. надписи Аргишти I и Сардура об орошении Армавирского района и надпись Русы II об орошении «Кутурлинской» долины или степи у Звартноца близ Эчмиадзина). А ведь на Арагаце до сих пор сохранились искусственные водохранилища и система каналов для орошения, каковыми были и запруды на Гегамских горах («Тохмахангёл).

Наконец, в виде пережитков я бы указал на остатки почитания быка у армян, что, естественно, можно наблюдать и у других народов при тех же условиях. Когда клали череп быка (или лошади) на дерево, чтобы никто не сглазил и тем самым не нанес ущерба плодородию сада, разных насаждений и пр., то в этом я вижу след от покровительствующего характера божества в образе быка. Падеж быка от болезни или от чего-либо другого у нашего крестьянина считался как бы равносильным смерти главы дома. В песнях армянина-земледельца бык (по арм. «ез») как бы персонифицируется формой «звательного» падежа на «о» (езо), чего мы не увидим в языковом выражении для других животных[1]. Только

[1] Выражение марало джан (марал—олень) опять-таки применяется в песнях земледельца для подчеркивания красоты быка.

имена людей имеют у нас такой «звательный» падеж при обращении (Каро, Амо, Сато).

Но армянский, как и грузинский хлебороб не только как бы обожествлял воплощение всех своих трудовых чаяний, т. е. быка, воспевая его рога, наподобие рогов олени, красоту и пр., но он вместе с тем еще сохранял в этих своих песнопениях или припевах и саму идею земледельческого божества в лице «Ара»: ср. груз thari Aralo—«могучий А.», iwri Aralo—«владыко А.», арм. Ara-wel>horovel, «Ара, подай», или Ara, ho, ho при понукании быков во время пахоты или молотьбы. Эти значения сейчас, конечно, не понятны и мною даются условно, на основании древних местных языков. Этот Ара восседал на горе Aragaç («Араев трон»), где сохранились стелы сродного раннего божества (четыре стелы), а подобные Арагацы (народное «Алагяз») имеются у Хнуса, в Тайке и у Араратской долины (против горы Арарат). Здесь имеется соименная гора (Araji leatn) к востоку от Арагаца, где в пещере почиталась св. Варвара, христианская вариация богини плодородия. Ара ходит по полю и оставляет за собой след (arahet — «Араева тропинка»), подобно тому, как у русских «Ярило ходит по нивам, растит рожь»[1] и т. д. и т. п. Припомним также, что у финикиян в Тире и Карфагене бык был символом верховного бога, покровителя стад (Б. Тураев, Ист. др. Востока, СПб, 1912, том II, стр. 9), а почитание быка «аписа» у египтян имело исключительное значение в связи с поливным земледелием.

Пользуясь случаем, хочу обратить внимание интересующихся специалистов, в частности искусствоведов и археологов, на изображение жертвенного быка на одной мраморной плите из Закавказья, ибо под этим изображением есть надпись армянскими и грузинскими буквами «хуцури», что не

---

[1] См. в „Толковом словаре" Даля о слове Ярило (или Ярила). Взращивание злаков, всхожесть или прорастание зерна—это истинная функция земледельческого бога, ибо в древности само зерно и его прорастание одождествляли с этим божеством. Вспомним сказание про Адониса, что он—само зерно. В связи с функцией его прорастания я рассматриваю и следующий обычай у армян: когда у ребенка проступает первый

удается разобрать. На этом камне четко выступают голова и спереди свисающаяся шкура заклания быка, которые положены на высокий жертвенник, а справа и слева на нем поставлены факелы. Справа стоит царь с фригийской или хеттской шапкой на голове, держа в руке пучок преподносимых этому быку колосьев, а рядом стоят три сына царя с приподнятыми правыми руками. То же самое наблюдаем с левой стороны, где с венцом на голове стоит уже царица, подносящая жертвенному быку такой же пучок из пяти колосьев, а дочери, числом три, подобно трем же сыновьям, имеют приподнятыми левые руки, как последствие того, что они только что поставили на ступеньки алтаря горшки с елеем (?). На ступеньках положены уже четыре таких же горшка, по два с каждой стороны. Царь держит в левой руке посох с загнутым сверху концом, что известно нам из древних изображений восточных царей. Наряд на всех имеет богатый и интересный характер, и все как будто выполнено подобающе и отчасти стилизовано. Покойный армянский искусствовед Гарегин Левонян, издавший это изображение на мраморной плите (см. «Советакан арвест», 1941, №2—3), считал его, подобно другим, не подлинником, а подделкой. Несомненно, что армянские и грузинские буквы внизу выдают не очень древнее происхождение, во всяком случае не древнее пятого века н. э. При всем том камень с вышеописанным богатым содержанием имеет, по-моему, большую ценность, так как его стиль, образы (представления) и мотивы выдержаны в строго древнеязыческих чертах. Ведь на основании голой фантазии, а не виденного или слышанного, нельзя было бы создать такой шедевр древнеязыческого культового творчества.

МОТИВЫ ДРЕВА ЖИЗНИ

На одной стеле из местечка «Аждаха-юрт» Гегамских гор (у Марра и Смирнова, табл. 2) дается, по-моему, рельеф дерева. Тут ясно виден ствол с тремя кореньями снизу, а наверху, но уже менее отчетливо, особенно с левой стороны, вы-

---

зубик, его сажают, и на голову сыпают сваренные пшеничные зерна, чтобы зубы скорее и безболезненно вышли. Эти зерна потом, конечно, едят.

ступают по две ветви, идущие сперва горизонтально, а потом склоняющиеся к низу. На верху же этого дерева виден как будто шар (диск), а внизу от кореньев ясно выступает изображение головы быка (или буйвола?) с глазами, ушами, рогами, изогнутыми в виде 5 ? и вытянутой вниз мордой.

Нет сомнения, что на этой стеле имеется изображение так называемого «древа жизни» (библейский термин), столь известного нам на всем Ближнем Востоке вплоть до последних времен. Так, на одном оттиске урартской печати из Топрак-кале (у города Ван) выступает близкое вышеприведенному изображение дерева, с той только разницей, что у нас на стеле даются по две ветви с каждой стороны, а на этом цилиндрическом оттиске — по три. В других урартских изображениях, например из крепости Кармир блур (на обломке края пояса), затем из Ани-Пемза (на обломке пояса из листовой бронзы), а также на акинаках Литого и Келлермесского курганов (из Кубани), обнаружены стилизованные деревья жизни с тремя рядами ветвей, но с приподнятыми наверх концами (см. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, Ереван, 1944, стр. 314—316). Как говорится в этой книге, со ссылкой на Уорда[1], «священное дерево с поднятыми вверх ветвями и остроконечными плодами часто встречается в изображениях на ассирийских памятниках, причем дерево увенчивается еще солнечным диском» (там же, стр. 317). Интересно, что на урартских памятниках из Топрак-Кале встречается священное дерево как с ветвями, склоняющимися концами книзу, так и кверху (там же, стр. 277, 319).

Известны нам древнеевропейские и финикийские так называемые ашеры, т. е. стволы дерева, которые посвящались не только Астарте (т. е. Иштар), но и Ваалу и Яхве.

В древнем Египте также воздвигались деревянные столбы при важнейших годовых праздниках. Таково воздвижение столба Джед в честь Озириса, затем столба в культе Амона и Мина и, наконец, воздвижение дерева в культе богини Хатор в девятнадцатый день первого зимнего месяца. Фетиши-

[1] W. N. Ward, The seal cylinders of Western Asia, 1910. №№ 585, 693.

столбы Озириса, его «спинного хребта», как объясняли египетские жрецы, были вместе с тем символом его воскресения, праздника магического заклинания растительности. Одновременно с этим разыгрывались игры, изображавшие в далекой древности спор между зимой и летом, победу лета над силами зимы[1]. Набитые на столб перекладины изображали ветви, а самый столб, расширяющийся книзу и суживающийся кверху, изображал дерево. По Грессману, «воздвижение столба» Озириса было известно в Библе (Финикия)[2].

У нас на Кавказе также бытовал этот столб, как древо жизни. Так, у черкесов столбик — видимо дерево с обрубленными ветвями — был важнейшей составной частью обряда в честь земледельческого бога[3]. Укажем также на известное у грузин «свети цховели» (что дословно значит «столб живой») в Мцхетском соборе, что несомненно стоит в связи с этими древними столбами — древами жизни. У армян при церквах во дворе часто ставились каменные столбы-обелиски, а у армян из южной Армении (Муш, Сасун...) при венчании вносилось в церковь искусственное деревцо с перекладинами, на которые обвешивали фрукты, сласти и пр. (это называлось «нурк», или «нурцк»). Я в этом хочу видеть пожелание *„жизненной"* силы для новобрачных, как то же самое нужно видеть и в древе *жизни*. В этом отношении я бы подчеркнул роль искусственного *деревца в культе Аттиса* которое потом сжигалось. Ср. русс. *здоровый*, *здравый* от корня *древо*.

Из всего сказанного для нас должно быть ясно, что мотив дерева на нашей каменной стеле из Гегамских гор, как и голова быка под ним, говорят лишний раз в пользу того, что здесь имеется отображение или символизация любимого бога весны, ее пробуждения, как и земледелия. Эта идеология довлела на всем Ближнем Востоке.

---

[1] См. Ю. Францов, Фетишизм и проблема происхождения религии, Гос. антирелигиозное изд., 1940, стр. 20—23.

[2] Там же, стр. 26. См. также у Б. Тураева (Ист. др. Востока, 1912, ч. I, стр. 171), где говорится о четырех перекладинах столба Озириса.

[3] Францов, стр. 23—24.

* * *

В конце моей статьи о каменных стелах Армении, Грузии и других мест я хотел бы затронуть вопрос и о степени и путях их распространения, времени их приблизительного возникновения и возможности их разностепенного отражения становления и синкретического развития божества весны, плодородия, земледелия, а затем и замирания, т. е. того общеближневосточного божества, которое сейчас принято называть богом смерти и воскресения, страждущим богом.

Относительно распространенности наших стел можно было бы предположить их малоазиатское происхождение, тем более, что многие малоазиатские боги, как известно, почитались и в Армении. Явно сказывается хеттское влияние, а этногенетически армяне связаны с Малой Азией и особенно с ее северо-восточной частью. В этом же историческом аспекте я предлагаю стелы Армении считать более обработанными и последними в цепи их распространения с районов Чороха на южные районы Грузии и далее в долину реки Аракс, где вокруг Араратской долины, на горах южнее озера Севан и на горе Арагац, в нынешней Армении, сохранились наибольшие и наилучшие их виды. К несчастью, стелы на горах у реки Чорох (при местечке Зиарет = —«святыня»), числом 25—30, не изучены, и только по устной передаче знаем, что на них изображены змеи, ящерицы, буйволы и головы других животных. В Малой Армении, т. е. в древнейшем «царстве» Хайаса-Аззи, известно по хеттским документам за 1400 — 1200 лет до н. э., почитался бог подземелья с супругой, изображенной идеограммой Иштар, причем этот бог подземелья, возможно, раньше был богом весны, земледелия и т. д., наподобие Озириса, позже ставшего также богом подземного мира. В этой Хайасе, т. е. поздней Малой Армении, помимо четырех «Багаарич» (собств. «Богопоселок») и многочисленных известных культовых центров (в Еризе, Тиле, Ани и Багарiче Дерксены) есть местечко Дракон, при впадении речки Герджанис в Келькит. Можно предположить, что это название есть отголосок народной оценки каменной стелы на этом месте или в горах, как теперешние армяне и курды называют

стелы Армении тем же наименованием «аждаха», или «вишап». Мы знаем, что с подобной интерпретацией Н. Марр подходил в своих «Вишапах» и к этимологии греческого drakon из имени бога Dagon, почитавшегося, между прочим, и в южной Армении (ср. *Дагонские горы* — «Dagonac sar», по Г. Срвандзтяну южнее Муша, и село Dagnavana = арм. искаженное Donevankh, северо-западнее озера Ван по Певтингерианскому дорожнику). Н. Марр предлагал даже арм. dzukn «рыба» вывести из этого имени Дагон, что, конечно, неверно.

В связи с влиянием культуры Малой Азии на Закавказье, а отсюда, возможно, и на Северный Кавказ, в частности на Кубань, я бы отметил наличие сцены хеттской процессии богов из Язлы-Кая и хеттского стиля чаш из Кировакана (Армения) и Цалки (Грузия). Затем, в связи с сильной распространенностью концепции затворных или закованных божеств, что является частным видом умирающего и воскресающего бога, известным нам из образа Прометея, груз. Амирани, арм. Артавазда или Мхера и др., я бы обратил внимание на одно рельефное изображение на каменной стеле из одного кургана в хуторе Зубовском (Кубань). Здесь при раскопках в 1889 году «на глубине 1,40 метра от вершины была найдена каменная стела, по форме напоминающая рыбу: на это указывает и круглое углубление, в виде глаза, на конце, соответствующем голове. На конце, противоположном голове, в рельефе изображены цепь и две фигуры собак, заключенные в круг» (см. Б. Пиотровский, Вишапы, стр. 16). Оставляя вопрос о правильности рыбовидного характера этой стелы, я, однако, убежден, что *цепь и две собаки* в замкнутом круге отображают те же атрибуты характера армянского Артавазда, грузинского Амирани и др. Версия этих закованных *в цепи* демонов, видимо, когда-то бытовала и в древней Кубани, тем более, что и осетины сохранили подобную же легенду.

Затем нас должен интересовать и вопрос о времени возникновения наших стел, что, конечно, трудно установить даже приблизительно, хотя мне кажется, что они не древнее второй половины второго тысячелетия до н. э. Для окончательного возможного решения границ этого времени, более или

менее близких к истине, я бы со своей стороны привел некоторые материалы о наскальных изображениях на Арагаце, где я нашел одну каменную стелу с головой быка или барана. Здесь, помимо многочисленных заштриховок контур диких коз с двумя рогами, загнутыми назад, мне удалось видеть и следующее красивое изображение: на одной большой, отдельно стоящей скале трехугольного вида, не очень далеко от виденной мною стелы, была выгравирована сцена из охотничьего быта с охотником, стреляющим из лука по бегущим оленям и козам, преследуемым собаками. Картину эту можно было видеть за несколько сот шагов, и отделка фигур была очень хорошая. Разница в способе изображения между стелой и этой охотничьей картиной была в том, что в первом случае изображение рельефное, а во втором, наоборот, выдолблено (выгравировано) в камне.

Данные технического порядка также нужно принять во внимание, ибо соскабливать или выдалбливать большие базальтовые скалы, по-моему, можно было бы только при помощи железных инструментов, т. е. не раньше как за 1100—1200 лет до н. э., как это доказывают раскопки в Цалке (Грузия), где железо появляется именно в это время. Быть может, были и другие возможности выделки, например, при помощи особо твердых каменных инструментов.

Наконец, к вопросу о времени возникновения наших стел можно подойти и концептуально, т. е. что они выражают и каково их идеологическое содержание? За исключением мужских демонов затворного характера, остальные боги умирающего и воскресающего содержания делятся на мужчин и на женщин с функцией размножения и плодородия. Иначе говоря, если рассмотреть их вместе, то мужскому началу придается олицетворение страдания—смерти (resp. замирания, затворности, увядания, спячки, ухода), весеннего пробуждения (resp. воскресения, оживления, освобождения...), земледелия, ирригации и пр., а другой половине, т. е. женскому началу, придается функция размножения, любви, плодородия и пр. Все известные нам божества этого характера сосуществуют вместе с женской половиной. Так, древнейший

сумеро-вавилонский Таммуз, как первоначальный местный бог растительности и воды, а затем также страдания и воскресения, соединен со всевластной Иштар, первоначальной богиней войны, а затем и любви и плодородия. Также едины Эшмун и Астроноя или Адонис и Астарта у финикийцев, Дагон и Деркето[1] (Атаргат) у сиро-арамейцев, Аттис и Кибела у фригийцев. У хеттов активно выступает богиня Камрушепа, когда после ухода Телипину отец последнего посылает за ним сперва орла, а после и пчелу[2]. Так же у хайасцев выступает бог подземного мира (^{d}U-GUR, или ^{d}u-gur?) с женой, переданной идеографически (^{d}IŠTAR). Так же у поздних армян вместе выступают Ара и неизвестная нам древнейшая богиня, позже замененная, под влиянием вавилонской мифологии, Шамирам, а еще позже, под влиянием персидской мифологии, Нуард («Новая роза», «Новый цветок»), вероятными заменительницами малоазийской Нане или Хепит. Первоначально, однако, все эти пары божеств, совместно выражающие единое концептуальное содержание, быть может и не выступали дифференцированно, для чего имеют в виду двуполость Кибелы, от которой приходили в ужас малоазийские древние боги. Ср. также «бородатую Иштар», как также отражающую отголосок матриархального мышления.

В этом аспекте я бы хотел обратить внимание на одну из стел на Гегамских горах из местечка Имирзек (см. Н. Марр и Я. Смирнов, Вишапы, стр. 92, у Б. Пиотровского рис. 6 и 7). На этой стеле на одной плоской стороне изображено „жерт-

---

[1] Воспевается также в армянских народных песнях юга в форме Deriko hoj nar „Дерико—великая русалка", Derko nina „Дерко-Иштар" (в Сасуне).

[2] Хеттский бог весны, вероятно, выступает и на рельефе в долине реки Каюс, как друг и супруг изображенной богоматери, как предлагает понять П. Кречмер. Затем в знаменитой процессии богов на скале „Язлы-Кая" имеется, как думают, брачное шествие этих же богов Телипину и богоматери навстречу друг другу с многочисленной свитой второстепенных божеств и демонов, сидящих на зверях и пр. и имеющих иногда сверхестественные внешности. Между прочим, в мифе о Телипину говорится, что *он приводит воду и поливает*, а это в свою очередь говорит нам об искусственном орошении у хеттов во втором тысячелетии до н. э., что относится к тому же вопросу в связи с нашими стелами.

венное животное" с накинутой шкурой (?) и выходящей изо рта водой, а на оборотной стороне изображена рыба, т. е. обыкновенный символ женского начала и размножения. Не говорит ли эта стела о первоначальном диффузном состоянии общего божества с двумя проявлениями, хотя это же можно трактовать как два отдельных начала, мужское и женское, соединенные вместе как супружеская пара? В связи с возможным синкретизмом подобного древнего мифологического образа я бы обратил внимание и на образы Ивана Купалы и Ярило (=Кострома, Коструб енко) у русских, образы, которые хотя и не так древни сравнительно с приведенными подобными божествами древнего Ближнего Востока, однако обнаруживают в своем образовании эту недифференцированность и диффузность. Это проявляется и в обрядностях: в радостном мотиве вместе с печальным и даже в именах, которые не резко различаются по полам.

Наша тема о каменных стелах Армении, насколько здесь удалось рассмотреть и разрешить, представляет большой научный интерес и возбуждает много вопросов культурно-исторического, идеолого-мифотворческого, технико-искусствоведческого и социально-производственного характера. Несомненно, что содержание наших стел отображает тот древний мифотворческий образ, который сложился как на натуралистической подоснове (весна, новая растительность, возрождение, обилие), так и на производственной (земледелие, ирригация). Это—мифотворчество людей из земледельческой общины и отчасти скотоводов, гонящих скот летом на горы. Наши стелы являются воплощением этих чаяний земледельца, с нетерпением ожидающего весеннего возрождения природы.

Будем надеяться, что находки новых каменных стел и особенно изучение уже известных стел у Чороха выявят нам новые интересные данные, подтвердят сделанные нами выводы и еще лишний раз засвидетельствуют о культурных достижениях древнего азианического мира.

1952 г.

О ВЗАИМООТНОШЕНИИ АРМЯНСКОГО И ЛАЗО-МЕГРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ

Связь армянского языка вообще с грузинским и, в частности, с его западными диалектами установилась очень давно, возможно еще за полторы тысячи лет до нашей эры, когда на географических широтах от Себастии до Эрзерума, судя по хеттским клинописным данным, хайские племена составили одно сильное политическое объединение Хайаса-Аззи[1]. Грузинский этнический массив, судя по сравнительно поздно известной его дислокации, занимал среднее и верхнее течения Чороха, как и места севернее Париадрских гор у Черного моря. Не говоря уже о наличии грузинских племен далеко на восток по течению Куры и пр., мне представляется очень возможным проникновение этих племен и в «царство» Хайаса-Аззи. Видимо, от этих западных грузин, позже представленных в лазах или чанах (арм. и груз. çan-, греч. Tsanoi, арм. çan-ar-kh) и мегрелах, осталось предание о родоначальнике Азо, т. е. персонифицированном имени племен Аззи хеттского времени, как армяне таким же образом персони-

---

[1] А. Гётце располагает это объединение по верхнему Евфрату, по линии Эрзинган—Эрзерум: „Ein grösseres politisches Gebilde, wie es Azzi-Hajaša zweifellos ist in dem angegebenem Sector der hethitischen Ortsgrenze nur denkbar, wenn es die Euphrat-Strasse Erzingan—Erzerum einschliesst" (см. его статью в журнале „Revue hittite et asianique" под заглавием „Bemerkungen zu dem heth. Text", стр. 24—25). Французский же ученый Ф. Кавеняк в своей статье в том же журнале RHA за 1934 год, факс. 7, под заглавием „Le premiere royaume d'Arménie", пишет: „Le Hajasa a été au XIV-e siècle une grande monarchie, couvrant toute l'Arménie occidentale" (стр. 14). Подробнее об этом государстве армян, занимавшем районы поздней Малой и Высокой Армении, см. в моей работе „Хайаса—колыбель армян" (Ереван, 1948).

фицировали имя хайасских племен в лице Хайка, — явление, самое обыкновенное в древности, судя по письменным (литературным) источникам того времени, особенно по библии. Этому соседству, и отчасти смешанному расположению хаев и занов (=лазов и мегрелов) мы обязаны проникновению в армянский язык исконных «занских» слов, хотя не отрицается и общее происхождение некоторого их количества. На бытование в армянском языке (в древнеармянском и диалектах) многих этих лазо-мегрельских слов впервые обратил внимание Н. Марр, хотя он в свое время и не был в состоянии объяснить причину их проникновения и распространения; это я ставлю в географическую и культурную связь, исходя из наличия еще за 15 веков до н. э. «царства» Хайаса-Аззи.

Греческие и римские источники сообщают о разных народах и племенах в этом юго-восточном Причерномории, из которых главные—колхи (о них говорит и одна надпись урартского царя Сардура середины VIII в.), хои, вихиры, тибарены, мосхи, халибы, халдаи, санны, иверы и др. Интересно для нас наименование armeno-chalybes (у Плиния), что буквально значит «халибы, живущие у армян», а не смешанное какое-то племя или народ. Подобное имеем и в наименовании suanno-kolchoi „сванские колхи", арм. egersuan-kh „егрские (мегрельские) сваны».

К северо-западу от „царства" Хайаса хеттские источники упоминают и культурные племена палайцев (palā) с их особым языком, который, к счастью, стал нам отчасти известным, благодаря работам Г. ван Оттена и Боссерта. Эти племена, славившиеся своей торговлей, вместе с хайасцами эмигрировали главным образом в Урарту, образовав ядро армянского народа. Главной причиной этой миграции было, несомненно, киммерийское давление. К этому же концу VIII и началу VII века часть грузинских племен двинулась к среднему течению Куры, как полагает по топонимическим данным А. Болтунова. Араратская долина с Армавиром и Арташатом стала первым доменом для новообразовавшегося армянского народа, а среднее течение Куры с городом Мцхета — для грузинского народа. Судьба этих двух народов поразительно

сходна в их этапах исторической жизни. Даже есть данные у классических писателей, что ахаи, если в них видеть абхазскую форму хаев, т. е. жителей Хайасы, частично переселились по побережью Черного моря, будучи между Батуми и Сухумь, а от названия племен пала остались в Грузии топонимические имена Палакацио, не говоря о двух «паладиалектах» в сванском языке. Эти основные этнографические единицы армян — племена хаи и пала — частью двинулись и на север, в Грузию.

Но армяно-грузинские взаимоотношения в языковом и этнокультурном деле сложились не только в период их племенного состояния в бассейне Чороха и верхнего Евфрата, но и позже, когда они образовали на новых местах уже самостоятельные объединенные народы и государства. И если в этот новый период самостоятельного существования языковые влияния скорее должны носить характер заимствования, то раньше, в период племенного и смешанного местоположения в районах Чороха и пр., общие слова и формы большей частью могут быть обоюдного характера или взятые из одного общего источника. Даже армянские княжеские фамилии Багратидов и Мамиконидов сбытовались на этой общей этнокультурной арене районов Спера и Тайка. Первым из ученых, подчеркнувшим этот начальный армяно-грузинский этнокультурный и языковый субстрат в названных районах, был Н. Марр, столь много давший арменоведению и грузиноведению в первый период своей жизни.

Я здесь хочу конкретно остановиться на армянозанских языковых отношениях, исходя из наличия факта географического, этнического, культурного и языкового соседства этих западных грузин с армянским этническим миром. Следовательно, в первую очередь должна быть точно и исчерпывающе выяснена именно эта область или участок армяно-грузинских языковых отношений, а затем уже должны ставиться и решаться вообще армяно-грузинские языковые вопросы. Хотя многие ученые так или иначе затрагивали эти вопросы, в частности Н. Марр, Р. Ачарян, А. Шанидзе, И. Кипшидзе, А. Мурвалян и др., тем не менее в свете новооткрытых древних

языков Малой Азии (хурритский, клинописный и иероглифический хеттские, протохеттский, палайский, лувийский) армяно-грузинские языковые вопросы во многом могут быть заново поставлены и лучше решены, чем до сих пор, не говоря уже о многих элементах армянского языка, независимых от этой проблемы.

Остановимся подробно на армяно-занских языковых отношениях и в первую очередь выясним вопросы фонетики, а затем совместной лексики и отчасти морфологии.

ФОНЕТИКА

Прежде всего нужно подчеркнуть ту фонетическую соответственность, которая, как закономерность, наличествует между двумя ветвями общегрузинского языка — между западной ветвью, т. е. лазо-мегрельской, и восточной ветвью, т. е. картской. Аналогично такому же явлению в других языках, например, в семитических, эти группы грузинского языка можно назвать шипящей (или š) и свистящей (или s), наподобие русскому чоканию или цоканию.

Приведем это известное всем звукосоответствие:

Восточная группа	Западная группа
s	š
z	ž
dz	dž
c(=ths)	č(=thš)
ç(=ts)	č̣(=tš)
e	a
a	o
l	r
r	r или dž
неполногласие	полногласие

Армянский язык примыкает к шипящей западной группе, если исходить из наличия совместного существования одинакового корнеслова во всем грузинском языковом мире.

Конечно, есть армянские соответствия, примыкающие только к картской ветви, что нужно учитывать при исторически иной ситуации.

Армянский язык имеет, подобно общегрузинскому, обилие свистящих (сибилянтных) согласных, ибо субстрат азиатических языков, отчасти и семитических, оказал на армянский благоприятствующее воздействие. Также присуще этим языкам богатство простых и сложных согласных (аспиратов и аффрикатов). Армянский язык, подобно урартскому и грузинскому, избегал соседства или стечения двух одинаковых согласных (consonne géminée) разными способами, большей частью сохраняя только один согласный. Например, имя народа manna, переселившегося отчасти на территорию западной («Высокой») Армении, звучит территориально Мапан (Մանաղ) или Мапапан (Մանանաղ) подобно еврейскому слову mannā «манна», так же дающему этот вид произношения manapa с разделением длительного «n» (nn) на два отдельных «n» с вставкой меж ними гласного «a». Но армянский язык резко отличается от грузинской языковой группы тем, что избегает начинать слово с двух и более согласных, за исключением стечения sp, st, sk, šp, št, šk, špʰ, štʰ, škʰ и подобных, а современные диалекты избегают и этого стечения, совсем как в новоперсидском, арабском или тюркских языках. Грузинский же язык, наоборот, любит нагромождать согласные в начале слова, иногда чуть не до пяти.

Из сравнительного изучения общего армяно-грузинского корнеслова мы можем установить то фонетическое положение, что армянский фонетический облик этих древних общих слов и корней отражает состояние звукового облика грузинского языка до пятого века н. э., т. е. до тех времен, когда грузинский язык еще не создал так называемых «децессивных рядов» (по терминологии Г. Ахвледиани). Это подтверждается и древнейшими грузино-семитическими лексическими связями. Дело в том, что грузины многие согласные, вероятно вследствие особого нажима языка при их артикуляции, как бы их раздванивают, прибавляя заднеязычный новый придаток (взрывными и фрикативами) и, например, из ç (ʒ) полу-

чается новое çk (ჶ) или çk (ჶ), из ç(ჳ) новые čk (ჯ) или čk (ჯ), из c (ც)>ckh (ცჰ) или cx (ცხ), из č (ჩ)>čkh (ჩჰ) или čx (ჩხ), из dz (ძ)>dzɣ (ძღ), из z (ზ)>zɣ (ზღ) или zg (ზგ) и т. д. Н. Марр приводил следующие примеры соответствий: груз. zɣapari «сказка» при арабс. dzabar «слово, речь, изречение»; лазское zesqu <*zesu) «дрозд, орел, черная птичка» (=груз. šawšia, šošia) при древнееврейском sus «ласточка»; груз. zɣvari «граница» при древнееврейском sfar (id.); груз. šxami (<*šami) «яд» при арабском sam, сирийск. semā «лекарство»; груз. dzɣveni (<*dzveni) «дар, подарок» при арм. dzawn (id.); груз. cxviri(из *cviri) «нос, морда» при эламском siri и арм. cəf-uk (корень cif-) с тем же значением (из его лекций, см. также ЗВО, XXII, 85). К этим примерам я бы прибавил и следующие: груз. zɣua (из *zua) «море» при урарт. şue (=tsue) «море, озеро», арм. çov „море"; груз. sçavla (<*savla „учить" при арм. sovor-el (id.) с диалектическим savr-el>sarv-el (id.). Как видим, арм. sovor при груз. sçavl- <*savl- имеет западно-грузинский вид, т. е. полногласную форму и с перерождением «l» в «r».

Армянский язык с диалектами примыкает к западной ветви грузинского языка также и тем, что, помимо своего фонетического облика, общего с этой западной или š группой, он имеет еще полногласие, как армянское sovor-el «учиться» при картском sçavla, т. е. додецессивная *sçavl- регулярно на западно-грузинской почве должна была дать и полногласную форму и перерождение l в r, как закономерность, т. е. sowor-, а может быть и *šovor-. Это полногласие, как ассимилятивное явление, свойственно и другим языкам: например, из старого грод (град) образуется новое полногласное город. из хлод (‖ хлад) — холод, из влос (‖влас) — волос, из врот — (‖ врат) — ворот и пр. и пр., в которых первичны хлад (ср. нем. Kalt), град (ср. нем. Gart-en), влас (ср. перс. vars, арм. заим. vars «волос») и пр. Ср. новоармянские voskor «кость» из древнего oskr, новое kolor из klor «круглый» и т. п. (см. об этом ниже).

Из грузиноведов А. Чикобава склонен считать полногласие в грузинском языке первичным, а не вторичным явлением,

как трактовали до сих пор: «полногласие основ являлось исходным состоянием картвельских языков» (см. его статью «О лингвистических чертах картвельских языков», напечатанную в «Известиях» АН СССР, том VII, вып. 1, отд. лит. и языка, 1948, стр. 28). Во всяком случае в древнем литературном языке (картском) мы не находим этого полногласия, а армянские древние заимствования обнаруживают полногласную форму и звуковые перерождения, присущие сейчас лазо-мегрельским языкам. Констатируется, например, при грузинском (картском) kreba «собирать» — мегр. korophua, при карт. khmari «муж» — мегр. khomodži, при картском dzaɣli «собака» — мегр. džoɣori[1] и т. д.

В армянском языке кроме уже упомянутого sovor-el «учиться» имеют западногрузинский вид также слова gorov „любовь", „сострадание", xorov-el «сжарить», šołokh-orth-el «льнуть, подлизываться», šołom-el (id.), xorom «маленький сноп травы» и пр. Например, слово gorov я бы сравнил с картским kvar-«любить, любовь», что в полногласии дало бы kovor-, метатезой korov-, что стало арм. gorov. Затем арм. xorov- явно связано с груз. xurva «жарить», как полногласная форма, а не индоевропейского происхождения с корнем xor- и суф. -ov, что с глаголом xar-el «жечь» связывается с индоевр. qor-‖qer-, откуда гр. kéramos «гончарная глина, керамика, сосуд», лат. cremō «сжигаю», древ.-верх. нем. herd, англ. heart «очаг», слав. курить и пр. (см. Ачарян, «Корневой словарь», III, 397—8, 628—9). Наконец, арм. šołokh-(orth) Н. Марр правильно сличал с карт. slekha «гладить, смягчать» (ena moslekhili «мягкоязычный, льнущий», см. Н. Марр, «Осн. таблицы к грам. др.-груз. языка», СПб, 1908, стр. 6, прим. 8). Такие возможности, конечно, должны быть учтены и в дальнейшем.

Лазо-мегрельская группа имеет одну фонетическую особенность, которой нет в картском, но она имеется и в армянском. Нам известно, что картскому l в родственных словах

---

[1] В арар. арм. диалекте есть слово xaɣar вместе с šun „собака" (xaɣar šun). Это—маленькая собака, живот которой близок к земле, вследствие коротких ног.

эта западная грузинская ветвь противопоставляет «r», как и обыкновенному картскому «r», но и этим дело не кончается. Зачастую мы видим, что сонорное «r» перерождается в аффрикат dž (ჯ), каковое явление свойственно и армянскому, особенно современным диалектам. Так, например, картское sizmari «сновидение» находит себе соответствие в мегр. ezmodža, картское khmari «муж» при мегр. khomodži, картскому suli «душа» отвечает лазо-мегр. *šuri, давшему новое перерождение šudži>šundži>šundi, что перешло и к армянам в форме šunč (շունչ), подобно как при картском m-çer-l «муха» в этой западной группе имеем čadži>čandži>čandi, что также перешло как заимствование в армянский язык в форме çanč (ճանճ) «муха».

Но этот переход r>dž в армянском имеет и самостоятельное применение. Даже больше того. В армянском есть и переход ŧ>dž. Примеры имеются при втором компоненте повторов с корнем на эти звуки в конце. Так, например, в современном араратском диалекте есть довольно редкое слово muŧ (մուռ), которое трудно точно перевести и приблизительно значит «ноющая или внутренняя боль», переносно «злоба, месть» (muŧə hanel «выявить злобу, отомстить»), отсюда удвоенное məŧmuŧ (напр., məŧmuŧə tvec džanis «боль обдала (охватила) мое тело»), но и mərmundž с тем же значением (напр., votəs məŧməŧəm a или votəs mərməndžəm a «нога моя ноет»). Но имеется и омонимное mərmundž со значением «шопот, шушукание», откуда mərməndž-al «нашептываться», как удвоение из *mərmuŧ, откуда məŧməŧ-al «глухо ворчать» (о собаке). Древнее слово tərtundž «ропот» имеет такую же историю образования и перерождения, а именно было первично слово *tur- «ропот», потом удвоенное *tur-tur, откуда измененное tərtundž, с чем я связываю мегр. n-dur «роптать, быть недовольным» (начальное «n» — новый развитой звук или из преф. m-, как и в корнях n-džapi «тутовое дерево», n-tveri «пыль», n-gar «плач», n-çaге «горький» и др.); картское слово trtin-va «роптать» хотя и одинакового происхождения, но по огласовке дальше отстоит от мегрельского корня dur- и арм. *tur-. Нет сомнения, что так же нужно анализировать и арм. ś(r)-šundž «шопот» (от корня *šur-).

Перейдем к звукопереходу l > dž. Примеры: от простого арм. dol-al «дрожать» имеется повтор dołdol-al, но и dołdodž-al, от bał «слово» имеем barbał-el «говорить», но и barbadž-el «говорить вздор», от phajl «блеск» из начального phal-(id.). — как есть ɔsojl «луч» и ɔoł (id.), ardzoll «сеть, невод» и ardzoł и т. д.,—мы имеем phalphal-el „блестать", pholphol-el (id.), но и palpadž-el (id.), и т. д.

В армяно-занском фонетическом взаимоотношении наряду с общностями иногда проступают и некоторые отступления, которые невозможно пока объяснить. Например, при мегрельском činu (или činl) «прут», лазском činu или čunu (id.) имеется арм. džin (id.), вместо ожидаемого *čin; или при мегр. čama «питать, кормить» имеем арм. džamb-el (*ǯamʻp-bl*) с тем же значением, где корень džamb- развился из *džanm- < *džam-. как арм. damb «сеть, невод» при перс. dām, арм. kałamb „капуста" при современном khalam (id.), арм. patškamb «балкон» при перс. pīškom (id.) и т. д. Есть даже такие несомненно родственные соотношения как грузин. ɔпеха «давить», мегр. o-činax-e «давильня», «точильня» и арм. čənǯ-el «давить», которые я сопоставляю с аккадским (ассиро-вавилонским) sanāḳ-u «давить». Грузинские формы ɔпех- ‖ činax- вполне закономерны и близки к семитической sanāḳ-, армянская же форма дальше развилась от мегрельской činax- и через *činx- стала činǯ-, что и видим в čənǯ-el (с закономерной редукцией безударного i в ə). Переход же «x» в „ǯ" хотя и редок в армянском, но все же наблюдается (ср. xərtnum ‖ ǯərtnum «пугаюсь, отбегаю», phxur (<phuxr) ‖ phǯur «мягкий, крошить», арар. диал. ləxk-el «размягчиться» при ləǯk-el «оттаиваться»).

ОБЩИЙ КОРНЕСЛОВ

Рассмотрим те общие слова и корни, которые присущи армянскому и лазо-мегрельскому языкам. Сперва изучим те общности в лексике, которые нельзя подвести под категорию заимствований, а затем эти заимствования с армянского на лазо-мегрельский и обратно.

Здесь эту общую штудию я хотел бы предварить рассмотром звукоподражательных общих слов, в которых проступают и некоторые фонетические явления, о которых выше уже было сказано.

Так, например, в мегрельском имеется слово barbanči „шум, шуметь", которое стоит в связи с лазским barbal-aph «говорю вздор» и армянским barbandž-em (id.), при их общей повторной форме barbal- или barbar- с перерождением последнего «r» или «l» в аффрикат „dž" и с возникновением перед ним нового «n», что—частое явление. Точно так же—при лазском xirxin- «ржать» и мегрельском xirxini или xurxini «храпеть, пыхтеть», что есть и в дагестанских языках (ср., напр., аварское xirxiriza «ржать»), армянский язык дает перерожденную форму xərxindž «ржание» (xərxandž-al „ржать") из *xirxir, где последнее «r» превращается в аффрикат „dž" с вставлением перед ним «n». Наконец, в армянском наличествуют две формы thərthəf-al «биться» (о сердце) и диалектное (арар.) thərthəndž-al «шевелиться, беспокоиться» (о ребенке при болезни) из первичного корня *thif- «дрожать, биться», что видим и в лазском повторе thirthin- (o-thirthin-u «трепетать, дрожать»— в Холе, см. Н. Марр, «Грам. чанск. языка», 147). Я уже говорил об аналогичном образовании из корня tur- «ропот, роптать» мегрельского n-dur- «роптать» (откуда ndurili «ропчущий, недовольный»), грузинского drtinva (из dur-tuin-va) «ропот» и арм. tərtundž «ропот» из *turtur- с изменением «r» последнего компонента повтора на dž и вставлением нового «n», как в вышеназванных всех примерах.

Оставляя сходство звукоподражательного gor- «греметь, кричать» в лазском b-gor-am «кричу, ругаюсь» и арм. gorf-al (id.), я бы обратил внимание на лазский корень bγor- «мычать», вышедший из простого bor- (где bγ—осложнение из b) и арм. borf-al или porf-al «кричать», подобно звукоподражательному же характеру лазского bγu «филин» из *bu, что видим в армянском bu «сова».

ОБЩИЕ НЕЗАИМСТВОВАННЫЕ СЛОВА

Приведем армянские слова и затем соответственные лазо-мегрельские корреспонденции.

1. Akandž (ականջ) «ухо» соответствует лазо-мегрельскому kudži «ухо» причем для армянского слова исходной формой нужно считать a-kvar с протетической «а», что в армянском очень частое явление в отношении соседних и родственных языков. Лазо-мегрельское kudži развилось из kuri, что и предстоит в грузинском, как имеем лазо-мегрельские pidži «рот, лицо» при груз. piri (id.), džidži или džindži «корень» при груз. dziri (id.), phudži «корова» при груз. phuri (id.) и т. д., то есть обыкновенный заукопереход «г» в аффрикат „dž", для чего мною приведено много примеров из лазо-мегрельского и армянского в отношении картского. Праформа *a-kvar стала *a-kvadž>akandž с выпадом срединного v, как имеем в лазском (в гор. Хопе) kvali «сыр» и kali (в Атине) «сыр». Армянское заимствованное из той же лазо-мегрельской языковой группы očxar «овца», несомненно, имело раньше форму *očxvar в соответствии с груз. cxovar-i «живой, животное» с протетическим «о», ибо армяне с двух согласных слова не могли начать. Таким образом, и здесь akvar стало akvadž>akadž>akandž, с новым вставным «n» перед „dž", что, как видели, — обыкновенное явление. Общегрузинская же форма kuri «ухо» должна была иметь более старую форму kuar (kvar), как имеем у лазов kuri «ворона» и kvari (id.). Мне думается, что праформа kvar «ухо», при стянутой форме kur у грузин, была у хайасцев и стала akvar>akandž. Напрасно А. Мейе это армянское akandž считал индоевропейским словом и формой двойственного числа от арм. unkn «ухо». Принимая это мнение, проф. Ачарян вынужден был, тем не менее, сказать: «формально очень искажено это akandžkh и этимологически трудно объяснимо» (см. его «Корневой словарь», I, стр. 79). В армянских диалектах есть даже форма akundž (у карабахцев angudž-andžug, у зокцев, джульфинцев angudž и т. д.), что может свидетельствовать о древней форме akun(n)dž из *akur и *akvar.

2. Barti *(բարի)* «тополь, populus pyramidalis», которое, по Ачаряну, перешло к мегрелам в форме bardi «куст, терновый куст, чаща» (по переводу И. Кипшидзе, «Грам. мингр. яз.», стр. 201), грузинам в форме bardi «чилига» (по словарю Чуб., 1887, 97) и абхазам abard «чилига, куст» (см. у Ачаряна «Корневой словарь», I, 1033). Но, как видим, значение довольно разное, с одной стороны, «тополь», а с другой — «чилига, куст». Армянские все диалекты (Алашкерт, Муш, Харберд, Ван, Ереван, Зейтун, Мокс и др.) под bardi понимают также «тополь»; в Адане это слово означало «тын, изгородь для садов», в Евдокии «строительный материал», который вообще готовится из тополя (см. у Ачаряна, там же). По-моему, тут не нужно ставить вопроса о заимствовании, главным образом из-за разного содержания. Одного корня с ним и имя города Bartav или Partav с суф. -av, что имеется и в груз. Telavi, Curtavi..., арм. Dzirav, Ordnav, Sukav и пр. (см. мою работу «Ист.-линг. значение топонимики древней Армении», Ереван, 1940, стр. 110).

3. Bax-el *(բախ-ել)* «бить, ударить», что, по Ачаряну, передалось лазо-мегрелам в том же звучании bax- и с тем же значением. Это, по-моему, недоказуемо. В арм. языке bax- развивается в новую форму baix-el и удвоенное babax-el для усилительного значения. Вероятно, этот корень был присущ племенам района Чорох — Понт, т. е. палайским, хайасским и грузинским («занским») племенам и носит звукоподражательный характер.

4. Ger *(գիր)*—редкое слово, обнаруженное Норайром Бузандаци в выражении ger gorç-el, и значит «плач» (встречается в «Толковании послания Павла» Иоанна Златоуста, Венеция, 1862, т. I, стр. 206, 492, 751, 832). Почтенный армянист сравнивал это арм. ger с перс. γirī «плач с громким криком» (см. у Ачаряна, «Корневой словарь», II, 139—141). По Ачаряну, можно поставить вопрос о заимствовании армянами этого персидского слова, ибо имеется звукосоответствие перс. γ=арм. g (перс. γund=арм. gund), но огласовка их мешает этому (ibid., 141). По-моему, мы должны для этимологии арм. ger «плач» первым делом иметь в виду мегр. gara, n-gara «плач, вопль» (см. у И. Кипш., 214), лазское m-gar- (o-mgaru, o-

ngar-in-u) или bgar- (o-bgar-u, o-bgar-in-u) с тем же значением «плакать» (см. у Марра, «Грамматика чанского языка», 116). В грузинском этого корня gar- «плакать» не имеется.

5. Gort *(գորտ)* «лягушка» сравнивается с латышским warde, восточно-латыш. vargle, литовским varle «лягушка», выводя все эти формы из общего «праязычного» wordo- (см. «Корн. сл.», II, 287). Но, конечно, это несостоятельно из-за присутствия этих слов у далеких друг от друга только двух языковых групп, а, во-вторых, наличествует близкое армянам мегрельское gorti с тем же значением, что Ачарян хочет считать заимствованием с армянского (ibid., стр. 288). Но нужно было учесть наличие и тушинского Kuarti «лягушка». По-моему, все эти gort—Kuarti—кавказского происхождения и носят скорее звукоподражательный характер.

6. Dox *(դոխ)* в современных армянских диалектах, начиная от Эрзерума через араратский и кончая карабахским-карадахским диалектом до Бананца и Гандзака, значит «подросший птенец голубя или курицы» (см. диалектологические словари Аматуни, стр. 169, 603, и Ачаряна, 282). И. Кипшидзе в своей «Грам. мегр. языка» (стр. 228) с этим армянским словом сопоставляет мегр. doḳia «курочка», что конечно, правильно. Мегрельское -ia есть суффикс уменьшительно-ласкательный. Следует отметить редкое звуковое явление соответствия арм. х мегрельскому (грузинскому) ḳ или k; ср. новоарм. dox (древнее doxn) «деревянный сосуд над жерновом, куда ссыпают зерно» и сумеро-аккадское duk или dug «сосуд» (и детерминатив для имен сосудов). Имея в виду, что арм. dox «молодой голубь, курочка» употребляют ахалкалакские и ахалцыхские армяне, т. е. выходцы из Эрзерума, затем араратцы (Аштарак, Ошакан, Эчмиадзин), а жители Бананца и Карадага говорят на карабахском близком диалекте, получается какое-то историческое направление с Эрзерума (восток Хайасы) через долину Аракса к Карабаху, т. е. путь, которого придерживалась часть хайасцев и балайцев, при движении с долин Понта и верхнего Евфрата на восток по долине Аракса, до последних заселений «племен бала» (karabala=Карабаг) и «страны бала» (арм. bal-ac aśxarh=Зангезур).

7. Erindž (երինջ) «телица» (двух лет) и ardž-aɾ (արջառ) «крупный рогатый скот» (сейчас «бычок»). Н. Марр считал их заимствованными с мегрельского oridži или orindži «скот» и ordži «корова» (ИАН, 1912, стр. 834). Ачарян считает это несостоятельным, ибо в других кавказских языках подобных слов мы не находим, и ставит вопрос об обратном заимствовании. По-моему, на пространстве Понт-Колхида и района верхнего Евфрата (Хайаса-Аззи) сбытовал корень ridž- с протетическим «а» или «е» (т. е. aridž- ‖ eridž-), что свойственно фонетике армянского, хеттского и хурритского языков, а в занских языках с протетическим о, на место картского (и армянского) «а», хотя в картском нет этого слова. Арм. ardž-aɾ получилось из ar(i)dž-al, а erindž имеет только вставочное перед „dž" новое «n», как общее явление. Тем самым мы не можем ставить вопроса о заимствовании. В лазском подобного слова не имеется; быть может вышло из употребления.

8. Xon-an-al или xun-an-al «линять» в современных диалектах (Арарат, Казах, Лори, Карабах, Тбилиси). В лазском (восточном) языке имеется корень xin- (неопр. форма o-xin-u) «бледнеть, линять, желтеть» (от лихорадки) —см. Н. Марр, «Грам. чанск. яз.», стр. 232. Лазская форма употребляется в городе Хопе, в западных же говорах (Атене, Вице) мы бы ожидали вид xun-, т. е. более близкий к армянскому xun-, чего сейчас не застаем. Но все же это чередование u (o) ‖ i в этих лазских говорах считается нормативным, как то: западное nusa «невеста» при восточном nisa (заимствовано из индоевр. *snusa «сноха»?!), зап. gub- и вост. gib- «варить», guth- ‖ gith „стоять", thor- ‖ thir-„уносить", kod- ‖ kid- „строить", škor- ‖ škir- „быть голодным", cor- ‖ cir- „просевать", çoɲ- ‖ çin- „вешать" и т. д. Так что арм. xon- или xun- „линять" имеет западно-лазский вид, но нет веских данных, чтобы ставить вопрос о заимствовании их из одного языка на другой. Армянские диалекты (северные) довольно богато используют этот корень xon- или xun-. С другой стороны, армянский язык может сблизиться с восточной лазской формой, а не с западной. Например, в лазском имеется западная фор-

ма cor-. «просевать через сито» при восточном (в Хопе) cir- (id.), с чем сходится арм. cir *(ցիր)* „рассеянный", хотя нужно иметь в виду, что к этому восточно-лазскому примыкает и мегрельское cir- (неопр. форма cirua) «просеивать» при картском cra «посыпать мукой, моросить (дождь)». Арм. форму cir напрасно связывают с санс. čhuráyati «сеять» Петерсон и Ачарян («Корневой словарь», VI, 1069—1071), как индоевропейское образование от корня sḳ'ĕr-.

9. Ç a r a *(ծառա)* «слуга, раб» употребляется с древнейших времен. В конце формально пишется «j», что, как показывает этимология, не имеет значения. По последнему же «a» примыкает к ряду слов, происходящих большей частью из южных пределов исторической Армении, как phesa «зять», egeha «дитя, ребенок», Aga (имя божества), təła «мальчик» (арам. слово), tarra (id.), ənça «подарок» и т. п. По происхождению это армянское çaŕa неотделимо от хурритского šarr- или zarr- «раб, колон, слуга», значение которого сейчас уточнено по сумеро-хурритскому двуязычному словарю (см. мою работу «Хурритские слова армянского языка», Ереван, 1951). Хурритские разные писания šarr- или zarr-, что, видимо, отображает местное диалектное произношение (шипящее и свистящее), отложились не только в армянском çaŕa (где вместо арм. „ŕ" в клинописи всегда двойное rr), но и в мегрельском ç̌kori «раб» из старого *ç̌ori, как лазо-мегрельский глагол ç̌kom- «есть, кушать» получился из *č̌om- (ср. груз. ç̌ama «есть, кушать»). Мегрельское старое *ç̌ori «раб», вероятно, звучало раньше *ç̌orri, ибо грузинская языковая группа избегает двойного согласного. Мегрельское ç̌or(r)- есть точный фонетический эквивалент армянского çaŕ-(a), если отбросить конечное («арамейское»?) гласное «a». Возможно, что и в Армении бытовала форма *çaŕa, как, напр., имеем zawak «дитя» (общего рода) и çawak-eth «дитя» (женс. пола). Нет сомнения, что к этому *ç̌or(r)- «раб» примыкает и производное ç̌ort «крепостной, раб», известное у армян с X в. и в современных многочисленных диалектах. Грузинское (картское) ç̌orti, не известное в древней литературе, значило по словарю Чубинова «статуя», а по лексикогра-

фу С. Сулхан-Орбелиани «крепостной с одним отрезанным ухом». Н. Марр готов был и русское «черт» связать с этим армяно-груз. çort, что можно было бы защитить в том смысле, если çort был слугой подземного бога (а слуги у богов известны из древней литературы, напр., клинописной). Мегрелы свое слово çkori (<*çori) могли взять с юга и без посредства армян, о чем см. вышеупомянутую мою работу.

10. Çəkəth-el (ծլկլթ-ել) «прорастать, пробиваться» (растение, зуб) употребляется в современном араратском диалекте и в точности соответствует мегрельскому dzgud- (ძგუდ-) «расти, прорастать, пробиваться». Интересно то, что мегрельский корень состоит из звонких согласных (dz, g, d), а в араратском наличны глухие (ç, k, th). Если мегрельское начальное dzg (ძგ) развилось из одного dz, то армянское слово придется считать заимствованным, а такую «децессивность» не удается пока установить. То же самое я бы сказал и относительно араратского čəmkəth-el «щипнуть» (в других диалектах kəčməth-el) и мегрельского çkitonua «щипнуть», где арм. согласный ряд č-m-k-th соответствует мегрельскому ç-k-t-n с перескоком (метатезом) звука «п».

11. Kinč (կինճ) или kindž (կինջ) «кабан, дикая свинья» Н. Марр справедливо сопоставил с лазо-мегрельским ɣedži (id.). Для соответствия лазо-мегр. ɣ армянскому k можно указать и на лазское ɣlep «мягкая кожура грецкого ореха» и арм. klep (id.), взятые из семитического (арамейского) мира. Ср. также арм. kuz «горбатый», kəz-an-al «согнуться» и мегр. ɣuz- «сгибаться, нагибаться».

12. Čət-el (ճըտ-ել) «закрыть один глаз и пристально смотреть другим», как, например, при стрельбе. Употребляется в араратском и харбердском диалектах (см. диал. словарь Ачаряна, стр. 737, и С. Аматуни, стр. 450). В Харберде говорится: çət-el «с полузакрытым глазом косо смотреть», çət-ik- или çətik-ačwi «с полузакрытыми глазами косо смотрящий». В Эчмиадзине это çət-el употребляется и сейчас. Корень нашего глагола çət- по армянской фонетике должен был быть при ударении çii- или çut-. Я сравниваю его с мегрельским çwit- или çut- «закрыть глаза» (см. у Кипшидзе, стр. 388).

13. Čoth (ճոթ) во многих армянских диалектах значит «кусок, кроха» (от хлеба, земли, платья и др.), «отрез, платье» (čoth afn-el «покупать белье»), «доля» (čoth anel «делить наследство»); ср. также čoth čoth gal как синоним ktor ktor gal «кокетничать». С прибавлением суф. t, т. е. čoth-t-el, получаем глагольное действие «разорвать» и т. п. (см. у Ачаряна, стр. 728, и Аматуни, стр. 442). Я сопоставляю этот почти общенародный корень čoth «кусок, доля» или «разорвать, делить» с лазо-мегрельскими формами: čkwid- ‖ čkid- «ломать, разрывать» čkod- «разорвать, оторвать» (Марр, «Грам. чанск. яз.», 226, 227) и čkwad- ‖ čkwid- ‖ čkod- «разорвать, истреблять» (у Кипшидзе, стр. 394), где начальное čk есть децессивная или осложненная форма от простого č. Особенно нужно отметить чередующуюся разновидность čkod- из čod-, вполне соответствующую армянскому čoth.

14. Čəxil (ճրխիլ) «внутренности с кишками» в диалектах Еревана (арар.) и Тбилиси, откуда čəxəl-el «раздавить», в Трапезунде čəɣl-el «давить», в Нор-Баязете čəxl-ul «раскисший от спелости» (абрикос и пр.), čəxəl-t-or-el (в Ахалкалаки) «раздавить, выжимать», и т. д. Чистый корень čəxl сохранился в араратском диалекте (čəxilə durs ekav «внутренности вышли») и сроден, по-моему, с мегрельским çilix-ual «сжимать, выжимать», лазским çilax-(-çilax-u) «давить руками, выжимать сок руками». Хотя арм. корень čəxil (собств. «внутренности как выжимки») по звучанию ближе к мегр. çilix-, чем к лазс. çilax-, а по согласному „č" даже лучше передает лазо-мегрельское шипящее состояние консонантизма, и хотя арм. глагол употребляется в северных диалектах, как Арарат, Лори, Казах, Тбилиси, Трапезунд и др., тем не менее вопроса о заимствованности не может быть. В самом же картском этого глагола нет.

15. Mərtim (մրտիմ) в араратском диалекте (Аштарак, Ошакан) означает «маленький сорт уток, с черной головой, серыми крыльями, отчасти с белыми прослойками, с коротким плоским клювом и короткими ногами» (см. у Аматуни, 495). Но в древней литературе есть mrtimn несколько в ином значении «морская рыбоядная птица», а в Араратской

низменности она — утка и водится в реках. Тем не менее это mərtim нельзя отделить от лазского слова martini «чайка», как переводится у Н. Марра.

16. Ošoš *(ոշոշ)* «ромашка» (по франц. camomille) употребляют наши диалекты (Арарат, Карин, Карабах), ošošik или ošošuk (в Муше), судя по словарям Ачаряна и Аматуни. В мегрельском языке (Кипшидзе, 295), как и в картском, тоже есть ošoša «будра, кротовик» (у Чубинова—ošmeše, ošoša, ošošia) В армянском языке имеется много названий растений на -oš, как nəšoš, theloš, mološ, alatoš (у Аматуни, 683) и пр., так что вопроса о заимствовании с какой-либо стороны пока невозможно ставить.

17. Orogajth *(ոռոգայթ)* «западня, силок» имеет корнем orog- и суф. -ajth, как имеется суф. -ajth и в слове čaŕagajth «луч» от глагола čaŕag-el «сиять, излучиться» (ср. сумерское zalag «блестящий» и хурритское слово zaiḫ «золото»). Этот арм. orog- мог быть чередующейся новой формой от обыкновенной arag-, как имеем sołop-el и saŀap-el «колебаться, спотыкаться» или же oč̣or-kh ‖ ač̣ar «потолок» (ср. лазс. čeri в Хопе, груз. čeri с тем же значением). И действительно, имеется aragaz и чаще eragaz (с суф. -az) «тенета для ловли диких животных». Но эта разновидность корня erag- наличествует и в лазо-мегрельских языках, как то: мегр. ragvi «западня для птиц», лазс. ragi (в Вице) «мышеловка», ereki (в Вице) и ireki (в Хопе) «силок для птиц», Нет сомнения, что лазо-мегрельские имена для западни и пр. образовались от мегр. глагола ragw- «набрасываться, накидываться», в связи с чем армянские eragaz ‖ aragaz, а возможно и orogajth, придется считать заимствованными. Но разнородность формы арм. глагола orog- и суффиксов (-ajth, -az), как и частое их употребление, не исключает считать армянское образование за общие слова и корни, принадлежащие многим племенам от Понта до Чороха и верхнего Евфрата. Армянские слова, несомненно, идут из Хайасы.

18. Sox *(սոխ)* «лук» — обыкновенное слово древности и современных почти всех диалектов (за исключением Карабаха и Шамахи). Считали его заимствованным из персидско-

го (sōx), хотя иранское происхождение этого слова не дается и отсутствует в других иранских языках (см. у Ачаряна, «Кори. словарь», VI, 316). Как справедливо указывал И. Кипшидзе («Грамматика мегрельского языка»), мегр. soxi «лук, цыбуля» наряду с персидским и армянским тем же словом может указать на «яфетическое» его происхождение. В связи с этим я бы хотел указать не только на малоазийское происхождение арм. pənduk «фындык», т. е. мелкого ореха (из pontic-us), не только слова «черешня» (от имени города Керасунд, арм. keřas «черешня», лат. cerasus, рус. черешня и пр.), но и арм. bal «вишня», лазск. buli, груз. bali, что я ставлю в связь с именем многочисленных и культурных balā или palā, живших в среднем течении реки Ирис, на низменных беззащитных местах. Так что в северо-западных частях Малой Армении, в Понте и окружии имеем культуру и наименование мелкого ореха (фындыка), черешни и вишни.

19. Vałordajn *(վաղորդայն)* «раннее утро, утро», i vałordajnē minč i vałordajn «с утра до утра, каждое утро». Этим словом переводится греч. heōs «утренняя заря, утро, рассвет»[1]. Слово это в первой части связано со словом vał «рано, скоро», а остальная его часть остается необъяснимой (нет и в „Кори. словаре" проф. Ачаряна). Эту часть ordajn я рассматриваю как существительное со значением «утро», причем -ajn считаю суффиксом, как имеется, напр., в слове orov-ajn «живот, утроба», ostajn «ткань, паутина». Корневую же часть ord- «утро» я связываю с мегрельским ordo «заря, утро», ordošo «к утру, на утро» (см. И. Кипш., «Грам. минг. языка», стр. 294), лазским ordo (Атене, Вице) «рано, быстро, спешно» (Н. Марр, «Грам. чанск. яз.», стр. 177). Как видим, в древнейший период армянского языка были редкие суффиксы *-az* (eragaz, aragaz), *-ajth* (orogajth, čałagajth), *-ajn* (ordajn, orovajn, ostajn..., и прил. un-ajn „напрасный", erk-ajn „длинный" и пр.), и это доказывается

[1] Ср. перевод греч. heōs-phóros „приносящий утро, утренняя звезда Сириус" с армянским vałordajnazgecik (см. Ачарян, „История армянского языка", II, 145).

на основании связей с лазо-мегрельской группой грузинского общего языка в долине Чороха.

20. Orov-ajn (որովայն) «живот, утроба» по Лидену из индо-евр. *qrop, что дало др.-верх. нем. hrëf или rëf «живот, матка», лат. corpus «тело», греч. prapis «диафрагма, сердце, душа», санс. krp «явление, красота», пехл. kerp «вид, форма» (>арм. kerp) и пр. (см. у Ачаряна, «Корн. сл.», V, стр. 597—599). Но фонетически это несостоятельно, ибо начальное q в армянском не должно было выпасть.

Слово orov-ajn как по корню, так и по суффиксу принадлежит автохтонному народу хаев, подобно ord-ajn „утро", ost-ajn «ткань, паутина», как того же происхождения другое синонимное слово phor «живот» (первично «полость, дупло, пустошь, выпуклость»), откуда phorotikh «внутренности». Но phor значит также «падь, лощина, ущелье» в собственных именах мест (напр., Koibaphor, Partizacphor, Berdacphor, Ureacphor и пр.), как правильно разъяснил еще Гюбшман. Такое же развитие значений мы имеем и в греческих словах от корня koil-os „выдолбленный (природой или искусственно), пустой, выпуклый, впалый» (о корабле, о лощине или гавани между горами и пр)., koiloma «углубление, русло реки, пропасть, обрыв», koilia «желудок, живот, брюхо, чрево». Имея в виду это древнее представление о выпуклости или вогнутости, вероятно в связи с небом (ср. лат. coelum «небо» и греч. koilos), и имеющиеся производные представления как в природе, так и у человека («пузо, живот»), я предлагаю арм. orov- генетически связать с мегрельским robu «ущелье овраг, ров» (см. у Кипшидзе, 308), лазс. ruba, oruba (в Атене) «ущелье с рекой, река» (у Н. Марра, 182), мегр rophe «глубокое корыто, выдолбленное бревно для воды и корма животных» (ibid., 309), груз. roba «корыто» (Чубин., стр. 1041). Первичный корень был (o)rob- ‖ (o)roph- со значением «впадина», откуда и производные значения «лощина, овраг» или „корыто, выдолбленное бревно" и т. п. В армянском серединное древнее „p" переходит в «w» в индо-европейских ew «и, также» из *epi, hoviw «пастух» из *ovipa и др., а начальное «o» слова orov-ajn есть повторение серединного «o»

из-за избегания слова с начальным «г». Тем не менее для генезиса этого начального «о» следует иметь в виду аналогичное образование и слова ost-ajn «ткань, паутина» с тем же суф. -ajn и начальным «о», что наличествует и в современном диалектном (Карабаг, Казах, Шуша) слове ost «пряжа (нитки), намотанная на веретене (шпенделе)», так что в начальном «о» нельзя видеть лазо-мегрельский начальный преф. о-, который в именах и прилагательных выражает место чего-либо, местопребывание, орудие, предназначение и пр. наподобие груз. sa-[1]. В этих же армянских диалектах есть и vostan (из ostan) в значении «деревянное приспособление для ткания ковра», как древнее ostajn значило «ткань (материя)» и «паутина», но и «ткацкий станок». Подобно ordajn «утро», orovajn «живот» слово ostajn своим корнем и редким -ajn свидетельствует о хайасском своем происхождении: корень ost- «ткать» (в древности и совр. диалекте Гориса и Карабага) и «прясть» (в «ost») я сравниваю с грузинским stva «ткать» (v-stav «тку», как пишет Н. Марр, см. его «Осн. табл.», табл. XIII) и sthva «прясть», sth-uli или na-sthi „прядённый" (Чуб., «Рус.-груз. сл.», 1887, стр. 1167).

Эти общие корни orov-(ajn), ost-(ajn) и ord-(ajn) у армян и грузин, несомненно, исходят от племен, обитавших в верховьях Евфрата и Чороха.

21. D z u l - e l «плавить» с корнем dzojl-, хотя есть и dzlwl-el и dzōl-el, что может свидетельствовать о твердом изначальном виде dzol- и мягком новом dzojl-. Этот корень хотят вывести из индо-евр. *g'hew- «плавить» с арм. придатком «l», как, напр., в греч. χυλός «сок, отвар». Это—очень натянутая этимология, как и этимология арм. dzawn «подарок» от этого же корня *g'hew-, к чему можно отнести только арм. dzew «форма». К армянскому же dzawn «дар» примыкает лазо-мегр. džʒon- «посылать в дар, дарить», как

---

[1] Возможно такой преф. о- имеется в древнеармянском слове oč'ir „преступление", понимая его как „предмет боли" в связи с груз. č'iri „боль, беда, горе". В таком случае армянское слово есть заимствование из лазо-мегрельского языка.

впервые отметил Н. Марр, что не есть заимствование с армянского, как трактует Ачарян. Что касается арм. dzoł- и -dzojl-, то этот корень первичный, а не от индо-евр. *g'hew- и принадлежит хайскому (не индо-европейскому) слою арм. языка, имея в виду мегр. dɣul- «плавить», «таять» (Кипш., стр. 288) и лазс. dɣul- «перезревать, прокисать» (Н. Марр, «Грам. чанс. яз.», стр. 141). Форма dɣul- несомненно из dul-, что не отдаляется по смыслу и звучанию от армянского dzoł-, особенно если иметь в виду частое звукоизменение d>dz в армянском языке.

22. Thaphur «деревянный поднос, блюдо», диалектные tephur (Харберд, Акн, Ереван, Себастия, Тбилиси...) или thephur (Хнус, Хамшен, Карабах...) обозначают то же самое блюдо, на котором кушают или очищают зерна (пшеницу, рис. и пр.), откуда араратское tephr-el «очистить зерна при помощи этого тепура» (особо двигают и подбрасывают). Это слово сближали с перс. tafur «каменный или глиняный сосуд», как источник армянских этих слов. Но персидское слово означает керамический или каменный сосуд, а не поднос или блюдо, а армянский предмет делается из дерева, что подтверждает и лазское tephuri «лазский круглый стол на одной низкой ножке», что Ачарян считает взятым из армянского языка. Но у армян не стол на одной ножке, а круглое деревянное блюдо вроде подноса. Источником всех этих слов я предлагал в одно время считать хеттское tapulli, употребляющееся в своде законов и переводимое Фр. Грозным и Каррутерсом через «поднос» (plateau), хотя Гютербок (см. ZA, N, F, X, 61) оспаривает это мнение, считая это tapulli за какой-то режущий инструмент, ибо может быть приготовлен из металла, но не нож. Сейчас мне предпочтительнее представляется все эти арм. thephur и tephur („блюдо, поднос") с лазским tephuri («стол») считать преобразованными формами от хурритского taprі— род стула ('a kind of seat', см. E. Sturtevant, Supplement to a Hit. Glos., 1939, стр. 42). Возможен ли был предметный и терминологический переход от стула к столу? При оправдании перевода Грозного и Каррутерса хетт. tapulli стало

бы источником латинск. tabula, греч. tabla и пр. с первичным значением «круглая доска».

23. Tunt или tundi у карабахских армян означает «бедро, зад», что в араратском диалекте звучит tət-ɪ или tutuz (для ребенка) -id. Этимологически я сравниваю с лазским tutuli «бедро», а все они вместе с обще-армянским tutn (совр. tut), откуда tət-un (из *tut-un) «оконечность, хвост», с чем быть может стоит в связи имя хайасского бога Trittituni (из tri-tutun „трехвостный"?). Ср. имя греч. бога Triton.

24. Phajl «блеск», phajlakn «молния», phajl-el «сиять, сверкать», народное phajlphəl-ei (id.) и пр. Здесь phajl представляется с мягким «l» и развивается в «jl», как имеем pəšojl и šoɪ «луч, светоч», ajl «другой» и вероятно *al в сложном at-aw-atei (=ajlajl-el) «извратить», ardzojl- ‖ ardzoɪ «сеть, западня», thojl «слабый» и thoɪ-ul «оставить» и т. п. На этом основании при phajl должна быть и твердая форма phal в удвоенном phalphal-el или phoɪphoɪ-el «сверкать», palpadž-el(id), народные pəlpəl-al ‖ pəzpəl-al (id) В этом фонетическом историческом аспекте первичным было phal- «сверкание, блеск», с чем я сравниваю лазское phaluri (в Атене, Вице) «пламя», что в Хопе метатезируется в phareli (см. у Марра, «Грам. чанск. яз.», стр. 193). Это phaluri первично было прилагательной формой с суффиксом -uri[1]).

25. Khith (քհթ) «нос» был присущ и мегрельскому языку в форме nikhithi «рыло, морда, нос». И. Кипшидзе, приводя это слово, отделяет начальное ni-, которое часто образуется в начале слов и чаще представлено одним «n». В мегрельском есть и другое синонимное слово džondžo «рыло, морда», в соответствие которого армяне имеют dunč (id.), как при мегр. džodža «ящерица» есть арм. dodoš с тем же значением, — ср. и akhra-thothoš (id.). В армянском иноязычное начальное ni- перед согласным передается как ən-,

---

[1] Подобное же субстантированное прилагательное я вижу и в армянском диалектном (в Аштараке) слове çinthur (ճ֊ն֊մ֊ր) „хилый, часто болеющий" (особенно о детях), что, по-моему, есть заимствование с грузинского.

напр., при груз. nigozi «орех» имеем арм. ənkojz (id.) при груз. niçi «дар, подарок» имеем арм. ənça (для чего в груз. ожидали бы *nici), при аккадском Nik (k)al, имени богини (из сум. Nin-gal «дама великая») имеем арм. Əngla—какое-то морское чудовище, что прошло через сирийское влияние (фонетическое и смысловое). В этом историко-фонетическом подходе арм. ənkojz «орех» при семитич. guz (id.) нужно считать заимствованием из грузинского.

Вообще вопрос об общих лексических элементах между лазо-мегрельским и армянским иногда требует учета и других многих сопутствующих условий. Например, лазо-мегр. dadi «бабушка» и babu «дедушка» в точности соответствуют народно-армянским tat и pap с теми же значениями, но проф. Ачарян для решения исконности их происхождения выдвигает не без основания их звукоподражательный характер, что правильнее было бы назвать детскими или лепетательными словами (Lallwörter). Затем, напр., в мегрельском есть kunta «низкий, безногий», dakunt-ua «скорчиться, стать безногим», к чему я бы отнес по близкому звучанию армянское диалектное kond «с расслабленными (парализованными) ногами человек», но все же мегрельское слово, видимо, не точно переводится. Точно так же для мегрельского çir („обед-ქომი) «обедня; жертвовать», если допустить первоначальное древнее значение «дарение, приношение», как это имеется в эволюции арм. patarag «дар» и позже «обедня», то можно было бы это мегрельское слово çir связать с армянским dzir «подарок, дар» (откуда dzəri «даром»), при допущении фонетической закономерности арм. dz=мегр. ç (=ts). В этом отношении я бы затруднился настоять на первичности арм. məžeł «шмель» (məž-ł-uk с суфф. -uk) и лазс. mžudži (id.), что говорит о прежней форме mžul- (при арм. mžeł < mžil). Далее можно со сравнительно лингвистических общих позиций, имея в виду столь значительное количество корреспонденций, сопоставить мегрельское xutil «обнимать» с арм. диа-

лектным (народным) xətil «объятие» (xətət-el «взять в объятия, обнять»), но трудно объяснить конструкцию этих глаголов. Другого рода трудности стоят, напр., при сопоставлении мегр. lax-ua «бить, избить» с корнем lex-el «крошить, избить» у ванских армян: во-первых, их значения несколько отдаляются и, во-вторых, эти языки очень далеко отстоят друг от друга, так что сходство этих глаголов случайное. Наконец, такие языки могут быть и близки географически, но фонетические условия могут свидетельствовать об их независимости, как, напр., мегр. olage «место для шага, чтобы перешагнуть», что И. Кипшидзе справедливо сравнивает с груз. ladźl «шаг». Армянское диалектное log «большой шаг» (в Арарате, Лори, Казахе и Карабахе) сродно этим словам, но вопроса о его заимствованности я не могу поставить, хотя армянское слово log (произносится lokh) обретается в северных областях, близко к Грузии. Таких сходных или близких случаев, естественно, может быть много, а в древности было еще больше. Но отсутствие литературы на этих лазо-мегрельских языках не дает возможности точно выделить как наличное в них количество слов и корней, не говоря о формах, так и более древнее их значение. Некоторым коррективом в этом отношении является древнегрузинский язык, как в отношении армянских диалектов подобную роль играет древне-письменный армянский язык с пятого века (грабар). Тем не менее, *приведенные мной более двух десятков общих слов (корней) между армянским и лазо-мегрельскими языками положительно решают вопрос об исторической и генетической связи между ними.*

А теперь мы возьмем лексические заимствования, которые, естественно, также были.

ЗАИМСТВОВАННЫЕ СЛОВА

Считают заимствованными из армянского следующие слова:

1) Anderi (лазс.) «беспризорный» по Н. Марру взято с арм. anter (*անտեր*), что состоит из ап- «без», „не"- и «владыко, господин».

2) Thani (лазс.) «пахтание» по Н. Марру есть арм. than с тем же значением.

3) Ma(r)karthi (лазс.) «закваска для простокваши» по Ачаряну взято с армянского однозначного makard (id.).

4) Maraka (мегр.) «скотный двор, помещение для свиней» по Кипшидзе и Ачаряну взято из армянского marag «помещение для сена и соломы», проникшее и к кавказским кюринцам (marak'w), курдам (marak) и восточным туркам в Анатолии (merek).

5) Omoksura (лазс.) «ясли» по Н. Марру взято из армянского языка, где имеем məsur «ясли», но лазское слово претерпело много фонетических изменений, подобно как груз. vašli «яблоко» стало у лазов uškhurl.

6) Phati (лазс.) «кусок доски» по Н. Марру есть арм. phajt «дрова».

7) Suriki (лазс.) „розовый скворец" (Н. Марр, «Грам. чанск. яз.», стр. 186) по Ачаряну взято с арм. sarek «скворец».

8) Bardi (лазс.) «стог, в частности папоротника, собираемого для унаваживания почвы» (Н. Марр, «Грам. чанск. яз.», стр. 129). Ачарян в своем «Корневом словаре» (I, 1003—1005) это лазское слово считает заимствованным с армянского, где bard (բարդ) значит «стог» (сена, скошенных хлебов) и „сложный", откуда bardak «группа, стог», bard-el «наваливать, усложнять, накапливать» и т. п. Это мнение правильное, ибо сами армяне это слово взяли у иранцев, из чисто персидского диалекта, где был корень bard, ставший впоследствии bul- (buland «высокий»), как имеем от sardar «начальник» (собств. «голову держащий») новое salar (id.), от старого vard «цветок, роза» новое gul (vard > vəl > gul, ср. курдс. заза vələk «цветок»). При чисто персидском *bard > bul-(and) «высокий» имеются авест. barzant «высокий, высота» (т. е. соответствие перс. *bardant), barzah «высота», пехлев. burz «высокий» (=перс. burz), осетин. bärzond (id.) и т. д. Слово bard сохранили и армянские диалекты Алашкерта, Харберда (Харпута), Карина (Эрзерума), Муша, Мокса, Вана и др., где оно значит «особая мера скошенного хлеба» (30—40 снопов). Лазы непосредственно не

могли перенять слово bardi от персов, без посредства соседствующих армян, ибо в грузинском (картском) этого слова нет; в соседнем арм. диалекте Эрзерума это слово приобрело новое значение «стог» в 30—40 снопов. То же значение имеется и у курдов (part «стог в 30 снопов»), которые также переняли это слово у армян.

9) Kherendi (лазс.) „коса", что Н. Марр сопоставлял с арм. gerandi. видимо как заимствование.

10) Gabari (мегр.) «плоскогорие» рассматривалось И. Кипшидзе, как сложение из ga «холм» и bari «равнина». По-моему, это мегрельское слово можно сопоставить с арм. gawaṙ «область», как заимствование, имея в виду также и малоазийское имя места Sargavr-asene, где sar по-хеттски значит «высокий», а все слово «Высокая область»(?).

11) Arvani «ступка деревянная» получилось из avani< havani, что как иранское слово передалось армянам в форме havan «ступка» (ср. пехл. hāvan, авест. havana, перс. havan и др.). Мегрелы взяли это слово либо от армян, либо от турок, что менее вероятно.

12. Riḳali «длинный, высокий» (напр., шея) мегрелы вероятно заимствовали у армян из *rkar<erkar «длинный», через прогрессивную диссимиляцию двух «r». У армян от корня erk- «длинный» есть не только erkar, но и erk-ajn с тем же значением. Корень kir- или ker- «длинный» и производное kirar (=krar) «длинный» есть и в хурритском языке.

Но есть, конечно, и обратные заимствования, точное количество которых невозможно установить, как и в первом случае. Пока можно констатировать следующие армянские заимствования из лазо-мегрельской языковой группы:

1) Bozi *(բոզի)* «солнце» приводится как армянское слово у лексикографа Еремии Мегринского (стр. 56), см. у Ачаряна «Корн. словарь», I, стр. 1127. Мне думается, что это слово заимствовано из западной ветви грузинских языков, имея в виду мегр. bža, лазс. mžora груз. mze, хотя возможно, что форма bozi немного изменена, как это большей частью

мы видим почти во всех словах издания упомянутого лексикографа.

2) Burdž *(բուրջ)* в арар. диалекте значит «почки только что озеленевшей ивовой ветви», с чем одинаково лазс. phurdźi «почка» (растений), dophurdže «сложился в почку, завязался, дал завязь».

3) Kakal *(կակալ)* «орех без зеленой кожуры» употребляется в армянских диалектах Хотрджура, Карина, Хамшена, Тбилиси (см. у Ачаряна «Провинциальный словарь», 540), а также в араратском диалекте, где есть такое выражение, как popokhə kakal anel или равноценное popokhə dzudzuk anel (произносится dz'ucug) «орех сделать какалом», т. е. удалить от сбитых с дерева орехов их зеленую кожуру. Говорят и kakal-el. Несомненно, оно заимствовано из лазо-мегрельского kakali с тем же значением, хотя оно налично и в картском.

4) Kčič *(կճիճ)* или kčuč *(կճուճ)* «горшок» употребляется в северных диалектах (Ахалцых, Ереван, Джульфа, Тбилиси, Харберд, Карабах, Агулис) в форме kčuč, а в Себастии и Арабкире в форме gədžidž *(գըճիճ)* или gedžig. Считаю заимствованным из лазо-мегрельских языков, имея в виду мегр. čkudźi, откуда и čkudi «сосуд», me-čkudže «гончар», а эта мегрельская форма получилась из *čudž как перебойная лазо-мегрельская («иверская») форма из более старого čur, что и сохранилось в древнегрузинском čuri, «посуда, сосуд, кувшин винный» (Чуб., «Груз.-рус. сл.», 1887, стр. 1715—1716). Армянское kčuč метатезировалось из мегр. čkudźi.

5) Čγopur *(ճղոպուր)* «орех» (в Карабаге) вышло из *čopur и соответствует мегр. čuburi «каштан» при картском çabli (id.). Быть может, форма čγopur < *čopur < čupur, как и новое значение («орех» вместо «каштан»), привнесено в современный Карабах (в промежуточных диалектах нет этого слова), т. е. в последнее место остановки „племен бала" (kara balá), именно этими балайцами, переселившимися с их восточными соседями хаями из Хайасы? Армянские диалекты со средних веков развивают старое „k" (в начале слова) в новое „kγ"

(или -kl*). -dž* в новое -džˌ*, -č* в новое -čˌ* независимо от такой «децессивности» в грузинском.

6) Čirt (*ճիրտ*) «нечистота глаз» — частое слово в древности и особенно в современных диалектах (čirt и čərut). Р. Ачарян считает его заимствованием из грузинского čirpli «гной на глазах» («Корн. сл.», т. IV, стр. 650), но арм. слово в точности отражает ожидаемую от *čirli лазо-мегр. форму čirr-i с корреспонденцией «r» вместо картв. l и с шипящей č вместо картв. č, так что арм. слово заимствовано из лазо-мегрельской языковой группы.

7) Month (*մոնթ*) «послушник, питомец духовной школы» употребляется в ряде новоармянских диалектов (Арарат, Ван, Лори, Алашкерт, Казах, Карабах и др., см. у Ачаряна, 793, и Амат., 488). Считаю заимствованным из лазо-мегр. языков: мегр. motha «внук», лазс. motha (в Хопе, Вице) «детеныш, внук», montha (в Атине) «детеныш», хотя значения в арм. и лазо-мегр. словах несколько отходят.

8) Očxar (*ոչխար*) «овца» есть заимствование: ср. лазс. čxuri, мегр. šxuri (id.), грузинская первичная форма которых есть cxovari, cxvari «живой, животное, овца». Начальное «o» в арм. očxar видимо, повторение серединного гласного в *čxovar, ибо армяне, избегая произношения в начале слов с двух согласных, большей частью вначале повторяют серединное гласное (ср. арм. ašxarh «имение, страна, мир» из иран. xšaθra и. т. п.).

9) Čandž (*ճանճ*) или čanč (*ճանճ*) «муха» заимствовано, как еще впервые отметили Н. Марр и Ачарян, как в отношении этого, так и предыдущего слов, из мегр. čandži (>čandi) «муха» (см. Н. Марр, «К вопросу о ближайшем сродстве арм. языка с иверским», ЗВО, т. XIX, 1909, стр. 072) при грузинском m-čeri «муха».

10) Lakot (*լակոտ*) «щенок» заимствовано из кавказских языков, как впервые отметил проф. Ачарян, имея в виду груз. lekvi «щенок, львенок», лазс. laki или lakhi, laçi «щенок», lakoti (id.), к которым я бы прибавил и мегр. lakvi (id). Правильнее было бы армянское lakot и арм. диалектическое laç «сынок» (переходно), как в Муше и в других

местах, считать заимствованным из лазского, как в отношении огласовки («а»), свойственной и мегрельскому, так и особенно в отношении суф. -ot, что Н. Марр напрасно считал показателем женского рода, подобно азербайджанскому lākātā «щенок, дурачок» (см. в «Корн. словаре» у Ачаряна, т. III, стр. 143—144), тогда как само азербайджанское слово заимствовано из армянского.

11) Čoč anel или čoč-el в араратском диалекте значит «ползти на четвереньках» (о ребенке) и мною считается заимствованием из мегрельского čočua и груз. čočva с тем же значением. Так как арм. thath и груз. thathi «лапа» фонетически правильно отображены в мегрельском (и лазском) через thothi (id), т. е. с огласовкой «о», потому и перебойную форму армянского и грузинского čoč- нужно считать заимствованной из этой лазо-мегр. группы языков.

12) Kərkith в арар. диалекте (напр., в Аштараке) значит «твердый» (орех), ибо сердцевина вынимается с большим трудом и кусками, а не цельно (противоположное этому kərkith popokh будет xeçeçkeni popokh). Заимствовано, по-моему, из лазского языка, где имеется kerketa «твердый (орех)», kerketa nedzi «твердый орех», хотя не отрицается возможность заимствования арм. слова и непосредственно из грузинского, где имеется kirkita kakali «твердый, крепкий орех» (есть и kirkaži «твердый», см. в словаре Чубинова, 1887, стр. 616)[1].

13) Phiči—род дерева, pinus sativa, что Ачарян считает заимствованным из грузинского phičvi „сосна", мегр. pičvi, лазс. phinço — род ели. И сейчас армянское слово употребляется у выходцев из районов Понта, а именно у жителей из Хотрджура, Аджина и Сведни, а в древности это слово употреблялось в грузинской литературе (см. «Корн. сл.», VI, стр. 1229). Известный арменист Гюбшман считал эти слова грузинской языковой группы заимствованными из армянского (см. его «Armeniische Grammatik», стр. 397).

---

[1] В армянском переводе греческого философа Теона (Θεων), изд. Я. Манандяна (Ереван, 1938), на стр. 70 вместо греч. periskles „твердый" употреблено арм. հրկիտ krkit.

14) Ku—частица или формальное слово для придавания новоармянскому глаголу модальности (изъявительного или предположительного характера), либо временных (будущего) категорий. В последнем случае, т. е. в отношении выражения будущности (ku gnam «я пойду», ku gnaji «я пошел бы»), как и в отношении выражения модальности (ku gnam «иду», ku gnaji „я шел"), смотря по дислокации наших диалектов (северные или -um диалекты и южные или ku диалекты), нашему армянскому этому ku вполне соответствует лазское ko в выражении будущности. В западном лазском диалекте имеем: v-ogzi-ko „зажгу", ogzi-ko „зажгешь", ogzu-ko „зажгет", v-ogzi-ko-th „зажгем", ogzi-ko-th „зажгете", ogzu-ko-th „зажгут", или, напр., b-čari-ko „напишу", čari-ko «напишешь», čaru-ko «напишет» и т. д. Еще в 1940 г. я указал на звуковую и функциональную общность этих двух формальных элементов—лазс. ko и арм. ku (>kə). Лазское ko находится в генетической связи с мегр. (o) ko «хочет, нужно». Очевидно заимствование арм. ku из этого лазо-мегрельского языкового мира, хотя другие хотят объяснить происхождение арм. ku на национальной почве, что не убеждает. С другой стороны, может вызвать большое недоумение это сравнительно легкое и общественно-массовое распространение лазского ku, если, конечно, не считать мегрельского (o) ko. Наличие этого лазо-мегрельского (o) ko в армянских диалектах в форме ku исторически просматривается уже со средних веков (с XII века).

Слов, проникших в обследуемые нами языки, было, конечно, больше, и нам удалось многие из них выделить здесь. Часть же была указана другими учеными. Иногда же попадаются слова, историю и точное начальное значение которых мы не знаем.

В частности мне хотелось бы остановиться на двух лазо-мегрельских словах (в грузинском их нет), имеющих большое значение с этно-языковых позиций. Эти слова следующие:

лазо-мегр. çvinari или çvinori, что переводят «бобр» или «выдра» (с которым нужно связать и мегрельское kvinori «соболь») и мегрельское слово phaphala «обрыв, пропасть». Насчет первого я хотел бы обратить внимание на арм. народное (в диалектах) çovinar, что, по-моему, значит «морская нимфа» (от nar «русалка, речное божество» из аккадск. nâr с тем же значением), как и арм. heiinar «речная (водяная) нимфа», oski nar «золотая нимфа», hoj nar «великая нимфа» (ср. Deriko hoj nar «Деркето, великая нимфа»). Мне думается, что лазо-мегрельское çvinari нужно поставить в генетическую связь с этим армянским çovi-nar («моря нимфа»). Трудно дать пока объяснение для мегр. kvinor «соболь». Что же касается мегр. phaphala, то оно в своем корне phaph- (для суф. -ala, ср. čkor-ala «рабство», kazax-ala «крестьянство», boš-ala «отрочество» и пр.) сближается с арм. aphapha «скалистые трудные места», с именем горы Phamph, откуда ущелье Phambaki dzor. Есть на склоне битлисского ущелья село Phapšen, арм. нарицательное papp из *pamp „высокое место», baba «холм» и пр., связанные с урарт. baba «гора» (babani «горный») и хуррит. pap или bap «гора» (см в. моей работе «Хурритские слова арм. языка», Ереван, 1951). Мегрельское слово phaphala «горный скат» (первоначально «гора»?) могло проникнуть к жителям Лазики и Мегрелии либо через армян, либо же через некоторые племена из Урарту, через так называемых халдаев («халдян», т. е. чтителей бога Халда), о которых говорят классические писатели. Мегрельские легенды об Арам-хуту („Арам-властелин») и об Антари-жина («Андара-герой»?) по своим названиям также из урартско-хурритского мира (см. там же).

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОБЩНОСТИ

Кроме отмеченных лексических общностей между армянским и лазо-мегрельскими языками, как и некоторых общих фонетических особенностей, я могу указать и на некоторые словообразовательные связи в том или ином формальном проявлении. Вообще же в чисто грамматическом и структу-

ральном отношениях армянский язык намного отличается от общей грузинской языковой группы, выявляющей в своей грамматике кавказский характер, как это впервые отметил акад. И. Джавахишвили. Грузинский глагол вследствие резкого отражения в сознании действительного и недействительного залогов, создал подобно кавказским и многим другим языкам так называемый эргативный строй, чего нет в армянском. В грузинском глаголе выражаются не только субъективные формативы, что есть и в других языках, но и объективные, показывающие отношение глагола к прямому и косвенному дополнению, и вдобавок эти частицы ставятся в начале глагола (за исключением субъективных частиц третьего лица). Грузинское имя, хотя и сейчас не имеет родовых («классовых») показателей, но, по-видимому, в начальном префиксе m- (m-thavari, m-divani и пр.) нужно видеть остаток «мужского рода», как предлагает А. Чикобава. Армянский язык во всех этих отношениях резко отличается и скорее приближается к азианическим и индоевропейским языкам. И хотя грамматика, как мы знаем, для скрещения между разносистемными языками почти непроницаема, однако в лексикологическом и словообразовательном (аффиксы, сложение двух слов и пр.) смысле это формальное взаимопроникновение может иметь место.

Возьмем, например, оформление повторов в лазо-мегрельском (resp. в грузинском) языке, как лазс. çianuri-mianuri «давний, предавний» или mdžveši-mdžvuši «древний, предревний», мегр. edža-mudža (эпитет, применяемый к неясно говорящим людям), akake-bakake, aça-baça („бродящий») и т. п., столь напоминающие армянские phəšrel-məšrel, manr-munr, aŕkhov-phaŕkhov и т. п., что можно найти и в других языках. Но соседство этих двух языков может придать этому структурному явлению уже специфическое и историческое значение.

Затем мною уже было подчеркнуто заимствование армянскими диалектами лазского ko (мегр. oko) «нужно», что, как формальное слово, становится либо формой-частицей для образования будущих времен от предположительного накло-

нения, либо же настоящего и прошедшего незаконченного (imperfectum) от изъявительного наклонения, смотря по диалектам. Тут ku превращается в kə и даже в «k» перед гласными, как k-asem, «скажу», k-utem „съем" и пр., подобно как от армянского piti «должно» имеем ti, а то и «t» (ti gnam «я должен итти», но t-asem «я должен сказать» и пр.). Мне представляется арм. ku(>kə, k) скорее заимствованным, чем образованным на местной (армянской) языковой почве, тем более, что заимствование формальных слов не исключается в языках. В мегрельском для условного наклонения (см. у Кипшидзе, стр. 068—069, § 78) это ko прибавляется, подобно лазскому, с конца к основе аориста или прош. несовершенного: b-čari-ko «чтобы я писал», «если бы я писал» (2 л. čari-ko, 3 л. čaru-ko) или b-čarundi-ko (1 л.), čarundi-ko (2 л.) и т. п. Арм. диалектам также не чужда прибавка ku с конца глагольной формы. Интересно отметить, что употребление частицы ko имеется в западном лазском говоре (Атине и Вице-Архава) и в мегрельском, а у лазов Хопе, что между ними, применяется для образования будущего времени глагольная форма minon «желаю» (собств. «мне желается»), ginon «желаешь» («тебе желается»), unon «желает»(„ему желается») и т. п., подобно новоперсидскому способу образования буд. времени (xvāhem raft «хочу уйти» и пр.).

Далее я бы хотел защитить заимствованность армянской так называемой «несовершенной» причастной формы на -um, через прибавление к которой (grum «пишущий», utum «едящий» и пр.) вспомогательного глагола em «есмь», ēi „я был» в северных армянских диалектах, а отсюда и в новоармянском литературном языке образуются формы настоящего и прошедшего несовершенного изъявительного наклонения (grum em «пишу», grum ēi «я писал», в диалектах grum em, linum и т. д.). Этот генезис армянского спряжения на -um в связи с грузинским (западным) языком впервые предложил акад. А. Шанидзе. Все наши многообразные спряжения в разных видовых и модальных аспектах зиждутся на этой основе. Так, напр., не только grum «пишущий, но и grelu «долженствующий писать» (grelu em, grelu ēi подобно

древнеармянским grelоc em, ēi), но и grel (древнее greal) «писавший» (grel em, ēi), graç «написанный» (g. em, ēi), диал. gruk «писавший, пишущий» (gruk em, ēi, что может иметь и страд. значение), grelov «приступающий к писанию» (grelov em, ēi), grelakan «захотевший писать» (grelakan em, ēi) и т. д. В армянском есть подобное употребление и в отношении даже «совершенной» формы причастия наст. вр. на -oł как karoł em «могу» (форма же karum em «могу», karum ēi «я мог» только в диалектах, как, напр., в араратском). Ср. лазское спряжение от çarum «пишущий» — b-çarum «пишу», çarum «ты пишешь», çarum-s «пишет» и т. д. Что причастные формы могут заимствоваться или быть общего происхождения, так для этого у нас имеются и другие случаи (см. следующие два примера).

В мегрельском языке имеется отглагольное имя действующего лица на морфему -u, как, например, dgum-u «ставящий», khotham-u «пускающий стрелу, стрелок» (см. у Кипшидзе, стр. 094). С ними непосредственно смыкаются аналогичные древнеармянские hat-u «режущий, острый» (от hat-an-el «резать»), azd-u «действующий, внушительный» (от azd-el «действовать, влиять»), hogabardz-u «пекущий, попечитель», has-u «достигающий, компетентный» (от has-an-el «достигать») и т. п. Армянская форма такого образования и сейчас продуктивна, и вопроса о заимствованности нельзя ставить.

С точки зрения совместности причастных форм в двух языках я бы указал и на суф. -endž или -end в мегрельском, как, напр., от корня lur- «спать» — lurendži „спящий", от корня r- «существовать» — m-arendži «сущий, находящийся» (Кипш., 274). Ср. хеттский аналогичный суффикс среднего или страдательного залога на -anza или -anda, вошедший и в армянский язык (ср. hivand «больной», kendani «живой, животное» (из ki-and-ani, от ki- «жить»), z-ahand-im «страшусь» (от ah «страх» и причастного *ahand «страшущийся»). Но в мегрельском есть и суф. -ladža или -inda как škhurindža или škurinda «трусливый», çkorindža «сердитый» и др.

Но уж вне всякого сомнения мегрельская деепричастная форма на -uš вошла в армянский современный диалект Хем-

шина (Hamšen). В этом диалекте неопределенная форма глагола (Infinitivum) оканчивается на -uš, что в других диалектах не встречается (везде форма на -el, -il, -al), напр., utuš «кушать, чтобы есть», xmuš «пить» и пр. Мегрельский язык применяет ту же форму для супина (supinum), как называет И. Кипшидзе (стр. 095—096), напр., o-thas-uša «для посева, чтобы посеять», mi-o-zadaph-uša «навстречу, чтобы встретить" и пр., хотя эта форма может заменяться формой на -alo, напр., o-ǯar-alo «для писания, чтобы писать», mi-o-zadaph-alo «навстречу, чтобы встретить» и т. д. Мегрельское -uša || -alo для супина играет ту же роль, что и современное армянское -elu или -alu, как grelu «чтобы писать, для писания», kard-alu «для чтения, чтобы читать», где эти формы вышли из старых -eloj и -aloj, как род.-дат. падеж от инфинитива grel и kardal. Как известно, армяне Хемшина жили в районе Чороха и, следовательно, были разобщены от мегрелов районами Аджарии и Гурии, к северу от которых уже живут мегрелы (Сумурзакано, Зугдиди и Сенакский район). Армянское заимствование мегрельского -uša может свидетельствовать о том, что мегрелы жили близ Чорохского бассейна, непосредственно с лазами, или же о том, что когда-то и лазы применяли в своем языке этот же суффикс на -uša, -uš. Здесь мы имеем очень интересный случай заимствования отлагательнього суффикса для супина или инфинитива, что так смущало правоверных арменистов, не могших объяснить эту «армянскую» диалектную форму.

Наконец, я хотел бы отметить лазо-мегрельский характер и арм. суффикса -šl || -ošl, что мы имеем в нескольких прилагательных, образованных от прилагательных же, как арм. lajnšl «длинный» при lajn (id.) и boloršl или bolorošl «круглый» от bolor (id.). В лазо-мегрельском этим -šl образуются прилагательные от существительных, как лазские ordošl «утренний» (от ordo «утро»), seriśl «ночной» (от seri «ночь»), xešl «ручной» (от xe «рука»).., мегрельские dɣašl «дневной» (от dɣa «день»), xološl «близкий (от xolo «близ») и т. п.

В определении генезиса того или другого аффикса, не только для словообразования, но и в роли флексии, т. е. грам-

матического порядка, нужен, по-моему, не только узкий охват в группе очень близких языков, но и немного в расширенном кругу, особенно если эти языки обретаются в одной большой соседствующей арене, где есть и географическая непрерывность и другие неязыковые факты общности. Так, например, форма творительного падежа в грузинской языковой группе имеет вид -ith (в груз.), -th или -thi (в мегр.), -the (в лазс.), что хотели Н. Марр, а вслед за ним и И. Кипшидзе, вывести из окончания -is (в картс.), -šï ‖ še родительного падежа «путем тупого подъема... š в th» (Кипш., 022—023) или «тупым подъемом согласного -še в th родительный падеж -še дифференцирован в -the и использован в качестве творительного падежа» (см. у Н. Марра, «Грам. чанск. яз.», § 16, в). Но сейчас происхождение этого признака творит. падежа в грузинских языках можно понять в другой исторической постановке, как было мною сказано выше. Во-первых, в клинописном хеттском языке творит. падеж тоже оканчивается на -it, как в картском, в иероглифическом хеттском на -ta (см. I. Gelb, Hittite hieroglyphs, 1942, II, стр. 42), что И. Гельб называет формой Ablativus-Instrumentalis, что некоторые индоевропеисты хотят связать с «праязычным» -od, как формой аблатива, существующего в лат. (древнем) -od, санскр. -at, что, по-моему, недостаточно и недоказательно. Более вероятно азианическое происхождение этого грузинского -ith, мегр. -th, -thi, лазс. -the, ибо эта форма творит. падежа также служила и для аблатива (ср. в евангелии khalakhitha khalakhad «из города в город»). Во-вторых, имеется в народно-армянском (диалектном и литературном) морфема отложительного-исходного падежа на -c (hogue «от души», kharic «от камня»), что, по-моему, было когда-то -th (ср. также диалектные horuth «от отца», hənuth «издревле», mankuth «с детства» и пр.). Я уже не говорю о редком случае заимствования формы этого исходного и творительного падежа, как, напр., имеется в таджикском-иранском языке, где наряду с a(z) šahar «из города» есть также и с прибавлением узбекского -dan (исход. пад.), и получаем новое a(z) šahar-dan с тем же значением.

Как заключение из всей этой работы, могу сказать, что сравнительно-историческое изучение взаимоотношений армянской и лазо-мегрельской языковых групп, оставляя пока картский, дает много ценных результатов генетического порядка, как в области фонетики, так и в области лексики и словообразования через суффиксы, даже отчасти и грамматики, хотя качественно грамматические структуры и элементы совершенно разные. Это изучение может констатировать взаимопроницаемость в разные исторические эпохи, начиная с древнейших времен их этностановления, когда обнаруживается достаточное количество общих элементов в связи с тесным сближением разных племен хаев, аззи, пала (бала), халибов, чанов (занов) и др. Позднее мы можем проследить явные заимствования с одной и с другой стороны, что имеет и известный культурно-исторический интерес.

Хочется быть уверенным, что это маленькое исследование заслуживает подобающее себе место в деле выяснения поставленной выше важной проблемы истории армянского языка, методологии разрешения ее задач, касающихся разновременных периодов армянского языка, начиная с древнейших времен, еще на заре становления этого языка.

1952 г.

О ВНУТРЕННИХ ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ РАЗВИТИЯ АРМЯНСКОГО ЯЗЫКА

Как понимают сейчас наши советские лингвисты постановку вопроса о внутренних законах развития языка?

Нужно сказать, что и до сих пор не удалось точно разграничить эту проблему от других областей или сторон языковедческой специфики. Существует большой разнобой, и, как говорит В. А. Звягинцев[1], „...в советской научной литературе этот вопрос не только не получил сколько-нибудь исчерпывающего истолкования, но и вообще еще не подвергался обсуждению. Он неизбежно возникает при изложении всех языковедческих курсов, при исследовательской работе во всех областях общего и частного языкознания и часто получает весьма противоречивое формулирование, что приводит к большой путанице». Акад. В. В. Виноградов по этому поводу пишет: «Именно в них (т. е. внутренних законах развития языка) проявляется национальная самобытность языка. Иноязычные, заимствованные слова преображаются в своем звуковом облике, грамматической структуре и смысловом содержании по внутренним законам заимствовавшего их языка. В историческом развитии словообразования также проявляются внутренние законы развития языка»[2].

Член-корр. АН СССР В. М. Жирмунский под внутренними законами понимает те «...общие закономерные тенденции, устойчивые и в то же время исторически изменяющиеся,

---

[1] См. его статью в „Известиях" АН СССР, отд. лит. и языка, 1951, т. X, вып. 4, „К понятию внутренних законов развития языка", стр. 319.

[2] См. его же „О трудах Сталина по вопросам языкознания", М., изд. „Правда", 1951, стр. 68.

которые характеризуют качественные особенности данного языка, определяют пути его развития и совершенствования и появляются в частных закономерностях его изменения»[1].

По-моему, проявление этих внутренних законов всегда должно носить конкретный характер, сообразуясь со спецификой данного языка, его структурой и данными исторического состояния языка, как продукта его развития. Эти законы могут быть продуктивными для данной эпохи данного языка и застойными или мертвыми для другой эпохи (периода) того же языка. Сфера их распространения охватывает как фонетическую сторону, так и особенно морфологическую—конструктивную, т. е. формообразовательную и словообразовательную. Фонетическая сторона должна быть использована постольку, поскольку ее звуковое переоформление («перебой», чередование и т. п.) создает новое содержание (грамматическое или лексическое) и приобретает более или менее устойчивое состояние. Так, например, индоевропейское чередование е ‖ о ‖— (нуль), которое в звене е ‖ о создает в славянском из глагольной формы новое отглагольное существительное (стелю—стол, теку—ток, реку «говорю»—рок «судьба» и т. п.), или от несовершенного вида образует совершенный при чередовании а ‖ и, как бросать—бросить, метать—метить и пр., приобретает нормативный характер и содержание.

Все эти и подобные фонетические изменения должны быть отнесены к внутренним законам или закономерностям языка, ибо это есть лингвистическое явление или процесс, приобретающий в своем оформлении регулярность, нормативность и функциональность. А так именно и нужно понимать эти законы развития языка.

1. КАЧЕСТВЕННОСТЬ ФОНЕТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ

Рассмотрим отдельно те фонетические перерождения, которые могут казаться нам закономерными внутренними законами развития данного языка, а с другой стороны, те из

[1] Из тезисов доклада на сессии Института языкознания АН СССР 1—4 февраля 1952 г. в Москве.

фонетических явлений, которые действительно служат средством образования этих внутренних законов развития языка, для его грамматических и лексических потребностей, совокупно могут преобразовать даже всю конструктивную систему языка в целом, являясь как бы начальным условием для совместных закономерных процессов в разных сферах и их частях, в комбинаторной общей увязке.

Уже Франц Бопп в своей сравнительной грамматике индоевропейских языков (в предисловии) говорит о своем намерении «...изучить физические и механические законы, которые управляют этими языками». Особо подчеркивается безусловность и почти абсолютность («слепость») фонетических законов у представителей младограмматического направления («Die Lautgesetze wirken mit blinder Naturgewalt"). Так же обстоит и у лингвистов социологического направления, где под фонетическим законом разумеется регулярное звукоотношение (соответствие) между соответствующими звуками однокоренных слов в редственных языках, как и в развитии данного языка от «праязычного» состояния. Напр., индоевропейские *p, t, k* в соответствующих словах переродились в германских языках в *f*, *þ* (Θ), *x*, то есть в спиранты (а в другом положении в слове в *v*, *ð*, *γ*), а в армянском в *h* (из **ph*), *th*, *kh*, то есть в аспираты, точно так же индоевропейские *b, d, g* отражаются в этих языках глухими простыми взрывными *p, t, k*. Например, в армянских словах индоевропейского происхождения имеем соответствие арм. t=русск. d=санс. d=лат. d в следующих однокоренных словах: арм. ta]gr=русск. деверь=санс. dêvár., арм. ta-l=русск. да-ть=лат. dā-re=санс. dadâmi, арм. tasn=русск. десять=санс. dáça, =лат. decem..., арм. sirt=русск. сердце=лат. cor (cord-is), греч. kardia и пр., и пр. Но, конечно, эти фонетические законы не абсолютны, имеют свои обусловленности в зависимости напр. от ударения, места в слове, времени действия и т. д., и т. п., и, как говорит Ферд. де-Соссюр, «Тягчайшая методологическая ошибка..., что формулируют фонетический закон в настоящем времени, как если бы предусматриваемые им факты существовали раз навсегда, тогда как в действитель-

ности они возникают и исчезают в определенном отрезке времени»[1].

Подобные фонетические законы имеют не только общий характер, т. е. стремятся охватить все слова, с редкими отклонениями от своей направленности, но и сохраняют свою динамичность в продолжение очень долгого времени. Вспомним, например, подобное неизменное действие сингармонизации гласных в урало-алтайских («тюркских»), финских и монгольских языках. Или, например, индоевропейское палательное g′ в армянском, как и в других satəm языках, отразилось в фрикативном z, но также с преобразованием в аффрикаты ç (ts) и č (tš), хотя подобная тенденция к аффрикатизации z в новое dz наблюдается также поздних заимствованиях с иранского (в известном положении в слове, напр., в словах vardz «воздаяние», gandz «казна» и пр.), но это же явление наблюдается в заимствованиях и с аккадского, хурро-урартийского и хеттского языков, где z этих языков передалось в армянском через аффрикаты ç (ts) или чаще č (tš).

Быть может, лучше было бы эти фонетические законы назвать «устойчивыми регулярностями» в этих корреспонденциях.

Наконец, эти фонетические «законы» не могут в своей качественности соответствовать законам, скажем, юриспруденции, астрономии, физики или биологии.

Сами же эти звукоперерождения происходят от разных физиолого-артикуляционных причин и приобретенных навыков, сперва в ограниченном размере, а потом и с тенденцией охвата всех подобных случаев.

В частности, при заимствованиях иноязычные слова испытывают преобразующее влияние заимствующего языка относительно несвойственных ему звуков или произносительных навыков, которые усваивающий язык приспосабливает к своим звукам и навыкам. И это вполне закономерно, ибо звуковое количество и качество, как и произносительные навыки, во всех языках различны. Например, одни языки имеют мно-

[1] См. его „Курс общей лингвистики", М., 1933, стр. 139.

то аффрикатов или гортанных звуков, а другие почти не имеют или совсем не имеют их, одни языки могут начать слова с нескольких согласных, а другие не начинают слов даже с двух согласных, не начинают также с согласных *r*, *v* и т. п. Естественно, при заимствовании должно происходить такое приспособление (аккомодация) к своим «родным» звукам и навыкам. Трудно назвать это приспособление «законом». И когда акад. В. Виноградов говорит, что «Иноязычные, заимствованные слова преображаются в своем звуковом облике, грамматической структуре и смысловом содержании по внутренним законам заимствовавшего их языка», то такое понимание внутренних законов в отношении формы и содержания иностранного заимствованного слова будет чисто условным. Так, например, французское boulevard «бульвар» заимствовано русскими и в просторечии даже стало произноситься «гульвар» в связи с «гулять» по ложному переосмыслению. Тут есть и морфологическое оформление (имен. пад., мужской род). Можно сказать, что французское слово русские национализировали. Условно всякое языковое изменение—фонетическое, морфологическое и лексическое—как особая качественность, могло бы обозначаться термином «закон», как принимается, например, традиционный «фонетический закон». Следовательно, такими «законами» будут изменения по аналогии, от действия силового ударения, т. е. редукции, изменения согласных вследствие палатализации, ассимиляции и диссимиляции, монофтонгизация дифтонгов и обратно, спонтанные звукоизменения, изменения значений слов по психическим ассоциациям по смежности, сходству и т. д., и т. п.

В таком условном аспекте я мог бы видеть в армянском слове aš̌xarh «мир», заимствованном из иранского xšaθra «имение» (от корня xša «владеть») пять подобных «законов»: 1) перерождение θr в арм. *hr, 2) метатезу *hr > rh 3) метатезу начального xš̌ > š̌x, 4) приставление «а» к началу (что есть повторение серединного «а»), ибо армяне вообще с двух согласных не начинают слов, и 5) изменение значения «владение» иранского слова у армян в новое значение «мир».

Как я уже сказал, внутренний закон развития языка должен иметь не только тенденцию к осуществлению и регулярность в своем функционировании, но и общественно-языковую, фонетико-морфологическо-лексикологическую функциональность. В частности, он должен способствовать дальнейшему усовершенствованию языка, его структуры. Если в таком понимании подойти к закономерному перерождению древнеармянских *b*, *d*, *g*, *dz*, dž в середине слов в *ph*, *th*, *kh*, *c*, *č* или, напр., к переходу др. арм. дифтонгов или трифтонгов в поздние монофтонги, то тут нет внутренних законов в подлинном смысле, а можно констатировать лишь фонетическую закономерность, и то в известной ограниченности, обусловленной соседством того или иного согласного. Но когда в тибетском языке последний согласный глагольного корня из глухого состояния переходит в звонкое состояние, и это используется для перемены залога, или когда в языке эйре (ирландском) начальные глухие взрывные глагола меняются в звонкие, и это образует разные основы для времен (настоящего и прошедшего), т. е. когда подобные звуковые перерождения, регулярно происходящие во всех подобных случаях, дают возможность их использовать для новых и необходимых глагольных категорий и вообще концепционных целей, — то тут приходится уже засвидетельствовать наличие «внутренних законов развития»[1].

Можно, пожалуй, подвести под понятие внутреннего закона развития языка и тот случай, когда, вследствие редук-

[1] В армянском также наблюдаются тенденции к перерождению согласных корня, но для образования новых слов, причем эта тенденция не переросла в закономерность и как бы замерла в своем начале. Отметим уже в древнеармянском перерождение согласного t в новые ç и s, как talanim „колеблюсь" (от простого tanim „уношусь"), çaçanim „колыхаюсь", sasanim „колеблюсь" (в нравственном смысле), или th ‖ ç ‖ s в словах thor-el „сочить", çor-el „сочиться", sor-el (в диалектах) „медленно пускать" (игральную косточку), проступать (зубы ребенка), sor tal (арар. и ванс. диал.) „медленно выпадать" (о муке из-под жернова), или c ‖ č ‖ s напр. в словах (диал.) səmkh-el „высохнуть" (от samakh „суша"), čəmkh-el „высохнуть" (о фруктах), səmkh-el „высохнуть" (о руке), „скорчиться". Есть от maṙuth „морда" новое ласкательное məguth „мордочка" и уничижительное məṙuz (напр. məṙuzə kaxel a „он опустил морду", т. е. стал недовольным).

ции силового ударения и отпадения или перерождения древних тематических гласных основ имени с флексиями склонения, сокращается число оформленных падежей, и язык стоит перед необходимостью передать старые падежные содержания предлогами, т. е. описательно, прибавляя к неоформленным словам эти служебные слова. Вследствие этого флективно-синтетический тип языка, хотя бы в этой части морфологии, переходит в новый, изолирующий-аналитический тип, как это произошло с древними германскими языками, в том числе и с английским. Ср. подобное явление отчасти и с французским. Таким образом, грамматическое содержание сохраняется, но форма его передачи радикально меняется.

Как видим, фонетическое перерождение или изменение может послужить причиной того, чтобы вся система изменилась, и создалась новая структурная система, совершенно противоположная первоначальной. Тут содержание (падежное) остается, но оформление уже другое. Конечно, это произошло не сразу, а в продолжении долгого времени, причем сравнительно-исторический метод оказывает в этом деле большую помощь для выяснения исторического состояния данного явления (именного склонения) в древности, как наследие индоевропейского оформления. Как правильно подчеркивает проф. А. В. Десницкая[1], «Изучение внутренних законов развития языка неразрывно связано с изучением истории конкретных языков; оно неотделимо от этой реальной истории, основывается на ней. В то же время история развития грамматического строя, словаря, фонетики каждого языка получает теоретическое освещение, обобщается при выявлении внутренних законов, лежащих в основе этого развития».

Как показывают все вышеприведенные примеры, для определения внутренних законов развития языка в нем имеются конкретно исторические бытования, и то для данного периода жизни того или иного языка, где это бытие есть определенная степень исторического развития. Мы видели также, что не всякий процесс приобретает языковую сущность и

---

[1] См. ее статью „Сравнительно-исторический метод" в „Известиях" АН, отд. лит. и языка, 1951, стр. 344.

функциональность. Фонетические изменения могут соответственно вторить и оформить подобный семантико-лексический и грамматический процесс или явления, но могут и не вторить этому и иметь чисто фонетическое значение. Точно так же неправильно подходят некоторые лингвисты, когда в этих внутренних законах непременно хотят видеть как бы телеологическую направленность, непосредственную цель развертывания качества языка, совершенствования системы языка в его непосредственной потребности. С этой точки зрения я бы поставил вопрос: какое совершенство и непосредственная потребность были в германских языках для изменения морфизации именного склонения из флективного на формально предложное?

В дальнейшем я рассматриваю характерные закономерности из истории развития армянского языка с их разностепенной выявляемостью. Число их доходит до десятка. Они касаются инфигирования плавных для словотворчества, дифтонгизации корня или основы глагола для образоваания отглагольного существительного, образования грамматической категории именного рода (человека, времени), звукоподражательных слов со специфическим оформлением повторов и выделением в отдельное слово второго компонента, историчности звукопереходов новоармянского языка, доминантства мышления и др.

Приведенные для показа образования внутренних законов примеры из армянского языка (древнего или современных диалектов) характеризуют эти законы или в зачаточном, или в уже оформленном и продуктивно действующем, или же в давно застывшем состоянии. Эти своеобразные оформления, конечно, носят местный, специфический характер, т. е. самобытны, как бы национальны, по выражению акад. В. Виноградова, но их конкретно языковая практика не абсолютна и может вторить образованиям в других языках, в разных других оформлениях и качествах, сообразно историческому состоянию этих языков. Эта конкретность и общность особенно будут видны из показа словообразования на звукоподражательных корнях, в которых также выступает момент историзма.

2. ИНФИГИРОВАНИЕ r и (ŕ) ДЛЯ СЛОВОТВОРЧЕСТВА

Мы знаем, что во многих языках — индоевропейских, семитических, кавказских и др. — в корень слова может вставляться какой-либо согласный звук (напр. *r*, *n*), используемый для словотворчества или грамматической цели. Эти инфиксы не могут быть объяснимы по происхождению, и их случайный характер не вызывает сомнения. Например, в основу настоящего времени вставляется *n* (ср. лат. findo, scindo...) или *na*, как в санскритской форме наст. вр. rinakti «оставляет» от √ rik-, или же между начальным согласным и следующим гласным вставляется r (speech- и sprech- «говорить» в английском и немецком, bek- «ломать» в армянском и индоиранском и brech- в германском и пр.).

В армянских диалектах, как отчасти и в древне-армянском, существовала тенденция инфигирования твердого или мягкого l (ł, l), твердого или мягкого r (ŕ, r), которые начали было образовывать новые формы слова с новым значением или нюансом значения. Но процесс этот не стал продуктивным, как бы замер в своей начальной стадии. Например, 1) от обыкновенного sur «острый» имеются диалектические slur «остроконечный» (гора, голова, скала, холм...), что через полногласие дает и формы sulur, sułur-ik и т. п., 2) от народного bənd-el «как-нибудь зашивать, заплатить» (bənd-or-el, bəndz-or-el, bəndbənd-or-el усилительные формы) имеем bland-el, blandz-or-el с тем же значением, есть и bland-el и др., 3) от ǯor- «качаться, шататься» (при ходьбе), как у константинопольских, ванских и других армян, имеем у битлисцев и ванцев ǯlor (ǯγor) „качели, люлька", араратское ǯlor-thi (id.) и пр., 4) общеарм. šert «слой, расколотая вещь» (этот корень в форме šerd- «расколоть» есть и в урартском и семитических языках) дает у современных карабахских армян šlard или šlardž «отрезанный сверху книзу слой» (арбуза и пр.), 5) от древнего kor «согнутый» имеем klor «круглый» и через полногласие kolor, kolor-ik «кругленький», 6) от mur «сажа, копоть» имеем в Акне mlur (id.), 7) от диал. pok-el «оторвать» имеем plok-el «содрать» и т. п. А что полногласные

формы образовались из неполногласных первичных, подобно славянским град — город, хлад—холод и пр., так за это говорят и армянские образования из заимствованных слов, как от аккадского zupr-u «коготь» имеем др. арм. čapur „коготь", откуда через посредство несохранившегося *čłapur имеем глагол čołopr-el «вырвать», как от акк. ḫabt-u «грабеж» имеем арм. kaput «грабеж», что через *kłaput дает kołoput (то же значение), или от мингрельского čuburi «каштан» имеется карабахское армянское čłopur > čołopur «орех». Ср. также инфиксацию «l» во втором компоненте повтора košt u plošt «грубый» где plošt < *pošt < košt „грубый".

Звуки «l» и „ṙ" вставляются и между последним коренным согласным и гласным следующего суффикса. Эта динамика опять-таки господствует в диалектах, так от soth tal «скользнуть» имеем soth-l-ik „скользкий", от phəth-el „гнить" имеем phəth-ṙ-uk «гнилой» и т. п. Особенно продуктивной оказалось это внесение «l», „ṙ" перед уменьшительным суф. -ik, когда от их слияния получаются новые суффиксы -lik и -ṙik, причем первый приобретает сугубо уменьшительно-ласкательный характер, вроде русских малюсенький, тихохонький. Так, имеем: sut-lik «врунишка» (от sut «ложь») kok-lik «гладенький» (от kok «гладкий»), hast-lik «толстенький» (от hast «толстый»), caçlik «низенький» (от caç «низкий»), karčlik «коротенький» (от karč короткий), baralik «тоненький» (от barak «тонкий») и т. д., и т. п. Но второе образование на -ṙik дает уничижительное значение, как то: hnšt-ṙik «пугливый» (от hušt anel „вспугнуть"), hev-ṙik «быстро дышащий, впопыхах» (от hev-al «запыхаться»), loth-loth-ṙik «обжора» (от lothi «небрезгливый»), ceth-ṙik «часто мочащийся" (дитя) от ceth-el „мочиться", hast-ṙik «толстущий» (от hast «толстый») и т. д. Армянские диалекты создали это уничижительное образование на -ṙik, потому что была нужда в нем, и армянский язык дотоле его не имел. Здесь использованы были жесткий дребезжащий характер ṙ для уничижения или пренебрежения и мягкий характер звука l для ласкательного характера. К несчастью, эта словообразовательная тенденция как бы запнулась в диалектах и недостаточно используется в современном литературном, общенациональном языке.

3. ДИФТОНГИЗАЦИЯ КОРНЯ ИЛИ ОСНОВЫ ГЛАГОЛА ЧЕРЕЗ ПРИБАВЛЕНИЕ К ИХ ГЛАСНЫМ СОНАНТА w ДЛЯ ОБРАЗОВАНИЯ ОТГЛАГОЛЬНЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Есть еще в древнеармянском языке внутренняя закономерность с внесением в корень или основу глагола сонанта w, который вместе с гласным этого корня или основы образует дифтонг и создает из этой новой глагольной формы отглагольное имя существительное. Если последний согласный этого корня или основы переднеязычный аффрикат č (thš), или ç (ts), то этот сложный согласный теряет свой второй элемент š или s. Эта закономерность, впервые выявленная мной, уже к пятому веку нашей эры, когда появилась у армян письменность, была определившейся и законченной, но уже застоявшейся, непродуктивной. Смело можно сказать, что она отмерла. Приведем примеры: 1) от корня git- (из инд. евр. *wid-) «находить», что редуцируется в gət- (др.-арм. gət-an-em «нахожу»), имеем существительное giwt «находка», 2) от корня mat- «приближаться» (наст. вр. mat-č-im «приближаюсь») имеем прилагательное и наречие mawt «близкий, близ», 3) от корня hes- «вить, сплетать» (наст. вр. hes-um) имеем hews (пишется и hiws) «сплетенная нитка», 4) от корня jat- (jat-el) «отрезать» имеем jawt „отрезанные сучья», 5) от основы than-al „намочить" имеется thawn «дождь, сырость», 6) от araç-el «пасти»—arawt «пастбище», 7) от amač-el «стыдиться»—amawth «стыд», 8) от çanač-el (из *çanač-el) «узнавать» (çan- из и.-е. g'en- «знать») имеем çanawth «знакомый», 9) от ałač-el «молить, просить»—aławth «молитва», 10) от корня gaç- «опоясывать себя» в глаголе z-gaç-im или z-gaç-n-um «опоясывать» имеем существительное gawti «пояс, кушак» и т. д. Имеется пережиточно и имя baławth «обвинение, кляуза», что свидетельствует о существовании некогда глагола *bałač-em «обвиняю».

Как видим, это фонетико-морфологическое явление стало полноценной закономерностью, как бы внутренним законом для составления отглагольных корней или основ нового лексического качества, а именно существительных. Это пока-

зывает также, что закономерность ограничена в своем действии временем и может остановиться. Наконец, это явление может иметь историческое значение: вероятную генетическую увязку с некоторыми индоевропейскими языками.

4. ВОЗНИКНОВЕНИЕ НОВЫХ ИМЕННЫХ КАТЕГОРИЙ РОДА (ЧЕЛОВЕКА, ВРЕМЕНИ) КАК НОВОАРМЯНСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

Мы знаем, что языковое мышление для организации сообщения прибегает к специфическим для этого грамматическим понятиям — категориям (падежные функции, число, род, время и пр.), числом до девяти. Многие из них древнейшего состояния, как роды или именные классы, где предметы классифицируются и получают соответственные для этого звуковые показатели. Армянский язык потерял такие категории: их нет в древнеармянском, а также в большинстве армянских диалектов. Современные диалекты также не сохранили их, но современный араратский диалект, а отсюда и литературный язык, выработал категорию личности (человека) в отличие от всех других предметов, и это выявляется при прямом дополнении: если оно есть имя определенного лица, то форма винительного падежа идентична с формой дательного падежа, подобно русским именам одушевленного рода, которые как прямой объект ставятся в форме родительного падежа. При прочих же случаях (неопределенное лицо, предмет) прямой объект ставится в форме винительного падежа, похожего на именительный. Например: jes tesa mi usanoł, „я увидел одного студента", но jes tesa im usanołin, „я увидел моего студента".

Армянские диалекты создали и одну категорию, я бы сказал «грамматическую категорию имен времени», которые обособляются в мышлении, как особая группа, и при склонении они выделяются особой формой родительного падежа на -wa, откуда и исходный падеж на -wanic, например, or «день», род. пад. orwa, исх. п. orwanic..., šabath «суббота», «неделя», šabathwa (род. п.), šabathwanic (исх. п.)..., tari „год", tarwa (род. п.), tarwanic (исх. п.) и т. д.

Спрашивается, чем объяснить выделение в мышлении слов, обозначающих время? Ведь такой именной категории класса (рода) существительных нет во всех языках мира. Есть, например, род одушевленных и род неодушевленных имен, мужской и женской роды, род имен животных, род человеческий и прочих предметов, род высших существ и род низших (в дравидском) и т. д. Но чтобы выделять каким-либо показателем имена времени, это, как я сказал, не засвидетельствовано. Мне думается, что эта закономерность, как и отличение названий человека в форме определенного объекта переходного глагола, могла быть случайной, в зависимости от отклонений от нормы склонений в одном или нескольких случаях. А мышление это могло аттестовать и сохранять, распространяя и на другие случаи. Так или иначе, сейчас в новоармянском языке возникли две категории: 1) человека и прочих существ или предметов и 2) времени (не смешивать эту именную категорию времени, лучше «класс» или «род» времени, с временной категорией в глаголах). Это новое языковое содержание с оформлением в склонении сейчас стало для армянина вполне закономерным явлением.

5. ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПРИ СЛОВООБРАЗОВАНИИ ОТ ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫХ КОРНЕЙ

В данном подразделе я бы хотел разобрать звукоподражательные слова армянского языка и показать, что даже в них есть не только общеязыковое, общечеловеческое, но и местное, конкретное, приобретающее своеобразные закономерности в разные эпохи жизни языка. Разную оформленность видим и в обыкновенных звукоподражательных словах, как русск. «бормотать», нем. murmeln, арм. mərmərth-al и пр., или же русск. свистать, нем pfeifen, франц. siffler, арм. sul-el, народное šəvacn-el и пр., но нас должен интересовать вопрос, выявляется ли в этой разнооформленной практике конкретных языков какая-либо закономерность, которая служила бы для нового словообразования и, тем самым, приобрела бы общеязыковую лингвистическую ценность по своему методу обра-

зования, но приобрела бы и конкретность в своем оформлении в историческом разрезе для данного языка, т. е. была бы продуктивной или отмершей, смотря по времени.

В древнеармянском есть до девяти глаголов, в основе которых есть звукоподражательный общий элемент -ajth (-այթ)' к началу которого прибавляются модифицирующие согласные p, č, k, ž, v, c, s, g..., так что получаются pajth-el „взрываться", čajth-el «треснуться», kajth-el «прыгать танцевать", žajth-kh-el „исторгаться" (о вулкане), cajth-el «исторгать» (жидкость), vajth-el „исторгать" (луч, жидкость), sajth-akh-el «проскользнуться» (народное sōth tal), gajth-el (тот же смысл). Возможно, что xajt-al «прыгать, радоваться» с тем же -ajth с дезаспирацией th, чтобы не смешалось с глаголом xajth-el „ужалить"[1].

Что вышеприведенные корни изначально имели звукоподражательный характер, так на это отчасти указывают и тюркские čathlamak «трескаться», phathlamak «лопнуть», которые, конечно, независимы от армянского.

В армянском замечательна эта закономерность образования все новых и новых звукоподражательных глаголов с первичным их основным элементом в конце и варьирующими или модифицирующими разными согласными в начале. Этот процесс наблюдается и сейчас. Например, при выражении разных видов звучания или шума, к основному второму эле-

---

[1] В народных диалектах эти звукоподражательные корни дают разные формы с изменением дифтонга aj в o или ē, как, например, vajth-el->vōth-el, sajth-akh-el (корень sajth-)>sōth- в выражениях sōth tal „спотыкаться, соскользнуть", sōthlik „скользкий"; cajth-el „исторгать жидкость">cēth-el „мочиться", возможно pajth-el>pōth-el> *pōrth-kh-al „вспыхнуть" и т. д. Большей частью это aj превращается в ə с вставкой затем и сонанта r, как то: vərth-kh-al „вспыхнуть", čərth-kh-al „треснуть", cərth-kh-al „брызнуть" и др., с суф. kh. От cajth-el „исторгать жидкость" есть и без суф. kh образование cərth-el „исторгать детеныша, рожать" (о кошке, собаке, волке и др.), с вставкой „r", т. е. имеются cajth-el>cēth-el>*cəth-el>cərth-el. Ср. араратское bōth-el „толкать" из *bajth-el, откуда через *bəth-el с вставкой r имеем berth-el (id.). Даже в древности было gajth-el и gəth-el, xajth-el и xəth-el „ужалить" и пр. с переходом aj>ə перед th. От vajth-el „исторгать" есть и народное vēth в сложном džərvēth „водоиспускание" (=мочеиспускание).

менту z (звучание) или š (шум) прибавляются в начале разные варьирующие согласные: təzz-al (təzəz-al), bəzz-al (bəzəz-al), xəzz-al..., thəšš-al (thəšəš-al), xəšš-al (xəsəš-al), fəšš-al и пр., хотя есть и раздельное повторение новопроизводных этих корней, как təztəz-al, bəzbəz-al, xəzxəz-al..., thəsthəs-al, xəsxəš-al, vəšvəs-al и т. д. Основообразующий главный звук может быть и ž, как təžž-al, vəžž-al..., или təžtəž-al, vəžvəž-al и т. п.

Разница между двумя вышеприведенными разновидностями та, что первая из них, с элементом -ajth, сейчас большей частью не сознается, не чувствуется их звукоподражательность, особенно в sajth-akh-el и gajth-el или gajth-ak-i-el (спотыкаться, соблазниться), а вторая разновидность с основообразующим формантом z, ž, s, š, сейчас жива и непосредственна и представлена в разных формальных преломлениях также в других языках.

Но у армян в древности также был и другой подобный тип для образования звукоподражательных слов, о чем говорил еще проф. Р. Ачарян. Тут основная часть тоже в конце и звучит -ač или -anč, причем «а» может и выпасть или замениться ə, а в начале прибавляются различные варьирующие согласные звуки, преимущественно издаваемые животными. Характерно, что после этого начального согласного может вставляться (инфигироваться) твердое ř, как бы усиливая действие, и тогда получаются все новые и новые слова звукоподражательного характера. Например: 1) bač-el «мычать», bənč-el (id.), откуда břənč-el (id.) из *břanč-el, что стало через полногласие и bařanč-el, 2) mənč-el „вздыхать", откуда mřənč-el (или mřənč-al) „мычать", 3) kanč-el „звать", но křanč-el>křənč-el и karanč-el (с полногласием) «кричать» (напр. о верблюде), 4) šač-el «издавать лязг» (с sač-el „издавать сиплый голос, свист»), откуда šařač-el (<*sřač-el) с тем же значением, 5) xanč-el, xənč-el (xəndž-el), „брюзжать, хрюкать, насморкаться", откуда xřənč-el, «храпеть», 6) thač-el „издавать прерывистые звуки» (при молитве), thanč-el (id.), thařač-el или thařanč-el «вздыхать» (при болях), 7) phənč-el (или pənč-el) «фыркать», 8) hač-el „вздыхать"

(не смешивать с handž-el «лаять»), откуда haŕač-el „вздыхать", hač-el haŕač-el (id.) и пр. и пр. Эту звукообразующую часть -ač или -anč не нужно смешивать с однозвучным -ač или -anč в глаголах čanač-em «узнаю» (корень čan- <*čan- «знать»), amač-em „стыжусь" (это ač уже не выделяется), meŀanč-em «совершаю вину, грешу», в которых это -ač или -anč образовало видимо начинательные глаголы (ср. thəŕ-č-im «летаю», pak-č-im «ужасаюсь», mart-nč-im «борюсь», kor-nč-im «пропадаю» и пр.), как основу настоящего времени, что уже в древнеармянском языке не сознавалось.

Сам звукообразовательный элемент -ac ‖ -anč сейчас не сознается; вероятно такое многообразие слов с этим элементом обязано своим происхождением на начальном его сознавании в одном или двух примерах, по аналогии с которыми в дальнейшем получились новые образования, как это было с начальным же звукоподражательным элементом -ajth (см. выше), позже вымершим.

В армянском, однако, есть звукоподражательный формант и в *начале* слов, хотя он сейчас уже плохо воспринимается. Тем не менее от этого элемента, общего для многих ближних и дальних языков, в армянском образовалось много производных форм для основ, что несомненно приобрело закономерный характер. В этой же конкретизации по форме и значению я и вижу самобытное, как бы национальное значение данного звукоподражательного корня. Звучал он ləx- и обозначал первично глухой шум текущей (двигающейся) воды. Хотя это ləx- бытует в диалектах, это, однако, отнюдь не свидетельствует в пользу того, что и в древности языки не имели подобного корня и его звукоподражательного значения, что мы докажем ниже.

Обратимся прежде всего к армянским современным материалам.

В хемшинском арм. диалекте есть ləx-al «течь», в Сасуне ləx-al «двигаться» (говорится о жидкости), напр. о движении пахты (арм. than) в бурдюке, откуда ləxaci ē «с места сдвинулось» в переносном смысле, как у мушцев

имеем хирпэ кэ ləха «покрышка котла двигается». Имеются большей частью повторы, как ləх-ləх-al «(раз)двигаться» (напр. стул, нога в сапоге, тело жирного человека, курдюк овцы...), как говорят в карабахском, мушском, константинопольском и некоторых других диалектах, или у армян Сведии ləх-ləх-al «лакать» (о собаке). Есть и производное ləх-k-el или ləх-k-al, как и их повторы ləх-ləх-k-al, как, например, в араратском и прочих диалектах, ləх-k-el «стать тухлым, жиденьким» (говорится о фруктах, яйцах), или же «растаять» (замерзшая земля), что перерождается в ləš-k-el „немного растаять» (ср. древн. арм. lək-el с тем же значением). Формы ləх-k-al или ləх-k-el показывают о движении жидкости с глухим шумом в чем-либо (в котле, в бурдюке, в сосуде...). Есть и производное ləх-р- напр. в ləх-р-ог «жиденький» (абрикос, цыпленок, только что вылупившийся), ləх-р-ik «промокший» (от дождя), как и ləх-t ik (из *ləх-ik) «жирненький» и т. д.

В других языках имеются: груз. lx-oba «таять, растаивать, оттаивать» (по Чубинову), каковое значение дают и армянские диалекты (арарат. ləх-k-el и др.-арм. lək-el). Сюда же относятся и латин. liqu-eo «стать жидким», откуда liquidus „жидкий" (=англ. liquid, франц. liquide и пр.), хеттское laḫu- ‖ laḫḫu- или laḫ(ḫ)-ua- (3 л. ед. ч.=laḫḫuwai ‖ laḫuwai) „лить, вылить", laḫḫus „таз, водоем, бассейн" и пр., урартское ulx- орошать, что вошло и в арм. язык в форме ułx „поток, ливень", где начальное „u"—урартский (и хеттский) префикс со значением „сюда". Интересно, что хеттский laḫu- и лат. liqu-eo (liqu-e-sc-or) сохраняют совместно лабиальное w, как наращение к первичному lk- ‖ laḫ-[1]. По оформлению корня армянское ləх- ближе к грузинскому lx-oba, немного отдаляется по огласовке от хеттского laḫ-u-, а еще более от лат. liq-u-. Армянское ləх- дает еще три деривата: *ləx-k-* (из ləх-kh-, ср. сасунское ləх-kh-uk „тухлый, вонючий", как ругательное слово), *ləx-t* (ср. ləх-t-ik) и *ləx-р-* (в словах ləхр-ог и ləх-р-ik).

---

[1] Подробнее см. мою брошюру на арм. яз. „Звукоподражательные ява элемента". Ереван, 1948.

Таким образом, этот общий во многих языках морфологический звукоподражательный элемент ləx- в армянском отложился специфически и продуктивно как в тонкостях смысла, так и в оформлении, сохраняя отчасти и сейчас свой звукоподражательный характер.

6. ЗАКОНОМЕРНОСТИ СЛОВООБРАЗОВАНИЙ ВСЛЕДСТВИЕ «ЛЕКСИЧЕСКОЙ ДИССИМИЛЯЦИИ»

В этом разделе я выдвигаю одно очень интересное языковое явление общего характера, которое условно называю *лексической диссимиляцией*. Явление это зиждется либо на повторении рядом самого слова (корня) с дифференциацией (диссимиляцией) одного из компонентов этого повтора и с дальнейшим его выделением в самостоятельное слово, либо же без такого непосредственного их совместного употребления. Армянский язык особенно любит прибегать к этому словотворческому приему, и я ограничусь главным образом этим.

Процесс такой морфологической диссимиляции приобретает строго закономерный характер, действуя особенно в диалектах, хотя ее древнейшая практика засвидетельствована также в древнеармянском языке.

Раздельное повторение слова вообще должно было быть свойственно всем языкам и придавало именам усиление качества (признака) или числа (множественности, коллективности). Напр., часто (и) часто, синий-синий (очень синий), еле-еле, чуть-чуть... арм. рагар-рагар «праздно-препраздно», meç meç «очень большой», šut šut «очень спешно», хеттск. kiššan kiššan „так (и) так", lammar lammar „часто и часто" (?)..., хурр. tišan tišan „очень (и) очень"..., санс. damē damē „в каждом доме", divē divē „ежедневно", лат. quis quis „каждый"..., японские choko choko „поспешно", tobi tobi „часто, много раз" (от tobi раз"), jama jama „горы"..., мань-чжурские džalan džalan „времена", ba ba „места" (множ. ч.)..., бушменские noa noa „ноги"..., австрал. jeppe jeppe „дети" и т. п. Я уж не говорю о глагольной редупликации и формах ее употребления, когда эти слова от соположи-

тельного повторения постепенно переходят в цельные сложения, вроде армянских phorphor-el „раскапывать" (от phor-el „копать"), xar-xar-el „разрушать", džaxdžax-el „сокрушать" (при простом džax-el) и т. п.

Но в этом последнем случае одинаковые компоненты повтора начинают уже меняться, сокращаясь или звукоизменяясь либо в первой части, либо во второй, так что получаются многочисленные диссимилированные разновидности, число которых в армянском превышает один десяток. Например, сокращаются в первом компоненте армянские pho-phox-el «переменять» (от phox-el «менять»), da-dar-el «переставать" (от dar-el), pa-pandz-el „умолкать"..., хеттские ta(t)tar- „мыть, тереть, стирать" (от корня tar-, ср. лат. ter-ō, русск. тереть и др.), ninik- (от nik), „собирать", kukkur- „отрезать" (ухо), duddumili „немой" и пр. и пр., или же во второй части, как армянские xab-eb-a „лгун" (от xab-el „обманывать"), šaiph-aiph-el „говорить вздор, болтать", hajth-ajth-el „доставать, снабжать" и т. д. Но особенно часто эти компоненты, как раздельные слова так и соединенные, меняются в своих звуках не сокращаясь, так что получаются своеобразные ассимилятивные виды, как армянские phəšrel-məšrel „раскрошить" (от phəšur „кроха"), xəčəčel-məčəčel „запутать", parap-sarap „праздно-препраздно" (от parap „незанятой"). hastamest „претвердый" (от hast „твердый"), xajtabłet (из *xajtabēt) „пятнистый, пестрый (от xajt „пятно") и т. п., вроде русского тары-бары или японских xito-bito „люди (от xito „человек"), tokoro-dokoro „разные места, там-сям" (от tokoro „место"), kuni-guni „разные страны" (от kuni „страна"), sina-zina „способы" и т. п.

Особенно следует отметить тот повтор (редупликацию), когда во втором компоненте меняется первое согласное на «m» или прибавляется это «m», как имеются уже в древнеармянском šogmog «подлиза, подхалим», hastamest «претвердый", aldžamuldž „сумерки"..., новоармянские диалектные phəšrel-məšrel, klor-mlor „кругленький", hac-mac „хлеб и пр.", каковое явление свойственно и турецким языкам, как ath-math „лошади" (от ath „лошадь"), khithab mithab „книги" (от арабск. khithab „книга").... грузинскому, араб-

скому. Может быть и внутренняя переогласовка во втором повторе (напр., a ‖ u), как новоармянские manr-munr „мелкий-премелкий" (от manr „мелкий"), çak u çuk „разные отверстия, дыры" (от çak „дыра"), xaṙnixuṙn „смешанный" (от xaṙn „смешанный") и т. д., что есть и в турецком языке, как phalas phulus „лохмотья" и пр.

Но при всех этих общеязыковых явлениях повторности или редупликации в армянском есть еще одна особенность, которая как будто только ему и свойственна: диссимилятивная разновидность повтора может отделиться и стать самостоятельным словом с тем же или близким значением. Такое новое слово может образоваться и без непосредственной повторности, а как бы мысленно отпочковаться от основной первоначальной формы, как модели. Для первого случая, например, в диалектах имеем: 1) от xəçəç-el «запутать» через повтор xəçəçel-məçəçel «очень запутать» имеем выделенное новое məçəç-el с тем же значением (в ванском, араратском диалектах), 2) от phəśr-el „раскрошить" через повтор phəśrel-məśrel имеем новый глагол məśr-el (в тех же диалектах) со смысловой дифференциацией phəśr-el „раскрошить твердые вещи", а məśr-el „раскрошить или размельчать рыхлые вещи" (от начального слова phəšur<phəxur „рыхлый, крошка")[1]; 3) от luṙ „послушный" через luṙ-muṙ или luṙ u muṙ имеем новое muṙ (id.) и глагол məṙ-el „слушаться" (в средних веках и в совр. диалектах), məṙ-uk „покорный" и возможно mundž „немой" (<*mudž<muṙ), 4) от olor „завиток" (olor-el „вить") через olor-molor имеем molor „заблудившийся" (откуда molor-ak „планета"); 5) от paɫat-el „упрашивать, молить" в карабахском диалекте образуется повтор aɫat-paɫat „мольба" и выделяется часть aɫat в форме твор. падежа aɫatov „умолительно" и aɫat-aɫat как новый повтор со значением „сердобольно, удрученно".

Но еще больше имеется новообразований не через непосредственное повторение и отделение (отпочковывание)

---

[1] Этот корень phxur ‖ phuxr „рыхлый, хрупкий", есть и в грузинском, как мегр. phxureba „крошить", phušruk „кушание из муки и меда" и т. д. (см. мою работу „Происхождение древнеармянского слова amehi".

нового компонента этого повтора, а через мысленное противополагание и диссимиляцию, как бы минуя формальное повторение (редупликацию). Это явление, как чисто армянское своеобразное словообразование, бытовало еще в древности и продолжается еще сейчас в диалектах. Таковы, по-моему, армянские *mux* «дым» в связи с более древним çux, как армянский эквивалент хеттского tuḫḫuis «дым», затем *ustr* «сын», как новообразование от dustr «дочь» (ер. повтор. «и родил царь usters dsters bazums = сыновей и дочерей многих» у древних арм. историков) подобно тому, как у ванских армян сейчас имеется urus murus в значении «усы-борода» (от murus «борода»)[1].

Этой же форме новообразований я приписываю ерзнкайское слово *arikh* «возраст» от обыкновенного и древнего tarikh (id.) от tari „год", слово *mast* „большой или толстый" у малатийских армян в связи с обыкновенным hast „толстый" (в древности „твердый"); сравни hastamest „претвердый" в древнеармянском. Этой же тенденции выделения обязаны диалектные *məndzərwel* „обжечься" (платье и пр.) при старом xəndzərwel (id.), *mərər-al* при çərər-al „ныть, хныкать", *mərandi* (или *marandu*) у араратцев и ванцев в значении „крупный и круглый серп" при обыкновенном gerandi (или gerandu) „коса" у пахарей. Точно так же от слова xorovu „сжаренный целиком (с головой) в тонире баран или овца" в араратском диалекте есть новообразование *gorovu* „варимая в горшке крупа (dzavar), на которую падают жирные капли от xorovu". В одной народной песне я слышал образование *inar* в связи с çinar „платан, чинара" в двустишии:

---

[1] Тенденция сокращения в повторе первого согласного первого компонента очень распространена в армянских диалектах, как, например: akhan-cakhan *(աչքն-ցաչքն)* „рассыпно, врассыпную", arkhov-pharkhov *(առիվ-փառիվ)* „преславно" (от phaṙkh „слава"), açiç-paçiç *(աճիճ-պաճիճ)* „карлик, невзрачный", aklez-pəklez *(ակլեզ-պրկլեզ)* „выскочка, легкомысленный", araṙ-çaraṙ *(առաջ-ճառաջ)* „разливно", Asis-Masis *(Ասիս-Մասիս)* „Малый и Большой Арарат", ajlun-phajlun *(աչլուն-փաչլուն)* „блестящий, блестяще", aṙlundz-baṙlundz *(ալուձ-բալուձ* в Агулисе) „вздоры", aval-thaval *(ավալ-թավալ* в арар. и ванск. диалектах) „барахтание в грязи или на земле", arunkh-garunkh *(գարունք-գարունք* в Тавризе) „весна, весенняя пора" от garun „весна" и т. п.

inar jarin em asel | činar čarin hoj hoj „инару другу я пою, чинаре дереву, ой, ой".

Как видно из всего вышеприведенного, *диссимилятивное словообразование либо через повторы, что у армян очень часты, либо минуя это формально, представляет вполне закономерное явление, продолжающееся в практике в диалектах и до сих пор.*

7. ИСТОРИЗМ В СТАНОВЛЕНИИ ЯЗЫКОВОГО ЯВЛЕНИЯ ПО ДАННЫМ РАЗВИТИЯ АРМЯНСКОГО ЯЗЫКА

Я уже подчеркнул, что размеры осуществления языковых закономерностей не безграничны, что многие из них были уже не продуктивны даже в древнеармянском и как бы замерли, имея для этого видимо и лингвистические рамки распространения, т. е. отчасти формальные, как и общие культурно-исторические. Спонтанность или самобытность многих фонетико-морфологических и фонетико-лексикологических новообразований в армянском языке, даже на чисто звукоподражательном материале, как мной было показано, не вызывает сомнений, хотя очевидны и их общелингвистические корни и подосновы. Оформление этих армянских (общих или диалектных) закономерностей развития, с привносом даже новых морфологических категорий (как, например, рода), естественно, может иметь для себя как задерживающие, так и ускоряющие обстоятельства. Нет сомнения, что в число этих ускоряющих обстоятельств нужно включить культурные и общеполитические условия современности с ее развитым общением.

Для нас сейчас очевидно, что в Советской Армении выработанный общий, единый, национальный язык естественно пресекает те подчас стихийные словообразовательные и чисто фонетические закономерности или процессы, которые бытовали и даже сейчас бытуют в наших диалектах. И естественно, что наш современный язык может только использовать эти народные диалектные выражения, вроде вышеприведенных

разнооформленных повторов (редупликаций), но сам создать их уже не в состоянии, ибо эта схема для него уже мертва. Сами же диалекты, со своей стороны, перестают существовать и оказать влияние своими закономерностями на наш язык уже не могут.

С другой стороны, когда консолидирующее влияние общеармянского языка на диалекты с VII—VIII вв. уже перестало существовать по причинам политического порядка, в связи с политико-культурным раздроблением Армении, то центробежные силы уже начинали превалировать, и диалекты уже стали усиливаться и развиваться самостоятельно. В VIII веке в диалектах уже встречаются такие формы, как pazuk или phazuk «свекла» при общенародном и литературном bazuk. Говорится уже о периферийных семи диалектах наряду с центральными. С этого же времени, точнее в IX—XI вв., перерождается твердое ł (русск. лъ) в звонкий фрикатив γ, в известных диалектах древние b, d, g, dz, dž становятся либо глухими, либо аспиратами: звонкими аспиратами в начале и глухими аспиратами в середине, смотря по диалекту и по месту в слове. Новоармянский язык сохраняет для начальных b, d, g, dz, dž их древнее произношение. Дифтонги и трифтонги перерождаются в монофтонги aw>o, aj>ē или a, oj>i или u, ea>e, eaj>ē и пр., а с другой стороны «e» и «o» в начале слова (иногда и в середине) становятся «je» и «wo» (uo) или vo. Древняя редукция гласных, в зависимости от перемещения места силового ударения, ослабевает и не проявляется с той закономерностью, как в древнеармянском языке.

Даже структура современных диалектов довольно отдалилась от структуры древнеармянского. В последнем склонение имен разно происходит в единственном и множественном числах, за исключением творительного падежа множественного числа, который повторяет форму единственного числа, прибавляя признак множественного числа (kh), как это имеет место и в спряжении, где для первого лица множественного числа настоящего времени повторяется форма единственного числа первого лица, к которому прибавляется тот же знак

множественности (kh). В диалектах же, как и в современном литературном языке, развившемся на основе араратского диалекта, формы склонения единственного числа повторяются и во множественном числе, имея до этого приставление -ег или -пег для множественности, совсем как в тюркских языках или в современном грузинском, в этом случае пережившем участь современного армянского в отношении своего древнего периода. Получилась как бы новая структурность, развилась аналитическая и агглютинативная тенденция на месте старой синтетической и флективной. То же самое мы видим и в глагольном спряжении наших диалектов, а также и в литературном общенародном языке современных армян.

Если можно все эти морфологические пертурбации назвать закономерностями, ибо они сейчас для нас уже нормативны в отношении структуры и морфологических норм древнеармянского и стали законами, то смело можно сказать, что все эти новоизменения в армянских диалектах (и в современном литературном армянском) в своем ускоренном оформлении обязаны особенно тем политическим и культурным факторам, о которых я уже упомянул выше, а именно отсутствию консолидирующего влияния государственности, а также церкви. С этой точки зрения мы должны изучать языковые факты и процессы не в отрыве от истории данного народа, а в связи с этой историей, хотя, как я уже указал, влияние исторических изменений сказывается не сразу, а с течением многих веков. Я не говорю о лексике, которая непосредственно отражает многие исторические перемены.

Начавшееся уже в средних веках (VIII—XI вв.) более или менее самостоятельное, не сковываемое консолидирующими нормами грабара, разнонаправленное развитие армянских диалектов, особенно в грамматике (в склонении, спряжении и отчасти в словообразовании), было до этого имманентно уже обусловлено и спорадически давало себя чувствовать и проникать даже в самую систему грабара, хотя доминирующая и консолидирующая роль хайского языка (т. е. языка бывшего политического объединения Хайаса) при своем распространении на территорию Урарту, начиная с начала VII в.

до н. э., сталкивалась с разными противостоящими этно-языковыми условиями. Эти начальные дифференцирующие задатки, пережиточно еще бытовавшие даже в период расцвета общеармянского государственного языка (грабара), естественно должны были разрастись, перерасти в новые особенности в спряжении и склонении, синтаксисе, общей структуре и системе, дать новые образования диалектов -um, -ku, -lis, новое управление с несогласованным определением в род. п. на первом месте (hor tunə «дом отца» при древнем tun hörn), с послелогами вместо древних предлогов и пр.

Не можем отрицать и влияния других соседних языков на отдельные, спорадически дающие себя чувствовать сферы, особенно в области лексики. Но такие явления как синтаксические, что сейчас противоположны грабару, были обусловлены *своим собственным развитием*, подобно грузинскому, а не влиянием тюркских языков, как трактовал в одно время акад. Р. Ачарян.

8. ЗАКОНОМЕРНОСТИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ИЗМЕНЕНИЙ В МЫШЛЕНИИ И СЕМАНТИКЕ СЛОВ

При выяснении эволюции развития сохранившихся языков, для чего нам нужны материалы конкретных языков на продолжении сотен лет, а еще лучше нескольких тысячелетий,— мы должны, во-первых, дать сравнительное описание по периодам или фазам постепенного перехода или развития языка, где наблюдаются некоторые сдвиги или изменения. А этого не может быть в той или иной степени. Правда, есть языки, большей частью с крестьянским бытом их носителей, которые изменились незначительно, тогда как в тот же приблизительно промежуток времени другие языки изменились более сильно. Я уж не говорю о разностепенной изменяемости отдельных сторон одного и того же языка, особенно грамматики в отношении лексики, т. е. того, что называют проницаемыми или непроницаемыми сферами, хотя в конечном счете все части языка подвержены воздействию и изменению. Вопрос только о степени, времени и специфике элементов.

Независимо от этого, мы в жизни языков должны особо отметить процессы образования и бытования внутренних законов их развития, ибо неизменных состояний в языке не может быть. Вопрос состоит сейчас только в том, что же может собой представлять процесс изменения в языке, каковы тенденции этих изменений, какие из них мы можем назвать законами и какими? Что эти состояния меняются и должны меняться, это не вызывает сомнений, это как бы присуще языку, имея в виду также общий прогресс мышления и цивилизации, начиная от примитивных состояний языка и мышления первобытных людей («дологическое мышление»), хотя язык может пережиточно унаследовать многое от первоначальных представлений и оценок, ничего общего не имеющих для современного миропонимания. Например, многие языки сохраняют так называемые именные классы (роды) для женского, мужского, предметного („sächliches Geschlecht"), животного, высшего-низшего, одушевленного-неодушевленного и прочих слов-имен, выражая их особыми звуками-показателями, приставленными к этим словам. Многие языки передают в глагольной личной форме также отношение к объекту глагола, хотя в предложении уже имеется особое слово для этого объекта. Многие языки в одном слове-имени передавали не только отношение к лицу, определенности, роду или классу и т. п., но и сложные численные отношения двойственности, тройственности и даже четверного выражения, тогда как языковое оформление позднее постепенно освобождалось от всего этого балласта в одном слове, и все подобные реляции передаются уже особыми словами, и числовое выражение в одном слове (имени и глаголе) сводится к единственности и множественности.

Такие пертурбации мы можем проследить и в отношении морфологических категорий лица. И все эти изменения связаны с прогрессом мышления и культуры. И когда, например, раньше русский человек мог говорить «барыня кушают», что логически для нас является сейчас нонсенсом, то это вполне правильно понимается и объясняется при рабском положении крестьянки у помещика. Также мы объясним, когда в герман-

ском или итальянском языках при обращении ко второму лицу, слово оформляется не только во множественном числе из-за учтивости, но и меняет второе лицо на третье. При всем этом языки отражают не только новое, прогрессивное, но и сохраняют по традиции многое из старого.

Это предшествующее состояние языка сказываеатся не только в мышлении и мировоззрении, но и в структурно-морфологической области. Некоторые писатели-армяне, например, захотели под влиянием греческого языка ввести местоимение третьего лица женского рода «она» и рядом с арм. na *(նա)* «он» сформулировали nē *(նէ)* для женского рода, но, конечно, это не было воспринято народом, ибо вообще категория рода чужда нашему языку. Но, когда под влиянием того же греческого языка захотели составить многие глаголы с превербиями, взяв эти префиксы-частицы из когда-то самостоятельных корней, то это привилось, потому что в армянском имелось некоторое префигирование в глаголах, хотя бы всего в нескольких случаях ham- (‖ am-), an-, t-, hə- (из hu-). Эта новая практика не только привилась, но послужила богатым и продуктивным способом для словотворчества.

И вообще, любому языку должна быть имманентно присуща потенция развития нового явления или процесса грамматико-лексического характера, исходя из наличия специфики своего фонетико-морфологического состояния, если в рамках этого состояния выдвигается и вырастает настоятельная необходимость иметь для новой категоризации или концепции языкового мышления также и новое современное языковое оформление.

Армянский язык, как видели, обходится без формально-грамматического выражения уничижительных существительных (домишко, городишко и пр.), без формального выражения увеличительных (домище, городище и пр.), не отражает в мышлении и оформлении таких видовых (аспектных) тонкостей, как русские бросать ‖ бросить, двигать ‖ двинуть, писать ‖ написать и т. п., обходится без мужского, женского и прочих родов, подобно многим языкам. Но когда в древнейшее время из нейтрально-диффузного понимания глагольной

формы «транзитива» возникла актуальная необходимость также и разноформенного отражения обособившихся в мышлении действительного и страдательного залогов, то этот древнеармянский язык сумел, хотя и в несовершенном виде, создать и новые формы для этих залогов. Так, для «u» спряжения формы настоящего, прошедшего несовершенного и будущего времени не дифференцированы—thołum «оставляю» и «оставляюсь», thołul «я оставлял» и «я оставлялся», thołucum «я оставлю, оставил бы», но и «оставлюсь, оставился бы», но для «a» спряжения, которое также не дифференцировано в формах настоящего и прошедшего несовершенного времен, для будущего уже имеются две формы: например, kardajcem «прочту» и kardajcim «буду прочтен», а глаголы «e» спряжения дифференцируются в настоящем времени: grem «пишу», но и grim «пишусь» (при дифференцированном же будущем — gricem «буду писать» и gricim «буду написанным» и при общем имперфекте grei). Формы аориста для всех глаголов «e», «a» и «u» спряжений уже дифференцированы greci-grecaj, kardaci-kardacaj, thoł-thołaj). Но остались не дифференцированными причастия (за исключением причастия наст. вр.), напр. thołeal значит и «оставивший» и «оставленный», thołaç — те же значения, thołloc (прич. буд. вр.) имеет также два значения (ср. из евангелия: mi omn i dzēndž matnełoc ē zis «некто из вас предаст меня», но ordi mardoj matneloc ē «сын человека будет предан»). Даже причастия буд. вр. на -li имеют два значения, как sireli, ateli и пр. значат «любимый», «ненавидимый» и пр., но и «любящий», «ненавидящий» и пр., от чего остались современные banali «открывающий», т. е. ключ, ʻhoseli «развеивающий» (инструмент для развеивания молоченного хлеба), açeli «бритва», uneli «щипцы» и т. п. Современное диалектное причастие на -uk *(-ուկ)* также имеет значение обоих залогов, как čoban xabuk «пастуха обманывающий» (птица), sirt mašuk (литер.) «сердце изнуряющий» и пр., но напр. isa tet phoruk a «это место выкопано», namak gruk a «письмо написано» и т. п. Тем не менее наши диалекты лучше и совершеннее древнеармянского языка развили дифференциацию залогов тем, что создали для страдательного залога осо-

бый форматив (w), вставляемый перед личными окончаниями, в причастиях, как и в неопределенном «наклонении» (напр. grel «писать» — grwel «быть написанным», grum ē пишет, но grwum ē «пишется» и т. д.).

Мы знаем, что есть даже языки, в которых подлежащее (субъект) и прямое дополнение (объект) принимают разные формы, смотря по тому, является ли глагол действительного или среднего залога, как в урартском, хурритском и других. На этом основывается и эргативная конструкция в кавказских и других языках.

Как видим из истории армянского языка, в течение очень длительного периода имманентно, без внешних внезапных импульсов, оформилась дифференциация двух противоположных глагольных залогов — действительного и страдательного. Это есть самобытное национально-оформленное явление и отвечает общеязыковой практике в известный период развития нашего языка и мышления.

Для данного конкретного языка оформление может получиться разнородное, хотя иногда бывает между языками и внешнее сходство (ср. суффиксацию w в новоармянском и la в турецком для страд. залога). Это есть проявление самой сущности становления прогрессирующего языка, для новой потребности, для нового вида языкового мышления, для отражения формы (рода) этого мышления.

* * *

Лингвист, изучавший конкретную историю языков со всеми фонетическими, морфологическими, лексикологическими процессами и законами, не может признать «закон семантической противоположности» с наименованием одним словом и дня и ночи, и начала и конца, и огня и воды и т. п. Если, конечно, не придерживаться исторического развития языка и если пренебречь фонетическими закономерными изменениями, то возможны, конечно, такие выкрутасы. В армянском, например, есть глагол pagar-el «быть незанятым», но и «быть занятым, заниматься», подобно груз. mocale «праздный, не-

занятой", но mocaleba «заниматься», вроде греч. sxolazo «быть праздным, незанятым», «отдыхать», но и «заниматься», в частности «учить, проповедывать» (в часы досуга). Тут два противоречащих на вид значения нужно понять психологически.

Некоторые наши советские лингвисты продолжают выдвигать «закон семантической цепи или цепного развития»[1]. Тут специального «закона» я не вижу. От одного начального значения, естественно, может образоваться много новых значений, иногда так далеко отходящих от первоначального значения, что их правильно называют омонимами. Но по каким «законам» они осуществляются? Нет сомнения, что тут действуют обыкновенные психические ассоциации по смежности, сходству, функции («функциональная семантика») и, возможно, по противоположности, хотя это тоже можно подвести под ассоциацию по смежности. Сами же значения образуются и понимаются вследствие новых понятий, новых потребностей, в соответствии с исторической эпохой. Так, когда слово для понятия «изгороди» (для скота и пр.) в монгольском становится в позднее время «городом», то это явление вполне закономерно и наблюдается также в других языках: ср. городить, ограда... и город, урартское patari «город» от корня pat- «окружать» (есть в армянском, аккадском и хеттском). Слово bure во французском значило «скатерть из верблюжьей шерсти», откуда bureau «стол», а затем «канцелярия», „люди этой канцелярии" и, наконец, «целое учреждение» («бюро труда») и «люди этого учреждения» (политбюро). Ср. также многочисленные переходы слова «острый», "операция», «сезон» и пр. В армянском akn «глаз» стало означать также «драгоценный камень» (на перстне), а в народе и «колесо», на которых мы можем создать новые производные слова (напр. aknelën „драгоценности").

За исключением собственных имен и узких терминов, все нарицательные слова должны иметь переходные значения, ибо для каждого лексического нюанса мы не можем создать

---

[1] Например, у Т. А. Бертагаева в статье „К вопросу о внутренних законах развития полисемии", См. „Известия АН СССР", отд. лит. и языка, т. X. вып. 6, 1951, стр. 573—589.

соответствующего слова, что было бы балластом для нашей памяти и языка. Но, с другой стороны, мы не можем иметь «закона» для семантических нюансов и переходов любого слова, т. е. *внутренних законов* для полисемии слова и семантических пучков. Кто мог бы предвидеть, что во многих языках слова, обозначающие доброту, мягкость или искренность, стали обозначать тем самым и глупость. Или как это стало, что глагол «организовать» в известном жаргоне означает и «воровать»? Примеров, конечно, бесчисленное множество. Мы можем объяснять эти переходы, но устанавливать «внутренние законы», как регулярную норму, мы не можем, тем более, что в жизни языка устанавливаются разные периоды с разными иногда противоречивыми воззрениями. Например, слово «деревня» (село) в грузинском языке обозначает одновременно и «мир, вселенная», или слово «сын» в некоторых семитических языках (отчасти и в древнеармянском) приобрело особый смысл и функцию, как «сын пути» (=путник), «сын города» (=горожанин), сын сада (=садовник), «сын стада» (=пастух) и т. п. В некоторых же языках (турецком, армянском, сирийском) слово «весь, целый» означает также «живой, здоровый» (ср. также русск. целый и исцелять).

Некоторые лингвисты хотят выдвинуть, наряду с внутренними законами развития языка, также и общие законы, под которыми они подразумевают коммуникативный характер языка, процесс постепенной замены элементов старого качества новыми элементами, разную в хронологическом отношении эволюцию компонентов или элементов языка и т. п. Но, по-моему, это составляет постоянную функцию самого языка и вытекает из самой его сущности и, следовательно, незачем их подвести под понятие „закона" и более запутать конкретность нашего понимания «внутренних законов развития языка».

В заключение могу сказать, что строительные и морфологическо-фонетические или морфологическо-лексикологические возможности языка не безграничны, они обусловлены многими обстоятельствами и формально-языковыми состоя-

ниями. Такие процессы и явления не всегда приобретают четкий оформленный и законченный характер. Не знаю, в какой степени нужно применять термины «закон» или „закономерность» в отношении голых фонетических изменений, хотя бы и нормативных и регулярных. Но подобные и другие грамматико-лексикологические процессы нужно подвести непременно под действие «внутренних законов развития», если *они более или менее регулярны и вместо бывшего содержания, структуры и функции приобретают новое значение, новую концепцию, вызывают перемену в других конструктивных частях системы языка и имеют в общем новое конструктивное значение для прогресса языка, для его развертывания и совершенствования.* Несомненно, эти внутренние законы развития, как конкретно-языковые достижения, отражают национально-самобытное своеобразие данного языка, как исторически сложившегося организма, хотя, как я подчеркнул в этой работе, перипетии общественной жизни в грамматике (морфологии) непосредственно не отражаются.

Естественно, нам недостает еще много работ историко-исследовательского характера по определению и выявлению внутренних законов развития языка. Требуется совместное усилие многих лингвистов, чтобы эта проблема была окончательно решена.

Эта работа — лишь один из первых опытов в этом направлении, с использовнием богатых данных древнеармянского языка и его современных диалектов.

1952 г.

ПАЛАЙСКИЙ ЯЗЫК

Многочисленные племена или народности пала (palā) упоминаются за полторы тысячи лет до нашей эры и имели особый язык, судя по клинообразным хеттским надписям из Богазкея (=хетт. Ḫattuša, столица хеттов) в Малой Азии.

Разновидность произношения этого имени с начальным п/б (p/b) возможна не только по свойству графики хеттского письма, где глухие и звонкие четко не различаются, хотя глухие и доминируют, но и поздними данными армянской топонимики, судя по переселению этих племен вместе с хайасцами на территорию Великой Армении.

Обширные районы палайцев входили, как провинция, в состав хеттского государства, куда входила и Хайаса-Аззи, как конфедерат на договорных началах. Страна Пала находилась в «Верхней стране» (районы Понта), была низменной и незащищенной, славилась торговлей и помещалась между городами Думанна и Дурмитта, судя по хеттским клинописям. Первое имя я отождествляю с именем города Домана, приводимым Птоломеем (V, 6, 18) западнее Саталы (арм. Satal в Малой Армении) в направлении на запад к Никополю (см. Н. Адонц, Армения в эпоху Юстиниана, стр. 74). Дурмитта же, вероятно, находилась близ современного Арабкира, ибо, судя по одной клинописи, «люди из Дурмитты бежали в страну Ишува», т. е. в районы современных Дерсим—Мзур—Чарсанджак—Харпут. Можно, в общем, заключить, что Пала находилась западнее Хайаса-Аззи, у Герджаниса и севернее по долине реки Келькит.

Имя палайцев позже, вероятно с VII в. до н. э., встречается во многих географических местах Великой Армении, судя по письменным документам армянских писателей, как и

по наличным географическим именам, существующим и сейчас.

Нам известно, что к концу VIII в. до н. э. киммеры сильно наседали на западные рубежи Урарту, царь которого Руса I, потерпел от них сильное поражение. Весь седьмой век они держали Малую Азию в состоянии войн и набегов, доходя до Лидии. В связи с этим многие племена и народы снялись со своих насиженных мест, в том числе хайасцы, пала, мосхи, хеттские манда, сала и др.[1], и частично или полностью эмигрировали на восток в более безопасные места, особенно в районы обессиленного от скифских набегов Урарту. Мною определенно устанавливаются пути передвижения хайасцев и палайцев, с одной стороны, на восток по Чороху и Араксу вплоть до Сюнии, а возможно, и Карабаха (ср. Kirā bala у арабского историка Беладзури, что по-персидски значит «племена бала», как есть daštakarān «равнинные племена», phajtakarān «пайт-племена»). Часть Сюнии называлась у армян bałac aršarh «балов страна» (где Bałaberd «крепость балов», Bałaku khar «Камень Балака» (=балайца), Bałac tun «дом балайцев и пр.). С другой стороны, эти племена перекочевали в районы нижнего течения реки Аракси (Мурад-чая), где они заняли места городов Балу и Балалейс=Балеш (=Битлис), местечек Палин, коих несколько и в разных местах, районов Бала-овит («равнина Бала»), Палуни (княжество), Палана-тун (или Паланакан тун) «дом палайский» и др.[2].

Урартские надписи восьмого века из Изоглу (на Евфрате, против Мелиты), Балу и Палина подробно перечисляют многочисленные имена городов, районов, даже фамилии владетелей и т. п., но ничего не говорят о палайцах и местах с их именем, из чего я заключаю, что передвижение всех этих палайцев, хайасцев, манда, сала и др. на новые места в Урарту имело место только в седьмом веке до нашей эры, на что имеются и другие данные.

---

[1] От имени этих манда и сала имеем наименование армянских феодальных родов Mandakuni и Salkuni//Səlkuni.

[2] Подробнее см. мою книгу „Хайаса—колыбель армян", 1948. Ереван, стр. 128—131.

На территории Урарту — Армении—палайцы ассимилировались с хайасцами, т. е. хаями (=армянами), которые после распадения хеттского государства, в период XII—VII веков до н. э., еще больше усилились, особенно на юге, в Тогарме, как в политическом отношении, так и в этническом. В дальнейшем хаи распространились уже на восток, на территории бывшего Урарту, когда поглотили многочисленные его племена и народы халдов-урартцев.

Естественно, возникает вопрос о влиянии этих многочисленных этнических языков на язык хаев, письменно нам известный с пятого века н. э. К несчастью, из этих местных языков письменно сохранились лишь языки халдов-урартцев и хурритов, диалектически сохранившихся позже и в лице армшов и шупритов на верховьях Тигра, к югу от сасунских гор, на пространстве от Амиды (Диарбекира) до Мнафаркина (Тигранакерта). Эти урартизмы и хурритизмы армянского (хайского) языка нами учтены и объяснены, с чем нужно объяснить проникновение в армянский язык также и аккадской лексики[1]. Здесь может быть и сиро-арамейское древнее опосредствование. Западнее Евфрата и на территории Софены (клинописное Ṣupa) еще в VIII—VII веках жили хетты, которые отчасти также армянизировались и дали нашему языку многочисленные хеттизмы, начиная, по крайней мере, еще с XV века до н. э., при существовании политического объединения Хайаса-Аззи. Эти хеттизмы нами также выявлены.

Но недавно в тридцатых годах в богазкейском клинописном архиве хеттов обнаружены фрагменты надписей, которые точно установлены как «палайские». Они исследованы главным образом немецкими учеными Оттеном и Босертом. Естественно эти надписи должны вызвать интерес и у арменоведов, хотя языки хаев (=армян) и палайцев отдалены друг от друга почти двухтысячелетней давностью: клинописный палайский засвидетельствован не позже XII—XIV веков до нашей эры, а армянский только с V века нашей эры. Тем

[1] См. мою работу „Ассиро-вавилонские слова армянского языка", Ереван, 1945, стр. 45.

не менее, по моей концепции образования армянского народа и языка, этот палайский клинописный язык также должен быть учтен, хотя и представлен немногими фрагментами и вдобавок почти не понимается.

В хеттских текстах культового (ритуального) характера установился своеобразный обычай: при повествовании или воспевании части, касающейся этнических божеств, старуха свой речитатив исполняет на языке данной этники (племени, народа). Так, например, поется по протохеттски (ḫattili) для богини солнца из города Аринна, по хурритски (ḫurlili) для богини Хепат (Хепит). Так же делается, видимо как особое уважение, и для божества Запарва, родного для палайцев, причем в хеттском клинописном тексте специально подчеркивается, что «старуха (^{SAL}ŠU.GI) для божества Запарва слово (речь) для memal- (мучное, хлебное) по палайски (palaumnili) произносит» (KUB II 4, IV, строки 9 и сл.).

Подобное видим и в других фрагментах (Bo 441): «когда хлебы («лаваши») крошит, старуха бога Зипарва слова для хлебов по палайски произносит»[1]. Из этого нужно делать заключение, что Зипарва (по палайски Запарва) был божеством земледелия и быть может само это имя значило «хлеб, зерно, мука, крупа, еда» (об этом см. ниже).

В дальнейшем удалось выявить из богазкейских архивов и другие фрагменты, написанные уже на палайском языке, особенно из раскопок 1933 и 1936 годов. Тем не менее эти тексты пока еще не понимаются, чему немало мешает почти полное отсутствие детерминативов и идеограмм, подобно отчасти хурритской графике.

Из фонетических особенностей следует отметить чередование wu//pu, как имя бога Kataḫziwuri//Kataḫzipuri, wulašina//pulašina и др., что быть может говорит за существование аспирата ph. Писание šuwanta или šuwanda может свидетельствовать за смешение в произношении глухих и звонких, как в хеттском, но других убедительных примеров

---

[1] Все эти сведения, как и тексты-отрывки, написанные на палайском языке, я взял из статьи H. Otten'a (см. ZA, NF. § 14, Leipzig, 1944, стр. 119—145), любезно присланной мне чешским Институтом востоковедения.

нет. В имени бога Gulzannigaš / Gulzannikeš писание в последней форме k вместо g скорее есть воздействие следующего «e» (суф. -eš для множ. числа?).

Отчасти подобное явление наличествует и в хеттском (см. у А. Гетце „Die Annalen des Muršiliš", 1933, стр. 272): ariśgaveni, ḫaliśgaveni, uśgaven, daśgaveni..., но talliškiveni, daškivaui, zikkivani и др. Ср древнеармянское and „там", но anti „оттуда", с изменением звонкого „d" в глухое" „t".

Палайский язык не начинает слов с «r», подобно хеттскому, хурритскому, армянскому и многим другим языкам.

С точки зрения морфологической структуры палайский язык не применяет префиксов, а только суффиксы и флексии с конца, не прибегая также к внутреннему словоизменению. Функции склоняемых и спрягаемых форм пока удовлетворительно не могут быть определимы. Но предположительно, сравнивая с хеттскими окончаниями, кое-что можно более или менее зафиксировать.

Склоняемых форм единственного числа можно установить пять: -*š* (-iš, -aš, -uš), напр. tabarnaš ^{AL}tavannanaš, tabarnaš ḫalluiš, viśtiš и др.: *без окончания*, напр. город Liḫzina, бог Zaparwa и т. д.; -*i* (-ai), напр. ^{d}Zaparwai; -*az* напр. ^{d}Zaparwaz.

Из этих форм последняя (-az) несомненно показывала исходный-отложительный (Ablativus) падеж, имея в виду, что хеттский язык, соседний с палайским, имел такое же окончание с той же падежной функцией. Падежная же форма на -i (^{d}Zaparwai), вероятно, служила для дательного, а может быть и для родительного падежа, подобно отчасти урартскому и армянскому языкам (в хеттском же для дательного падежа). Форма на -*š* вероятно выражала падеж субъекта (имен. п.), а форма без окончания — для винительного падежа (?), хотя в этом случае мы ожидали бы окончание -n.

Приводят и форму ^{d}Zaparwa-tašaš, но она, по-моему, сложное слово из имени (основы) бога Zaparwa и слова taša (*s*), что, вероятно, значило «статуя, идол» и известно нам из хурритского и урартского языков в форме taše, как и из дневной топонимики Малой Азии (см. мою работу «Суффиксы и суффигированные слова в топонимике древней Ма-

лой Азии», Ереван, 1948, стр. 23—25). В хурритских личных именах из Нузи (изд. в Чикаго, 1943, стр. 263) имеем элемент taššī: Amitaššī, Mittartaššī, Dannataššī, Batataššī, Šerpataššī. Для последнего имени я бы обратил внимание на хеттское GIŠšarpa — род дерева ('brushwood, verbenae"?' Sturt., Hitt. Glossary, II 135), так что хурритское Šerpataššī могло значить „статуя или фигура из дерева š.". Затем в письме Тушратты также употребляется это слово tašēna (во множ. ч.), причем это писание одного š (а не šš) вторит другим подобным писаниям этого письма (ela/i „сестра", en/a „бог", šala „дочь", šena „брат" при нузийских elli, enni/enna, šalli, šenni).

Мессершмидт, издавший в 1887 году письмо Тушратты («Mitanni Brief»), переводит хурритское taše через «священный подарок» (Weihgeschenk), что, по-моему, неточно.

В урартском также встречается это слово. Например, в надписи царя Русы I из Кешишгёля читаем (строки 10—11) iu iul ṣue taše terubi «когда этому озеру статую я поставил», или в одной надписи из Армавира, имеющей ритуальный характер (сохранилось 13 строк), ali taše amani bidi «что статуя, сосуд...». Особенно близко к палайскому dZaparuataša наименование (урартское или хеттское) одного места («города») из надписи урартского царя Сардура на Евфрате (у села Изоглу), где в числе завоеванных у хеттского князя Хиларуада городов приводится и имя URU dKuirai-taše (строки 28—31), что значит «город статуи бога Кулра»[1].

Наконец, в малоазиатской древней топонимике есть dasa или dase как Thentidása, Merindásē, Erpidasē и пр., которые приводятся П. Кречмером в своем «Введение в историю греч. языка», что, несомненно, есть наше слово taša, наличное в палайском dZaparwataša(š). Азианическое происхождение слова taše//taši//taša «статуя, фигурка, идол» несомненно, и употреблялось также у палайцев.

Спрягаемые формы палайского глагола также выделяются, как мы это видели в склоняемых формах, но, естествен-

[1] Ср. имя бога Халлара, почитаемого в городе Дунна (в трактатах и протохеттской литургии).

но, не все формы могут пока быть точно определены. Дальнейшие возможные материалы из раскопок могут восполнить этот большой пробел. Удается пока определить противополагание глагольной формы, возможно императива (буд. вр.), ašandu (мн. ч.) и ašdu (ед. ч.), основываясь на идентичных хеттских формах ešdu «да будет» и ašandu «да будут». Эта форма выступает вместе с причастной формой на -ant (сред. или страд. залога) takkuwanteš ašandu. Анализ предложений, приводимых Г. Оттен'ом (Zum palaischen, стр. 129—132), подтверждает его заключение о том, что глагол — сказуемое большей частью ставится на конце. Интересующая нас глагольная форма имеется, например, в предложениях: ...takkuwanteš ašandu anta kuwanīš tašura takkuwanteš ašandu anta warlaḫiš kuwalima takkuwanteš ašandu ittinanta... Мы не знаем значения ни глагола takkuwa- (есть и отдельная форма takkuwati), ни других слов этих предложений. Знаем только, что каждое из этих предложений начинается словом anta («после, затем?») или ittinanta. Причастный оборот с вспомогательным глаголом aš- «быть» (или с другим подобным глаголом) самое обычное образование также в хеттском языке[1], где причастие дает разновидности формы -ant- // -anza (и с окончанием мн. ч. -anteš), отражающиеся в армянском через -and и -andž.

Как имеем ašdu и ašandu, также противополагаются takkuwati, -ḫuilati, ḫantanati („ставить?") и т. д. при ḫašanti, mušanti, aḫuwanti, atanti и др., т. е. при формах единственного числа на -ati, возможно настоящего времени, имеем формы на -anti множественного числа, что свойственно языкам индоевропейской системы.

Формы на -at мне кажутся глагольными, в значении 3-го лица ед. ч. прошедшего времени (претерита), подобно хеттскому окончанию -t, а не предполагаемые названия «частей жертвенного животного», как у Г. Оттена (стр. 131, прим. 21). Есть и разновидность окончания -k-at: wārrakat, aršūkat, ḫu-

[1] Ср. например: arkammaššakan... išḫiḪanza eśta „подать... наложенной была", arān eśta „восставшим он был" и т. п.

waššannikat, ḫuwanḫuwanikat, ginukat. bannukat, šalliqqat («увеличился?») и др.

Известный хеттолог Фердинанд Зоммер в своем письме Оттену ki-i-ta-ar нескольких палайских предложений хочет объяснить как средне- или страдательно-залоговую (mediopassivum) форму, как имеем в хеттском от корня ištamaš- „слышать" — ištamaštari „слышится", от karš- „отрезать" — karštari „отрезывается", от tarup- „сплетать, собрать" — taruptari „сплетается" и т. д. Палайский текст в начале строк дефектен, читается только: — wašukineš šimijaš kītar/—amiuwaš wulašinaš kītar/—litannaš wulašinaš kitār (см. у Оттена стр. 138), где глагольная форма ki-i-ta-ar (=kītar) значила бы „кладется", подобно хеттскому kittari „лежит" (liegt) при греческом κεῖται „лежит". В палайском речь идет о распределении со стороны высокоправомочной царицы (tabarna SAL tavananna) частей жертвенного животного, где упоминаются wulašina (=pulašina), šimija-, karti („сердце?"), atiapan, azziki и др.

Рассмотрим теперь те вопросы словообразования, которые отчасти указаны учеными в связи с изучением палайского языка.

Тут я хочу коснуться научного значения выделенных этими учеными двух палайских суффиксов -anniga и -iga//-ika, из которых первый суффикс служит для словообразования, а второй суффикс уделяется для образования множественного числа.

Для производных слов с суф. -anniga имеется имя палайского бога Gulzannigaš (в другой форме Gulzannikeš), что из цикла главного божества палайцев Zaparua. Предполагаемая некоторыми учеными возможность полуидеографического писания через GUL-zanniga-, как синонима хеттского ^{d}GUL-aššeš («братья боги»), едва ли может быть поддержана, ибо в палайской клинописной графике такой идеографической практики не имеем, за исключением KI.MIN «то же» (detto) и KA.TAM.MA «таким же образом», как замена обыкновенных нарицательных слов. Корнем палайского этого имени бога нужно считать gulz- с суф. -anniga. Другие примеры имеются из протохеттского языка, где корни протохеттские,

а суффикс мол палайский. Таковы: имя бога Wurunanniga, женское имя Šušumanniga (при имени женской богини Šušumaḫi) и нарицательное слово awazanniga. Придется думать, что в этих протохеттских именах и сам суффикс -anniga также природен.

С этим азиатическим суффиксом -anniga (=-anik) я ставлю в морфологическую связь и суф. -iga, который хотят понять как особый форматив для образования множественного числа имен. Ученый Эммануэль Ларош (в работе «Recherches sur les noms des dieux hittites», Paris, 1947) приводит для такого понимания только два примера: палайское имя бога Ilaliantigaš и равноценное хеттское Ilaliantaš, как и палайское Ulilliantigaš и хеттское Ulilliašši. Также у Ф. Зоммера („Orientalische Literaturzeitung", 1935, col. 28). По-моему из соответствия палайского Ulilliantiga- и хетт. Ulilliašši- вытекает только, что хетте. (=лувийский) суф. -ašši(š) показывает только принадлежность к чему-то, как имя бога Ḫilašši(š) значит „относящийся к портику храма" от ḫila „портик храма", witašši(š) „годовой" от корня wiit- „год" (ср. wittanza „год", witti „в году") и т. д. В палайских производных словообразованиях, как видим, наличен суффикс iga(š), в точности соответствующий хетто-лувийскому суффиксу -ašši(š). Этот суффикс -iga, точнее -ik, наличествует также и в имени хайасского божества Baltaik, что, вероятно, дословно значит „целительный, жизнетворящий" (ср. аккадс. balṭ-u „жизнь"). Это же -ik я вижу и в армянском -ik в словах džər-ik „водянистый" (от džur „вода"), ostan-ik „столичный" (от ostan „столица"), dəran-ik „дворцовый" (от durn, род. п. dəran, „дверь, палата, дворец") и т. д.

Хеттоведы здесь исходят из сопоставления палайского ^{d}Ilaliantigaš с хеттским ^{d}Ilaliantaš, считая, очевидно, это палайское имя заимствованным с хеттского. Исходя из одной хетто-лувийской «билингвы», где имя хеттского божества Inrarawantaš соответствует лувийскому Annarumenzi, где лувийский суф. множ. числа -enzi // -inzi передается в хеттском частицей -antaš, ибо этих Inar-богов множество, де-

лают заключение, что палайский суф. -antig совмещает палайское национальное местное оформление этой множественности. Как видим, это сопоставление и сравнение довольно механическое и формальное, и вышеприведенные армянские данные идут вразрез этому, хотя и есть арм. суф. -ik для множественного числа (в одном слове mardik «люди» при mard «человек»[1]). Г. Оттен также сомневается в наличии суф. множ. числа -ig в палайском языке (см. у него, стр. 128, прим. 19).

Морфологический анализ палайского языка, как видно, при данном состоянии материалов и их понимаемости, дает нам сравнительно мало. То же состояние мы можем констатировать и относительно лексического материала. Этому непониманию, как сказано, отчасти мешает и графически малое использование идеограмм и детерминативов. Будущие раскопки и сравнительное изучение с другими соседними и родственными языками нам дадут основание для дальнейшего прогресса в этом деле. И сейчас некоторые ценные результаты дает сравнение палайского языка с хеттским языком. Не отрицая возможных связей и с другими языками, в том числе и с азиатическими, я все же хотел бы отметить некоторые лексические встречи с этими языками, используя даже армянские материалы.

Прежде всего нас интересует название и функции главного палайского божества Zaparua, для чего приводится достаточно хеттского материала в статье Г. Оттена («Zum palaischen», стр. 133—135). Судя по ним, это божество — мужского начала, ибо царь жертвует для него барана и быка; оно имеет вегетационные функции, ибо выступает с подобными божествами (NISABA и SUMUQAN), связывается с божеством «зерна» (ḫalki „grain"), чаще всего упоминается при праздновании весной растения ANTAḪŠUM, служащего кормом и пищей, при чем «Зипарва — праздник», веро-

---

[1] Между прочим, в урартском языке есть от ebani „страна" ebanigi „страны" в собственных именах Welikunigi, Išteluanigi и пр. (в летописи Сардура из ванской ниши), что как будто вторит армянскому суф. *-ik*, но об этом особо.

ятно, только часть этого празднества, происходящего весной и осенью (стр. 134). Прибавим также, что „старая женщина" при пении или произношении ритуала на хеттском языке «слово о муке» (KUB. II. 4, IV, memalaš uddar) или «о хлебах» (Bo 441) [1] передает только на палайском языке, как синоним или содержание божества Запарва. Следовательно она знала нарицательное значение этого божественного имени, относящегося к муке, хлебу, зерну и т. п., подобно тому, как денфицируются ḫalki «зерно», у хурритов ḫašuntar (ḫl) «ревень» (растение), tarpant(uḫl) «терпентин» и т. п., или у семитов Dagan — божество кореньев и др. На этом основании мне думается, что не исключена возможность сохранения этого палайского божественного имени в его нарицательном значении в армянском слове dzawar — сваренная или несваренная пшеница со снятой шелухой, используемая как крупа [2].

[1] У хеттов печеный хлеб бывал следующих видов: 1) свеженеспеченный; 2) испеченный из муки фасоли, 3) обыкновенный (ḫaršl) хлеб; 4) испеченный на горячем пепле, 5) испеченный с внутренне-начиненным маслом (ḫarzazuš, ḫarzazuta) подобно, вероятно, армянскому „гата" с вставленным внутри маслом, начиненным хогisx; 6) тонкий и плоский хлеб (подобно, вероятно, армянскому „лаваш", обыкновенному у нас, который сушится и крошится, смачиваясь; 7) хлеб-сухари (?). Хеттский хлеб, вероятно, „тонкий и плоский", наподобие нашего лаваша, в виде длинной овальной бумаги, также крошится (paršia-). О видах этих хеттских (=малоазиатских) хлебов см. у Стартевента в его Hitt. Gl., II, стр. 110 и Suppl. to Hitt. Gl., II, 1939, стр. 33.

[2] Обмолоченная в большой каменной ступке при помощи ударов цепа (varsang или varsand) пшеница освобождается от шелухи. Затем эта очищенная пшеница высушивается и употребляется для супа (spas) в таком цельном виде, или же, предварительно размельчиваясь, при помощи ручных жерновов (erkankh) как крупа. Но пшеница может и сперва свариться, высушиться, затем размельчаться и стать крупой для каши, супа и пр. Несомненно, эта культура обработки пшеницы для супа или каши идет из древней Малой Азии, быть может из страны Пала, ибо Запарва есть денфикация имен для memal (хетт. глово) и NINDA KUR.RA (=хлеб, который крошится). По объяснению хеттоведов Стартевента (Sturtevant), Гютербока и Зоммера, это хеттское memal теперь уже точно переводится ('grits, groats, coarse meal; porridge,' см. у Стартевента Suppl. to Hitt. Gl., 1939, стр. 31), т. е. „овсяная, непросеянная мука, крупа, грубая мука; суп", что, как видим, вполне соответствует значению армянского dzawar.

Между прочим, это хеттское memal смешивалось для еды с медом

Хотя начальное z клинописных языков вообще в армянском языке, при однокоренных словах, родственных или заимствованных, передается армянским ts (=ç) или чаще tš(=č), тем не менее есть несколько примеров и на соответствие dz.

Для перехода же древнего серединного «p» в арм. «v» („w") я бы обратил внимание на арм. ew „и" из индоевр. *epi, арм. hoviw „пастух" из индоевр. *owi-pa „овцепас" и др. Даже если знак для par произнести bar (Za-bar-ua), что не исключается, то и тут возможен переход «b» в армянское v (w), как имеем урартское Biaina = арм. Van, ур. ebani «страна» = арм. awan «местечко, село» (при мегрельском abani «место», груз. ubani «квартал») и т. п. Так что нет формально звукового препятствия для перехода палайского слова zapar-ua в армянское dzawar, оставляя вопрос о конечном -ua (wa), что быть может специальная местная частица вроде -ua в топонимике древней Малой Азии. Ср. имена городов Tuvan-ua, Paḫḫ-ua (Paḫḫuwa), Karaš-šu(w)a-, Tapapanu(w)a, Danku(w)a и др. или хетт. ištan = протох. eštan "день" при лув. aštanua (id.).

Я уже имел возможность говорить и о статуе (taša) в честь Zapar-ua, как и о храмах с особым помещением (хетт. ḫalentua) для царской особы, с алтарем и пр., хотя не приводится имен городов или мест с этим храмом.

Затем, я бы отметил наличие и «взрослого мужчины» (^{LU}maianza), что упоминается при статуе Запарвы и употребляется также в хеттских текстах (см. у Старт. «Suppl.», 31) с переводом 'a man in his prime'. Палайский текст в этом месте гласит (у Оттена, стр. 145): ummaia-maiu ummaia-lla tuwa zizzarupia/^{LÚ}maianza vatḫalaš ^{d}Zaparua-tašaš ḫarkina-šapaiati.

Несомненно, что слово ummaia (ú-um-ma-ia) семитского происхождения (^{LÚ} UMMEANU), употребляясь и в хеттских

или с разрезанными на мелкие части фруктами. У армян этого не делается. Армянское дзавар употреблялось не только в древности, но и теперь во многих диалектах, в том числе и в Малатии, Себастии и других западных районах Армении. В других диалектах употребляется слово korkot.

текстах в форме ummijanneš (множ. ч.) и значит «ремесленник, мастеровой» (Sturt., Hit. Gl., II, 1936, стр. 168) и палайские эти строки должны значить «ремесленник мой, также ремесленник твой... (взрослый (=жрец), надзиратель(?) статуи Запарвы...», где последние слова (=глаголы) не понятны[1]. Слово vaṯḫala- по своему окончанию -ala показывает занимающегося чем-то, как хетт. tawallala «приготовляющий священный напиток tavalla", zuppala- род служителя царской кухни, pašandala- (id.), genzuala- «великодушный» и. т. д.

В этих палайских текстах говорится о «tabarna SAL tava(n)nanna, т. е. о государыне с большими правомочиями, которая, между прочим, регламентирует не только нормы и ритуал жертвоприношения, но, видимо, и вопросы постройки и надзора над статуями (и храмом) богов, в частности и всепалайского бога Запарвы хеттской провинции Пала. Титул tava(n)nanna хеттской царицы, как первой жены царя, давал ей право выступать официально при общественных, политических, наследственных, культовых и судебных делах, а слово tabarna «правитель, царь» стало прозвищем хеттских царей и цариц, получившись от собственного имени Tabarna, основателя древнейшего хеттского государства, и фигурирует не только в хеттских, протохеттских, лувийских и аккадских текстах, но, как видим, и в палайских.

В связи с возможным влиянием хеттского на палайский, хотя есть и факты иноязычного лексического вклада в хеттский, не говоря уже о словах от их общего источника, я хочу предложения ittinanta tii taazzu kartinanta tii taazu lalanta перевести «после того (?) и... сердца и... языки» (см. у Оттена, стр. 140), где tii соответствует хеттскому ta (=tā) «и, же, однако» (ср. арм. the «или, и, если, что»), karti «сердце» хеттскому karza (дат. пад. kardi), а lalanta хетт. lala „язык"

---

[1] Мне думается, что ḫarkinašapaiati нужно делить на ḫarkina „разрушение" (ср. хетт. ḫarkia—„быть разрушенным") и šapaiati „строит, возобновляет" (ср. нехетт. šappata 'he trimmed?' по Фридриху). Так что перевод будет: взрослый надзиратель... статуи Запарва разрушение возобновляет.

(Suppl. to Hit. Gl., 28), хотя есть и хетт. tiššatwa «языки» (?). Говорится в связи с вышеназванной ролью «правомочной царицы» (см. там же, строку 10 в Rs, строку 26 в Vs и др.), которая распределяет части жертвенных животных.

Но в хеттской клинообразной графике есть одна особенность, помогающая нам узнать происхождение многих десятков хеттских слов и корней; это — постановка впереди слова двух маленьких горизонтальных клиньев друг над другом (редко одного), что говорит в пользу нехеттского характера этого слова (корня). Сличение со словами чисто палайских текстов поможет уточнить их происхождение. Имеются, например, «хеттские»: aggatiuš «сеть, тенета» (?), akkuša «ямы, ямочки» (ср. арм. akos «борозда»), allallā (дат. п.) «война, возмущение» (?), antariš «бог, царь» (?), arannuḫa „я задержал" (?), arkam(m)aš „подать, дань", agraša- „быть несчастным", ḫaḫḫarš- „смеяться, насмехаться". ḫanḫaniai „он соблюдает, внимает" (?) (ср. пал. ḫuanḫuanikat), ḫarpanalla „враждебный" (?) от простого ḫarpu- „враждебный, недруг" (ср. арм. xarb с тем же значением, ḫašp(a)- „разрушать, истреблять", ḫuwai- „избегать", (ḫuwaiš „он избег") (ср. арм. заимствование apa-hov „обезпеченный", т. е. дословно „назад убежавший, спасшийся"), ḫuwalliš (ḫulli-) „раскаленный, пылающий уголь" и пр. и пр.

Разного происхождения могут быть и многие общие имена богов, лиц. Так, например, имя божества Kataḫzipuri встречается в хеттских и палайских текстах, а на самом деле оно протохеттского происхождения из kataḫ- (kataḫḫaš, gaddaḫe) «царица» при katte (или kaṭṭi) «царь» и из неизвестного -zipuri. Функцией эта богиня тождественна с хеттской ^{d}Kamrušepa, играющей роль в мифе о Телипину. Точно также божество Gulzanniga своим суффиксом -anniga неотделимо от имени протохеттского божества Wurunanniga, женского имени Šušumanniga, простого слова awazanniga «песочный»?, ср. арм. awaz «песок» и пр., но возможно палайского или общего с протохеттским происхождения этих корней и суффиксов также не исключается, хотя есть протохеттские wur «страна», ^{d}Wuru (n) katte (=акк. ^{d}ZABABA) —

бог войны, dWurušemu. У хурритов богом войны считается dAštapi, образованный как имя бога dTunapi, арм. Paj-api(s) и др.

Или, например, у протохеттов выступает божество Turumma (XIX, 25 I 4), чье происхождение неотделимо от имени хайасского бога Tarumu. Имя божества (братьев) Ḫašamil встречается у протохеттов, где есть и суф. -aiu (ср. слова ašmaiu, ittamaiu, zinaiu), но перешло также к палайцам, хеттам и аккадцам (Ḫašmili). Это божество упоминается вместе с «палкой» (GIŠ) и мне думается, что hašm- быть может значило «увечить», имея в виду др. арм. haštn-im «стать увечным». Возможно этот бог был хромым и ходил с палкой. Тогда придется допустить хурритское происхождение этого Ḫaš(a)mili, которое, как имя, дается и человеку.

Нарицательные слова и древние имена малоазийских народов могли сохраниться у армян, как имеем армянские имена Mušeł = хеттс. Muršiliš, арм. Torkh = азиан. Tarku (Tarḫu), арм. Pap = древнехеттс. имени царя Pappaš, арм. Ara = малоаз. имени бога dAra (KBo., III, 30. Vs., 4) и т. д., а о нарицательных словах азианического, аккадского и прочего происхождения у меня сказано в других моих работах.

Возможно, что имя хеттского бога dAnzili, играющего роль в мифе о Телипине, божестве весны, сродно с арм. словом anç̌eł «сорока» из *ançil, служившего, вероятно, вестовым у богов, как это видим и относительно вороны.

С древними азианическими языками я связываю и происхождение армянского суффикса -apak, образующего наречия, но и существительные. В первом значении имеем от местоимения ajs «этот» новое ajsapak «этак», но и «этакий», в современных диалектах в форме -pak: mašpak (в Хамшене) «правильно», məndžpak «говоря жестами» (без слов), hajpak «по-армянски», zazapak (в Балу) «по-зазайски» (= на языке курдов заза, ajspēspak (в Ново-Нахичевани) «этаким образом», aiprpak (в Сасуне) «по братски», ср. древнее xotorpak «наискось». Имеются и отглагольные существительные с этим -apak, как jaṫṫhapak «победа» от jaṫṫhem «побеждаю», phoxapak «замена, взамен» (от phoxem «меняю»), ela-

nak «форма образования, мотив, погода» (от elanim «становлюсь»), əmpanak „чаша для питья" (от əmpel „пить"), gandzanak „шкаф для денег" (от gandzel „собрать деньги") и т. д. Ср. также aštanak „подсвечник", arganak „бульон", этимология которых неизвестна.

В этом аспекте я предлагаю протохеттский предлог ḫali как знак местного падежа множ. числа, переводимый «между» (parmi), перевести «со, вместе», т. е. понять как знак для комитативного падежа, имея в виду древнеармянское производное слово haɫ-ord «сообщающийся, причастный» от слова haɫ- «со, вместе» и суф. -ord (частый суффикс).

Точно так же азианическое имя Zulia «божественная река», по фонетическим обыкновенным закономерностям должно было отложиться у армян в виде čoli (tšoli), что действительно и существует у карабахских армян, этих «племен бала», в значении «речная богиня», «русалка», заместительницей которой является араратское nurin (из *narin, вероятно из аккадского nār-u «река», но и «речная богиня»)[1]. Это женское чучело čoli несомненно стоит в связи с водной богиней, точнее речной богиней, будучи тем самым генетическим пережитком мифа и имени малоазийского древнего zulia «река»>«речная богиня». Что такой пережиток может сохраниться до настоящего времени, так на это указывает сохранение подобного имени nar («река»>) «речная богиня» как олицетворения воды вообще не только в поименованных Čovinar, Oskinar, Heɫinar и пр., но и как самостоятельное слово в народных песнях, где hōj nar или nar hoj значит «великая русалка» (нимфа), и что еще более поразительно в песне о Deriko с тем же прибавлением hoj nar. Это несомненно привнос армян с юга (Тарона-Туруберана), с сирийского мира, где Deriko есть ласкательная форма вместе с сирийской подобной же формой Darkia от имени сиро-арамейской боги-

[1] Есть и хурритское божество Nara, которое занимает передовое положение в мифе о царственном достоинстве богов и в трактатах. Есть и в хеттском, но неизвестна его функция, тогда как nar в арм. Čovi-nar „морская нимфа", Heɫi-nar „речная нимфа", Oski-nar „златая нимфа", nurin „женское чучело для вызывания дождя" более подходят к генезису этого арм. nar из аккадского nar-u „река, речная богиня".

ни Derketo (более старая форма Atargatis)[1], жены Дагона, что тоже сохранилось у тех же южных армян в названии «Дагонских гор» (Таврские горы у Муша). Так что, армяне сохранили различные наименования водной богини (nar, ĉoli) в зависимости от их происхождения или соседства с разными народами или культурами. Имя ĉoll вероятно хайасо-балайский вклад через племена бала (арм. bał-kh «балы»), осевших в Сюнии (Bałac aš̌xarh «страна балов» = совр. Зангезур) и в Карабахе.

Очень возможно, что армянское и грузинское bal «вишня» также исходит от балайцев, от их племенного имени и места (Palā или Balā), подобно как от имени Pont имеем название мелкого ореха pontik «фундык» (арм. pənduk), от имени Kerasund (город) имеем наименование лат. cerasus, арм. keras, русск. черешня и др.

Я уверен, что дальнейший прогресс в деле изучения древних языков Малой Азии, в частности и особенно палайского языка, может выявить много встреч или общностей между этими языками и армянским, что отчасти мною сделано в отношении клинописного хеттского и армянского, независимо от вопросов исконного генезиса и языковых истоков.

В заключение считаю нелишним коснуться и преобладающего мнения некоторых ученых о характере палайского языка в отношении соседних (хеттского, лувийского) языков, как древних индоевропейских.

Это мнение о палайском языке выводится, как было сказано, из наличия в нем существительного (бытийного) глагола aš̌- с формами повелительного наклонения aš̌du «да будет» и aš̌andu «да будут», затем из наличия kuis, kuit несомненно местоимения «который, что» присутствующего и в хеттском, как индоевропейское местоимение (ср. лат. quis,

---

[1] При народных песнях, посвященных Deriko hoj nar (Дерико великая нимфа), есть и вариант в Сасуне—Derko Nina, Nina, в котором Derko менее арменизировано, чем форма Deriko (в связи с арм. умеьш. суф. -ik), ближе к сирийским Darkla, Derketo. Эпитет же hoj nar заменяется тут именем Nina, равноценным в древности богине Иштар.

quid). К такому предварительному заключению нас должно привести и толкуемое мною окончание -ati для 3 л. ед. ч. настоящего времени и -t для 3 л. ед. ч. для прошедшего совершенного, не говоря уже о возможном местоимении tuwa («твой?»), существительного karti («сердце?») и других. Отмечают также наличие «стран» хеттов (=хаттов), луви и пала в хеттском своде законов непосредственно друг за другом, как частей общего политического объединения хеттской конфедерации, «которые были заняты индогерманскими завоевателями» (H. Otten. Zum palaischen, стр. 133).

Но были и другие подходы к генезису этого палайского языка, в частности со стороны Э. Форрера и П. Кречмера, которые в повторе цельного корня (основы) видели грамматический элемент, свойственный азианическим языкам. Таковы палайские luki lukinta, *ḫ*uan*ḫ*uanikat и пр. По-моему, это недостаточно и может служить лишь одним из второстепенных показателей в общем учете генезиса данного языка.

Если пока и очевидны индоевропейские элементы в палайском языке, как древне-ниндоевропейском, подобно хеттскому и лувийскому, этим, однако, не исчерпывается генетическое содержание интересующего нас языка, как отчасти этот вопрос стоит и поныне в отношении клинописного хеттского.

Будем надеяться, что дальнейшие раскопки дадут нам новые материалы, могущие выявить лучшие результаты в деле изучения палайского языка, а это обстоятельство — уточнение его генезиса — имеет не только узкий интерес в области одного языка, но и более обширный, и в частности, в лингвистическом аспекте генезиса и влияния между ним и языком ближайших соседей области Хайаса.

1954 г.

ГЛАВА I

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. Описываемый нами говор принадлежит большому селу Аштарак, расположенному на северо-восточных отрогах горного массива Алагез, в древней области «Арагацотн», составляющей часть бывшего Эчмиадзинского уезда Эриванской губернии. Природное ядро селения, насколько можно судить по историческим данным и живым еще преданиям самих жителей, никогда не оставляло своего родного места, укрываясь во время нашествий и войн то в некогда огражденном квартале „Bert'at'aγ" («крепостной квартал» вокруг базилики „Ċirānavor"), то в пещерах («Erer») горной речки[1].

[1] Расположено это село на левом берегу речки Ḳasaγ, с населением в 5—7 тысяч человек, имеет одну полуразрушенную базилику *Ձիրանաւոր* („багряновый") с шестью пилонами, как в Ереруке, Башабаран и Егвард, церковку-часовню *Հարմրաւոր* с красной черепичной кровлей, с точной формой построения как в Аламан (во имя св. Анани, 636—637 г.) и в Талчан (VII в., построено князем Нерсесом Камсаракан). Эта аштаракская церковка имеет опоясывающую красивую надпись о построении, с древними начертаниями букв *վ* и *բ* в виде *վ* и *բ* и с первым упоминанием названия „Аштарак" со смежным „glwγak'aγak Ereսnեաc" (имен. п. Ereսnik), больше нигде не встречаемым. Надпись эта впервые была зашифрована епископом Шахатуняном (довольно неаккуратно), откуда попала в „Айрарат" Алишана, когда еще начальная и последняя части не были построены; эта записанная начальная часть до слога *-նաց* в слове *Երեսունեաց*, поставлена нами в скобки. Вот она: *(Ես Գուրիկ Մկրտուր(ի) գիւղաքաղաքէս յերկրացն | նաց Գրիգորի քահանայի եւ Մանասեի սրտիւք տուաք շինել զեկե[.] սբրո[.] աժամնիկս վասն խաղաղութեան ամենայն աշխարհի եւ շինութեան աշտարակիս եւ պահպանութեան ամենայնի վասն փրկութեան հոգւոյց մերոց ապրք մերոյ կենդանեաց եւ մեռելոց մե-*

§ 2. Аштаракский говор вместе с говорами селений Ошакан, Парпи, Ваг^{c} аршапат, Er^{c}вард, Канакир, Норк^{c} и двух кварталов города Эривана — «Конд» и «Дзорагег^{c}»—составляют араратский диалект «новоармянских» наречий, легших в основу современного восточноармянского литературного языка. С географической точки зрения этот диалект, быть может, правильнее было бы назвать «арагацотенским», имея в виду также то, что нет веских доказательств в пользу свойственности этого диалекта некогда и всей араратской области, как диалектического целого. История развития араратского диалекта и период его видового разветвления естественно покрыта завесой неизвестности, как и вообще всех других диалектов. Единственным критерием для распознавания этого является, конечно, сравнительное изучение всех диалектов вместе с диалектическими пережитками в надписях и средневековых письменных памятниках, а в конечном счете с классическим древнеармянским. Задача весьма трудная, но благодарная, затрагиваемая изредка нами только в части сравнительного восстановления прототипных форм.

Нам хорошо известно только современное состояние изучаемого аштаракского говора, а установить, например, приблизительное время возникновения аштаракских звонких придыхательных (b^{c}, d^{c}, q^{c}, ǰ^{c}, j^{c}), звонкого спиранта (ʒ) и фиксации постоянного начального ударения нет никакой возможности, ввиду отсутствия фонетически точных свидетельств. Однако относительно времени возникновения звонких согласных нам удалось сделать довольно ценное наблюдение. Так, все исконно армянские слова с начальными звонкими согласными b, d, q, ǰ и j, а также все заимствования до известного периода слова с теми же начальными согласными в аштаракском говоре переводили эти согласные на звонкие придыхательные, как b^{c}ah (заступ), b^{c}an (вещь, предмет, что-либо), b^{c}ancr (высокий), b^{c}ǒbig (босой), b^{c}eran (рот), b^{c}erel (приносить)..., с заимствованными из перс. b^{c}aś (гре-

---

փոփոխություններ ունեցել յուրաքանչյուր կոչնական դրդի վրա... дальнейшая часть застроена. Есть еще несколько полуразрушенных церквей и часовен (св. „Марианэ" 13 в., „Спитакавор", „Сурп Саркис" и пр.).

бень), bᶜašin (доля) (см. Hübschm. A_2, 115, 118)...; или dᶜu (ты), dᶜənel (класть), dez (стог)..., заимствованные из перс. (A_2, 144, 143, 140, 139), dəmag (курдюк), dᶜəšar (трудный), dᶜemk (вид, лицо), dᶜih (сторона), gdeᶜrčig (портной); или gᶜal (придти), gᶜarî (ячмень), gᶜôrd (лягушка)... с заимствованными из перс. (A^a, 130, 263), gᶜund (комок), gᶜazar (морковь), gaǰ (вид гашеной извести) и из сирийск. (A9, 302) g'up' (маленькая цистерна для стока выжимаемого виноградного сока); или ǰᶜur (вода), ǰᶜartᶜel (разломать, разбить), ǰᶜənǰel (стереть)... с заимствованными из перс. (A9, 232, 233), ǰᶜucht (пара), ǰᶜôg (отдельный); или jᶜen (звук, голос), jᶜin (снег), jᶜôγi (шест, жердь... с сомнительными заимствованиями с сирийск. или перс. (A9, 309, 185) ǰᶜetᶜ (растительное масло), ǰᶜutᶜ (вид смолы). С другой стороны, все другие заимствования с известного времени (слова персидские, турецкие, арабские) сохраняют свое чистозвонкое произношение, без придыхания, как boy (рост), boz (серый) (но bᶜôz „проститутка"), došag (матрац), baš (грива), dasta (пучок), jan (душа, тело), jahel (молодой) и др. (см. словарь). Удивительно в этом отношении то, что в одной и той же языковой среде могут так ярко и определенно сосуществовать два различных произношения, одно для исконно армянских слов и старых заимствований, другое для более новых заимствований. И даже можно сказать, не зная источников заимствований, что такие-то, например, слова, как со звонкими согласными, должны быть заимствованы в аштаракском говоре, в род. п. jeǰim (виды коврика), jul (попона лошади), jarǰ [хворост (с груз.!], dudug [морда (с груз.!)], daganag (дубина), baxlel или baxnel (завидовать), jar (конский волос) и пр.[1].

Одно несомненно, что аспирация звонких согласных предшествовала периоду заимствования второй категории

---

[1] Звонкость чисто-аштаракского bətitel (bᶜrtᶜel) (толкнуть) может быть объяснена влиянием r, хотя ср. gᶜərnag (род деревянного валика для развертывания хлебных комков) (заим. из перс., A9, 132). Неизвестно нам происхождение gərdabir (большая пила) и bəstrel (выдумывать чушь)...

слов, но когда именно, сказать трудно, ср. в этом отношении bᶜaš (гребень) и baš (грива лошади). Таким образом, раскрыть историческую жизнь аштаракского говора (resp. араратского наречия) в его возникновении и развитии не представляется нам возможным, да и не входит в нашу задачу. И с этой стороны изучение, так сказать, «биологии» этого говора (resp. Haptris) в его нынешнем состоянии, во многом может явиться источником распознавания и его прежних путей развития, представляя зачастую или повторение или производное продолжение последних.

§ 3. Для сравнительного сличения говора араратского наречия мы не имели достаточно надежного материала. Единственное наблюдение, которое удалось сделать над особенностями ошаканского говора, сводится к следующему. Старые звуковые группы -ava-, -ovo-, -ama-, -omo-, -ana-, -ono-, -ala-, -olo-, -ara-, -oro-, или, короче говоря, полногласные группы с серединным сонатическим элементом (w, r, l, m, n) дают в Ошакане — -əva-, -əva-, -əvo-, -əma-, -əmo-, -əna- и пр., т. е. стягивают гласный звук в первом слоге полногласный ə. Таковы примеры: ош. pəṙavel (состариться)=ашт. paṙavel. ош. pəlōrig (круглый)=ашт. pōlōrig; ош. səvorel (учиться)=ашт. sorvel (<*savrel<*sovrel); ош. šalagel (взять на спину)=ашт. šalagel; ош. čənančel (узнать кого-либо)=ашт. *čanənčel; ош. bᶜəlanik (ключи)=ашт. bᶜalnik′; ош. tᶜəmamel (заполниться)=ашт. tᶜamamel; ош. əravod (утро)=ашт. a′ravod; ош. ərak′ast (вымощенное известью место для давления винограда)=ашт. a′rakast и пр.; ср. также ош. ərvatak „место под ручьем“ (название садов)=ашт. a′rvatak, ош. pədərhan (ниша в стене)=ашт. padrhan, ош. məkitan (винная лавка)=ашт. mikitan.

Это различное произношение находится, конечно, в прямой зависимости от ударения и, с этой стороны, к Аштараку примыкает Вагаршапат, а к Ошакану — Парпи. Нужно здесь заметить также то, что современное ошаканское молодое поколение под влиянием литературного языка, а может быть и соседних аштаракского и вагаршапатского говоров, приобретает тенденцию не стягивать эти полногласия, и теперь, например, часто приходится слышать также tᶜamamel, čanan-

čei, a'ravod... при обыкновенных t'əmamel, čənančel, (ə)ravod и т. д.[1].

С другой стороны, все три села Ошакан, Парпи и Вагаршапат имеют преимущественно такие глагольные формы, как d'əreç (он поставил; положил), t'oyeç или t'oyaç (он оставил), b'ereç (он принёс), təveç (он дал), areç (он сделал) с побудительными xəmaçreç (он дал тому пить), utaçreç (он дал тому кушать) и пр., при аштаракских d'əruç, t'oyuç, b'eruç, təvuç, aruç, xəmaçruç и пр. Затем приходилось слышать в Ошакане voxt (время)=ашт. vaxt, selopka (фуражка, шапка)=ашт. šəlapka. Глагол же kaynel (стоять) общ. Ошакану, Парпи и Вагаршапату, при ашт. kannel.

Следует отметить также: ош. (ə)zdəm (столько)=ашт. (ə)zdam, ош. ənčəm (пока, до)=ашт. ənčank', ош. axpertank' (братья)=ашт. axpertink', ош. tenal (видеть)=ашт. tenel, ош. фамилии на -anç=ашт. -onç, -enç.

Не указываем уже на многочисленные словарные отличия, как ош. t'əskurl (черепаха)=ашт. Kurēyin=парп. Kururlk. (См. Е. Лалаян, «Материалы для диалектологии», ч. II, стр. 181), ош. vörk'aj'ur (вытекаемая вода из садов)=ашт. sətot, ош. (и лорийс.) կոպեակ (вид широколиственного горького растения с пристающими почками) (по словарю Аматуни)=ашт. örōhund (и лорийс. օրոհունդ по Аматуни, стр. 341) и пр.

Примечательно, кроме того, еще и то, что весьма много слов оказываются общими селам Аштарак, Ошакан и Парпи, имея в Вагаршапате другое соответствие (см. у Аматуни о

---

[1] См. такие же засвидетельствования у Лалаяна («Материалы», ч. II), ош. չրյակեց стр. 16, ош. հրնանչի стр. 26 и 29, հրնանչիմ стр. 27, ош. քամարմ ա стр. 28, но на стр. 5, 35 քամամրմա, ош. ըրյանիրը стр. 43 и т. д. По Вагаршапатскому говору приводятся չրյակում, չրյակեց, յատուտար. Ср. также парпинск: լրգացան стр. 177 (ашт. lēʒaçan (հրնանչեց стр. 181, գատախանը стр. 181) ашт. dāstaxina, но на стр. 182 գատախանը չես հրնանչրմ стр. 196, յով էր ոմորքմ стр. 197, на след. стр. и տուրմացրեց) ашт. sarvaçruç и т. д. Ср. в этом отношении приводимое у С. Аматуни («Հայոց բառ ու բան»), ашт. и вагаршапат. քոնբուկ (точнее k'onb'ug (остов яблока или груши) при парп. քնբուկ как результат различной постановки ударения.

словах: *պղպղակ, պաճիճ, որք, մոխրափշատ, մնջուտ, մկրժեւ-ճնաեվ, ճապալ, ձար, հորի, հաւալոլոկ, ծոխանք, ծղտնգ, խոր-մածկարնկ, լեր, լապտ, լանջ, նդրանք, շողինք, ալիրմապի* и др.).

Наконец, явление аналогии имеет в новое время такое распространение в Парпи, Ошакане и Вагаршапате, что, судя по записям Лалаяна (*«Մարգարիտանկր»*, ч. II), в этих говорах нередки цойные аористы, как ош. *արևցի* (стр. 17), парп. *արևցի* (стр. 193, 236), парп. *բնրևցին* (стр. 200), ваг. *ավևցին* (стр. 57, 59, 138), ваг. *բնրևցին* (стр. 139), ваг. *ուտացրևցին* (стр. 61) и т. д., при обычных их нецойных видах, а с другой стороны, встречаются многочисленные простые аористы вроде „парпинских" *ասին* (стр. 199, 231, 234), *իմին* (стр. 198), *կոխին* (стр. 201), *բանին* (стр. 229, 236), *բաժանվին* (стр. 229), *բարձին* (стр. 236, но тут уже *բարձևցին*), *հանին* (стр. 231) и пр., явление и в том и в другом виде пока чуждое аштаракскому говору.

§ 4. Влияние на аштаракский говор, как на часть целого, других языков и наречий прослеживается нами приблизительно в следующем виде. В отношении персидского и турецкого языков оно оказалось в форме многочисленных словарных заимствований, с отражением, быть может, и на синтаксис, хотя это последнее обстоятельство требует всестороннего рассмотрения, с учетом и других факторов; иногда попадаются слова почтенной древности, вроде padvēnag (несозреваемый, поздневременный плод, трава), pʿursang (иней на деревьях), (заим.!) и др., могущие представить большую ценность для истории армянских диалектов.

Арабизмы же нашего говора оказываются свойственными и персидскому или турецкому языкам, что, несомненно, указывает на путь их проникновения.

Влияние грузинского и других чистых представителей яфетического мира как на араратский, так и на другие диалекты требует тщательного исследования, ибо точными и определенными критериями для разграничения элементов заимствованности (см. в словаре «sacil») и природных яфетидизмов мы пока не располагаем, и многое тут приходится на долю предположений и вероятностей.

Из русского языка вошло много названий различных принадлежностей, как pōtᶜnoç (поднос), supōvnig (миска), malōšnig (молочник, молочный горшок, крынка), stol «стол» и пр., а в лексиконе купцов уже начинают появляться термины вроде hašīvka[1] (ошибка) с народной этимологией от hašīv (счёт) или bēšvest „бессовестный" с морфологизацией на bē- 'без' (как в bēxabar (неосведомлённый), bēfason (некрасивый), bēš-norkᶜ id. плюс непонятное народу—svest и т. д.

Что касается влияния самого армянского языка, то в этом отношении от «грабара» унаследовано довольно много слов, пути и время проникновения которых должны быть для каждого особо учтены, каковы: baragir (предмет для ловли роя пчел), как возможное развитие грабарного պարակիր от պար (хор, сонм, рой пчел, вереница) и основы гл. կրեմ (ношу), хотя по звонким b и g скорее есть перенде. bāragir от bār (плод) и gir (берущий) (ср. ջաջակալ id. с ɟ'kal „брать" (Аматуни, стр. 539); harehas (кстати явившийся на подмогу) из граб. *յարհաս (вм. յարտնաս?) от յար, напр. (подстать, кстати) [ср. յարիմ (прилегаю, придаюсь, присоединяюсь][2] и основа гл. հասանիմ (достигаю, поспеваю); bᶜazunkᶜ (созвездие „плеяда" (=բազմակ); arařaž 'чёрствый' (человек, земля)=граб. ապառաժ (твёрдый камень, скала); предл. zartᶜnē (кроме) с им. п. и также с род. п. (Etym.?)[3]; ampartavan (неприличный, похабный) при граб. անբարտաւան (гордый) и др. недавнего заимствования, видно литературным путём, такие „грабаризмы", как merçimah (близко к смерти), heřə ləsoղaç (прочь от слушателей' да будет), соответствуя отчасти русскому „простите за выражение", arōkᶜ—pᶜarokᶜ (пышно, с помпой), vōtaç čanaparʀ (отхожее место) и пр.

---

[1] Это заимствование перешло и в неторговые среды, в обиход большинства мужчин, но чуждо еще женскому миру.

[2] Следует обратить внимание на древнее значение этого yar, ибо в обыкновенных многочисленных др.-арм. conposita с этим yar- выступает только его развитое значение 'постоянно' (<связно<совокупно<подстать, сумежно<прилегая).

[3] Быть может с предл. z-+art и +глагольная форма (!) от hanem (извлекаю)?.

Влияние других армянских диалектов, имевших в большинстве менее древний фонетический облик, нами пока не просмотрено, хотя нужно заметить, что село Аштарак впитало в себя, например, за последние три столетия немало пришлого элемента из Карабаха. Персии и Турции, перенявшего, в конце концов, язык основной массы; не повлияли также соседние араратские говоры[1].

Зато в самое новое время начинает внедряться в природный организм нашего говора литературный новоармянский (восточный) язык, как в словарном, так и в этимологически-синтаксическом отношении, и если современный необразованный или полуобразованный аштаракец еще живо чувствует все эти «учтивости» ("kᶜaɣakᶜavarl"), как они сами называют, то второму поколению они едва ли представятся неродными и привносными, хотя нужно добавить, что многие из этих слов уже теперь затемнены в народной «языковой психологии» относительно своей чужеродности, как káycak (молния); váyrenl (дикий), xiɣǰ или xəɣǰmətankᶜ (совесть), kur (слепой) и пр.[2] Перспектива разрушения диалектических организмов с постепенным вытеснением их литературным языком грозит особенно близкому ему араратскому наречию, в зависимости от школы, прессы, общения, торговли и пр., и будущему диалектологу не раз придется задуматься над различными аномалиями в структуре этих диалектов. Любопытно, например, разновременное и разноисточное наседание в аштаракском говоре одного и того же термина (слепой): во-первых, чисто местное ᵊkir в словах akanakir (kᶜəšer) [очень темная (ночь)] и havkir (куриная слепота, hemeralopia), во-вторых, литературное kur в «kur mənas", „kur man gas". „kuranal" и пр. (см. словарь) и, в-

[1] Единственную привносность усматриваем, и то, вероятно, из соседнего ошаканского говора, а аштар. anməhákan (очень вкусный) (собст. бессмертный или həzáriçə (из тысячи) при параллельном házariçə id, как həzariçə mi ankᶜam или həzariçə mi het (из тысячи случаев—раз).

[2] Свойственность Аштараку, например, такого предложения, как „Astoǰ dᶜəranc xiɣǰ kᶜəça, guytᶜta" (Бог, да даст им совесть, сострадание) защищалось моей сестрой; выражение же это услышано из уст одной 60-летней женщины.

третьих, заимствованное тур.-перс. kᵉoł, как наиболее часто употребляемое. Не менее интересно и характерно также, как совершалось и совершается в том же Аштараке заменение своих старых терминов a'pu (папа) и azi (мама) новыми hayrig и mayrig, причем замечено, что в одних семействах apᵉu и azi сохранились неизменно, в других употребляются azi, но с hayrig, таких семейств большинство, в третьих— hayrig, но для термина «мама» взрослые сыновья и дочери употребляют azi, а молодые mayrig, и, наконец, в четвертых, «окультуренных», семействах господствуют только hayrig— mayrig; как видно, термин azi держался и держится прочнее, чем apᵉu, которое теперь довольно редко.

В селении Ошакан, как мне передали, есть также семейства, где, например, взрослые употребляют «чисто-ошаканский» čənanč̣el, pədərhan, əravod и пр., тогда как младшие дети čanan̆č̣el, padrhan, aᵉravod и пр.

ГЛАВА II

ФОНЕТИКА

А. ЗВУКОВАЯ СИСТЕМА И ТРАНСКРИПЦИЯ

§ 5. Считаем нужным предварительно заметить, что описываемая здесь звуковая система, как плод многолетнего нашего наблюдения, является как бы синтетически—средней величиной, свойственной произношению большинства аштаракцев. Наше же личное произношение в устанавливании этого абстрактного «общеаштаракского» произношения играло роль только одной из сравнительных единиц, служа в то же время и корректирующим для нас medium'ом.

Графическая схема этой звуковой системы отражает, следовательно, только общее акустическое впечатление, избегая, тем самым, выделения индивидуальных звуковых отклонений, как частного негармонирования исполнения с произносительным намерением[1]. Эта система в ее родовых категориях приблизительно такова:

[1] Удивительно умело различают свои произношения жители Аштарака, Ег'варта, Вагаршапата, Ошакана. Там где постороннему группа

§ 6а. Гласные: a, i, u, e, ē, o, ō, ə. Первые три гласные (a, i, u) совпадают с русскими их соответствиями (а, и, у), а последняя ə представляет «предзаднеязычный» гласный звук низшего или среднего подъема (при высшем подъеме в русск. ы), как и др.-арм. «полугласное» ը[1].

Разница в e и ē, с одной стороны, и в *o* и *ō* с другой, не количественная, а качественная, ибо в степени своей продолжительности аштаракские гласные в слове сходны между собой.

Звук e более широкого характера и приближается к русскому ъ в «съела», а звук ē имеет весьма узкую артикуляцию и тождествен с ъ в „съели“[2], как, например, в gᶜ'eγ (село), k'er (ешь), yeγ (масло), n'eγ (узкий), h'extel (душить), gᶜ'ed (река), gᶜ'eran (бревно), tenel (видеть), teγer (места), bᶜerel (принести), eᶜres (лицо), kᶜəšer (ночь)... и, с другой стороны, gᶜ'ēl (волк), ēk'ēkᶜ (придите), sarēg (скворец), axpēr (брат), mēšk (спина), ēš (осёл), ērel (жечь), etᶜal (уйти), aᶜmēn (всякий), aᶜr̃čənēg (первенец), dᶜexçēni (персиковое дерево), vartᶜ ēni (розовый кустарник), и пр. Следует заметить, однако, что свойственная аштаракцам палатализация („осреднеязычение“) известных согласных перед *e* и *ē* влияет, в свою очередь, на характер артикуляции этих гласных, подвергая их большей дифференциации, так что, например, *e* в n'eγ, h'extel, k'er отличается в нашем акустическом восприятии от *e* в eᶜres, kᶜəšer, приближается в этом первом случае, особенно перед γ и x, скорее к *ə*, чем к *e*, т. е., почти как gᶜ'əγ, n'əγ, y'eγ и пр. Точно так же произношение ē в gᶜ'ēl (волк), ēk'ēkᶜ (придите), не то, что в bᶜēl (крёстный отец), dᶜēš (глазопял, ротозей), dᶜərēkᶜ (кладите), sarēg (скворец), axpēr (брат) и пр., и, быть может, последовательнее было бы фонемам e и ē в

говорящих кажется из одного села, местный крестьянин отлично вам укажет, кто из них аштаракец, кто вагаршапатец и пр. Как один аштаракец при мне выразился про соседние села „nrankᶜ tarayirgar en xōsəm“, т. е. они говорят с удлинением букв, подразумевая под последним, по моему, ударение.

[1] Это ə в междометии əhə —ага! —посовое.

[2] Русское произношение „сели“ в Аштараке значило бы „телеги“, как род. п. sel „телега“.

g^{c}'e$_{\gamma}$, n'e$_{\gamma}$..., g^{c}el, ek'ek, придать особые начертания, отличные от e и ê в e^{c}res, kəšer... b^{c}el, dêš, d^{c}urek^{c}...

Следует указать еще на различное влияние e и ê на свои предыдущие согласные: e палатализирует k, g, k^{c}, q^{c} всегда, совершенно перерождая их (см. ниже), сонорные m n, l преимущественно, а фонемы p, b, t, d, p^{c}, b^{c}, t^{c}, d^{c} частично, тогда как e палатализирует только k, q, k^{c}, q^{c}, влияние же e и ê на прочие предшествующие им согласные почти отсутствует.

В отношении o и ô получается аналогичная вышеизложенному картина. Разница между ними не количественная, а качественная: *o* имеет малую округленность губ, ô—полную, как—g^{cu} ord (лягушка), γ^{u}ort^{c} (правдивый), p^{u}ok'el (срывать), f^{u}ort^{c} (телёнок), f^{u}ok^{c}'l (душа), ak^{c}l^{u}or (петух), p^{c}(ə)sləŋk^{cu}ot (слюнявый), trorel (тереть, топтать), račərəčorel (расцеловать), nor (новый), çor (сухой), j^{c}or (ущелье), corel (сочиться)... и, с другой стороны,—g^{c}ôm (конюшня), kôv (корова), hôv (прохладный), k^{c}ôt^{c}ug (пень), kapôvl (привязной, буйный), j^{c}ərôvl (поливной), j^{c}eťôv (рекой), pťôš (губа), kôzni (ёж), cγnôd (солома), ôç (змея), marxôš (кисловатый), dandalôš (балбес, тупица), lôk^{c} (шаг), lôt^{c}rig (жадный в еде), bôz (серый) /но b^{cu}oz (проститутка)/, utôγ (едящий), sôvôrutk (обычай), pôlôrig (круглый), côrcôrag (затылок) и пр.

Кроме акустически резкого отличия, фонемы o и *o* еще и различно влияют на свои предшествующие согласные: *o* способно вызвать в этих согласных особую лабиализацию, постоянную при p, t, k, p^{c}, t^{c}, k^{c}, b, d, g, b^{c}, d^{c}, g^{c}, γ, x, f, m, l, и, видимо, при n и v, мало заметную при n, ť, аффрикатах и спирантах, и тогда его произношение, особенно в первом случае, скорее приближается к oə или ə, как x^{u}oət (трава), f^{u}oərt^{c} (телёнок), v^{u}ət (нога) и пр., тогда как ô не влияет на свои предшествующие согласные, будучи особо полно представленным в полногласных словах (sôvôrutk, pôlôrig, côrcôrag и пр.)[1].

[1] Особенно резко заметна разница e, ê, o и ô при сличении произношений m'er (нам) — mer (мать), n'e$_{\gamma}$lig (узенький), — šeglig (русый) (ласк.), eres (лицо) — erexa (дитя),... x^{u}ot^{u}ot (травянистый) — xotôç (кусок рыбы), b^{cu}oz (проститутка) — bez (серый) и пр.

§ 6 б. Согласные: 1) взрывные — p, t, k; b, d, g; pᶜ, tᶜ, kᶜ; bᶜ, dᶜ, gᶜ, 2) аффрикаты — c, ç, j; č, č̣, ǰ; jᶜ, ǰᶜ; 3) сонорны—m, n, r, ṙ, l, y; 4) спиранты—f, v, s, š, z, ž; h, c, x, γ. Если взять последнюю спирантную группу, то здесь *f* есть губозубной глухой спирант, свойственный в армянских словах только началу известной их категории, как fᵘokᶜl (душа), fᵘoγ (земля), fᵘor (яма), fᵘortᶜ (телёнок).., в соответствие с классическим *հոգի, հող, հոր, հորթ* и пр. Это фонетическое явление перерождения старого ho-в fᵘo- есть несомненный результат лабиализации h, причем процесс этот представляется нам в виде: ho-⟩hᵘo-⟩h(ə)vo-⟩fo-⟩fᵘo-; исключение составляет только одно слово hōv (прохладный)=клас. *հով* id., произносимое в Аштараке с полным ō, вероятно под влиянием следующего v, как и kōv (корова), cōv (море), sōv (голод), bōvel (поджарить), ōv (кто).

Губозубной звонкий спирант v в категориях слов с vo-(vᵘo) обязан своим возникновением тому же фонетическому явлению, где начальное старое o- перерождалось в ᵘo, а затем и в vo-, как vᵘot (нога)=класс. *ոտն*, vᵘoč̣l (вошь)=класс. *ոջիլ*, vᵘortᶜl (сын)=*որդի* и пр. Само собой разумеется, что употребление этих *f* и *v* не ограничено только вышеуказанными категориями слова (с fᵘo- и vᵘo-), а именно: *f*, кроме чисто армянских слов с fᵘo- (старое hn-) и звукоподражательных fəsfəsəl (о свисте придыханий, полете), fərfərał (блистать), fəranč̣al (фыркать) и пр., сохраняется и в заимствованиях, спирант же v замещает место класс. *վ*, как varel (пахать), vēǰ (спор), veç (шесть), vay (увы) и пр., сохраняясь, конечно, и в заимствованиях.

Произношение s, š, z, ž ничем особенным не отличается, соответствуя классическим *ս, շ, զ, ժ*.

Группа же «гортанных» спирантов h, ᶜ, x, γ имеет некоторые отличительные черты и требует пояснения. Из них h есть выражение обыкновенного негустого придыхания (=класс. *հ*) и в произношении перед e (не ē и i) приближается к немецкому ch в ich (я), как особенно в hʼcγǰ (жалкий, несчастный) и hʼextel (душить), но heval (жалобно ныть), hetᶜal (запыхаться), hēru (в прошлом году), hin (старый) и т. д.

Второй «гортанный» спирант, как знак греческого spiritus asper, выражает звонкое придыхание, звонкий вид глухого h. Не зная равных ему эквивалентов в других языках (быть может одинаково с санскр h), можем указать только, что в физиологии образования глухое придыхание h так относится к заднеязычному глухому спиранту x(=класс. *ḫ*), как звонкое придыхание ʿ к звонкому заднеязычному спиранту γ. Это ʿ свойственно только началу слова, как aʿłavōd (утро), ʿikʿi (сад), ʿērer (пещеры), aʿri (приди) и пр.; оно уже входит, по нашему, и в состав звонких придыхательных bʿ, dʿ, qʿ и придыхательных аффрикатов jʿ и ǰʿ, как нераздельная их часть, и, быть может, целесообразнее было бы обозначить эту аспирацию иначе, в отличие от pʿ, tʿ, kʿ, аспированных глухим придыханием h[1].

Что же касается остальных трех групп согласных-взрывных, аффрикатов и сонаров, то произношение p, t, b, d, pʿ, tʿ, c, ç, j, č, č̣, ǰ, m, n, r, ṙ, l, y ничего нового не представляет, имея своими произносительными корреспондентами в классических *պ, տ, բ, դ, փ, թ, ժ, ջ, ճ, չ, ց, ձ, ծ, ր, ն, լ, յ*; произношение последней фонемы y есть звук „yot“ ы, например, в немецком Jäger (охотник). Jammer (горе'), в конце слова, встречаемой только в hay (армянин), hay tal (понукать, погонять), в восклицании hay-haray (ere значит!). межд. vay (увы) и заимствованиях, вроде тур.-азерб. bōy (рост), sōy (порода, род) и пр. Относительно же прочих согласных, а именно, k, q, kʿ, bʿ, dʿ, qʿ, ǰʿ, и jʿ считаем нужным сделать следующие пояснения. Во-первых, фактор „среднеязычения“, „смягчения“, выступающий весьма сильно при „гортанных“ k, q, kʿ и q и незаметный при других согласных. Это явление, можно сказать, идёт ещё дальше нормального русского „среднеязычения“ k и q, обозначаясь нами черточкой при k', q', kʿ' и qʿ'.

Фонетические сочетания этих заднеязычных k, q, kʿ и qʿ с последующими гласными e, ē и i (y), будь это в на-

---

[1] Если бы не желание избегать здесь графических „осложнений“, то изображение звонкого аспирования в звонких b, d, q, j, j лучше всего можно было бы передать через bʰ, dʰ, qʰ, jʰ, ǰʰ.

чале или середине слова, перерождаются в аштаракском произношении в группы со среднеязычными или „предпереднеязычными“ согласными, почти с равным, как нам кажется, применением того или другого вида этого „смягчения“. Графически на примерах можно представить так: kirakur (кушанье), pᵘokel (срывать), hənger (товарищ), kᶜeri (дядя), gᶜed (река), gᶜini (вино), gᶜel (волк)... необходимо должны произноситься или k'irakur, pᵘok'el, həng'er... ···с среднеязычными k, g, kᶜ, gᶜ (вроде русских „кисть“, „кем“, „гиря“ и пр.) или даже чаще ţirakur. pᵘotel, hənder, ţᶜeri (ծeri), ḑᶜed, ḑᶜini, ḑᶜel, где ţ, ḑ, ţᶜ, ḑᶜ артикулируются между средней и передней частью языка и имеют тенденцию, особенно в квартале около церкви „Сурп Марианэ“, превращаться в аффрикаты č(ճ), ǰ(ջ), čʼ(չ) и ǰᶜ(ցᶜ)[1,2]. Затем в произношении bᶜ, dᶜ, gᶜ, ǰᶜ и jᶜ, с одной стороны, и b, d, g, ǰ и j, с другой, мы различаем следующие моменты и свойства: для вторых согласных момент дрожания голосовых связок предшествует взрыву, тогда как для первых (bᶜ, dᶜ...) он одновременен с ним; степень же имплозии в звонких придыхательных bᶜ, dᶜ, gᶜ, ǰᶜ, jᶜ настолько же ослаблена в отношении к звонким b, d, g, ǰ и j, насколько глухие придыхательные pᶜ, tᶜ, kᶜ ослаблены в своей имплозии к глухим p, t и k. Наконец, звонкие взрывные b, d, g, ǰ и j в конце слова только тогда могут произноситься звонко, когда на-

---

[1] Название птицы „сорока“ произносимо в этом предпереднеязычном произношении, а именно teč̣eɣag („ᵗkeč̣eɣac), но не менее часто и произношение čeč̣eɣag, а раз у одного мальчика услышал ясное teč̣eɣag.

[2] Так что, например, можно услышать сплошь и рядом такие произношения, как jidam voč (не знаю), „ečᶜəm'em iči̯n“ /էչքամ ամ 'իչի̯ն (иду в сад), „čeri, a'ri haš če(r)“ (չհոի, ար հաշ ճեր) (дядя, иди обедать)/ и пр. Вероятно, аналогичное происхождение „гортанных“ k, g, kᶜ, gᶜ перед палатальными e и i имеет место и в селе Ошакан, судя по следующему характерному случаю: раз, проходя с товарищем через ошаканские виноградники, я обратился с просьбой к одной девочке, лет 10-ти, можно ли нам сорвать их виноград; последовавшее „če“ (ճի) сразу не стало мне понятным, и на вопрос товарищу, что она говорит,— тот разъясняет, что она разрешает, говорит: k'er (ешь). Нужно здесь добавить также, что и в Аштараке мне иногда приходилось слышать у детей „cerav“ (он съел) и пр. с аффрикатом с (ծ) вместо обыкновенного č (ճ).

ходятся в условиях, способствующих их звонкому проявлению, а именно перед сонорными (y, r, ṙ, l, m, n), звонкими спирантами (v, ʿ, z, ž), звонкими непридыхательными и гласными.

§ 7. Заимствованные с известного времени слова почти сохраняют свое первоисточное произношение, не подвергаясь специфическим явлениям иотизации, лабиализации и аспирации; гласные же e и o всегда имеют произношение ê (узкое) и ô (с полным округлением), при обыкновенных a, i и u; см. «Словарь заимствованных слов».

B. ЗВУКОВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

§ 8. Этот отдел содержит в себе только общие фонетические явления, свойственные аштаракскому говору в настоящем или прошлом, и делится сообразно с этим на часть «современной фонетики» и часть «исторической фонетики».

I. Современная фонетика

§ 9. Фонетико-морфологическая структура аштаракских слов подчиняется следующим правилам звуковой ассоциации, выведенным нами эмпирически и устанавливаемым как норма. Это факт своеобразного соотношения консонантизма слогов, где такой слог может быть или основой слова или же его частью. Можно даже сказать, что тут мы имеем самое характерное выражение аштаракской языковой психологии, как причины и фактора большинства происшедших звуковых изменений. Такое сложившееся состояние слова, являющееся теперь живой и действующей нормой нашего говора, выражается в следующем. Если взять фонетическую группу из сочетаний согласный+гласный+согласный или же согласный+гласный+элементы дифтонга r, ṙ +согласный, будь это в роли слога или же основы (корня) слова, и если исключить от участия соноры и спиранты, а брать в качестве согласных только взрывные и аффрикаты, то такой консонантизм аштаракского слога регулируется невозможностью комбинаций, во-первых, аспиратов или звонких с глухими, а, во-вторых, глухих со звонкими, т. е., не могут сосуществовать сочетания:

1) p^c, t^c, k^c, ç, ç+V (vocalis) или V с r, ṙ+p, t, k, č, c;

2) b^c, d^c, g^c, j', j^c+V или V с r, ṙ+p, t, k, č, c;

3) b, d, g, ǰ, j+V или V с r, ř+p, t, k, č, c;

4) p, t, k, č, c+V или V с r, ř+b, d, g, ǰ, j.

Следовательно, возможно есть другие соотношения, как 1) глухие с глухими типа pap (дед), ku-tap [свёрток (рыбы, змеи)], sa-pok „сапог", ko-coc (колючая почка у растений), ca-cuk (скрытый), čoč (качель), cerp (просвет дверей), ceřt (помёт птиц), kuřc (вымя, грудь (животных)), tapak (половина), p^{u}ort (пуп)..; 2) глухие с глухими придыхательными вроде tak^{c} (горячий), t^{u}ot^{c} (духота), ē-t^{u}oc (вид большого серповидного ножа), kat^{c} (молоко), cēk^{c} (рассвет), kə-tuc (клюв), coc (лоно), pōpōk^{c} (орех), tařt^{c} (вид кизяка)..; 3) звонкие с глухими придыхательными (редко) ša-bik^{c} (сорочка), ǰik^{c} или bōk^{c} про положение игральной кости, xařdoç (точило, брусок), γa-dak^{c} (вид синего сукна)..; 4) аспираты с глухими придыхательными—çēt^{c} (моча), b^{c}it^{c} (расщелина, место разрыва ручья), çap^{c} (мера), ǰ^{c}ařt^{c}up^{c}uřt^{c} anel (разбить вдребезги)..; 5) аспираты со звонкими b^{c}ag (двор), ē-k'u] (завтра), p^{c}u-çig (пузырь), g^{c}ed (река), c(ə)nep^{c}ag (спаржа), xē-çad (черепок' (от кувшина и пр.)], g^{u}ord (лягушка), g^{c}orj (дело), çuřd (холод, холодный)..; 6) звонкие со звонкими—ši-dag (правильный), za-dig (пасха, майский жук), g^{c}an-gad (жалоба), jarǰ (хворост из зеленых ветвей), g^{c}o-dig (пояс). В частности же следует заметить, что в таких словах, как ta-xtag (доска), mu-štug (мундштук, трубка для курения), i-stag (точь-в-точь как, совсем как), /istagel расчищать)/, a-xkad (бедный) и пр., звонкость конечных согласных обусловливается специфическим влиянием спирантов x, š, s, относящихся в произношении к следующему слогу.

Сущность приводимой нами нормы слогового консонантизма заключается в том, что последний согласный слога постоянно зависит от первого, находясь с ним в известном функциональном равновесии[1]. Самое же главное, что дейст-

[1] Этого нельзя сказать про слоги с носовым элементом дифтонга (n, m), ибо последняя согласная фонема в слоге всегда бывает звонкая или придыхательная, но не глухая, и не зависит от качества первого согласного, как pind (крепкий), bang (банк), kend (нечет), t^{c}umb (гряда в винограднике), b^{c}onj (нижний остаток от кувшина), g^{c}und (комок), čont^{c} (паралитик), k^{c}ont^{c}i gal 'искать случки' (собака) и пр.

вие этой своеобразной фонетической ассоциации не ограничено только пределами одного слога, а обнимает все слово, где уже весь последующий слог базирует свой консонантизм на качестве начального согласного предыдущего слога, и где первый согласный, таким образом, как бы задает тон всей звуковой структуре слова.

Действием этой же прогрессивной ассоциации («ассимиляции») в консонантизме определенных слогов и была обусловлена вся перекройка прежнего языкового материала. Так, во-первых, перерождение первоначальных конечных глухих в слогах, как b^{c}ag (=класс. *բակ*), p^{c}ag (класс. *փակ*), xĕ-çad (<*xĕcat), g^{c}ed (класс. *գետ*), g^{u}ord (=класс. *գորտ*), ši-dag (=класс. *շիտակ*), la-g^{u}od (мальчишка) (=класс. *լակոտ* (щенок), g^{cu}orǰ (дело, работа) (=класс. *գործ*) и т. п., исключительно вызвано общей психоязыковой тенденцией Аштарака—избегать в слогах определенной структуры (со слогообразующими гласными или гласными с r, ŕ) сочетаний начальных аспиратов или звонких с конечными глухими своего же слога. С другой же стороны, начальный согласный последнего слога регулируется по названному „закону" начальным же согласным предыдущего слога, как этот слог, в свою очередь, со своим предшествующим слогом и т. д.; если, однако, все эти слоги, кроме последнего, заканчиваются на гласные или гласные с сонорными r, ŕ, l, как, например, g^{cu}o-dig (пояс) (ср. класс. *գաւտի*), ko-tit (застежка в дверных засовах), ça-ǰig (низкий) (класс. *ցած, ցածիկ*), b^{c}a-d^{u}oç (терраса) [<*batoe], čul-ki [засов колеса (чтобы не выпало)], čəl-kut [čl-kut] (болото), pəŕ-čo-kel [pŕ-čo-kel] (терзать, рвать), p^{c}əŕ-ǰo-gel [p^{c}ŕ-ǰo-gel] (отделять абрикосы от косточек), baŕ-di (тополь) (=класс. *բարդի*), cəlkə-vəl [cl-kə-vel] (улизнуть), bəŕ-t^{c}el (bŕ-t^{c}el) (столкнуть), čakat (лоб) (=класс. *ճակատ*), k^{c}əŕ-dink^{c} (пот) (=*քրտինք*), pə-pə-çig (шишка на голове), p^{c}ar-bi—название села *Փարպի*, g'i-dem (di-dem) или g'i-dam (di-dam) (знаю) (=класс. *գիտեմ*), di-ba (я ударился) (=класс. *դիպեմ,-պեցայ*), и т. д.[1]

[1] Этому же влиянию подверглись и заимствования „sapök" (сапог), pöt^{c}nöc (поднос) и пр., но, например, такое заимствование с грузин-

Следует заметить, что соноры и звонкие спиранты в конструкции консонантизма некоторых слов играют почти одинаковую с другими звонкими (взрывными и афф.) роль, как za-dig, tekᶜeragin (но Knig), Kənig. Следовательно, такие фонетические целые, как kᶜöt-ki 'пня' (род. п. от kᶜo-tᶜug 'пень'), gᶜᵘotki 'пояса' (род. п. от gᶜᵘo-dig), šap-ki 'сорочки' (род. п. от ša-bikᶜ), zat-ki 'пасхи' (от za-dig), bas-ki 'свекловицы' (род. п. от bᶜa-zug).., или ç(ə)ŕt-kel 'рожать' (про кошку, собаку...) при ç(ə)ŕ-tᶜel id., ç(ə)ŕt-kun 'брызги' при çertᵘung, id., pᶜ(ə)rt-kun 'фыркание' (при начинании смеяться) и пр., не отвечают вышеприведенным нормам слоговой конструкции, где все слоги, кроме последнего, должны заканчиваться либо гласным, либо гласным с r, ŕ, l. Также следует заметить, что противоречие основной нормы таких слов свойственных аштаракскому диалекту, как kodrel (ломать), padŕel (лопнуть), padris (прививка деревьев) и пр. является весьма сомнительным, ибо, во-первых, тут имеем другой сродный фактор—влияние r на предыдущий согласный звук (см. ниже), а, во-вторых, не исключается возможность отнести произношение d к предыдущему слогу, как не отвечающему требуемым условиям многосложного слова. Единственный случай, когда вышеприведенный основной закон не вступает в действие, это сознание говорящим морфологической структуры слова, где определенные морфемы хотя и составляют со словом фонетическое целое, но не теряют в общем произношении своего индивидуального облика, таковы суффиксы—ot для выражения обилия, -at для

ского, как cəglagi anel (cəg-la-gi) (испускать струю), Petripölk или Peterpölkᶜ СПб, tolk (торг) и tölkov cexel, tolk anel (продавать с публичного торга), сохраняет свой „неаштаракский" вид, ибо ожидали бы cəklaki. Точно так же неправильный вид имеет глагол tᶜə-p(ə)ŕ-tal трепетать, биться (о птицах), где глагол -tal своим начальным t нормально согласован с p слога -p(ə)ŕ-, как глухой с глухим, но этот -pəŕ- в свою очередь не подвергся влиянию своего предыдущего слога tᶜə--, иначе говоря, аспирата tᶜ, ибо сочетания аспиратов с глухими противоречат основной норме консонантизма известных слогов. Но, с другой стороны, и слово tᶜəpəŕtal не может назваться „нормальным", как образование звукоподражательного характера.

выражения недоставания или лишения (=нем. los), -ac для причастия прошедшего времени, как, например, tᶜə-pᶜot (обильный кустами) от tᶜepᶜ (куст), pᶜəs-lən-kʷot (слюнявый) от pᶜəslinkᶜ (слюня), sər-dʷot 'отважный' от sird (сердце), iʷor-tᶜa-tel (преждевременно отелиться) от iʷortᶜ 'теленок' [ср. bᶜenkᶜłat (лишённый зубов), pəłat [(человек) с заячьими губами, лишённый края (котёл)], ē-pᶜac (сваренный), di-bac (ударившийся), ləva-çac (вымытый, выстиранный) и пр. В частности, действием прогрессивной же фонетической ассоциации и обусловливается произношение формы будущего времени от gᶜal (придти), как kᶜə-kᶜam (I л.), kə-kᶜas (II л.), kə-kᶜa (III л.), вместо ожидаемых kə-gᶜam, kə-gᶜas и пр. Ср. аналогичное pa-tiž (наказание) при старом *պատիժ* со звонким ž, заимствованное sa-pok (сапог) с глухим k под влиянием предыдущего p, и пр.

Наконец, этот общий принцип прогрессивной ассимиляции отражается и на вокализме аштаракских слов, как ōlorel (скрутить) вместо ōlorel (ср. tərorel (тереть, топтать), paçpəçorel расцеловать) и пр.)[1], ōtōç (вид серповидного большого ножа) при ētʷoç id. (ētʷoç>ōtʷoç>ōtōç, от ētel (обрезывать лозы), eᶜreg (вчера) при класс. *երեկ* и пр.

§ 10. Здесь мы рассмотрим влияние фонетической ассоциации уже обратного, регрессивного характера, ограниченное, вдобавок, только непосредственным соседством других звуков. Сперва возьмем такое состояние слов, где сталкиваются последний звук предыдущего слова с первым последующего, понимая такие слова как часть общего фонетического предложения. Гласные в этом отношении также принимают

---

[1] Корень этого глагола восходит к индоевропейской древности, имея такое развитие: ōl- < awl-, как нулевая ступень і̯awel-, чередующегося с і̯*awel-, ср. к первому виду и арм. *ալ* awl (кольцо), а к і̯ᵊwel- относятся *գեղմն* get-mn 'руно' (= н.-е Welmn, см. A9, 434). *գեղձ* get.j [illegible] (род вьющейся травы), *գլիմ* glem (из gil-em) 'скатываю', и к нулевой разновидности этого і̯ᵊwel- относится *ոլն* oln (шея); ми. ч. olunkᶜ (бусы, ожерелье).

участие, и их специфическое влияние на последние согласные предыдущего слова сказывается в том, что все конечные аспираты p^c, t^c, k^c, č, ç, находящиеся после r, ŕ, l, n, m[1], большей частью теряют свой придыхательный характер перед начальными гласными следующего слова, но не энклитики, как—inč asəma asi (что угодно пусть говорит), inč úzma tur (что ни захочет—отдай), v^uonč ekela v^uončel[2] pəti g^ca (не пришёл и не придёт), v^uonc asem! (как мне сказать!), hefsiçə mart uzma padŕi (от злости хочется[3] лопнуть), p^caŕk Assu (слава богу) и пр., где все эти конечные č, c, k.., получившиеся из č, ç, k^c.., образуют в произношении слог со следующим словом.

В отношении согласных следует указать особенно на звонкое произношение конечных глухих перед начальными звонкими второго слова или энклитики, где этот звонкий может быть всех категорий—взрывной, аффрикат, спирант и сонорный, как, например, na b^can šad g'idi (он многое знает) при šat (много), calapatig nəstel (сесть с подобранными под себя ногами) (но Perf. calapatika nstel), ort^{c}əm kragna əngnəm [клянется и божится (собственно впадает в клятву и огонь)] при krak (огонь) и пр. Эти же глухие перед h или с следующего слова образуют с ними глухие или звонкие аспираты, как kapit^{c}az (коклюш) из kapit haz (синий кашель), kapid^{c}ašk [синий глаз (<kapit a^{c}šk)], p^uog^{c}arl [удери (<p^uok a^{c}rl собственно „сорвись“)] и пр.; при сочетании уже с предыдущими звонкими, спирант r может терять своё произношение, а спирант h сливается с ним в глухие аспираты, как xak^{c}av^{u}oγ [незрелый виноград (=xag+hav^{u}oγ)] или особенно k^caxan [полотье трав) из k^caγ от k^caγel (срывать) и han от hanel (извлекать, вынимать) и т. п.

---

[1] Следует указать на особую роль сонорных r, ŕ, l, m, n при характере мн. ч. k^c, где это k^c в произношении существует только после них и гласных, как xelk^c (ум), pslink^c (слюня).., но mitk^c, xösk.

[2] Энклитики (в роде v^uor, el и пр.) или отделяются нами от предыдущего слова чертоčкой, или же соединяются с ним в одно.

[3] Ср. аналогичные образования во французском on, нем. man-, как развитие существительного homo и Mann.

Если, наконец, взять сочетание двух смежных согласных внутри одного слова, то тут тоже наблюдаем своеобразную картину фонетических ассимиляций. Во-первых, мы имеем «озвончающее» влияние характера страдательного залога -V- на своих предшествующих глухих[1], как p^{u}okel (оторвать) при страдательном p^{u}ogvel, kapel (связать) при страд. kabvel, kitel (собрать в кучу) при страд. kidvel и пр., такое же влияние V проявляется в отношении глагола padvel (оказать почесть кому-либо от pativ (честь, почесть), полная параллель к чему имеется и в изменении существительных tak (основание, дно) и tagvetak, katu (кошка) в косвенных kadvi (Gen), kadvov (тв.) и kətur (крыша) при kədri (род.), kədriç (отлож.), kədrov (тв.) и пр., и, с другой стороны, в глаголе kədrel (отрезать) при прил. xĕlk^{c}akətur [соб. „уморежущий" (разумный, целесообразный)]; ср. то же явление в отношении V и r в словах—padvenag (недозревающие фрукты и растения, произросшие позже своего времени), padris 'прививка' (деревьев растений); kodrel 'ломать' (но kotorel 'рубить'); padɬel [лопнуть=(класс. *պատառ* (кусок)] и пр. Сонорные m, n, l зачастую обнаруживают такое же влияние, как, например, при совместном скором произношении выражений iž-namag (что за письмо, какое письмо?) (<inç̌ namag), iž-mart^{c}-ēr (что за человек был), iž-lav ēlav (как хорошо стало) и пр., но в середине слова это действие, уже другого характера, как, например, для n в словах mišnag [узкая полоса между виноградниками, <*miç̌-nag от meç̌ (середина)], *բշնի*>ашт. *փշնի* (<*B^{c}əčni<*B^{c}əč-ni^{c}<*Bəǰni), mišnēg 'средний' (сын, дочь) при aɬčənēg 'первенец' [от a^{c}ɬaç̌ (впереди, раньше)], šuɬ kasni (опрокинется) буд. вр. от šuɬ ançnel и пр.

Озвончающее внимание имеют и звонкие взрывные, что всегда сказывается в наречии zdar (столько) (<*s-dar для I л.), iždar 'сколько' (<inždar<*inç̌-dar при indar id.)[2]. Зато

[1] Но не глухих придыхательных, как t^{c}ekel (склонить) и Pass. t^{c}ek^{c}-vel.

[2] Ср. ədar (столько) для II л. из ət-dar, əndar (столько) для III л., где отдельно несуществующее -dar означает вообще количество и сплошь и рядом произносится также -dam, как zdam, ətam, əndam, indam

более разнообразно сказывается влияние глухих на свои предшествующие согласные, как mēšk 'спина' (<*mēč-k^{c}), mēšteŋ (середина), a^{c}šk 'глаз' (<*a^{c}č-k^{c}), ləvask 'стирка' (<*ləvaçk^{c}), kəskuj 'хрусткий' (хлеб) из *kəskuj (<*kəckuc, как удвоение), ancusk 'выкидыш' (<*ançuçk^{c}, ср. мушс. и ванское *անցուցիկ* (имеет выкидыш), Амат., 40), anəskam 'непристойно—дерзкий' (про женщину) из an-zgam (класс. *անդգամ*), askutak 'весь род, вся фамилия' (<*azgutak), čanškul или čaškul 'щурка merops aplaster' (<*čanǰ-kul, ср. лат. „aplaster"), p^{c}ošt (почта), çərtkel (рожать) при çərt^{c}el id. или Wonnerə 'ноги' (*V^{u}otner от V^{u}ot), mannerə 'пальцы' mat(ner)ə от mat.

В заключение укажем на регрессивную „ассимиляцию" регрессивного характера, как в отношении согласных, так и гласных. Для первого случая имеются, например, такие произношения, как d^{c}ət^{c}əm (тыква) и t^{c}ət^{c}əm : id., ǰ^{c}əçug (род травы) и çəčug (id.), ǰ^{c}əçəm 'большая плетёная корзина (овального вида) для ловли рыбы' и çəçəm id.[1] но ǰ^{c}uçug не имеет параллельной формы *çuçug в выражении popok^{c}ə ǰ^{c}uçug (или kakal) anel (отделять орех от кожуры).

Нам кажется, что все следующие слова—k^{c}ət^{c}nel (аор. k^{c}ət^{c}av) 'находить', k^{c}ət^{c}al (ложка), k^{c}ət^{c}ag (шапка, папаха), k^{c}əçel (бросить) и k^{c}əšer (ночь)—обязаны своими глухими придыхательными k^{c} (из *g^{c}) влиянию следующих аспиратов t^{c} ç и спиранта š. В отношении же факта регрессивной ассоциации слоговых гласных можно привести—t^{c}ērēp^{c} (полусваренный) из энклитически употребляемой t^{c}er (полу) и глагола ēp^{c}el [сварить (но t^{c}erxaš id.], b^{c}ērēk^{c} (принесите) при b^{c}er 'принеси' (от b^{c}erel) и пр.

(izdam), где m возникло, по-моему, по ассоциации с m- первого лица (im „мой") в zdam, откуда распространилось и на ədam (II л.), əndam, indam (izdam). В Ошакане эти вторые формы произносят zdəm, ədəm и пр. с ə, вм. ашт. a, но в Ошакане уже (как и в Вагаршапате и др.) имеется параллельное развитие к ēsk^{c}an (столько), ētk^{c}an.. формы ēsk^{c}am, ētk^{c}am и пр., аналогично zdar—zdam.

[1] В словаре Аматуни (стр. 285) это слово приводится только в форме *ձձուկ* (в Хой, Абаран, Буланых, Муш) или *ցցուկ* (в Ване и Шаруре) и только в значении 'кадки или чана овального вида для катания масла' (=арарате. xəpoçl).

§ 11. Новое фонетическое явление, пока только развивающееся, это исчезновение конечных глагольных *s*, *l* и *r*, как—man-a gali (ходит, расхаживает, ищет), vazz-a tali (бежит), xi-y-a lali (почему плачет?), lav-a are (он хорошо сделал), p^{u}ok-a ek'e (оторвался, удрал), b^{c}e (принеси), k'e (ешь), d^{c}i (поставь, положи) и пр. при параллельных man-a galis, vazz-a talis, xi-y-a lalis, lav-a arel, p^{u}ok-a ek'el, b^{c}er, k'er, d^{c}ir и пр. (исчезновение r в предлогах ve 'вверх' (<ver) и vē 'вниз' (<vēr), как vē kaç, vē d^{c}i(r) (положи вниз), всегда обязательно[1]; ср. исчезновение *s* в глаголе tenel (<*tehnel, аор. teha) 'видеть' и спиранта ž в наречии indar (indam) 'сколько', пожалуй даже чаще употребляемом, чем наречие iždar (iždam) id.—оба из inždar (inždam).

Сродное с этим исчезновение соноров *r*, *l* и спирантов *s*, ž имеем и в частом не произношении в словах сонанта *n*, как šuť kasni 'опрокинется' (но неопр. как. šuť ançnel), iždar (iždam), čaškul (щурка) (‖ čanškul), šaš-tal 'показать' (‖ šans tal<*sanç-tal) и пр.; ср. такое же исчезновение *n* в прошлом—как p^{c}(ə)ť(ə)štal 'чихать' из p^{c}əťənjtal (или *pərənčtal)=класс. փռնկամ или փռնգամ и позднее փռնչեմ 'фырканье, храпение', arəštotal (зевать) из *(y)arənjtotal (или *(y)arənčtotal)=класс. յաւրանջեմ, польско-арм. orəjdal, акнинское ərəzgədam (см. Le Parler armenien d'Ikn, Maxudian (стр. 62) и пр.

§ 12. Живым современным фонетическим явлением служит и факт сосуществования двух форм одного и того же имени, как чередующихся разновидностей. Наиболее известны: 1) ek^{c}uj//yek^{c}uj (завтра) с ^{c}//y, где обе формы одинаково употребляемы, 2) v^{u}onç//m^{u}onç (как с v//m и 3) trorel// tvorel (тереть, топтать), где формы m^{u}onc и tvorel выступают реже и свойственны произношению как-будто менее

---

[1] И это же в таких комбинациях, где s, l непременно должны произноситься, как g^{c}alis-a (приходит), talis-a (дает), lalis-a (плачет),—аналогичные конструкции для r, как vēr-a d^{c}inam, ver-a inəm (поднимает)... но uve, vē, т. е. vē-a d^{c}ənəm, vē-a inəm и пр.

„окультуренных" аштаракцев[1]. Затем нужно указать, в связи с возникновением или невозникновением междугласного *у*, на сосуществование таких образований, как -xi-y-a lali(s) (почему он плачет?) с xi-a lali(s), ni-y-a talis (проглатывает) с ni-a tuli(s), aᶜɬu-y-ēl (также ручей) с aᶜɬu-ēl..., но почти всегда произносятся—aᶜɬu-y-a[2] (это)—ручей), ērēxa-y-a [(это) ребёнок], utəma-y-u xəməm (ест и пьёт), katu-y-u šun (кошка и собака) и пр.

§ 13. Что же касается, наконец, звуковых изменений, претерпеваемых современным аштаракским словом в зависимости от наслоения новых слогов, а потому в большинстве случаев и от перемещения ударения, то такие изменения в отношении гласных сводятся к следующему. Гласные *i* и *u* односложных образований всегда переходят в ə, как mis (мясо)—məsi (Gen.), məsiç (Abl.), məsᵘot (мясистый), ing (упади)—əngnel (падать), il (будь)—əl(n)el (стать, делается), bᶜun (гнездо, логовище)—bᶜəni (Gen.), bᶜenér (Nom. pl.), sut (ложь)—sətél (лгать) и пр.; слова на -eɣ, -ex преимущественно стягивают это *e* в *ə*, как áseɣ (иголка)—ásxi (Gen.), tərɛ́x (лапти)—tərxí (Gen.), çex (грязь)—çəxí (Gen.), çəxᵘot (запачкавшийся грязью), mex (гвоздь)—məxel (пригвоздить), əɬex (глотка, зов)—əɬxel (захватить в рот) и т. д. при возможных tərɛ́xi, çexi; односложные имена с *ē* преимущественно перерождают его в ед. ч. в *i*, в глагольные образования всегда, как ēš (осёл)—išı и éšı (Gen.), но мн.

---

[1] В прошлом нашего говора известно чередование и tᶜaɣ (квартал), употребляемого отдельно и в собст. названии части Аштарака— Bᶜertᶜatáɣ, со словом tᶜaɬ—(возвышенное место) в собст. имени Mōɣnutᶜaɬ (отлогое предместье между Аштараком и Могни), от tᶜaɬ—образовано и tᶜaɬag (квартал). П. Прошян объяснял это tᶜaɬ—в Mōɣnutᶜaɬ, как „возвышенность", понимая, очевидно в связи с tᶜaɬ (насест, палка для сидения кур), tᶜar əlel [насесть на что-либо (см. у Аматуни, стр. 205)], каковое объяснение дается и теперь, но тогда как понять производное слово tᶜaɬag (квартал), употребляемое как нарицательное имя во всём араратском наречии и в Хое (ib) и независимо от расположений квартала.

[2] Но при сочетании этой энклитики -ēl с личным местоимением dᶜu получается dəv-ēl (и ты, ты также), [но lu-ēl (и блоха). ku-ēl (и помет.)],—ср. gᶜ'erandəv-er (косы) (мн. ч. от gᶜ'erandu), məsaçəver (животные для убоя от ед. ч. məsaçu).

ч. ẽšer, ẽc (коза)—ícl и ẽci (Gen.), но ẽcer, gᶜẽl (волк),—gᶜíll и gᶜ'ẽll (Gen.) при мн. ч. gᶜ'ẽler и gᶜílan, d'ẽz (стог)—dízi и d'ẽzi (Gen.), dᶜẽzer (pl.), но всегда dᶜízel (навалить в кучу, в стог), k'ẽs (половина)—k'ísi и k'ẽsi (Gen.), k'isat (недостаточный, неполный), k'isel (делить пополам) и пр., от слова же kəlẽp (кора, кожура)—kəlpí и kəlẽpi (Gen.) и kəlpẽl (отделить от кожуры).

Во вторично ослабленном состоянии находятся ikᶜl (сад) вм. *eᶜkᶜl и víruni (дикий) вм. *vẽruni, к чему срав. диалектное irig (муж) при ẽrig id[1]. Изменения с а (>ə) сравнительно редки и ограничиваются немногими словами.

II. Историческая фонетика

§ 14. Вопрос о сравнительно-исторической ценности описанных нами явлений йотизации, лабиализации и звонкой аспирации, по нашему мнению, имеет лишь диалектическое значение для истории новоармянских наречий. Эти звуковые явления в той или иной части свойственны также и другим современным диалектам и не представляют собой продолжения более старых звуковых норм или их развитие, а являются совершенно самостоятельной и новой особенностью этих наречий, как произведение не очень старого времени, неоправдываемое и этимологически. Мы уже говорили, что возникновение vᵘ в vᵘot (нога), vᵘoĉil (вошь), vᵘortᶜi (сын) и пр. находится в прямом соотношении с лабиализацией согласных, как xᵘot (трава), pᶜᵘor (живот), akᶜlᵘor (петух) и пр., где лабиализация начальных ho- (не hō-) через промежуточную форму *hᵘwo- дала затем формы с fo-, произносимые по аналогии как fᵘo-; ср. fᵘokᶜi (душа), fᵘortᶜ(телёнок), fᵘoγ (земля) и т. д. при hōv (прохладный), hōri (не обрезываемая лоза), hōl (юла, волчок) [=курдс. hol (мяч, мячик)] и пр.

Точно так же развитие y в группе с начальным *e*, как yes (я), yeŕal (двигаться), yez (бык), yertᶜig (окошко в

[1] Перерождение dᶜev (бес) в dᶜ'vótel (быть бесноватым) показывает, что ẽ в dᶜev есть наследие старого дифтонга -ey- (*deyv-, ср. авест. daēva- id.).

кровле), yekᶜuJ (и ékuJ) 'завтра', yergar или yerg'ën (длинный) и пр. находится в связи с иотизацией согласных перед e (ē) как kᶜ'erel (скоблить), k'er (ешь), vᵘonn'er (ноги), gᶜ'ēl (волк) и пр. Вероятно, такое соотношение в возникновении существует и между звонким придыхательным 'и звонким и аспиратами bᶜ, dᶜ, cᶜ, Jᶜ, jᶜ, где их придыхательность, как раньше сказано, имеет звонкий характер. Непонятно только, почему вместо классического начального n- в аштаракском получаются также ō- (не vᵘo-), как ōv (кто) (=n, *ով*), ōɣnašar (спинной хребет, позвоночник) (=*ողնաշար*)[1], ōɣōɣel (полоскать) (=*ողողել*) ōskōr (кость) (=*ոսկր*), ōčōv 'никто' (при vᵘoč 'не'[1] и пр., или вместо классического начального *h* кроме соответствующего аштаракского ye- имеются ē или eᶜ, как ērēxa 'ребёнок' (=*երեխայ*), ērnag нар. 'блаженно' (=*երանելակ*), ērēval 'появляться, показаться' (=*երեւիմ*), ērkatᶜ 'железо' (=*երկաթ*), ēpᶜel 'варить' (=*եփեմ*), ēka 'я пришёл' (=*եկի*), или eᶜraz 'сновидение' (=*երազ*), eᶜres 'лицо' (=*երես*); ср. eᶜkᶜuJ 'завтра' (=*այգուց*), eᶜrer (пещеры) (=*այրեր*), iᶜrigun 'вечер' (=*երեկոյ*), iᶜkᶜi 'сад' (=*այգի*).

Одно несомненно для оттяжений старых начальных *e-* и *o-*, это или иотированное и лабиализированное их произношение, т. е. ye- и wᵘo-, или произношение с узким ē и полным ō, при возможной также звонкой аспирации начального старого e-, т. е. eᶜ-. Что же касается исторической природы аштаракского (и араратского) звонкого придыхания (ᶜ), известного самостоятельно только в начале слов, то принятие его за диалектический эквивалент классическому начальному y (*յ*) не имеет за собою никаких веских оснований. Старое начальное y, как в *յուզեմ* yuz-em (возбуждаю, ищу)=ашт. uzel (желать), *յօնքն* yawnkᶜ (брови)=ашт. unkᶜ id., *յոռակ*

---

[1] Произношение этого ōɣnašar с ō можно оправдать тем, что здесь начальное o есть более старый дифтонг aw- как и в аштаракском oɣ (колье, обруч)=класс. *ոլոր* id. (из и.-е. корня **avel-*, «вить»), а произношение таких слов, как ōčōv (никто) и ōkᶜmin (personne) зависит, по нашему мнению, от характера их отложений в аштаракском говоре, где они могут рассматриваться и как заимствования древнего периода.

ystak (вм. *yəstak) 'чистый' = ашт. istag id.[1], axtel 'одолеть' (<*aɣtᶜel) = класс. յաղթեմ, arəštotal (зевать) = յառաջգալ, исчезло в аштаракском произношении, и только одно слово iᶜççun 'пятьдесят' (=класс. վաթսուն) по звонкому спиранту соответствует древнему иоту. Вообще же хоть звонкий спирант не регулируется никакими определенными нормами сочетаний со следующим гласным, не сочиняясь, судя по приметам, с начальным o- (т. е. пять слов с oᶜ-), и, кроме упомянутого iccun, везде представляет позднее возникновение,—ср. uᶜs 'плечо' (=ուս), uᶜr 'куда' (=ուր), aᶜnç kenal 'переходить, переправиться' (=անցանելի), uᶜxt 'обет, богомолье' (=մխիթ), aᶜšk 'глаз' (=աչք), aᶜtç 'медведь' (=արջ), aᶜmēn 'всякий' (=ամէն), iᶜkᶜi 'виноградник' (=այգի), eᶜkᶜuj 'завтра' (=այգուց) и пр. Единственным возможным сравнением может явиться только слово harehas 'кстати' прибывший' (из *yarehas), но принадлежность его искони аштаракскому говору может подвергнуться сомнению, а новейшее приурочивание звонкого спиранта к литературному (и классическому) иоту есть только довольно удачное приспосабливание двух отличных придыханий (ᶜ и h) к двум графемам современного литературного языка (j и h), весьма пригодное для обучения местных школьников точному правописанию и избегающее тем самым однообразного произношения литературных j и h в одном глухом придыхании h, что теперь делается везде[2].

Как лингвистическую параллель к соотношению аштаракских начальных ye- и vᵘo к старым e- и o- можно указать на аналогичное новое явление в русском, ср. „yevo" — его, „yest" (есть, ест).., острый—вострый, осемь—восемь и пр.

---

[1] Древнее յաւժար yawzar (охотный) звучит в Аштараке как ôžar (согласный на что-либо), но оно в Аштараке, по нашему, заимствовано.

[2] Так что старые յանկարծ, յայնմ, յարմար и пр. теперь как заимствования в Аштараке звучат aᶜnkarc (внезапно), aᶜytni (известный), aᶜrmar (удобный) и пр. Последнее слово даже нам пришлось слышать и harmar и самое главное не от очень «окультуренного» аштаракца.

§ 15. Рассмотрим, какую историю развития имеют старые дифтонги -ay-, -aw-, -ea-, -ey-, -ew-, oy- на „аштаракской диалектической почве". Первая группа -ay- везде дала перерождение в ē, как hēr (отец) (=հայր), axpēr (брат) (<*atbayr), ēl [ещё, также (=այլ)], jᶜēn [голос, шум (=ձայն)] и пр., исключая, конечно, поздние литературные заимствования вроде kaycak (молния) или vayreni [дикий (=чисто ашт. viruni)], сумевшие стать уже родными для местной языковой психологии; на место же класс. սայթաքիլ (скользнуть) имеется sotᶜtal id. и sotᶜlig (скользкий) с o=старому -ay-.

Вторая группа -aw- произносится как полное o, как ōç (змея) (աւձ), utōγ (едящий) (=ուտող), mōr (матери) (=մայր) и пр. при gᶜᵘodig (пояс) (=գաւտիճ) и mᵘodig (близкий) (=մաւտ) с обыкновенным o. Третья группа -ea- превратилась в аштаракском в e, как sev (чёрный) (=սեւ), k'em (шнур для вязания снопов) (=կեամ), šemkᶜ (порог) (=սեամ), çoren [пшеница (=ցորեան)] и пр. Четвертая группа *-ey- (>էն) переродилась в ē, как ēš (осёл) (=էշ), ēkᶜ (самка) (=էգ), unēr (он имел) (=ունէր), mēç (середина) (=մէջ), и пр. Пятая и шестая группы имеют вместе с нормальными отложениями и незначительные отклонения. Так, дифтонг -ew- дает нормальное i, как sin [столб (=սիւն)], jᶜin [снег (=ձիւն)], dᶜir gᶜai [нравится) и dᶜirekan [приятный (=դիւր, դիւրական[1])], arin [кровь (=արիւն)] и пр., но, с другой стороны, имеют соответствие в u, как aᶜxpur [родник (=աղբիւր)], vaxlutᶜuniç-ə (от страха) с отвлеченным суф.—utᶜun (класс. սիթիւն)], приобретающим теперь широкое морфологическое применение čuəlk (ветвь) · из *čuγ-kᶜ при класс. ճիւղ id.; некоторые данные слова kətur (крыша), а именно его местный падеж kətər-ə [на крыше (по kədrəm-ə (в крыше), заставляют предполагать его первоначальную форму *kətewr (с суфф. -ewr), что явится еще новым „исключением" к соответствию древнего -ew=ашт. i. Точно такое же соот-

[1] Ср. к соединительной гласной e и слово harehas, где в древнеармянском ожидали бы *դիւրական и *յարհաս, как и другие compositа с դիւր и յար.

ношение встречаем, с одной стороны, в нормальном соответствии старого *-oy-* =ашт. i, как lis [свет (=լոյս)], kʿir [сестра (=քոյր)], tʿil [слабый (=թոյլ)], pəlit [вращение (=պտոյտ)], padrikʿ [горелка лампы (=պատրոյգ)], и пр., а, с другой, в соответствии этого дифтонга *-oy-* =ашт. *-u-*, как bʿun [гнездо, нора (=բոյն)], mukʿ [густой (цвет) (=մոյգ)], вероятно, kutap [свёрнутый кусок (рыбы), завитки (змеи)] от) koyt (собрать)=класс. կուտակ, ашт. kitel: другие случаи с *-u-*, как už (сила), anuš (сладкий), откуда nuš id. (про сердцевину косточек), sovorutʿk (обычай), kur (слепой), uɫuçkʿ [произносят uɫusk (опухоль)], при правильном uɫiçkʿ (произносят uɫisk), gʿutʿ (сострадание) и пр. скорее говорят о заимствовании недавнего прошлого, особенно относительно kur, gʿutʿ, už. Причина этих отклонений для дифтонгов *-ew-* и *-oy-* нам остается непонятной[1]. Особо стоящие yeɣ [масло (кухонное)] и gʿeɣ (деревня, село) при классических *իւղ* (<*իւղ) и *գիւղ* могут иметь свое оправдание в соответствии *-ew*=ашт. *e*, во-первых, этимологией этих слов, где изначально едва ли предполагался дифтонг -ew- (ср. к yeɣ греч. ἔλαιον из ἔλαιϜον, откуда лат. oliv-um, oleum, готс. alēv „ōl", см. Hübschmann, A9, стр. 393—394)[2], во-вторых, на произношение этих yeɣ и gʿeɣ через e, а не i, могло оказать своеобразное влияние и последующее ɣ.

Из вышесказанного отнюдь не вытекает, что всякое аштаракское o или ē имело раньше дифтонгическое происхождение. В этом отношении, кроме недавних заимствований, которые все произносятся с ō и ē, можем указать еще на армянские — cōv (море), hov (прохладный), pʿənovel (охуждать), gʿōm (конюшня), tʿōl anel (катить), pəlokel (рвать, драть),

---

[1] К древнему произношению дифтонга *-oy-*, именно как *-oy-*, а не *-uy-*, как думают многие, мы бы указали на слово *հաւյր* (сбор, толпа) при *հաւքել* или *հաւաքել* (схожусь вместе) с древним правильным ослаблением ударяемого дифтонга *-oy-* в неударяемое *-o-*; см. также H. Марр. Грамматика древнеармянского языка.

[2] К слову gʿeɣ мы бы указали на вероятное родство новоперсидского диалектического رُكيل и رُكيند dial. Gilanensi: rusticus plebeius, subditus (Vullers, 1065), которое, во всяком случае, не говорит в пользу дифтонга -ew-.

sōŋnag (отверстие в дверных замках), pᶜēxō [рыхлая (от залежания рыба)], čōlōt (род полевой птички), ōjorkᶜ (потолок), ōskōł (кость), ērag (редкий), kōlōlel (за—окутать), pōpōkᶜ (орех), marxōš [кисловатое (яблоко)], lōkᶜ (шаг), lōd [не отделяющийся от косточки (персик)], kōlinǰ [резь, колики (в животе)] и пр.

§ 16. То, что было нами сказано о соотношении консонантизма аштаракских слов, а именно, о невозможности сочетаний в полных слогах со слогообразующим гласным или гласным с r и ṙ начального аспирата или звонкого с последующим глухим или начального глухого с последующим звонким и, следовательно, о возможности только других комбинаций этих согласных, затем, о воздействии по этой нормировке начального гласного предыдущего слога, оканчивающегося на гласный или гласный с r, ṙ и l, на начальный же согласный последующего подобного же слова, при последнем безразличном слоге, и, наконец, о том, что это отложившееся звуковое состояние определенной категории слов (большинства) является сознаваемым и действующим фактором [ср. patič (наказание), sa-pok (сапог), tōlk (торг) и butᶜurga (бутылка)]—все это устанавливается нами лишь как голое констатирование известного языкового факта и ничего не может сказать о его первопричинах. Такое выработавшееся звуковое состояние части слов, породившее и сознавание его говорящими, является, несомненно, плодом нового времени и не могло, конечно, служить изначальным, каким-то самодовлеющим фактором звуковых перерождений, ибо тогда подобного создавшегося явления для языка и не могло быть. И если, например, такие фонетические целые, как *pᶜet, *gᶜ'et, *bar-ti не соответствуют приводимой нами норме слогового консонантизма и представлены в форме pᶜed (=փայտ), gᶜ'ed (=գլուխ), bar-di (=բարձր) и пр., то другие звучания, вроде *gᶜub, *bᶜerd, *dᶜar-bin и пр., были бы вполне соответствующими этой норме консонантизма, а то, что они дают gᶜup (=գութ), bᶜertᶜ (=բերդ), dᶜar-pᶜin [=դարբին (кузнец)] и пр. есть результат другого фонетического фактора, быть может единственного для этого рода перерождений. Это

тот же фонетический двигатель, который действовал и в отношении старых дифтонгных групп с n(m) и t (>ашт. ɣ), как kŏndal (бритый), с kəndel [оголить (дерево)] при класс. կուռա [կուռգ (лысый)], pind (твёрдый), при պինա (պինգ) id., g^{c}und [ком, комок (теста)] при գունա [գունգ (ядро, шар; полк, отряд, войска)], çənt^{c}el (помешаться) при ցնդիմ (рассеиваюсь), d^{c}exç [<*d^{c}eɣç (персик)], при գևդա. tuvd (род растения) при ատգա, или в отношении старых дифтонгов с n(M), t и r при участии начальных соноров и спирантов, как mart^{c} (человек) при մարդ id., lordu (желтопуз) при լորտա (уж), xurç (сноп) при խուրձ id., sird (сердце) при սիրտ id, h'extel (<*heɣt^{c}el)[1] (душить) при խեղդել id, lənderk^{c} (десна) при լինար мн. ч. (լնարիք id. и пр.). Наконец, то же перерождающее влияние сказывается отчасти и в отношении полных слогов, состоящих из соноров или спирантов, гласных и согласных взрывных или аффрикатов, как had (штука) при հատ (кроха, кусок), xe[2]el [начать созревать (при фруктовые плоды)] при խաղծիմ id, xag [незрелый (плод)] при խակ id, namag (письмо) при նամակ id, čaŕeg (стрекоза), seb (клин), sēg (русый), vēk^{c} (игральная косточка), ye(r)p^{c} [когда (=երբ)], f^{u}ok^{c}i (душа)., но, с другой стороны,—f^{u}ot [запах (=հոտ)], sut [ложь (=ստա)], mat [палец (=մատն)], kə-rak [огонь (=կրակ)], šat [много (=շատ)], x^{u}ot [трава (=խոտ)], v^{u}ot [нога (=ոտն)] и пр.

Такая двойственность сказывается и в отношении слогов с начальным гласным, как—a^{c}rč̣ [медведь (=արջ)], uɣd [верблюд (=ուղտ)], ag [око"; колесо; источник) (=ակն)], ēk^{c} (самка) (=էգ), oç (змея) (=աւձ), aç̣ (правый) (=աջ)., а, с другой стороны, ēc (коза) (=այծ), ēt [обрезка лоз (весной) от глагола ētel (обрезывать лозы), <*eyt- или *ayt-, ср. յաւտիմ id.] и пр., ср. также utel (есть), ēka (я пришёл), ačel (произрастать) и пр. Так что, в итоге, можно так формулировать действие этого исторического фонетического закона: а) все старые звуковые сочетания из „r (ŕ),

[1] Ср. axtel (одолеть) и др.-арм. յաղթիմ id., t^{c}uxt (бумага)=թուղթ, g^{c}axtakan (беженец) =գաղթական..., а к потере придыхания в t^{c} ср. oxt (семь) из *oxt^{c}//*oft^{c}.

[2] В выражении agətal (навестить, присматривать).

ł, n(m)+p, t, k, č, cʿ перерождаются в „r(ṙ), γ, n(m)+b, d, g, ǰ, jʿ, за исключением того частного случая, когда сочетания „r(ṙ)+p, t, k, č, c находятся в слоге с начальным p, t, k, č, c, когда последняя согласная не изменяется [ср. korcanel (опрокинуть)], pʻort (пун), karç (короткий)...; б) все старые звуковые сочетания из „r(ṙ), ł, n(m)+b, d, g, ǰ, jʿ перерождаются в „r(ṙ), *γ(>x), n(m)+pᶜ, tᶜ, kᶜ, ç, cʿ, где группы -*γpᶜ, *-γtᶜ-, *-γkᶜ-, *-γç-. *-γç- переходят в -xp-, -xt-, -xk-, -xç и xç (ср. aᶜxp (сор)=*ազր*, axpēr (брат), hʻextel=*խնդդել*, mʻexk (грех; жалостный)=*մեղք*, axčig (девочка)=*աղջիկ*, dᶜexç [персик=*դեղձ*); в) старые начальные звонкие b, d, g, ǰ, j перешли в звонкие придыхательные bʰ, dʰ, gʰ, ǰʰ, jʰ, как bʰeran [рот (=*բերան*)], gʰʻed [река (=*գետ*)], dʰarpʰin [кузнец (=*դարբին*)], ǰʰur [вода (=*ջուր*)], jʰu [яйцо (=*ձու*)] и пр., причём gʰ под влиянием регрессивной ассимиляции перешло в kʰ в kʰətʰnel [находить (*<gʰətnel=*գտանել*)], kʰətʰag [шапка (*<gətʰag=*գդակ*)], kʰətʰal [ложка (*<gʰətʰal=*գդալ*<*դդալ*<*գըդալ*<*ստրգալ*)], kʰəçel [бросать (<gʰəçel=**գձել*. ср. *ձգել* (бросаю)], ашт. jʰikʰ (натянутый), kʰəšer (ночь (<*gišer=*գիշեր*), ср. также pʰərtʰel [крошить (<bʰərtʰel=*բրդել*)], а слова gʻidem [gʻidam (знаю)], diba [я ударился (неопр. dipçel из *dibčel), а также и bṙtʰel (столкнуть), dərind (ладонь), gṙdabir (большая пила), dandalōš (болван).., имеют чистые начальные звонкие; г) старые серединные или конечные звонкие b, d, g, ǰ, j, находящиеся между или перед гласными, всегда переходят в соответствующие глухие придыхательные pʰ, tʰ, kʰ, ç, ç, как hakʰnel [одеваться (=*ագանել*)], ekʰ (самка), cēkʰ [рассвет (*<cayg, ср. *ծագել* (происхожу)], gʰupʰ [маленькая цистерна в земле для стока виноградного сока (=*գուբ* (яма)], cəperʰag [спаржа (=*ծնեբեղ*)], oç [змея (=*ուձ*)] и пр.; д) старые начальные глухие (p, t, k, č, c) всегда остаются без изменения; е) старые глухие p, t, k, č, c, находясь в середине слова между гласными или в конце перед ними, преимущественно перерождаются в звонкие b, d, g, ǰ, j, за исключением, во-первых, того частного случая, когда эти глухие, составляя последние согласные слога, остаются глухими же под влиянием начальных глухих этого же слога, как pap (дед), pat

(стена), kɨ-tuk (куча), pēc [искра (<*раус)], cak (дыра), cec (побой), kə-čuč (род горшка) и пр., а, во-вторых, когда эти глухие, находясь между гласными, остаются глухими же под влиянием начального глухого предыдущего слога, оканчивающегося на гласный или гласный с r, ŕ, l, как kɨ-tuk (куча), pa-ta-tuk (род вьющегося растения), par-ta-kan (обязанный), cəl-kə-vel (улизнуть) и пр.[1], к чему нужно отнести и ētel (обрезывать лозы), utel (есть), aćel (расти, произрастать), aćuk (пах) acer (молодой виноградник), ēka (я пришёл) и пр., ж) глухие придыхательные p^c, t^c, k^c, ç, ç при всех положениях остаются без изменения, как ēp^{c}el [варить (=*ьфььѕ*)], f^{u}ort^c [телёнок (=*прфѕ*<*ѕпрфѕ*)], k^{c}ar [камень (=*ршр*)], v^{u}oç (не) (=*пչ*), tərçənel (дать улететь) (=*фѕпшдшѕьѕѕ*) и пр.

Общий смысл и содержание сводятся, таким образом, к следующему: 1) звонкие b, d, g, j, j в начале слов переродились в b^c, d^c, g^c, j^c, j^c, а в середине и в конце—в p^c, t^c, k^c, č, ç^u; 2) глухие p, t, k, č, c в начале слов сохраняются, а в середине имеют преимущественную тенденцию изменяться в b, d, g, j, j, испытывая препятствующее к этому действие прогрессивной ассоциации со стороны начального глухого своего или предыдущего слога [типа pat

---

[1] Если начальным согласным таких слогов является y, ŕ, l, ž, z, γ, то конечный глухой согласный всегда переходит в звонкие, как lag (тухлый), yed [по, после (=*ьш*)], ilig (веретено, хрип из гортани), çə-ŕeg (стреноза), va-ŕeg-, zadig (пасха), γugas (Лука) и пр., если только последний глухой не воспринимается как морфологический элемент вроде pə-ŕat (без краев), b^{c}en-k^{c}rat (без зубов); u-ŕac [вздутый, от utel (пухнуть, вздуваться)] и пр. Для случаев же с другими сонорами и спирантами, т. е. при n, m, s, š, x, h обнаруживается колебание, как mat (палец), x^{u}oɣ (трава), xə-kal (чувствовать противное), ne-tik (подпорка), kə-rēt (ось), sut (ложь)..., а, с другой стороны, mo-dig (близкий), ka(r)mraxed (род форели), xējel (спеть (о плодах), arned род зверька (ласка?), seb (клин) и пр.

[2] Эта тенденция сказывается и в отношении звонких придыхательных, когда они образовывают сложные слова. Так произносятся g^{c}ərb^{c}aç собст. (письмооткрыватель) в смысле (ворожей, лечащий письмами), а также и g^{c}ərp^{c}aç (и g^{c}ər'p^{c}ac) id от gir (письмо) и глагола b^{c}acanel (открывать) или b^{c}ələmb^{c}oçig (воспламененный) с b^{c}ələmp^{c}ocig id. от bələm—?+b^{c}oçig (прил. "пламенный" от b^{c}oc (пламя).

(стена), ka-pel (связать), kl-tuk (куча), pa-ta-tuk—род вьющегося растения, kᵉorc anel (опрокинуть), pᵘort (пуп).., к чему—utel (есть), ačel (расти) и пр.]; 3) глухие придыхательные pᵉ, tᵉ, kᵉ, ç, ç всегда остаются без изменения.

Действие этого исторического фонетического закона было, конечно, непрерывным и всеобъемлющим, и если мы имеем аштаракские ɣung (ноготь), tanj (груша), xənjor (яблоко), pəɣinj (медь, котёл), tᵉanjr (густой), hing (пять), hand (поле), hund [семена растений)].., при классических—*հղունգն, տանձ, խնձոր, պղինձ, թանձր, հինգ, անդաստան, մնդ* и пр., то это, несомненно, говорит только о древнем написании приводимых классических слов, что весьма явно сказывается в двойственности форм *գունա* и *գունդ, պինա* и *պինդ* (см. Себеос, стр. 3 «*Զի պնդեալ գաւա...*», «*Եւ Բէլ գհնա նորա հրթայր պնտագոյն*»), *ամպ* и *ամբ* [облако (=ашт. amb)], *ինկամ* и *ինդամ* (чихаю) и пр.

Точно так же все те отклонения от нормального типа, о которых уже было сказано (см. выше и § 9 «в»)[1], вызваны в значительной степени влиянием фонетической ассоциации по смежности и никаким образом не могут противоречить всеобщности действия вышеприведенных исторических норм. Действительно, аштаракский говор (resp. араратское наречие) менее переменил свой старый фонетический вид, чем другие наречия с их h>x, постоянной иотизацией чуть ли не всех согласных перед всеми гласными (кроме i), вроде Ванского наречия, мы совершенно не имеем глухих p, t, k, č, c, перерожденных везде в b, d, g, ǰ, j, вроде говора г. Акн (тур. Егин)[2] и пр. Наш говор, видимо, оказался более консервативным, особенно в отношении перерождаемости старых глухих, не говоря уже о других явлениях. Но замечательно в описанном нами периоде аштаракского говора также и то, что это звуковое состояние, являющееся, быть может, еще не окон-

[1] К перечисленным выше aᵉxp, h'extel, m'exk, axčig, dᵉexc; kəᵉtᵉnel, kᵉətᵉag, kᵉətᵉal, kᵉəcel, kᵉəšer, pᵉərtᵉel, g'ldəm (см. выше), а также anəskᵉam (<*anəskᵉam), askutak (<*azkᵉutak), aᵉšk, uncusk и пр.), мы бы присоединили необъяснимые аштар. kermag (мелко смолоченный (мука)=*գերմակ*, kəxtor (чернильный, дубовый орешек)=*գիմար* и *գիմար*.

[2] См. M. Maxudian, Le parler armenien. d'Akp. p. 9.

чательным результатом неизменного действия приводимого исторического закона, само уже играет своими нормами роль бессознательного фактора, подчиняющего себе даже заимствования.

§ 17. Весьма обширную группу изменений представляет явление так называемого перебоя в чередующихся разновидностях, причем многие их частности продолжают проявляться и в «текущей жизни» аштаракского говора, имея и тех и других представителей одного случая. В этом отношении особенно замечателен «перебойный» характер соноров (y, w, r, ṙ, *l>γ, (m), n), когда они чуть ли не все могли заменять друг друга. Таковы случаи:

а) перебой y//w:—ашт. etel [обрезывать лозы (весной)] от корня *eyt- или *ayt- при класс. յատեմ (>հատեմ)— id.[1], с правильным исчезновением в Аштараке начального старого y, т. е. получаются разновидности—ашт. *eyt-(*ayt)// класс. yawt-;

б) перебой y//r:—1) ашт. kəṙtel (попасть в цель) и класс. կէտ (точка) *из keyt, к которым ср. груз. კეტი (сосок), или ашт. gᶜeš [некрасивый (лицом)], западноарм. գէշ (противный, дурной)[2] при класс. գարշ [мерзкий, отталкивающий, ашт. gᶜarššfᵘot (противный запах) գարշիմ (чувствовать отвращение)]; 2) быть может, класс. պէտ [нужда, потребность (=ашт. pëtk<*pëtkᶜ)] и класс. պարտ (долг, обязанность), считающиеся заимствованным с иранского, как производное от √ par- [присуждать („Verurteilen, см. AirWb. 850)]; 3) ашт. ežan (дёшевый) при класс. արժան [достойный,

---

[1] По Ручному словарю: հյուս, այ. հատ, ի. իդ. գ. արմ. կտրած ձի. գր. հատց, հյուսեմ, կտիւ—յատանեմ, տե. յատեմ, կտի. Ն. յտել, հատել, с указанием тождественности հատեմ и յատեմ (стр. 514).

[2] Эти gëš ничего не имеют, по-моему, общего с класс. գէշ (падаль), с которым я сравниваю авест. vaëšah- (гниль, гниение, место гниения) (см. AirWb. 1329, где даются и немецкие эквиваленты — древневерхнемец. wesanēn (гнить) и сев.-верхнем. verwesen (гнить, тлеть) и где клас. գէշ может быть даже заимствованным с иранского по характеру своего š, не долженствующего быть в армянском; к v>g. Ср. арарате. գագա gaγ̌t (ашт. gᶜaγ̌d) (темя, череп)—авест. vaγ̌dana id., где арм. gaγ̌t тоже заимствовано.

ценный (=новоперс. arzan, пехл. aržān и пр., см. A9, 92) при ашт. aži (или aža) стоит=класс. *արժի*], хотя ашт. начальное ē в ēžan скорее не дифтонгического характера, а получилось из простого e (=ežan<ažan), как и в et^{c}al (уходить)=*երթալ*, ep^{c}el (варить)=*եփել*, ernag (блаженной)=*երանելի*, ēka (я пришел)=*եկայ* и пр.

в) перебой r//n: — 1) в корнях krc//*knc (перевернуть-(ся), как ашт. k^{u}orc anel (опрокинуть, поставить верх дном) и konjel <*koncel [выпить (вино)] — собств. „опрокинуть, перевернуть (стакан)", к чему ср. g^{c}ələxkonjl или kələxkonjl tal (anel) (кувыркаться); 2) ашт. b^{c}ançr (высокий) при класс. *բարձր* id.; ср. классические *կիրճ* (теснины, ущелье, перешеек) и *կնճիռ* [с суфф. -ir (узел, изгибание, обвивание, морщина, складка на лбу)] при груз. კუნკულო kunc-uli (связка жемчуга), где все эти vv-krč, knč(//knc) первоначально обозначали „связать, связка", к которым, быть может, нужно отнести и ашт. kənjəť) (<*kənčeť) (общипанная виноградная кисть) и груз. კონგოლი konc-oli (виноградная кисть);

г) перебой r(ť)//γ<*t:—1) a^{c}řaç [перед, впереди, передняя сторона, раньше (=класс. *առաջ, առաջի*)] и a^{c}γak^{c} id. из aγag, ср. класс. *պատճառ* (ради, для) и *յաղագս* (ради, о), где *պատճառ*, означая собственно „причину, повод", имело также первоначальное значение (передняя сторона)[1];—2) ашт. yeγišnag—род горькой травы, при ошак. и парп. *հոշնակ* id.[2]; ср. axpēr (<*aγp^{c}ēr) (брат)=класс. *եղբայր*, a^{c}xpur [<*a^{c}γpur (родник)=класс. *աղբիւր*], предполагающие и.-е. *bhráter и *bhrewr (=греч. φρεαρ A9, 415), с тем же перебоем t//r; ср. также современные trorel//tvorel (тереть), t^{c}aγ//tařag (квартал), axař kiraki (светлое воскресенье), как заимствованное

---

[1] Несомненно, что эти atag и araj, предполагающие праформу arag, суть двойник к *ařak^{c}- (передняя сторона) в *առաքեմ* (посылаю), где *ařak^{c} должен быть сопоставлен с авест. parača (проч), frača (впереди, вперед), скр. prāk (прежде, раньше) и пр.

[2] Семасиологически эти k^{u}ostx и ванс. *ոստ* так относятся к класс. *ոստ* (ветвь, сук) как англосакс. ōst и средне-сканд. ōst (сук, коленце, шишка, почка) к готс. asts (сук, ветвь), нем. Ast. (см. A9, 482).

из груз. ახალი ქვაბა axali kvira id., ʒəlʒəlapašat (род травы), при диалектических ձնձղան պաշար (в сел. Кизилтамуре), ձնձղկա պաշար (в Ване), ձնձղա պաշար (в Буланыхе, см. Амат., 320).

Другим видом перебоев, как специфически араратское явление, является перебой „гортанных" с губными, имеющий такую дифференциацию: 1) перебой k//ᵒv—а) ашт. (и арар.) kōzni (ёж) из *ᵒvozni=класс. ոզնի id.;—б) ашт. (и арар.) kuostx (остаток или корень сучка, побега) при ванс. ոստ [vost'] —id. (см. Амат., 529)[1] с развитым x (<'), как и в слове kᵉistx (ост колоса) при класс. չիփս id.; ср. новонахичев. կոթ=կուլ (Амат., стр. 534)=ашт. (и арарат.) vᵘorckal (иметь отрыжку); 2) перебой k//p: ашт. (и арар.) kətəʧᵘor (помёт овец, коз, зайцев)=апар., ширак. и алашк. պրտոր, ванс. պրտուր id. (Амат., 570); ашт. korinjan [помидор, баклажан (растение и плод)] при ашт. и арарат. (новоарм.) porinjan id., как заимствованное с перс. badrijan; 3) перебой x//f: „класс." խնդցառ (вид растения, которым отравляют воду и ловят рыб). (Руч. сл.)=ашт. fəɣəndad; —ашт. oxt (семь) из *oftᵉ<*eftᵉ=класс. եւթն; сюда же следует отнести произношение некоторыми аштаракцами „axt-amabil" (автомобиль). Как параллель к этому перебою гортанных с губными следует указать и на перебой переднеязычных аффрикатов с губными, в частности на перебой ʒ//p, наблюдаемый в других диалектах. Таковы: ванс. ճիտակ (название какого-то дикого растения) и муш. պիտակ id. (Амат., 431, 557); ванс., ширак. ճօլտիլ [оторвать (сразу)] и муш., арчеш., апар., ширак. պօլտիլ id. (Амат., 572, 452); алашк., апар., муш., буланых. ճռռատակ [отвороченный (губа, ноздря, глаз..)] при апар., муш., алашк. պռռատակ—id. (Амат., 445); арарат. (и ашт.) и муш. ճոթտիլ (терзать, драть, рвать) и

[1] По словарю Аматуни (стр. 117): «Ոզնակ, Oշ. Աշտրկ. Փարպ., Կղշնակ, Երև. Շրկ. Վդրշտտ. Խոյ, երկայն ցօղուներով, ցանցառ մրւկերով և անթինքներով, կաթառ, Տրէքալի-գորշագոյն խոտ, որ ունի վեղն ծաղիկներ, но напрасно считается ոզնակ и аштаракской формой. Приводимое Большим и Ручным словарём ոզերդակ, ոզերդնակ судя по переводу Худобашева, означало „салат Lactuca, лактук" и значением разниться от приведённых слов.

апар., ванс., мушс., булан., алашк., ширак. ճոպիկ id... при алашк. и апар. պոպոկ id. (Амат., 442).

Наконец, в двух аштаракских словах имеем s при классическом š, как—sexč (<seɣč) [куча пшеничного зерна (на гумне)] при класс. ցիպ (куча); արջան<ցրջան, սուն<ցուն, slčuk (сыворотка) при ցխում id., что нужно отнести и к явлению диссимиляции, наблюдаемому и в литер. sərǰan [(среда, круг)=ցրջան].

§ 18. Из других видов фонетических изменений, как явлений и причин, выступавших спорадически, наиболее известны—

а) Ассибиляция или диссибиляция взрывных, как то: 1) pʰoxin]—яство из смешивания муки из жженых зёрен с виноградным мустом (=ашт. matᶜ)—при класс. փոխիկ—мука из жженых зерен или ее смесь с маслом или медом, где ашт. j может предполагать старое „c" и может, следовательно, быть ассибилированным с t (*poxint), а не с d, ср. аналогичное aɣanǰel [поджарить, жжечь (зерна)] из *aɣancel и xanǰel (спалить) из *xancel при класс. խանդ (пыл, ревность) и նախանձ (зависть); 2) lōd и реже lō] [неотделяемый от косточки (персик, абрикос)] при эрив. и вагар. լոձ (դնդձ) id., ошак. и парп. լոդ (դնդձ) id. (Амат., 255)[1], где более старая форма ա լոց (Р. С.) через сокращенную loç дала современные loz>loǰ>lod; 3) ашт. cētuk (янчки мух) при вагарш., ошак., ашт. bindorel и реже bələnǰorel (кое-как шить) при ошак. и вагар. բնդորիլ id. (Амат., 105)[2], парп. и рушт. ծնծուկ id. (Амат., 305)[3], где c//t имеет скорее перебойный характер, как и в араратских—տռճիկ (=ашт. tərčing) и տատիկ անել (տալ) [бежать скача (Амат., 637)].

б) Изменения от перемешения (Metathesis): zankᶜaç (тёща) при գոքանչ id.; aᶜngaǰ (ухо) при ականջ id.; aɣančakᶜ (мольба, просьба) при աղաչանք id.; dᶜardag (порожний) при

[1] Только напрасно Аматуни считает «լոգ» аштаракской формой.

[2] На принадлежность բընձորիլ селу Аштарак указывается также словарем Аматуни (стр. 105), но автору форма bələndoril, видимо, неизвестна, также, как и форма lōd.

[3] По словарю Аматуни «ծնծուկ» встречается и в Казахе, Хое и Лори, но напрасно форму «ծնծուկ» считают и аштаракской.

գաւառկ id.: pəlókel (раздирать (кожу) при диал. (апар., ванс.) *լոպկիլ* id. (как перебой от *պոպկիլ* id. (Амат., 255, 264); žahmar (звонарь) из *žamhar от žam (церковь) и ǰ har (бить) *ժխտըմար-ժխմար* и пр.

в) Развитие и исчезновение n, r (ŕ): 1) kananč (зелёный) при *կանաչ* id., kamanç (тихо, спокойно) при *կամաց* id., menǰ (большой) при *մեծ* id., fᵘokᶜins kašel [вздыхать (про больного)] из *hogis (вин. п. мн. ч.), pᶜᵘontᶜ gal [образоваться складкам (на платье)] и pᶜᵘotᶜ gal id., vᵘortᶜonç и vᵘortᶜoç (сыновей); и т. д.; 2) ашт. (и арар.) padrhan (прямоугольная ниша в стене) при класс. *պատուհան* (ниша), bᶜenkᶜrat [беззубый (без передних зубов)][1] с таким же развитием ŕ, как и в диал. *պնչռատ* прил. 'с дефектным носом' (Амат., 705)=*պնչատ* id. (Ручн. слов. 699) и пр., при исчезновении r в—dᶜus предл. (вы-). nekᶜsev (внутрь, внутри), но nerkᶜev 'вниз внизу'), açaŕ (бычок), zaž tal (двигать), žaž gal (двигаться, žašk (землетрясение), səpᶜxeč—праздник св. Креста, yepᶜ и yerpᶜ 'когда' (но всегда yepᶜvor id.), ētᶜal (уходить), aẓ̌ (aža) (стоит), anel (делать) и пр., при классических—*(ի)դուրս* 'через двери, вон' (ср. русск. дверь и двор), *արջառ* (бык, корова), *շարժիմ* (двигаюсь), *սուրբ խաչ* (св. Крест), *երբ* (когда), *երթամ* (ухожу), *արժի* (стоит), *առնեմ* (делаю) и пр.

г) „Суживающее" влияние n и m на свои предыдущие l и o:—mum 'свеча' (=класс. *մոմ*), hinel [ткать (шелковичные коконы, паутину)] при класс. *հնդում* (тку), tᶜermun—род сладкого настоя для рожениц из *tᶜermon (греч. сл.), cəpətun (писк) от cəpətal (пискнуть) при bəxkon (выдох рыганья) от bəxkal 'рыгать' (см. о суф. on<un), kotim (настурций) при *կտաւեմ (и կտաւիմ, կտաւմն)*—id. и др.

д) „Переход" старого начального x в h, под влиянием третьего с начала согласного ɣ, как haɣ (игра)=*խաղ* id., havoɣ (виноград) из *haɣoɣ (вследствие диссимиляции)=*խաղող*, h'extel (<*heɣtᶜel) 'душить'=*խեղդիմ* id., к которому имеется и ассибилированная форма с h в *հեղձնում (հեղձամ*,

[1] По словарю Аматуни, это слово общеараратское, при муш. *փննչատ*, буланых. и ширакс. *փէրատ* (стр. 95).

հոգեվիճ) 'иметь удушие'—h'eɣ] [жалкий (человек)]=*խեղճ* id. (Ручн. сл.)[1].

е) Удвоение серединной согласной фонемы, быть может, ради усиления или подчёркивания значения слова, как vazzel (бегать)=*վազիլ* id., aᶜmmēkᶜ-ə мн. ч. (каждый) (<*amēnkᶜ) при aᶜmēn (всякий), tass-ə (десять) (но tasnəmin „11", tasnerku „12" и пр.).

ж) Перерождение старого -kk- в -šk- (или -sk-?), как ашт. (и арарат.) ləşkel (по Амат. *լշկիլ*, 254) (увлажиться, мякнуть) при ашт. (и арарат., ванс.) ləxkel (*լխկիլ* Амат., 251)—id., где -xk- -kk- есть, видимо, простое усиление одного -к-, судя по *լխիմ* (увлаживаться, таять) (Руч. сл., 356, см. также Амат., 252); арар.[2] и казахс. *չմշկիլ* (иссыхать, иссякнуть) (про фрукты, грудное молоко.., Амат., 543) при ашт. (арар. и ванс.) çəmkᶜel id. (Ам. *չմքիլ*, 543), где группа -šk- через промежуточное „xk- (<кк) есть такое же развитие одного к. Но, с другой стороны, имеются основания предполагать изменение старого -кк- не в -šk-, а в -sk-, как ашт. (и арар.) təməskvel (промокнуть насквозь) (Амат., 630) при арар. *ամկիլ* (обмокнуть) и класс. *ամամուկ* (влажный, мокрый) откуда *ամամկանամ* (становлюсь влажным, мокрым) (ср. к tam- груз. წვიმა cvima (дождь), как, видимо, и б. м. в ашт. kərəskafᵘoɣ (зола) из kərəsk-, как развитие kərak (огонь)+fᵘoɣ (земля), если, только, группа -sk- не есть перерождение старого -çk- (-çkᶜ-), что не подходит для значения этого слова, ср. семасиологически авест. aδ-riya- 'пепел, зола' (>новоперс. hūl, hol id., см. kz № 32, стр. 580—581) от atar- (огонь) и курдс. argun (пепел, зола) через перестановку от agər (огонь)[3].

---

[1] Старые h+глас.+t естественно сохраняются, как haɣ-er (связки) (напр. manneri haɣerə (суставы) при класс. *հաղ.* (союз на общее дело), откуда *հաղարդ* (причастный (к чему-л.) -heɣi [поджаренная (пшеница)=*խղի* (<*հղի], ср. русск. √pal- в „палить", „пепел" и пр.; сохраняется, конечно, и группа x+глас.+x, как xəxmel [придти в шаткое состояние (здание)], xux (мокрота, отхаркиваемое) и пр.

[2] В Аштараке эта форма не известна.

[3] Эти курдские слова даются по словарю Егиазарова, где их связь не указывается.

Любопытно, изменение -sk- в -c- происходило в ласкательном слове к детям caça (закрой) из обыкновенного caska id., например, totonət caca (закрой коженьку)[1].

з) Старое начальное s перед согласными p и k исчезает в словах pᶜərel [(разостлать (одежду, скатерть), распростереть (ногу), расставить для сушки (абрикос...)] при класс. *ափռեմ* (рассеиваю, раскидываю), kesur (свекровь) при класс. *սկեսուր* id. и, быть может, kᶜontᶜigal [искать случки (про суку, волчицу, кошку...)]=ванс. и мокс. *քաֆթալ* id. (Амат., 676), где *kᶜontᶜ должно означать самца животных и есть, вероятно, класс. *սկաՀոդ* (собака, щенок), ср. семасиологически арар. *գլխ գալ* [искать случки (про корову)]=алашк. *գլալ* id. (Амат., 643) при класс. *գոլ* (бык).

Начальная же группа st- потеряла второй элемент t в собственном имени Sēpᶜan (Степан)[2]. В Ереване, Карабахе tepᶜan (Степан).

III. Ударение

§ 19. Араратское ударение представляет довольно своеобразное явление как по своему качеству, так и по той роли, какую оно играет в слове. Это не есть «фонетический цемент» подобно, напр., русскому или немецкому ударению, где слоги слова группируются около слога наибольшего напряжения голоса. Зачастую даже весьма трудно определить, есть ли, например, в известных произносительных положениях это ударение или нет, как pōlorig (круглый), patatuk (род вьющегося растения), tᶜakᶜavᵘor (царь) и пр. Но, с другой стороны, есть положения, где это ударение выступает весьма сильно, вроде jᶜəçə′m [овальная плетёнка (для ловли рыбы)], vé-kaç (встань), dᶜús-ēkav (вышел), patatəkí — род. п. от patatuk, xənənúg—род съедобного зелья, bᶜəlél (валиться, рушиться) и пр.

---

[1] Это выражение с caça хотя и редкое, но присуще произношению всего села, и мне приходилось его слышать из уст 60-летней старухи.

[2] Раз мне пришлось слышать неправильно sakᶜan при обыкновенном stakᶜan (стакан).

Принимая под ударением относительную высоту известного слога, мы можем дать такое общее определение содержанию аштаракского ударения, какое бы положение оно ни занимало: это ударение, помимо того, что экспираторное, т. е. основывается на силе выдыха, но в то же время и безразлично относительно продолжительности своего повышенного произношения, т. е. слогообразующий ударяемый гласный акустически (на наше личное восприятие) имеет одинаковую продолжительность с прочими гласными слова. Так что слоги аштаракского слова одинаково слышны, и ударяемый слог не поглощает произношения других.

Местонахождение ударения регулируется следующим правилом:

1) если все слоги слова, исключая последний, имеют слогообразующими любой гласный звук—a. e(ē), o(ō), u, i, а последний слог еще и ə, то ударение всегда ставится на первом слоге, будучи, однако, довольно слабо выраженным, как pólorig, pátatuk, tᶜákᶜavᵘor, cáxᵘotel (распродать), kún(t)ki tal (кувыркаться), tášxi, ásxi, gᶜ'ilan (волки), ici (козы) (род. п.), bᶜéruç (он принёс). kᶜotki (пня) (род. п.), útəm-a (ест, кушает), vazzi (побеги) и пр.;

2) если же все слоги одинаково имеют как a, e(ē), o(ō), u, i, так и ə, то ударение ставится на слоге, следующем за последним слогом с ə, как bᶜəléi (наст. вр. bᶜələ'm-em, аор. bᶜəl-éçi); gᶜəlúx (голова), məxéli (немножко), məsᵘót (мясистый), ətúcig (от этого) (=ᵊtú), cəɬánç (криво проходящий), xənənúg (род. п. xənənəgí), hambərél (считать), (но и hámbrel)[1], əngáv- и tᶜəpərtáç (упал и забился), nəstaçərú (посади), təróram-a (треть, тóпчет), gᶜəróteçin (они переписали), (ə)sór (сегодня), ənór- (в тот день), но étōr-ə (в этот день), šənǰərí (выдра), gᶜerandəver, məsaçaver, kadvəner и пр.

Сложные слова подчиняются тем же правилам, как—cálapatik [подобравши (под себя) ноги], kᶜárašen (камнем построенный), vᵘórtᶜameɬ [человек, у которого умер сын

---

[1] В других диалектах (как Лори) произносят это слово həmbarel· что, вероятно, присуще и Ошакану.

(брат)], tasnəhing (пятнадцать) и пр., хотя в сложных числительных возникает и добавочное первое ударение, как tásnəhing, oxtanasnəçórs (семьдесят четыре) и пр.[1]

Более сильно выражено ударение, когда оно не падает на первый слог, а еще сильнее, когда предыдущие энклитики и приставки перенимают сами это ударение, вроде—ni'y-élav (он поднялся), ni'-mətav (он вошёл), vé-kaçav (он встал), vé-bᶜeruç (он спустил), bᶜâç-tᶜoγ'uç (он отпустил), dᶜús-a-gᶜali(s) (он выходит), mi'y-ór (однажды), и пр., ср. также влияние энклитики после слова, как dᶜəkᶜ-él (и вы, вы также), dᶜəv-êl (и ты, ты также), но yes-el (и yés-el) 'и я, я также'. ná-y-el (и он, он также).

Весьма характерна двоякая возможность ударения в páhel (хранить) и pəhél id., katᶜal (капать) и чаще kətᶜal id., pᶜátᶜatᶜel (завернуть) и pᶜatᶜətᶜél id., istagel (расчистить) и istəgél, а также (ə)stəgél id.; встречаемый изредка в Аштараке—ənjániç (от меня), həzáriç-ə (из тысячи), hənar (ухват, маневр, средство) представляются нами скорее чужеродными образованиями наряду с чисто местными i'njnic [ср. kᶜéznic (от тебя)=ошак. kᶜezânic], hâzariç-ə, hunar.., причем первые два слова суть скорее ошаканской формы, где ударение ставится на втором слоге и отличается от аштаракского, а последнее hənar—литературное заимствование; ср. также kundəgi' tal при kúntki (kunk'i) tal id., məškátev 'летучая мышь' [<*maškatᶜev прил. (с перепончатыми крыльями)] вм. ожидаемого *máškatev, последнее həmar (для) вместо ожидаемого hámar...

Подвижность же аштаракского ударения сказывается в том, что при прибавлении новых морфологических элементов к слову с последним h и i, ударение переходит на этот новый элемент, вызывая тем самым «ослабление» предыду-

---

[1] В таких сложных числительных, как tasnérku (12), tasni'rekᶜ (13), tasnóxt (17), tasnút (18), tasninn (19), kəsanérku (22), kᶜəsani'rek (23) и пр., видимо, должны были иметь tasnoérku, tasnəirekᶜ, tasnəoxt и пр., каковое произношение также можно слышать. И нам думается, что это последнее произношение более старое, где -əe-, -əi-, -əo- и пр. теперь стягиваются в -ê-, -i-, -ó- и пр.

щих u и i в ə, как mis (мясо)—Gen. məsi, Abl. məsiç, məsᵘót (мясистый), háyrig (папа)—Gen. hayrəgi′ и т. д., bun (гнездо, нора)—мн. ч. bᶜəner, i′ng (упади)—əngnél (падать) и пр. (ем. § 12).

Естественно, что разбор существа аштаракского ударения касается обыкновенной повествовательной речи, так что все интонации при вопросах, восклицаниях и пр. оставляются в стороне. Роль же обыкновенного ударения в мерной речи, как в стихотворении и пр., может простираться еще дальше значения ударения в повествовательной речи, группируя вокруг себя даже три слова, как, например,— dᶜús mi gᶜal | mi vᵘonnani | vᵘor dᶜús gᶜas | gᶜélə kətani—(не выходи „единоножный", если выйдешь, волк унесет), как загадка про грибы („единоножный") и человека (=волк).

ГЛАВА III

МОРФОЛОГИЯ

§ 20. Рассматривая морфологические принципы аштаракского говора, resp. араратского наречия, мы, естественно, должны будем повторить уже известное из общеармянской морфологии. Принцип образования слов, как самодовлеющих единиц синтаксической целой, это способ сложения морфем, т. е. морфологических элементов, заключающих в себе известную систему ассоциаций. Эти словообразующие символы суть корень, суффикс и окончание, причем суффикс может быть один или несколько, а то и вовсе непредставленным. Корень указывает на общее значение слова, суффикс очерчивает объем этого значения более определенно, а окончания являются характеристиками синтаксической функции слова, т. е. указывают роль слова в предложении.

Разберем их в отдельности.

I. КОРЕНЬ

§ 21. Различаем корни именные и глагольные, вроде— √ kᶜar (камень), √ mis (мясо), √ gᶜᵘord (лягушка).., √ vax

(бояться), ɟ rˤəɬ (летать), ɟ bəɬtˤ (толкнуть), ɟ ʷut (есть) и пр.

Нормальное число звуков корня — не более четырех, если, следовательно, исключить все его наращения. Кроме того, форма корней довольно резко определяется указанными уже правилами их консонантизма, по которым аспираты и звонкие начала корня не сочетаются с конечным глухим, как и начальные глухие корня — с конечным его звонким, имея слогообразующие гласные или гласные с r (*t*). Так что невозможны корни типа— *bˤat-, *pˤat-, *bat-, *bˤart-, *pˤart-, *bart-, или *pad-, *pard-, где согласные взрывные p и t являются представителями группы p, t, k, č, c, как и *b* и *d*—группы b, d, g, ǰ, j или bˤ, pˤ—групп bˤ, dˤ, gˤ, ǰˤ, jˤ и pˤ, tˤ, kˤ, č, ç, а гласный a—группы a, e(ē), o(ō), u, i.

Корни и основы терпят в слогопроизводстве известные изменения, которые имеют морфологическое значение. Это— удвоение и образование «детских» слов. Возьмем последнее явление. Нам удалось подметить, что взрослые в своем обращении к детям меняют первый согласный слова на третий его согласный, и получаются, например, «детские»—vav (хороший) от обыкновенного lav id. („vavn-a" = lavn-a), tōt-ōn (ножка) от vʷot (нога) с уменьшительным суфф. -ōn, как и в детском çōçōn (лоно) от cʷoç id., titel (сесть) от nəstel id. (с выпадением s) и т. д., ср. также „детское" bōǰōx (жук) от обыкновенного bəloǰ id.

Эти слова приходится слышать только у взрослых аштаракцев, они свойственны также говорам Ошакана, Парпи и Вагаршапата.

Тенденция их образования—однообразие и возможная упрощенность звукового состава и есть, несомненно, плод производства взрослых с внесением элемента легкости и подражания детскому лепету[1].

Удвоение корня или основы имеет целью усиление их основного значения, придавая глагольным формам также повторяемость и продолжительность действия или состояния.

---

[1] Возможны, конечно, аналогичные „прецеденты" слогопроизводства у детей, но нам лично не приходилось слышать.

Первоначально это явление, видимо, состояло в простом повторении слова с союзами, как классические—*այլևայլ* (разнородный, различный) от *այլ* (другой) с синонимами *գանագան* и *պէսպէս, դէպիդէպ* [в пору, как раз от *դէպ* (схождение, случай)][1].., или с соединительным гласным *а*, как *գունդագունդ* [отрядами от *գունդ* (полк, отряд)], *դէզադէզ* [стогами, по кучам от *դէզ* (стог, куча)], *մեծամեծ* (превеликий)= ашт. memen] [мн. ч. (большие) (от *մեծ*=ашт. men] (большой)], *չարաչար* (злейший) от *չար* (злой) и пр.; глаголы имеют простое повторение корня как классические—*դողդողամ* [трясусь (=ашт. dᶜoɣdᶜoɣal), *վազվազեմ* [побегиваю (=ашт. vazvəz'el)], *շողշողամ* [блистаю, сияю (=ашт. šōɣšōɣal)] и пр. от простых *դողամ* (=ашт. dᶜoɣal), *վազեմ* (=ашт. vazzel), *շողամ* и пр.; конечно, есть масса удвоений, где простого вида не сохранилось, вроде *քրքրեմ* [раздираю (=ашт. kᶜərᶜərel (√*kᶜɨr, ср. *հետաքրքիր* „следораскрывающий"=любознательный)]. *փսփսամ* [шепчу (=ашт. pᶜəspᶜəsal)], *զզռեմ* (раздражаю) и пр.[2]

Такой же интенсивно-удвоенный вид имеют и аштаракские—marmand [тихий, равномерный (движение, горение...)] из *madmand (⩽*mandmand), с предполагаемым простым старым *mant- =скр. manda- [медленный, слабый (ср. скр. mandam mandam или mandamandam (совсем тихо, совсем медленно)], zarzand (страшный) из *zadzand и harhand (медленный) из *hadhand. Особенно излюблено удвоение в отношении звукоподражательных слов, из которых большинство не имеет простого вида, как — pᶜəspᶜəsal (шептать), čəťčəťal и čəťťal (скрипеть), xəšxəšal и xəšəšal (журчать)[3], šəvšə-

---

[1] Ср. также связку в *հակառակ* (противный, противоположный) из *հակահակ* и *դէմյանդիման* (насупротив)=*դէմյան* (<у+ап) *դիմաց*, где ап- значило первоначально (по-, вдоль по-?) ср. *անապ* 'пространство' у ног, под ногами), *անոանկայ* 'пьедестал трона' (см. Амат. 38. как весьма древнее слово из Паралипоменона, из Халатьяна), муш. *անքահի* (деревяшка на рукоятке заступа (для надавливания) от bah (заступ). Ср. к этому ап греч. ανα-, готск. ana=нем ап.

[2] Точно так же от ǰerǰərhanel [поливать (улицу)] не сохранилось просто ǰərhand, но есть ǰərel [поливать (сады, поля..)].

[3] Ср. курдские (по Егиазарову): xəšaxəš kərən [бушевать, шуметь

vaçnel (насвистывать) при простом šəvaçnel [свистеть, ср. šəvi (свисток)], həɬhəɬal (хохотать), məkəkal (кричать по-козлиному), xərxənjal (ржать) и пр.

Из изменений, претерпеваемых интенсивными удвоениями, следует указать на образования с гласным и во второй части, как — cakucuk [щели, дыры (с мн. ч. cakucuker)] от простого cak, [класс. ժակ (щель, дыра)], pakas-pukus (недостающий, -щие) от pakas [класс. պակաս (недостающий)], mandr-mundr (мелкий, -кие) от mandr [класс. մանր (мелкий)], jen и juk^{c} (шум, звуки) от jen [класс. ձայն (голос)], с непонятным k^{c} (ənçar) hanguhungə '(пока) туда-сюда' и пр., ср. класс. սպառսպուռ [совсем, начисто, от սպառնամ (истощаю, расходую)], ժանտաժուռ [пресквернный, от ժանտ (скверный, поганый)], սարսուռ (дрожь, трепет), խաղաղխաղճ (хрящ от простого խաղճ)] и пр.[1].

Своеобразно удвоенный характер представляют повторения слов с измененным начальным звуком на m, как—šormor (платье) при šor id., cuɬ-ə-muɬ-ə (кривой, искривлённый) при cuɬ (кривой), k^{c}njrot-mənjɬot [лохмотный (отдельного kənjrot нет)], t^{c}uk^{c}umuk^{c}-ə (kəpav) собст. „прилип (у него) плевок"=он оцепенел от ужаса, он испугался, от t^{c}uk^{c} (плевок), cəɬtiməɬti [и cəɬti-pəɬti—маловажный, незначительный (о деле) и пр.; ср. класс.—ապխամապխ (связанные и наваленные вещи) от ապխ (скарб), խառնամսառն (смешанный-перемешанный) от խառն (смешанный), չոպմոպ [сплетник, сплетни (простого *չոպ нет)].

Такой же тип интенсивного удвоения представляют cəɬməɬatel (рас- искривить), g^{c}enjmənjug (род зелья), cəlvəlal (щебетать), t^{c}əɬvɬal (порхать), xəlpəltal [сновать в воде (про движение рыбы с всплескиванием воды)] и т. п., где вторые части имеют перебой вообще всех губных, а не од-

---

(река)], шелестеть (продолжительно) и xəšin (шуметь ветер, река, уши), шелестеть. Аштаракские xəšxəšal и xəšəšal имеют те же частные значения.

[1] Ср. чередование а//е в класс.: բարձրաբերձ (высокий, высочайший) от բարձր (высокий), ճարտարեհատ (твердо сделанный, связанный) от ճարտ (твердый), ճարտարմեհան (твердо, устойчивый) от того же ճարտ (твердый).

ного m. Но, кроме интенсивного ударения, аштаракский говор обладал и нормальным типом удвоения с повторением начального согласного с гласным или обратно, как dᶜatᶜarel [перестать (=класс. դադարիմ при դարիմ id.)], tᶜatᶜaxel [окунуть, обмакнуть (в жидкость, грязь..)]=класс. թաթախիմ, kakaz [заика (=класс. կակազ)], tᶜetᶜev [лёгкий (=класс. թեթեւ)], или, с другой стороны,—kōcōc [колючки, щипы (у растения „ōrōhund“)] из *kōc-kōč, pᶜatᶜatᶜel и pᶜatᶜətᶜel [завернуть (=класс. փաթաթիմ)] из *pᶜatᶜ-pᶜatᶜ-el, pᶜōtᶜōtᶜel [обжечь рот (от острого, едкого)] из *pᶜōt-pᶜōt-el, xēčēč (корки от скорлупы ореха) из *xēč-xēč[1] и т. п.

Все эти слова «нормального» удвоения теперь совсем не воспринимаются, как имеющие какое-либо усиленное значение.

II. СУФФИКСЫ

§ 22«а». Рассмотрим суффиксы, имеющие теперь живое морфологическое применение, безотносительно, являются ли они существующими только в словах, а не отдельно, или исполняют роль суффиксов, существующих и отдельно. Таковы:

1) суф. -vᵘor (=класс. -որք) для прилагательных владения и соучастия, как ħarsanəkᶜavᵘor (на свадьбе находящийся) от ħarsanikᶜ (свадьба), selvor (возник телеги) от sēl (телега), pᵘoçavᵘor (имеющий хвост, хвостатый) от pᵘoç (хвост), əᶜxtavᵘor (богомольник) от uᶜxt (богомолье), əngnavᵘor (эпилептик, сумасшедший) от əngnel (падать) и т. д.

Прилагательное vartᶜivᵘor=класс. վարդավառ (преображение) с народной этимологией от vartᶜ (роза) и суф. -vᵘor, тогда как это слово заимствовано со староиранского *vardavâra(h) „розовыбирание“ от varda- (=ав. varδa—цветок, новоперс. gul (роза) и индоиранс. √ var ‘выбирать’ (по Air Wb).

2) Суф. -at для обозначения дефекта, недостатка: pᵘoçat (безхвостый) от pᵘoç (хвост), kəɬnat (безрукий) от ħuɬ

[1] Ср. к этому *xēč- (<*xeč или *xeyč-) диал. ղճեղ [кора, кожица (Амат., 344)] и аштар. xərčēr (корки от скорлупы яйца) с вероятным развитием ɬ, а к суф. ēr-, как вероятной яфетической морфемы множ. числа ср. аштар. kəlēr [кора, кожица (от дерева, ягод...)] от kəl=груз. kili (шелуха), диал. ծլեղ [отходящие от дерева или доски кожицы (Амат., 643)].

[мн. ч. kəɬn-er (рука до кисти)], fʷortᶜatel (преждевременно отелиться) от fʷortᶜ (телёнок), ulatel (иметь выкидыш козлёнком) от ul (козлёнок) и т. п.; слова bᶜenkᶜɬat (беззубый) и pəɬat (без краев, безгубый) не имеют отдельных *bᶜenkᶜ [передний (зуб)] с развитым ɬ в основе bᶜenkᶜr- (см. ниже) и *piɬ (губа), к которым ср. bᶜenč (выступающий остаток сучьев) и pəɬōš (губа), pəɬung (край чего-л.). Ср. к -at класс. ъшшъЬы (отделяю).

3) Суф. -vun для ослабления цвета (=рус. -ватый), как karmravun (красноватый) от karmir (красный), dᶜəɣnavun (желтоватый) от dᶜeɣln (жёлтый), kaptavun (синеватый) от kapit (синий) и пр.; ср. к -vun<*von новопер. -ɬam [как siyaɬam (черноватый) от siya (чёрный) и пр.], оба из *pōn (кожа?).

4) Суф. -žeɬ с тем же значением, что и -vun, как karmrażeɬ (красноватый), dᶜeɣnažer (желтоватый), kaptažer (синеватый), mətᶜnažer (темноватый) от mutᶜ (тёмный) и пр. (см. Амат., 228)[1].

5) Суф. -ot- в отыменных прилагательных означает обилие, как məsᵘot (мясистый) от mis (мясо), pəslənkᵉᵘot (слюнявый) от pslinkᶜ (слюня, слюн), dᶜivᵘotel (быть бесонаваждённым, бесноваться) от *dᶜivᵘot (носящий в себе бесов) из dᶜev (бес), sərdᵘot (отважный, смелый) от sird (сердце) и пр., в сложениях же с глагольной основой -ot- означает повторяемость, многократность, как—caxᵘotel (распродавать) от caxel (продавать), nəstᵘotel [рассесться (про многих лиц)] от nəstel (сесть, сидеть), gᶜərᵘotel [описывать, переписывать (имущество)] от gᶜərel (писать) и пр.

6) Суф. -or неопределённого назначения как—paçpəçorel (расцеловать) от paçel (целовать), bᶜələndorel [и bᶜələnjorel (кое-как шить, заштопать)], ləpəstorel (облизать) от ləpəstel id., ʤangəɬtorel (расцарапать, раздирать пальцами) от ʤangəɬtel id., kᶜələm storel (надуть кого-л., ухищ-

[1] Приводимое у Аматуни (стр. 27) ъЬцъшЬъ [облачного цвета, облачный (от ъЬцъ «облако, туча»)] в глаголе ъЬцъшЬъпЬ [стать облачным (=ашт. ambaženel)] дает -žor, как возможный двойник к -zeɬ.. В Аштараке преимущественно употребляют суффикс -avun, суф. -žeɬ довольно редко.

рением или лукавством), ǰᶜəvərtorel (растерзать), camləmorel или ləmləmorel (кое-как жевать) при camel (жевать) и пр.

7) Суф. -ali для обозначения прилагательных обилия, образованных от существительных, как katᶜnali [дающий много молока (от katᶜ «молоко»)], xənali [заключающий в себе много непереработанного масла (про молоко)] от xin [непереработанное масло (в молоке)][1], tᶜəpᶜali (обильно заросший кустами) от tᶜupᶜ (куст), ǰᶜərali (жидкий) от ǰᶜur (вода) и пр.

8) Суф. -an для отглагольных (от настоящей темы) имен действующего лица, как—ōrōr caskan [наружное (покрывало люльки)] из ōrōrōç (люлька) и глагола caskel (закрыть), mēran (закваска) от mērel [заквасить (молоко)], sut asan (лгун) от sut (ложь) и asel (говорить), kəɬvan (драчливый) от kəɬvəl (драться) и др[2].

9) Суф. -oç для отглагольных имен отвлеченного значения, как gᶜoɬoç (гремение, гром, крик) от gᶜoɬal (греметь, кричать), tur-u-dᶜəmpᶜoç (драка, свалка) из tur (побой) и dᶜəmpᶜal [издать звуки „бум" (от падения, ударов..)], xōsoç [перекликивание (напр. куропаток)] от xōsal (говорить, перекликаться), xəšəšoç (журчание) от xəšəšal (журчать) и др.

10) Суф. -ōn и -un для отглагольных отвлечённых имён, как cəpətun [писк (по Ам. ժպտոն, 319)] от cəpətal (пищать), pᶜəřtkun [„фыркание" при сдерживании смеха (по Ам. փռթկոն)], cəřtkun [брызги (по Ам. ցրտկոն, стр, 646)], bᶜəxkōn [=Ам. բխկոն, 106 (выдох от удара, рыгания)] от

---

[1] У Аматуни (стр. 279) это слово передаётся только в переносном значении. От xin- образовано xənoçl—кадка, длинная овальная бочонка для добывания масла из молока.

[2] Ср. менее редкие суффиксы для Nomina agentis: -nk (ug), -luk (-lug) как utuk (много едящий) [от utel (есть)], xarᶜlug [обманщик] (от xarᶜel 'обмануть'], vaxlig [трусливый, от vaxel (бояться)] и т. п.; или еще более редкое -ar в диалектических—խզար (арарат.) 'большая пила для спиливания досок' (Ам. 275) от √xuz- (резать, стричь) (=класс. խուզիչ), կևմար (арар., хойск., сипанс, апаранс.) (деревянный крюк, которым плетут травяные пояса для снопов) (Ам. 325) от կևմ (травяной пояс для снопов).

bᶜəxkal (рыгать), kᶜəčpᶜəčun (шушуканье) от kᶜəčpᶜəčal (шушукать, переговариваться шёпотом) и др.; более старой формации—kəbrōn [осмоленная кожа (от kəbrel (осмолить) из kubr (смола)], kəťēōn [остатки, объедки скотского корма ср. kəťcel (грызть)], kədrōn [отрезок лозы (от kədrel (отрезать)][1]. Об -on-><-un.

11) Суф. -kan для отглагольных прилагательных со значением имени действующего лица или причастия действительного залога, как -čəxoskan [не говорящий (эпитеты молодой невесты, которая не должна говорить со старшими)] от глагола xosal (говорить) и отрицания čə- — (не-, без-), gᶜənaskan [и gᶜənaçkan текучий (река, вода)] от gᶜənal (идти), xəťōvkan (имеющий обыкновение обижаться и не говорить) от xəťōvel (обижаясь не говорить), nəstəkan (ведущий сидячую жизнь) от nəstel (сидеть), laçkan (плаксивый) от laç əlel (плакать), cənəntkan [роженица, недавно родившая, ср. класс. ծննդկ (рождение)], но, с другой стороны, ləçkan [<ləjkan, упряжной, запрягаемый (бык) от глагола ləjel (запрягать)] имеет страдательный характер.

В отглагольных образованиях суф. -kan только и ограничен этими словами, но, зато, в образованиях от имен имеет широкое применение, как dᶜirekan (приятный) от dᶜir [приятность, в dᶜir gal (нравиться)], dᶜir tal (импонировать), tarekan (годовой) от tari (год), amsakan (месячный) от amis (месяц) и пр., но ōrakan значит только (ежедневно) (от ōr „день").

12) Суф. -kᵘot для образования отглагольных прилагательных с означением известной склонности человека, как kᶜənkᵘot (сонливый, соня) от kᶜənel (спать), mərskᵘot (зябкий) от mərsel (зябнуть, мёрзнуть), alarkᵘot (ленивый, неохотно приступающий) от alarel (полениваться), vaxkᵘot (трусливый) от vaxel (бояться) и пр.; образован -kᵘot из суф. -k- [ср. utuk (много поедающий)] от utel (есть) и суф. -ot (см. выше).

---

[1] В Сипане կտրոն значит 'скошенное поле, солома' (Амат., 313) от того же глагола.

13) Суф. -ani для характеристики известного свойства в отыменных прилагательных, как: — g^{c}əlxani (-головый, -главый), напр. oxtə gəlxani (семиглавый) от g^{c}əlux (голова).—v^{u}onnani (-ногий) mi-v^{u}onnani (одноножный), -a^{c}škani (-глазый) mia^{c}škani (одноглазый) и т. д.

§ 13б) Суф. -lig для уменьшительно-ласкательных прилагательных (от прилагательных же), как -šəglig (белокуренький) от šəg (белокурый, русый), n'eɣlig (узенький) от n'eɣ (узкий), karčlig (коротенький) от karč (короткий), çajlig (низенький) от çaj (низкий), k^{u}oglig (гладенький, отполированный) от k^{u}og (гладкий, полированный), и т. п.. но sōt^{c}lig [скользкий, ср. sōt^{c}tal (скользнуть)], tap^{c}alig [плоский, ср. tap^{c} kenal, tapel)], j^{c}axlig [левой рукой работающий, имеющий левую сторону (игральная кость)] от j^{c}ax (левый), açlig с противоположными k j^{c}axlig значениями от aç (правый)—имеют не уменьшительно-ласкательный оттенок[1].

14) Суф. -ōvi для обозначения свойства предмета в отглагольных прилагательных, как—həndrōvi (отборный, выбранный) от həndrel (вы—избирать), šinōvi [сочиненный, поддельный, от šinel (сделать)], kapōvi (с—завязной resp.), [связываемый буйный (человек)], обандероленный (чай) от kapel (с—завязать), sarvōvi (заученный) от sarvel (учиться), čəɣōvi [разрывчатый, делящийся надвое (персик)] от čəɣel (разорвать), j^{c}ərovi (поливной) от j^{c}ur (вода) и т. д.; следует отличить суфф. -ōvi в g^{c}eɣōvi (все сельчане), təmōvi (все домашние) и пр., где -ōvi есть твор. п.-ōv- (ср. təmōv ek'elin (всем домом пришли, т. е. все домашние пришли)+ суфф. i- для преобразования творительных образований (təmōv, g^{c}eɣov) в новые именные формы, ср. класс. *կանամբի* (женатый), *արամբի* (замужняя) от твор. п. *կանամբ* (женой), *արամբ* (мужем) (от *կին* „жена“, и *այր* „муж“), или ашт. ōçōvi (никто) при ōčōv id.

15) Суф. -eni для обозначения преимущественно плодовых деревьев, как xənjoreni [и xənjori (яблоня)], от xənjor (яблоко), d^{c}exceni (и d^{c}exci) от d^{c}exc [персик (перси-

[1] Оба слова açlig и j^{c}axlig еще означают «удачный» и «неудачный», как и сами -aç и j^{c}ax.

ковое дерево)], nəłneni (гранатовое дерево) от nuł (грана)т, vartᶜeni (розовый кустарник) от vart (роза), tanjeni (и tanji) (грушёвое дерево) от tanj (груша) и т. д., но põpõki (ореховое дерево) от põpõkᶜ (орех), šəlori (сливовое дерево) от šəlor (слива).

Суффикс -eni настолько живо сознается говорящими, что говорят даже ənčeni [какое (дерево)] от inč (что) [ət. ənčeni-a (это что за дерево?)]. Происхождение его должно быть однородное с -enik (<*eanik) в собственных женских именах *Սաթենիկ* (ашт. Satᶜenig), *Արփենիկ* (ашт. Arpᶜenig) и *Վարսենիկ* (ашт. Varsenig), означающих „Изумрудная" (от *սաթ* „изумруд"), „Лучезарная" (от *արփի* „светило") и „Имеющая (хорошие) волосы" (от пехл. *վարս*=влас, волос); ср. *նան* в класс. *արեւելեան* (восточный) от *արեւելք* (восток), *Մամիկոնեան* (Мамиконяди, Мамиконский) от собств. им. *Մամիկոն*[1].

В остальных случаях названия деревьев обязательно должны оканчиваться на суф. -i, как bᶜardi (тополь), uři (ива), tᶜəɣi (вязь) и пр. ср. излюбленность названий растений на -uk, как čəčug, irinjanug, išikatᶜnug, avelug, gᶜənjmənjug, iricanug, xənənug и пр. (см. у Ам. ещё *գմակ* стр. 688, *եղէգ* 691, *ակապակ* 684, *փաբշատակ* 662).

16) Суф. -eɣēn для означения происхождения, как bᶜanjareɣēn (зельё) от bᶜanjar id., kanančeɣēn (зелень) (cur. kananči от kananč (зелёный), kᶜaxčreɣēn (сладкое, сладость, сласть) от kᶜaxčr (сладкий), mandreɣēn (мелочь) от mandr (мелкий), məseɣen (мясное) от mis (мясо) и т. д. Суффикс этот довольно старого образования [ср. həreɣēn (огненный), где hur (огонь) сохранилось только в hurk tal или hurhuratel (искриться)] и составился из -eɣ- (=груз. ელ-ი—el-i) и ēn (*<eyn).

---

[1] От суф. -eni для деревьев в дальнейшем образовываются еще новый суф. -keni, который также сознается говорящими, как особый формати в, как -xiar-keni- вид орехового дерева, дающего длинные орехи (от xiar «огурец»), xečečkeni- вид орехового дерева, орехи которого легко раздавливаются рукой (от xeč čč «корки ореховой скорлупы»), šakarkeni— вид яблони, дающей маленькие, сладкие яблоки (от šakᶜar „сахар"). См. в словаре Аматуни о *մեղրակնդի, կապուակնդի, կանուչկնդի* (472, 331).

17) Суф. -t-, -at- для усиливания основного значения глагола, как čaŋgəřtel (расцарапать), при čaŋgəřel (царапать), kodratel (разломать) при kodrel (сломать), cəřməřatel (раскривить) при cəřel (скривить), hurhuratel (искриться) и др. В других диалектах этот суффикс более распространён. По происхождению он, быть может, значил 'раз-' „от" от հատանեմ (раз-отделяю), ср. պառակտիմ (раз-отделяюсь), բեկտանեմ [разламываю (при բեկանեմ „ломаю")], փեռեկտամ [расторгаю (при փեռեկիմ id)] и пр.

18) Суф. -ēkᶜ для обозначения известного бытового явления, как nəšandᶜəřēkᶜ [обручение (от nəšan „знак" и dᶜir „положенный" от dᶜənel „класть, положить")], taštadᶜəřēkᶜ- канун свадьбы, когда распределяются роли распорядителей (от tašt „корыто"?), aᶜškaləsēkᶜ—поздравление с радостной новостью или вестью (ср. aᶜškalis xosal—поздравлять с радостной вестью, от выражения aᶜškət lis əli „да будет твой глаз светом"), meřon ēpēkᶜ или meřōn ōr(h)nēkᶜ (мироосвящение), jəroxnēk [крещение (собственно „Водоосвящение")]; см. у Аматуни о словах բիւրանբացեք (стр. 10); դանողչեք (156). Происхождение -ēkᶜ равно-ē-<*-eay-+суф. мн. ч. kᶜ (для придавания собирательно-отвлеченного характера).

19) Суф. -řig служит для обозначения известного свойства или обыкновения (человека, животных) и, хотя пока ограничен определенным количеством слов, подобно суф. -ēkᶜ, но все же начинает сознаваться как отдельная «психо-морфема» — как-то: hušťřig [вспугивающийся (конь, бык)] от hušt anel [вспугнуть (Pass: hušt əlel)], çētᶜřig [мочливый, часто мочащийся (ребёнок)] от çētᶜel [мочиться (çētᶜ „моча"), lōtᶜrig [много поедающий, жадный на еду (ср., быть может, заим. lōtᶜi „удалой"), xərəštrig (держащий уши востро, чутко прислушивающийся) из *xələšrig от xəluš id[1],

[1] В слове xəluš конечный звук š, вероятно, такого же происхождения, как и š в класс. արիշ или ականջ (ашт. uᶜriš) (отдельный, особый, другой, արդ id. (откуда ашт. orəši „напрасно") и тогда основа xəeu- должна быть поставлена вместе с հլու (послушный), լուր (извещённый) (в լուր առնեմ „извещаю", լուր ինձ „меня извещают"), լուր „весть", լսեմ „слышу" из *lu-s „слушающий", где -s занимает одинаковое положение с š, в xəluš, արդ и пр.

mundłig [хитрый, изворотливый (простого *mund нет)],— ср. эрзерумское ծուռթիկ [попыхивающий от усталости и спеху (Амат., 396)] от ծուռալ (попыхивать от усталости и спеху).

Насколько суф. -rig уже начинает восприниматься как особая морфема, видно из того, что даже заимствованное русское «хитрый» некоторыми переделывается в xitłig. Происхождение же этого -rig составное: развитое -t вроде պրծ-ղռուտ (безносый) (Амат., 705) из pinč (нос) и суф. -at (см. выше), ашт. hebłal (запыхаться) <*hevłal<heval (ноя вздыхать), čangrél (царапать) от čang (коготь).., а вторая часть суф. -łig- т. е. -ig, обозначало свойство или принадлежность, как bᶜəlambᶜoçig (воспламенелый) от bᶜoç (пламя), tᶜilig (слабосильный) от tᶜil (<ββոլլ) (слабый), pilig (каплун) (от *pil-,?), čəɣrig и čəɣlig (синеглазый) (ср. груз. თვალი ჭრელი „пёстрый" (пёстрые глаза), თვალი ჭრელი (сероглазый) и т. д., ср. также вышеприведенный уменьшительный суф. -lig (<-l-+-ig-?).

20) Суф. -çi для обозначения происхождения, как ᶜaštarakçi (аштаракец), pᶜarbəçi [парпинец (от Parbi)], ᶜ'Erevançi (ереванец), kᶜaɣakᶜaçi (горожанин), geɣəçi (сельчанин) и пр. Этот суф. образовался из ç (характеристика род. п. мн. ч.) и притяжательного суф. -i (см. ниже).

21) Суф. -(a)çu обозначает „предмет для"-, как məsaçu [убойный скот от mis (мясо)], pᶜēsaçu [жених от pᶜēsa „зять")], xōrōvacaçu [мясо для шашлыка от xōrōvac (шашлык)] и т. д. Суф. -(a)çu образовался из ç (род. п. мн. ч.) и суф. -u, как xōrōvu [скотина для сжаривания от xorovel (жарить)], saxu [продажной от saxel (продавать)], ср. в класс. մօրս (мачеха) и հօրս (отчим).

22) Суф. -kal для обозначения начала распространяемости действия на все пространство, как pᶜərpᶜərakalel (запениться) при pᶜərpᶜərel (пениться) от pᶜərpᶜur (пена), tᶜōšakalel [стать мёрзлой (земля)] от сохранившегося в других диалектах ββոչ (<ββորչ) (тонкий слой пыли, травы или льда по воде' (Ам. 217)=груз. თოში tᶜoši (льдина, глыба льда, холодный, замёрзлый) (Чуб., 568), vahrakalel (загноиться) от vahr (гной) и т. д. Отдельных pᶜərpᶜərakal, tᶜošakal, vahrakal и пр. не существует, и суф. -kal, входящий в состав

этих слов в роли словообразовательной частицы (с соединительным a), как аористная основа от глагола kalnel (аор. kala) (ловить, поймать')=класс. կալնում (аор. կալայ) (владею), имеет совсем другое применение и значение, чем словообразовательные -kal в kᶜəntᶜkal [покрывало для носа (у женщин)] собственно „носодержатель" (хотя kᶜlntᶜ теперь только значит „носок" обуви=класс. քիթ „нос"), bᶜənakal—яйцо, оставляемое в гнезде кур (от bᶜun „гнездо"), kaxkal (ведро), где *kax-, вероятно, значило „рычаг, коромысло" от kaxel „повесить" и др.; ср. класс. միջնեքակալ или աշխարհակալ (миродержец), վարսակալ [род головной повязки (собств. „власодержатель")], ոխակալ (злопамятный,) мстительный и пр.

§ 23) Из суффиксов, имеющих раньше морфологическое применение, в роли ли настоящих суффиксов, или эквивалентных словообразовательных элементов, наиболее известны:

1) Суф. -ak(> -ag) неопределенного значения: zəngəlag (маленькая виноградная кисть), kəzag (подбородок), kᶜaɣlag- [ручная корзина для сбора винограда (от kᶜaɣel «срывать»)], çōgōlag (зеленый абрикос), cōrcōrag (затылок), sōɣnag [отверстие (дверных замков)], kōčak (пуговица) и пр.

2) Суф. -utk для обозначения отвлеченного свойства, как — sōvōrutk (обычай), который получился из *sōvōroytᶜkᶜ и есть несомненное заимствование при sarvel (учиться, свыкнуться), ср. բնութք [нравы, характер (Ам., 109)], արութք [деяние, действие (Ам. 685)], աաաաք! (вм. *աաութք!) (хлебные зёрна для приправы супа) (Амат., 13). Суф. -utk=-ut-(<*oytᶜ— =класс. -ութ)+kᶜ (мн. ч.).

3) Суф. -ōš в прилагательных: dandalōš [тупоумный, остолоп (ср. класс. դանդաղ „медленный в движении")], ləmpᶜōš (аляповатый), marxōš [кисловатый (плоды)] = груз. მარხოში maroxoši (кислота в фруктах) (Чуб., 670), ср. ակոշ [прил.] (с выступающими передними зубами) (Амат., 16) от ակաւ (зуб) (ib., 17), խոփոշ (хмурый, задумчивый) (Амат., 287), փրփոշ [пухлый, пухленький 'цыплёнок, дитя' (Амат., 223)], а также ашт. tᶜətvaš [кисловатый (ծծմաշ в арар., муш., ширак., ванс., см. Амат., 213)] от tᶜətᶜu [(кислый)=ծծմ] и ապաշ (глупый, простодушный) (по Ручн. сл.)

при *ապա* (нежный, приятный). Суф. -ōš, видимо, равнялся рус. -ватый.

4) Суф. -st в глаголах: vəngəstal [визжать (про собаку)], ləpəstel (облизать) (и ləpəstorel id.), ləkəstvel (обнаглеть), kʿələməstorel (провести, лукаво обмануть)[1].

5) Суф. -l в глагольных основах — kəvakʿəçl [корзина для выноса помета (от ku „помёт" и kəçel „бросать")], čanǰakʿəšl [ременная защита („вуаль") у животных против мух (собств. „мухогон")] от čanǰ (муха) и kʿəšel (гнать), kətl [дойная (корова)] от kətʿel (доить) и пр., но ср. суф. -l в ǰərl (жидкий) от ǰʿur (вода), aɣl (солёный) от aɣ (соль) с противоположным alanl (несолёный)<*anall из -an (не) и -all (//aɣl<*anl) 'солёный'.

6) Суф. -et в именах животных и насекомых, как arnēd (ласка) [<*arnet=класс. *առնէտ* (крыса на кораблях)], kərēt [оса (=класс. *կրէտ* id.), ср. класс. *րրէտ* (оса, овод) при *բոռ* (=ашт. boř)] и *բորիկ* [овод (ср. груз. ბორბო bor-a „лошадиный кровосос")], диалект. *կնէտ* (овод) (Ам. 349), диал. (ванс.) *օկռէտ* (белка) (Ам. 602).

7) Суф. -vē- (от-до): tagvetak [от края до края (tak дно, нижняя сторона)], calvēcal [от складки до складки (cal=*ծալ* (складка)], ср. *հասանէհասն* (близко к приближению к чему) (Ам. 386) от hasnel (дойти), *կէսանէկէս* (пополам, надвое) (Ам. 340) от kēs (половина). Суф. -vē - =-*v-+(<*-u-)+суф. -ē, как характеристика отложительного падежа, ср. pəlēpul [от устоя грядки до устоя (другой) грядки], bʿerne bʿeran) [от рта ко рту (т. е. через словесную передачу)], kuzēkuz (ничком, пригнувшись) и др.

8) Суф. -ēk (>-eg) для названий птиц (женск. род?): varēg (молодка курицы), sarēg (скворец), *ապռնիկ* (сипанс., буланых., рушт.) или *ճլվլիկ* (ошакан.) род маленькой птицы (Ам. 54), гандзакс. *ճարիկ* (вм. *ճարէկ*) (чёрный дрозд)? *«կևռնևխ»* тур. karatʿavug (Ам. 702)[1]. ср. ашт. čēřēg

---

[1] Глаголы čəlostal (про шум выступающих водяных капель) и čəlpəstal [блистать (напр., лоб)] имеют -st коренным элементом, но, несомненно, под влиянием суф. -st. Ср. также *ճլփոստալ* (скрипеть) (Амат., 436).

[2] В ширакс. и мушск. *ճարիկ 'ծոբ ձևան փոքրիկ թռչնակ'* (Ам. 427).

(стрекоза), как звукоподражательное имя (стрекотущая) от čəṙṙal (скрипеть). Суф.-ek<-eak,=класс. -հակ, ср. վառհակ (=ашт. vaṙeg), սարհակ (=ашт. saṙeg).

9) Суф. -uni в прилагательных viruni [дикий (<*vayruni от վայր «поле»)], paḥuni [хранимый (на зиму виноград)] от paḥel (хранить), arekᶜuni [солнечная (сторона)]=класс. արեգանի от արեգ [солнце (в Արեգ քաղաք „Ηλιούπολις", արեգակն „солнце")].

10) Суф. -tēn (resp. диалек. -tay) придавал связующее значение в образовании вспомогательных предметов принадлежностей, и, вероятно, раньше имел также и самостоятельное употребление в значении «пояс, связь», как -vᵘoṙtēn [пояс от седла (коня или осла, проходящий к заду под хвост)] от vᵘoṙ (зад, задний проход), bᶜənatēn (основная цепь плуга) от bᶜun (основа), kamnatēn [цепь, толстая веревка или палка, соединяющая молотильный гуменный станок с ярмом (от kam «молотильный гуменный станок)] samatēn (нитка, которой повязываются вдеваемые по обоим концам ярма каждые две палки) от sami [вдеваемая по обоим концам ярма (luj =класс. լուծ) две палки, между которыми и проходит голова быка)], gᶜəlxatēn (толстый ремень, которым связывают оглобли телеги с ярмом) от gᶜəlux (голова). Из этих слов наиболее часто употребительно vᵘoṙtēn, а наименее gᶜəlxatēn.

В словаре Аматуни даются следующие девять имен на tēn: а) բնաւտէն (арар., лорийс., памбакс., ширакс.), բնաւտայ (мушск.), բնագայ [ванс., басенс. (стр. 108)]=ашт. bᶜənatēn; б) գլխաւտէն (арар., стр. 137)=ашт. gᶜəlxatēn; в) ծէբաւտէն [арар., лорийс., ширак., стр. 307 (цепь, приданная к концу основной цепи плуга)]; г) կամնաւտէն (арар., памбакс., лорийс.), կամնաւտայ (ширакс.), կամոտէն [вагарш. (стр. 326)]= ашт. kamnatēn;[1] д) ժամկոտէն [ошак., вагарш., стр. 303 (нить, которою связываются концы п-образной деревянной луги, (կոկալ) надеваемой дома в привязи на шею быка или

[1] В Сурмалинском уезде, как нам сказали, это слово также употребительно, но в форме kamatēn, как более правильное образование от kam мн. ч. kamer.

коровы)]: е) *ներքատէն* [ширак., лорийс. 404 (цепь или ремень передней пары упряжных волов)]; ж) *ետրքատէն* (арап., 493 (толстая, короткая палка, один конец которой прикрепляется к бревну стойла, а другой к п-образной дуге)]; з) *ոտէն* (арап., муш., 529) = ашт. v°orten; и) *տրխտատէն* [лорийск., казах., 638 (нить для привязи лаптей к ногам)].

Все эти диалектические формы говорят о первичном словообразовательном элементе -tay [-tēn тоже из tay-n (связка, связующий предмет)], который вместе с класс. -*tey (//-tay) в *սամեան* [мн. ч. *սամեանէք* и *սամեանայք* (=ашт. samatēn)] и с -tya- (-ti-) в *սամեայր* [мн. ч. *սամեարք* (тв. п. *սամեանեաւք*, но и *սամեարբք* A9, 488)] представляются весьма древним индоевропейским отложением, как это точно распознал Hübschmann на примере одного *սամեարք*, относя -ti-, последнего к и.-е. *°dē(y)- (связывать) в скр. dā-, dī-, греч. δη-, δε (A9, 488)[1].

III. ОКОНЧАНИЯ

§ 24. Что же касается, наконец, последней после корней и суффиксов морфологической категории — окончаний, как выразителей синтаксического отношения изменяемого слова, то их прибавление к основе такого изменяемого слова — имени или глагола — способно вызвать в известных случаях фонетические изменения предшествующего слога, а также и перемещения ударения.

Существо же этих морфем, в связи с их именными и глагольными видами, будет разобрано нами в отделах «склонения» и «спряжения», где действию именных окончаний подвергаются так называемые «имена» — имя существительное, имя прилагательное, имя числительное и местоимение, — а действию глагольных окончаний — «глаголы».

Этот обзор дает, разумеется, только живую схему аштаракского склонения и спряжения, со многими их особен-

[1] Тут имеем один из немногих случаев сохранения индоевропеизмов народным армянским языком, а не классическим (*սամեարք* тоже народное слово).

ностями, и лишь изредка затрагивает вопрос их исторического развития. В этом отношении весьма интересны такие лингвистические явления, как, например, затемнение в сознании значения какой-либо морфемы с ее омертвлением и исчезновением или прибавлением новой эквивалентной морфемы, сложные образования залогов и времен, приспосабливание различных именных форм к роли предлогов и др.

Вообще же склонение и спряжение современных армянских диалектов (из старого народного «армянского» языка[1]) представляют весьма своеобразное явление как в отношении их морфологического образования, так и самих функций этих морфологических категорий, приобретая характер агглютинирующего типа языка (вроде тюркского);—ср. особые признаки множественного числа, затвердевание им. п. в качестве основы, отсутствие рода, несклоняемость прилагательных с существительными, особые признаки страдательного и побудительного залогов, морфологическая неизменяемость гласного корня, флектирование глагола при помощи существительного, глагола и пр.

СКЛОНЕНИЕ

А. ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Типы флектирования имени

§ 25. В отношении типа своего падежного флектирования, аштаракское имя, как и вообще имя в современных диалектах, представляет довольно своеобразные и характерные особенности, сводящиеся, главным образом, к следующему. Во-первых, аштаракское склонение не основывается уже на

[1] Этот незасвидетельствованный в древнее время народный «армянский» язык, формами которого являются современные диалекты, должен быть отличаем, по мнению проф. Марра, от языка «hайского», языка культурных классов древней Армении, сохранившегося в многочисленных литературных памятниках (рукописи, надписи). И если «грабар», т. е. hайский древнеармянский язык, засвидетельствованный по крайней мере VII веком, содержит «обломочный» тип индоевропейского флектирования, то народный «армянский» язык, судя по нынешним диалектам, должен был проявить еще резче свое отличие.

тематических именных основах, как было, несомненно, свойственно ему раньше, а роль основы скорее закрепляется за формой именительного или даже родительного падежа, насколько можно судить по нижеприведенным типам склонения; и только уже как пережиток имеем, например, частичное сохранение старых тем на -o-, -wo-, -n- (см. их склонение); гласные же той или иной старой темы, тоже как пережиток, успели составить с древними падежными окончаниями нормальную форму современных падежных окончаний. Затем, свойство множественности преимущественно характеризируется особым морфологическим признаком, как, например, в современном грузинском или тюркском, а падежное окончание сравнительно редко выражает одновременно и значение множественности (в «тематических» склонениях). Нужно заности, однако, что морфологический характер множественности, представленной обыкновенно одним суффиксом (-er, -ner, -k^{c}), зачастую выступает также и в двойном сочетании, причем одни из этих сугубых суффиксов сознаются в своем морфологическом строении (см. об -nəner > -ner), а другие уже принимаются как обыкновенный суф. мн. ч. (см. об -tink^{c},-anik^{c}). Наконец, прибавление падежных окончаний к «основе» слова вызывает определенные фонетические изменения в гласном конечного слога этой «основы» (u>ə, i>ə, ē>i, ex>əx(x), а в связи с „ослаблением" слогового гласного в ə (u, i и e перед x) перемещается на последующий слог и ударение, как kənânik^{c} (женщины, жёны), род. пад. будет k^{c}ənanək^{c}ánç>отл. пад.—kənanak^{c}ânçiç и пр.

Отмечая кроме того, еще общеармянские именные свойства — отсутствие рода (и в глаголах), а также сочияемость именных падежных форм с местоименными энклитиками s, d и n, приставляемыми к концу слова, считаем нужным относительно последних заметить, что в аштаракском говоре, как и вообще в современных диалектах, эти энклитики s, d, n имеют отличное от классического армянского значение, а именно: s, d, n в классическом преимущественно имели роль указательных частиц — s значило «этот» (для I л.), d «этот» (для II л.) и n «тот» (для III л.) — или определи-

тельного члена (особенно n), тогда как нынешнее их значение в Аштараке — s, t, n чисто притяжательное, а энклитика n преимущественно имеет еще значение и определительного члена. Впрочем, последняя энклитика n в обоих случаях фонетически сохраняется лишь при прибавлении к именной форме, оканчивающейся на гласный звук, или к форме, оканчивающейся на согласный звук, но при последовании слова с начальным гласным[1]; когда же эта энклитика присоединяется к последнему согласному имени, предшествующего слову с начальным согласным, тогда она переходит в гласный ə.

Присоединение энклитик s, t, n к согласному звуку слова происходит через вспомогательное ə, которое, однако, может и не произноситься, если это слово произносится слитно со вторым, начинающимся с гласного. Примеры: herəs (мой отец) [но h'ers aseç (мой отец сказал) без [e при класс. ՅայրՈՒ (сей отец) или (отец, о котором сейчас было сказано), jᶜeřövət (твоей рукой), jᶜeřneriçə [из его (их) рук], но jᶜeřnənəriçə [(из их рук) см. ниже], kužə ǰərɪ čampᶜin kəkodrvɪ [кувшин на водной дороге разобьётся (пословица)], gəžɪ aɣunə[2] Astvaj kaɣa, xēlōkᶜi bᶜann-a dᶜəžar [молку (молотье) сумасшедшего (resp. глупого) бог смелет, дело умного—затруднительно (пословица)], hakᶜis šorerə hetit aŕajn-a (одетое на меня платье—с тобой купленное), т. е. то, которое с тобой куплено' и т. п.

Морфологическая категория («морфема») множественности

§ 26. Следующие принципы руководят морфологической характеристикой именных форм мн. ч., т. е. обозначением свойства (признака) множественности: либо такое характеризование передается особой морфемой (в роли суффикса), к которой уже присоединяются определенные окончания форм единственного числа, либо оно выражается особыми падеж-

[1] Энклитика n, присоединяемая к слову с последним согласным, при следующем слове с начальным гласным, может также заменяться гласным ə, если оба слова произносятся заметно с перерывом, разделяясь в произношении друг от друга.

[2] См. сноску на стр. 74.

ными окончаниями, означающими, следовательно, и форму имени, и его множественность, либо наконец, сосуществуют для этого оба принципа, т. е., когда к «суффиксу» множественности прибавляются именные окончания, выражающие с формами падежа также и множественность.

К первому самому распространенному типу, т. е. к типу только «суффиксального» характеризования множественности, принадлежат все слова, оканчивающиеся в им. п. ед. ч. на согласный звук или на гласное и (а также на редкие ē, ō), причем «суффиксом» множественности для односложных слов является — er, а для многосложных — ner, как, например, kᶜar (камень) — мн. ч. kᶜárer, ōç (змея) óçer, kᶜoṙ bᶜu (сова), kᶜoṙ bᶜəvér, xul (опухоль) — xəlér, sin (столб) səner, mex (гвоздь) — məxér, или aˬvēs (лисица) — aˬvēsner, kᶜotᶜug (пень) — kᶜotkənér (<kᶜotᶜəgner), gᶜəlúx (голова) — gᶜəlxnér (и gᶜəlxənér), kəlēp (кора) — kəlépner (и kəlpənér), aᶜʔu (ручей) — aᶜrvənér, útil (поедание) — útilner, bérac[1] (принесённое) — bᶜéracner (>bᶜeraǰner>bᶜerazner) и т. д.[2]

Этому правилу, естественно, подчиняются и слова, имевшие раньше множественное значение, но теперь являющиеся в сознании исключительно имеющими единственное значение, как aᶜsk [глаз (=класс. աչք)] — мн. ч. aᶜsker (глаза), xōsk [слово, речь (= класс. խոսք)] — мн. ч. xōsker, mitk [мысль (=класс. միտք)] — мн. ч. mətker, pas [пост (<*pahs, как вин. п. от պահս)] — мн. ч. paser, pᶜukᶜs [мехи (вин. п. от փուքս)] — мн. ч. pᶜəkᶜer, bᶜalnikʿ [ключ (=класс. բանալի)] — мн. ч. bᶜalnəkᶜner и пр.

Таким образом, служебная роль «суффиксов» — er и -ner, установившаяся в зависимости от односложности или многосложности слова, имеет уже нормативный характер, хотя причина такой дифференциации и остается нам непонят-

---

1 Употребляются всегда с энклитиками s, t, n (ə).

2 Этот тип образования мн. ч. имеет весьма древнее происхождение и, как общее свойство всех современных диалектов, был присущ и старонародному «армянскому» языку, насколько можно судить также по «найским» заимствованиям с «армянского», как պրպտր (знать), բարձիկներ (подушки) и пр. Этот суф. er (=сванс. -ar) являлся одним из характерных свойств «армянского» в отличие от «найского».

ной. Видимое же противоречие этой норме таких множественных образований, как məgner (мыши), jᶜəgner (рыбы), dᶜerner (двери), gᶜaťner (ягнята), yezner (быки)... от односложных mug, jᶜug, dᶜuť, gᶜať, yez и пр., имеет за собой то объяснение, что n здесь не есть составная часть суффикса множественности (-ner), а принадлежит к старым основам этих слов (т. е. mukn, jukn, duťn.....), обнаруживаясь еще и в косвенных падежах единственного числа (см. ниже). Точно так же, множественное образование на -ner от односложных слов, как šorner [платья, материи (от ед. ч. šor)], usner [плечи (от ед. uᶜs)], aᶜškəner [глаза (от ед. aᶜšk)], hërner [отцы (от ед. hër)] и пр., употребляющихся, однако, всегда с энклитиками s, t, n (ə) имеют в Аштараке совершенно особую морфологическую осознанность, чем -ner от многосложных слов (aγvesner, kᶜotkəner, gᶜələxner..), а именно: —ner в šorner-, uᶜsner-, aᶜškəner- и пр. обозначает множественность (=-er) предмета у многих лиц (=—n-), т. е. предметом (или предметами) владеет не один, а многие, так что абстрагированные (без s, t, n) šorner-, uᶜsner-, aᶜškəner- и пр. значат собственно „платья многих", „плечи многих", „глаза многих" и т. д., в отличие от šorer „платья одного", uᶜser „плечи одного", aᶜšker „глаза одного" и пр.[1], как, например, šorerəs (мои платья), но šornerəs (наши платья), uᶜserət (твои плечи), но uᶜsnerət (ваши плечи), aᶜšker̥ə (его глаза), но aᶜškənerə (их глаза) и т. д.

Этот сознаваемый сугубый суф. мн. ч. -ner, как морфологическая категория для множественности предмета (-er) и лица (-n-), есть, однако, сокращенный вид более полного -nəner (<*-nl-ner), как šornənerəs (наши платья), uᶜsnənerəs (наши плечи) и пр., причем формы с -nəner большей частью стягиваются в -ner (<*nner<-nəuer), так что если и равноупотребительны, например, šornənerи šorner, hërnənerи hërner, то usnənerупотребляется менее часто, чем usner, а aᶜšknənerи совсем не употребляется, переходя всегда в aᶜšgkəner (вследствие трудности произношения aᶜšknənerr); в случае же, когда односложное слово оканчивается своей

1 hërer не употребляется, ибо оно значило бы «отцы (одного)», что, естественно, не может быть.

основой на n-, то образование мн. ч. вещи и лица через полное -nəner всегда сохраняется, как bᶜannənerəs (наши дела, вещи, занятия) от ед. ч. bᶜan, jᶜefnənerət [<*jᶜefn-nənər-ət (ваши руки)] от ед. ч. jᶜeɬ (осн. jᶜefn, ср. jᶜefner „руки"), mannənerə [их пальцы (<*matn-nənər-ə от ед. mat— мн. ч. <*mann-er <*matn-er)] и пр.; многосложные же слова через свое -ner могут иметь и простое и сугубое множественное значение, как aɣvēsnerət (твои или ваши лисицы), mangaɣnerə (его или их серпы) и т. п.

Вообще же, в обыкновенной речи сравнительно редко прибегают к передаче одним словом множественности предмета и лица, а большей частью это делается описательно через mer (наш), jᶜer (ваш) и nranç (их), да и употребление -n ənər (> ner) ограничено известным количеством слов. Следует думать, что суф. -nənər (>-ner) в šornənər [и šornər (платья многих)], bᶜannənər (дела многих)..., всегда сочиняющихся с s, t, n (ə), обязан своим вторым слогом -ner тому обстоятельству, что первоначальные формы *šorni-, *bᶜanni-..., уже как многосложные образования, нуждались для обозначения множественности предмета в суф. -ner, а не -er (вроде диалектического *կնկտիներ* «жёны» и пр.).

Второй способ, которым пользуется аштаракский говор (resp. арар. наречие) для выражения множественного значения имени, это посредство особых падежных окончаний, определяющих вместе с множественным числом также и формы имени, т. е., его падежи. Тип этот, единственный, например, для ариоевропейских языков и столь характерный для классического «haйского» языка с его темами[1], был свойственен также араратскому, как и другим современным наречиям, но дальнейшее развитие этих диалектов настолько су-

[1] Хотя нужно прибавить, что haйский язык применяет этот принцип «флексийного» обозначения множественности только в им. п. *(-ք)*, род.-дат.-отл. *(-ց)* и вин. *(-ս)*, а что касается тв. п. мн. ч., то известно, что этот падеж не есть особое обозначение и формы имени и числа, а составился под влиянием местной яфетической среды из окончания тв. п. ед. ч. w *(-ւ)* и суф. им. п. мн. ч. kᶜ *(-ք)*, так что в отношении «суффиксального» современного образования мн. ч. haйский тв. п. мн. ч. имеет обратный вид [т. е. -(n) er-ov по смыслу=класс. —ւ—ք— w—kᶜ с перестановкой].

мело переродить такой тип склонения (без особого суффикса множественности), что, напр., современное аштаракское (resp. араратское) диалектическое состояние ограничивается только двумя падежными окончаниями для выражения форм имени и его множественности, а именно: -kᶜ для им. п. мн. ч. и -ç для род.-дат.-вин. п. мн. ч. — остальные же падежи мн. ч. (отл., местн., тв.) пользуются готовыми окончаниями ед. числа (-lç, -əm, -ōv), прибавляемыми к форме род.-дат.-вин. падежа, как к основе (ср. вышеприведенный «суффиксальный» тип агглютинирования). По такому «искаженному» флексийному типу совместного выражения и формы имени и его мн. числа склоняются все слова на -çi, как gᶜəɣəçi (сельчанин, крестьянин), aᶜštarakçi (аштаракец) и пр., выражающий местонахождение кого-либо, затем, часть слов на -i, как vʷortᶜi (сын), fʷokᶜi (душа), alani (сушёный персик) и пр., следующие, однако, особому „смешанному" типу склонения, и, наконец, притяжательные имена (во мн. ч.) на -onkᶜ, -enkᶜ, -ankᶜ как фамилии на -onkᶜ и -enkᶜ (Čalabonkᶜ „Чалайбовы", Papəkenkᶜ „Папикиды"..), имена как -tatonkᶜ [родные (родня) бабушки], hērankᶜ [родные отца (для замужней)], притяжательные и указательные местоимения — mᵓeronkᶜ (наши родственники), jᶜeronkᶜ (ваши родственники), əstonkᶜ (эти), ətonkᶜ [эти (для II л.), əndonkᶜ 'те'.

Что же касается, наконец, третьего, «смешанного», типа в характеристике множественного значения именных форм, т. е. типа, руководствующегося для такого характеризования и «суффиксальным» и «флективным» способом, то наиболее чистый вид такого «суффиксально-флексийного» типа имеем в определенном количестве слов, оканчивающихся в им. п. на -anikᶜ(an) и -tenkᶜ (<*-tikᶜ), каковы — kenanikᶜ [женщины, жёны (от ед. ч. kənig)], ikᶜanikᶜ [виноградные сады, виноградники (от ед. ч. ᶜikᶜi)], gᶜinanikᶜ [вина (от ед. ч. gᶜini)], jᶜinanikᶜ [и jᶜian (лошади, кони)] от jᶜi, tᶜianikᶜ [и tᶜian (лопаты)] от ед. tᶜi, а, с другой стороны, — axpērtinkᶜ (братья) от ед. ч. axper, həngertinkᶜ (товарищи) от ед. ч. həngər, tekərtinkᶜ (деверя) от ед. tekᶜər и kəvʷortinkᶜ (сёстры) от ед. kᶜir.

Здесь, как и в вышеприведенном «флексийном» типе, морфологическую категорию множественности самостоятель-

но дают только им., вин., род., дат. падежи, собственно, две падежные формы, как gᶜin-an-i-kᶜ 'вина' (им., вин.)—gᶜin-an-onç 'вин, винам' (род-дат.) или axpēr-t-i-nkᶜ 'братья' (им.)—axpor-t-anç 'братьев, братьям' (род.-вин.-, дат.), а остальные падежи (тв., отл., местн.) сами ничем не характеризуют такой множественности, являясь производными образованиями от род.-дат. падежа с окончаниями ед. ч. (как—тв. gᶜinanonç- -ōv. отл. gᶜinanonç-iç и местн. gᶜinanonç-əm).

Суффиксальной категорией множественности является -an, выступающий и в им. п. jᶜi(y)an (лошади), tᶜi(y)an (лопаты), gᶜilan (волки)[1], jᶜəvan [яйца (и jᶜəver)] от ед. jᶜu, известный в класс. մանկտի (отроки, детвора), ծակտի 'отверстия' (Н. Марр, Грам. др.-арм. яз., стр. 16) и в современных диалектах, а, с другой стороны, эту же множественность характеризуют и падежные морфемы—kᶜ (им. и вин.) и -ç (род.-дат. п.); ср. аналогичное на вид явление в род. дат. п. мн. ч. (-kᶜ-anç) класса слов на -a и -i (прим. pᶜesa и vⁿortᶜi].

Таким образом, морфологическими категориями множественности в первом, «суффиксальном», типе выступают -er, -ner, -nəner > -ner, во втором, «флексийном»,— kᶜ (им п.) и -ç (род.-дат.), а в третьем, «суффиксально-флексийном», -an- и -t- в роли суффиксов и -kᶜ и ç, как окончания[2].

Морфема -nəner (> -ner) является в сознании сугубой, как состоящей из -nə- и -ner, причем -nə- есть «ослабленная» форма более старого *-ni. Нет никакого сомнения, что и суф. многосложных слов -ner, сознаваемый как одно целое и входящий в состав -nəner, также представляет сложное явление — из -n- и -er (=суф. односложных слов). Так что, изначальными характерами вышеприведенных морфем мн. ч. являются только звуки r, n, t, kᶜ, и ç (для косвенных падежей).

---

[1] Ср. класс. -ևան в թռչնևան [журавли (от ед. թռչուն)], նախարարևան [князья, нахарары (от ед. նախարար)], բևռնևան (крепости (от ед. բևռն)] и пр.; — Н. Марр, Грам. др.-арм. языка, стр. 96—97. В Аштараке образуются только для им. п. мн. ч. ɨcan [козы (от ec)], išan [ослы (от eš)], jɛvan [яйца (от jɛu)], но склоняются ecer-, ešer] и gelar.

[2] Следует заметить, что в окончаниях -onç (vⁿortᶜonç), -anç (axpēr-tanç) звук -n есть позднейшее развитие (хотя иногда еще говорят vⁿortᶜoç) и морфологической роли не играет.

Но в былое время наш говор, наряду с другими говорами и наречиями, владел еще одной морфемой множественности (для вин. и местн. п.), а именно s (=) класс. *ա*), как ǯarᶜs-ə (размер) при ǯarᶜ (мера), pᶜukᶜs-ə (мехи) при pᶜukᶜ (дуновение), pᶜaxs-ə tal (отбегать, удаляться бегом) при pᶜaxǯel (бежать, убежать), fᵉokᶜ-l(n)s kᶜašel (вздыхать) при fᵘokᶜ-l (душа) и пр. (см. еще § 25 c[1]).

Падежное образование

§ 27. В своем падежном образовании аштаракское (resp. араратское) склонение отличает, с одной стороны, два числа — единственное и множественное, не имея, следовательно, двойственного числа, столь свойственного многим другим диалектам (с суф. -vi, как *ձեռք* «руки», *աչք* «глаза», *ըն֊քուք* „брови"), а, с другой стороны, — восемь падежей, а именно: именительный, звательный, родительный, дательный, винительный, отложительный, творительный и местный.

Относительно взаимоотношений чисел следует заметить, что многие старые формы (им. или вин. п.) множественного числа теперь воспринимаются только в значении единственного числа (в им. п.), как aᶜšk [глаз (=класс. *աչք* „глаза")], bᶜalnikᶜ [ключ (<*բանալիք* „ключи")], pas [пост (<*պահ* вин. п. от *պահք*)] и пр. и, следовательно, флектируются на правах имени ед. числа с новыми образованиями форм множ. ч. (ašk-er «глаза», bᶜalnək-ner «ключи», paser «посты». Что же касается падежных образований, то количество их—восемь—нормально сводится к пяти, ибо звательный, дательный и винительный не имеют особых падежных форм как в единственном, так и во множественном числе, а именно: зв. п. всегда сходен с им., кроме нескольких слов, как axčl (зв. п. ед. ч.) от axčig (девочка, дочь), papi (зв. п. ед. ч.) от pap (дед, дедушка), tati (зв. п. ед. ч.) от tat (бабушка), harsi (зв. п. ед. ч.) от hars (неве-

[1] Таким образом, и народно-«армянский» и «hайский» располагали всего шестью морфемами мн. ч. — r, n, t, kᶜ, ç, s. Из них только последнее -s есть ариоевропейское языковое отложение (из ар.-евр. *-ns), а остальные принадлежат яфетич. языковому миру, сохранившись в грузинском и пр.

стка).., затем, дательный тождественен по форме с родительным, хотя большей частью и наращается определенной частицей n (ə), и, наконец, винительный либо сходен с именительным, когда предмет—неодушевленный или одушевленный, но неопределенного указания, либо сходен с род.-дат., когда предмет — одушевленное и определенное существо. Так что получается только пять нормальных видов падежных форм: имен.-зват.-вин., род.-дат.-вин., отл., твор., и местн.

Образование этих форм того или другого числа нормально представляется в следующем виде.

В единственном числе образование форм отчасти дифференцируется по двум направлениям, образуя как бы два склонения — «i склонение» и «u склонение», а именно: слова с конечным согласным звуком (кроме infinitiva) и с гласными a, u, e, o прибавляют для род.-дат. падежа звук i, отл. -iç, тв. ov и местн. -əm, а слова с конечным гласным i и infinitiva (на -el)[1] имеют в род.-дат. окончание u, отл. -uç, тв. -ov, и мест. əм. Прибавление это делается, собственно, к основе слова, которая есть обыкновенно и форма им. падежа, кроме случаев со словами в им. п. на -i и на -a, которые являются только характерными для им. п. и выпадают в образовании прочих падежей (с основами без -i и a).

Образование же форм мн. числа представляется в следующем виде. Во-первых, все слова, которые оканчиваются в им. п. ед. ч. на согласный звук (в том числе и infinitiva), а также на гласные e, o, u, множественное число образуют через прибавление суф. -er или -ner (см. выше), причем им. п. своего особого окончания не имеет (окончание равно нулю), род.-дат. к форме им. (она же — основа) прибавляют -i, отл. -iç, местн. -əм и тв. -ov, т. е. формы мн. ч. повторяют склонение ед. ч. («i склонение»), имея особый суффикс для обозначения множественности именного значения. Во-вторых, слова, имеющие в им. ед. ч. -a (из старого *-ay), как, например, pësa

---

[1] А также слово ërëxa (дитя, ребенок), которое имеет в род-дат. ërëxu, отл. ërexuç, местн. ërëxəm и тв. ërexov. В Ошакане это слово склоняется правильно, по „i-склонению", т. е. в род-дат. ërexi, отл. ërexiç, мест. ërëxəm и тв. ërexov.

(зять), ërëxa (дитя, ребенок) и пр. для им. п. мн. ч. прибавляют k^c ($p^cësëk^c$<*$p^cësayk^c$[1]), откуда как от основы, образуется род.-дат. п. на -anç ($p^cësëk^canç$), служащий, в свою очередь, основой для отл. на -iç ($p^cësëk^cançiç$), местн. на -əm ($p^cësëk^cançəm$) и тв. на -ōv ($p^cësëk^cançōv$); в-третьих, слова, оканчивающиеся в им. ед. на -i, в образовании форм мн. ч. представляют такое своеобразное разнообразие, а именно: а) термины происхождения на -çi, как g'eɣəçi [сельчанин, крестьянин (от g'eɣ „село")], $k^caɣak'açi$ [горожанин (от $k^caɣak^c$ „город")], $a^cštarakçi$ (аштаракец) и пр., в им. п. мн. ч. прибавляют $-k^c$ ($g^c'eɣçik^c$), в род-дат. -onç ($g^ceɣəç^uonç$ от основы $g^c'eɣəç$-), а остальные падежи образуются от формы род-дат. п., как от основы, как—отл. на -iç ($g^c'eɣəç^uonçiç$), местн. на -əm ($g^c'eɣəç^uonçəm$) и тв. на -ōv ($g^c'eɣəç^uonçōv$); б) слова— $-i^ck^ci$ (виноградный сад), $g^c'ini$ (вино) и односложные—j^ci (лошадь), t^ci (лопата, весло) в им. мн. ч. имеют—$^cik^canik^c$, $g^cinanik^c$, $j^ci(y)anik^c$, $t^ci(y)anik^c$ (см. § об kənanik^c), род-дат. п. либо на -ponç, либо на -nək^{c}anç ($^cik^canonç$ или $ik^canək^canç$), а отл., местн. и тв. образуются от форм род-дат. п. (на -ponç и -nək^{c}anç) с прибавлением окончаний -iç, ə-m и -ōv; в) все же остальные слова на -i, как v^uort^cti (сын), $k^c'eɬi$ (дядя), $k^caši$ (кожа), f^uok^ci (душа) и пр. в им. мн. ч. прибавляют $-k^c$ ($v^uort^cik^c$), род-дат. либо образует через -onç, прибавляя его к основе слова ($v^uort^uonç$...), либо—через -anç к основе им. п. мн. ч. ($v^uort^cək^canç$...), а остальные падежи образуются от фонем род-дат. п. (на -onç или -ək^{c}anç), с прибавлением своих окончаний (отл. -iç, мест. -əm. и тв. -ōv).

Наконец, в-четвертых, те pluralia tantum, которые оканчиваются в им. п. на -onk^c, -enk^c с собирательным значением родни или фамилии (Čalabonk^c „Чалабовы", Simonenk^c „Семёновы"..), в род-дат. заменяют k^c на ç (Čalabonç), а остальные падежи уже образуются от этой послед-

---

[1] Старая форма на -ay (*p^cesay, *erexay) сказывается еще в том, что прибавление энклитик s, t, n также вызывает перерождение a в ë, как $p^cësës$ (мой зять), ërëxët (твой ребенок) и пр.

ней формы с окончаниями -lç (отл.), -əm (мест.) и -ōv (тв.); также склоняются и hērank^{c} (родня отца для замужней), tatonk^{c} (родня бабушки) и пр.

Вообще, как видно, некоторые падежные формы играют руководящую роль в падежеобразовании, служа как бы основой, и это особенно сказывается в образовании множественного числа[1].

§ 28. Типы склонения

а) k^{c}ar (камень), taxtag (доска)

Единственное число		Множественное число
Им. Вин. Зв.	k^{c}ar taxtag	k^{c}arer taxtagner[2]
Род.-Дат.	k^{c}ari taxtagi	kareri taxtagneri
Отл.	kariç taxtagiç	k^{c}areriç taxtagneriç
Тв.	k^{c}arōv taxtagōv	k^{c}arerōv taxtagnerōv
Местн.	k^{c}arəm taxtagəm	k^{c}arerəm taxtagnerəm

в) ʤamp^{c}a (путь, дорога)

Единственное число		Множественное число
Им. Вин. Зв.	ʤamp^{c}a	ʤamp^{c}ek^{c}
Род.-Дат.	ʤamp^{c}i	ʤampek^{c}anç
Отл.	ʤamp^{c}iç	ʤampēk^{c}ançiç
Тв.	ʤamp^{c}ōv	ʤamp^{c}ekançov
Местн.	ʤamp^{c}əm	ʤamp^{c}ek^{c}ançəm

с) g^{c}eɣəçi (сельчанин), v^{u}ort^{c}i (сын), ʃ^{c}i (лошадь)

	Единственное число		
Им. Зв.	geɣəçi	v^{u}ort^{c}i	ʃ^{c}i
Род.-Дат. Вин.	g^{c}eɣəçu	v^{u}ort^{c}u	ʃ^{c}i(y)u
Отл.	g^{c}ɣəçuç	v^{u}ort^{c}uç	ʃ^{c}i(y)uç
Тв.	g^{c}eɣəçōv	v^{u}ort^{c}ōv	ʃ^{c}i(y)ōv
Местн.	g^{c}eɣəçəm	v^{u}ort^{c}əm	ʃ^{c}i(y)əm

---

[1] Диалектически, напр., и такие формы, как ʤamp^{c}ek^{c} (дороги), v^{u}ort^{c}ik^{c} (сыновья) и пр. становятся чистыми основами для дальнейшего склонения с род.-дат. ʤamp^{c}ek^{c}i, тв. ʤamp^{c}ek^{c}ov и пр; ср. ту же тенденцию в ашт. v^{u}ort^{c}ik, -tək^{c}anç и пр.

[2] Об образовании односложных слов мн. ч. через -ner или nəner см. выше (§ 25).

Им. Зв. g^{c}eɣəçik^{c} v^{u}ort^{c}ik^{c} j^{c}i(y)anik^{c}[1]

Род-Дат. Вин. geɣəçonç v^{u}ort^{c}uonç,-t^{c}ək^{c}anç j^{c}i(y)an^{u}onç, -nək^{c}anç

Отл. g^{c}eɣəçonçiç v^{u}ort^{cu}onçiç,-t^{c}ək^{c}ançiç j^{c}i(y)an^{u}onçiç, -nək^{c}ançiç

Тв. g^{c}eɣəçonçōv v^{u}ort^{cu}onçōv,-t^{c}ək^{c}ançōv j^{c}i(y)an^{u}onçov, -nk^{c}ançōv

Местн. g^{c}eɣəçonçəm v^{u}ort^{cu}onçəm,-t^{c}ək^{c}ançəm j^{c}i(y)an^{u}onçəm,-nək^{c}ançəm

d) Simonenk^{c} (Семёновы)[2], tat^{u}onk^{c} (родня бабушки)

Им., Зв. Simonenk^{c} tat^{u}onk^{c}

Род-Дат. Вин. Simonenç tat^{u}onç

Отл. Simonençiç tat^{u}onçiç

Тв. Simonençōv tat^{u}onçōv

Местн. Simonençəm tat^{u}onçəm

pl. tantum

Примечание 1. Склонение неопределенного наклонения как имени в единственном числе тождественно с классом слов на -i, как, напрнмер, им. вин. util-ə (поеданне), род.-дат. utelu, отл. uteluç, тв. utelōv и местн. uteləm, а во множ. числе с классом на согласные (и на ē, ō, u), как— им. вин. utilner-ə, род-дат. utilneri и пр.

Примечание 2. По приводимым типам склонения, естественно, следуют и все заимствования, как-то: слова на согласные (и на ē, ō, u) по типу k^{c}ar и taxtag, слова на -a по типу čamp^{c}a и слова на -i по типу v^{u}ort^{c}i.

§ 29. Отклонения от нормы. Есть довольно значительное количество слов, которые отступают в тех или иных частностях от соответственных типов нормального склонения.

---

[1] Односложные на -i образуют им. п. мн. ч. и просто на -an (j^{c}iyan, t^{c}i(y)an...), образуя прочие падежи по норме.

[2] Склонение фамилий на -onk^{c} тождественно с -enk^{c}; разница же их образования обусловлена тем, что фамилии на -onk^{c} суть производные от имен на -i, как Čalabonk^{c} от Čalabi, ɣap^{c}ançonk^{c} от ɣap^{c}ançi и пр., тогда как во всех прочих случаях производятся на -enk^{c}, напр., от bōša (цыган) -Bōšenk^{c} „Цыгановы", от Aziz (собст. имя)—Azəzenk^{c} и пр. В селе Ошакан на место ашт. -enk^{c} произносят -ank^{c}, и, с этой стороны, быть может ашт. zērank^{c} не есть ашт. форма.

При этом оказывается, что эти отклонения, являющиеся большей частью архаическими переживаниями, не только свойственны отдельным словам, вместе взятым, но и целым категориям слов, сродных по тем или иным признакам.

Таковы случаи «отклонения от нормы», во-первых, в целых категориях сродных слов:

а) Ряд слов, как dᶜuť (дверь), mug (мышь), jᶜug (рыба) kuť [рука (до кисти)], ung (ушко, рукоять), yez (бык), gᶜať (ягнёнок), vᵘot (нога) и пр., имевших в прежнее время согласное n склонение (=класс. *գառն, մատն, ձեռն...*), ныне должны были следовать полностью по «i склонению», но продолжают еще удерживать некоторые особенности этого старого n склонения. Так, хотя конечное n ныне и исчезло в ед. ч. всех таких слов (в случаях после согласных), однако в образовании мн. ч. оно всегда проявляется, как dᶜəťn-er, məgn-er, jᶜəgn-er и пр. (по «i скл.»), где это n нельзя смешивать с n суф. мн. -ner для многосложных слов.

Единственное же число таких слов, лишаясь конечного n (перед согласным), естественно теперь следует по «i склонению», каково склонение большинства из них, как—yez, gať, vᵘot, mat (палец), jᶜeť (рука), bᶜeť (ноша, вьюк), aᶜpᶜ [край сада)], kat (молоко)[1], hars (невеста) и пр. (род.-дат. yezi, gᶜaťi, vᵘoti.., отл. yezіç, gᶜaťіç и т. д.), и только семь слов—duť, mug, jᶜug, kuť, ung, nuť (гранат) и cung (колено) наряду с современным „i склонением" (род-дат. məgi, jᶜəgi.., отл. mᶜəgіç, jᶜgіç и т. д.) удерживают ещё чаще архаичную форму для род-дат.—dᶜeťan (нет dᶜəťi), məgan, jᶜəgan, kəťan и пр., откуда и другие падежи—dəťniç, məgniç, dᶜəťnōv, məgnōv ..и dᶜəťnəm, məgnəm... Ту же старую форму род-дат. падежа проявляет изредка и слово aseɣ 'иголка' (=кл. *ասեղն*)—род.-дат. asxan (при обыкн. asxi), но прочие падежи только от им. n, asxіç-asxōv, asxəm.

---

[1] Слово katᶜnōv (молочная каша), как тв. п. от основы katᶜn есть или не ашт. форма, или, быть может, образовалось еще в ту пору, когда katᶜ «молоко» имело и косвенные *-katᶜa, *katᶜniç, katᶜnōv и *katᶜnəm. Ср. также katᶜnavunç [<*katᶜnōvunç]—род „молоком месимого" хлеба, от „молоко" и *հունդել* „месить".

в) Все собственные имена городов и сел имеют в род.-дат. и отл. падежах окончание -a или -va, последнее в том случае, если эти имена оканчиваются в им. п. на -i, как, например: Uᶜšagan (им.), Uᶜšagna (род.-дат.-отл.), Uᶜšagnōv (тв.), Ušagnəm (местн.) или Pᶜarbi (им.), Pᶜarbᶜva (род.-дат.-отл.), Pᶜarbōv (тв.), Pᶜarbᶜəm (местн.). Реже заменяется это -a(va) окончанием -u, как Uᶜšagnu, Pᶜarbu (род.-дат. отл.), а ещё реже бывает в частностях отл. п. на -uç, как Uᶜšagnuç, Pᶜarbuç.

с) Все имена времени, на что бы они ни оканчивались, как — tari (год), amis (месяц), šapᶜatᶜ (неделя), ōr (день), aᶜɬavod (утро), iᶜrigun (вечер), kᶜəšer (ночь), çereg (день), ašunkᶜ (осень), gᶜarunkᶜ (весна), jəmeɬ (зима), amaɬ (лето), ēᶜɬēg (вчера), yekᶜuj [eᶜkᶜuj (завтра)], heru (прошлый год), həmi (теперь, нынешнее время), aᶜɬaç и aᶜɣakᶜ (раньше, прежнее время), ye(r)pᶜ (когда?), kiragi (воскресенье), ērkušapti (понедельник) и др., или заимствования — vaxt (время), səhatᶜ (час) и пр. — все они имеют в род.-дат. окончание -va, отл. -vaniç при нормальных тв. -ōv и местн. -əm, как, например, tari, tarva, tarvaniç, tarōv, tarəm, или kᶜəšer, kᶜəšerva, kəšervaniç, kəšerōv и kəšerəm.

Слово ōr может иметь род.-дат. и отл. и по i скл. (ori, oriç), но сложные əsōr (сегодня), mēk'elōr (позавчера), ēlōr (послезавтра) и gᶜalōr (попослезавтра) имеют только род.-дат. на -va и отл. на vaniç. Также употребительны: amsi (род.-дат.) и amsiç (отл.), šapti (род.-дат.) и šaptiç (отл.), taru (род.-дат.), taruç (отл.)

Слово iᶜrigun в род.-дат. и отл. отбрасывает -un, как irigva (род.-дат.), iᶜrigvaniç (отл.), но ᶜirignuç (отл.), ᶜirignōv (тв.), ᶜirignəm (местн.), мн. ч. iᶜrigner (по i скл.).

Множественное число образуется по соответственным нормальным типам склонения (tarikᶜ, aməsner > amsəner, šapᶜatᶜner > šapᶜtəner, ōrer...), только не имеют мн. ч. — ēᶜrēg, ēᶜkᶜuj (yekᶜuj'), heru, həmi, aᶜɬaç (aᶜɣakᶜ), ye(r)pᶜ.., лишенные также тв. и местн. п. ед. ч., что, быть может, нужно объяснить их адвербиальностью.

д) Имена существительные, оканчивающиеся на -u и следующие нормально -i склонению, превращают в тип скло-

нения это -u в -(ə)v-, как, напр., jᶜu (яйцо), jᶜəvi (род.-дат.), jᶜəviç (отл.)..., katu (кошка), kadvi (род.-дат.), kadviç (отл.)..., а во множественном числе—jᶜəver (jᶜəveri, jᶜəveriç..), kadvənər (kadvənəri, kadvənəriç)—ср. также lizvənər [языки (от ед. ч. lizu, lizvi, lizviç..)], aᶜfvənər [ручьи (от ед. ч. aᶜfu, aᶜfvi..)], çalvənər [терновые кустарники (от ед. ч. çalu, çalvi=тур.)] и др. Но, в исключение от нормы, все трехсложные (и более) слова на -u во мн. числе прибавляют суф. -ər, а не -nər, как—gᶜərandu [коса (для косьбы)]—мн. ч. gᶜərandəvər, pᶜəsaçu (жених)—мн. ч. pᶜəsaçəvər, xörövacaçu (мясо для шашлыка)—мн. ч. xörövacaçəvər и пр. Слово xörövu [сжаренный мелкий скот (целиком)] имеет во мн. ч. xörövənər или чаще xörövukᶜ (косв.—xörövəkᶜanç,—kᶜançiç..), а не „xörövəvər".

Из „исключений" от нормы, распространяемых на отдельные слова, известны:

а) Слова—hər (отец), mər (мать), axpər (брат), kᶜesur (свекровь), təkᶜr (деверь) и həngər (товарищ) имеют в род.-дат. (и вин.)—hör, mör, kᶜesör, təkᶜör, həngör, axpör, откуда образуются и остальные падежи с окончаниями -iç (отл.), -öv (тв.) и -əm (местн.), как höriç, möriç.., hörəv..., mörəv, hörəm, mörəm.

Множественное число образуется от им. п. ед. ч., как—hərnər, mərnər, kᶜesərnər, axpərtinkᶜ, təkᶜrtinkᶜ и həngərtinkᶜ, причем первые три склоняются правильно (по I склон.), а следующие три в род.-дат. (вин.)—axpörtanç, təkᶜörtanç и həngörtanç, откуда и прочие падежи с -iç, -öv, -əm (axpörtançiç.., axpörtançöv и axpörtançəm).

Слово kᶜir (сестра) имеет в род.-дат. (вин.) kᶜəvᵘor, откуда—отл. kᶜəvᵘoriç, тв. kᶜəvᵘorəv и местн. kᶜəvörəm, а множественное число: им. kᶜəvᵘortinkᶜ, род.-дат. (вин.) kᶜəvᵘortanç, откуда — kᶜəvᵘortançiç, тв. kᶜəvᵘortançöv и местн. kᶜvᵘortançəm.

б) Слова—šun (собака) и tun (дом) имеют в род.-дат.—šan и tan, откуда отл. šaniç и taniç, тв. šanöv и tanöv и местн. šanəm и tanəm; tun может иметь в тв. и təpöv в выражениях „təpov teŋöv" [букв. „домом-местом" resp. (всем домом)] и təpövi id., ставших уже наречиями. Слово же

sin [столб (=класс. *սիւն*)] имеет в род.-дат. san и sənі, отл. saniç и sənіç, тв. sanōv и sənōv и местн. sanəm и sənəm, из них sanōv и sanəm сравнительно редки мн. ч. обоих—sener и təner (по I скл.).

ɣ) Слова axçig (девочка, дочь) и kənig (женщина, жена) имеют в род.-дат. axçəga и kənga, отл. axçəganiç и kənganiç, тв. axçəganōv и kənganōv и местн. axçəganəm и kənganəm. Множественное число от axçig—им. axçəg'ek^{c} и axçəg'erk^{c}, род.-дат. axçəg'ek^{c}anç и axçəg'eranç, отл. axçəg'ek^{c}ançiç и axçəg'ərançiç, тв. axçəg'ek^{c}ançōv и axçəg'ərançōv, местн. axçəg'ek^{c}ançəm и axçəg'erançəm; множественное число же от kənig будет kənanik^{c} с двойным род.-дат. kənan^{u}onç и kənank^{c}anç, откуда также двойная форма—отл. kənan^{u}onçiç и kənanək^{c}ançiç, тв. kənan^{u}onçōv и kənanək^{c}ançōv, местн. kənan^{u}onçəm и kənanək^{c}ançəm.

в) Слово mart^{c} (человек), склоняющееся в ед. ч. по I склонению, во мн. ч. имеет mart^{c}ik^{c} (люди) (=класс. *մարդիկ*), в род.-дат. martkanç и marik'eranç, отл. martkançiç и martik'ərançiç, тв. martkançōv и martik'ərançōv, местн. martkançəm и martkerançəm.

г) Слово Ast^{u}oj (по литер. Astvaj) (бог) имеет в род.-дат. Assu [<*Ascu<*Astcu], в отл. Assaniç, тв. Assanōv и местн. Assanəm.

д) Слово tēr (владелец, хозяин) имеет в род.-дат. tirv^{u}onç[1], отл. tirv^{u}onçiç, тв. tirv^{u}onçōv и местн. tirv^{u}onçəm.

е) Слова kaši (кожа) и ērēxa (дитя) отступают от своих нормальных типов тем, что kaši помимо и склонения (kašu, kašuç..., мн. ч.—kašik^{c}, kaš^{u}onç и kašək^{c}anç и пр.) имеет в ед. ч. и склонение по I склонению с вставляемым v, как род.-дат. kašvi, отл. kašviç, тв. kašvōv, местн. kašvəm. Слово же ērēxa не следует в ед. ч. i скл., как было бы по норме, а и скл., как род.-дат. ērēxu, отл. ērēxuç и пр.; мн. ч. правильно—ērēxek, ērēxēkanç и пр.

---

[1] Эта форма tirv^{u}onç (<tiroj=класс. *տիրոջ*) сокращается в брани в tərənç (напр., tərənç hōr „отцу владельца...). Встречается и форма tiru (род.-дат.), употребляемая также в брани.

ж) Слово kətur (крыша) при нормальном склонении (по i скл.) имеет еще местн. п. kəter, что, быть может, свидетельствует о первоначальной форме им. п. *ktewr (§).

§ 30. Некоторые окаменения падежообразования. Из окаменелых форм падежообразования следует заметить, во-первых, старые отложительные на -ē, как kʿarē (от kʿar „камень"), mazē (от maz „волос") и др., ставшие в сознании говорящего скорее прилагательными (kʿarē pat „каменная стена", mazē karmun] „волосяной мост"...).

Рассмотрение этого ē, как развитие старого суффикса притяжательных прилагательных -eay (класс. *հրաչեայ* „огненноглазый", *հակոտնեայ* „антиподный", *պաշտօնեայ* „служащий") представляется нам менее возможным. Более явственно это отложительное ē в осложнении с v, как calvecal, tayvētag и пр., где -vē имеет значение „от-до".

Затем, окаменелыми формами известных падежей являются адвербиальные səɣɣalēn (скользя) (от səɣɣal „скользить"), dʿoɣalēn [дрожа (от dʿoɣal „дрожать")]... с другой стороны—mangalēn [гуляя, ища (от mangal)], utelōn [едя (от utel)] и т. д.[1], где формативы -ēn и -ōn, имея несомненное осложнение с n (определённый член), подобно класс. *կրամբողին* (стаями), *գլխովին* (поголовно) и пр. (см. Н. Марр, Грам. др.-арм. яз.), представляли в своих -ē- и -ō- также известные падежные образования, вероятно, отложительного (-ē) и творительного (<aW?) падежей; ср. обыкновенные adverbia səɣɣalōv, dʿoɣalōv, mangʿalōv, utelōv, имеющие те же значения (=русск. деепричастию наст. вр.). Наконец, аналогичные причастно-адвербиальные образования на -us и -is, как, например, utelus или utelis (во время еды, при еде), представляют старый местн. п. (мн. ч.) с его характеристикой -s[2].

---

[1] Образования на -on более часты, чем на -ēn, и, видимо, образования с -en были свойственны только средним глаголам.

[2] Такой же «окаменелый» местн. п. представляют так называемые современные *ետևի ժամանակի տրական*, т. е. дательный места и времени, как, напр., uʿsis (на моем плече), vaxtin (во-время), где это окончание -i (для местн. п. случайно сошлось с -i дат. падежа.

Б. ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

§ 31. Аштаракское имя прилагательное, как и вообще во всех современных наречиях и говорах, ставится впереди имени существительного и не согласуется с последним ни в падеже, ни в числе. Однако зачастую бывает, что прилагательное употребляется, так сказать, самостоятельно, а именно, когда имя существительное только что упоминалось и второй раз опускается или когда оно само собой разумеется: в таком случае прилагательное замещает в себе функции существительного по нормам этого последнего, например, kuštə sovacin mandr kə pᶜəɾtᶜi [сытый голодному мелко накрошит (посл.)], ǰᶜəmērəgi karmirə dᶜeɣəniç(ə) kᶜaɣçr-a ləm [красный (вид) арбуза слаще жёлтого] и др.

Прилагательное uzvⁿor (нищий), bᶜərnavⁿor (арестованный), əngnavⁿor (одержимый падучей болезнью), axkad (бедный), çurd (холодный) и пр. употребляются и как самостоятельные существительные. Таким образом, склоняемость прилагательного зависит от его роли в предложении: прилагательное не склоняется, когда находится при существительном, и склоняется, когда оно употребляется самостоятельно, заменяя собой существительное.

Удвоение прилагательного, т. е. его повторение, приобретает вообще не интенсивно-усиливающее значение, а так сказать умножительное, и потому существительное при таком повторенном прилагательном ставится во множественном числе, как, например, — sur sur kᶜarer (острые камни), lav lav ǰᶜərer (хорошие воды), m′em′enǰ (или реже m′enǰ menǰ) xənǰⁿorner (большие яблоки) и пр. В единичных случаях, как bᶜançr bᶜançr tun (очень высокий дом), candr candr kᶜar (очень тяжелый камень) повторение прилагательного имеет усилительное значение, приобретая еще особую интонацию.

Других каких-либо морфологических изменений аштаракское имя прилагательное не терпит, ни в образовании степеней сравнения, ни наречий, — явление, свойственное всем современным наречиям и говорам, не исключая и древнеармянского языка. Естественно, однако, что такое отсутствие чисто морфологического образования степеней сравнения

прилагательного или наречия должно иметь свое синтаксическое выражение, и, например, значение обыкновенной «сравнительной степени» прилагательного нормально передается через ту же «положительную степень», сочиняемую либо с отл. п. сравниваемого предмета, либо с прибавлением kᶜan(tᶜe-) или kᶜans(tᶜe-)[1] (чем) к форме сравниваемого предмета, как Masisə Alagyaziç bᶜançr-a (Масис выше Алагяза) или Masisə bᶜançr-a kᶜan(s) (te) Alagyazə (Масис выше, чем Алагяз), yes nran mᵘodig em kan(s) (tᶜe) kᶜez [я ему ближе, чем тебе (=yes nran kᶜezniç mᵘodig em)] и пр.;[2] значение же „превосходной степени" передается прибавлением əndarі „всех" (род. от əndar „столько") к форме „положительной степени", как vartᶜə caɣigneri(ç) (род. или отл.) ndarі sirunn-a (роза самая красивая из цветов).

В заключение следует отметить, что аштаракские притяжательные прилагательные типа на -in, как Sarkᶜs-in-ə „Сергеин", Karap(ə)t-in-ə „Карапетин" („Карапетов"), hayrəg-in-ə [папин (от hayrig „папа")] и пр. склоняются, в противоположность литературному языку, по всем падежам единственного числа, имеющим, однако, и значение множественного и употребляются всегда самостоятельно, заменяя подразумеваемое существительное, как, например, sapognerəs maš-vel in—hayrəginövs -i man gᶜali (мои сапоги износились—ходил в моих папиных), Sarkᶜis ira popokᶜner tᶜoɣel er Karap(ə)tiniçn ēr vērnəm [Сергей свои орехи оставил (=оставивши)—брал от Карапетовых] и т. п.

---

[1] Следовательно, для данного сравнительного «чем» в Аштараке возможны четыре формы—kᶜan, kᶜan tᶜe, kᶜans и kᶜans tᶜe. Формы с kᶜans передаются в произношении еще как kᶜanz(tᶜe), kᶜanç(tᶜe), а то и kaz(tᶜe) (կաց(քէ)).

[2] В комбинациях последнего рода, т. е. когда два предмета сравниваются по свойству вне их, зачастую ставится ēveli (более) или тур. dəha (ещё), как yes nran ēveli (dəha) mᵘodig em kᶜan(s) (tᶜe) kᶜez с тем же значением как и без этих ēveli или dəha; но в комбинациях Masisa Alagyaziç bᶜançr-a прибавление ēveli или dəha придает значение (еще более) и имеет в виду два сравнения: а- выше в, но с еще выше в (еще более высок чем в).

В. ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

§ 32. Рассматривая аштаракское (resp. араратское) имя числительное, имеющее, как и всякое числительное, либо функции прилагательного, либо наречия, мы находим в нем следующие общие и характерные свойства. В отличие, например, от древнеармянского языка, аштаракский говор не имеет ни оформленных порядковых числительных, ни их синтаксического выражения, и, таким образом, совершенно обходится без этого вида числительных, что весьма характерно для языкового развития самого говора; литературные aᶜŧaǰi(n), yergrort, yerrortᶜ и пр. еще живо дают чувствовать свою привносность и чуждость данному говору (кроме, быть может, aᶜraǰi(n) «первый») и массы Аштарака пока не привились. Различные же виды числительных-наречий на вопросы: сколько раз, по скольку, в который раз и пр., имеют только описательное образование от основных количественных при помощи различных словечек, а не формативов — суффиксов.

§ 33. Основные числительные — количественные, употребляясь как прилагательные, т. е. либо с существительным, либо заменяя последнее, сообразно с этим имеют и две формы, а именно: формы, заменяющие существительные, наращаются определенным членом ə(n), кроме ērku (два) и оканчивающихся на него. Таковы количественные числительные, находящиеся при существительном:

mi (один)	kᶜəsanəmin (двадцать один)
ērku (два)	kᶜəsanērku (двадцать два)
irekᶜ (три)	kᶜəsanirekᶜ (двадцать три)
ç̌ʷors (четыре)	kᶜəsanəç̌ʷors (двадцать четыре)
hing (пять)	yeresun (тридцать)
veç (шесть)	yeresnəmin (тридцать один)
oxtə (oxtn-l) ‘семь’	yeresnērku (тридцать два)
utᶜ (восемь)	kaŧasun (сорок)
innə<*inə (inn-l) ‘девять’	kaŧasnəmin (сорок один)
tassə<*tasə (tasn-[1]) ‘десять’	iççun (пятьдесят)

[1] Перед гласными, например, tasn ör (десять дней), oxtn axčig (семь девочек) и пр. это n коренное, ср.=класс. *հ, իր, տասն.*

tasnəmin (одиннадцать)	iççənəmin (пятьдесят один)
tasnērku (двенадцать)	vaççun (шестьдесят)
tasnirekᶜ (тринадцать)	vaççənəmin (шестьдесят один)
tasnəçᵘors (четырнадцать)	oxtanasun (семьдесят)
tasnəhing (пятнадцать)	oxtanasnəmin (семьдесят один)
tasnəveç (шестнадцать)	utᶜanasun (восемьдесят)
tasnoxtə (семнадцать)	inisun (девяносто)
tasninnə (девятнадцать)	hārir (сто, сотня)
kᶜ(ə)san (двадцать)	hazar (тысяча)

Также образуется и более сложные числительные, как, например, erku harir kᶜaŧasnəveç (двести сорок шесть), hing hazar oxtə harir çᵘors (пять тысяч семьдесят четыре) и т. д., так что сперва ставятся тысячи, потом сотни и наконец десятки и единицы.

Звук ə в сложных tasnəmin, tasn çᵘors и пр. получился из старого u (=русск. у), значащего 'и' (союз), и почти всегда выпускается начальным гласным единиц, как tasnērku, tasnirekᶜ, kᶜ(ə)sanōxtə и т. п.,— произношения tasnəērku, tasn irekᶜ... редки.

Формы количественных числительных, заменяющих подразумеваемое существительное, представляют вышеприведенные числительные, наращаемые определительным членом ə(n), хотя и с известными поправками, а именно: minə, ērkusə (реже ērkunə)[1], irekᶜə, çᵘorsə, hingə, veççə, oxtə, utᶜtᶜə, innə, tassə, tasnəminə, tasnērkusə и т. п. Перед гласными следующего слова эти числительные с ə заменяют последнее на -n, как minn-el-a çēkan (çēkan) [ни один (никто) не пришёл], n(ə)rançiç ērkusn -in mere(l) (из них двое были помершими) и т. п. Формы oxtə (oxtn), innə (inn) и tassə (tasn) являются и самостоятельными и не самостоятельными, ибо новое ə (n) не прибавляется, но зато для случаев самостоятельного употребления конечное ə (n) морфологизируется с определительным ə (n), как, напр., oxtn axpēr (семь братьев), но iᶜra popokᶜneriçə oxtn—uzmēr inj ta

[1] Местный п. mənəmə значит также 'сразу, с одного раза' является наречием.

[из своих орехов он семь хотел отдать мне (в первом oxtn n коренное, во втором n определ. член)].

Склоняются количественные числительные естественно тогда, когда употребляются самостоятельно, заменяя подразумеваемое существительное, и, следовательно, основами для склонения должны явиться только что приведенные формы самостоятельного употребления количественных числительных. Склоняются же все они по «i» склонению, как, например, min-ə [один (им.)], məni (род.-дат.), məniçə (отл.).., erkus-ə [два (им.)[1], erk(ə)si (род.-дат.), ērkəsiç-ə (отл.) и т. п.; множественное число имеют только harir (сто, сотня)—harərner (сотни) и hazar (тысяча)—hazarner [тысячи (по „i" скл.)].

§ 34. Наречия — числительные (adverbia numeralia) нашего говора образуются описательно от количественных и отвечают на вопросы по скольку, сколько раз, в который раз. В первом случае, т. е. на вопрос — по скольку, количественное числительное повторяется, например, ērku-ērku (по два), tassə-tassə (по десяти).., причем вместо min-min (по-одному); напр., min-min in galis (шли по-одному, поодиночке), так же употребляется had-had (произносится hatᶜ-hatᶜ) от had [штука (=древн. հատ)]. а выражение mi-min значит „иногда". Во втором случае, т. е. на вопрос—сколько раз, к количественному прибавляется слово het [раз (самостоятельно не употребляется)], как mi het (однажды), erku het (дважды, два раза), irekᶜ het (три раза, трижды), kᶜani het (сколько раз?)[2].

Наконец, образования ura erk(ə)səmə, vra irekᶜəmə, vra çᵘorsəmə и пр.[3] значат во второй раз, в третий раз,

[1] Форма ērkus-ə (им.) есть старый вин. п. от им. мн. ч. erkukᶜ, встречаемого в других наречиях. Подобное же s предлежит и в kᶜanis-ə (сколько), напр., jᶜezanіç kᶜanisn-in ek'e(l) (из вас сколько пришло), но kᶜani mart kar (сколько человек было?).

[2] Образование с ankᶜam (< ա՛նգամ), как mi ankᶜam, erku ankᶜam и пр. суть литературное нововведение и редко употребляемо даже у местной интеллигенции, а народу и совсем неизвестно. Отчасти слово het (раз) заменяется чисто аштаракским же hankᶜ (прием, крат, раз), особенно в mi hankᶜ [раз (mi hankᶜəmə) сразу].

[3] Vra mənəmə (на первый раз) не употребительно.

в четвертый раз и пр., будучи составлены из vra (на) и местного падежа количественных числительных. Пожалуй, это единственный случай, где смутно выступает значение порядкового числительного.

Г. МЕСТОИМЕНИЕ

§ 35. В отделе аштаракских местоимений мы будем рассматривать как местоимения в собственном значении, так и местоименные наречия. Система их, собственно говоря, общеармянская и разве только в некоторых частностях представляет характерные особенности, имеющие большое значение для историко-лингвистического освещения армянского местоимения вообще.

Из собственных местоимений нашему говору, присущи — личные, притяжательные, указательные, вопросительные, относительные, неопределенные и взаимные местоимения, представляющие собой следующее.

§ 36. Личные местоимения суть — yes (я), m'enkᶜ (мы), dᶜu (ты) и dᶜukᶜ (вы), а функции личного местоимения 3-го лица исполняют sa, dᶜa, na, смотря по тому, находится ли это третье лицо близ говорящего, т. е. у 1-го лица (sa), близ 2-го лица (dᶜa) или безотносительно (na), хотя формально эти sa, dᶜa, na должны быть относимы к указательным местоимениям, применимо только к людям (sa „этот близ меня", dᶜa „этот близ тебя", na „тот"). К личным же (III л.) мы относим и ᶜink'ə (сам, он сам). Таково их склонение.

Единственное число

Им.	yes	dᶜu	na	ᶜinkᶜə
Род.	im	kᶜu	nra	ᶜir, ᶜira
Дат.-Вин.	inj	kᶜez	nran	ᶜiran
Отл.	injniç	kᶜezniç	nraniç	ᶜiraniç
Тв.	injnöv	kᶜeznöv	nranöv	ᶜiranöv
Мести.	injnəm	kᶜeznəm	nranəm	ᶜiranəm

Множественное число

Им.	m'enkᶜ	dᶜukᶜ	nrankᶜ	ᶜirankᶜ
Род.	m'er	jᶜer	nranç	ᶜiranç
Дат.-Вин.	m'ez	jᶜez	nranç	ᶜiranç
Отл.	m'ezniç	jᶜezniç	nrançiç	ᶜirançiç
Тв.	m'eznöv	jᶜeznöv	nrançöv	ᶜirançöv
Местн.	m'eznəm	jᶜeznəm	nrançəm	ᶜirançəm

Подобно na склоняются и sa, dᶜa как род. sra, dra, дат.-вин. sran, d'ran, отл. sraniç, d'raniç..., мн. ч.—им. srankᶜ, dᶜrankᶜ, род. дат. вин. sranç, dranç, отл. srançiç, dᶜrançiç и т. д. Формы injniç, injnöv, injnəm, kᶜezniç, kᶜeznöv и kᶜeznəm имеют в Аштараке параллельные—injaniç, injanöv, injanəm, kᶜezaniç, kᶜezanöv, и kᶜezanəm, представляющиеся не столь чисто аштаракскими.

§ 37. Притяжательными местоимениями служат формы род. п. от личных местоимений ед. и мн. ч., т. е. im (мой), m'er (наш), kᶜu (твой), jᶜer (ваш), nra [его (и sra, dᶜra id.)], nranç [их (и sranç, dranç id.)], ᶜira (свой, son) и ᶜiranç (свой, leur). Они употребляются как прилагательные, т. е. либо находятся с существительным и тогда не склоняются, либо заменяют это существительное и тогда склоняются, принимая определенный член ə (n) ко всем своим падежным формам, кроме род. п.; причем местоимения, оканчивающиеся на гласную, как kᶜu, sra, dᶜra, nra и ᶜira, прибавляют этот определенный член к склоняемым основам kᶜun-, nran- (sran-, dran-) и ᶜiran-, т. е. имеющим наращение u. Так что при самостоятельном употреблении этих двенадцати притяжательных в качестве существительных их им. п. будет иметь форму im-ə, m'er-ə, kᶜun-ə, j er-ə, nran-ə (sran-ə, dᶜran-ə), nranç-ə (sranç-ə, dᶜranç-ə), iᶜran-ə и iranç-ə, род. п.—imi, m'eri. kᶜuni.., дат. п.—imi-n, m'eri-n, kᶜuni-n.., отл. imiç-ə, m'eriç-ə, kᶜuniç-ə.. и т. д. Множественное число имеет образование: им. п.—imᵘonkᶜ-ə, m'eronk-ə, kᶜunonkᶜ-ə, jᶜeronkᶜə, nranner-ə (sranner-ə, dᶜranner-ə), nrançner-ə (srançner-ə, dᶜrançner-ə), iᶜranner-ə и iᶜrançner-ə, род. п.—imᵘonçi, m'eronçi, kᶜunonçi, jᶜeronçi, nranneri.., дат. п.—imᵘonçi-n,

meronçi-n, kᶜunonçi-n. jᶜeronçi-n, nranneri-n.., отл. п.—imⁿonçiç-ə, m'eronçiç-ə, kᶜunonçiç-ə, jᶜeronçiç-ə, nranneriç-ə.., и пр.

Склонение мн. ч. sranner-ə, dᶜranner-ə, nranner-ə, srançner-ə, dᶜränçner-ə, nrançner-ə и iranner-ə мало употребительно, ибо их единственное число, понимаясь собирательно, может заменять и множественное. Первые же четыре притяжательные—imⁿonkᶜ-ə, m'eronkᶜ-ə, kᶜunonkᶜ-ə и jᶜeronkᶜ-ə зачастую имеют параллельное склонение через imⁿonkᶜner-ə, m'eronkᶜner-ə, kᶜunonkᶜner-ə и jeronkᶜner-ə (род. imⁿonkᶜneri.., дат. imⁿonkᶜneri-n, отл. imⁿonkᶜneriç-ə и т. д.). Формы m'eronkᶜ и jᶜeronkᶜ с род.-дат. m'eronç, jᶜeronç, отл. m'eronçiç, jeronçiç и пр. означают родню (родственников) для I и II л. ед. и мн. ч., напр., m'eronkᶜ əsör ək'el çin [мои (наши) родственники сегодня не пришли)]; imⁿonkᶜ и kᶜunonkᶜ в таком употреблении и склонении (без члена) не встречаются.

§ 38. Указательные местоимения—ēs [этот (для I л.)], ēt [этот (для II л.] и ēn (тот) либо употребляются совместно с существительным и тогда не склоняются, либо же имеют самостоятельное употребление, на правах существительного (без члена), склоняясь следующим образом:

Единственное число

Им.	ēs	ēt	ēn
Род.	(ə)stu	ətu	əndu
Дат.	(ə)stun, (ə)stur	ətun, ətur	əndun, əndur
Отл.	(ə)stuç, əstuçig	ətuç, ətuçlg	ənduç, ənduçig
Тв.	(ə)stōv	ətōv	əndōv
Местн.	(ə)stə'm	ətə'm	əndə'm

Множественное число

Им.	(ə)stonkᶜ	ətonkᶜ	əndonkᶜ
Род.-дат.	(ə)stonç	ətonç	əndonç
Отл.	(ə)stonçiç	ətonçiç	əndonçiç
Тв.	(ə)stonçōv	ətonçōv	əndonçōv
Местн.	(ə)stonçəm	ətonçəm	əndonçəm

Форма дат. п. əndur, являющаяся как и (ə)stur и ətur старым род. п., имеет еще адвербиальное употребление в значении 'потому, потому-то, то-то' (напр. əndur-a ətenç tᶜəz-tᶜəz galis hă „то-то" „потому-то" он так часто ходит), а выражение əndur vᵘor значит „ибо, потому что, так как".

§ 39. Вопросительные и относительные местоимения выражаются одними и теми же словами, а именно—ōv (кто), inç̌ (что), vᵘor (который) и um (чей).

Вопросительная или относительная категоризация последних характеризуется чисто синтаксически, т. е. употреблением их в предложении, да разницей еще в интонации. Из этих четырех местоимений первые два— ōv и inç̌ функционируют в роли существительного, а vᵘor и um — в роли прилагательного; следовательно, эти vᵘor и um могут склоняться только тогда, когда заменяют существительное и в таком случае они всегда принимают определенный член, что относительно vᵘor весьма характерно для нашего говора.

Местоимения ōv, inç̌ и vᵘor-ə склоняются только в единственном, а um-ə и во множественном, например:

	Единственное число			Множественное число	
Им.	ōv	inç̌	vᵘor-ə	um-ə (чей)	umᵘonkᶜ-ə (чьи)
Род.	um	ənç̌i	vᵘori	umi	umᵘonçi
Дат.	um	ənç̌in	vᵘorin	umin	umᵘonçin
Отл.	umniç	ənç̌iç	vᵘoriç-ə	umiç-ə	umᵘonçiç-ə
Тв.	umnōv	ənç̌ōv	vᵘorōv-ə	umov-ə	umᵘonçōv-ə
Местн.	umnəm	ənç̌əm	vᵘorəm-ə	uməm-ə	umᵘonçəm-ə

Вопросительно-относительное um (чей) имеет собственно притяжательный характер, будучи образовано от род. п. местоимения ōv (кто), подобно притяжательным im, mer, kᵉu и пр. и потому правильнее было бы это um (чей) назвать притяжательно-вопросительным и притяжательно-относительным местоимением.

Местоимение inç̌ (что) при сочинении с существительным имеет значение 'что за, какой', например, Aᶜštarag inç̌ havᵘoγ uzes ka [в Аштараке есть какой угодно виноград

(буквально в Аштараке какой виноград (ни) захочешь есть)], et inč martᶜ a ekʻe(l) (это что за (какой) человек пришел) и т. п.

Относительные ōv, inč, vⁿorə и ittə, как и их склоняемые формы, могут принять энклитику vⁿor, которая придает, пожалуй, обобщающе-неопределенный оттенок, например, um vⁿor tenes harçru (кого ни увидишь—спроси), vⁿorə vⁿor lavn a ēn verçra (которое—хорошее, то бери) и пр., хотя даже для такого понимания эта энклитика не обязательна и может не быть.

§ 40. Неопределенными местоимениями являются ōkᶜmin (personne, кто-то, никто), aᶜmen или aᶜmen mi (всякий, каждый) и ōčōvi (никто). Из них okᶜmin склоняется по -i склонению (род.-дат. okᶜməni, отл. okᶜməniç и пр.) и то только в единственном числе, aᶜmen и amen mi не склоняются, если употребляются как прилагательные, а в роли существительных склоняются с определенным членом, как им. aᶜmenə, род. aᶜmeni, дат. aᶜmenin, отл. aᶜmeniçə (тв. и местн. мало употребительны), мн. ч.—им. aᶜm(m)ēkᶜə, род. aᶜm(m)ēkᶜi, дат. aᶜm(m)ēkᶜin, отл. aᶜm(m)ekᶜiçə, тв. aᶜm(m)ekᶜōvə (редко) и местн. aᶜm(m)ēkᶜəmə, а aᶜmen mi склоняется только в ед. ч.—им. aᶜmen minə, род. aᶜmen məni, дат. aᶜmen mənin, отл. aᶜmen məniçə и пр. Местоимение же ōčōvi не склоняется.

§ 41. Для взаимного местоимения имеем ᶜirar (друг друга), эта форма служит для выражения вин., род. и дат. падежей; есть еще отл. ᶜirariç и редкий тв. ᶜirarōv (местн. не употребителен), а множественного числа нет.

Взаимным местоимением может служить отчасти и довольно редко применяемое—minə məni (род.), minə mənin (дат. вин.) и minə məniçə (отл.), означающие собственно „один-одного", „один-одному" и т. д., напр., vⁿor nrankᶜ minə məniçə bᶜrʻnac əleim—ve çin əngni(l) [если бы они ухватились друг за друга (собств. один за одного)—не упали бы)]=vⁿor nrankᶜ ᶜirariç bᶜəṙnēin—vē çin əngni(l). А вообще нет ни одного случая специфического применения minə məni и пр. без возможности заменить обыкновенным взаимным ᶜirar.

§ 42. Рассматривая, наконец, аштаракские местоимен-

ные наречия, мы находим, во-первых, что они образованы от указательных и отчасти вопросительно-относительных местоимений, а, во-вторых, что они имеют, так сказать, полное адвербиальное употребление, выражая различные обстоятельства — места, времени и пр. Таковы прежде всего vᵘonç (как) и əsenç, ətenç и ənenç (так), образовавшиеся от старых *(v)o (кто) и ays, ayd, ayn, например, vᵘonç es [как поживаешь (собств. как еси)], vᵘonç uzm-en tᶜoγ ənenç-ēi anen (как хотят пусть так и делают), ətenç vᵘor mən-ēl karkutə gᶜa, m'enkᶜ vᵘonç[1] abrenkᶜ [если так еще раз пойдет град, (то) нам как (же) жить] и пр.; но эти местоименные наречия имеют и прилагательное употребление со значением 'каковой, какой'—'таковой, такой, как, например, ba na vᵘonç martᶜa vᵘor ətençneriçə vaxəm çi [а он какой (же) человек, что таких (лиц) не боится], ənenç ōkᶜmin ka vᵘor ənçar harir el çī karəm hambri [есть такие люди, что и до ста не могут сосчитать (=ənenç martᶜikᶜ kan vᵘor ənçankᶜ harir ēl çen karəm hambren)] и т. п.; ср. также тв. ətençov в адвербиальном употреблении 'таким путем, таким образом так' [например, ətençov bᶜan çi dᶜus gal (так ничего не выйдет)], а также адвербиальное ənenç vᵘor „так что", напр., ənenç vᵘor yes karal çi gᶜayi (так что я не мог прийти).

Морфологический характер—nç в vᵘonç, əsenç, ətenç и ənenç для нас неясен в отношении звука n—является ли этот -n основной частью морфемы или он новое явление, т. е. такое же развитие, как в menj (большой), axportanç (братьев) и пр.

Другие местоименные наречия это—hrēs (hresig) 'вот около меня', hrēt (hretig) 'вот около тебя' и hrē(n) (hrēnig) 'вон', показывающие обстоятельство места на вопрос „где" (=uᶜr „куда", „где", vᵘorde(γ) „где"). Формы hrēsig, hrētig и hrēnig эквивалентны по значению и употреблению с hrēs, hrēt и hrē(n), причем hrēn сплошь и рядом произносится и без -n, т. е. hrē.

Этимология этих местоименных наречий в отношении начального hr- не ясна для нас, а вторые—ēs, ēt, ēn суть

---

[1] Произносят и vᵘonc—uz(ə)m-en с *c*, а не ç.

указательные местоимения; морфологическое значение суф. -ig (<* -ik) теперь в сознании говорящих не выступает, чем и вызвано неразличение параллельных hrēs, hrēt, hrēn и hrēsig, hrētig и hrēnig, ср. класс. այսաւտիկ [вот (около меня)], այսաւտիկ [вот (около тебя)] и այսաւտիկ (вон).

К ряду местоименных наречий нужно отнести и dᶜes-ə (сюда), dᶜēd-ə в эту сторону (к тебе), dᶜēn-ə (туда) и dᶜə-vᵘor-ə (в какую сторону, по какой стороне). Образованы они из указательных ēs, ēt, ēn и вопросительно-относительного vᵘor, принимающих определенный член ə (n), и из предлога dᶜə [по направлению к—(=класс. ընդ)], причем выражение dᶜēn значит „прочь, подальше".

В заключение заметим, что выражения vᵘordē „где", stē- „здесь", ətē „тут" (близ тебя), əndē „там" и vᵘordian „откуда", stian „отсюда", ətian „от этого места" (близ тебя) и əndian „оттуда" представляются нам составными словами из указательных и вопросительно-относительного местоимений и dē//tē из deɣ<teɣ „место", ср. vᵘordeɣ „где", vᵘordeɣən „откуда", steɣ-steɣan и пр. (ətē<*ottē).

ГЛАГОЛ

ТИП СПРЯЖЕНИЯ

§ 43. Разбор аштаракской, resp. араратской глагольной системы в своем основном должен, в сущности, повторять известное из общеармянского спряжения. Тут общий интерес должно представлять освещение возникновения и образования своеобразных новых черт диалектического глагольного флектирования в связи с грабаром, что уже составляет предмет исторической грамматики армянских диалектов.

В своем современном состоянии аштаракское спряжение базируется на следующем типе флектирования: 1) через посредство глагольных временных основ с прибавлением флексий и 2) описательно, при помощи глагольных имен (nominalia) и вспомогательного глагола. Последний, т. е. описательный способ спряжения, выступающий уже в грабаре (ср. *ինձ եմ եւ*, *ինձ էի եւ*), исторически есть более новое яв-

ление, как показывает сравнительная грамматика, и первоначально единственным способом спряжения был первый, т. е. через посредство глагольных основ и флексий (времен, лиц, чисел и наклонений).

ВРЕМЕННЫЕ ОСНОВЫ

§ 44. Формирующими базисами для всех спрягаемых форм являются две глагольные основы времен или, так называемые «временные основы», а именно — основа настоящего времени и основа аориста, как, например, hasn-has- (достигать, зреть), pᶜaxĉ-pᶜax- (убегать), aɣ-aɣaç (молоть) и пр. От этих основ, как сказано, получаются все глагольные образования, т. е. как спрягаемые основы, так и глагольные имена (nominalia) и наречия.

Первоначально основа настоящего времени имела длительное и незаконченное значение в своем действии (actio infecta), а основа аориста—однократное и законченное (actio perfecta), но это теперь, естественно, не сознается, не различаясь даже в грабаре.

Основа настоящего времени дает следующие производные образования: а) основу настоящего и прошедшего времен желательного наклонения, которая употребительна и для предположительного и принудительного наклонений, как от основы pᶜaxçe—pᶜaxçem и pᶜaxçei, б) неопределенное наклонение, как pᶜaxçel, откуда причастные имена и наречия—pᶜaxçelu (причастие будущего времени), pᶜaxçelis или pᶜaxçelus (при убегании), pᶜaxçelōn или pᶜaxçelōv 'убегая' (деепричастие), в) „несовершенное" причастное имя, как pᶜaxçəm, образующее с вспомогательным глаголом настоящее и прошедшее несовершенное изъявительного наклонения, г) причастие настоящего времени, как pᶜaxçoɣ.

Основа аориста дает следующие производные образования: а) аорист, как pᶜaxa (я убежал), б) повелительное наклонение, как pᶜaxi (убеги), pᶜaxēkᶜ (убегите), в) обыкновенно причастия прошедшего времени, как pᶜaxel или pᶜaxac, г) побудительные глаголы, как pᶜaxçnel (заставить убежать, утащить).

I. Основа настоящего времени

§ 45. Основы настоящего времени и аориста образуются от чистой глагольной основы, т. е. от такой основы, которая неизменно входит во все глагольные формы, подвергаясь, конечно, действию ударения; так от kət-el (аор. kətᶜ-eç-i) 'доить' чистая основа будет kətᶜ-, получившаяся из-за перемещения ударения из kitᶜ- (ср. kovkitᶜ „горшок для доения коровы"), или əngn-el (аор. əng-a) 'упасть' имеет чистую основу əng-, получившуюся из ing- (ср. повел. ing „упади") и т. п. Известно, конечно, что эта чистая глагольная основа может совпадать с корнем глагола, но может и не совпадать, смотря по составу слова; так ср. упомянутые kitᶜ- и əng-, как основы-корни, но, например, в ǰᶜəvərtᵘor-el (растерзать), mᵘortᵘot-el (зарезывать), əngnavᵘorel [ошалеть, одуреть (собств. „стать падучим")] и пр. ǰᶜəvərtᵘor-, mortᵘot-, əngnavor-, будучи чистыми глагольными основами, не суть в то же время корни, ибо распространены суффиксами; не говорим уже о сложносоставных основах, как, например, ǰᶜərǰᶜərhan-el (поливать), karmratak-el (покраснеть), ǰᶜənčəx-el (раздавить) и т. п.

Основа настоящего времени образуется от чистой глагольной основы следующим образом. Во-первых, основа настоящего времени может совпадать с чистой глагольной основой, принимая тот или другой суффикс для своих производных форм, как *e* или *a* для настоящего и прошедшего несовершенного желательного и других наклонений, *-el* или *-al* для неопределенного наклонения, *-əm* для несовершенного причастного имени и *-oγ* для причастия настоящего времени, например, от настоящей основы xəm [<xum- (пить)] и xōsa- (говорить) получаем: xəme-xōsa-, xəmel-xōsal, xəməm-xōsəm, xəmōγ-xōsōγ. Во-вторых, основа настоящего времени может наращаться от чистой глагольной основы суффиксами *-n-*, *-en-* и *-an-*, которым уже придаются все производные формы.

Суффикс *-n*, получившийся из старого *-an* (типа арм. hasnel =граб. [illegible]), находим только в известном количестве образований, каковы—hasnel, hadnel [исчерпать-

ся, кончаться (=հատանիմ)], meɬnel [умереть (=մեռանիմ)], pəɾc(ə)nel [освободиться (=պրծանիմ)], mətnel [войти (մտանիմ)], əngnel [падать (=անկանիմ)], tenel [<*tehnel смотреть, видеть (=տեսանիմ)], hakᶜnel [одеваться (=ագանիմ)], aɬnel [брать (ср. առնում)] и əlnel [//əlel стать, делаться (ср. եղանիմ)]. Двойник этого *-n*, т. е. суф. *-en* тоже ограничен известными глаголами, каковы—vaxen-al (бояться), karenal (мочь), unenal (иметь), gᶜidenal (знавать), parcenal (гордиться), uzenal (хотеть), asenal [говорить (в выражении kas(e)nas „скажешь"=будто-бы)] и kenal (пребывать, оставаться), и вероятно это *-en* вместе с грабаром ɓĝ (ср. մերձենամ) возникло из старого *-ean-*, ставшего в безударном состоянии *-en*. Суффикс же *-an*, кроме нескольких глаголов переходного значения, каковы—haskanal (понять), iᶜmanal (узнать), gᶜoɣanal (украсть), leɣanal (купаться), теперь исключительно служит для производства средних глаголов со значением „становиться тем-то и тем-то", как kᶜaranal [окаменеть (от kᶜar „камень")], paçaɣanal [заболеть (от paçaɣ „больной")], heɾvanal [удалиться (от heɾu „далеко, далёкий")] и пр. и пр. В-третьих, наконец, основа настоящего времени наращается от чистой глагольной основы суффиксом ç, что ограничено определённым числом глаголов, каковы—pᶜaxçel (убежать), kⁿorçel (пропасть), tᶜəɾçel (улететь), dɪpçel [коснуться, удариться (аор. dɪba)], kərçel [коснуться, удариться (аор. kəra)], əlçel [подняться через края (про варимое)] (аор. III л. ēlav), saɾçel [мерзнуть (аор. saɾeçi от saɾel id.)], urçel [пухнуть (аор. uɾeçi от uɾel id.)], pᶜəlçel[1] [рухнуть (аор. bᶜəleçi от bᶜəlel id.)].

Таким образом, мы имеем собственно два способа образования основы настоящего времени от глагольной — способ одного только замещения одной основы другой и способ наращения к глагольной основе суффиксов (n, en, an и ç). И, как видно, почти вся масса аштаракских глаголов образует основу настоящего времени по первому способу, т. е. с неопределенным наклонением на *-el* и *-al*, и по «суффиксаль-

[1] Редкий глагол, обыкновенно pᶜul gᶜal или bᶜalel.

ному способу только на суф. *-anal*, причем этот живой и действующий поныне способ образования глаголов имеет то назначение, что суффиксальное *-an-al* образование служит для получения средних глаголов с значением «становиться тем-то или таким-то», а несуффиксальные формы на *-el,-al*, большей частью служат на *-el* для формирования переходных глаголов, а на *-al* для непереходных (средних) глаголов со значением «быть в состоянии проявления того-то», как haçal (лаять), goɬal (кричать), heval=hetᶜal=hebial (запыхаться), tənk al (пыхтеть), məxal (дымиться), vəngəstal (визжать), tᶜəpəɬtal [биться (про птицу)], pᶜərəštal (чихать), čələmkotal (потягиваться), pəspəɣal (блистать), cəvcəval (чирикать), čəɬčəɬal или čəɬɬal (скрипеть), xəšxəšal или xəšəšal (журчать), xərxənʃal (ржать) и пр. и пр.[1]

2. Основа аориста

§ 46. Другая «временная основа» — это основа аориста, некогда имевшая, как сказано, современное и законченное значение, подобно русскому совершенному виду, и дающая производные формы для аориста прошедших причастий и повелительного наклонения, откуда и производный побудительный глагол на *-çnel*.

Аористная основа в отношении своего образования от чистой глагольной бывает «радикальная» и «цойная». Это значит, что аористная основа в одном случае совпадает с глагольной основой-корнем, а в другом—характеризуется морфемой ç.

Радикальная аористная основа-корень получается от немногих глаголов (не более двадцати), а именно от глаголов, имеющих в основе настоящего времени суффиксы n и ç, как meɬn-el—aop. meɬ-a, hasn-el aop. has-a, hadn-el aop. had-a, mədn-el (//mənnel) aop. mət-a, pəɬcn-el-pəɬc-a, əngn-el-əng-a, ten-el (<*tehn-el)-teh-a, hakᶜᶜn-el—hak -a, aɬn-el—aɬ-a, əln-el—

[1] Другого характера образования «старые» глаголы, каковы -aɣal (молоть), xösal (говорить), tᶜoɣal (оставлять), haɣal (играть), karal (мочь), xəndal (радоваться), ēlᶜal (идти), mənal (остаться), B (придти), tal (дать) и kam (есмь, существую) гласная a—коренная.

el-a, dᶜaɬn-al—daɬ-a[1],—pᶜaxč-el—pᶜax-a, kʷorč-el—kʷor-a, tᶜəɬč-el—tᶜəɬ-a, dipč-el—dib-a, kəpč-el—kəp-a, əlč-el—ēl-av (III л.), см. также об tan-el (унести)—аор. tar-a и an-el (делать)—аор. ar-i.

Цойную аористную основу имеет вся остальная масса глаголов, т. е. оканчивающихся в неопределенном наклонении на *-el*, *-al*, *-en-al* и *-an-al*, причём суффиксальным придатком аористной основы является -eç, если глагол с неопределённым на *-el* и *-enal*, как, например, xəl-el (отнять)—аор. xəl-eç-i, bᶜəɬn-el (схватить)—аор. bᶜəɬn-eç-i или kar-en-al (мочь)—аор. kar-eç-a, vax-en-al (бояться)—vax-eç-a.., а суффикс *-aç*, если глагол с неопределённым на *-al* и *-an-al*, как—aɣal (молоть)—аор. aɣ-aç-i, xös-al (говорить)—аор. xos-aç-i.., hask-an-al (понять, уразуметь)—аор. hask-aç-a, gᶜoɣ-an-al (воровать)—аор. gᶜoɣ-aç-a, sev-an-al (чернеть)—аор. sev-aç-a и пр. Так что цойную аористную основу, откуда образуются ее производные формы, представляют нам как типы—xəleç-. kar-eç-, aɣaç- и haskaç, хотя для суффикса -eç и предполагается более старый вид—eaç, судя по грабару, и xəleç и kareç- вышли из *xəl-eaç-, *kareaç-.

Отступают от цойно-аористного вида три глагола, не имевшие и в грабаре цойного вида, именно—bᶜer-el (принести)—аор. bᶜer-i, tᶜoɣ-al [оставить (гр. *ἀφιημι*)]—аор. tᶜoɣ-i, tal (дать)—аор. təvi (гр. *δω*), и, следовательно, эти три глагола имеют радикальную аористную основу.

СПРЯЖЕНИЕ

§ 47. Спряжение аштаракского глагола, т. е. его выражение в лице, числе и наклонении, происходит, как сказано, в двояком направлении: 1) по «флексийному» типу, когда флексии времени и наклонения непосредственно прибавляются к той или иной глагольной основе через гласную — «связку», и 2) по «описательному» типу спряжения (coniugatio periphrastica), когда оно происходит при помощи образованного от временных основ того или другого имени и вспомогательного глагола (em, linel), т. е. двумя и более словами.

[1] Это единственный глагол с суффиксом -n, склоняющийся по «а»-спряжению.

Рассмотрим формальное содержание обоих типов аштаракского спряжения, имея дело, конечно, с правильными глаголами на -el, -nel, çel и -al, -enal, -anal.

1. ФЛЕКСИЙНОЕ СПРЯЖЕНИЕ

§ 48. По этому флексийному типу спряжения идут, с одной стороны, будущее resp. настоящее и прошедшее несовершенное желательного, предположительного наклонений, а, с другой, аорист и повелительное наклонение. Причем первая группа форм образуется от основы настоящего времени, наращенной *e* или *a*, т. е. характеристиками „*e*" спряжения (-el, -nel, çel) и „*a*" спряжения (-al, -enal, -anal), а вторая группа—аорист и повелительное образуются от аористной временной основы. Таковы эти групповые образования:

А. К наращенной гласными *e* или *a* основы настоящего прибавляются окончания флексии будущего resp. настоящего и прошедшего несовершенного, а именно, флексии будущего времени—ед. ч.: I л.— m, II л.— s, III л.—ничего, множ. ч.: I л. -nk^c, II л. -ķ^c, III л. -n, флексии прошедшего несовершенного — ед. ч.: I л. -i, II л. -ir, III л. -r, мн. ч.: I л. -ink^c, II л. -ik^c, III л. -in, причем *e* перед II л. мн. ч. настоящего времени и во всем прошедшем несовершенном превращается в *ē*, а в III л. ед. ч. будущего переходит в *-i*, как от xəl-el (отнять) и aɣal (молоть).

Желательное наклонение

Будущее, resp. настоящее		Прошедшее несовершенное	
I xəle-m	aɣa-m	I xəlē-i	aɣa(y)-i
II xəle-s	aɣa-s	II xəlē-ir	aɣa(y)-ir
III xəli	aɣa	III xəlē-r	aɣa-r
I xəle-nk^c	aɣa-nk^c	I xəlē-ink^c	aɣa(y)-ink^c
II xəle-k^c(*<xəle-'yk')	aɣa-k^c	II xəlē-ik^c	aɣa(y)ik^c
III xəle-n	aɣa-n	III xəlē-in	aɣa(y)-in^c

Следовательно, как xəlel спрягаются и все глаголы этого „*e*" (первого) спряжения, т. е. будут—hasnem, hasnes, hasni..., p^{c}axçem, p^{c}axçes, p^{c}axçi..., hasnēi, hasnēir, hasnēr,

pᶜaxçēi, pᶜaxçēir, pᶜaxçēr, а как aɣal—все глаголы „*a*" (второго) спряжения, как—karenam, karenas, karena, sevanam, sevanas, sevana.., karena(y)l, karena(y)ir, karenar, sevana(y)l, sevana(y)ir, sevanar. Звук *y*, возникающий в „*a*" спряжении (прошед. времени) свойствен не всем аштаракцам.

Формы будущего и прошедшего несовершенного желательного наклонения суть в то же время и формы «предположительного» и «принудительного» наклонений[1], только для предположительного присоединяется в начале частица *kə* (перед начальным гласным глагола *k*), а для принудительного—частица *pəti* «должно», так что получаются:

Предположительное наклонение

Будущее		Прошедшее	
I kə xəlem (kəxəlem)	kaɣam	kə xəlēi (kəxəlēi)	kaɣa(y)l
II kə xəles (kəxəles)	kaɣas	kə xəleir (kəxəlēir)	kaɣa(y)ir
III kə xəll (kəxəll)	kaɣa	kə xəler (kəxəlēr)	kaɣar
и т. д.		и т. д.	

Принудительное наклонение

Будущее		Прошедшее	
I pəti xəlem	pəti aɣam	pəti xəlēi	pəti aɣa(y)l
II pəti xəles	pəti aɣas	pəti xəlēir	pəti aɣa(y)ir
III pəti xəll	pəti aɣa	pəti xəlēr	pəti aɣar
и т. д.		и т. д.	

Принудительное наклонение имеет и такое спряжение: неопределенное наклонение + *pətem*, *pətes*, *pəti*, *pətenkᶜ*, *pətekᶜ*, *pəten* для будущего, а неопред. накл. + *pətēi*, *pətēir*, *pətēr*, *pətēink*, *pəteikᶜ*, *pətēin*—для прошедшего, так что получаются—xəlil pətem, xəlil pətei, aɣal pətem, aɣal pətei и т. д.

В. Группа образований аориста и повелительного от аористной основы происходит по следующему порядку.

---

[1] Термины «предположительный» и «принудительный» суть переводы с армянских *ենթադրական (եղանակ), հարկադրական (եղանակ)*. Последний называется также *պարտավորական* „обязательное" (наклонение).

а) Для аориста есть два ряда окончаний, которые присоединяются к основе аориста, цойной или радикальной, а именно:

I л.—i, II л.—ir, III л. ничего (=основе), I л. мн. ч.—ink, II л. мн. ч.—ik и III л. мн. ч.—in или окончания—I л.—a, II л.—ar, III л.—av, I л. мн. ч.—ank^{c}, II л. мн. ч.—ak^{c}, III л. мн. ч.—an^{c}. Первые окончания—i, -ir, -ink, -ik^{c}, -in присоединяются к аористной основе глаголов, не имеющих суффиксального образования настоящей основы, т. е. к аористной основе глаголов типа xəl-el и aɣ-al (где xəl и aɣ—без суффиксов), а потому имеем: xəleçi-aɣaçi, xəleçir-aɣaçir, xəleç-aɣaç, xəleçink^{c}-aɣaçink^{c}, xəleçik-aɣaçik^{c}, xəleçin-aɣaçin. Вторые окончания — -a, -ar, -av, -ank^{c}, -ak^{c} и -an, присоединяются к аористной основе глаголов, имеющих настоящую основу в суффиксальном виде, т. е. оканчивающихся в неопределенном на -nel, -ɕel, -enal и anal, а поэтому получаем: hasa-p^{c}axa-vaxeça-sevaça, hasar-paxar-vaxeçar-sevaçar, hasav-p^{c}axav-vaxeçav-sevaçav и т. д. Имеем следовательно:

Аорист (изъявительное наклонение)

	xəl-el	aɣ-al	has-n-el
I	xəl-eç-i	aɣ-aç-i	hasa
II	xəl-eç-ir	aɣ-aç-ir	has-ar
III	xəl-eç	aɣ-aç	has-av
I	xəl-eç-ink^{c}	aɣ-aç-ink^{c}	has-ank^{c}
II	xəl-eç-ik^{c}	aɣ-aç-ik^{c}	has-ak^{c}
III	xəl-eç-in	aɣ-aç-in	has-an

p^{c}ax-ɕ-el	vax-en-al и др.
p^{c}ax-a	vax-eç-a
p^{c}ax-ar	vax-eç-ar
p^{c}ax-av	vax-eç-av
p^{c}ax-ank^{c}	vax-eç-ank^{c}
p^{c}ax-ak^{c}	vax-eç-ak^{c}
p^{c}ax-an	vax-eç-an

б) Повелительное наклонение образуется разно. Для глаголов с суффиксальным образованием настоящей основы,

т. е. для оканчивающихся в неопределенном наклонении на *-nel*, *-ɕel*, *-enal* и *-anal*, повелительное наклонение к их аористной основе окончания -i для II л. ед. ч. и -ēk^{c} для II л. мн. ч., как: 1) hasnel-hasi, hasēk^{c}, pərcnel-pərci, pərcēk^{c}, meɬnel-meɬi, meɬek^{c}, hadnel-hadi, hadek^{c}, mədnel-məti, mətek^{c}, hak^{c}nel-hak^{c}i, hak^{c}ēk^{c}, 2) k^{u}orčel-k^{u}ori, k^{u}orēk^{c}, dipčel-dibi, dibēk^{c}, paxčel-p^{c}axi, paxēk^{c}, kəpčel-kəpi, kəpēk^{c}, t^{c}əɬčel-t^{c}əɬi-t^{c}əɬēk^{c}, 3) karenal-kareçi, kareçēk^{c}, vaxenal-vaxeçi, vaxeçēk^{c}, unenal-uneçi, uneçēk^{c}, parcenal-parceçi, parceçēk^{c}, 4) haskanal-haskaçi, haskaçēk^{c}, i^{c}manal-i^{c}maçi, imaçēk^{c}, g^{c}oɣanal-g^{c}oɣaçi, goɣaçek^{c}, sevanal-sevaçi, sevaçēk^{c} и пр.

Отличаются: 1) tenel (<*tehnel<*mhuŭhl)—tes, tesēk^{c}, əngnel-ing, əngek^{c} (особенно vēr əngnel-vēring, verəngek^{c}), əlnel-il, əlek^{c}, ni mədnel-nimit (реже nimətі), nimətēk^{c}, aɬnel-aɬ, aɬēk^{c} (и d^{c}aɬnal-d^{c}aɬ d^{c}aɬēk^{c}); 2) глаголы -sarčel и uɬčel имеют повелительное от saɬel и uɬel (saɬi, uɬi-saɬēk^{c}, uɬēk^{c}), əlčel не имеет повелительного; 3) глаголы—uzenal, gidenal, kenal образуют повелительные от uzel (uza, uzēk), imanal (^{c}imaçi, ^{c}imaçēk^{c}), kam (kaç, kaçēk^{c}).

Глаголы с неопределенным на *-el* и *-al* образуют: для переходных глаголов на *-el* окончания—а для ед. ч. и *-ēk^{c}* для мн. ч., которые прибавляются к основе настоящего, как xəlel-xəla, xəlēk^{c}, b^{c}əɬnel-b^{c}əɬna, bəɬnēk^{c}, sərp^{c}el (чистить), sərp^{c}a, sərpēk^{c} и т. д., а для неопределённых—i (для ед. ч.) и *-ēk^{c}* (для мн. ч.), как k^{c}ənel (спать), k^{c}əni, k^{c}ənek^{c}, nəstel (садиться)—nəsti, nəstēk^{c}, vazzel (бегать) vazzi, vazzēk^{c} и пр. Глаголы на *-al* все образуются одинаково—для II л. ед. ч. окончание *-a*, которое прибавляется к основе настоящего времени, как aɣa (мели), xōsa [говори (от xosal)], g^{c}oɬa (кричи) и пр., для II л. мн. ч. окончание *-ēk^{c}* прибавляемое к аористной (цойной) основе, как aɣaçēk^{c}, xōsaçēk^{c}, g^{c}oɬaçēk^{c}, и пр.; исключение составляет t^{c}oɣ [оставь (=гр. βαη)] при t^{c}oɣal.

Первоначально эти глаголы на *-el* и *-al*, несомненно, имели все образования от аористной основы, и только в историческом своем развитии получили вышеупомянутое перерождение, образовываясь частью как бы от основы настоя-

щего, — протоформами xəla и aɣa были *xəleaç (ср. гр. խլեա՛) и *aɣaç, где, собственно, отсутствуют окончания повелительного II л. ед. ч., но множественное число правильно— граб. խլեցէք и ашт.-граб. ադացէք.

Так что имеем типы повелительного:

xəjel (переход.), kᶜənel (непер.), aɣal, hasnel, pᶜaxçe., karenal, sevanal

Ед.	xəla	kᶜəni	aɣa	hasi
Мн.	xəlekᶜ	kᶜənekᶜ	aɣaçekᶜ	hasekᶜ

pᶜaxi	kareçi	sevaçi
pᶜaxekᶜ	kareçekᶜ	sevaçekᶜ

2. ОПИСАТЕЛЬНОЕ СПРЯЖЕНИЕ

§ 49. По описательному способу спряжения нормативно образуются времена изъявительного наклонения, кроме его аориста, идущего, как видим, по флексийному виду. Образуется это спряжение путем соединения образованных от глагольных основ причастных имен (nominalia) и вспомогательного глагола *em* (есмь) в его настоящем и прошедшем временах.

Эти причастные имена суть: «несовершенное» причастное имя на *-əm* (xəl-əm); причастие будущего на *-u* (xəlel-u) и причастие прошедшего на *-el* или *-ac* (xəlel, xəlac).

Вспомогательный же глагол имеет такое настоящее— *em, es, a, enkᶜ, -ekᶜ, -en*,—и такое прошедшее (несоверш.)— *i, ir, er, inkᶜ, ikᶜ, in*, т. е. сравнительно с древним своим состоянием теряет ē в I, II л. ед. ч. и I, II и III л. мн. ч. Располагается это спряжение так:

а) «Несовершенное» причастное имя на *-əm* с настоящим вр. вспомогательного глагола дают настоящее изъявительного наклонения, как xələm -em, aɣəm em, hasnəm em.., а с прошед. вр. вспомогательного глагола—прошедшее несовершенное изъявительного наклонения, как xələm i, aɣəm i и пр. Образуется это причастное имя от настоящей основы

глагола и имеет в *-əm* более старое диалектическое окончание *um*[1]. Так что имеем:

Изъявительное наклонение

Настоящее время		Прошедшее несовершенное	
xələ'm em	ǽɣəm em и др.	xələm i	aɣəm i и др.
xələm es	aɣəm es	xələm ir	aɣəm ir
xələm a	aɣəm a	xələm ĕr	aɣəm ĕr
xələm enk	aɣəm enk	xələm ink^{c}	aɣəm ink^{c}
xələm ĕk^{c}	aɣəm ĕk^{c}	xələm ik^{c}	aɣəm ik^{c}
xələm en	aɣəm en	xələm in	aɣəm in

б) Будущее причастие на *-u* (*-lu*) вместе с настоящим вр. вспомогательного глагола дают будущее вр. изъявительного наклонения по отношению к настоящему, как xəlelu em, aɣalu em, hasnelu em и пр., а с прошедшим временем вспомогательного глагола — будущее вр. изъявительного наклонения по отношению к прошедшему моменту, как xəlelu(y)i, aɣalu(y)i, hasnelu(y)i и пр.; называем их для различия будущее первое (точнее „будущее—настоящее") и будущее второе („будущее—прошедшее"). Образуется будущее причастие на *-u* от неопределенного наклонения и эквивалентно грабарному—loç *(գրելոց եմ, էի)*. Таковы эти времена:

Изъявительное наклонение

Будущее I		Будущее II	
xəmelu(y)em	aɣalu(y)em и пр.	xəmelu(y)i	aɣalu(y)i и пр.
xəmelu(y)es	aɣalu(y)es	xəmelu(y)ir	aɣalu(y)ir
xəmelu(y)a	aɣalu(y)a	xəmelu(y)ĕr	aɣalu(y)a
xəmelu(y)enk^{c}	aɣalu(y)enk^{c}	xəmelu(y)ink^{c}	aɣalu(y)ink^{c}
xəmelu(y)ĕk^{c}	aɣalu(y)ĕk^{c}	xəmelu(y)ik^{c}	aɣalu(y)ik^{c}
xəmelu(y)en	aɣalu(y)en	xəmelu(y)in	aɣalu(y)in

[1] Происхождение спорное: то сопоставляют со слав. -омый (ведомый), то рассматривают как местный падеж на -um, как *գիւղում, քաղքում...*, ибо флектирует в глаголах тех диалектов, где существует и местный падеж, и, наконец, сопоставляется с чано-мингрельским эквивалентным—um в глаголах (см. А. Шанидзе. Два чан-мин.....).

в) Прошедшие причастия на *-el* и *-ac* с настоящим временем вспомогательного глагола образуют прошедшие совершенные изъявительного наклонения, а с прошедшим вспомогательного — давнопрошедшие изъявит. наклонения, причем формы на *-ac* редко употребительны, и то большей частью для средних глаголов, обозначая результат действия или состояния, подобно лат. perfectum-praesens, как nəstac em (я уселся) resp. 'сижу', nəstac I [я сидел (тогда)], kᶜənac em (я уснул) resp. 'сплю' и пр. Образуются эти причастия от аористной основы, за исключением глаголов на -el (не -nel и -ɕel), которые образуют от основы настоящего, как hasel-hasac, pᶜaxel-pᶜaxac, aɣaçel-aɣaçac, kareçel-kareçac, sevaçel-sevaçac но xəlel-xəlac, nəstel-nəstac и т. д.

Назовя прошедшее совершенное и давнопрошедшее от причастий на *-el-* Perfectum I и Plusguamperfectum I, а от причастия на *-ac-* Perfectum II и Plusguamperfectum II, будем иметь, следовательно—

Изъявительное наклонение

Perfectum I		Plusguamperfectum I	
xəlel em	aɣaçel em и др.	xəlel I	aɣaçel I и др.
xəlel es	aɣaçel es	xəlel ir	aɣaçel ir
xəlel a	aɣaçel a	xəler er	aɣaçel er
xəlel enkᶜ	aɣaçel enkᶜ	xəler inkᶜ	aɣaçel inkᶜ
xəlel ēkᶜ	aɣaçel ēkᶜ	xəlel ikᶜ	aɣaçel ikᶜ
xəlel en	aɣaçel en	xəlel in	aɣaçel in

Perfectum II		Plusguamperfectum II	
xəlac em	aɣaçac em	xəlac I	aɣaçac I
xəlac es	aɣaçac es	xəlac ir	aɣaçac ir
xəlac a	aɣaçac a	xəlac ēr	aɣaçac ēr
xəlac enkᶜ	aɣaçac enkᶜ	xəlac inkᶜ	aɣaçac inkᶜ
xəlac ēkᶜ	aɣaçac ēkᶜ	xəlac ikᶜ	aɣaçac ikᶜ
xəlac en	aɣaçac en	xəlac in	aɣaçac in

§ 50. Кроме вышеописанных главных или основных описательных времен (с глаголом em «есмь»), есть еще второстепенные описательные времена, которые образуются от сочетания спрягаемых форм вспомогательного глагола əl(n)el (становиться, делаться, быть) с каждым из следующих отглагольных образований:

а) с «несовершенным» причастным именем на -əm (xəməm) или отглагольным наречием на -lus (xəmelus),

б) с причастием будущего на -lu (xəmelu) и

в) с причастием прошедшего на -ac (xəmac), так что принцип образования главных и второстепенных описательных времен один и тот же—сочетание форм вспомогательного глагола (em, əl(n)el) и отглагольных (причастных) образований.

Второстепенные описательные времена сообразно с временным значением их причастий делятся на группы времен совершающегося, совершаемого и совершенного действия или состояния.

Нами даются в этих трех группах наиболее употребляемые формы описательного спряжения, где пример из „*e*"-спряжения (xəlel) и то в I л. ед. ч.

а) xəlelus или xələm+формы əl(n)el: наст. вр. изъяв. нак.—xəlelus em əl(n)əm; прошед. несов. изъявит. накл.—xəlelus i əl(n)əm; Аорист—xəlelus ēla; Plusg. xəlelus em ēlel; Будущее и прош. жел. накл.—xəlelus əl(n)em или xələm əl(n)em, xəlelus əl(n)ēi или xəlam əl(n)ēi; Буд. и прош, предп. накл.—xəlelus kəl(n)em или xələm kəl(n)em, xəlelus kəl(n)ēi или xələm kəl(n)ēi; Буд. и прош. прин. накл. (редкие) xəlelus pəti əl(n)em, xəlelus pəti əl(n)ēi.

б) xəlelu+формы əl(n)el: Наст. вр. изъяв. накл.—xəlelu(y) em əl(n)əm; Прошед. несов. изъяв. накл.—xəlelu i əl(n)əm; Аор.—xəlelu ēla; Буд. и прош. жел. накл.—xəlelu əl(n)em, xəlelu əl(n)ēi; Буд. и прош. предп. накл.—xəlelu kəl(n)em, xəlelu kəl(n)ēi; Буд. и прош. прин. накл.—xəlelu pəti əl(n)em, xəlelu pəti ə(l)nei.

в) xəlac+формы əl(n)el: Настоящ. вр. изъяв. накл.—xəlac em əl(n)em; Прошед. нес. изъяв. накл. xəlac i əl(n)əm;

Лор.—xəlac ēla; Perf.—xəlac em ēlel; Буд. и прошед. жел. накл.—xəlac əl(n)em, xəlac əl(n)el; Буд. и прошед. предп. накл.—xəlac kəl(n)em, xəlac kəl(n)el; Буд. и прош. прин. накл.—xəlac pəti əl(n)em, xəlac pəti əl(n)el.

§ 51. В состав описательного спряжения с *-em* (есмь) и əl(n)el (делаться, становиться) входит также сочетание форм этих вспомогательных глаголов с тв. п. неопределенного наклонения, оканчивающимся на -lov и имеющим значение причастия настоящего с оттенком «близкий к- », как hasnelōv (близкий к достижению), mefnelōv (близкий к умиранию) и пр. Описание с -em, -es, a.., -i, -ir, -ēr.. довольно редко, т. е. мало употребительны формы hasnelōv em, hasnelov es.., hasnelov i, hasnelov ir.., обыкновенно сочетаются с əl(n)el, и то в формах наст. и прош. несов. изъяв. накл.—hasnelōv em əl(n)əm[1], hasnelōv i əl(n)əm[1]; буд. (resp. наст.) и прош. жел. накл. hasnelōv əl(n)em, hasnelōv əl(n)el; буд. и прош. предп. накл. hasnelōv kəl(n)em, hasnelōv kəl(n)el и буд. и прош. прин. накл. hasnelōv pəti əl(n)em, hasnelōv pəti əl(n)el.

§ 52. Вместо последнего описательного оборота на -lōv+формы от -em или əl(n)el употребляется равноценный оборот на -lu (вин.-дат. от неопр. накл.)+vra и формы от -em или əl(n)el, и можно сказать, что этот случай чаще применяется, чем первый, так что, например, предпочтительны—hasnelu vray-a (он близок к достижению), hasnelu vra pəti əl(n)i (он должен быть близок к достижению...), чем обозначающие—hasnelōv a, hasnelōv pəti əl(n)i.. Употребительны времена—наст. и прош. нес. изъяв. накл. hasnelu vra(y) em, hasnelu vra i, буд. (resp, наст.) и прош. жел. накл. hasnelu vra əl(n)em, hasnelu vra əl(n)el, буд. и прош. предп. накл. hasnelu vra kəlnəm, hasnelu vra kəl(n)el, буд. и прош. прин. накл. hasnelu vra pəti əlnem, hasnelu vra pəti əl(n)el.

---

[1] И эти формы редки.

Основное спряжение

(Образцы xəlel „отнять“ и aɣal „молоть“).

Изъявительное наклонение

Настоящее время		Прошедшее несовершенное	
xələm em	aɣəm em	xələm i	aɣəm i
xələm es	aɣəm es	xələm ir	aɣəm ir
xələm a	aɣəm a	xələm ēr	aɣəm ēr
xələm enkᶜ	aɣəm enkᶜ	xələm inkᶜ	aɣəm inkᶜ
xələm ēkᶜ	aɣəm ēkᶜ	xələm ikᶜ	aɣəm ikᶜ
xələm en	aɣəm en	xələm in	aɣəm in

Будущее I		Будущее II (прошедшее)	
xəlelu(y) em	aɣalu(y) em	xəlelu i	aɣalu i
xəlelu(y) es	aɣalu(y) es	xəlelu ir	aɣalu ir
xəlelu(y) a	aɣalu(y) a	xəlelu ēr	aɣalu ēr
xəlelu(y) enkᶜ	aɣalu(y) enkᶜ	xəlelu inkᶜ	aɣalu inkᶜ
xəlelu(y) ēkᶜ	aɣalu(y) ēkᶜ	xəlelu ikᶜ	aɣalu ikᶜ
xəlelu(y) en	aɣalu(y) en	xəlelu in	aɣalu in

Perfectum 1		Plusguamperfectum 1	
xəlel em	aɣaçel em	xəlel i	aɣaçel i
xəlel es	aɣaçel es	xəlel ir	aɣaçel ir
xəlel a	aɣaçel a	xəlel ēr	aɣaçel ēr
xəlel enkᶜ	aɣaçel enkᶜ	xəlel inkᶜ	aɣaçel inkᶜ
xəlel ēkᶜ	aɣaçel ēkᶜ	xəlel ikᶜ	aɣaçel ikᶜ
xəlel en	aɣaçel en	xəlel in	aɣaçel in

Perfectum 2		Plusguamperfectum 2	
xəlac em	aɣaçac em	xəlac i	aɣaçac i
xəlac es	aɣaçac es	xəlac ir	aɣaçac ir
xəlac a	aɣaçac a	xəlac ēr	aɣaçac ēr
xəlac enkᶜ	aɣaçac enkᶜ	xəlac inkᶜ	aɣaçac inkᶜ
xəlac ēkᶜ	aɣaçac ēkᶜ	xəlac ikᶜ	aɣaçac ikᶜ
xəlac en	aɣaçac en	xəlac in	aɣaçac in

Аорист		Повелительное наклонение	
xəleçi	aɣaçi	xəla	aɣa
xəleçir	aɣaçir	xəlēkᶜ	aɣaçēkᶜ
xəleç	aɣaç		
xəleçinkᶜ	aɣaçinkᶜ		
xəleçikᶜ	aɣaçikᶜ		
xəleçin	aɣaçin		

Желательное наклонение

Будущее (resp. настоящее)		Прошедшее	
xəlem	aɣam	xəlēi	aɣa(y)ı
xəles	aɣas	xəlēir	aɣa(y)ır
xəli	aɣa	xəlēr	aɣar
xəlenkᶜ	aɣank	xəleink	aɣa(y)ınk
xəlēkᶜ	aɣakᶜ	xəleikᶜ	aɣa(y)ık
xəlen	aɣan	xəlēin	aɣa(y)ın

Предположительное наклонение

Будущее		Прошедшее	
kə xəlem	kaɣam	kə xəlēi	kaɣa(y)ı
kə xəles	kaɣas	kə xəlēir	kaɣa(y)ır
kə xəli	kaɣa	kə xəlēr	kaɣar
kə xəlenk	kaɣank	kə xəleink	kaɣa(y)ınk
kə xəlekᶜ	kaɣakᶜ	kə xəleikᶜ	kaɣa(y)ık
kə xəlen	kaɣan	kə xəlēin	kaɣa(y)ın

Принудительное наклонение

Будущее

pəti xəlem или	xəlil pətem,	pəti aɣam или	aɣal pətem
pəti xəles „	xəlil pətes,	pəti aɣas „	aɣal pətes
pəti xəli „	xəlil pəti,	pəti aɣa „	aɣal pəti
pəti xəlenkᶜ „	xəlil pətenk,	pəti aɣankᶜ „	aɣal pətenkᶜ
pəti xəlēkᶜ „	xəlil pətēkᶜ,	pəti aɣakᶜ „	aɣal pətēkᶜ
pəti xəlen „	xəlil pəten,	pəti aɣan „	aɣal pəten

Прошедшее

pəti xəlei или	xəlil pətēi,	pəti aɣayı или	aɣal pətēi
pəti xəleir „	xəlil pətēir,	pəti aɣayır „	aɣal pətēir
pəti xəler „	xəlil pətēr,	pəti aɣar „	aɣal pətēr

pəti xəleink „ xəlli pətēink^{c}, pəti aɣayink „ aɣal pətēink^{c}
pəti xəleik^{c} „ xəlli pətēik^{c}, pəti aɣayik „ aɣal pətēik^{c}
pəti xəlein „ xəlli pətēin, pəti aɣayin „ aɣal pətēin

Отглагольные имена и наречия

Неопределенное наклонение: xəlel, aɣal

Причастия
- „несовершенное“—xələm, aɣəm
- наст. вр.—xəlōɣ, aɣōɣ
- прошед. вр.—xəlel, xəlac; aɣaçel, aɣaçac
- будущее вр.—xəlelu, aɣalu

Деепричастие
- xəlelus, aɣalus
- xəlelōn, aɣalōn

Примечание 1. Вспомогательный глагол в описательном спряжении может и предшествовать причастиям, а при предложных глаголах всегда, например, əsor m'enk^{c} E^{c}revan enk^{c} ēt^{c}alu (сегодня мы поедем в Ереван), d^{c}us em galis (выхожу), vēr em d^{u}ənəm (кладу вниз), и даже может отделяться словами, как yes em amen ōr ēt^{c}əm nran agə tali(s) [(это) я каждый день иду навещать его)], а при повторении и опускается, как—d^{c}rank^{c} j^{c}er tanə utəm in, xəməm (in), həla vērçn ēl j^{c}er vrin xōsəm(in) (они у вас ели, пили, да в конце еще и злословили вас). Так же бывает и с словечком pəti, которые может отделяться другими словами и при повторении опускаться.

Примечание 2. Perfectum II и Plusguamperfectum II, хотя и живые, так сказать, действующие времена, но относительно мало применяемы, а Будущее I и Будущее II изъявительного наклонения сплошь и рядом заменяются Буд. (resp. наст.) и будущим—прошедшим предп. накл., которые в дальнейшем, вероятно, и совсем вытеснят первые.

§ 54. Отрицательные формы спряжения

Для образования отрицательных форм пользуются отрицаниями v^{u}oç, çə (resp. çi) и mi, причем v^{u}oç применяется для аориста, для желательного и известных употреблений принудительного наклонений, где это v^{u}oç ставится на конце;

Второобразное описательное спряжение (с əl(n)el).

Наклонение	Времена	Совершаемое действие	Совершимое действие	Совершенное действие	Близкое к совершению действие	
		xəlelus, xələm	xəlelu	xəlac	xəlelōv	xəlelu vra
Изъявительное	Настоящее	xəlelus em əl(n)əm	xəlelu(y) em əl(n)əm	xəlac em əl(n)əm	xəlelōv əm əlnəm	(xəlelu vra(y) em)
	Прошедшее несовершенное	xəlelus i əl(n)əm	xəlelu i əl(n)əm	xəlac i əl(n)əm	xəlelōv i əlnəm	(xəlelu vra i)
	Аорист.	xəlelus ela	xəlelu ela	xəlac ela	—	—
	Perf.	xəlelus em elel	—	xəlac em elel	—	—
Желательное	Будущее (настоящее)	xəlelus əl(n)em или xələm əl(n)em	xəlelu əl(n)em	xəlac əl(n)em	xəlelōv əlnem	xəlelu vra əl(n)em
	Прошедшее	xəlelus əl(n)ei или xələm əl(n)ei	xəlelu əl(n)ei	xəlac əl(n)ei	xəlelōv əl(n)ei	xəlelu vra əl(n)ei
Предположительное	Будущее	xəlelus kəl(n)em или xələm kəl(n)em	xəlelu kəl(n)em	xəlac kəl(n)em	xəlelōv kəl(n)em	xəlelu vra kəl(n)em
	Прошедшее	xəlelus kəl(n)ei или xələm kəl(n)ei	xəlelu kəl(n)ei	xəlac kəl(n)ei	xəlelōv kəl(n)ei	xəlelu vra kəl(n)ei
Принудит.	Будущее	xəlelus pəti əl(n)em	xəlelu pəti əl(n)em	xəlac pəti əl(n)em	xəlelōv pəti əl(n)em (редко)	xəlelu vra pəti əl(n)em
	Прошедшее	xəlelus pəti əl(n)ei	xəlelu pəti əl(n)ei	xəlac pəti əl(n)ei	xəlelov pəti (редко) əl(n)ei	xəlelu vra pəti əl(n)ei

m_i- —для повелительного наклонения, претерпевающего изменение, и -çə для остальных случаев, причем для аориста изъяв. накл., времен желательного и принудительного наклонений при известном синтаксическом их распорядке берется чаще çi.

Для образования запретительного повелительного берется неопределенное наклонение и для II л. ед. ч. прибавляется -mi, а для II л. мн. ч. — mēk^c, как xəla (отними), aɣa (мели), hasi (достигни), p^{d}axi (беги), heɬaçi (удались)..—отрицательные ед. ч. xəlil mi, aɣal mi, hasnil mi, p^{c}axçil mi, heɬanal mi, мн. ч. xəlil mēk, aɣal mēk^c, hasnil mēk и пр.

Для образования отрицательных форм предположительного наклонения берется также неопределенное наклонение и прибавляются формы настоящего и прошедшего вр. вспомогательного -em с отрицательным ç, т. е. формы — çem, çes, çi (не *ça), çenk^c, çēk^c, çen и çi, çir, çēr, çink^c, çik^c, çin, так что, например, имеем xəlil çem (я не отниму) для положительного kə xəlem или aɣal çēr (он не молол бы) для kaɣar и т. п.

Повторяющееся отрицание ни-ни передается через v^{u}onç-v^{u}onç, например, v^{u}onç utəm a, v^{u}onç xəməm (ни ест, ни пьёт).

Вот схема отрицательного спряжения, приводимого нами в I л. ед. ч. типа xəlel, как в главных основных временах, так и второобразных (с əl(n)el), где берется, как тип, случай xəlac əl(n)el, при этом приводим и их положительные параллели.

А. Основное или глагольное спряжение

Положительные формы

Изъявительное наклонение

Наст. xələm em, (yéd) em xələm
Прошед. несов. xələm i, (yéd) i xələm
Будущее I xəlelu em, (yéd) em xəlelu
Будущее II xəlelu i, (yéd) i xəlelu
Perf. I xəlel em, (yéd) em xəlel
Plusq. xəlel i, (yéd) i xəlel
Perf. II xəlac em, (yéd) em xəlac
Plusq. II xəlac i, (yéd) i xəlac
Аорист xəleçi, (yéd) xəleçi

Отрицательные формы

Изъявительное наклонение

Наст. xələm çem, (yéd) çem xələm
Прошед. несов. xələm çi, (yéd) çi xələm
Будущее I xəlelu çem, (yéd) çem xəlelu
Будущее II xəlelu çi, (yéd) çi xəlelu
Perf. I xəlel çem, (yéd) çem xəlel
Plusg. I xəlel çi, (yéd) çi xəlel
Perf. II xəlac çəm, (yéd) çem xəlac
Plusg. II xəlac çi (yéd) çi xəlac
Аорист xəleci v^{u}oç, (yéd) çi xəleçi

Желат.	Буд. (resp. наст.) xəlem, (yéd) xəlem	xəlem v^{u}oç, (yéd) çi xəlem
	Прош. xəlēi, (yéd) xəlei	xəlēi v^{u}oç, (yéd) çi xəlēi
Предп.	Буд. kə xəlem, (yéd) kə xəlem	xəlil çem, (yéd) çem xəli(l)
	Прошед. kə xəlēi, (yéd) kə xəlēi	xəlil çi, (yéd) çi xəli(l)

Положительные формы

Принуд. накл. | Буд. pəti xəlem, (yéd) pəti xəlem или xəlil pətem,—
Прошед. pəti xəlei, (yéd) pəti xəlei или xəlil pətēi,—

Отрицательные формы.

Принуд. накл. | Буд. pəti xəlem v^{u}oç, (yéd) çi pəti xəlem[1] xəlil ç pətem (чаще),—
Прошед. pəti xəlēi v^{u}oç, (yéd) çi pəti xəlēi xəlil çi pətēi (чаще),—

Положительные формы		Отрицательные формы
Повел. накл.	xəla, (yéd) xəla	xəlil mi, (yéd) mi xəli(l)
	xəlek^{c}, (yéd) xəlek^{c}	xəlil mēk^{c}, (yéd) mēk^{c} xəli(l)

[1] Также употребительны pəti yed xəlem—pəti yed çi xəlem, pəti yed xəlei—pəti yed çi xəlei.

В. *Второобразное спряжение* (с əl(n)el).

Изъявит. накл.	Наст. xəlac em əl(n)əm	xəlac çem əl(n)əm
	Прошед. xəlac i əl(n)əm	xəlac çi əl(n)əm
	Аорист, xəlac ēla	xəlac çela (=çəxəlac ēla)
	Perf. xəlac em ēlel	xəlac çem ēlel
	Plusg. xəlac i ēlel	xəlac çi ēlel
Желат.	Буд. (resp. настоящ.) xəlac əl(n)em	xəlac çəl(n)em
	Прошед. xəlac əlnēl	xəlac çəl(n)ēl
Предп.	Буд. xəlac kəl(n)em	xəlac çem əl(n)i(l)
	Прошед. xəlac kəl(n)ēl	xəlac çi əl(n)i(l)
Прин.	Буд. xəlac pəti əl(n)ещ	xəlac çi pəti əl(n)em
	Прошед. xəlac pəti əl(n)el	xəlac çi pəti əl(n)ēl

Примечание. Когда перед глаголом стоит наречие или какое-либо имя, перетягивающее логическое ударение на себя, тогда вспомогательный глагол (em- çem-, i-çi) сложных времен стоит впереди, а отрицательная форма других времен (аориста, времен желат. и прин. накл.) имеют впереди отрицание çi, вероятное видоизменение çə, как lav çem karel (я нехорошо сшил), vᵘor yes çi ētᶜayi, ba ōv ētᶜar (если не мне было идти, так кому же идти?)...

Для предложенных глаголов обязателен такой распорядок и отрицание çi для аориста, желат. и принуд. наклонений, как yed çi xəleçi, vē çi dᶜərl (я не положил вниз), dᶜus çi pəti hanem (я не выну), vé çi kala [я не взял (го yéd çi vē kala „я не взял обратно")] и пр.

На этом же правиле основывается второобразное спряжение xəlac əlnel—наст. xəlác em əl(n)əm, а не xəlac əl(n)əm em, xəlác çem ēlei, а не xəlac ēlel çem, xəlác çi əl(n)em, а не xəlac əl(n)em vᵘoç.., а также yéd em xəlac əl(n)əm, yéd çi xəlac ēla и пр.

Отрицание çi при быстром произношении изредка переходит в çə, например, vē çə dᶜərl, lav, çarir vᵘor çə gᶜənaçir [не хорошо ты сделал, что не пошел (=lav çi arir vᵘor çi gᶜənacir=lav çi arir vᵘor vᵘor gᶜənaçir vᵘoç)]...

§ 55. Девербативы

Девербативами, т. е. отглагольными глаголами, образующимися от той или иной глагольной основы через суффиксы, являются—

а) побудительные глаголы (Causativa) с суффиксом—çn(el) (=др.-арм. *ucnեl*), б) страдательные глаголы (Passiva) с суффиксом—v(el) и в) глаголы многократного действия с суфф.—ot(el), так что вместе с действительным и средним залогами имеем пять залогов аштаракского спряжения.

СОДЕРЖАНИЕ

Происхождение древнеармянского 7
Халдская надпись Русы I из Келаникрана 25
К происхождению грузинского национального имени 39
Историко-лингвистическое значение топонимики древней Армении 63
Об одном хеттском мифе в связи с журавлем и божеством весны 174
Об урартском божестве adarutha 190
К происхождению лат. слова malum „яблоко" 201
К происхождению армянского языка 206
Армянский Ара и славянский Яр (Ярило) 243
О концептуально-идеологической стороне некоторых урартских слов и выражений 252
Хурритские слова армянского языка 270
К установлению хурритского термина šapp-//zapp- в значении „Слуга, раб" по данным армянского и грузинского и лазо-мингрельского языков 306
О каменных стелах на горах Армении 317
О взаимоотношении армянского и лазо-мингрельского языков . 342
О внутренних закономерностях развития армянского языка . . 380
Палайский язык 412

Рукопись

Аштаракский говор 430

ГРИГОРИЙ АЙВАЗОВИЧ КАПАНЦЯН

ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

Том II

Печатается по решению ученого совета
Института языка имени Р. Ачаряна
Академии наук Армянской ССР

Редактор издательства *Р. А. Штибен*
Худож. оформление *К. К. Кафадаряна*
Техн. редактор *С. К. Закарян*
Корректор *М. Г. Геворкян*

ВФ 04008

Заказ 345 изд. № 796 РИСО 1024 Тираж 1000

Сдано в набор 28. V. 1973 г., подписано к печати 20.XII.1974 г., печ. 34,0 л. изд. 29,2 л., бумага № 1, 60×90¹/₁₆. Цена 3 р. 16 к.

Издательство АН АрмССР, Ереван—19, Барекамутян, 24 г.
Типография издательства Академии наук Армянской ССР,
Ереван, Барекамутян 24

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏԱԿԱՆ ԳԻՏ. ԳՐԱԴ.
FL0293894

II
P 348635